

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Выпуск посвящается
70-летию Великой Победы*

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (65)

ОРЕЛ – 2015

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 2 (65)**

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Хованская Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии), Александрова А.П., Алексеев А.П., Арсентьева Н.Н., Аронова С.А., Видмарович Н.П., Гайдар В.А., Гелла Т.Н., Иванов А.Е., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Ламан Н.А., Львова С.И., Маймекулова А.Л., Никифоров В.А., Оскотская Э.Р., Пастернак Е.Л., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Погосян В.А., Т. Поншон, Савина Е.А., Самбетбаев А.А., Сискос Е., Софиадис Н., Суяркулов Ш.Р., Тамин М., Уман А.И., Чекова-Демитрова И., Чельышева И.И., Ши Хуншен, Ямагучи Р.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Хованская Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии), Александрова А.П., Антонова М.В., Арсентьева Н.Н., Видмарович Н.П., Зайченкова М.С., Изотов В.П., Литвин Ф.А., Маймекулова А.Л., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Новиков С.Н., Погосян В.А., Поншон Т., Ретинская Т.И., Савина Е.А., Серегина Т.В., Тамин М., Тер-Минасова С.Г., Тюрикова Г.Н., Чекова-Демитрова И., Ши Хуншен, Ямагучи Р.

Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2015. – №2(65). – 379 с.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:

01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

**SCIENTIFIC NOTES
OF OREL STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**Vol.2
No.65**

OREL – 2015

SCIENTIFIC NOTES

OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol.2 - No.65

Editorial board:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Khovanskaya E.A. (technical secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Alekseev A.P., Arsent'yeva N.N., Aronova S.A., Vidmarovich N.P., Gaydar V.A., Gella T.N., Ivanov A.E., Isayeva N. I., Kapustin A.Ya., Laman N.A., L'vova S.I., Maymeskulova A.L., Nikiforov V.A., Oskotskaya E.R., Pasternak E.L., Pakhar' L.I., Piven' V.F., Pogosyan V.A., Ponshon T., Savina E.A., Sambetbayev A.A., Siskos E., Sophiadis N., Suyarkulov Sh.P., Tamin M., Uman A.I., Chekova-Demirova I., Chelysheva I.I., Shi Hunshen, Yamaguchi R.

Series «Humanities and social sciences»

Publishing board of the series:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Khovanskaya E.A. (technical secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Antonova M.V., Arsent'yeva N.N., Vidmarovich N.P., Zaychenkova M.S., Izotov V.P., Litvin F.A., Maymeskulova A.L., Minakov S.T., Mikheicheva E.A., Novikov S.N., Pogosyan V.A., Ponshon T., Retinskaya T.I., Savina E.A., Seregina T.V., Tamin M., Ter-Minasova S.G., Tyurikova G.N., Chekova-Demirova I., Shi Hunshen, Yamaguchi R.

Scientific Notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences»: scientific journal. – Orel: FSBEI HPE «Orel State University». – 2015. – №2(65) – 379 p.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science the journal "Scientific Notes of Orel State University" is included in the list of leading reviewed scientific journals and publications, in which the scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences in the following branches of scientific specialties should be published: 01.00.00 – physical and mathematical sciences; 02.00.00 – chemical sciences; 03.00.00 – biological sciences; 06.00.00 – agricultural sciences; 07.00.00 – historical sciences; 08.00.00 – economic sciences; 09.00.00 – philosophical sciences; 10.00.00 – philological sciences; 12.00.00 – science of law; 13.00.00 – pedagogical sciences; 14.00.00 – medical sciences; 17.00.00 – art criticism; 19.00.00 – psychological sciences; 25.00.00 – sciences about the earth.

The founder –

FSBEI HPE "Orel State University"

Editorial Office address: 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95

Orel State University

Editorial Office of the magazine "Scientific notes of OSU"

E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

Содержание

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>И.В. Кометчиков</i> БУДНИ И РЕФОРМЫ СЕЛЬСОВЕТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ 1945-НАЧАЛА 1960-Х ГГ.	11
<i>А.И. Перелыгин</i> ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	17
<i>Е.Г. Путилова</i> «ЭВОЛЮЦИЯ» БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА: ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ONLINE-ИНТЕРВЬЮ.....	22
<i>Г.П. Сидоровин</i> КОНФЛИКТ П.А. СТОЛЫПИНА С НИКОЛАЕМ II: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ГИБЕЛИ МОНАРХИИ	27
<i>Е.Е. Щекотихин</i> СОЦИУМ ДОВОЕННОЙ И ПОСЛЕВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	32

08.00.00 – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>С.Н. Абакумов</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА В РФ НА ОСНОВЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ВСЕМИРНОЙ ТУРИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....	38
<i>Филипп Бюри</i> НОВАЯ ЕДИНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА НА 2015-2020 ГГ. И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ВАЛЛОНИИ	42
<i>А.Л. Гнеушева</i> РОЛЬ ФИНАНСОВО-РАСЧЕТНЫХ ЦЕНТРОВ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА СОГЛАСОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.....	45
<i>И.В. Лукашенко</i> ОБОСНОВАНИЕ ПРИРОДЫ УГЛЕРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ РЫНОЧНОЙ ПРАКТИКИ	49
<i>В.М. Мелкумян</i> К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИСХОДНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ТЕОРИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА	53
<i>С.Ю. Новакова</i> СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ ГОРОДА ОРЛА.....	58

09.00.00 – ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Д.П. Александрова</i> ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ БИОЭТИКИ	65
<i>М.А. Бочанов, Е.Е. Чернухина</i> ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ – РОССИЙСКИЙ ОПЫТ И МИРОВАЯ ПРАКТИКА.....	70
<i>Н.И. Голигузова</i> ДУХОВНОСТЬ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИЙ «РАВНОДУШИЕ» И «АБСУРД»	76
<i>С.Н. Минин</i> ЕПАРХИЯ И УНИВЕРСИТЕТ: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.....	80
<i>В.Ф. Ницевич, В.В. Мусеев, В.Н. Прокуратов</i> К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В РОССИИ.....	84
<i>Ю.О. Погорельцева</i> СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В ПЕРИНАТАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ.....	89
<i>А.В. Поздняков</i> КАНОНИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦЕРКОВНОГО ДРЕСС-КОДА.....	92
<i>С.Г. Савицкий</i> ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ РУСИ НА СОДЕРЖАНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА	97
<i>Ж.А. Цуканова</i> ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ЭТИКИ ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	101
<i>В.В. Чернышенко</i> СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ «КЛАССИЧЕСКИХ» МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР.....	105

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Л.В. Алешина</i> ФОРМУЛЫ ОБРАЩЕНИЯ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Н.С. ЛЕСКОВА	109
<i>Т.В. Бахвалова</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ.....	116
<i>А.Ю. Бушунов</i> КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ЛИРИКЕ АНДРЕЯ ВАСИЛЕВСКОГО (ПО СБОРНИКУ 2013 ГОДА «ТРОФЕЙНОЕ ОРУЖИЕ»).....	122
<i>А.В. Клочков</i> НЕПЕРЕВОДИМЫЙ ШУКШИН: ОПЫТ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА	127
<i>С.А. Колесников</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТИ В. В. МАЯКОВСКОГО В БИОГРАФИКЕ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА	131
<i>О.А. Лардыгина</i> НЕИЗБЕЖНОСТЬ ОДИНОЧЕСТВА НА ПРИМЕРЕ ЮНОГО ПОКОЛЕНИЯ ГОЛОВЛЕВЫХ ПО РОМАНУ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА	135
<i>Н.А. Меркульева</i> ИДЕЯ ВЕЧНОГО ОБНОВЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ И.С. ТУРГЕНЕВА И М.М. ПРИШВИНА	137
<i>Е.А. Михеичева</i> ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В РОМАНЕ П.Л. ПРОСКУРИНА «ЧИСЛО ЗВЕРЯ»	141

А.Р. Попова ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА.....	144
Т.И. Ретинская СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: МИШЕЛЬ ТАМИН.....	148
Мишель Тамин УСТНЫЙ И ПИСЬМЕННЫЙ ВАРИАНТЫ ФРАНЦУЗСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА ДЕПАРТАМЕНТА АРДЕННЫ (ФРАНЦИЯ).....	150
И.В. Тимошенко ОПЫТ АНАЛИЗА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АРТИКЛЕЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ).....	161
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
А.В. Агаева ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА	166
А.П. Александрова ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ И ВТОРАЯ ПОПРАВКА К КОНСТИТУЦИИ США	169
О.Е. Алексикова ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ ЛИЦАМИ, УВОЛЕННЫМИ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	173
М.В. Барышников, В.В. Вдовиченко ОРГАНИЗАЦИЯ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ – НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ИХ НАРУШЕНИЯМ.....	178
М.Н. Васильева НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЗАРАБОТКА.....	185
С.В. Васюков ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОТНИКОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ К ДРУГОМУ РАБОТОДАТЕЛЮ ПО ДОГОВОРУ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА.....	190
О.С. Внукова, В.А. Никифоров МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ	193
С.Г. Гонтарь ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА ПРАВОТВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	197
М.Ю. Горлач, Н.А. Даньшина ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ.....	199
Н.Ю. Давыдова К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ В РОССИИ АВТОРСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	202
Н.А. Даньшина МЕСТО ДОГОВОРНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА	205
Н.А. Даньшина СВЯЗЬ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ДОГОВОРНОГО ПРАВА	208
К.В. Казарян ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	211
В.В. Клевцов, Д.А. Байдиков ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА И ДАННЫЕ О СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ И СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАПРЕЩЕННЫХ КУРИТЕЛЬНЫХ СМЕСЕЙ.....	215
Н.А. Коновалов К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ СЛУЧАЕВ, НЕ ТЕРПЯЩИХ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА	218
Е.В. Марковичева ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОСУДИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	220
А.В. Меркулова ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ КАТЕГОРИИ «ПРАВОСУДИЕ»	223
Ю.В. Мишина ПРИМЕНЕНИЕ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	225
К.И. Поляков, В.А. Никифоров ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО МОРСКОГО ПРАВА	229
Н.В. Спесивов НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО	232
В.А. Телегина К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ	235
А.Ю. Хабарова ЗАЩИТА ПРАВ РЕБЕНКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ	239
13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Е.А. Алдошина, А.В. Алдошин, Л.И. Иванина МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СПОРТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ.....	245
Е.Н. Алексеева РАЗВИТИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	251
В.В. Гижицкий, Т.О. Гордеева СТРАТЕГИИ УЧЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК МЕДИАТОРЫ ВЛИЯНИЯ МОТИВОВ НА АКАДЕМИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ	253
Л.И. Губарева, Т.А. Сенькина, И.С. Калугина ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МАЛОГО ГОРОДА.....	260
Е.Ф. Дудина, Е.Н. Пузанкова, Е.А. Хованская, А.В. Тришкин НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ЭЛЕКТРОННОЙ ОТЧЕТНОСТИ О НАУЧНОЙ РАБОТЕ В ВУЗЕ» В РЯДУ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФГБОУ ВПО «ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» ЗА 2014 ГОД.....	263

Н.И. Евсеева АКТИВИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ПРОЕКТА	268
П.А. Ковешников ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРОВ ДИЗАЙНА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДИСЦИПЛИН	271
Е.А. Кошелева, О. В. Тарасова СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ НА ОСНОВЕ ОВЛАДЕНИЯ ЭВРИСТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ	274
В.Н. Макарова ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	280
П.И. Образцов, Н.В. Фролова ФОРМИРОВАНИЕ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ ЦЕНТРИРОВАННОГО НА ОБУЧАЮЩЕМСЯ ПОДХОДА	286
Ш.В. Тагирова РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ	290
О.М. Тамбовский НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РФ	296
О.Ф. Турянская МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ	300
А.Ю. Фролов, И.М. Туревский, Г.А. Петрушина ОБУЧЕНИЕ ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ В ПРОЦЕССЕ РОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИКИ	306
А.Е. Щеглова ОТНОШЕНИЕ К ПООЩРЕНИЯМ И НАКАЗАНИЯМ ПЕДАГОГОВ И МЫСЛИТЕЛЕЙ СТРАН ЗАПАДА И ВОСТОКА XVIII-XIX вв.	312
17.00.00 - ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
М.В. Антонова, М.А. Комова О ПРОТОГРАФЕ СКУЛЬПТУРЫ СВ. НИКОЛЫ РАТНОГО, УПОМЯНУТОЙ В «СКАЗАНИИ О НИКОЛЕ МЦЕНСКОМ»	317
И.В. Злотникова, М.А. Комова СИНОДИК КАРАЧЕВСКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИКОНОГРАФИИ МЕСТОЧИМНЫХ СВЯТЫХ ТИХОНИЯ И АРСЕНИЯ, КАРАЧЕВСКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ	320
А.И. Ковешников, Н.А. Ковешникова КРИЗИС ФУНКЦИОНАЛИЗМА И СМЕНА ПАРАДИГМЫ В ДИЗАЙНЕ НА РУБЕЖЕ 1960-Х – 1970-Х гг.	323
М.А. Комова УТРАЧЕННАЯ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА СВ. НИКОЛЫ НОВОСИЛЬСКОГО ДОБРОГО: ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ, ИКОНОГРАФИЯ И СТИЛИСТИКА	327
Л.В. Малацай, Д.Д. Алешина СТИХОТВОРЕНИЯ Ф.И. ТЮТЧЕВА И А.А. ФЕТА В МУЗЫКАЛЬНОМ ПРОЧТЕНИИ Н.К. МЕТНЕРА	330
Е.В. Миронова ГРАФИКА: ОТ НАСКАЛЬНОЙ ДО ТЕХНИЧЕСКОЙ. ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ МЫСЛЕФОРМЫ	335
Ю.И. Пилогайцева ТЕОРИЯ ЦВЕТА ВАСИЛИЯ КАНДИНСКОГО	337
Д.Ю. Фурманская ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ НАРОДНОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ОРЛОВЩИНЫ В ДЕТСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ШКОЛАХ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	340
19.00.00 - ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Д.В. Кукушкин, Т.А. Кузнецова, Т.М. Нечаева НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА: ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПЕДИАТРОВ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЗАПРОСОМ И ОЖИДАНИЯМИ РОДИТЕЛЕЙ	343
Ю.Ю. Пашкова, Е.А. Савина ТИПОЛОГИЯ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ РЕБЕНКА, ВЫВЛЯЕМЫХ С ПОМОЩЬЮ СКАЗОЧНОГО ПРОЕКТИВНОГО ТЕСТА	346
Е.А. Савина, Г.Д. Кириллова ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В ТРУДАХ Л.С. ВЫГОТСКОГО	352
М.В. Сергеева ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК НА СИСТЕМУ ОТНОШЕНИЙ ПРИ СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ	358
А.С. Фетисова ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И САМООЦЕНКИ У ДЕТЕЙ С ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДИСПЕРЕСИЕЙ	362
Е.Н. Черкасова, Т.А. Кузнецова АНКЕТИРОВАНИЕ ПЕДИАТРОВ: АНАЛИЗ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ, ЛЕЧЕБНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ОТНОСИТЕЛЬНО ОСТРОГО ТОНЗИЛЛИТА У ДЕТЕЙ	366
О.Ф. Чернichenko СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА К ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	371
РЕЦЕНЗИИ	
П.А. Ковалев	374
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ	376
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ	377
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ	378

CONTENTS

07.00.00 – HISTORICAL SCIENCES

I.V. Kometchikov

DAILY ROUTINE AND REFORMS OF VILLAGE COUNCILS IN CENTRAL NECHERNOZEMYE IN 1945-THE BEGINNING OF THE 1960TH.....11

A.I. Perelygin

PATRIOTIC ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE TERRITORY OF OREL REGION DURING THE WORLD WAR II

E.G. Putilova

THE EVOLUTION OF THE BIOGRAPHIC METHOD: THE PECULIARITIES OF THE ONLINE-INTERVIEW METHOD

G.P. Sidorovnina

THE CONFLICT BETWEEN PYOTR STOLYPIN AND NIKOLAY II: PROLEGOMENA TO THE FALL OF THE MONARCHY

E.E. Schekotichin

THE SOCIETY OF PRE-WAR AND POST-WAR SOVIET VILLAGE (ON THE EXAMPLE OF OREL REGION).....32

08.00.00 – ECONOMIC SCIENCES

S.N. Abakumov

THE ECONOMIC EFFECT OF INTERNATIONAL TOURISM IN RUSSIAN FEDERATION BASED ON STATISTICAL DATA OF THE WORLD TOURISM ORGANIZATION

Philip BYURNI

NEW UNIFORM ENVIRONMENTAL AGRICULTURAL POLICY FOR 2015-2020 AND ITS REALIZATION IN WALLONIA

A.L. Gneusheva

THE ROLE FINANCIALLY-FINANCIAL SETTLEMENTS CENTERS IN FUNCTIONING OF THE MECHANISM OF THE COORDINATION OF ECONOMIC INTERESTS OF SUBJECTS OF AGROINDUSTRIAL ASSOCIATIONS.....45

I.V. Lukashenko

NATURE OF CARBON INSTRUMENTS JUSTIFICATION BASED ON MARKET PRACTICES.....49

V.M. Melkumian

TO THE CHARACTERISTICS OF THE ORIGINAL DEFINITIONS OF THE THEORY OF CONSUMER DEMAND.....53

S.Y. Novakova

STATUS, PROBLEMS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF REAL ESTATE MARKET OF OREL.....58

09.00.00 – PHILOSOPHICAL SCIENCES

D.P. Alexandrova

DEONTOLOGICAL PROBLEMS IN THE CONTEXT OF BIOETHICS.....65

M.A. Bochanov, E.E. Chernukhina

THE VOLUNTEER MOVEMENT – THE RUSSIAN EXPERIENCE AND WORLD PRACTICE.....70

N.I. Goliguzova

SPIRITUALITY AS A WAY OF CREATING CATEGORIES OF «INDIFFERENCE» AND «ABSURD»

S.N. Minin

DIOCSE AND UNIVERSITY: THE EXPERIENCE OF REGIONAL COOPERATION.....80

V.F. Nitsevich, V.V. Moiseyev, V.N. Prokuratorov

TO THE QUESTION ABOUT COUNTERACTION OF CORRUPTION IN RUSSIA

Yu.O. Pogoreltseva

SPECIFICS OF ACTIVITY OF THE SPECIALIST IN SOCIAL WORK IN THE PRENATAL CENTER.....89

A.V. Pozdnyakov

CANONICAL AND CULTURAL FOUNDATION OF THE CHURCH DRESS CODE

S.G. Savitskiy

THE INFLUENCE OF RUSSIA RELIGIOUS LIFE ON CONTENT OF THE OLDEST SLAVIC MONUMENT OF CANON LAW

Z.A. Tsukanova

NATURE AND ESSENCE OF BUSINESS ETHICS

V.V. Chernyshenko

THE NATURE AND CHARACTERISTICS OF «CLASSIC» YOUTH SUBCULTURES

105

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES

L.V. Aleoshina

FORMS OF ADDRESS IN N.S. LESKOV'S EPISTOLARY HERITAGE.....109

T.V. Bakhvalova

LINGUISTIC REGIONAL STUDIES: FROM TEACHING EXPERIENCE.....116

A.Yu. Bushunov

CULTURAL CODES IN ANDREI VASILEVSKY'S LYRICS (BY COLLECTION OF 2013 "TROPHY WEAPON").....122

A.V. Klochkov

UNTRANSLATABLE SHUKSHIN: THE EXPERIENCE OF LINGUOSTYLISTIC CONTRASTIVE ANALYSIS OF ORIGINAL AND TRANSLATION

S.A. Kolesnikov

CONCEPTUAL ASPECTS OF THE IDENTITY OF V. V. MAYAKOVSKY IN V.F. KHODASEVICH'S BIOGRAPHICS.....131

O.A. Lardygina

THE INEVITABILITY OF LONELINESS ON THE EXAMPLE OF GOLOVLEVS' YOUNG GENERATION BY THE NOVEL OF SALTYKOV-SCHEDRIN

N.A. Merkurjeva

THE IDEA OF ETERNAL RENEWAL IN I. S. TURGENEV AND M. M. PRISHVIN'S PHILOSOPHY.....137

E.A. Mikheicheva

HISTORY AND MODERNITY IN P.L. PROSKURIN'S NOVEL "NUMBER OF THE BEAST"

A.R. Popova

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL COMPLEX AT THE INTERSECTION OF SEMANTIC RELATIONS
IN THE LEXICAL-PHRASEOLOGICAL-SEMANTIC SYSTEM OF THE LANGUAGE

T.I. Retinskaya

MODERN FRENCH DIALECTOLOGY: MICHEL TAMINE

148

<i>Michel Tamine</i> ORAL REGIONAL FRENCH AND WRITTEN REGIONAL FRENCH IN THE DEPARTMENT OF ARDENNES (FRANCE)	150
<i>I.V. Timoshenko</i> THE FUNCTIONING OF THE ARTICLES IN THE ENGLISH LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF PARALLEL TEXTS)	161
12.00.00 - SCIENCE OF LAW	
<i>A.V. Agaeva</i> STATE AND LEGAL MEASURES OF STRUGGLING WITH MINORS' CRIMES IN THE 20-IES OF THE XX CENTURY	166
<i>A.P. Alexandrova</i> FIREARMS AND THE SECOND AMENDMENT TO THE U.S. CONSTITUTION	169
<i>O.E. Aleksikova</i> ABOUT URGENT PROBLEMS OF REALIZATION OF THE RIGHTS TO HOUSING BY THE PERSONS DISCHARGED FROM MILITARY SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERTION	173
<i>M.V. Baryshnikov, V.V. Vdovichenko</i> TRAFFIC - NORMATIVE LEGAL REGULATION AND PROBLEMS OF PROOVING THEIR VIOLATIONS	178
<i>M.N. Vasilyeva</i> SOME ASPECTS OF THE ALTERATIONS IN THE LAW OF AVERAGE WAGE CALCULATION	185
<i>S.V. Vasyukov</i> LEGAL STATUS OF THE WORKERS DIRECTED TO OTHER EMPLOYER UNDER THE CONTRACT OF GRANTING THE PERSONNEL	190
<i>O.S. Vnukova, V.A. Nikiforov</i> INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS	193
<i>S.G. Gontar</i> INFLUENCE OF REGIONAL BODIES OF THE FEDERAL GOVERNMENT ON LEGISLATIVE ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENTS	197
<i>M.Yu. Gorlach, N. A. Danshina</i> AT LEGAL REGULATION OF PUBLIC SERVICE ADVERTISEMENT	199
<i>N.Y. Davidova</i> THE QUESTION OF THE APPEARANCE OF THE COPYRIGHT LEGAL RELATIONSHIPS IN RUSSIA	202
<i>N.A. Danshina</i> THE PLACE OF CONTRACT LAW IN THE SYSTEM OF LAW BRANCHES	205
<i>N.A. Danshina</i> THE CONNECTION BETWEEN CONTRACT LAW AND CIVIL LAW	208
<i>K.V. Kazaryan</i> PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE FIELD OF LABOR MIGRATION: TEORETIKO-RIGHT AND THE PRACTICAL ANALYSIS	211
<i>V.V. Klevtsov, D.A. Badikov</i> THE SUBJECT OF CRIMINAL ASSAULT AND DATA ABOUT HOW THE COMMISSION AND CONCEALMENT OF CRIMES RELATED TO THE DISTRIBUTION OF PROHIBITED SMOKING MIXTURES	215
<i>N.A. Konovalov</i> TO THE QUESTION OF REGULATION IN THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF URGENCY CASES IN RUSSIA	218
<i>E.V. Markovicheva</i> RESTORATIVE MODEL OF JUVENILE JUSTICE	220
<i>A.V. Merkulova</i> LEGAL UNDERSTANDING OF THE CATEGORY OF 'JUSTICE'	223
<i>Y.V. Mishina</i> APPLICATION OF SEPARATE MEASURES OF THE EXECUTION OF CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES CONCERNING THE MINORS BY THE STAFF OF LAW-ENFORCEMENT BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION	225
<i>K.I. Polyakov, V.A. Nikiforov</i> PRINCIPLES OF THE INTERNATIONAL SEA LAW	229
<i>N.V. Spesivov</i> SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTATING INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS STANDARDS IN THE RUSSIAN LEGISLATION	232
<i>V.A. Telagina</i> ABOUT THE QUESTION OF ESTABLISHING AN INSTITUTION OF INVESTIGATING JUDGES	235
<i>A.Yu. Habarova</i> PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE CHILD IN INTERNATIONAL LAW	239
13.00.00 - PEDAGOGICAL SCIENCES	
<i>E.A. Aldoshina, A.V. Aldoshin, L.I. Ivanina</i> MECHANISMS OF DEVELOPMENT OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP IN SPORTS INFRASTRUCTURE	245
<i>E.N. Alekseeva</i> DEVELOPMENT OF DISTANCE LEARNING AND THE PROBLEMS OF DISTANCE-LEARNING TECHNOLOGIES' IMPLEMENTATION IN HIGHER EDUCATION AT THE PRESENT STAGE OF MODERNIZATION OF RUSSIAN EDUCATION	251
<i>V.V. Gzhitsky, T.O. Gordeeva</i> ACADEMIC BEHAVIOR STRATEGIES AS MEDIATORS OF MOTIVES' INFLUENCING THE ACADEMIC ACHIEVEMENT	253
<i>L.I. Gubareva, T.A. Senkina, I.S. Kalugina</i> PARADIGM OF DEVELOPMENT OF THE HIGHEST PROFESSIONAL EDUCATIONS IN THE CONDITIONS OF THE SMALL CITY	260
<i>E.F. Dudina, E.N. Puzankova, E.A. Khovanskaya, A.V. Trishkin</i> THE SCIENTIFIC PROJECT "DESIGN AND REALIZATION OF SYSTEM OF PREPARATION OF THE ELECTRONIC REPORTING ON SCIENTIFIC WORK IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION" AMONG RESULTS OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF FSBEI HPE "OREL STATE UNIVERSITY" FOR 2014	263
<i>N.I. Evseyeva</i> ACTIVATION OF STUDENTS' INDEPENDENT ACTIVITY AT THE LESSONS OF THE FOREIGN LANGUAGE USING THE PROJECT METHOD	268
<i>P.A. Koveshnikov</i> THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF BACHELORS OF DESIGN IN THE STUDY OF SPECIAL ARTISTIC DISCIPLINES	271
<i>E.A. Kosheleva, O.V. Tarasova</i> MODERN APPROACHES TO THE MATHEMATICS TRAINING TECHNIQUE OF HIGHER SCHOOLS STUDENTS BASING ON HEURISTIC METHODS MASTERING	274

<i>V.N. Makarova</i> UPBRINGING PROCESS IN A MODERN UNIVERSITY: PROBLEMS AND SOLUTIONS	280
<i>P.I. Obraztsov, N.V. Frolova</i> FORMING SPECIALISTS TO BE MOTIVATION TO STUDYING A FOREIGN LANGUAGE BY USING TEACHING TECHNOLOGY BASED ON LEARNER CENTERED APPROACH	286
<i>Sh.V. Tagirova</i> THE LATEST TRENDS IN FRENCH HIGHER EDUCATION	290
<i>O.M. Tambovskiy</i> SOME AREAS OF RUSSIAN NATIONAL SCHOOL IN THE MODERN EDUCATIONAL AND LEGAL SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION	296
<i>O.F. Turyanskaya</i> THE MODEL OF THE PUPIL'S PERSONALITY AS A THEORETICAL BASIS OF THE APPLICATION OF SYSTEMATIC-ACTIVITY APPROACH TO TEACHING	300
<i>A.Yu. Frolov, I.M. Turevsky, G.A. Petrushina</i> TEACHING OF DIAGNOSTIC WORK IN PHYSICAL EDUCATION IN THE VOCATIONAL TRAINING OF PEDAGOGY BACHELORS	306
<i>A.E. Scheglova</i> ATTITUDE TO ENCOURAGEMENT AND PUNISHMENT OF TEACHERS AND THINKERS OF THE WESTERN AND EASTERN COUNTRIES IN THE XVIII-XIX CENTURIES	312
17.00.00 – ART CRITICISM	
<i>M.V. Antonova, M.A. Komova</i> ABOUT THE PHOTOGRAPHY OF THE SCULPTURE OF ST. NIKOLA FEAT MENTIONED IN THE «LEGEND ABOUT NIKOLA MTSSENSK»	317
<i>I.V. Zlotnikova, M.A. Komova</i> THE SYNODIC KARACHEVSKY RESURRECTION MONASTERY AS A SOURCE FOR THE ICONOGRAPHY OF LOCALLY VENERATED SAINTS TIKHON AND ARSENY, KARACHEVSKY MIRACLE	320
<i>A.I. Koveshnikov, N.A. Koveshnikova</i> THE CRISIS OF THE FUNCTIONALISM AND CHANGE OF THE PARADIGM IN DESIGN AT THE BOUNDARY OF THE 1960TH – THE 1970TH	323
<i>M.A. Komova</i> THE LOST MIRACULOUS ICON OF ST. NICHOLAS NOVOSILSKI «GOOD»: WRITTEN SOURCES, ICONOGRAPHY AND STYLE	327
<i>L.V. Malatsay, D.D. Aleshina</i> POEMS BY F.I. TYUTCHEV AND A.A. FET IN MUSICAL PERUSAL OF N.K. MEDTNER	330
<i>E.V. Mironova</i> GRAPHICS: FROM PETROGLYPHIC TO THE TECHNICAL. EVOLUTIONARY WAY OF DEVELOPMENT OF A THOUGHT FORM	335
<i>J.I. Pilygaiteva</i> WASSILY KANDINSKY'S COLOR THEORY	337
<i>D.Yu. Furmanskaja</i> THE REVIVAL OF THE TRADITIONS OF FOLK ARTS AND CRAFTS OF OREL REGION IN CHILDREN'S ART SCHOOLS OF OREL REGION	340
19.00.00 – PSYCHOLOGICAL SCIENCES	
<i>D.V. Kukushkin, T.A. Kuznetsova, T.M. Nekhayeva</i> PSYCHOLOGICAL DEVELOPMENT OF YOUNG CHILDREN: DIAGNOSTIC INSTALLATION OF PEDIATRICIANS IN RELATION TO THE NEEDS AND EXPECTATIONS OF PARENTS	343
<i>U.Y. Pashkova, E.A. Savina</i> THE TYPOLOGY OF CHILD DEFENSE MECHANISMS IDENTIFIED WITH THE PROJECTIVE FAIRY TALE TEST	346
<i>E.A. Savina, G.D. Kirillova</i> THE PROBLEM OF SELF-REGULATION IN L.S. VYGOTSKIY'S WRITINGS	352
<i>M.V. Sergeeva</i> THE INFLUENCE OF SOCIAL ATTITUDES' FEATURES TOWARDS THE SYSTEM OF RELATIONSHIP WITH THE STATE OF ALCOHOLIC DEPENDENCE	358
<i>A.S. Fetisova</i> CHARACTERISTICS OF FAMILY RELATIONS AND SELF-RATING OF CHILDREN WITH FUNCTIONAL DYSPEPSIA	362
<i>E.N. Chercasova, T.A. Kuznetsova</i> QUESTIONING OF THE PEDIATRICIANS: ANALYSIS OF THE DIAGNOSTIC, THERAPEUTIC AND PSYCHOLOGICAL ATTITUDES CONCERNING THE ACUTE TONSILLITIS BY THE CHILDREN	366
<i>O.F. Chernichenko</i> MODERN PROBLEMS OF COMPETENCE-BASED APPROACH TO THE TRAINING OF SPECIALISTS IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION	371

I.V. КОМЕТЧИКОВ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

E-mail: kometchikov.igor@mail.ru

I.V. KOMETCHIKOV

Candidate of History, Associate Professor, Department of history, department Kaluga State University named after

K. Tsiolkovsky

E-mail: kometchikov.igor@mail.ru

БУДНИ И РЕФОРМЫ СЕЛЬСОВЕТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ 1945-НАЧАЛА 1960-Х ГГ.**DAILY ROUTINE AND REFORMS OF VILLAGE COUNCILS IN CENTRAL NECHERNOZEMYE IN 1945-THE BEGINNING OF THE 1960TH**

Статья посвящена функционированию и реформам сельских Советов Центрального Нечерноземья 1945-начала 1960-х гг. Сопоставление формальной и повседневной сторон их деятельности, а также подвижек правового статуса говорит о консервации места сельсоветов в управлении селом и после реформ середины 1950-х гг. как зависимых от районной власти, сдерживании их потенциала органов сельского самоуправления.

Ключевые слова: село Центрального Нечерноземья, сельские Советы, механизм власти, реформы, органы власти, сельское самоуправление, повседневность.

The article is dedicated to the subject of functioning and reforms of village Councils in Central Neschernozem region in 1945-the beginning of the 1960th. The comparison between a formal side and a daily side of their functioning as well as the movements of the legal status say about the conservation of the place that village Councils took in the process of managing by the countryside and after the reforms of the middle of the 1950th as dependent from the district authority, and about keeping their potential by the self-management authority in the countryside.

Keywords: a village of Central Neschernozem region, village Councils, the mechanism of managing, reforms, authorities, a village self-management, daily routine.

Привлечение населения к деятельности низовых Советов в послевоенные годы было одним из самых широких каналов политической мобилизации. С официальной точки зрения, оно свидетельствовало об «истинном демократизме» и поддержке обществом политики правительства и определялось в работах советских историков, правоведов, депутатов местных Советов как «неотъемлемая черта социалистической, подлинно народной демократии». Современные авторы считают Советы подконтрольными или сращенными с партийным аппаратом, а участие в их деятельности широких слоев общества – ритуалом, легитимирующим сложившийся порядок. Однако, несмотря на то, что с низовыми Советами изо дня в день соприкасалось значительное число населения, немного известно об их повседневном функционировании. Сама верховная власть отнюдь не считала его раз и навсегда определенным, разработав в послевоенные годы несколько вариантов реформ. Ключевым для понимания реформирования, его влияния на место сельсоветов в механизме управления деревней может стать выяснение соотношения в их деятельности формальной и повседневной сторон, функций органов государственной власти и местного самоуправления. В данной статье эти вопросы исследуются на материале Центрального Нечерноземья 1945-начала 1960-х гг.

К окончанию войны сельсоветы, как и другие со-

ветские и партийные органы на местах, особенно в областях, подвергавшихся оккупации, потеряли большую часть довоенного состава. На 1 января 1945 г. в сельских Советах РСФСР числилось 38,4% депутатов, избранных в декабре 1939 г., недепутатами «своих» Советов были 65,5% их председателей, 30,2% заместителей председателя, 75,8% секретарей, 48,5% исполкомов. Сами сельсоветы на две трети состояли из членов исполкомов [2, д. 54, л. 1, 2, 8]. К 1 января 1947 г. из состава депутатов сельских и поселковых Советов, избранных в 1939 г., осталось лишь 45,7%, депутатами являлись 32,8% их председателей. В Великолукской области депутатами сельсоветов были 20,9% их председателей, в Рязанской области – 53,2%, в Московской – 41,1% [там же, д. 55, л. 5]. С одной стороны, остроту нехватки кадров понизил приток на советскую работу значительного числа демобилизованных. На 1 января 1947 г. 52% председателей сельских и поселковых Советов РСФСР являлись вчерашними фронтовиками, в Брянской области их было 77,3% [там же, л. 2, 4, 5, 6]. С другой – значительное число людей в гимнастерках закрепило «военизированную» практику их работы. Органы прокуратуры Смоленской области за 1944 - май 1945 г. получили около 20 тыс. жалоб, вынесли 1559 протестов и 1374 представления о нарушении законности РИКами и исполкомами сельсоветов, в основном – о незаконных обысках, изъятии имущества и скота, угрозах оружием,

наложении штрафов, незаконных мобилизациях населения [1, д. 1854, л. 103 об., 104 и об., 105 и об., 106 и об., 108, 111 и об., 112-113, 121 и об.].

Преобладание «исполнительно-распорядительной» функции потеснило такие формы работы сельсоветов, как созыв и проведение сессий, деятельность постоянных комиссий, отчетность депутатов перед избирателями и т.д., а во многом и вовсе лишило их значения. В первом полугодии 1945 г. лишь 71,3% сельских и поселковых Советов РСФСР созывали сессии, из них в сроки, установленные конституцией (не реже раза в месяц) – 19,5%, во втором полугодии – 70,8% и 21,4%, в первом полугодии 1946 г. – 77,1% и 28,3%, во втором полугодии 1946 г. – 79,9% и 26,3% соответственно. Из требовавшегося по конституционной норме количества сессий, сельские и поселковые Советы республики в 1946 г. провели 46,6% [2, д. 55, л. 12, 27, 29]. Подавляющее большинство постоянных комиссий сельсоветов были малоработоспособными по составу. В 1945 г. в постоянной комиссии сельсовета РСФСР в среднем состояло 1,1 депутата, в 1946 г. – 1 [2, д. 55, л. 16]. Невысокого мнения о работе сельсоветов были руководящие советские работники. Такое функционирование сельсоветов во многом задавалось верховной властью.

Правовой статус и практика функционирования сельсоветов оформились до войны на базе доминирования функций органов государственной власти над функцией сельского самоуправления. Как и другие местные Советы, они были обязаны согласовывать с вышестоящим Советом «план хозяйственного и социально-культурного строительства» и бюджет. Облисполком ежегодно вносил на рассмотрение сессии областного Совета проект бюджета области в объеме, установленном законом ВС РСФСР и утвержденном СМ РСФСР. Его обсуждение носило формальный характер, так как сессия не могла увеличить по сравнению с утвержденными ни размеры фондов заработной платы, ни объем капиталовложений, ни сеть подведомственных учреждений, даже если в течение года бюджет пополнится неплановыми доходами, и т.д. То же происходило на сессиях районных и сельских Советов. Предмет ведения сельсовета Положение о сельсоветах от 1 января 1931 г. определяло с высокой степенью детализации [9, с. 142-145], но не оговаривало процедур реализации функций, что порождало спектр вариантов их понимания работниками РИКов и сельсоветов. Так, обследования конца 1940-х - начала 1950-х гг. показали, что одни сельсоветы пытались «давать колхозам руководящие указания, как им выполнить государственное задание», чего «не могла обеспечить структура советских районных организаций» [3, д. 287, л. 2-5], а другие не делали этого из-за укрупнения колхозного производства [там же, д. 152, л. 14-15; 13, д. 924, л. 54; д. 925, л. 6-7].

Другой основной заботой сельсоветов были ремонт и содержание объектов социально-культурной инфраструктуры села, поглощавшие львиную долю их бюджета. Часть его составляли доходы от имущества и предприятий самого сельсовета, а также отчисления

от собираемых на его территории государственных и местных налогов, платежей и займов. Размер отчислений определял РИК с учетом разницы между доходами сельсовета от собственных источников и расходами. Скудость бюджета заставляла руководство сельсоветов обращаться к администрациям предприятий, колхозов, сельпо и других организаций, помощь которых в значительной мере определяла состояние социально-культурной инфраструктуры села. При этом депутаты и актив сельсоветов почти повсеместно вели основной объем работы по исчислению и взиманию налогов и страховых платежей, хотя согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1937 г. этим должен был заниматься аппарат райфо [3, д. 276, л. 47-48; д. 287, л. 13-15], а также отвечали за выполнение плана натуральных поставок продовольствия колхозами и населением государству, хотя по постановлению ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1937 г. это возлагалось на аппарат райуполномочзага [там же, д. 287, л. 16, 17, 18].

Уже в первые послевоенные годы в верхах предпринимаются попытки приведения формального статуса сельсоветов в соответствие с реалиями их работы. В 1946 г. возобновляется разработка нового Положения о сельсовете. В 1947-1953 гг. были составлены четыре его проекта: проект укрупнения сельсоветов, два проекта укрупнения сельсоветов и создания волостей и волостных Советов, проект укрупнения сельсоветов и повышения должностных окладов его работников [5, д. 413, л. 5-9], исходившие из необходимости передачи сельсоветам (или волостным Советам) значительной части полномочий районных организаций по управлению колхозами, учреждениями и организациями сельской местности (в том числе начисление и взимание налогов и страховых платежей, руководство агрономическими и зоотехническими участками, контроль за кадрами села и др.) [4, д. 924, л. 56-60]. Однако эти идеи не получили развития.

И юридическое оформление деятельности сельсоветов, и, что более важно, практика управления ими со стороны РИКов и РК ВКП(б) выхолащивали даже те элементы самоуправления, которые потенциально содержали созыв, проведение сессий и деятельность постоянных комиссий. Активности депутатов предписывалось разворачиваться вокруг уже принятых директив, что делало ее сочетанием почетной, но не содержащей реальных полномочий неоплачиваемой обязанности, и разновидности «политического воспитания». Пониженный статус сельсоветов в управлении селом просматривался в скудном материальном обеспечении членов их исполнкомов. До 1954 г. они были одними из самых низкооплачиваемых работников сельских учреждений.

Чрезмерная концентрация власти в центре сельского административно-территориального района предопределяла живучесть чрезвычайных властных практик, компенсировавших разреженность на селе «регулярных» властных институтов и отсутствие у них самостоятельности. Для «помощи» и контроля за дея-

тельностью низовых Советов в период «хозяйственно-политических кампаний» из района направлялись многочисленные уполномоченные РК ВКП(б) и РИКа. В военное время это имело, с точки зрения властей, известное оправдание: повышалась оперативность руководства, сглаживалась нехватка кадров и т.д. Но война уходила в прошлое, а «военные» методы управления сохранялись, хотя о недопустимости смешения функций партаппарата и Советов писала центральная партийная пресса. Зачастую даже простейшие решения принимались через голову низовых советских органов и РИКОв – в райкоме партии, а на местах – его уполномоченными, которые смещали и назначали членов исполкомов сельсоветов, исходя из задач очередной «хозяйственно-политической» кампании (с введением в середине 1920-х гг. номенклатуры выборных должностей выборы в Советы и другие органы вообще стали фикцией). В 1945-1947 гг. ЦК ВКП(б) и Оргбюро ЦК ВКП(б) обновляют секретные инструкции об организационной и агитационно-пропагандистской работе парторганизаций в период предвыборных кампаний и выборов, детально регламентировавшие порядок подбора, утверждения и выдвижения кандидатов в депутаты Советов и устанавливавшие квоты на «представительство» основных социальных групп [7, д. 495, без нумерации]. Предварительное рассмотрение и утверждение персонального состава депутатов районных, городских, сельских и поселковых Советов комитетами КПСС разного уровня сохранялись и позднее.

Во главу угла при назначениях на должности в исполкомах сельсоветов ставилось умение быть «приводным ремнем» «района» в деревне, т.е. справляться с большим объемом работы по исполнению его директив. Любой серьезный провал в «хозяйственно-культурном строительстве» влек за собой «избиение» сельсоветских кадров. Особенно велика была текучесть их состава в первые два года после войны. К моменту первых послевоенных выборов в местные Советы 24,5% председателей сельсоветов РСФСР имели стаж работы в должности до одного года, 26,6% – от одного до трех лет, 12,4% – от трех до пяти лет, свыше пяти лет работали 14,9% [2, д. 57, л. 19]. По общему стажу руководящей работы в Советах 62,9% председателей работали до трех лет, т.е. были назначены в первые послевоенные годы, еще 15,5% – в годы войны [там же, л. 20].

Казалось, текучесть состава председателей сельсоветов должна была сократиться после первых послевоенных выборов, но этого не произошло, так как и в мирное время административное смешение и назначение сельсоветских кадров обусловливались централизацией власти на селе в руках парторганов, номенклатурными принципами кадровой политики, стремлением максимально плотно контролировать деревню. За 1948-1949 гг. из состава председателей сельсоветов РСФСР, избранных на первых послевоенных сессиях, выбыло 26,1%, недепутатами сельсоветов были 10,6%, за 1950 г. выбыло 13,2% председателей, 14,3% секретарей, за 1952 г. – 18% председателей, недепутатами были около

8% секретарей, соответственно 17,4% и 20,9%. За 1953 г. вновь выбыло 5,6% председателей исполкомов сельсоветов РСФСР и 7,8% секретарей [подсчитано: там же, л. 57, л. 17; д. 63, л. 4, 5; д. 64, л. 4; д. 65, л. 5; д. 68, л. 14; д. 69, л. 14]. Значительна была сменяемость исполкомов сельсоветов в Центральном Нечерноземье, доходившая до 20-30% состава в год [там же, д. 64, л. 37].

Милитаризация управления селом и подавление без того урезанных полномочий сельсоветов вели к забвению формальных процедур их функционирования. За 1948-49 гг. только 44,7% сельсоветов РСФСР соблюдали конституционную норму созыва сессий [там же, д. 59, л. 9, 23, 46, 47, 48]. Только в пяти областях Центрального Нечерноземья за этот период более 50% Советов созывали сессии в конституционные сроки, а в остальных – от 18% до 48,8% [там же]. В первом полугодии 1952 г. в девяти из тринацати областей Центрального Нечерноземья созывали сессии в установленные сроки свыше 60% сельских и поселковых Советов, во втором полугодии 1952 г. – лишь в шести областях, в первой половине 1953 г. – в одиннадцати областях [там же, д. 64, л. 31 об., 32; д. 65, л. 6, 7, 8, 9, 10; д. 68, л. 50, 51, 52].

Некоторое упорядочение созыва сессий низовыми Советами, наблюдавшееся к середине 1953 г., отнюдь не говорит о соответственном росте активности депутатов. Исполкомы сельских и поселковых Советов были оторваны от основной массы депутатов, почти не отчитались на сессиях о своей работе. В первом полугодии 1953 г. только в Костромской области доля Советов, заслушавших отчеты, превысила 30%, а остальных областях Центрального Нечерноземья – 1,3-26,2% [там же]. Большинство присутствовавших на сессиях представляли местный актив (были агентами финансовых, заготовительных органов, секретарями первичных парторганизаций, председателями колхозов и т.д.) и уполномоченными РК ВКП(б) и РИКа [там же]. Относительно высокий удельный вес выступлений депутатов на сессиях (65-75%) формировался не за счет активности большинства, а благодаря «штатным ораторам» – членам исполкомов [там же, д. 68, л. 39].

Важной формой политической мобилизации наиболее активной части сельского населения в рамках сельсоветов была деятельность постоянных комиссий. Несмотря на то, что итоги их работы оформлялись как необязательные для исполнения «предложения», количество состоявших в них депутатов и актива постоянно росло. В первые послевоенные годы постоянные комиссии были малочисленны абсолютно и по составу. На 1 января 1947 г. в среднем в постоянной комиссии сельсовета РСФСР состоял один депутат, а среднее число комиссий в сельсовете равнялось 4,1 [подсчитано: там же, д. 55, л. 16]. В реальности, скрывавшейся за средними цифрами, постоянные комиссии могли быть еще малочисленнее. В конце 1947 г., после первых послевоенных выборов в местные Советы, средний состав постоянной комиссии сельсовета РСФСР повысился до 3 депутатов, а их количество в сельсовете стало равняться в среднем 4, в последующие годы 2-3 депутата

и 3,4-4 комиссии соответственно [подсчитано: 2, д. 57, л. 11, 12; д. 58, л. 8, 9; д. 59, л. 9, 10; д. 62. Л. 7, 8; д. 63, л. 10; д. 65, л. 11]. Но даже с учетом этого малочисленность состава и количества постоянных комиссий продолжали оставаться серьезным препятствием для их нормальной работы. Выбытие даже одного члена часто влекло прекращение деятельности.

Работа депутатов в постоянных комиссиях находилась под контролем многочисленного актива, численность которого значительно превышала число депутатов. В абсолютном большинстве сельских Советов действовало три постоянные комиссии – бюджетная, сельскохозяйственная и культурно-просветительная (по другим отраслям они создавались значительно реже). На неудовлетворительное выполнение постоянными комиссиями сельсоветов своих функций периодически указывали в отчетах облисполкомы и ВС РСФСР. Свидетельство крайне низкой активности членов постоянных комиссий сельсоветов – статистика показателей их работы на исходе сталинской эпохи. За первые полгода 1953 г. постоянные комиссии сельских и поселковых Советов восьми из тринадцати областей Центрального Нечерноземья провели в среднем на одну комиссию чуть больше одного заседания (более двух заседаний – только в Московской области), а в Брянской, Владимирской, Костромской, Тульской областях – менее одного заседания [2, д. 68, л. 39]. Ни в одной из областей количество поданных постоянными комиссиями предложений в сельские и поселковые Советы и их исполнкомы в среднем не достигло одного, а у подавляющего большинства комиссий колебалось: по предложениям в Совет – в пределах 0,49-0,58, по предложениям в исполнком – 0,10-0,19. В большинстве областей с отчетами о своей работе на сессиях выступили менее 30% постоянных комиссий [там же]. Такова была, с формальной точки зрения, результативность объединившей 74-80% депутатов организационной формы их деятельности.

Изучение же распределения постоянных комиссий сельсоветов и их членов по отраслям деятельности вообще говорит о декоративном характере их функций: большинство депутатов совмещало членство в комиссии с выполнением профессиональных обязанностей в той же сфере. Добросовестный труд на рабочем месте означал и «высокую деловую активность депутата». На 1 января 1947 г., 1 января 1950 г. и 1 января 1953 г. бюджетные, сельскохозяйственные и культурно-просветительные комиссии сельсоветов РСФСР составляли 60-75% всех постоянных комиссий, объединяя 65-75% всех депутатов [2, д. 55, л. 30, 31, 34; д. 59, л. 24-25, 33; д. 65; л. 29].

Участие сельского населения в проведении «советской демократии», как видно, было весьма ограниченным. Да и сами сельсоветы оставались практически лишенными самостоятельности инструментами власти в глубинке, несмотря на некоторое упорядочение к концу изучаемого периода формальных показателей их работы. Для многих депутатов юридически закрепленная зависимость органов сельской администрации от РИКОв и, что более важно, от системы политиче-

ского контроля за деревней почти исключали возможность повлиять на судьбу своего села. В деятельности немалого количества сельсоветов существовало осознавшееся его членами разделение на работу, проводившуюся на профессиональной основе членами исполнкома, и массово-политические мероприятия на «общественных началах».

В начале эпохи Н.С.Хрущева происходит упорядочение формальной стороны функционирования сельсоветов, повышение активности депутатов, исполнкомов и постоянных комиссий. К середине 1950-х гг. сводится к минимуму замещение должностей в исполнкомах недепутатами и текучесть состава депутатского корпуса [подсчитано: 2, д. 70, л. 24-26; д. 73, л. 34, 44-45 и об., 61; д. 77, л. 20-21, 23-25, 37 и об.-38]. В 1954 г. в шести из тринадцати областей Центрального Нечерноземья более 60% сельсоветов соблюдали сроки созыва сессий, в 1955 и 1956 гг. – в восьми из тринадцати областей [подсчитано: там же, д. 70, л. 24-26, 47; д. 73, л. 34, 44-45 и об., 61; д. 74, л. 18-19]. С 1957 г. тенденция сокращения количества сельсоветов, нарушавших сроки созыва сессий, усиливается [подсчитано: там же, д. 77, л. 20-21]. К середине 1950-х гг. большинство депутатов сельских Советов стали выступать с регулярными отчетами перед избирателями. В 1955 г. их количество колебалось от 31,2 до 66% (в Смоленской – 82,6%, в Калининской – 70,3%), в 1956 г. – от 69,6 до 94,1%, в 1957 г. – от 38,2 до 74,7% (в Рязанской области – 94,7%, в Смоленской области – 81,4%) [подсчитано: там же, д. 73, л. 34; д. 74, л. 20-21 и об.; д. 77, л. 23-25]. Проявлением общей тенденции нормализации работы сельсоветов Центрального Нечерноземья стало и увеличение к 1955-1957 гг. удельного веса сельсоветов, заслушивавших отчеты исполнкомов, до 50-90% [подсчитано: там же, д. 74, л. 22-23 и об.; д. 77, л. 37 и об.-38]. Стабильным в середине 1950-х гг. оставался размер постоянных комиссий сельсоветов РСФСР, равняясь в среднем 4,1 депутата на одну комиссию [подсчитано: там же, л. 72, л. 16; д. 73, л. 14, 18; д. 74, л. 40], хотя активность постоянных комиссий не изменилась по сравнению с более ранним периодом. С содокладами на сессиях ежегодно выступало до 30-45% постоянных комиссий, а на одну комиссию сельсовета РСФСР в 1954-1956 гг. в среднем приходилось от 1 до 1,5 содоклада, сопровождавшего доклад его председателя [подсчитано: там же, д. 70, л. 47; д. 73, л. 61; д. 74, л. 40].

Как и ранее, исполнкомы сельсоветов Центрального Нечерноземья значительную часть времени посвящали исполнению рутинных функций: финансировали социально-культурную инфраструктуру, выдавали различные справки, регистрировали акты гражданского состояния, совершали нотариальные действия, вели похозяйственные книги, предоставляли отчетность в район и др. Эти поводы обращения в сельсовет запечатлены в письмах во власть, речь в которых часто идет о некомпетентных и корыстолюбивых работниках сельских Советов. В письме из Кушалинского района Калининской области в ЦК КПСС весной 1954 г. говорилось о председателях сельсоветов района: «Это люди,

под тем или иным благовидным предлогом сбежавшие из колхоза, которых в какой-то мере устраивает даже и этот небольшой заработка (я имею в виду зарплату), да плюс обязательный солидный приусадебный участок. Ясно, что такие «деятели» не могут быть хорошими помощниками и исполному Райсовета, и райкому партии...» [10, д. 1051, л. 5].

Наряду с восстановлением формальной стороны «советской демократии» власть в 1954-1957 гг. реформирует сельсоветы. В 1954 г. проводится их укрупнение, в результате в Центральном Нечерноземье количество сельсоветов сокращается до 5611 (на 42,5%) [подсчитано: 2, д. 70, л. 24; 4, д. 1103, л. 40-42]. Продолжилась разработка Положения о сельсовете РСФСР, однако новое Положение, утвержденное указом Президиума ВС РСФСР 12 сентября 1957 г., содержало мало нового по сравнению с Положением 1931 г. и вышедшим после 1931 г. законодательством, касавшимся сельсоветов. В нем с 18 до 12 уменьшилось количество статей, посвященных предмету ведения сельсовета, сократилась детализация функций. Оно не содержало статей об «организационно-массовой работе сельсовета», деятельности «в области планово-статистической работы», «области национальной политики», «судебно-следственной области», «области общего управления» и др. (и советская государственно-правовая наука, и современные авторы подчеркивают размытость его формулировок при определении компетенций сельсоветов).

Хотя основные функции остались неизменными, по новому Положению сельсоветы лишились права вынесения решений об отсрочке, рассрочке, сложении и возврате сумм по налогам и сборам, зачисляемым в сельский бюджет, взыскания штрафов и недоимок, описи и продажи имущества недоимщиков, исполнения решений сельского суда, постановлений об административных взысканиях, а также организации отбывания наказаний осужденными к принудительным работам, проведения обысков и задержаний и др. Положение 1957 г. сохраняло за сельсоветами право контролировать поступление налогов, страховых и других платежей организаций, колхозов и колхозников. Им вновь передавались функции по приему налогов, имевшиеся по Положению 1931 г., но отмененные постановлением ЦИК и СНК СССР 21 марта 1937 г. [3, д. 152, л. 72; 6, с. 5-13; 33, с. 142-145]. Важным нововведением стало предоставление сельсовету права при перевыполнении доходной части сельского бюджета расходовать сверхбюджетные средства «кроме увеличения расходов на зарплату и содержание аппарата» (хотя ранее это разрешалось постановлением СНК СССР от 3 августа 1935 г. «О мерах улучшения финансовой работы сельских Советов» [3, д. 152, л. 64]). Полномочия сельсовета продлевались с одного до двух лет, депутата сельсовета запрещалось привлекать к судебной ответственности и арестовывать без санкции сельсовета или его исполнкома. Депутат мог направить запрос исполному сельсовета и руководству организаций и учреждений на его территории [5, д. 552, л. 49].

Введение нового Положения симулировало инициативы мест по расширению полномочий постоянных комиссий. В некоторых регионах принимались решения о делегировании им права принимать обязывающие решения по отношению к подчиненным Советам сельским учреждениям. Однако в целом Положение 1957 г. не изменило перекоса в балансе власти на селе в пользу учреждений райцентра, сложившегося в довоенные годы, т.к. не дало сельсоветам почти никаких реальных административных прав. Они оставались в полной зависимости от района при формировании и исполнении бюджета, назначении председателя и ряда других должностных лиц сельской округи.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. становится временем окончательного упорядочения формальной стороны деятельности сельсоветов, вписывавшегося в инициативы Н.С.Хрущева по вовлечению в «управление государством» широких слоев населения как важный показатель трансформации «диктатуры пролетариата» в «общенародное государство», концепцию которого абсолютизировал XXI съезд КПСС. Почти полностью прекращается смещение членов исполнкомов, последовательно соблюдаются формальности перевыборов, проводится доизбрание депутатов [подсчитано по: 2, д. 77, л. 37 и об.-38; д. 113, л. 39-41; д. 116, л. 41-43; д. 120; л. 60-62]. С 1957 г. продолжается ежегодное сокращение количества сельсоветов, нарушая сроки созыва сессий, и стабилизация его в среднем на уровне 0,5-5% к 1963 г. К концу 1950-х гг. 60-100% депутатов сельсоветов Центрального Нечерноземья регулярно отчитывались перед избирателями. Увеличилось число сельсоветов, заслушивавших отчеты исполнкомов о работе. В 1958-1961, 1963 гг. их удельный вес составлял от 76,7 до 100% [подсчитано: там же, д. 78, л. 22 и об., 23, 24 и об.-25, 38-39; д. 113, л. 39-41; д. 116, л. 41-43; д. 120, л. 60-62]. В 1959 г. с содокладами выступило 15,7-47,7%, в 1960 г. – 25,7-44,5% постоянных комиссий сельсоветов, на одну постоянную комиссию ежегодно приходилось в среднем от 1,1 до 2,0 содокладов [подсчитано: там же, д. 81, л. 39-41; д. 113, л. 39-41].

Но налаживание формальной стороны «советской демократии» не привело к повышению статуса сельсоветов в механизме власти. Как и в первое послевоенное время, они были не в состоянии в одиночку обеспечить проведение важных для власти мероприятий, что подтвердилось в ходе «соревнования» с США по производству продуктов животноводства, когда село налинили многочисленные уполномоченные районы, «помогавшие» колхозам и сельсоветам организовать закупки у населения мяса, яиц, молока, шерсти и других продуктов.

Кроме того, в глазах многих на селе председатель сельсовета продолжал оставаться должностным лицом, выполнявшим функции по документальной фиксации изменений в составе семьи и ее имуществе. Самой распространенной темой писем сельского населения во власть, «героями» которых были председатели сельсоветов, являлись жалобы на их злоупотребления и пьян-

ство за счет «подношений» нуждавшихся в справках.

Принятие в 1957 г. нового Положения о сельсовете, а также постановления Президиума ЦК КПСС от 17 марта 1959 г. «Об укреплении и повышении роли местных Советов депутатов трудящихся» стимулировали продолжение дискуссий о месте, которое низовые советские органы должны занять в управлении селом. Некоторые предложения были настолько радикальными, что содержали, по сути, новое Положение о сельсовете, принятие которого могло стать правовой основой формирования дееспособного сельского самоуправления по образцу волисполкомов начала 1920-х гг. Так, Рязанский обком КПСС представил в ЦК КПСС проект Положения о сельсовете, в котором подчеркивалось отсутствие у сельсоветов «какой-либо ответственности» за развитие подведомственной территории и административных прав. Это планировалось исправить за счет наделения их полномочиями налагать административные взыскания, расширения бюджетных прав, передачи права начисления и взыскания средств по сельскохозяйственному и местным налогам, установления размера самообложения, штрафования «шабашников» и других лиц, занимающихся запрещенными промыслами, начисления пенсий и др. При сельсовете предлагалось создать административные комиссии и общественные суды с подсудностью мелких преступлений, а также институт общественных исполнителей, вернуть право производства обысков и выемок, а председателям сельсоветов в исключительных случаях – и арестов совершивших тяжкие преступления. Рекомендовалось вновь укрупнить сельсоветы, существенно увеличив заработную плату их работникам, включить должность председателя в номенклатуру обкома КПСС, выделить ассигнования на ремонт и содержание зданий и транспорта и даже ввести специальный нагрудный знак депутата [8, д. 147, л. 202-218].

Однако подобные инициативы, связанные с пересмотром объема административных прав сельсоветов, находились вне основной тенденции развития «советской демократии». По справедливому замечанию А.В.Пыжикова, критерием прогресса здесь были количественные параметры, связанные с привлечением к участию в системе Советов и решению актуальных для власти проблем как можно большего числа людей. Власть «предлагает» им сотрудничество в поддержании общественного порядка, борьбе с преступностью, контроле за соблюдением законности и норм «советской морали», учреждая для этого товарищеские суды, народные дружины, женсоветы, группы народного контроля и т.д., что в условиях неизменности базовых характеристик механизма власти не приводит к реальной демократизации управления.

К началу 1960-х гг. сохранение сложившихся в довоенные годы принципов и практики функционирования сельсоветов Центрального Нечерноземья, за которым стояло нежелание центрального и местного партийного руководства делиться властью, законсервировало их место в управлении селом. Непрерывные укрупнения колхозов, преобразование их в совхозы, сосредоточение в учреждениях райцентра основных функций по снабжению, кадровому обеспечению, руководству их производством сделали фикцией право сельсоветов участвовать в управлении ими, а малый объем бюджетных прав вынуждал попытки улучшить социальную инфраструктуру села. Для всего этого сельсоветы не располагали ни кадрами, ни материальными ресурсами, ни юридическими механизмами. Как и в середине 1940-х гг., в начале 1960-х гг. функционирование в качестве «приводных ремней» района заслоняло в их буднях робкие ростки самоуправления, оставляя много пространства для чрезвычайной власти районных эмиссаров.

Библиографический список

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 6. Оп. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-385. Оп. 46.
3. Там же. Ф. 7523. Оп. 41.
4. Там же. Оп. 58.
5. Там же. Оп. 75.
6. Положения о сельских Советах депутатов трудящихся. (Сборник официальных текстов). М., 1959.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125.
8. Там же. Ф. 556. Оп. 14.
9. Собрание узаконений и распоряжений правительства РСФСР, издаваемое НКЮ. 1931. № 11. С. 142-145.
10. Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 147. Оп. 5.

References

1. The State archive of the documents of modern history of Smolensk region. F.6. File 1.
2. The State archive of Russian Federation. F.A.-385. File.46.
3. The State archive of Russian Federation. F.7523. File.41.
4. The State archive of Russian Federation. F.A.-385. File.58.
5. The State archive of Russian Federation. F.A.-385. File.75.
6. Statements of village Councils of working deputies. (Collection of official texts). M., 1959.
7. Russian state archive of social-political history. F. 17. File 125.
8. Russian state archive of social-political history. F. 556. File 14.
9. The Collection of laws by the Goverment of RSFSR, published by NKU. 1931. №11. Pp. 142-145.
10. Tver Centre of modern history documents. F. 147. File 5.

А.И. ПЕРЕЛЫГИН

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и музеиного дела, Орловский государственный институт искусств и культуры

A.I. PERELYGIN

Candidate of History, Associate Professor, Department of history and museum business, Orel State Institute of Arts and Culture

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

PATRIOTIC ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE TERRITORY OF OREL REGION DURING THE WORLD WAR II

Статья посвящена патриотической деятельности Русской Православной Церкви на территории Орловской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Ключевые слова: церковь, священнослужитель, приход, церковный староста, верующие, сбор средств, Фонд Красной Армии.

The article is devoted to patriotic activity of the Russian Orthodox Church in the territory of the Orel region during the Great Patriotic War 1941-1945.

Keywords: church, priest, parish, churchwarden, believers, fundraising, the Foundation of the Red Army.

Празднование 70-летия победы над Германией вновь обращает наше внимание на события того времени и роль Русской Православной Церкви в победе над жестоким и беспощадным врагом.

3 октября германские войска вступили в город Орел, а к 8 декабря 1941 г. им удалось оккупировать всю область, за исключением трёх районов: Задонского, Красненского и Чибисовского. К тому времени в пределах современной Орловской области действующими оставались всего два храма: Рождественский в г. Болхове и Никольский в с. Лепешкино Орловского района.

Первоначально германское командование старалось не препятствовать работе церквей. Фашисты рассчитывали активно использовать религиозный фактор в своих целях. По свидетельству очевидцев, «религиозное пробуждение было массовым и стихийным. Народ как в городах, так и в сельской местности... сам шел на открытие храмов, на их ремонт и украшение»¹. Принимались меры к восстановлению церковной жизни. Для более эффективного управления Орловской епархией немецкие власти включили ее в Среднеевропейский митропольный округ, который был открыт 26 мая 1942 г. с согласия германского правительства. В него входили церкви Германии, Бельгии, Чехословакии, Венгрии, а также часть оккупированных западных областей СССР – Орловская, Смоленская и Белостокско-Гродненская епархии. Митрополитом этого округа был назначен православный немец Серафим (Лядэ), убитый после войны при невыясненных обстоятельствах.

В Епархиальном Управлении, которое возглавил протоиерей Иоанн Маккавеев, было подготовлено 25 за-

коноучителей, при Богоявленском кафедральном соборе проводилась запись детей для обучения Закону Божию. Под руководством регента И.К. Ливай в г. Орле организовали любительский хор, а 19 марта 1942 года состоялась его первая репетиция². В доме № 13 ул. Болховская в квартире Титовой проводились репетиции смешанного хора, в котором участвовали как взрослые, так и дети от 8 лет. Организовал хор и руководил им Н. Бунаков. На Пасху хор принял участие в духовных концертах. Возвращались к паstryрской деятельности оставшиеся в живых после массовых репрессий священнослужители православной церкви. Однако, для вновь открываемых храмов их явно не хватало. Чтобы смягчить сложившуюся кадровую проблему, в декабре 1942 года в Орле при Епархиальном Управлении открыли духовную школу по подготовке церковнослужителей.³ Вопросам восстановления и дальнейшего развития внутрицерковной жизни было посвящено собрание Патриаршей Православной Церкви, состоявшееся 24 марта 1942 г. в Никитском храме г. Орла. На нем было решено установить во всех городских церквях единообразия во времени начала совершения утренних и вечерних богослужений, поминование умученного большевиками патриарха Тихона, а также епископов, священнослужителей и мирян, мученически погибших, поминование о здравии орловских священнослужителей, монашествующих и верующих мирян, заключенных в тюрьмы и сосланных на каторгу большевиками, возобновление прочтения после евангелия синодальной молитвы, а также о материальном обеспечении причта, о ремонте сельских храмов, участии в

¹ Записки миссионера о жизни в Советской России // Вестник РХД, 1956, № 40. С.35.

² Речь, 1942, 18 марта; 1943, 14 марта.

³ Речь, 1943, 13 июня.

нем духовенства..., о материальной помощи духовным и монашествующим, нуждающимся в этой помощи со стороны всего духовенства, об организации приходских попечительств при церквях, о предбрачных церковных оглашениях, о передаче кладбищ в ведение кладбищенских церквей под непосредственным руководством Епархиального управления и т.д.⁴

По всей епархии развертывалась работа кружков по религиозно-нравственному просвещению, в которых активное участие принимала интеллигенция⁵. В г. Орле возрождалась идея создания приходских попечительств о бедных, которые до революции приносили немалую общественную пользу. В городах и селах ими содержались дома для престарелых, детские приюты, дома трудолюбия. В январе 1942 г. было создано Богоявленское приходское попечительство, которое возродило идею взаимной помощи друг другу, а также заботу о больных и престарелых. В приходе большой любовью и уважением пользовался его почетный член доктор И.М. Варушкин, бесплатно оказывавший лечебную помощь больным попечительства. Действительные члены добровольно ежемесячно отчисляли деньги из своего заработка на нужды попечительства. 1 сентября 1942 г. состоялось совещание Богоявленского попечительства в присутствии представителя горсобеса с участием представителей попечительств Крестительской, Афанасьевской и Никитской церквей. Совещание решило объединить их работу под руководством Богоявленского попечительства и его почетного члена ктитора Богоявленского кафедрального собора Н.Ф. Люкшина и расширить свою помощь бедным путем привлечения новых действительных и почетных членов попечительства⁶.

Лучшие представители православного духовенства оставались верными заповедям Христа. Они оказывали помощь, а нередко и спасали от гибели людей, независимо от их веры и национальности. Весной 1942 г., по данным оккупационной газеты «Речь», были выявлены случаи, когда евреи вели своих детей в православный храм и просили, чтобы «над ними был произведен обряд крещения»⁷ с выдачей свидетельства, ради спасения от фашистской расправы. Несмотря на это, все выявленные гестапо евреи, 175 человек, в том числе 22 ребенка, были расстреляны⁸, а назначенный немцами староста общины Азарх, которого фашисты заставляли составить список общины, собирать тёплые вещи, отбирать золото и всякое другое, не выдержав издевательств и мучений, повесился.⁹ Всего в период оккупации Орла, по неполным архивным данным, было расстреляно более 220 человек еврейской национально-

сти¹⁰. Согласно «Акту по учету злодеяний и ущерба, нанесенному немецко-фашистскими захватчиками Брянской области» по городу Брянску и Брянскому району было расстреляно и замучено 18058 мирных жителей. В районе поселка Брянск II напротив больничного городка, на правой стороне дороги, ведущей из Брянска в Карабев, в 14 ямах было обнаружено 7500 трупов стариков, женщин и детей преимущественно евреев и цыган... Многочисленные свидетели рассказывали, что немцы ловили евреев, цыган и коммунистов привязывали их к шестам на расстоянии от 0,5 до 2-х метров друг от друга и гнали на минные поля, где обреченные взрывались на минах... Военнопленных морили голодом и убивали тысячами... Бывший заместитель бургомистра г. Брянска Плавинский И.И. на следствии рассказал, «что в подвале железнодорожного клуба на ст. Брянск II спряталось свыше 100 человек от угона в немецкое рабство. Когда немцы узнали, что там находятся люди, пустили в подвал собак овчарок, которые загрызли значительное число детей, взрослых, стариков. Тех, кто пытался спастись бегством из подвала, немецкие солдаты расстреливали из автоматов»... В августе 1942 г. немцы разграбили село Карбовка Погарского района – сожжено и расстреляно 126 жителей. Безжалостно издевались над детьми. С ними поступали так – коренастый немец брал ребенка за ноги и с размаху ударял головой о березку, после чего труп бросал в яму. Иногда в общую могилу попадали дети и взрослые еще живые. Из ямы слышались ужасные вопли и стоны: «Мама, где ты!» или «пристрелите меня!»¹¹.

По свидетельству жителей и священнослужителей г. Орла, от рук оккупантов погибли священники Орлов и Оболенский¹². В г. Орле в течение всего периода немецкой оккупации успешно действовал, по словам главного хирурга Красной Армии Н.Н. Бурденко, «подпольный госпиталь», а в мемуарах И.Х. Баграмяна он был назван «волнующей легендой» истории Отечественной войны. В народе, чтобы не путать с немецким госпиталем, его называли Русской больницей. Руководил подпольным госпиталем врач Владимир Иванович Турбин, который втайне от властей из рук епископа Александра (Щукина) 21 марта 1934 г. принял монашеский постриг с именем Никон. Впоследствии, при архиепископе Фотии (Тапиро), он был рукоположен в сан иеромонаха. Благодаря его личному мужеству и самоотверженности медперсонала, довоенная дружба которых позволила держать в тайне спасение русских из лагеря военнопленных, немало оказавшихся в плену бойцов Красной Армии было спасено в этом госпитале, а после излечения переправлено через линию фронта или размещалось в квартирах надежных жителей г. Орла, многие шли в партизаны¹³. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 октября

4 Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф.1650. Оп.1. Д.72. Л. 3; Речь, 1942, 27 марта.

5 Речь, 1943, 11 апреля.

6 Речь, 1942, 9 сентября

7 Там же. 1942, 1 апреля

8 Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-159. Оп. 2. Д. 2. Л. 53-58; Ф. Р-691. Оп.1. Д. 41, 42.

9 Сост.: Вишневская Б.С., Смолякова Г.И. Евреи Орловщины. Лабиринты нашей памяти. Орёл, 2005. С.261, 340-348.

10 ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 2. Д. 2. Л. 53-58; Ф. Р-691. Оп. 1. Д 41; (Израиль). Архив « Яд-ва-Шем ». № 12891, № 12784.

11 ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 54. I часть.

12 ГАОО. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 46. Л. 34.

13 Цветков В.Л. Звезды мерцают. Орел, 2002. С. 167-168; Орловская правда -1960. 28 июля.

1966 г. В.И. Турбин за мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., был награжден медалью «За отвагу», которую ему вручил 20 января 1967 г. от имени Президиума Верховного Совета СССР секретарь исполнкома областного Совета депутатов трудящихся И. Крапчин¹⁴. По воспоминаниям одной из сотрудниц Орловской инфекционной больницы: «После войны Владимир Иванович исполнял должность зав. отделением больницы и проживал в г. Орле на ул. Роза Люксембург в доме № 19 с двумя сестрами: Елизаветой Ивановной и Еленой Ивановной, детей у них не было. Дети были у его брата Алексея Ивановича, который проживал в доме, где магазин «Москва». А после смерти Владимира Ивановича в Орел переехал его брат Борис Иванович профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии, который будучи на пенсии преподавал сопромат в машиностроительном институте г. Орла. Владимир Иванович был необыкновенным врачом. К нему шли и ехали люди со своими бедами днем и ночью. В доме у него был кабинет. А в коридоре на большом сундуке всегда сидели больные. Он спас тысячи детей. Когда в 1972 году Владимир Иванович умер, то на Троицком кладбище, во время похорон, собралась большая толпа людей. И все говорили, что у каждого он спас сына или дочь. Ему все были благодарны». Однако после освобождения в 1943 г. вместо благодарности он, как и другие врачи, подвергался унижениям, упрекам за то, что служил в оккупации. До самого награждения медалью местные власти преследовали его за веру Христову и подвергали критике в журнале «Крокодил», газете «Орловская правда» как человека верующего и недостойного занимать в здравоохранении ответственный пост.

Некоторые священнослужители, вынужденные до войны, вследствие гонений, оставить церковную службу, вступили в ряды действующей армии. Среди них были священник села Сретенье Орловского района Митрофан Александрович Свиридов (погиб под Сталинградом); о. Мефодий Дужек, бывший настоятель Сергиевской церкви г. Ливны; св. Вальницкий, который с 1932 по 1936 годы отбыл срок заключения, а с 1941 по 1943 годы служил священником в Колпнянском районе, также принял участие в войне и был награжден медалью «За победу над Германией», после войны служил в районах Орловской области. В партизанском движении принимал участие протодиакон Ахтырско-Никитского собора г. Орла о. Стефан (Юрашевич). Таким образом, расчеты немцев использовать в своих целях религиозный фактор не оправдались. Примеры патриотической деятельности священнослужителей и православных мирян многочисленны. Посетивший в 1943 г. освобожденный Орел английский журналист А. Верт писал о патриотической деятельности православных общин в период оккупации: «Церкви в Орле процветали, но они превратились, чего немцы не ожидали, в активные центры русского национального самосознания... имен-

но церкви неофициально создали кружки взаимной помощи, чтобы помочь самим бедным и оказывать поддержку военнопленным... церкви стали центрами «русицизма» вопреки ожиданиям немцев, что церкви превратятся в очаги антисоветской пропаганды»¹⁵. С 1943 г. в германских официальных документах отмечается разочарование церковной политикой на Востоке, запрещается любая поддержка со стороны вермахта или германской администрации в открытии церквей, а также участия военного персонала в богослужениях в этих храмах.

После освобождения Орловского края в 1943 году Русская Православная Церковь начала сбор средств в Фонд обороны Красной Армии. Только в г. Орле за период с сентября 1943 года по январь 1944 года пять церквей собрали в фонд обороны 61 555 рублей и на оказание помощи детям-сиротам и раненым бойцам 21 276 рублей, а всего было собрано 2 млн. рублей. Кроме того, среди верующих собрали много теплых вещей, а также 400 полотенец для госпиталей Красной Армии¹⁶. Несмотря на то, что в освобожденных районах в результате боевых действий население было разорено и терпело жестокую нужду в самом необходимом, русские люди, в самом прямом смысле, жертвовали последним, что у них было. Так, в Почепском районе (ныне Брянская область) было собрано среди верующих в фонд обороны Красной Армии 600 пудов хлеба и много других продуктов¹⁷.

С января 1944 года движение по сбору средств принял всеобщий характер. Во всех церквях начался сбор денежных средств на строительство танковой колонны им. Дмитрия Донского. О масштабе этой патриотической деятельности свидетельствует тот факт, что только на Пасху в пяти церквях г. Орла и двух г. Болхова было собрано и сдано в Госбанк до 17 апреля 1944 года наличными деньгами 305 000 рублей. Из них 100 000 рублей сдал Богоявленский собор г. Орла. Все священники во время богослужения обратились к верующим с призывом «оказывать помощь нашему государству с тем, чтобы скорее разгромить всеобщего врага народа – Гитлера»¹⁸. Кроме того, в 1944 году собрали в помощь семьям фронтовиков 192 тыс. рублей. С 1 января по 25 августа 1945 г. было собрано 342 122 рубля, а 1 сентября того же года сдали еще 30287 рублей. Наиболее активно сбор средств проводился в православной религиозной общине Казанской кладбищенской церкви г. Ельца (ныне Липецкая область). За годы войны было передано государству 900 000 рублей, в том числе и личные средства настоятеля храма Лыкова Николая Антоновича на строительство танка «Александр Невский», за что было получено несколько благодарностей от тов. Сталина¹⁹. С окончанием войны сбор средств продолжался, но

15 Верт А. Россия в войне 1941-1945. М., 1967. С. 501-502.

16 ГАОО. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 46. Л. 29.; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2000. С. 134.

17 Там же. Л. 30.

18 ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

19 ГАОО. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 46. Л. 63; Д. 60. Л. 34.

уже только в Фонд помощи детям-сиротам, потерявшим отцов на фронтах Великой Отечественной войны. С 1 января 1947 года по решению Правительства СССР сбор средств среди верующих на патриотические цели был прекращен²⁰. О том, что это была немалая помощь фронту, оказанная сравнительно небольшим числом православных церквей области, можно судить по тому, что за период немецко-фашистской оккупации жители партизанских краев и зон Орловской области внесли в фонд обороны Родины и по подсчете на заем 3 350 000 рублей наличными деньгами²¹.

Следует отметить, что организация сбора средств в помощь защитникам Отечества проводилась при непосредственном участии настоятелей храмов и церковных старост (киторов). Священнослужители по окончании богослужений зачитывали патриотические возвзвания патриарха Сергия, произносили патриотические проповеди, отмечая в них «героические победы Красной Армии над немецко-фашистскими захватчиками «5 и 6 августа 1944 года в дни Празднования годовщины освобождения г. Орла в проповедях была отмечена «знаменитость этого дня не только для г. Орла и области, но и для всей нашей страны. В этот день был отслужен благодарственный молебен с провозглашением благодарности вождю и воинству нашей страны, а павшим – вечная память»²². При большом стечении верующих благодарственными молебнами были отмечены долгожданные дни взятия г. Берлина и День Победы, повсюду продолжался сбор денежных средств « в фонд помощи детям и семьям погибших воинов Красной Армии, на пособие пенсионерам и инвалидам Отечественной войны»²³. Важно отметить, что во всенародном патриотическом движении по сбору средств в Фонд обороны принимали участие и другие конфессии, различные религиозные объединения нашей страны.

В результате немецко-фашистской оккупации и ожесточенных боев на Орловской земле только в Знаменском районе из 14 церквей немцами при отступлении было разрушено 11, а в Жиздринском и Навлинском районах были взорваны или разрушены все церковные здания, в Залегощенском и Хотынецком районах осталось всего по 2 неразрушенных храма и т. д. В целом за 22 месяца оккупации Орловского края, территории которого превышала 67 тысяч квадратных километров, а население – 3,5 млн. человек, из них в границах современной Орловской области проживало 1286 тыс. человек, в т. ч. в сельской местности 1123 тыс. человек, гитлеровцы разрушили 75 крупных фабрик и заводов, 400 мелких и средних промышленных предприятий. Они полностью уничтожили железнодорожные узлы, все мосты, телеграфные и телефонные станции, сожгли и разграбили 2483 школы, 825 больниц, 5 театров, краеведческие и исторические музеи, кинотеатры... По неполным дан-

ным, было расстреляно, сожжено и повешено более 80 тыс. мирных советских граждан. Угнано на каторгу в Германию более 200 тыс. советских людей. В городе Орле убили и замучили более 11 тыс. человек и около 20 тыс. юношей и девушек вывезли на каторжные работы. За время оккупации сельское население сократилось на 300 тыс. жителей, и только к середине 60-х годов XX века удалось окончательно вывести его из землянок и подвалов.²⁴

Учитывая всю серьезность возрождения церкви, государственные органы власти в годы войны принимали все меры, чтобы поставить под свой контроль деятельность духовенства и церковных общин. Поэтому Совет по делам РПЦ при СНК СССР в апреле 1944 года поставил в качестве одной из своих задач подведение итогов по материальному выражению патриотической деятельности РПЦ за весь период Отечественной войны. В результате проверки Орловских церковных общин выяснилось, что после освобождения оккупированных территорий в православных храмах были восстановлены церковные Советы, которых ранее не было, так как «немцы слово «совет» не могли слышать»²⁵. Церковные советы вполне успешно выполняли свои функции: содержали храмы в чистоте, производили ремонт, своевременно выплачивали государственные налоги и др.²⁶

В первом ежеквартальном информационном отчете от 12 апреля 1944 года Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Орловской области отмечал, что священники г. Орла недовольны Советской властью, так как с них берут 70% подоходного налога в пользу государства, а немцы брали только 10%. Отчасти по этой причине, а также, как утверждал Уполномоченный И.Д. Леуськов, «все они выступали в храмах в период немецкой оккупации перед верующими с проклятиями советской власти и наших вождей, а поэтому... они не могут выступать ... с проповедями против Гитлера и его сателлитов. Мне много раз приходилось говорить духовенству г. Орла, чтобы они в своих работающих храмах выступили с проповедью перед верующими о сборе средств на танковую колонну. Но они долго и упорно умалчивали об этом во главе с благочинным Маккавеевым и сбор средств проходил по инициативе киторов. Этот факт говорит о том, что они боятся выступить перед верующими, боясь, что их могут сами верующие разоблачить»²⁷. Правда, самого тов. Леуськова уже 17 мая 1944 г. на заседании Исполнительного Комитета Орловского областного Совета освободили от обязанностей Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР как не справившегося с работой. Впоследствии некоторые священнослужители были обвинены в антисоветской агитации в храмах и измену Родине, преданы суду

20 Там же. Д. 68. Л. 1.

21 Во главе защиты Советской Родины. Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1975. С. 192.

22 ГАОО. Ф. Р-1591с, Оп. 3с. Д. 46. л. 30.

23 Там же. Д. 54. Л.16.

24 Перельгин А.И. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917-1953 гг.). Орел, 2008. С. 86, 99; Орловская область. Историко-экономический очерк. Издание 2-е, испр. и доп. Тула, Приок. кн. изд-во, 1977. С.49.

25 Там же. Л. 28.

26 Там же. Л. 29.

27 ГАОО.Ф. 1591.Оп.3с.Д.46.Л.35.

и суроно наказаны. Обнаружилось также, что в г. Орле священники создали кассу взаимопомощи и оказывали единовременную помощь отдельным гражданам. По утверждению Уполномоченного, «тем самым занимались вербовкой населения в общину верующих». Среди них были семьи священников Орлова и Оболенского, которые погибли от рук немецких оккупантов.

По указанию уполномоченного в г. Орле закрыли кассу взаимопомощи, а собранные средства передали в отдел Гособеспечения²⁸. Кроме того, согласно инструктивному письму Совета по делам РПЦ руководителям церковных общин, внесенные верующими средства в фонд обороны или на подарки бойцам Красной Армии запрещалось распределять среди семей красноармейцев, инвалидов Отечественной войны, больным в госпиталях и раздавать отдельным гражданам по своему усмотрению, шефствовать над госпиталями и детскими домами, так как эта деятельность могла быть использована церковью «для усиления своего влияния на массы»²⁹.

В 1946 году Правительство СССР разрешило Совету по делам РПЦ при Совете Министров СССР представить к награждению медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.г.» правивших архиереев и тех священников, которые особо отличились в проведении церковно-патриотической работы в период войны и, в частности, получили за это благодарственные телеграммы или письма тов. Сталина³⁰.

В 1947 году таких наград были удостоены: Лыков Николай Антонович – бывший настоятель Казанской кладбищенской церкви в г. Ельце, Печкарев Терентий Петрович – священник с. Архарово Малоархангельского района и Кузнецов Иван Тимофеевич – священник с. Клейменово, Володарского района, который до 1951 года продолжал вносить деньги в райсобес на помощь детям-сиротам³¹.

Немалую патриотическую работу в годы войны проводили церковные Советы, их актив: старосты, казначеи и т.д. Однако в списки представляемых к награждению, согласно правительльному указанию, направленному на места через Совет по делам РПЦ, их включать не следовало, так же как и тех священников, которые с политической или моральной стороны скомпрометированы, а также находившихся на оккупированной территории и не проводивших там патриотической работы³². Тем не менее, в наши дни справедливо будет хотя бы назвать их имена. Это председатели церковных советов Ахтырско-Никитской церкви г. Орла Петров И.П., Богоявленского собора Люкшин Н.Ф. и др.³³

Патриотическая деятельность Церкви стала важным условием изменения политики Советской власти в области государственно-церковных отношений. Были созваны архиерейский Собор в 1943 году, Поместный Собор 31 января 1945 года, вновь открыты богословские учебные заведения. Церковь завершила процесс перестройки Православия в новых социальных условиях и стала единой религиозной организацией во главе с Патриархом, доказав в годы войны свою приверженность Декларации 1927 года митрополита Сергия, ставшего Патриархом 12 сентября 1943 года. В то же время, деятельность Церкви строго контролировалась и по-прежнему рассматривалась как «пережиток» прошлого, с которым должна вестись непримиримая идеологическая борьба с применением различных форм репрессий. Поэтому положение церкви в обществе оставалось сложным и неустойчивым. Однако, в годы войны Церковь твердо и бесповоротно, как и сотни лет назад в Русской истории, встала вместе с народом и все свои усилия направляла на победу Отечества.

28 Там же. Л. 34.

29 Там же. Л. 41.

30 ГАОО. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 68. Л. 46.

31 ГАОО. Ф. Р-1591. Оп. 2. Д. 51. Л. 153; Д. 35. Л. 120; Ф. Р-1591с. оп. 3с. Д. 136. Л. 71.

32 ГАОО. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 68. Л. 46.

33 ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

Е.Г. ПУТИЛОВА

кандидат исторических наук, доцент, кафедра социальной работы, управления и права, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал), Российский государственный профессионально-педагогический университет
E-mail: putilovaelena2011@mail.ru

E.G. PUTILOVA

Candidate of History, Associate Professor, Department of social work, management and law, Nizhniy Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch), Russian State professional and pedagogical university
E-mail: putilovaelena2011@mail.ru

«ЭВОЛЮЦИЯ» БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА: ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ONLINE-ИНТЕРВЬЮ*

THE EVOLUTION OF THE BIOGRAPHIC METHOD: THE PECULIARITIES OF THE ONLINE-INTERVIEW METHOD

Статья посвящена актуальному на сегодняшний день вопросу проведения биографического онлайн-интервью.

Автор кратко освещает вопросы по истории развития биографического метода исследования, а также этапы проведения «классического» нарративного биографического интервью.

Главным моментом статьи является методика сбора информации при проведении биографического онлайн-интервью, рассмотренная автором в сравнении с аналогичными этапами сбора информации в «классическом» биографическом интервью. Автор делает вывод, что проведение онлайн-интервью обладает некоторыми специфическими чертами, способными повлиять на качественное содержание собираемого материала: отношения между интервьюером и респондентом, а также расширение временных рамок онлайн-интервью.

Ключевые слова: биографический метод, качественные методы, социология, интервью, онлайн-интервью.

The article devotes to the actual question of the biographic online-interview method. The author throws light upon the history of the biographic method in research, and the stages of the “classic” narrative biographic interview.

The main moment of this article is the methodic of the collection of the information in the biographic online-interview, which was considered by the author with the same stages of the “classic” narrative biographic interview.

In conclusion, the author supposes, that the biographic online-interview has the specifications, which influence to the quality of the collect’s materials: the relations between interviewer and respondent, and the extension of the time’s levels of the online-interview.

Keywords: biographic method, sociology, interview, online-interview method.

Принято считать, что количественные методы наиболее оптимальны для исследования современного массового общества. Однако следует отметить, что существуют такие социальные проблемы или явления, которые невозможно проанализировать без качественных методов [2], к числу которых (и о чём пойдёт речь в данной статье) относятся биографические методы.

Биографические методы – качественные методы, которые основываются на принципиальной гипотезе (предположении) о том, что возможно восстанавливать и изучать социальную действительность, социальные факты через анализ биографических материалов и событий, сохранённых в них, через оценки, отзывы, мнения и установки. Основа этой гипотезы – факт, что человеческий поступок определён проходом через объективные социальные условия, и это отражается в субъективном феномене сознания [3].

Биографии как истории людей, являющихся свидетелями и участниками реальных исторических событий

тий, отражают сценарий и драматизм жизненного пути, возможности альтернативного исторического развития. Именно в биографиях раскрывается сложность принятия волевых решений, обоснование целей и мотивов, поиск средств их реализации, комплекс надежд и разочарований. Биография личности создает вокруг себя своеобразное «гравитационное поле» человеческих поступков, эмоциональных переживаний. В фокусе биографических исследований оказывается духовный мир человека, намерения и поиски, трудности и препятствия, конформизм и новаторство, признание и провалы [6].

Зачатки биографического метода обнаруживаются еще в Древнем Египте. Известны объектами биографии являлись выдающиеся люди. В античном мире созданы известные «Жизнеописания двенадцати цезарей» Светония, «Жизнеописания» Плутарха. В Средневековье была написана «Исповедь» философа-богослова IV века н.э. Августина Блаженного, распро-

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «НКО как социальный лифт: траектории индивидуальной мобильности в российском некоммерческом секторе» (грант РГНФ № 14-33-01248; руководитель – канд. социол. наук А.А. Яковлева).

стрился жанр, который назывался «жития святых». Так, в XIII веке кардинал Бонавентура создал «Житие Франциска Ассизского», а на Руси были написаны подобные произведения о подвижниках православия. Житийная литература имела нравственный посыл и служила просвещению и воспитанию народа. Известны автобиографии эпохи Возрождения (Б. Челлини), эпохи Просвещения («Исповедь» Жан-Жака Руссо). В русской биографической литературе жизнеописание помещика Андрея Тимофеевича Болотова (XVIII в.), мемуары декабристов, опубликованные дневники русской художницы Марии Башкирцевой (XIX в.) и многие другие [7]. Подобные произведения одновременно являются собой жанр литературы, истории и психологии [8].

К биографическому методу исследования пришла впервые в 1920-х гг. социология в США, а затем также социология в Польше, психология в Австрии. В США начало было положено большим исследованием о польских крестьянах в Европе и Америке, вышедшим в 1918–1920 гг. и разработанным чикагским социологом В.И. Томасом и его польским коллегой Ф. Знанецки. Тезис о развале сельской общины и индивидуализации ведения хозяйства базируется на письмах поляков (между родиной и США) и комментируемых историях жизни польских эмигрантов. Несмотря на отдельные возражения, которые, исходя из сегодняшнего дня, могут быть сформулированы против метода интерпретации, заслуга Томаса и Знанецки состоит в том, что они подняли биографические данные до значительного социологического и социально-психологического материала, более того, сформулировали соответствующую методологическую позицию: «Мы уверены, что личностные сообщения о жизни – полные, насколько возможно – представляют лучший тип социологического материала...». Они развили свои исторические предположения в теорию, согласно которой в социологии должны учитываться объективные и субъективные факторы воздействия: если не принимать во внимание анализа «мира представлений» отдельных людей, нельзя объяснить, почему различные люди по-разному реагируют на один данный феномен.

Из Чикагской школы в социологии вышло целое направление биографических исследований – изучение культурной проблематики групп иммигрантов, образа жизни преступников и девиантных групп, возникновения преступлений в истории жизни, проблем урбанизированного общества, особенностей языковой и культурной дивергенции. Автобиографии и соответствующие интервью, письма, акты о попечении и документы других контрольных инстанций, включенное наблюдение и самонаблюдение меньшинств и откладывающихся групп были использованы во множестве исследований [1].

В отечественном научном знании биографический метод до недавнего времени использовался лишь в этнографических исследованиях или в качестве иллюстрации. Однако проблема изучения развития современного общества приводит к необходимости более широкого

применения биографического метода в антропологических и социологических исследованиях.

Специфика применяемого биографического метода определяется тем или иным источником сведений, к которым могут относиться: сам изучаемый человек; знающие его люди; продукты его деятельности; исторические и литературные источники; материалы, тем или иным образом зафиксировавшие события личной жизни человека; переписка; современные этой личности публикации; жилая и рабочая обстановка; личные вещи (одежда, орудия труда, предметы быта, украшения и знаки отличия, личные книги) и т.д.

Интервью является тем источником информации об объекте исследования, который исходит от непосредственного носителя этой самой информации – изучаемого человека, респондента.

Одной из важных теоретических предпосылок нарративного интервью является обладание каждым человеком в повседневной жизни интуитивной компетентностью относительно правил построения рассказа (неважно, касается он какого-то конкретного случая или целой жизни). Такого рода компетентность служит рассказчику гарантом, что его повествования будут приемлемы в соответствующем социальном контексте и понятны потенциальному слушателю. Одна из главных задач нарративной методологии – прояснение элементов этой компетентности.

Другая важная предпосылка заключается в том, что рассказчик воспроизводит историю о событиях своей жизни так, как эти события были им пережиты, т.е. жизненный опыт репродуцируется исходя из той релевантности, какую он имеет для самого повествующего. Следовательно, можно говорить о гомологии формы рассказа структуре жизненного опыта.

Поскольку постулируется соответствие структуры жизненного опыта и структуры рассказа, принципиальное значение придается тому, как он строится и каковы имплицитные принципы и правила, позволяющие рассказчику делать его связным и понятным для слушателя.

В правилах, выделенных В. Кальмайером и Ф. Шюце, делается акцент на трех из них: целостность и законченность (когда рассказчик чувствует необходимость заканчивать начатое повествование отдельных сюжетов и эпизодов своей жизни и делать понятной их взаимосвязь для слушателя), сгущение (рассказчик понимает, что в его распоряжении ограниченное количество времени, поэтому вынужден останавливаться только на тех обстоятельствах и событиях своей жизни, которые он считает наиболее значимыми), детализация (когда рассказчик чувствует необходимость уточнить и прояснить конкретные обстоятельства) [5].

Для этапа сбора данных в нарративном интервью главной задачей является «превращение» интервьюируемого в рассказчика. Для этого разработана специальная стратегия. Так, согласно В.Ф. Журавлёву, биографическое нарративное интервью состоит из трех этапов.

1-й этап: начало интервью и основной рассказ. Исследователь кратко формулирует просьбу или об-

щий вопрос («нarrативный импульс»), цель которого – стимулировать респондента к биографическому повествованию. Нет никаких универсальных рецептов относительно того, каким должен быть этот «импульс». Единственное ограничивающее условие – просьба или вопрос – не должны затрагивать приватных или неприятных для респондента тем.

После того как респондент «ввязался» в рассказ, функция интервьюера сводится к роли слушателя и стимулированию продолжения повествования кивками головы и обычными для заинтересованного слушателя репликами: «Хм-хм», «Что было дальше?» и т.д. Пассивная роль интервьюера позволяет рассказчику в наибольшей степени сконцентрироваться на своем жизненном опыте. В случае, если респондент заканчивает повествование, говоря: «Вот это, пожалуй, все...», или другим подобным способом дает понять, что он закончил, интервьюер должен попытаться задать новый вопрос или сформулировать новую просьбу. Последние не должны ставить респондента перед необходимостью аргументации и оценки описанных событий. Их цель – стимулировать рассказ о периодах жизни, которые либо были недостаточно освещены, либо вообще остались незатронутыми.

Кроме этого, на первом этапе интервьюеру следует внимательно следить за ходом повествования и запоминать: последовательность событий, имена вводимых персонажей, временные, фактические и логические несоответствия, пропуски и обрывы в повествовании – с тем, чтобы использовать эти моменты во второй фазе интервью.

2-й этап: «фаза нарративных расспросов». Респонденту задаются вопросы о событиях, упомянутых им ранее в своем повествовании. Опять речь не идет об оценках и аргументации. Интервьюер касается прерванных линий рассказа, малопонятных для него мест и предлагает интервьюируемому дополнить или прояснить их.

3-й этап: заключительная часть. Респондент получает слово как «теоретик», развивая аргументацию, давая оценки и объяснения по поводу событий своей жизни. Таким «теоретическим» резюме интервью завершается, после чего исследователь приступает к обработке и интерпретации полученного материала [5].

Онлайн-интервью

Следует отметить, что само понятие «онлайн-интервью» – достаточно новое для отечественного социально-гуманитарного знания: первоходцем в этом деле стал Б.З. Докторов [4], российский социолог, вот уже 20 лет живущий в США и создавший уникальную коллекцию биографических интервью с коллегами-социологами, причем взятых именно методом интервью -online. К рубежу 2004-2005 гг., когда настоящий проект начался, исследователь уже несколько лет наблюдал за развитием в США технологии онлайновых опросов при изучении общественного мнения, в том числе опроса с помощью электронной почты. В то время эксперты указывали на множество достоинств онлайновых

опросов, но в качестве главных недостатков отмечались трудности в достижении репрезентативности опроса и незначительное число откликов потенциальных респондентов на предложение об участии в опросе [4].

Центральное место в работе Б.З. Докторова занимает биографический архив, созданный им в 2005-2011 гг. Его основу составляют обстоятельные интервью, которые исследователь проводил по электронной почте. Еще одним источником информации является значительный по объему – в несколько тысяч единиц хранения – архив многолетней электронной переписки г-на Докторова с большим числом российских социологов разных поколений.

Сегодня, опираясь на практические исследования г-на Докторова, проводимые им с использованием метода онлайн-интервью, на теоретические разработки в области «классического» биографического интервью (описанные выше), а также на собственный опыт проведения онлайн-интервью, попытаемся выделить особенности в методике сбора данных биографических онлайн-интервью. По нашему мнению, эти особенности во многом определяются спецификой общения между респондентом и интервьюером. Причём, данный фактор имеет существенное значение как на самом первом этапе сбора интервью (когда идёт знакомство и завязывание разговора), так и при последующем общении двух сторон.

«Классическое» биографическое интервью проводится в режиме «лицо к лицу», так, что обе стороны могут наблюдать реакцию друг друга на задаваемые вопросы, видеть жесты, мимику своего собеседника, – всё это существенно облегчает течение беседы. В данном случае, интервьюер может почувствовать, какие вопросы респондент «обходит стороной»; определить, какой подход нужен к конкретному респонденту (в силу различий характеров, поведения, рабочей атмосферы, настроения на момент беседы).

Онлайн-интервью в этом смысле заметно проигрывает: экран монитора скрывает от тебя собеседника, его истинные чувства, настроение и, в целом, настрой на беседу. Всё это может привести к тому, что при попытке интервьюера детализировать наиболее интересные для него моменты биографии респондента (по мнению интервьюера, недосказанные респондентом), возникнет реакция последнего в виде недовольства, обиды или раздражения.

Всё это требует отдельного подхода к респонденту по ту сторону монитора. Хорошо, если Вы лично знакомы с объектом своего интереса: это поможет сориентироваться и визуализировать его мысли, отношение к задаваемым вопросам. В противном случае, придётся полагаться на свою собственную интуицию.

Однако, кроме этого, существует и такой способ наладить дружелюбные, максимально откровенные отношения с респондентом – правильно смотивировать его на разговор с вами. И действительно, ведь чтобы поддерживать достаточно длительный период онлайн-интервью (а, по мнению автора данной статьи, онлайн-

интервью гораздо более затратное по времени, об этом мы поговорим ниже), респондент тоже должен иметь «свой интерес». В моём случае респондент сам сформулировал свой мотив: «...может будет потом сравнить интервью, взятые у одного и того же человека в разное время и разными интервьюерами. Таков мой «навар» от Вашей затеи», чому я, конечно, была безмерно рада, поскольку понимала, что мой собеседник будет максимально открыт для разговора.

Следующий принципиальный момент: если при проведении «классического» биографического нарративного интервью функция интервьюера сводится к роли слушателя и стимулированию продолжения повествования кивками головы (мы говорили об этом выше), то подобная тактика поведения интервьюера при онлайн-интервью может привести, скорее, к обратным результатам, нежели к развернутому, подробному рассказу респондента. Здесь замешан уже отмеченный нами фактор отсутствия общения «глаза в глаза». Как действовать в данном случае? Как «разговорить» респондента?

Безусловно, остаётся необходимость постоянно проявлять интерес к тому, о чём рассказывает респондент. Только в нашем случае, это будут не «кивки головой», а реальные, заранее приобретённые знания интервьюера об объекте своего исследования: о его профессиональной деятельности; биографические сведения из других источников (книги, журнальные статьи, Интернет-ресурсы). Ну и, конечно, потребуется по настояющему вникать в то, о чём рассказывает (пишет) респондент, поскольку он сам может задать Вам вопрос и вступить в диалог.

Так было в моём случае: мой респондент после каждого своего ответа спрашивал у меня мнение по тому или иному вопросу. Например: «...Пожалуй, на этом месте я сейчас остановлюсь, чтобы узнать Вашу реакцию на рассказанное выше», или «...Ну как, принимаете ли Вы мое предложение:

A. Об ограничении исследуемого временного периода (жизни и истории);

B. Об освоении материалов, которые я прилагаю к этому нашему с Вами интервью;

B. О переходе от хронографического к тематическому принципу построения беседы?»

Таким образом, онлайн-интервью – это, скорее полноценный диалог, нежели поддерживаемый интервьюером монолог респондента. Безусловно, разница принципиальная.

Специфические отношения между интервьюером и респондентом имеют место и на 3-м, заключительном этапе интервью. Согласно его характеристике в «классическом» биографическом интервью, респондент получает слово как «теоретик», развивая аргументацию, давая оценки и объяснения по поводу событий своей жизни. При онлайн-интервью респондент может выступать теоретиком и высказывать своё мнение на протяжении всего периода интервью. Зачастую ему даже не требуется задавать соответствующие вопросы. Отвечая на «основные» вопросы, респондент, так или иначе,

затрагивает сторону личностных оценок, поскольку у него есть достаточно времени «на подумать».

Остаётся открытым вопрос о временных границах онлайн-интервью. В «классическом» интервью всё происходит «здесь и сейчас», и интервью с одним респондентом может занимать от нескольких минут/часов до нескольких дней. Онлайн-интервью может длиться вплоть до нескольких лет. Тому есть объективные причины: у Вашего собеседника по ту сторону монитора могут возникнуть дела, заботы, хлопоты, командировки. И здесь чувствуется «минус» онлайн-интервью: Вы не «вырываете» респондента из его привычного уклада, поэтому Вам приходится приспосабливаться под его ритм жизни. С другой стороны, именно этот момент позволяет респонденту чувствовать себя свободнее и со временем «привыкать» к вам, раскрываться.

Кроме этого, плюс во временном растягивании онлайн-интервью помогает респонденту хорошо вспомнить описываемые им события, не торопиться. Данное обстоятельство может исключить 2-й этап, используемый в «классическом» биографическом интервью – «фазу нарративных расспросов», поскольку первоначальные ответы респондентов могут быть достаточно развернутыми, так что у Вас не возникнет потребности в уточняющих вопросах.

Современное научное движение характеризуется постоянно возникающими интеллектуальными «вызовами» – социальным, антропологическим, культурологическим, лингвистическим, эстетическим, материальным и т.п. Каждый из них – своеобразный поиск нового ориентира в оптимизации познавательного процесса; то, на что периодически направляется фокус исследовательского интереса. Одним из подобных «поворотов» является биографический метод: древнейший, сложно структурированный жанр, приобретший множество моделей своего воплощения, он вновь занимает умы историков, социологов, психологов, философов [8].

Биографический метод представляет большую ценность для современной социологической науки, поскольку позволяет изучать сложные социокультурные явления и процессы, которые трудно доступны для изучения чисто количественными методами.

Сегодня, кроме того, что постепенно расширяется сфера применения биографического метода, активно развивается и его содержательная сторона: научно-технический прогресс, бурное развитие информационных технологий привели к эволюции источников биографического метода, в частности, к появлению биографического онлайн-интервью.

Недавнее появление данного метода исследования уже показало его жизнеспособность. Однако, говорить о том, что метод онлайн-интервью обладает наивысшей долей конкурентоспособности по сравнению с «классическим» биографическим, думаю, не приходится. По нашему мнению, новый метод стал неким логическим продолжением в эволюции биографического нарративного интервью, навеянным развитием новых информационно-коммуникационных каналов

связи. Этот метод во многом берёт за основу методику «классического» интервью, с поправками лишь по формальному разбиению на определённые этапы сбора материала. В общем и целом же содержание метода остаётся практически неизменным.

Специфика использования нового метода выражается, скорее, в организационных моментах его применения: когда в силу объективных причин происходят

изменения в отношениях интервьюер-респондент, выводя их общение из рамок монолога в активный диалог. Кроме того, более расширенные временные рамки онлайн-интервью помогают вывести его на качественно новый уровень. Ну и, наконец, онлайн-интервью является именно тем методом, который позволяет использовать по максимуму Интернет-ресурсы, экономя наше время на поездках и длительных командировках.

Библиографический список

1. Биографический метод: История, методология, практика. Под ред. Е. Ю. Мещеркиной, В. В. Семёновой. М.: Ин-т социологии РАН, 1994. 148 с. С. 13-14.
2. Гай-Воронская А.Л. Биографический метод и его эвристические возможности в социологических исследованиях // Методология и практика социологических исследований... С. 47.
3. Грищенко Н.А. Исследование личности биографическим методом / Практикум по экспериментальной и прикладной психологии. Л., 1990. С.61-65.
4. Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 1: Биографии и история. М.: ЦСПиМ. 2012. 418 с.
5. Журавлев В.Ф. Нarrативное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4 М. 1993-94. №3-4. С. 37.
6. Иконникова С.Н. Биография как социокультурное измерение истории // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). С. 2.
7. Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности: Учебное пособие. Алматы: КазГУ, 2001. 172 с. С. 16.
8. Путилова Е.Г. Особенности использования биографического метода в исторической науке // URL: [Электронный ресурс] <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/biografiya-glazami-istorika> (дата обращения: 17.11.2014 г.)

References

1. The biographic method: history, methodology and practice / E.U. Mescherkina, V.V. Semyonova. Moscow, 1994. 148 p. Pp. 13-14.
2. Gay-Voronskaya A. L. The biographic method and it's evristic possibilities in sociologist investigations // The methodology and practice of the sociologist investigations... P. 47.
3. Grischenko N.A. The researchers of the human by the biographic method / The practicum of the experience and practice psychology. L., 1990. Pp. 61-65.
4. Doctorov B.Z. The modern Russian sociology: The Historical-biographic search. V. 1: The biography and History. Moscow, 2012. 418 p.
5. Zhuravlyov V. F. The narrative interview in the biographic investigations // The sociology: 4 M.1993-94. № 3-4. P. 37.
6. Ikonnikova S.N. The biography as the social and cultural measuring of History // The cultural magazine. 2011. № 4 (6). P. 2.
7. Loginova N.A. The psychic-biographical method of the investigations... Almaaty, 2001. 172 p. P. 16.
8. Putilova E.G. The specifics of using of the biographic method in History // URL: [Electronic resource] <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/biografiya-glazami-istorika> (the date of using: 17.11.2014)

Г.П. СИДОРОВНИН

аспирант, кафедра новейшей истории народов России, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Координатор (ESI) Европейского столыпинского инфоцентра (Майнц, Германия)
E-mail: pimen2004@mail.ru

G.P. SIDOROVNIN

Graduate student, Department of Modern History of the peoples of Russia, Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Coordinator (ESI) European Stolypin InfoCenter. (Mainz, Germany)
E-mail: pimen2004@mail.ru

КОНФЛИКТ П.А. СТОЛЫПИНА С НИКОЛАЕМ II: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ГИБЕЛИ МОНАРХИИ

THE CONFLICT BETWEEN PYOTR STOLYPIN AND NIKOLAY II: PROLEGOMENA TO THE FALL OF THE MONARCHY

В поисках оптимального устройства и развития политической системы России наши современники – государственные и общественные деятели, ученые – часто обращаются к опыту прошлого. В связи с этим представляется целесообразным изучение деятельности председателя правительства дореволюционной России П.А. Столыпина и практики его кабинета, пытавшегося модернизировать монархию сотрудничеством с народным представительством. В предлагаемой статье особое внимание уделяется политическим расхождениям, возникшим в отношениях главных в России персон, а также последствиям опалы Столыпина и его смерти, ставших прологоменами к «сворачиванию» реформ и вступлению России в I Мировую войну.

Ключевые слова: столыпинские реформы; конфликт Столыпина с Николаем II; министерский кризис 1911 г.

In order to improve Russia's political system state and public figures, scientists often refer to the experience of the past. Therefore, it is advisable to study the activity of pre-revolutionary Russian Prime Minister Pyotr Stolypin and his cabinet, who tried to modernize the monarchy by working with the people's representatives. This article focuses on the political differences that have arisen between the Prime Minister and the Emperor. And the consequences of the crisis and death of Stolypin, that taken together become prolegomena to the fall of the monarchy.

Keywords: Stolypin reforms; the Conflict between Pyotr Stolypin and Nikolay II; ministerial crisis of 1911.

В поисках оптимального устройства и развития политической системы России наши современники – государственные и общественные деятели, политологи, социологи, историки и т.д. – нередко обращаются к прошлому опыту, подчас предлагая не только принять его во внимание, но даже взять за образец. Например, по данным ВЦИОМ, «около 28% россиян не возражают против восстановления монархии в России...» (<http://news.rambler.ru/22031531>). Заметим, что такая тенденция особенно проявилась на фоне мероприятий, связанных с четырехсотлетием династии Романовых, когда в целом ряде выступлений общественных, политических и религиозных деятелей, а также фильмов, научно-популярных и публицистических произведений был сделан упор на всевозможных заслугах и достоинствах императора Николая II. Характерно, что при этих исторических реконструкциях зачастую были заметно смещены и затемнены минувшие трагические события и явления, допущены инверсии, гипотезы и купюры, существенно искажающие реальное положение дел [15]. Здесь в качестве примера можно сослаться на историко-публицистический телесериал «Романовы» (<http://www.youtube.com/watch?v=XBa0Tn5kPYs>), где некоторые серьезные просчеты последнего представителя династии просто опущены. Достаточно указать, что совершен-

но не обозначена тема прямой вины самодержца и его ближайшего окружения за неготовность к продолжительным боевым действиям [12: С.78-92] и конфликт в Азии, которые довели страну до позорного поражения в Русско-японской войне [6: С 654-662]. Между тем, как справедливо отмечается в ряде источников, она началась «из-за махинаций кучки высокопоставленных аферистов, пользовавшихся покровительством государя императора Николая II» (<http://myrt.ru/history/283-nastojashhie-prichiny-russko-japonskoj.html>). А расплачиваться, как известно, пришлось не только колоссальными финансово-выми потерями, но также жизнями сотен тысяч россиян, разгромом русского военного флота и, в конце концов, благополучием всей страны (<http://abakus.narod.ru/poter/page9.html>). Однако при современной интерпретации эта страница истории, заслуживающая критики, предельно затушевана [11: С. 193, 218].

Следует также заметить, что в ряде современных книг и публикаций при описании последующих вскоре государственных мер и реформ, способствующих восстановлению мира в России, а также стремительному укреплению ее экономического, научного и культурного потенциала, существенно умаляется значение созидательной роли председателя правительства П.А. Столыпина. За рамками повествования зачастую

остается также ответственная тема противоречий, возникших между царем и Столыпным, которые существенно осложнили положение последнего и, как считается многими исследователями, стали одной из причин его преждевременной смерти. Характерно, что при этом обходится болезненная тема вовлечения впоследствии неокрепшего еще государства – вопреки заветам Столыпина – в очередной Балканский конфликт, а следом в I Мировую войну. Такой подход, перекладывая всю вину за крушение исторической России на революционные силы, зарубежных агентов, масонов [11: С. 177-230] и т.д., вместе с тем, представляет монархию совершенной формой государственного устройства. Таким образом, вне критического обсуждения оказывается существенный изъян монархического уклада – заангажированность его политики и полная зависимость даже самых достойных, опытных, заслуженных и самодостаточных деятелей российской элиты от воли государя. Между тем, в той или иной мере эта проблема поднималась еще в мемуарной литературе и публицистике начала XX века С.Ю. Витте [7], А.И. Гучковым [13: С. 433-434, 495-496], В.Н. Коковцовым [13: С. 388-389, 399, 436, 483-484], К.А. Кривошеиным [13: С. 381, 390], В.А. Маклаковым [13: С. 182, 191, 202], М.О. Менышиковым [13: С. 294-295, 451-453], К. Масси [10], Л.А. Тихомировым [13: С. 393-394, 427-430, 500-501], а впоследствии в исследованиях А.Я. Авреха [1], П.Н. Зырянова [9], В.С. Дякина [8], А.И. Солженицына [14], А.П. Бородина [5], Д.Б. Струкова [15] и другими.

При этом, например Аврех, исходя из впечатлений и доводов некоторых дореволюционных публицистов, подтвердил тезис о «предрешенной отставке» главы правительства после министерского кризиса в 1911 г. Однако, при ближайшем рассмотрении аргументация автора не выдерживает серьезной критики и свидетельствует только о противоречиях, которые крайне осложняли отношения Столыпина и государя, вынужденного принять условия главы правительства [5: С 198-204]. Таким образом, возникшая дилемма лишь подтверждает, что на шестом году службы Столыпина на вершине государственной власти Николай II фактически признавал его превосходство, поскольку при состоявшемся между ними объяснении царь сам утверждал, что замены тому нет, и принял все условия [13: С. 390-391]. Примечательно, что В.С. Дякин (не без оснований утверждавший, что в основе противоречий между главой правительства и правыми лежали сословные соображения и нежелание поступаться своим влиянием на правительственный аппарат) подтверждает, что положение Столыпина пошатнулось, так как Объединенное дворянство во время кризиса усилило свое давление на главу правительства и государя, а поскольку «обещаниям Николая цена была грош», то также приходит к выводу, что дни Столыпина на посту премьера были сочтены [8]. Однако П.Н. Зырянов утверждает обратное, не без основания полагая, что в результате министерского кризиса в руках Столыпина оказался Госсовет [9: С. 61]. Заметим, что мнение последнего, по сути, со-

впадает с более ранней оценкой Председателя Совета Объединенного дворянства графа А.А. Бобринского, считавшего, что положение Столыпина, несмотря на все влияние правых, осталось прочным, «благодаря поддержке Государя» [3: С.149-150]. Атмосферу в среде правых и в окружении Николая II в период министерского кризиса и после него исследовал на основании многих первоисточников А.П. Бородин, который, вопреки распространенному мнению, делает прочно обоснованный вывод, что отставку Столыпина нельзя было считать «предрешенной», что «вопрос о направлении правительственного курса окончательно решен не был, борьба продолжалась, и вполне определенный ее исход наметился лишь с убийством Столыпина» [5: С. 198-218].

Заметим, что отдельные публицистические и даже художественные произведения, используя исторический материал и цитаты, становились по серьезности постановки проблемы и глубине ее осмысления вровень с научными изысканиями. Здесь уместно сослаться на книгу А. Солженицина [14], обстоятельно, с опорой на цитаты и оригинальные тексты, исследующего сферу психологических взаимовлияний реформатора и государя. Причем, литератор как настоящий исследователь препарировал самую деликатную тему: положение русского патриота, который в критическое для отечества время вынужден был «думать – не как развернет свои свободные замыслы, а: как сумеет ввести их в русло монаршой воли...». Что оказалось неимоверно сложней, чем просто принимать и проводить в жизнь ответственные решения и нужные меры, так как «путь Бисмарка – несомненно насиливать волю монарха в интересах монархии – Столыпин не принимал для себя» [14: С. 100-102]. Между тем, вышеуказанный труд (ставший «выемкой» из «Красного Колеса») был выпущен в канун канонизации царской семьи, и, видимо, потому автор уклоняется от категоричных выводов и оценок позиции государя. Следующий пример – широко растиражированная книга американского писателя Роберта К. Масси «Николай и Александра» [10] , исследующая конфликт от самых первых еле заметных расхождений Николая II с премьером, последующих разногласий (например, по еврейскому вопросу), до последних споров, вызвавших вторичную просьбу Столыпина об отставке. Причем, автор также считает, что царь подпал под влияние «придворной камарильи», а также своей жены Александры, ставшей врагом премьера из-за непримиримой позиции Столыпина к Г. Распутину [10: С. 16, 255].

Подверстывая вышеизложенное, можно сказать, что тема обострившихся в 1911 г. расхождений между Столыпиным и Николаем II в целом на протяжении века не подвергалась сомнению подавляющего большинства. Однако последнее время свидетельства крепнущей неприязни к П. Столыпину Николая II, царской семье и его ближайшего окружения стали толковаться превратно, сглаживаться или вовсе изыматься из контекста некоторых исследований. В свете указанной здесь проблемы особого внимания среди современных монографий за-

служивают труды Д.Б. Струкова [15]. Примечательно, что при обстоятельном исследовании отношений реформатора и Николая II, которое может сделать честь самой серьезной работе, автором, как нам представляется, делаются субъективные выводы в пользу позиции, поступков и оценок государя. Таким образом, некоторые факты и очевидные обстоятельства, изложенные в использованных первоисточниках, остались на втором плане, были опущены или затемнены, уступив место исключительно благоприятной для репутации Николая II трактовке минувших событий, а также действий и психологии персонажей [15: С. 212-238].

Между тем, отношение к Столыпину Николая II в кризисный период 1911 г. в известной степени было обусловлено настроением и действиями его свиты и других персонажей, свидетельства которых и о которых прочно вошли в научно-исторический оборот. В самом деле, помимо супруги государя среди недоброжелателей упоминаются также князь В.Н. Орлов, убеждавший царя, что «само существование Думы бесчестит самодержавие»; дворцовый комендант генерал Дедюлин; председатель Госсовета М.Г. Акимов; метивший в главы МВД шеф «охранки» генерал Курлов, а также целый ряд влиятельных правых, осаждавших Николая II письмами или входивших с ним в личный контакт [13: С. 384-390]. Особый разговор о влиянии Г. Распутина, ставшего премьеру личным врагом и в эту пору уже набиравшего значительный вес [13: С. 380-382]. Редкую возможность передать отношение к Столыпину в семейной среде самодержца предоставляет следующее свидетельство приближенной к императрице А.А. Вырубовой о том, как царь однажды за чаем сказал: «Столыпин был бы рад занять мое место» [2: С. 67]. С другой стороны влияние на государя, наряду с правыми, пытался оказать бывший глава правительства Витте, всячески провоцирующий нажим на Столыпина в Госсовете. Причем, враги образовали против премьера фронту, всеми средствами компрометируя и мешая ему [5: С. 124-144, 165-177, 198-218].

Таким образом, в атмосфере зависти, интриг, инсценировок Столыпин нуждался в твердой опоре, но постепенно лишался ее. При обзоре этой темы в научной литературе и публицистике указывается, как на ключевой(!), на конфликт, связанный с обращением к царю двух влиятельных членов Госсовета (П.Н. Дурново и В.Ф. Трепов), пользующихся его расположением. Достоверность этого факта неоспорима и подтверждается многочисленными документами, но особенно в этом историческом эпизоде характерна развязка, о которой красноречиво свидетельствует в мемуарах М. Бок, передавшая рассказ отца о разговоре с Николаем II [4: С. 204-206]. Атмосферу события воспроизводит и министр В.Н. Коковцов, высказавший сомнение в целесообразности жесткого ультиматума его шефа государю, на что Столыпин ему возразил: «Пусть ищут смягчения те, кто дорожит своим положением, а я нахожу и честнее и достойнее просто отойти совершенно в сторону...» [13: С. 387]. И по прошествии века этот поступок премьера дает основания к размышлению: был ли это опрометчи-

вый шаг или единственный способ разбить оппозицию; сказались ли здесь раздражение, усталость Столыпина или его бойцовский темперамент, увлекший за опасную грань? Однако Коковцову, предлагавшему «путь борьбы без насилия над законом и над самим Государем», Столыпин дал ответ: «Лучше разрубить узел разом, чем мучиться месяцами над работой разматывания клубка интриг (...). Вы правы в одном, что Государь не простит мне, если ему придется исполнить мою просьбу (...) я отлично знаю, что до меня добираются со всех сторон, и я здесь не надолго» [13: С. 388].

Очевидно, что именно этот решительный демарш премьера против заговорщиков стал его «пирровой победой», окончательно расстроившей отношения с Госсоветом и Думой и стоившей ему потери расположения государя. Характерно, что неблагоприятный для Столыпина исход этого дела предрекали тогда представители всех лагерей. В подтверждение приводим слова вдовствующей императрицы Марии Федоровны: «Я совершенно уверена, – сказала она, – что Государь не может расстаться со Столыпиным, потому что он и сам не может не понять, что часть вины в том, что произошло, принадлежит ему (...). Я не вижу ничего хорошего впереди (...) и я почти уверена, что теперь бедный Столыпин выиграет дело, но очень ненадолго, и мы скоро увидим его не у дел, а это очень жаль и для Государя и для всей России (...») [13: С. 388-389].

Заметим, что оценки вдовствующей императрицы (в их развернутом виде) не только дают ясный прогноз и характеризуют действия «правых», но также обнажают личные свойства Николая II, которые зачастую пытаются скрыть и приукрасить, чтобы всячески поддержать реноме государя. Между тем, его ревность к авторитету премьера и болезненное самолюбие, наряду с мягкостью и неуместной порою терпимостью сыграли в этом конфликте самую незавидную роль. Видимо, эти свойства натуры и позволили царю встретиться с представителями фронды, сложившейся в Госсовете, но помешали ему быть до конца искренним со Столыпиным, а затем простить обиду и свою слабость, проявленную во время объяснения с ним. Эту драму исторического объяснения между царем и премьером в полной мере воспроизводит сохранившаяся в российских архивах записка безымянного автора. Примечательно, что написана она на специальной бумаге с грифом «Председатель совета министров», и это дает основания для версии, что оно было написано с ведома или под диктовку П. Столыпина. Вот его ключевые фрагменты в авторской стилистике: «...Государь меня принял и я ему сказал, что прошу его меня уволить. (...) Я ему сказал, что правые – это же правые, что они реакционеры темные, льстивые и лживые, лживые потому что прибегают к темным приемам борьбы (...) И я снова напал на них, говорил Г., что они ведут к погибели, что они говорят: “Не надо законодательствовать, а надо только управлять” (Выд. – Г.С.)... Но по-видимому что Г. нравится и он сам им верит. Убедившись в этом я решительно заявил об уходе, т.к. понял, что мне больше нет опоры (...).

Государь ничего на мои энергичные упреки не ответил, а только плакал и обнимал меня. – Мне его искренно жаль!(...)» [13: С. 391]. Выделенное в тексте открывает самую суть политических расхождений, наметившихся к исследуемому периоду между премьером, созидающим необходимость деятельности представительных органов (Госдумы, прежде всего), и окончательно разочаровавшихся в них государем. Возможно, по этой причине внешнее примирение между царем и премьером не смогло в полной мере воспрепятствовать дальнейшему охлаждению их отношений.

Обращаясь далее к теме других политических расхождений, можно предположить, что они могли укрепиться после знакомства царя с подготовленными Столыпиным «Проектами о преобразования России», предусматривающими решительную модернизацию управления государством, а также с «Проектом в области внешней политики»[13: С. 404-425] – для предотвращения мировой войны. Однако, поскольку речь идет о чудом сохранившихся (и возможно, неполных, несовершенных, неидентичных!) копиях, то возникает правомерный вопрос: а где же оригинал, который даже после смерти Столыпина никак не мог миновать своего адресата, то есть, государя?.. По свидетельству помощника премьера (А.В. Зеньковского), после соответствующей редактуры их намечалось осенью в окончательном варианте предоставить царю. История подготовки, таинственной пропажи, а также неожиданного издания за рубежом этого документа инициирует немало вопросов, которые не разрешены до сих пор. Между тем, версия столыпинских проектов, обнародованная спустя полвека после смерти реформатора, содержит подходы и взгляды, которые шли вразрез с позицией императора, а некоторые впрямую затрагивали прерогативы государя. Не определяя главной задачей обстоятельное знакомство с проектами, обратимся к самым спорным позициям, которые вполне могли вызвать трения между Столыпиным и государем, его окружением, а также правыми, со всех сторон осаждавшими Николая II. Вот, например: «...лица, населяющие Россию, независимо от их национальности и вероисповедания, должны быть совершенно равноправными гражданами России. Недопустимы никакие ограничения...» [13: С. 407]. Примечательно, что в проекте уделено немало внимания состоянию вооруженных сил: «...Военное министерство обязано выяснить состояние положения армий центральных держав и в соответствии с этим добиться того, чтобы наша армия была бы снаряжена всеми боевыми снаряжениями выше, чем все вместе взятые Германия и Австро-Венгрия...» [13: С. 416]. В нем также говорилось о необходимости улучшения командного состава и указывалось на недопустимость нерачительного использования Военным министерством финансовых средств. Разумеется, это автоматически делало противником проектов как самого государя, так и его ближайшее окружение, нервно откликавшихся на всякую критику и умаление прав. Между тем, как утверждает Зеньковский со слов самого Столыпина, многие из основных положений проектов

уже были обсуждены и одобрены Николаем II, а потому возникает вопрос об очевидном несоответствии политики государства с вышеуказанными проектами после смерти премьера. Отсюда возникает предположение, что намеченные Столыпиным меры по переформированию управления Россией и ее внешней политикой не были приняты во внимание Николаем II. А сам факт отсутствия их в госархивах наводит на мысль, что они могли быть попросту уничтожены по распоряжению императора или в революцию...

Таким образом, как представляется при осмыслении вышеупомянутых источников и аргументов, Столыпин, для которого государственные интересы, соображения и нравственные начала были превыше всего, даже при обострении возникших с царем противоречий, не смог пожертвовать принципами и отступить. Напротив: Николай II принес ему извинения и ретировался, но укрепил к Столыпину (после его беспримерного нажима!) не лучшие чувства, которые, как считал император – по целому ряду свидетельств(!) – его затмевал [13: С. 491]. Следовательно, драма их отношений переросла в трагедию именно в силу слабости и противоречивости характера Николая II, не сумевшего справиться со страстями и поддавшегося настроениям окружения и антистолыпинской фронды, ожидавших отставки премьера, который имел смелость идти до конца.

Заметим, что последующие события – прекращение (по распоряжению императора!) следствия по делу должностных лиц, обвиняемых в преступной халатности при организации охраны на торжествах; компрометирующее государя возышение Г. Распутина; растущее раздражение общества; «министерская чехарда» и вступление (вопреки заветам Столыпина!) неокрепшей России в I Мировую войну) – стали пролегоменами революции и Гражданской войны. Это в очередной раз подтверждает, что последний российский монарх оказался неспособным верно оценить масштаб и потенциал реформатора, появление которого на исторической сцене было адекватным ответом России на исторический вызов. Что монархия, целесообразность восстановления которой в той или иной форме обсуждается ныне, не может служить образцом и гарантом благополучия государственного устройства, а пресловутый «человеческий фактор» остается давлеющим, независимо от строя страны. В свою очередь это позволяет сделать решающий вывод о том, что основное условие совершенствования России – не смена государственного устройства, которое, как правило, приводит общество к огромным потерям, а концентрация во власти самых достойных, для которых благо страны выше политических амбиций, клановых выгод и желания зарезервировать себе побольше жизненных благ. А потому глубокое символическое значение обретают ныне последние публичные слова реформатора: «Для лиц, стоящих у власти, нет греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности. Ответственность – величайшее счастье моей жизни» [13: С. 403].

Библиографический список

1. *Avrech A.Y.* Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991.
2. *Anan'ich B.V., Ganelin R.Sh.* Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 58-76.
3. *Bobrinsky A.A.* Дневник // Красный архив. 1928. №1 (26). С. 149-150.
4. *Bok M.P.* Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. М.: Современник, 1992.
5. *Borodin A.P.* Столыпин. Реформы во имя России. М.: Вече, 2004.
6. *Weka A.W.* История России. М.: ACT; Mn.: Харвест, 2005.
7. *Witte S.Y.* Воспоминания: В 3 Т. Т. II. Таллин; М.: Скиф Алекс, 1994.
8. *Dyakin B.C.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л.: Наука, 1978.
9. *Zyryanov P.N.* Пётр Столыпин: политический портрет. М.: Высш. шк., 1992.
10. *Massey R.K.* Николай и Александра. М.: Пресс-Соло, 1996.
11. *Pushkarskiy N.Y.* The Russian Emperor Nikolai II. Saratov: Compatriot, 1993.
12. *Sergeev E.Y.* Military intelligence Russia in its war with Japan (1904-1905) // National history, 2004. No. 3.
13. *Sidorovnin G.P.* P. A. Stolypin. Life for the Fatherland: the Biography (1862-1911). Saratov: Cultural center named after P.A. Stolypin, 2002.
14. *Solzhenitsyn A.I.* Stolypin and the king. Yekaterinburg: U-Faktoriya. 2001.
15. *Strukov D.B.* Stolypin. On the way to great Russia. М.: Veche, 2012.

References

1. *Avrech A.J.* Stolypin and the fate of reform in Russia. M., Politizdat, 1991.
 2. *Anan'ich B.V., Ganelin R.Sh.* Nicholas II // Questions of History 1993. № 2. Pp. 58-76.
 3. *Bobrinsky A.A.* Diary // Red Archives. 1928 №1 (26). Pp. 149-150.
 4. *Bok M.P.* Memories about my father P.A. Stolypin. M: Contemporary, 1992.
 5. *Borodin A.P.* Stolypin. Reforms in the name of Russia. M, Veche, 2004.
 6. *Weka A.W.* The History of Russia. M.: AST, Mn.: Harvest, 2005.
 7. *Witte S.Y.* Memories: 3 V., V. II.. Tallinn: M: SKIF Alex, 1994.
 8. *Dyakin W.S.* Monarchy, the bourgeoisie and the nobility in 1907-1911. L.: Nauka, 1978.
 9. *Zyryanov P.N.* Pyotr Stolypin: a political portrait. M., 1992.
 10. *Massey R.K.* Nikolai and Alexandra. M.: Press-Solo, 1996.
 11. *Pushkarskiy N.Y.* The Russian Emperor Nikolai II. Saratov: Compatriot, 1993.
 12. *Sergeev E.Y.* Military intelligence Russia in its war with Japan (1904-1905) // National history, 2004. No. 3.
 13. *Sidorovnin G.P.* P. A. Stolypin. Life for the Fatherland: the Biography (1862-1911). Saratov: Cultural center named after P.A. Stolypin, 2002.
 14. *Solzhenitsyn A.I.* Stolypin and the king. Yekaterinburg: U-Faktoriya. 2001.
 15. *Strukov D.B.* Stolypin. On the way to great Russia. M.: Veche, 2012.
-
-

Е.Е. ЩЕКОТИХИН

доктор исторических наук, профессор, кафедра истории, Орловский государственный университет
E-mail: kaf_history@uviv-orel.ru

E.E. SCHEKOTICHIN

Doctor of History, Professor, Department of history, Orel State University
E-mail: kaf_history@uviv-orel.ru

СОЦИУМ ДОВОЕННОЙ И ПОСЛЕВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

THE SOCIETY OF PRE-WAR AND POST-WAR SOVIET VILLAGE (ON THE EXAMPLE OF OREL REGION)

Статья посвящена проблеме выживания сельского населения в условиях оккупационного режима на территории Орловской области. Основной темой статьи является сравнение уровней жизни жителей довоенной и послевоенной деревни. Результатом оккупационного режима стал подрыв демографических, социальных и экономических устоев русской деревни.

Ключевые слова: сельское население, коллективное хозяйство, индивидуальное хозяйство (двор), приусадебный участок, оккупанты, голод, нищета, русская деревня, нацистский режим.

The article is devoted to the problem of the survival of the rural population during the occupational regime in Orel region. The main idea of the article is the comparison of the life level of the population in the pre-war and post-war village. As a result of the occupational regime of Nazis was an undermine of the demographic, social and economic foundations of the Russian village.

Keywords: rural population, collective farm, private farm, a plot of land, starvation, poverty, Russian village, Nazis regime.

В воспоминаниях Константина Симонова есть характерный эпизод лета сорок первого года. Направляясь по журналистским делам в Мариуполь, он вместе с коллегой остановился в первом попавшемся украинском селе – побывать в колхозной столовой. «В столовой, в которую мы поднялись на второй этаж по дощатой наружной лестнице, продавали виноградное вино, молоко, огромные оладьи, жирный борщ. Что-то веселое и доброе было в этих деревянных струганых столах, в обильной еде, в приветливых, здоровых, красивых девушких-подавальщиках. У меня было горькое чувство оттого, что мы в прошлом иногда раньше, чем это происходило в действительности, начинали писать, что люди начали жить в достатке, по-человечески, а теперь, когда они, как здесь, например, действительно стали жить по-человечески, все это летело к черту»¹.

Немецкий офицер Гельмут Пабст, в октябре 1941 года воевавший под Тверью, так вспоминал русские деревни: «Чистая, просторная страна с большими домами. Люди смотрят на нас с благоговением. Есть молоко, яйца и сало. Вереницы гусей расхаживают по жухлой траве... Помещения для постоя поразительно чисты, вполне сравнимы с немецкими крестьянскими домами... Повсюду – изображения ликов святых. Люди дружелюбны и открыты. Для нас это удивительно»².

На пути немецкого офицера «стали попадаться густонаселенные места. Обстановка в деревнях более походит на городскую, с кирпичными двухэтажными домами и маленькими заводиками. Большинство из них имеют невзрачный деревенский вид... Довольно часты на окнах занавески и цветы в горшках. Я видел дома, обставленные мебелью с большим вкусом, блестящие чистотой, с высокобленными полами, с коврами ручной работы, с белыми голландскими печками с медной утварью, чистыми постелями и людьми, одетыми скромно, но опрятно. Не все дома были такими, но многие»³.

То есть как ни крути, а ни голода, ни нищеты на советской земле Пабст не видит. И вот почему.

Население СССР быстро увеличивалось, создавая резервы для роста производительных сил и численности Красной Армии. Особенно бурно росло городское население – с 26 млн человек в 1926 году до 61 млн в 1940-м. Сельское население также выросло за этот период – со 121 до 132 млн человек. Таким образом, доля городского населения, при одновременном росте сельского населения, увеличилась с 18% (в 1926 г.) до 32% (в 1940 г.), что отражало продолжающийся в период третьей пятилетки процесс индустриализации народного хозяйства ряда районов Советского Союза⁴.

В нашей стране, в отличие от остальных государств,

¹ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя, 1941–1945. М.: Грифон-М, 2005. Т. 1. С. 231–232.

² Пабст Г. Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте, 1941–1943. / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2004. С. 39–40.

³ Пабст Г. Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте, 1941–1943. / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2004. С. 41–42.

⁴ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в годы Великой Отечественной войны.

имелась в огромных количествах земля. В русском фольклоре она недаром зовется кормилицей. В годы колхозизации основная часть пахотной земли перешла в коллективное пользование (95%), т.е. в колхозы и совхозы. По Уставу сельскохозяйственной артели (принят 1 марта 1930 г.) наряду «с обобществлением основных средств производства, в единоличном пользовании колхозников сохранялись приусадебные участки, мелкий инвентарь, домашний скот, птица». И хотя в 1939 году в СССР крестьяне-единоличники составляли всего лишь 2,6%⁵, но в общей сложности поодаль от колхозов самообеспечивались едой и кровом около 5 млн человек.

До войны в СССР из 422 млн га всех сельскохозяйственных земель 371 млн имелось у колхозного и единоличного трудового крестьянства и 51 млн – в государственных совхозах. Около 5% земли – приусадебные участки – оставалось в частном пользовании, как у колхозников, так и у единоличников. На Урале, в Сибири и на Алтае сельские труженики имели еще и гарантированные сенокосные угодья. Размеры приусадебных участков и покосов были разные, в зависимости от регионов – от 30 соток до 1 га пашни и от 2 до 4 га покосов на хозяйство.

Поголовье крупного рогатого скота в колхозах возросло с 0,3 млн голов в 1928 году до 20,1 млн в 1940-м; поголовье овец и коз – с 0,5 до 41,9 млн; свиней – с 0,1 до 8,2 млн голов.

В России с 1938 года не наблюдалось природных аномалий. Годы были урожайными, что способствовало резкому повышению жизненного уровня как в сельской местности, так и городе. Жизнь крестьян стабилизировалась. Впервые угроза голода, которая всегда висела над Россией дамокловым мечом, была снята. В самом деле, приусадебный участок гарантировал по осени урожай картофеля (второй хлеб), свеклы, капусты, огурцов – всего того, что ежедневно подавалось на стол.

На 1 января 1940 года на территории Орловской области имелось 570 881 хозяйств, в которых проживало 3 163 588 человек, или 89% всего населения нашего региона. Средняя численность семьи в сельской местности составляла 5,54 человека⁶. К этому времени 488 875 хозяйств (87%) были объединены в 6981 колхоз. В одном коллективном хозяйстве в среднем числилось около 70 хозяйств. Как правило, одна деревня объединялась в один колхоз. Чиновники районных управлеченческих структур были самостоятельны, и таких хозяйств насчитывалось 66 629, или 12%. Кроме того, в области имелось 15 377 хозяйств единоличников, или 0,03%. Размер приусадебного участка у двух последних категорий варьировался от 1 до 10 га.

В РСФСР к 1940 году эксперимент с коренным преустройством сельского хозяйства завершился.

На 1 января 1938 года в Орловской области (образована 27 сентября 1937 г.) было 6 623 642 га земли, в т.ч.

пашни – 3 422 227 га,

сенокосы	– 672	338 га,
выпасы	– 304	742 га,
леса и кустарники	– 1 333	409 га,
торфяники и болота	– 31	220 га,
хозяйства с приусадебными участками	– 441	863 га.
Колхозы имели 6 292 трактора и 1 234 комбайна ⁷ .		
В колхозах и совхозах Орловской области имелось:		
лошадей	415	872,
крупного рогатого скота	270	771,
свиней	158	392,
овец и коз	422	265 ⁸ .

Если учесть, что в личных подсобных хозяйствах (а их было более полумиллиона) имелась в среднем одна корова, то на лугах Орловской области (в границах 1937 г.) перед войной паслось около 750 тыс. голов КРС, более миллиона овец и коз, несчетное количество домашней птицы, принадлежавших колхозникам и единоличникам. В колхозных и частных конюшнях имелось около 500 тыс. лошадей.

Колхозам государство ежегодно выделяло кредиты. Так, в 1940 году колхозам Орловской области было выдано 17 306 300 руб. кредитов, в том числе на развитие животноводства – 12 404 000 руб.⁹

Динамику движения поголовья лошадей и продуктивного скота в новых границах региона 1944 года можно проследить по документам, которые хранятся в областном архиве.

Таблица 1.
Движение поголовья рабочего и продуктивного скота в колхозах Орловской области¹⁰

Виды и группы животных	Отчетные годы (на 1 января)				
	1941	1944	1945	1946	1947
Лошадей	193 367	32 540	30 302	39 103	37 614
КРС	102 613	64 543	93 491	100 226	84 764
В т.ч. коров	17 483	5849	9915	20 125	15 323
Овец и коз	174 438	78 300	83 584	105 167	86 807
Свиней	68 352	6 743	15 450	18 074	15 695
Птицы	168 449	132 410	109 435	78 682	56 143

Если сравнивать вышеприведенные данные, бросается в глаза то, что количество лошадей в 1944 году уменьшилось по сравнению с началом 1941-го в шесть раз, КРС и овец – в два раза, а свиней – в десять раз. Поголовье лошадей, КРС, овец, птицы в колхозах не было восстановлено даже к 1947 году.

Характерная деталь: доходы колхозов в 1940 году составили в денежном выражении 359 736 700 руб., из

7 ГАОО, ф. Р-1653, оп. 1, д. 13, л. 30.

8 До октября 1941 года было эвакуировано 156 755 голов. Сдано заготовительным организациям 127 820, частям Красной Армии – 10 008 голов. За пределы области отправлено 90 335 из 117 127 лошадей в возрасте до трех лет. В течение октября в города Мичуринск и Энгельс, а также в Москву было отгружено свыше 150 вагонов мяса, около 300 т сала передано командованию Брянского фронта.

9 ГАОО, ф. Р-1200, оп. 1, д. 143, л. 20 (об.).

10 Данные приведены по колхозам и единоличным хозяйствам Орловской области в административно-территориальных границах на 1 августа 1944 г., когда в состав региона входило 40 районов (см. подробно ГАОО, ф. Р-1200, оп. 1, д. 135, л. 2–23).

5 Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в годы Великой Отечественной войны.

6 ГАОО, ф. 2583, оп. 1, д. 120, л. 108–108 (об.).

них было выдано колхозникам по трудодням сельхозпродукции на сумму 182 611 200 руб.¹¹, или более половины полученных доходов (51%). В эти годы каждый трудоспособный колхозник за год имел на своем счету в среднем 200 трудодней.

Если учесть, что в это время в сельской местности Орловской области располагалось 504 252 хозяйства¹², то в среднем приусадебный участок одного двора занимал 0,88 га, или 88 соток земли.

Наличие земли и трудоспособных членов семьи (как правило, это 3–4 человека: отец, мать, а также дети старшего возраста, которые начинали трудиться по хозяйству с десяти лет) определяло продовольственный и материальный достаток.

Глава семьи, отец, а также сыновья и дочери, достигшие 18-летнего возраста, трудились в колхозе, где за 8 часов работы им начислялся трудодень. Единица оплаты по трудодню – натуральный продукт: рожь, пшеница, мука, мед, сало и т.д., а также отходы: солома, половы, мякина; выделялись покосы на сенокосных угодьях, а также на убранных хлебных полях (по жнивью).

Все эти продуманные мероприятия позволяли главам семей держать в своих хозяйствах в достаточном количестве (сколько можно было прокормить), домашний скот и птицу. В каждом хозяйстве, как правило, имелась корова или телка, минимум 4 овцы, не менее 10 кур. В среднем на 10 хозяйств имелась лошадь, а на два-три хозяйства – поросенок¹³.

В одном хозяйстве единоличника Пайко (всего в области было 15 377 единоличных хозяйств) имелось: лошадь, корова, телка, 9 овец, около трех десятков гусей и кур. Все единоличники платили большие налоги. На 1 июня 1941 г. только недоимки по налогам девяти хозяйств единоличников за 1940 г. составляли 6527 руб.¹⁴

О том, как и в каком достатке жили перед войной граждане Ливенского и других районов, подвергшихся оккупации, иллюстрируют документы, имеющиеся в архивах. В «Акте по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками гражданам Ливенского р-на», указано, что Аверьянов Иван Максимович из деревни Калиновка Реченского сельсовета имел и потерял в одночасье:

1. Хату деревянную – 84 кв. м.	7492 руб.
2. Два амбара – 160 кв. м.	8500 руб.
3. Телку двухлетнюю	2000 руб.
4. Теленка	1000 руб.
5. Овц – 4 шт.	2400 руб.
6. Кур – 6 шт.	1800 руб.
7. Картофеля – 5 ц.	3000 руб.
и т. д.	
Всего на сумму	90 190 руб.» ¹⁵ .

11 ГАОО, ф. Р-1200, оп. 1, д. 139, л. 86.

12 ГАОО, ф. Р-2583, оп. 1, д. 120, л. 108 (об.).

13 Подсчитано автором согласно актам по учету ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками гражданам оккупированных районов Орловской области (просмотрены все акты по Ливенскому, Мценскому, Орловскому, Володарскому, Никольскому, Краснозоренскому, Корсаковскому, Покровскому р-нам).

14 ГАОО, ф. Р-1200, оп. 1, д. 143, л. 27.

15 ГАОО, ф. Р-691, оп. 1, д. 77, л. 43.

«В д. Космаковка Реченского с/совета

Уничтожено:

22 двора	– 1837 кв. м.,
надворные постройки	– 1995 кв. м.,
амбары деревянные	– 919 кв. м.

Отобрано:

коров	– 3,
молодняка КРС	– 14,
свиней	– 7,
овец	– 77,
кур, гусей	– 195,
пчелиных семей	– 7,
картофеля	– 177 ц.
зерна	– 11 ц.

и т.д.

Ущерб на сумму 1 747 404 руб.»¹⁶.

В д. Безодное Реченского сельсовета у Мельниковой Варвары Петровны числилось до войны и было уничтожено согласно «Акту по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками гражданам Ливенского р-на», следующее:

«Хата деревянная – 50 кв. м.

Отобрано

1. Телок	– 2.
2. Овц	– 6.
3. Кур	– 50.
4. Пчелиных семей	– 10.
5. Меда	– 10 пудов.
6. Муки	– 20 пудов.
7. Мяса	– 100 кг.
8. Сала	– 10 кг.
9. Пшена	– 9 пудов.
10. Картофеля	– 150 ц.
11. Сена	– 90 пудов.
12. Овса	– 20 пудов.

и т. д.

Всего на сумму 356 928 руб.»¹⁷.

В д. Безодное Реченского сельсовета немецкие оккупанты уничтожили:

«105 дворов – 5507 кв. м.

Надворных построек – 8000 кв. м.

Отобрали

коров	– 8,
молодняка КРС	– 37,
свиней	– 15,
овец	– 190,
кур, гусей	– 476
пчелиных семей	– 80.

И т.д.».¹⁸

Историки от политики говорят, что граждане СССР перед войной жили в полной нищете. Что же тогда эти богатые немцы отбирали у бедных русских? Что они отсылали родным в благополучную Германию?

16 ГАОО, ф. Р-691, оп. 1, д. 77, л. 65.

17 ГАОО, ф. Р-691, оп. 1, д. 77, л. 329.

18 ГАОО, ф. Р-691, оп. 1, д. 77, л. 438–439.

Часы, патефоны, одежда – все эти «трофеи» в изобилии находили в обозах частей вермахта, разбитых под Москвой и Ростовом, позже под Смоленском и Минском. Большинство рядовых немецких солдат и офицеров, особенно те, которые жили в городе (а таких в германской армии было большинство), никогда не видели такого количества натуральных продуктов, которыми питалось исключительно все население славянских и прибалтийских республик СССР. Поэтому первыми требованиями оккупантов, входящих в наши деревни, были: «Матка! Куры, яйки, молоко – давай и давай!». Начиналась охота и отстрел живности во дворах. Интенданты и их команды отбирали у населения коров, телят, овец и поросят, которых тут же отправляли на бойни, имевшиеся при каждой дивизии. За два года оккупации практически все домашние животные были отобраны у населения окраинных улиц г. Орла (Комсомольская, Семинарка, Лужки, Рабочий городок и др.), а также близлежащих к областному центру деревень.

Достаточно обеспеченно, если не сказать зажиточно, жило перед войной население Орловского района. Просмотренные мной «Акты по учету ущерба...» констатируют, что во всех без исключения личных домовладениях нп Салтыковского сельсовета имелись коровы, овцы, куры, примерно в 70% хозяйств имелись свиньи, в 50% – лошади¹⁹.

К примеру, у Даниловой Пелагеи Аристарховны «взято в связи с разбойничими действиями немецко-фашистских оккупантов: корова – 1 голова, овц – 2 головы, гусей – 11 голов, кур – 20 голов, муки – 32 кг. сена 10 ц. и др.»²⁰.

Мосина Татьяна Петровна из колхоза «Безбожник» Салтыковского сельсовета в заявлении на имя председателя райисполкома пишет: «Прошу оплатить мне убытки, нанесенные немецкими оккупантами. У нас сгорела хата, двор, сарай. Отобрана корова, 4 овцы, 32 курицы, 5 петухов»²¹.

Тщательно просматривая документы Облземотдела, я обнаружил данные, подтверждающие, что до войны в хозяйствах колхозников и единоличников имелось достаточно количество домашнего скота, что обеспечивало сытую жизнь членов семьи, питавшихся мясными и молочными натуральными продуктами с собственного подворья.

Эти данные ломают сложившийся стереотип, по которому после окончания колхозного строительства население Российской Федерации, Украины и Белоруссии жило очень бедно и чуть ли не умирало с голода. Да, это было в 1929–1933 гг. – в период тотальной коллективизации и страшных неурожаев. В результате десяти лет глобального переустройства советской деревни была достигнута главная цель: народ был накормлен и угроза голода более не существовала. Смею утверждать, что в предвоенный год население славянских республик,

особенно сельское, а это 87% граждан, питалось лучше всех в мире. Где, в какой стране почти в каждом доме имелась корова, которая полностью обеспечивала молоком членов семьи, особенно детей. В каждом дворе были телята, свиньи, овцы, домашняя птица. Меньшая часть этой живности шла на воспроизводство, а большая – на мясо.

Таблица 2.

Движение поголовья скота на личных подворьях населения Орловской области

	Отчетные годы (на 1 января)				
	1941	1944	1945	1946	1947
Ко л - в о дворов	219 758	215 611	252 212	249 267	245 159
Лошадей					
КРС	182 304	-	107 835	121 748	131 239
В т.ч. коров	157 588		92 738	104 677	112 865
Овц и коз	441 691		183 101	205 204	182 774
Свиней	66 244		13 326	21 866	5651
Птицы	Данные отсутствуют				

Анализируя движение поголовья скота в личных подворьях, следует отметить, что перед войной на один двор приходилось: 0,83 ед. КРС, 2,0 ед. овец и коз, 0,3 ед. свиней. Спустя два года после оккупации на двор приходилось: 0,4 ед. КРС, 0,7 ед. коз и овец, 0,05 ед. свиней. Таким образом, количество домашних животных, благодаря которым обеспечивалась нормальная жизнь семьи, уменьшилось в два раза и больше: меньше одной овцы на двор, а свиней почти совсем не стало. Показатели наличия домашних животных у населения оккупированных районов еще меньше вышеприведенных цифр ввиду того, что в четырех районах области, не подвергшихся оккупации, количество домашних животных за этот промежуток времени не уменьшалось, а наоборот, увеличивалось. Об этом говорят сравнительные данные движения скота в Болховском и Задонском районах.

Таблица 3.

Движение поголовья скота на личных подворьях населения полностью оккупированного Болховского района

	Отчетные годы (на 1 января)				
	1941	1944	1945	1946	1947
Кол-во дворов	8871	8084	8947	8983	8985
КРС	7223	2573	3751	5577	6939
В т.ч. коров	6364	1997	2162	3191	4148
Овц и коз	15 716	1209	1777	2729	3991
Свиней	4093	64	1306	922	788
Птицы	Данные отсутствуют				

19 ГАОО, ф. Р-691, оп. 1, д. 131, л. 1–576.

20 ГАОО, ф. Р-691, оп. 1, д. 131, л. 13.

21 ГАОО, ф. Р-691, оп. 1, д. 131, л. 418.

Таблица 4.

Движение поголовья скота на личных подворьях населения Задонского района, не подвергшегося оккупации

	Отчетные годы (на 1 января)				
	1941	1944	1945	1946	1947
Кол-во дворов	9527	9661	9750	9676	9770
КРС	6339	6887	8190	8877	7883
В т.ч. коров	5104	5547	5537	5785	5670
Овец и коз	11 744	12 546	14 337	14 337	11 830
Свиней	1082	211	384	536	161
Птицы	Данные отсутствуют				

В личных подворьях Болховского района, который был под оккупацией почти два года, поголовье КРС уменьшилось в 3 раза, овец и коз в 13 раз, свиней в 5 раз. В то же время в личных хозяйствах Задонского района, который избежал немецкого нашествия, количество скота не только не уменьшилось, а значительно увеличилось (см. данные таблиц № 3 и № 4).

В 1947 году поголовье скота на территории оккупированных районов по всем показателям не достигло предвоенного уровня, тогда как в хозяйствах районов, не подвергшихся оккупации, количество домашних животных заметно увеличилось.

Только спустя десять лет после освобождения поголовье скота в личных хозяйствах было восполнено. К примеру, стадо моей родной деревни Верхнее Щекотихино восстановилось только к 1954 году. Тогда вместе с братом мы пасли около 90 коров и телят и 40 овец. Это было больше, чем в предвоенные годы, но не намного.

Таким образом, численность домашней живности в деревне, представленной частными хозяйствами, достигла довоенной, но крайняя бедность не была преодолена у нас никогда ввиду того, что почти каждый второй дом вместе со скотом был сожжен оккупантами, большинство мужчин не вернулись к родному очагу. Вся работа по восстановлению уничтоженных хозяйств, забота о детях легли на плечи женщин. Количество трудоспособных женщин в колхозах, а значит, и в деревнях, было в десять раз больше, чем трудоспособных мужчин. К примеру, в Кромском районе. Нищета поселилась в наших жилищах на долгие годы, если не навсегда. Все это следствие войны и особенно оккупационного режима, который отбросил нас назад – в жизнь деревни дореволюционного периода, о которой можно прочитать в «Записках охотника» И.С. Тургенева, в дневниках Л.Н. Толстого и в «Годах моего детства» Ивана Вольнова.

Глобальные изменения в жизнеустройстве частных хозяйств нашей области, а также всех оккупированных регионов можно проследить на примере моей семьи. Дом вместе с дворовыми постройками был построен в д. Верхнее Щекотихино Орловского района Овсянниковского сельсовета. За десять лет неизмеримого труда от зари до зари был возведен большой деревянный дом под железной крышей (пятистенок размером

6 на 9 м), амбар, коровник, конюшня, подвал из камня-известняка, курятник, навес для сена. Домовладение в результате усилий моих родителей – Щекотихиных Егора Алексеевича (1903 г. р.) и Натальи Филипповны (1906 г. р.) – перед войной приобрело завершенный вид. Как единоличники (отец работал на железной дороге, мать в весеннюю и осеннюю страду ходила на работу в колхоз) они обрабатывали 4 га пахотной земли. В 1940 году в нашем хозяйстве имелись лошадь, корова, телка, 12 овец, 2 поросенка, одна свиноматка, которая дважды в год приносila по 10–12 поросят: осенних раздавали родственникам, а весенних к осени, когда они набирали вес в 1,5–2 пуда, продавали.

В доме было все, что необходимо для жизни большой семьи (шестеро детей): русская печка, столы, стулья, шкафы, кровати, прялки, два самовара; имелись швейная машинка «Зингер», патефон, велосипед; сундуки, набитые шальми, полушалками, платками, платьями, брюками, детскими костюмчиками; много различной мануфактуры: отрезы ситца, шерсти, сукна, льняного полотна, бумаги. По праздникам отец, мать и все дети одевались с иголочки. Отец перед войной приобрел в торгсине кожаное пальто из леопардовой шкуры.

В результате двухлетней немецкой оккупации у нас не осталось ничего, как говорят, ни кола ни двора. Вся живность отобрана. Отступая, 4 августа 1943 года, за день до полного освобождения города, немцы сожгли дом.

Война для моей семьи, как и для всех 500 тысяч остальных семей, оказавшихся в зоне оккупации, означала потерю семейного счастья, крушение мечты молодости о счастливой и беззаботной жизни. Война – это личное несчастье, крах всех надежд и желаний, крушение, раскол вдребезги только что созданного хрупкого хрустального мироощущения бытия. Разве соберешь теперь эти осколки той, прежней жизни в нечто целое? Нет, это будут только фразы и предложения истории для наших внуков и правнуков. Война была чудовищной, ужасной, настолько ужасной, что мы даже не в состоянии рассказать все подробности жизненного мира, а тем более склеить ту прекрасную хрустальную вазу, какой помнится счастливое предвоенное семейное бытие моим старшим братьям и сестре.

История моей семьи в годы войны – это история изгнания, история бегства, история падения в одночасье в сиротскую нищету на долгие десятилетия, можно сказать, на всю оставшуюся жизнь. Сестра Вера Егоровна и брат Виктор Егорович сейчас живут намного беднее, чем жили мать и отец в предвоенное время. А ведь сестра проработала 50 лет на производстве, начиная с 15 лет, а брат 45 лет – с 18-летнего возраста.

И разве мы одни такие, нахлебавшиеся горя через край? Вся наша деревня Верхнее Щекотихино сгорела. Остался один двор моей тети – Александры Филипповны. В первую зиму после освобождения в ее доме ютились пять семей наших родственников общей численностью более 30 человек, в основном детей. Затем летом все семьи нашей деревни, так же

как и семьи соседних сгоревших деревень – Нижнее Щекотихино, Нижняя Лужна, Коневка, Овсянниково, Прокуровка, – успели соорудить землянки и на долгие годы ушли жить под землю.

Что это значит? Помню, как весной, в апреле 1952 года, возвращаясь из школы, я по пути домой спустился в землянку моего дяди Николая Филипповича. В центре ее была подвешена люлька, в которой кричала моя двоюродная сестра Лида, родившаяся совсем недавно, а вокруг из щелей струйками стекала талая вода. На раскисшем земляном полу – тазы, кастрюли, подставленные под эти струйки: мрак, холод и сырость. Кто не пережил такого, тот никогда не сможет остро почувствовать счастье солнечного света, трели жаворонка, льющейся из лазури поднебесья.

Другой мой дядя Филипп Филиппович и его дети Иван и Анна скончались вскоре после войны от чахотки (туберкулеза), потому что жили в еще худшем подземном жилище, куда я иногда прибегал на большой перемене (школа была напротив, через улицу).

К сведению, в «Акте о злодеяниях и нанесенном ущербе населению Орловского района», на территории которого находились вышеупомянутые, а также другие серьезно пострадавшие от оккупантов деревни, данных об уничтоженных домовладениях Верхнего Щекотихино я не обнаружил. Это значит, общий реестр сожженных оккупантами деревень Орловской области не полный, а урон, который понесли мирные граждане нашей области, значительно больше, чем он указан в справке обсовета и обкома партии (**29 125 136 000 руб.**).

Позже, анализируя такую ситуацию послевоенной жизни, я пришел к выводу, что «стараниями» немецких оккупантов мы оказались на уровне жизни племен наших предков. Отдельные семьи в послевоенные годы жили хуже вятачей IX–XII вв., потому что у древних пращуротов жилища и питание были лучше, чем у нас, послевоенных. Они не ели подобие хлеба из лебеды, вероятно, не охотились на сусликов, не выкапывали по весне в только что оттаявшей земле луковицы чеснока, порея, черемши. Я не преувеличиваю. Документы, осевшие в архивах, подтверждают мои выводы.

Из колхоза «Мировой Октябрь» Речинского сельсовета Агаркова в Действующую армию, п/п 06800, в адрес своего отца Агаркова сообщает: «Дорогой папа, опишу я тебе свое горе – наша мама умерла, что нам теперь делать, хлеба нет, нечего варить, варим одну траву. Нам придется с голоду умирать, просим хлеба в сель-

совете, говорят – хлеба нет. Папа, попроси у своих начальников, может быть, пустят домой определить нас».

Из дер. Зубцово Здоровецкого сельсовета Соломина в Действующую армию, п/п 32558-ц, в адрес командира части пишет: «Товарищ начальник, мать моя больна, мы тоже пухнем с голоду, потому что пять месяцев не видим хлеба. Питаляемся одной травой, мать куда ни обращалась за помощью, везде отказывают, средств к существованию никаких нет, а нас, детей, 3 малолетних. Прошу вас, помогите нам. Писать меня заставила последняя крайность, не хочется умереть от голода в таком возрасте, как я и мои малые братья. Мне 9 лет, а они еще меньше»²².

До оккупации на территории Кренинского сельского совета Мценского района Орловской области имелось 20 поселений: 555 дворов с населением 2916 человек при средней численности семьи в 5,2 человека.

После оккупации остался всего один дом. Население сократилось до 544 человек, которые перешли жить в землянки. Потери составили **2372** человека, или **80%**²³.

В «Акте по причиненному ущербу жителям Кренинского сельского совета Мценского района» указано, что до войны у всех без исключения имелись коровы, овцы, козы, куры, гуси, реже свиньи (поросенок).

По Хутору Зароща (30 дворов с населением 157 человек) в графе «Глава семьи» указаны фамилии **24 женщин** и **6 мужчин**. Почти такое же соотношение полов и в деревнях, расположенных на правом берегу реки Зуши: Нижняя Зароща (98 дворов с населением 507 человек), Верхняя Зароща (68 дворов с населением 290 человек). Это значит, что в большинстве своем к моменту оккупации мужчины – главы семей были призваны в Красную Армию.

После освобождения в этих трех населенных пунктах не сохранилось ни одного дома. В Хуторе Зароща осталось в живых **23 человека**, в Нижней Зароще – **143 человека**, Верхней Зароще – **22 человека**²⁴.

В графе «Примечание» указано, что отец или мать, брат или сестра расстреляны, угнаны в Германию, умерли, убиты, подорвались на мине, погибли при бомбардировке или артобстреле²⁵.

Общее раскрывается с помощью деталей. В итоге складывается представление о том, как жили люди до войны и что означала война для населения: эксплуатацию, депортацию, насилие и убийство, голод и холод, лишения и смерть, страх и отчаяние – конец всех начал.

²² Письма родственников военнослужащим Красной Армии, хранящиеся в Архиве УФСБ России по Орловской области (ф. 1, оп. 1, д. 30, л. 79–84).

²³ ГАОО, ф. 1653, оп. 1, д. 13, л. 1.

²⁴ ГАОО, ф. Р-691, оп. 1, д. 94, л. 37–39.

²⁵ ГАОО, ф. Р-691, оп. 1, д. 94, л. 1–130.

С.Н. АБАКУМОВ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра туризма и гостиничного дела, Орловский государственный университет
E-mail: memfred33@gmail.com

S.N. ABAKUMOV

Candidate of History, Associate Professor, Department of Tourism and Hotel Management, Orel State University
E-mail: memfred33@gmail.com

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА В РФ НА ОСНОВЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ВСЕМИРНОЙ ТУРИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

THE ECONOMIC EFFECT OF INTERNATIONAL TOURISM IN RUSSIAN FEDERATION BASED ON STATISTICAL DATA OF THE WORLD TOURISM ORGANIZATION

В статье проанализированы статистические данные Всемирной туристской организации за последние годы относительно доходов и расходов на международный туризм Российской Федерации в сравнении с другими государствами. На основе полученных результатов вычислено туристское сальдо нашей страны и представлен прогноз развития экономических показателей туризма на ближайшие годы.

Ключевые слова: туризм, международные туристские расходы, туристское сальдо, платежный баланс, выездной туризм, выездной туризм, туристские потоки.

This article gives the comparative analysis of income and outlays on international tourism in the Russian Federation and foreign countries in recent years based on statistical data of the World Tourism Organization. The camping balance of our country is calculated, the development forecast of economic indicators of tourism forthcoming years is represented.

Keywords: tourism, international tourism expenditure, camping balance, balance of payments, inbound tourism, outbound tourism, tourist flows.

Международная туристская деятельность является в первую очередь экономической категорией, и подсчетом показателей эффекта, который оказывает туризм на доходную часть бюджета страны, занимаются все государства мира. При этом основным показателем экономической выгода от туристской отрасли специалисты называют так называемое туристское сальдо, под которым подразумевают разницу между полученной прибылью и расходами государства на туризм за определенный временной промежуток. Всемирная туристская организация рекомендует вести подсчеты туристского сальдо за год, именно этот период взят за основу всеми странами и Россией в том числе.

Не будем останавливаться на описании составляющих актива платежного баланса от туристской сферы и пассива. Данный вопрос неоднократно рассмотрен в различных учебных пособиях по международному туризму, статистике в туристской деятельности и экономике туризма.

Рассмотрим экономические показатели от сферы туризма в России за последние годы и проанализируем тенденции и количественные изменения доходов от отрасли в стране.

На сегодняшний день туристское сальдо России, согласно данным Всемирной туристской организации (ВТО), отрицательное. Т.е. расходная часть туристской отрасли превысила доход, надо полагать, вследствие превышения выезда за границу российских туристов,

вывозящих денежные средства из страны, над въездом иностранных граждан, прибывающих с туристскими целями в Россию [3].

По данным Всемирной туристской организации, доходы от международного туризма в Российской Федерации за 2013 год составили 12 млрд. долл. США. Это на 1.2 млрд. долл. США больше, чем в 2012 г. На сегодняшний день Россия находится на 27 месте по доходам от туризма среди всех стран мира, поднявшись в рейтинге на 2 позиции по сравнению с 2012 г. При этом с 2000 г. рост доходов увеличился на 8.6 млрд. долл. США. Представим динамику роста доходов России от туристской сферы: в 2000 г. – 3.4 млрд. долл.; в 2005 – 5.9 млрд. долл., в 2010 – 8.8 млрд. долл., в 2012 – 10.8 млрд. долл., в 2013 соответственно 12.0 млрд. долл. [3].

Как можно убедиться, доходы от международного туризма в России ежегодно увеличиваются, что подтверждают статистические данные. Однако нельзя забывать и о спадах в отдельные годы. Так, в 2013 г. в нашей стране произошел рост доходов от туризма на 11.4 % по сравнению с предыдущим аналогичным периодом. Вместе с тем, в 2012 г. можно было заметить спад доходов на 5 % по отношению к 2011 г., несмотря на рост въездных потоков в Россию из отдельных государств: Китай (на 47 %), Турция (на 25 %), что можно связать с проведением года российского туризма в КНР и упрощением визовых формальностей для турецких граждан [5;10]. Одни из самых путешествующих

стран Западной Европы, такие как Франция, Германия, Великобритания, также наращивали туристские прибытия в 2012 г., однако не такими большими темпами, которые оставались на уровне 5-8%. При этом нельзя не отметить резкий спад туристских прибытий в Россию из Испании (-30%), Италии (-5%), Греции (-15%) и Кипра (-47%), что, конечно же, связано с экономическим кризисом 2012 г. в этих странах. Именно это и привело к спаду въездного потока России в 2012 г на 5 % [5;10].

Теперь обратимся к статистике доходов от туризма в России за 2014 г. Согласно данным Всемирной туристской организации (ВТО), несмотря на спад спроса на выездной туризм, въездные потоки не сократились и даже увеличились на 3.6 % за период до октября 2014 г. по сравнению с аналогичным времененным промежутком 2013 г. Как видно, темпы роста резко замедлились. Если сравнить таковые за 2013 год, то можно увидеть, что за 1 декаду рост въездного туризма превысил 18 %, во второй декаде составил 16.4 %, в 3 – 10.1 % и в 4 – 2.4 % соответственно. К сожалению, данные за 2014 г. у нас имеются лишь за первую и вторую декаду и составляют 0.8 % и 5.9 % по сравнению с предыдущим аналогичным периодом [3].

Подводя итоги данной части исследования, можно сказать, что доходы от туристской деятельности в РФ составляют на сегодняшний день 12.3 млрд. долл. США, что позволяет России находиться на 27 месте в рейтинге ВТО доходов от туризма среди всех стран мира.

Теперь проанализируем данные ВТО по международным туристским расходам России за последние годы. К сожалению, как можно будет убедиться, весьма положительная динамика туристских доходов в РФ перекрывается серьезными расходами в туристской отрасли, которые составили в 2013 г. 53.5 млрд. долл. США. Такие серьезные цифры ставят Россию на 4 место в мире по расходам на туристскую деятельность, подняв её на одну строчку по сравнению с 2012 г. На 1 месте находится Китай с расходами в 128.6 млрд. долл., на 2 – США с затратами на туризм в 104.7 млрд. долл. и Германия с потерями в 91.4 млрд. долл. [3].

Постараемся понять, в чем причина таких показателей. Как известно, в пассив платежного баланса от туристской деятельности включают расходы на закупку туристского оборудования, выплату денежных средств на закупку туристских услуг за границей, а также «расходы выезжающих посетителей в других странах, включая их платежи иностранным перевозчикам за международные перевозки» [2;25]. Т.е., в данном случае речь идет обо всех денежных средствах, которые «покидают» территорию страны-заказчика и «оседают» в странах-поставщиках туристских услуг. Таким образом, если выездной туризм в стране превалирует над въездным, то с большой долей уверенностью можно сказать, что расходы на туристскую деятельность будут превышать доходы от нее же, хотя не всегда. К примеру, США и Франция, несмотря на значительные выездные потоки, являются лидерами и по въездному и внутреннему туризма, что уравновешивает туристское сальдо.

Китай, США и Германия находятся на вершине рейтинга стран с наибольшими международными туристскими расходами. Эти государства считаются самыми путешествующими и, соответственно, затрачивающими значительные суммы на покупку туристских услуг за рубежом. То же можно сказать и о России. Количество отбытий за рубеж российских граждан сильно превалирует над прибытиями. Большинство туроператоров, работающих на внутреннем и въездном рынке, являются мелкими и средними региональными компаниями, несмотря на их общую численность – 2647. К сожалению, мощности таких компаний не позволяют принимать большое количество туристов. При этом, большая часть всех туроператоров России занимается международным туризмом – 59 %, во внутреннем туризме задействовано 40 % компаний и лишь 12 % работают в сегменте въездного туризма.

Проследим динамику туристских расходов России за последние годы. В 2000 г. расходы на туристскую деятельность нашей страны составил 8.8 млрд. долл., что может свидетельствовать о невысоких выездных туристских потоках в этот период. К 2005 произошло резкое увеличение расходов на туризм и составило 17 млрд. долл., что более чем в 2 раза того же показателя 2000 г. Далее расходы на туризм вырастают в геометрической прогрессии: в 2010 г. они составили 26.7 млрд. долл., в 2012 – 42.8 млрд. долл. и в 2013 – 53.5 млрд. долл. соответственно. Как видно, расходы на туризм растут и, если проследить, выездные потоки за последние годы, то также можно увидеть положительную динамику, что неизменно будет сказываться на затратах на туристскую деятельность [3].

Исследуем динамику изменения статистических данных по туристским расходам за последние годы и ежеквартальные изменения в 2013 и 2014 гг., по сведениям ВТО.

Международные расходы нашего государства на туристскую сферу в 2012 году увеличились более чем на 30 % по сравнению с 2011 годом, а в 2013 г. почти на 25 % относительно 2012 г. Исходя из этого можно сказать, что выездной туризм в России за эти 2 года вырос фактически на 50 %, т.е. в 2 раза [3]. Нетрудно догадаться, какие страны пользуются наибольшим спросом среди россиян. Этому вопросу посвящено достаточно много научных публикаций. Озвучим лишь их результаты. Самыми популярными туристскими направлениями среди российских туристов в последние годы признаны: Турция, Египет, Тунис, Таиланд, Греция, Испания, ОАЭ, Италия, Болгария. Причем, следует отметить, что по данным ВТО, в 2012 г. каждый россиянин, выезжая за границу, в среднем тратил порядка 900 долл. и эта цифра выросла по сравнению с 2011 г. на 20 %. Можно сказать, что россияне тратят в стране пребывания примерно столько же средств, сколько и на покупку тур.

Обратимся к международным туристским расходам России в 2014 г. За период с января по октябрь 2014 г. расходы на международную туристскую деятельность увеличились лишь на 4.4 % по сравнению с аналогич-

ным периодом 2013 г. При этом в первой декаде расходы увеличились на 9.7 %, а во второй лишь на 0.8 %. К сожалению, сведений за последующие месяцы ВТО еще не опубликовала, однако можно догадаться, что спрос на туристские услуги в России в этот период еще больше упал из-за экономической и внешнеполитической нестабильности. Если за аналогичные периоды 2013 г. рост туристских расходов составил: в 1 декаде – 24.8 %, во 2 – 34.2 %, в 3 – 26.7 %, в 4 – 13.2 %, то 2014 год можно признать с полной уверенностью кризисным для туристской отрасли в стране. Произошло резкое падение спроса на туристские услуги, особенно на выездных направлениях, что отразилось на экономическом состоянии туроператоров: 14 крупных и средних компаний объявили себя банкротами, и это еще больше обвалило рынок [3].

Как свидетельствуют данные правительства РФ, в 2012 г. россияне совершили 47 млн. 813 тыс. зарубежных поездок, из которых порядка 15 млн. с туристскими целями [5]. При этом не следует забывать, что один турист может посетить несколько стран в ходе одной поездки или же совершить несколько поездок в течение одного года, т.е. количество туристов будет меньше количества прибытий. Если обратиться к данным ВТО по международным туристским прибытиям, то можно увидеть, что Россия сегодня находится на 9 месте с 28.4 млн. прибытий. Цифра весьма внушительная и могла бы способствовать увеличению доходов от международного туризма, если бы не количество отбытий почти в 2 раза превышающее показатели прибытий. Показатели международных прибытий в РФ сильно изменились с 2000 г. Спада не наблюдалось ни в одном году: в 2000 г. – 19.2 млн. прибытий; в 2005 – 19.9 млн.; в 2010 – 20.3 млн.; в 2012 – 25.7 млн. прибытий. Однако в 2014 г. уже имеются сдвиги в худшую сторону: рост прибытий с января по октябрь 2014 года составил всего 1.8 %, тогда как в 2012 г. зафиксирован рост на 13.5 % по сравнению с 2011 г., что намного превышает аналогичные показатели стран-лидеров по въездному туризму: Франции, США, Испании, Китая, Италии, Турции и др. В 2013 г. рост прибытий увеличился на 10.2 % по сравнению с 2012 г. К сожалению, по понятным причинам, иностранные туристы в 2014 г., изъявили меньше желания посетить Россию, что привело в первой декаде 2014 года даже к отрицательному росту: - 0.7 % по сравнению с аналогичным периодом 2013 г., во второй декаде зафиксирован рост на 3.7 % [3]. На сегодняшний день пока не опубликована статистика за весь 2014 г., однако уже сейчас можно сказать, что мы увидим резкий спад роста иностранных прибытий в РФ, а в 2015 г. вполне возможно и падение прибытий в связи с внешнеполитическими реалиями.

Теперь подсчитаем туристское сальдо России за последние годы. Для этого вычтем из общей суммы международных туристских доходов РФ сумму затраченных на туризм средств. В результате, в 2000 г. туристское сальдо РФ составляло -5.4 млрд. долл.; в 2005 г. – -11.1 млрд. долл.; в 2010 г. – -17.9 млрд. долл.; в 2012 г.

– -32 млрд. долл.; в 2013 г. – -41.5 млрд. долл.

К сожалению, тенденция к увеличению разрыва между доходами от туристской деятельности и расходами на неё остаётся неутешительной и любое государство, видя подобную ситуацию, незамедлительно должно принять меры к снижению количества выезжающих за рубеж резидентов своей страны и к уменьшению продолжительности отдыха.

Именно такие меры в свое время предприняли власти Японии. В стране с 1987 по 1991 г. действовала программа «десети миллионов», направленная на развитие выездного туризма. В 1997 г. выездные туристские потоки Японии достигли отметки 16.8 млн. чел. Государство перестало стимулировать выездной туризм. Экономический кризис Азиатско-Тихоокеанского региона, падение курса йены, теракт 11 сентября 2001 г., эпидемия атипичной пневмонии в начале XXI в., а также война в Ираке и падение курса доллара привели к естественному падению выездного туризма и переориентированию японцев на внутренние направления. В 2003 г. власти Японии начали осуществлять программу «Добро пожаловать», направленную на развитие въездного туризма. Реализация данной концепции была направлена на увеличение въездных потоков с 5 до 10 млн. чел. в год. В результате только за 1 год количество иностранных туристов в Японии увеличилось на 34 %.

Всемирная туристская организация привела список стран с крупнейшим активным сальдо туризма на 2013 г. Первые его строчки занимают такие государства, как: США, Испания, Макао (Китай), Таиланд, Турция, Гонконг (Китай), Италия, Франция, Греция, Австрия. При этом некоторые из перечисленных стран находятся на верхних строчках списка стран с самыми высокими расходами на международный туризм [3].

События, которые сегодня привели к кризису туристской отрасли в России, должны способствовать переориентированию концепции развития туризма в иное русло, чем и занимается наше государство.

Безусловно, события на Украине, обострение отношений с европейскими странами, падение курса рубля не будет способствовать международным туристским поездкам. Уже в 2015 г. образуется огромное количество потенциальных туристов, готовых потратить денежные средства в своей стране, и этим должно воспользоваться наше государство.

В первую очередь нельзя допустить роста цен на отды whole, а это неизбежно произойдет, если вовремя не вмешаться. У российского туриста не должно остаться выбора при определении направления отдыха.

Во-вторых, такое количество отдыхающих потребует больших мощностей туристских компаний. И на наш взгляд, потребуется, с одной стороны, сокращение количества туроператоров, работающих на международных направлениях, и переориентирование их на внутренний и въездной туризм – с другой. В России пока ощущается резкая нехватка крупных туроператоров, работающих на внутреннем рынке.

В-третьих, просто необходимо создать здоровую

конкуренцию в сфере предоставления гостиничных услуг. Действующая в данный момент добровольная классификация гостиничных предприятий изжила себя. Российский турист стал более требователен к уровню сервиса, и ему должно быть предоставлено качественное обслуживание. Продажа только койко-мест на российских курортах сегодня является нормой. В результате российский турист не имеет возможности выбора в одинаковой ценовой категории различных вариантов отдыха. Большинство средств размещения среднего класса отличаются лишь расположением относительно береговой линии. Требование к классификации гостиниц должно стать обязательным для всех. Только тогда можно создать здоровую конкуренцию на рынке туристских услуг, что позволит повысить качество сервиса, увеличить количество дополнительных услуг и уровень обслуживания.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что на сегодняшний день основной проблемой между-

народного туризма в Российской Федерации остаются слишком большие выездные потоки, почти в 2 раза превышающие въездные. Из-за этого не видны усилия властей по привлечению иностранцев в нашу страну с туристскими целями. Пассивное сальдо по международному туризму будет сохраняться до тех пор, пока в России не будут приняты меры по стимулированию внутреннего и въездного туризма путем реализации соответствующих концепций. Одна из таких программ «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 г.» от 31 мая 2014 г. уже начала свое действие и своей основной целью ставит продвижение туристского продукта Российской Федерации на внутреннем и международном туристских рынках [5]. Полагаем, что сейчас именно тот этап развития мирового туризма, на котором Россия вполне может изменить ситуацию и увеличить доходы от международного туризма.

Библиографический список

1. Tourest, справочник по туризму [Электронный ресурс] / Статистика туризма в России в 2011 г., 2012 – режим доступа: http://tourest.ru/publ/statistika_turizma_2011, свободный.
2. Александрова А.Ю., Житенёв С.Ю. Формирование научно-обоснованной системы статистического учёта и отчётности в сфере туризма в Российской Федерации с введением в неё широкого спектра качественных показателей туристских потоков. Отв. ред. С.Ю. Житенёв, науч. ред. Ю.В. Забаев. М.: «Индрик», 2014. 304 с.
3. Барометр международного туризма ЮНВТО, статистическое приложение. Т. 12, октябрь 2014 г.
4. Все о туризме. Туристическая библиотека [Электронный ресурс] / Филатова И.Н. Развитие процессов глобализации и мультиплективное воздействие туризма на социально-экономические отношения в современном российском обществе. Материалы I международной научной конференции «Глобализация и туризм: проблемы взаимодействия». Саратов, 15-16 апреля 2009 г. – режим доступа: http://tourlib.net/statti_tourism/filatova3.htm, свободный.
5. Распоряжение Правительства РФ от 31 мая 2014 г. № 941-р «Об утверждении стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 г.»
6. Турпром [Электронный ресурс] / Я. Вараксина - Росстат подсчитал российский туропоток за 9 месяцев 2012 г., 2012. режим доступа: <http://www.tourprom.ru/news/19255/>, свободный.
7. Яковлев Г.А. Экономика и статистика туризма: уч. пос., 2-е изд., перераб. и доп. М.: изд. «РДЛ», 2004. 376 с.

References

1. Tourest, reference guide on tourism [electronic resource] / Statistics of Tourism in Russia in 2011, 2012 - Mode of access: http://tourest.ru/publ/statistika_turizma_2011, free.
2. Alexandrova A.U., Zhitenev S.U. Formation of evidence-based system of statistical accounting and reporting in the tourism sector in the Russian Federation with the introduction of wide range of quality indicators of tourist flows. Executive editor S.Yu. Zhitenev, science editor Yu. V. Zabaev. M.: "Indrik", 2014. 304 p.
3. World Tourism Barometer, a statistical application. UNWTO. V. 12, October 2014.
4. All about tourism. Tourist library [electronic resource] / Filatova I.N. The development of globalization and multiplicative effect of tourism on the socio-economic relations in modern Russian society. Materials of the I International Scientific Conference "Globalization and tourism: problems of interaction". Saratov, 15-16 April 2009. Access Mode: http://tourlib.net/statti_tourism/filatova3.htm, free.
5. "On approval of the development strategy of tourism in the Russian Federation for the period up to 2020": The Order of the Government of Russian Federation on May 31, 2014 № 941-p.
6. Turprom [electronic resource] / Ya. Varaksina - Rosstat counted Russian tourist flow for 9 months of 2012, 2012. - Access Mode: <http://www.tourprom.ru/news/19255/>, free.
7. Yakovlev G.A. Economics and statistics of Tourism: tutorial, 2nd ed., Rev. and add. M.: publishing house "RDL", 2004. 376 p.

ФИЛИП БЮРНИ

профессор, Агробиотехнический университет Жамблу, научный атташе, Валлонский центр сельскохозяйственных исследований
E-mail: burny@cra.wallonie.be

PHILIP BYURNI

Professor, Agrobiotechnical University of Zhamblu, Scientific Attaché, Walloon Center of Agricultural Researches
E-mail: burny@cra.wallonie.be

НОВАЯ ЕДИНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА НА 2015-2020 гг. И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ВАЛЛОНИИ

NEW UNIFORM ENVIRONMENTAL AGRICULTURAL POLICY FOR 2015-2020 AND ITS REALIZATION IN WALLONIA

В целях реализации новой Единой сельскохозяйственной политики, согласованной в 2013 году, правительство Валлонии приняло несколько решений, оставленных для согласования государствам-членам ЕС или регионам внутри них, как в Бельгии. В июле 2014 года было принято решение о введении обязательной «зеленой» выплаты, пропорциональной основной выплате, обязательной выплаты молодым фермерам (1,8% от общего объема прямых выплат), дополнительной выплаты за первые 30 га (размер устанавливается государством-членом или регионом), связанной выплаты (21,3% от общего объема прямых выплат) и обязательной основной выплаты (29,9% от общего объема региональных прямых выплат только в Валлонии).

Ключевые слова: Единая сельскохозяйственная политика, Валлония, прямые выплаты, экология.

For realization of the new Uniform agricultural policy coordinated in 2013, the government of Wallonia made some decisions left for coordination to EU member states or regions in them as in Belgium. In July, 2014 the decision on introduction of the obligatory «green» payment proportional to the main payment, obligatory payment to young farmers (1,8% of the total amount of direct payments), additional payment for the first 30 hectares was made (the size is established by the member state or the region), the connected payment (21,3% of the total amount of direct payments), and obligatory main payment (29,9% of the total amount of regional direct payments only in Wallonia).

Keywords: Uniform agricultural policy, Wallonia, direct payments, ecology.

Введение

В июне 2013 года, после трех лет сложных переговоров, Европейский совет министров, парламент ЕС и Комиссия ЕС достигли соглашения о новой Единой сельскохозяйственной политике на период 2014–2020 гг. На основе этого политического соглашения в декабре 2013 был оформлен нормативно-правовой документ – Постановление ЕС № 1307/2013 Европейского парламента и Совета от 17 декабря 2013 г. «Озеленение» Единой сельскохозяйственной политики является одной из главных особенностей нового законопроекта (см. таблицу 1). Тем не менее, государствам-членам была дана возмож-

ность реализации различных мер в соответствии с их собственными приоритетами и интересами. Более того, учитывая федеральную структуру государств-членов, регионы внутри них могут иметь свои собственные стандарты. В Валлонии, после переговоров министра сельского хозяйства с союзами фермеров и заинтересованными ассоциациями, была достигнута договоренность по реализации новых правил в регионе.

1. Цель и методология

Цель решений, принятых в Валлонии, заключается в том, чтобы смягчить негативные последствия реформы

Таблица 1.

Прямые выплаты: новая концепция

В 2015 г. фермеры ЕС могут принять:	
Обязательные меры для всего ЕС	Дополнительные меры (по выбору государств-членов)
- основная выплата	- выплата за первые гектары
- «зеленая» выплата	- связанная выплата
- выплата молодым фермерам	- компенсация за неблагоприятные условия для фермерства
Все выплаты решаются по взаимному согласию	
или	
вводится упрощенная выплата для мелких фермерств (по выбору государств-членов)	

(Источник данных: Министерство сельского хозяйства Валлонии, 2014)

Единой сельскохозяйственной политики для фермеров, которые имеют низкий доход (менее 25 000€ семейного сельскохозяйственного дохода на каждого рабочего в год) и которые потеряют более 5% прямых выплат в период с 2013 по 2020 гг.

Для того чтобы определить лиц, которые примут данные решения, Департаментом экономики и сельского развития Агробиотехнического университета Жамблу было рассчитано развитие возможных сценариев и их результат.

Для того чтобы оценить последствия возможных решений, предлагаемых для принятия региональным властям, были учтены 14 видов ферм, исходя из реальной ситуации сельского хозяйства Валлонии.

Используя официальные данные, были рассчитаны последствия данных решений на фермерские доходы, и особенно на семейный доход от сельского хозяйства на каждого рабочего.

Суммарный доступный бюджет для прямых выплат показан на рисунке 1.

Рис.1. Общий объем прямых выплат в Валлонии и Бельгии (2013-2019 гг.) в млн евро.

2. Введение новой единой сельскохозяйственной политики в Валлонии

Выплаты, указанные ниже, были предложены комиссией ЕС до 1 августа 2014 и до сих пор не были утверждены.

2.1. «Зеленая» выплата

Это дополнительная выплата за каждый гектар, за который осуществляются основные выплаты и который используется для работ, благоприятных для окружающей среды и климата.

В соответствии с постановлением ЕС, «зеленая» выплата является обязательной и представляет собой 30% от доступной в Валлонии суммы для прямых выплат.

В Валлонии было решено осуществлять «зеленые» выплаты пропорционально основным выплатам по каждой ферме. Таким образом, «зеленая» выплата за гектар для одной фермы будет отличаться от суммы для другой.

Для того чтобы получить «зеленую» выплату, фермеры должны будут соблюдать следующие условия:

- поддерживать постоянные пастбища;
- поддерживать многообразие выращиваемых культур;

- поддерживать или отвести по крайней мере 5% от общей площади пахотных земель для природосберегающих целей.

Районы, признанные экологически благоприятными, перечислены Комиссией ЕС. Валлонский регион выберет районы из предложенного списка, соответствующие социально-экономическим характеристикам ферм Валлонии (Террон Гавира, Ф.Бюрни, Ф. Лебай, 2013).

Органическое сельское хозяйство автоматически признается экологически благоприятным и дает право на получение «зеленой» выплаты.

2.2. Выплаты молодым фермерам

Эти выплаты предоставляются начинающим фермерам моложе 40 лет и выплачиваются на протяжении 5 лет.

В этом случае будут предоставлены почти максимальные выплаты, разрешенные на уровне ЕС (2%): 1,8% от общего бюджета Валлонии для прямых выплат.

Реализация этой меры заключается в следующем:

a. 25% от средней прямой выплаты за гектар в регионе, умноженной на количество основных выплат;

b. максимально доступная площадь для оплаты на одного молодого фермера достигнет 90 га – это было рассчитано с целью распределить всю доступную сумму денег;

c. только управляющий фермой получает данную поддержку.

2.3. Связанные выплаты

Этот вид выплат не является обязательным, в отличие от «зеленых» выплат и выплат молодым фермерам.

В соответствии с постановлением ЕС, государственные члены могут, но не обязаны, предоставлять связанные выплаты на общую сумму, как правило, не превышающую 13% от общего бюджета на прямые выплаты. Тем не менее, в некоторых конкретных случаях с комиссией может быть согласован больший размер выплат.

В Валлонии было принято решение обратиться к Комиссии с предложением предоставлять 21,3% от регионального бюджета для прямых выплат на связанные выплаты.

Предлагаются следующие связанные выплаты:

- 21,0% доплата за коров (за мясо и/или производства молока);
- 0,3% доплата за овец.

В случае наличия кормящих коров, было предложено отменить квоты и перераспределить финансовую поддержку в соответствии с исходными данными, в том числе в пользу молодых фермеров и фермеров, специализирующихся на производстве говядины.

2.4. Дополнительные выплаты за первые гектары

Эти выплаты также не являются обязательными, но правительство Валлонии решило реализовать их, в соответствии со следующими условиями:

- для выплат будет использоваться 17% от общего

бюджета (максимально допустимый объем по правилам ЕС составляет 30%);

- выплата будет предоставляться за первые 30 гектаров каждой ферме, независимо от общей площади;
- выплата увеличивается, если фермер является членом ассоциации.

2.5. Основные выплаты

Основные выплаты представляют собой оставшуюся сумму от бюджета, после того как другие платежи вычтены из общего бюджета на прямые выплаты.

Основные выплаты заменят нынешние единовременные выплаты.

В Валлонии они будут равняться 29,9% от общего бюджета на прямые выплаты.

Распределение прямых выплат в Валлонии показано на рисунке 2.

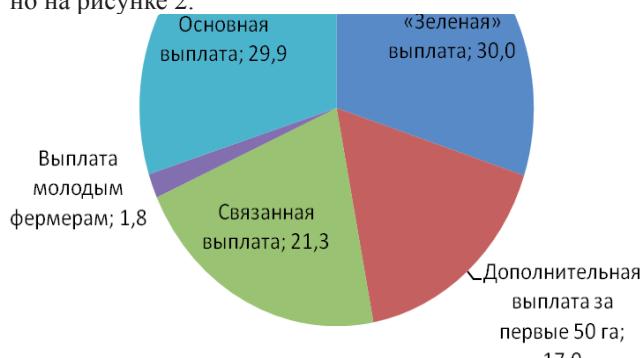

Рис.2. Распределение прямых выплат в Валлонии.

Так как согласно постановлению ЕС такая конвергенция должна осуществляться не только между, но и внутри государств-членов, правительство Валлонии ре-

шило принять следующие меры:

- для фермы, средняя стоимость которой выше, чем средняя по региону, выплаты будут уменьшены пропорционально разнице между этой величиной и средней региональной;
- в конце периода размер каждой базовой выплаты будет достигать минимум 60% от средней региональной;
- когда начальная сумма основной выплаты ниже, чем 90% средней региональной, разница между этой суммой и 90% средней региональной будет сокращена на одну треть;
- ни одна начальная сумма не будет сокращена более чем на 30% (этот случай будет иметь приоритет, если когда-либо он будет расходиться со вторым правилом).

Заключение

В результате реализации новой Единой сельскохозяйственной политики в период 2015-2020 гг, Валлония концентрируется на двух аспектах: на социальном аспекте и на защите окружающей среды, так называемом «зеленом» аспекте. С социальной точки зрения новая политика позволит избежать слишком большого и жестокого негативного воздействия на прямые выплаты фермерам, которые получали большую поддержку в прошлом, в то время как дополнительные выплаты будут предоставляться за первые 30 гектаров каждой ферме в целях поддержки малых фермерских хозяйств. С экологической точки зрения обязательные «зеленые» выплаты будут осуществляться пропорционально основным выплатам, и, кроме того, связанные выплаты будут предоставлены за выращивание коров и овец, питающихся в основном постоянным подножным кормом и кормовыми культурами.

Библиографический список (References)

1. Cabinet du Ministre wallon de l’Agriculture (2014). *Mise en œuvre du 1er pilier de la Politique Agricole Commune en Wallonie*.
2. Regulation (EU) No 1307/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 december 2013 establishing rules for direct payments to farmers under support schemes within the framework of the common agricultural policy and repealing Council Regulation (EC) N°637/2008 and Council Regulation (EC) N°74/2009. L 347, 20.12.2013.
3. Terronnes Gavira, F., Burny, Ph., Lebailly, Ph. (2013). Aide à la conception et à la mise en œuvre de la politique agricole commune post 2013 en Wallonie. Annexe 3. Impacts de la réforme du premier pilier pour l’agriculture wallonne. PAC de l’après 2013 : verdissement en Wallonie, ULg et SPW.

А.Л. ГНЕУШЕВА

кандидат экономических наук, доцент, кафедра теории и истории экономики, Орловский государственный университет

E-mail: alija-777@yandex.ru

A.L. GNEUSHEVA

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of the Theory and History of Economy, Orel
State University*

E-mail: alija-777@yandex.ru

РОЛЬ ФИНАНСОВО-РАСЧЕТНЫХ ЦЕНТРОВ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА СОГЛАСОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

THE ROLE FINANCIALLY-FINANCIAL SETTLEMENTS CENTERS IN FUNCTIONING OF THE MECHANISM OF THE COORDINATION OF ECONOMIC INTERESTS OF SUBJECTS OF AGROINDUSTRIAL ASSOCIATIONS

В статье рассматриваются вопросы подхода к образованию в стране агропромышленных объединений, организации их хозяйственно-финансовой деятельности. При таких объединениях стали создаваться финансово-расчетные центры (ФРЦ): для осуществления операций между предприятиями и организациями, входящими в состав комбинатов, а также со снабженческими, заготовительными, перерабатывающими, торговыми и другими предприятиями, с банками и финансовыми органами. Кроме того, на них возложены функции планирования финансовой деятельности комбинатов.

Ключевые слова: интеграция, агропромышленные объединения, экономические интересы, финансово-расчетный центр.

In the article the questions about the approach to formation in the country of agroindustrial associations, the organization of their economic-financial activity are considered. At such associations financially-financial settlements centers began to be created: for realization of operations between the enterprises and the organizations which are a part of industrial complexes, and also with supplying, procuring, processing, trading and other enterprises, with banks and financial bodies. Besides, functions of planning of financial activity of industrial complexes are assigned to them.

Keywords: integration, agroindustrial associations, economic interests, financially-financial settlements center.

Необходимость создания агропромышленных объединений вытекает из актуальности решения одной из главных задач – сохранения существующей технологической базы, не опираясь на жесткие административные меры, а на основе финансового единства сложных производственных комплексов. Единая финансовая база, присущая интегрированным структурам, необходима для осуществления единой научно-технической и инвестиционной политики и для координации производственно-хозяйственной деятельности.

Внутренний финансовый механизм агропромышленного объединения, обеспечивающий простое и расширенное воспроизводство в этой сложной структуре, рассматривается как важная составляющая стратегии интеграционного роста, определяющей приоритетное направление развития агропромышленного производства. В современных экономических условиях особо востребован финансовый механизм агропромышленного объединения с их высокой степенью централизации капитала. С момента зарождения данная форма интеграции способствовала привлечению частных инвестиций в аграрный сектор. Поскольку в интегрированные структуры попадали чаще всего экономически несостоительные сельскохозяйственные предприятия, интегратор-собственник вложенного капитала (далее – управляющая фирма или предприятие) строил с ними

полностью контролируемые с его стороны финансовые отношения: «головная компания через систему договорных отношений продаёт приобретенные ей технические, оборотные средства сельскохозяйственным организациям. Последние в рамках реализации договора поставляют произведенную продукцию по ценам, установленным предприятием. Ему же поступает вся выручка, за счет которой оно финансирует все текущие и капитальные затраты агроформирований, входящих в интегрированную структуру. Распределение финансовых ресурсов и разработка бюджетных смет ведутся под жестким контролем головной фирмы».

Такой детерминированный подход к формированию финансового механизма на начальной стадии становления агропромышленных объединений вполне обоснован. С изменением финансово-экономической ситуации, «по мере оздоровления сельскохозяйственных предприятий целесообразно осуществлять поэтапный переход на коммерческий расчет, имея в виду в перспективе предоставление им полной хозяйственной и финансовой самостоятельности».

Интеграция позволяет увеличить активы, расширить масштабы инновационной деятельности, повысить технологический уровень производства, оптимизировать налогооблагаемую базу, добиться налоговых и кредитных льгот. Финансовый механизм внутрисистемных

отношений обладает потенциалом синергетического эффекта, достижение которого позволяет осуществлять расширенное воспроизведение капитала сложных производственных систем как единого целого и каждого из его подразделений.

В зерновом подкомплексе российской экономики агропромышленные объединения чаще всего представляют собой систему вертикально интегрированного формирования, позволяющую сочетать централизованное управление с сохранением юридической самостоятельности дочерних предприятий, осуществляющих оперативное управление. Интегратор-инвестор определяет стратегию развития интегрированной корпоративной структуры, направление развития дочерних предприятий, финансирует производство и контролирует выполнение планов (производственных, инвестиционных, финансовых).

Дочерние предприятия работают по утвержденному производственному плану самостоятельно, у них есть определенный маневр для действий. Финансовая самостоятельность (хотя и ограниченная) и имеющийся собственный расчетный счет позволяют им проявлять инициативу, и поэтому процесс производства при наличии команды квалифицированных специалистов может быть инновационным, а труд – творческим. Доходы от более эффективной деятельности инвестируются в производство и социальное развитие, прежде всего в техническую модернизацию и создание рабочих мест, оснащенных в соответствии с современными требованиями.

Головная компания имеет возможность перераспределять ресурсы, менять направление финансовых потоков, осуществлять инвестиционные проекты в своей корпорации преимущественно за счет собственных источников финансирования. При их недостатке агропромышленное объединение привлекает финансовые ресурсы со стороны, так как является платежеспособным и финансово устойчивым. Кроме того, интегрированная корпоративная структура пользуется всеми формами государственной поддержки сельского хозяйства.

В зерновом подкомплексе Волгоградской области агропромышленные объединения получили достаточно широкое распространение. В 2012-2014 гг. представительными и исполнительными органами власти Волгоградской области были приняты меры по привлечению инвестиций для приобретения необходимых ресурсов (особенно техники) и обеспечения деятельности неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий. В основу концепции восстановления их ресурсно-воспроизводственной базы положено сохранение полной свободы и самостоятельности предпринимательской деятельности интеграторов-инвесторов. Их инвестиционную активность предусматривалось повысить финансово-экономическими методами, а также посредством создания правовой базы, стимулирующей воспроизводственные процессы, техническую и технологическую модернизацию сельского хозяйства.

По состоянию на 1 января 2015 года в состав 92 раз-

личных интегрированных структур вошли 118 вновь созданных сельскохозяйственных организаций на базе 167 неплатежеспособных хозяйств различных организационно-правовых форм. Из них в зерновом подкомплексе функционируют 72 агропромышленных объединения [1].

В интегрированных структурах головная компания должна регулировать процесс распределения прибавочного продукта на накопление и потребление таким образом, чтобы каждое дочернее предприятие, входящее в состав агропромышленного объединения, за счет выручки от реализации произведенной ими продукции могло не только возместить все свои расходы и осуществлять простое воспроизведение, но и получать прибыль, достаточную для осуществления расширенного воспроизведения.

На данном этапе развития интегрированных структур управление финансовыми потоками осуществляется централизованно, то есть внутреннее движение денежных средств совершается по заранее намеченной схеме, определенной стратегией развития интегрированной системы. Начало формирования механизма управления финансовыми потоками интегрированной системы на основе углубленного внутрифирменного расчета свидетельствует об усилении воспроизводственной функции финансового механизма. В структуре агропромышленного объединения для четкости управления финансами обычно выделяются центры финансовой ответственности.

Центр финансовой ответственности (ЦФО) – это функциональное подразделение агропромышленного объединения, специализация которого обусловлена целями корпорации. Для выполнения своих функций ЦФО наделяется финансовыми ресурсами, и для него определяются направления финансовых потоков (см. табл. 1). Выделение ЦФО сопровождается установлением финансовых параметров, позволяющих оценить степень достижения цели и составить базис для возложения финансовой ответственности. Оформленные ЦФО представляют собой финансовую структуру корпорации.

Особенностью финансового механизма агропромышленного объединения является создание центра финансовой ответственности на базе материнской компании – финансово-расчетного центра (ФРЦ), который наделяется значительным объемом оперативных и распорядительных полномочий и является обычно самым автономным из всех центрально-административных служб корпорации. ФРЦ отвечает за финансовое состояние и финансовые операции не только материнской фирмы, но и ее дочерних обществ, выполняя свои прямые функции, обеспечивает:

- двустороннее движение финансовых потоков, оплату товарно-материальных ценностей;
- получение выручки от реализации продукции, работ и услуг;

Таблица 1.

Центры финансовой ответственности агропромышленного объединения и их функции [4]

Наименование ЦФО, его вид	Выполняемые функции
Материнская компания (ЦКП – центр консолидированной прибыли)	Заготовка и реализация продукции, приобретенной у производственных предприятий консолидированной группы и сторонних предприятий, кредитование в денежной форме, семенами, средствами защиты растений, горючим и смазочными материалами и т.д.
Дочернее предприятие (ЦЗ – центр ответственности за затраты)	Материально-техническое снабжение производства
Дочернее предприятие (ЦП – центр ответственности за прибыль)	Производство сельскохозяйственной продукции
Дочернее предприятие (ЦЗ – центр ответственности за затраты)	Обслуживание сельскохозяйственной и автомобильной техники и другой агросервис
Дочернее предприятие (ЦЗ – центр ответственности за затраты)	Оказание консультационных услуг для предприятий взаимосвязанной группы
Зависимое предприятие (ЦЗ – центр ответственности за затраты)	Прием, хранение, подработка, сушка, отгрузка продовольственного зерна и зернофуража сельскохозяйственных товаропроизводителей
Торговый дом (центр ответственности за доходы)	Осуществление внешнеэкономической деятельности
Дочерние предприятия (ЦЗ – центр ответственности за затраты)	Обеспечение безопасности бизнеса (охрана территорий материально-технической базы, сопровождение грузов и т.д.), оказание охранных услуг сторонним предприятиям на коммерческой основе

- привлечение дополнительных источников финансирования;
- документальное оформление, получение, мониторинг и целевое использование банковских кредитов;
- страхование залога;
- оплату процентов за пользование кредитом и их субсидирование;
- планирование и анализ использования денежных средств;
- контроль и анализ взаиморасчетов предприятий агропромышленного объединения;
- свод и консолидацию бухгалтерской отчетности;
- анализ финансового состояния корпорации и ее подразделений;
- оказание подразделениям организационной и методической помощи.

Все взаимоотношения финансового характера внутри агропромышленного объединения осуществляются через ФРЦ на основании заключенных между предприятиями договоров на производство и реализацию продукции, оказание услуг, приобретение и доставку основных средств и прочих ресурсов. Вся информация о наличии и потребностях в финансовых ресурсах ежедневно поступает в ФРЦ в виде остатков на счетах и в виде заявок с обоснованием потребности в пределах норматива.

Невостребованный остаток свободных денежных средств перечисляется на счета материнской компании, ФРЦ обеспечивает маневренность в использовании финансовых ресурсов агропромышленного объединения, их концентрацию на наиболее значимых звеньях и сбалансированное развитие.

С учетом низкокачественной материально-

технической базы агропредприятий, входящих в интегрированное формирование, финансово-инвестиционную политику на первом этапе целесообразно строить по принципу «слабого звена», которым и являются сельскохозяйственные организации. Поэтому ФРЦ выполняет еще функцию концентрации и централизации финансовых ресурсов в головной компании (см. рисунок 1).

При этом консолидируются финансовые ресурсы не только агропредприятий, но и всех других бизнес-структур интегрированной системы, что и позволяет юридически самостоятельным коммерческим организациям функционировать как единый хозяйственный механизм. Такой принцип мобилизации финансовых ресурсов получил название «финансового котла». Полученная агропредприятиями прибыль также консолидируется в виде централизованного фонда акционеров. За счет этой части осуществляется финансирование расширения производства и инновационных программ. Достигается маневренность управления финансовыми ресурсами, концентрация их наиболее значимых и узких звеньях интегрированной системы и вытекающее из этого ее сбалансированное развитие.

Финансово-экономический механизм внутрикорпоративных отношений разработан и апробирован группой ученых-экономистов и финансистов в интегрированном формировании ЗАО «ГелиоПакс» Волгоградской области. Апробация показала эффективность управления финансовыми ресурсами, прежде всего в выравнивании воспроизводственной базы агропредприятий интегрированного формирования. Например, «Агро-6» в системе интеграции начало функционировать с середине 2004 года, тогда как «Агро-4» – с 2000 года. Во вновь вошедшее предприятие только с 2005 года на-

чалось вложение средств на обновление технического парка. В этом структурном предприятии теперь самый низкий коэффициент физического износа (0,14) и самый высокий коэффициент обновления (0,81) основных производственных фондов, а их прирост составил 145% относительно 54% выбытия, что в денежном выражении составило 213,6 тыс. руб. на 100 га пашни [3].

Итак, в современных экономических условиях, когда необходима оперативная мобилизация финансовых ресурсов, их эффективное перераспределение

в ключевые сферы производства, особо востребован финансовый механизм агропромышленных объединений. Интегрированное формирование является привлекательным для кредиторов и инвесторов как гарант эффективности вложения капиталов. С точки зрения теории финансов объединение предприятий и финансовых институтов позволяет за счет особых внутренних договорных схем взаимоотношений и привлечения дополнительных средств обеспечить эффект финансового рычага и оптимизировать структуру капитала.

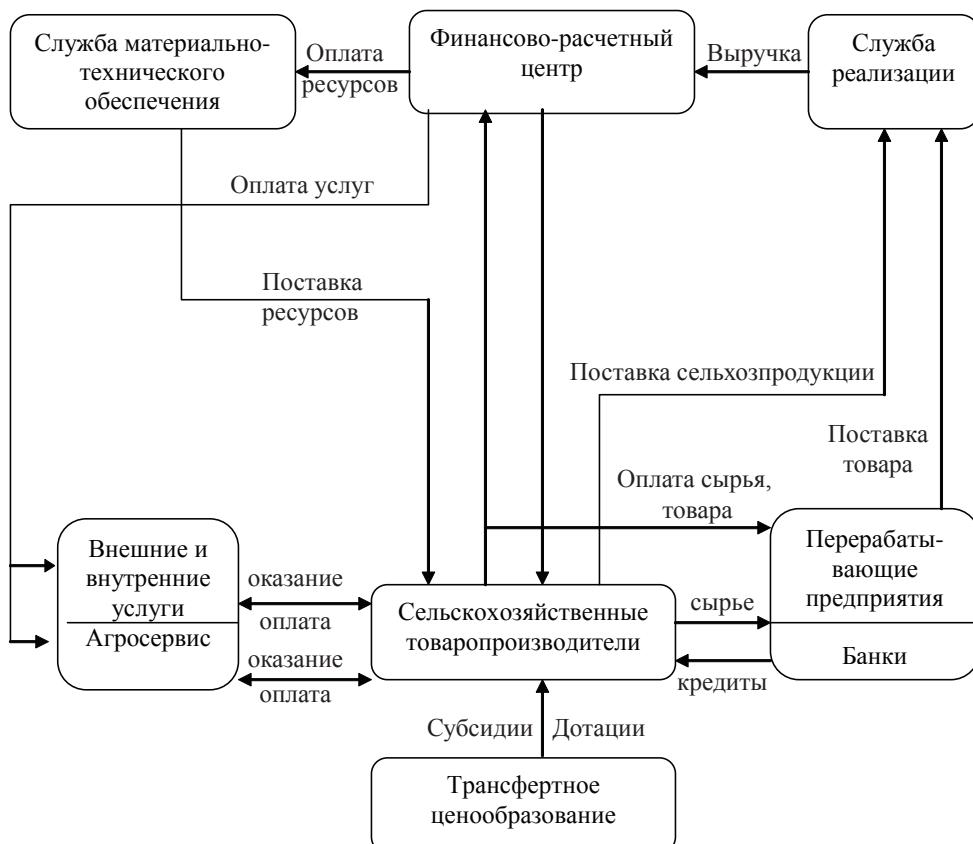

Рис. 1. Движение товарно-денежных потоков в интегрированном формировании агропромышленного типа [1].

Библиографический список

1. Методическое пособие по совершенствованию внутрихозяйственных (внутрикорпоративных) отношений в сельском хозяйстве. М., 2014. С. 8-9.
 2. *Оксанич Н.И.* Стратегия развития агропромышленных объединений в зерновом подкомплексе Волгоградской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2014. №1. С. 51-54.
 3. Организационно-экономические новации в АПК: правовое обеспечение и механизм реализации. Монография. М., 2014. С. 110.
 4. *Шепитько Р.С.* Экономические отношения агропредприятий в условиях интеграции: отраслевой аспект: монография / Р.С. Шепитько, Г.А. Татаркина, И.Н. Соловьева. Волгоград: ООО «Волгоградское научное издательство», 2013.

References

1. Methodological guide for the improvement of internal (internal) relations in agriculture. M., 2014. Pp. 8-9.
 2. *Oksanych N.I.* The strategy for the development of agro-industrial associations in grain subcomplex of the Volgograd region / Economy of agricultural and processing enterprises. 2014. №. 1. Pp. 51-54.
 3. Organizational and economic innovations in agribusiness: the legal provision and the implementation mechanism. Monograph. M., 2014. P.110.
 4. *Shepitko R. S.* Economic relations of agricultural enterprises in the conditions of integration: a sectoral aspect: monograph / R.C. Shepitko, ,Tatarkin A. I. N. Solovyov. Volgograd: LLC "Volgograd scientific publishing", 2013.

И.В. ЛУКАШЕНКО

зав. международной финансовой лабораторией,
международный финансовый факультет, Финансо-
вый университет при Правительстве Российской
Федерации

E-mail: ivlukashenko@fa.ru

I.V. LUKASHENKO

Head of International Finance laboratory, International
Financial Faculty, Financial University under the
Government of Russian Federation
E-mail: ivlukashenko@fa.ru

ОБОСНОВАНИЕ ПРИРОДЫ УГЛЕРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ РЫНОЧНОЙ ПРАКТИКИ

NATURE OF CARBON INSTRUMENTS JUSTIFICATION BASED ON MARKET PRACTICES

Статья посвящена углеродным активам. Автор показывает разницу между углеродным рынком и его предшественником – программой по сокращению кислотных дождей в Соединенных Штатах Америки, обращает внимание на практику наиболее развитой европейской системы торговли выбросами и исследует природу углеродных торгуемых инструментов. В заключение даны рекомендации рынкам относительно правового и технологического подхода к углеродному активу на развивающихся углеродных сегментах финансового рынка.

Ключевые слова: права на выброс диоксида углерода, углеродная квота, система торговли выбросами, регрессионный коэффициент детерминации.

The article is devoted to carbon assets. The author describes the difference between carbon market and its predecessor – the United States acid rain program and consequently the difference between their instruments by the row of parameters, pays attention to the practice of most developed European emission trading system, and investigates the nature of tradable carbon instruments. As a conclusion the recommendations to markets are given concerning legal and technological approach to carbon assets on developing carbon market segments.

Keywords: carbon emission rights, carbon allowances, emissions trading system, regression determination coefficient.

Реализация Киотского протокола в 2004 году позволила преобразовать одну тонну предотвращенных или планируемых выбросов двуокиси углерода (CO_2) в результате производственной или иной деятельности человека в биржевые активы с рядом очень интересных особенностей.

– Современный инструмент, который возник в связи с ростом потребления электроэнергии и, как следствие, увеличением ее предложения.

– Инструмент с потенциалом ликвидности, его общий оборот резко вырос за пять лет с 6 млрд. евро в 2005 г. до 90 млрд. евро в 2010 г.[6, с.1].

В статье мы покажем инновационный характер этого инструмента. Несмотря на общий интерес в торговле углеродными квотами, разные страны ищут собственную выгоду от внедрения в обращение углеродных активов и развивают свои собственные механизмы, структуру и территориальный охват рынка. Европейский Союз, например, директивно ввел общий для всех своих стран углеродный рынок. Несмотря на наличие нескольких углеродных биржевых площадок, представленных Международной климатической биржей (ICE), Европейской энергетической биржей (EEX) и др., ЕС ввел общие для союзных стран инвентаризацию выбросов в определенных отраслях, правила торговли, типы торгуемых квот на выбросы углерода. Такие страны, как Китай, Соединенные Штаты Америки выбра-

ли создание региональных испытательных площадок и апробацию на них торговых систем правами на выбросы углерода (квотами и кредитами). Создание единой углеродной схемы торгов запланировано в Китае, но когда это будет реализовано, сказать трудно, несмотря на декларируемые планы на ближайшую пятилетку. Тем не менее, несколько регионов, или провинций, торгуют углеродными кредитами на международном уровне.

Существует два ключевых вопроса, которые необходимо решить, прежде чем начать транснациональную торговлю правами на углеродные выбросы:

– взаимное признание правового статуса углеродных единиц, полученных из различных источников либо товарами, либо финансовыми инструментами,¹

– нахождение критерия соотносимости цен торгуемых активов в случае их финансовой ориентированности.

В случае признания их товарами второе условие становится несущественным. При таком раскладе мы получаем различные сегменты рынка, не слишком коррелирующие между собой. Поэтому вопрос сравнимости цен не стоит во главе угла.

Товарная классификация углеродной квоты автору

¹ В соответствии с положениями Директивы 2014/65/EC(MiFIDII)[2, прил. С], три вида углеродных активов, торгуемых в европейской системе торговли выбросами: квоты ЕС, кредиты механизма совместного осуществления (МСО) и механизма чистого развития (МЧР), включены в определение «финансовых инструментов».

статьи кажется некорректной, так как стоимость товара не зависит от степени его признания органами, контролирующими рынок. Она определяется предельной потребительской стоимостью. В то время как ценность углеродного актива зависит от степени признания его обращения в экономике. Она является, прежде всего, договорной и сводится к нулю при отсутствии соответствующих юридически обязывающих соглашений, распространяющихся на подконтрольные им субъекты хозяйствования.

С момента первоначального внедрения углеродных квот на выбросы в рыночную практику отношение к ним как к товарам пошло от предшественников – прав на выбросы диоксида серы (SO_2) программы сокращения или предотвращения кислотных дождей в Соединенных Штатах, действующей с 1990 по 2009 гг. Тем не менее, необходимо подчеркнуть существенное различие между рынками кислотных (SO_2) и углеродных (CO_2) прав на выбросы:

- по объему рынков: в последнем году действия программы предотвращения кислотных дождей (2009 г.) оборот кислотных прав составил 1,1 млрд. долларов [5], в то время как оборот углеродного рынка в еще до конца 2014 г. приближался к 63 млрд. долларов по данным информационного агентства *Bloomberg* [1].

- По географическому охвату: рынок прав на выбросы SO_2 работает в США под североамериканской юрисдикцией. Углеродный рынок, хотя и фрагментарный, но распространен по всему миру и действует в условиях разнородных правовых систем.

- По движущим механизмам: углеродный рынок, в отличие от своего предшественника, помимо функции выполнения его участниками обязательств по сокращению выбросов имеет значительную спекулятивную составляющую, регулирующую ликвидность.

- По инструментам: кислотный рынок торгует только квотами, выделенными разрешениями на выбросы SO_2 , в то время как углеродный рынок является более диверсифицированным. В дополнение к квотам на выбросы CO_2 торгуются углеродные кредиты, полученные от реализации проектов механизмов гибкости. Кредиты, в свою очередь, различаются в зависимости от страны выполнения проекта и ее экономических потребностей.

- По правовому статусу: рынок квот на SO_2 представляет собой механизм для уменьшения обязательств на соответствующие промышленные выбросы, вызывающие кислотные дожди. Углеродный рынок разделен на два типа: обязательный, например ЕС, и добровольный, к которому можно отнести Новую Зеландию, китайские региональные рынки.

Обязательный рынок руководствуется или регулируется соглашениями и стандартами Киотского протокола (КП) с горизонтами развития, обеспечивающими глобальный охват. Добровольный рынок придерживается положений КП, но развивает и свои собственные стандарты, а также правила торгов.

Если формирующийся рынок последует товарной точке зрения на инструменты своего углеродного сег-

мента, может возникнуть много проблем при переходе к международным торговам в будущем. Когда имеет место неоднородность торгуемых инструментов и отсутствие механизма сопоставления и пересчета цен на квоты и кредиты, полученные из различных источников, и развитые, и развивающиеся рынки могут получить набор параллельно функционирующих товарных сегментов. На сегодняшний день только в Европейской системе торговли выбросами существуют установленные процедуры сравнения торгуемых квот и кредитов на выбросы углерода. Но даже здесь есть много ограничений.

В общем, неоднозначный характер углеродных единиц привлекал внимание ученых [3] задолго до решения Европейской комиссии в 2014 г. о включении торгуемых на европейском углеродном рынке квот и кредитов в категорию финансовых инструментов [2, прил. С].

Посмотрим, как перечисленные выше углеродные инструменты трактуются в практике спотового рынка. Для этого мы обратимся к опыту торговли выбросами в Германии, наиболее стабильном сегменте самой развитой в мире европейской эмиссионной торговой системы.

В самом начале исследования принимаем в качестве гипотезы H_0 утверждение о том, что рынок оценивает углеродный актив как товарный, рассматривая его зависимость от других товарных активов. Для этого в нашем исследовании смотрим, насколько цена на углеродный актив зависит от цен на энергоносители и от показателя условий ведения бизнеса, каким в нашем случае является фондовый индекс *DAX* Франкфуртской фондовой биржи [4, с. 9]. Для сравнения с поведением других товарных активов строим параллельно регрессионную формулу зависимости заведомо товарного актива, базовой электроэнергии, от создающих ее товарных инструментов – угля, нефти и газа. Сравниваем степени зависимости углеродного актива и электроэнергии от факторных товарных активов. В качестве альтернативной гипотезы H_1 принимаем утверждение, что рыночное поведение углеродного инструмента иное, чем у товарного актива. В нашем случае это означает, что зависимость цены углеродного актива от цен воздействующих на него товарных активов ведет себя иначе, чем зависимость цены товарного актива, базовой электроэнергии от цен создающих ее товарных инструментов. Наше исследование опирается на данные Европейской энергетической биржи. Берем приведенные цены на нефть, газ, уголь, базовую электроэнергию в качестве факторных товарных инструментов. Приведенные изменения фондового индекса, по предположению, отражают влияние выбросов от химических и других отраслей промышленности в нашем исследовании. Но, забегая вперед, стоит сказать, что этот фактор отбрасывается в ходе вычислений как имеющий большую корреляцию с другими факторами углеродной линейной регрессионной зависимости.

Строим следующее уравнение:

$$Y = B_1 * X_1 + B_2 * X_2 + B_3 * X_3 + B_4 * X_4 + B_5 * X_5 + \varepsilon, \quad (1)$$

где Y – цена углеродного инструмента,

$B_1 \dots B_5$ – параметры,

X_1, \dots, X_s – цена факторных инструментов,
 ε – погрешность измерения.

Мы построили наше уравнение на предположении, что приведенная спотовая цена углеродного актива с определенной долей ошибки равна взвешенной сумме приведенных цен индексов энергетических товарных активов, дополненных фондовым индексом.

Взятая выборка достаточна репрезентативна. Она состоит из 343 измерений для каждого из инструментов. Им соответствуют следующие мнемонические коды: индекс европейских квот на выбросы (*EEXXT3PA*), немецкий фондовый индекс (*DAX*), индекс базовой электрической нагрузки Германии (*LPXBHRBS*), угольный индекс (*MSCMEUET*), нефтяной индекс (*EUCRBRDT*), газовый индекс (*EGTHDAHD*), которые были проанализированы с использованием данных информационно-аналитического агентства *Bloomberg*. Динамика приведенных цен для углеродного и факторных инструментов носит линейный характер регрессионной зависимости. Поскольку методология данного исследования заключается в применении эконометрического метода наименьших квадратов, нахождение коэффициентов линейного уравнения множественной регрессии и анализа поведения коэффициента детерминации (R^2) по кварталам. Интересующий нас период начинается с четвертого квартала 2012 г. по первую половину 2014 г. Приведенные цены топливных, электрического индексов, а также *DAX* являются экзогенными, или независимыми, переменными (факторами) в уравнении. Приведенная цена углеродной квоты – это эндогенная, или зависимая, переменная нашего уравнения.

Коэффициент детерминации уравнения регрессии служит мерой оценки ее точности. В нашем случае R^2 описывает долю изменения цены углеродного инструмента из-за взвешенных изменений в ценах фондового индекса, газа, угля, базовой нагрузки электроэнергии и нефти.

Проведенный дисперсионный и регрессионный анализ показал, что уравнение регрессии значимо ($F > F$ значения). Мультиколлинеарность факторов была устранена исключением двух (*DAX* и индекс базового электричества) из пяти предполагаемых факторов.

Сравнивая статистику Стьюдента для каждого факторного коэффициента (*T*-статистику) с пороговым значением (*P*-значение), мы получили ($X_i > P$ (X_i)). Этот результат подтвердил важность всех коэффициентов регрессии. Доверительные интервалы параметров не проходят через ноль, что также говорит о значимости расчетных коэффициентов.

Отсутствие различий в обычном и нормированном коэффициенте детерминации подтверждает существенность всех переменных уравнения.

Математическое ожидание суммы остатков регрессионной модели равно нулю, что указывает на несмещенностность наших оценок для коэффициентов регрессии. Условие наилучшей эффективности мы опустили, так как строим оценочную модель.

Опускаем детали построения и анализа ежегодных,

ежеквартальных и ежемесячных уравнений регрессий, потому что их этапы и тестирование аналогичны последовательности, описанной выше.

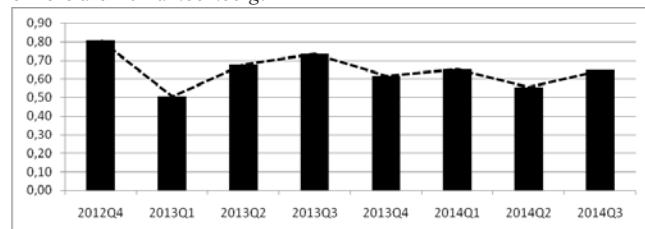
Наиболее интересные результаты дают нам квартальные уравнения регрессии (см. таблицу 1 и рисунок 2).

Таблица 1.

R^2 по кварталам

Период	2012 кв.4	2013 кв.1	2013 кв.2	2013 кв.3	2013 кв.4	2014 кв.1	2014 кв.2	2014 кв.3
Коэф. детерминации	0,81	0,50	0,68	0,74	0,62	0,65	0,56	0,65

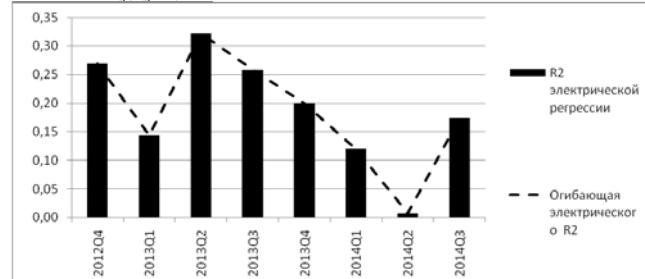
Источник: вычисления автора с использованием приложения «Анализ данных» табличного процессора *Excel* и данных информационного агентства *Bloomberg*.

Источник: вычисления автора с использованием приложения «Анализ данных» табличного процессора *Excel* и данных информационного агентства *Bloomberg*.

Рис. 2. R^2 -углеродных регрессий по 8 кварталам на спотовом рынке за период с четвертого квартала 2012 г. по третий квартал 2014 г.

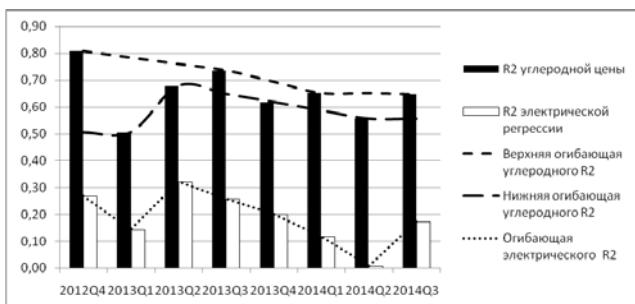
Из приведенного рисунка видно, что зависимость цены углеродного инструмента от цен сырьевых компонентов сохраняется в диапазоне 55-65% в течение последних четырех кварталов. В лучшем случае это дает основания предполагать дальнейшее сглаживание колебаний в будущем.

Источник: вычисления автора с использованием приложения «Анализ данных» табличного процессора *Excel* и данных информационного агентства *Bloomberg*.

Рис. 3. R^2 -электрических регрессий по 8 кварталам на спотовом рынке за период с четвертого квартала 2012 г. по третий квартал 2014 г.

На рисунке 3 отражены данные квартальных регрессионных уравнений зависимости приведенной цены электроэнергии от приведенных цен топливных: угольного, газового и нефтяного товарных инструментов (электрической регрессии). Чтобы сравнение было более наглядным, совместим на рисунке 4 полученные результаты регрессий за одинаковый период.

Источник: вычисления автора с использованием приложения «Анализ данных» табличного процессора Excel и данных информационного агентства Bloomberg.

Рис. 4. Сравнение ранее полученных R^2 углеродных и электрических квартальных регрессий на спотовом рынке за период с четвертого квартала 2012 г. по третий квартал 2014 г.

Сравнивая данные, можно сказать, что энергетическая регрессия демонстрирует менее предсказуемую зависимость цены базовой электроэнергии от цены сопоставляющих ее товарных топливных активов по сравнению со стабильно циклическим небольшим спредом колебания углеродной регрессионной зависимости. К тому же по своей величине коэффициент зависимости цены базового электричества существенно уступает

уровню зависимости цены углеродного инструмента от цен факторных товарных активов. Все приведенные выше расчеты, а также анализ полученных данных приводят к следующему выводу: гипотеза $H0$ об оценке углеродного инструмента как товарного на основе исследования степени зависимости его приведенной цены от приведенных цен составляющих товарных активов не нашла подтверждения. Альтернативная гипотеза $H1$ о том, что углеродный актив в исследовании подобного рода зависимости ведет себя иначе, чем товарный актив, получила право на существование.

Наблюдения следует продолжить для большей уверенности в результате. На данном этапе допустимо сказать, что число наблюдений недостаточно, чтобы сделать окончательные выводы, однако дает право указать на намечающуюся тенденцию в поведении углеродного инструмента. Финансовым рынкам, развивающим торговлю квотами и кредитами на выбросы диоксида углерода, могут быть интересны приведенные выше результаты. Их стоит взять во внимание при разработке юридических и технологических норм в торговле углеродными активами.

Библиографический список (References)

1. Information news agency Bloomberg <http://www.bloomberg.com> [20.08.2014].
2. Directive of the European Parliament and of the council of 15 May 2014 on markets in financial instruments (texts of MiFID II law), Official Journal of the European Union [12.6.2014].
3. Button J. Carbon: commodity or currency? The case for an international carbon market based on the currency model. Harvard Environmental Law Review [Vol. 32 2008].
4. Lutz B.J., Pigorsch U., Rotfiß W. Nonlinearity in Cap-and-Trade Systems: The EUA price and its Fundamentals. //Centre for European Economic Research [Discussion paper No.13-001] [02.01.2013].
5. Environmental Protection Agency USA 2010 and Cantor CO2e Market Price Index (20.9.2011) http://www.epa.gov/airmarkets/progress/ARP09_2.html
6. Proposed Regulation of EU Emissions Allowances as Financial Instruments

В.М. МЕЛКУМЯН

кандидат экономических наук, доцент, кафедра социологии, политологии и экономики, Московский городской педагогический университет
E-mail: melkumyanv2002@mail.ru

V.M. MELKUMIAN

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of sociology, political science and economics,
Moscow City Teachers Training University
E-mail: melkumyanv2002@mail.ru*

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИСХОДНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ТЕОРИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА

TO THE CHARACTERISTICS OF THE ORIGINAL DEFINITIONS OF THE THEORY OF CONSUMER DEMAND

В статье анализируются исходные основания теории потребительского спроса, которая пропагандируется в современных курсах экономической теории. Автор дает критическую оценку определениям теории предельной полезности, на которых построено объяснение механизма формирования потребительского спроса у отдельных индивидов в теории спроса, и показывает, что ее положения несовместимы с механизмами формирования спроса в реальной рыночной экономике. Определениям данной теории спроса автор статьи противопоставляет определения теории спроса, построенные на положениях теории Маркса.

***Ключевые слова:** функция предельной полезности, равновесие потребителя, потребительский спрос, теория Маркса, правило уравнивания полезностей, законы Госсена.*

The article analyzes the original foundations of the theory of consumer demand, which is promoted in modern economic theory courses. The author gives a critical evaluation of the definitions of the theory of marginal utility which is constructed to explain the mechanism of formation of consumer demand from individuals in the theory of supply and demand shows that its provisions are incompatible with the mechanisms of formation of demand in the real market economy. The author contrasts the definitions of the theory of supply built on the positions of Marx's theory to the definitions of the theory of demand.

***Keywords:** the marginal utility function, the equilibrium of the consumer, consumer demand, theory of Marx, the rule of adjustment of utilities, laws of Gossen.*

Теория потребительского спроса выступает составной частью курса экономической теории во всех современных учебниках [5; 7; 8; 9; 10]. Основу теории спроса, которая представлена во многих учебниках отечественных авторов, изданных в нашей стране в период 1990-2000-х гг., составляют положения, разработанные представителями неоклассического направления в экономической мысли (О. Бем-Баверком, К. Менгером, А. Маршалом, Л. Вальрасом, В. Парето) [3]. Наиболее простым вариантом данной теории спроса является теория, основанная на использовании функций предельной полезности для объяснения поведения потребителя и механизма формирования потребительского спроса (кардиналистская концепция) [5; 7; 8; 9; 10]. Альтернативный подход в теории спроса основан на положениях марксистской экономической теории, и исходные основы данного подхода разработаны в трудах "ортодоксальных" марксистских авторов 1960-1970-х гг. [3]. Но теория спроса, построенная на положениях теории Маркса, в большинстве курсов микроэкономики не рассматривается [8; 9; 10]. Авторы данных курсов, по всей видимости, считают возможным при изложении проблем теории спроса ограничиваться изложением основ модели спроса неоклассической теории в ее кардиналистском и ординалистском варианте.

Необходимое изложение теории спроса с позиции теории Маркса отсутствует и в учебниках группы современных «марксистских» авторов, которые включают в курс экономической теории основные положения «ортодоксальной» марксистской экономической теории [1; 2; 4]. Проф. В.Я. Иохин, В.З. Баликоев, Б.Ф. Андреев и другие «марксистские» авторы не дают прямой формулировки определений модели спроса, построенной на положениях теории Маркса. Модель спроса неоклассиков выступала в прошедший период предметом критики марксистских авторов [3]. Предложим в данной публикации некоторые новые доводы против данной теории спроса. В качестве предмета рассмотрения ограничимся анализом кардиналистской версии модели спроса неоклассиков.

Профессоры В.Я. Иохин, В.З. Баликоев, Л.С. Тарасевич, Ю.В. Тарануха, А.С. Булатов, А.Г. Ивасенко и другие «марксистские» и «ненарксистские» авторы не выделяют проблем в обосновании исходных определений модели спроса неоклассиков. Назовем основные проблемы теории спроса, которые не рассматриваются у названных групп авторов современных учебников. Во-первых, проф. В.Я. Иохин, В.З. Баликоев, Л.С. Тарасевич, А.С. Булатов и другие названные авторы не выделяют отличий в классификации потребностей в

модели спроса Маркса и модели спроса неоклассиков. Во-вторых, названные авторы не выделяют отличий в определении модели спроса Маркса и модели спроса неоклассиков условий формирования спроса в отдельной отрасли производства. В-третьих, проф. В.Я. Иохин, В.З. Баликоев, Л.С. Тарасевич, А.С. Булатов и другие не выделяют отличий в определении в модели Маркса и модели спроса неоклассиков действия механизмов потребительского выбора. В-четвертых, ими не выделяются проблемы в построении функции предельной полезности, на которой построено определение величины спроса в модели неоклассиков. В-пятых, проф. В.Я. Иохин, В.З. Баликоев, Л.С. Тарасевич, А.С. Булатов и др. не выделяют проблем в обосновании «формулы равновесия» потребителя модели спроса неоклассиков.

Из обозначенных проблем выделим проблему построения функции предельной полезности, или первого закона Госсена. Обратимся к определению этого закона в современных учебниках. Каждый индивид, как утверждается в модели спроса неоклассиков, выражает полезность отдельных единиц данного предмета в определенных единицах измерения, что позволяет сравнивать полезности различных предметов. Полезность каждой последующей единицы данного предмета, получаемая в данный момент времени, как это утверждается в неоклассической теории и принимается авторами современных учебников, меньше полезности предыдущей единицы [7, с.78; 8, с.70]. В определении модели неоклассиков индивид формирует спрос на различные товары в количествах, при которых отношение предельной полезности каждого товара к его цене одинаково для всех товаров[7, с. 78; 8, с.71; 10, с.109]. Эта «формула спроса» известна как второй закон Госсена и построена на обосновании первого закона [7, с. 78; 8, с.71]. Выделим проблемы в использовании теории предельной полезности для объяснения процессов формирования спроса. Начнем с проблемы измеримости полезности[3].

Професоры В.Я. Иохин, В.З. Баликоев, Л.С. Тарасевич, Ю.В. Тарануха, А.С. Булатов, А.Г. Ивасенко и другие авторы не выделяют проблем в обосновании допущения модели спроса неоклассиков о возможности количественного измерении полезности. Использование функций предельной полезности индивидами для определения размеров спроса, как показано в современных учебниках, построено на допущении возможности количественного выражения полезности предметов и услуг. Модель неоклассиков исходит из того, что потребности индивидов поддаются количественному соизмерению, а единицей этого измерения выступает некоторая однородная единица полезности, в которой и выражаются полезности предметов, удовлетворяющие самые различные потребности индивидов [2; 6; 8; 10]. Но эта исходная основа модели неоклассиков в ее кардиналистском варианте и не получает обоснования у авторов современных учебников. «Определяя для себя степень полезности того или иного блага, потребитель в сущности, оценивает размер того удовлетворения,

которое принесет ему потребление блага, – утверждает проф. А.С. Булатов. – Для этого каждый потребитель как бы выстраивает для себя шкалу, по которой он оценивает полезность различных благ. Понятно, что эта шкала различна у различных людей»[7,с.77]. Названный автор приводит пример определения размеров спроса на основе «формулы» второго закона Госсена, в котором полезность различных предметов измеряется в баллах, под которыми, по всей видимости, понимается какой-то количественный измеритель полезности[7, с.79]. Примеры этого измерения полезности в баллах, или единицах полезности (ютилях), представлены и у других авторов[8, с.71; 10, с.225-226]. Но проблема в данном подходе к количественному измерению полезности выражается в необходимости решения двух задач. Во-первых, необходимо обосновать, как индивиды определяют количественные различия в полезности единиц одного предмета (блага). Во-вторых, необходимо обосновать, как индивиды определяют различия в величинах полезности различных предметов (благ). Без их решения невозможно определить величину «взвешенных» по ценам предельных полезностей различных предметов в «формуле» спроса второго закона Госсена предметов и определить размеры спроса на них. Но у авторов современных учебников отсутствует решение этих проблем, как оно отсутствовало и у их предшественников[3]. Это позволяет утверждать, что у авторов, которые пропагандируют модель неоклассиков, отсутствует обоснование ее исходной основы. Эта проблема измеримости полезности в иной форме возникает и ординалистском варианте модели спроса неоклассиков, и она, как и проблема измеримости полезности в кардиналистской концепции, не получает решения у современных авторов. Современные «марксистские» авторы, как и авторы, которые игнорируют теорию Маркса, не обсуждают дискуссионных проблем модели спроса неоклассиков и не дают оценки аргументов критики теории предельной полезности «марксистских» авторов 1960-1970-х гг. Некоторые из них приводят высказывания, которые позволяют утверждать, что они принимают «формулы» законов Госсена [2, с.167; 4, с.458-461]. Проф. Л.С. Тарасевич, П.И. Гребенников, А.И. Леусский характеризуют положение о количественном измерении полезности как гипотезу[8, с. 70]. Как гипотеза характеризуется у данных авторов и исходное положение ординалистской концепции неоклассиков о порядковом измерении полезности. В итоге изложение теории потребительского спроса у названных авторов свелось к изложению двух гипотез, в обосновании которых, или, наоборот, против которых данные авторы не высказывают прямо каких-то аргументов. Но такая форма изложения теории спроса, которая на протяжении десятилетий выступала предметом дискуссий, представляется некорректной. Перейдем к проблеме обоснования первого закона Госсена.

Как отмечено выше, первый закон Госсена устанавливает уменьшение полезности единицы предмета при увеличении его количества у индивида: «первый закон

Госсена, более известный как закон убывающей предельной полезности, гласит, что каждая последующая (предельная) порция блага все менее полезна с точки зрения потребителя»[7, с.78]. Но это определение предполагает определение тех ситуаций использования потребителями различных предметов (благ), в которых реализуется действие данного закона. Традиционно действие первого закона Госсена принято обосновывать положением о постепенном насыщении данной потребности при использовании последовательно друг за другом отдельных единиц или порций данного предмета в одном акте потребления. Так, например, проф. Л.С. Тарасевич и другие авторы курса «Микроэкономика» утверждают, что «полезность каждой последующей единицы определенного вида благ, получаемой в данный момент, меньше полезности предыдущей единицы» и определяют это положение как первый закон Госсена[8, с.70]. Из буквального прочтения данных положений следует вывод, что в трактовке названных авторов действие закона Госсена реализуется в ситуации потребления нескольких единиц данного блага в акте их потребления в данный момент времени или в одном акте потребления. Эта трактовка ситуаций действия принципа убывающей предельной полезности у названных авторов подтверждается приводимым у них условном примером измерения полезности, в котором индивид оценивает полезность отдельных порций трех товаров повседневного потребления. В учебнике «Экономическая теория» под ред. В.И. Видяпина, А.И. Добринина, Г.П. Журавлевой также предлагается обоснование первого закона Госсена ссылками на закономерности, которые реализуются при последовательном потреблении отдельных единиц (порций) данного предмета в одном акте потребления[10, с.221-222]. Именно эта трактовка «среды» действия первого закона Госсена принимается и в учебнике проф. К. Макконнелла, что достаточно очевидно следует из содержания приводимых им определений[6, с.31]. Т.е. иными словами, закон Госсена обосновывает уменьшение полезности отдельных единиц данного предмета при их последовательном использовании в едином или одном акте потребления. Но проблема состоит в том, что от данных определений проблематично перейти к обоснованию механизмов расходования индивидами своих ежемесячных доходов на покупки различных товаров, которые и должны получить обоснование в «формуле» второго закона Госсена. Обратимся к механизмам удовлетворения потребностей, или формам покупок предметов потребления, которые реализуют индивиды в рыночной экономике. Первый закон Госсена, как показано, описывает ситуацию насыщения потребностей индивида в одном акте потребления, но оставляет без рассмотрения вопрос о том, как приобретаются данным индивидом предметы, потребление которых подчиняется действию этого закона в едином акте потребления. В реальной рыночной экономике многие индивиды приобретают предметы потребления в количествах, рассчитанных на их использование в нескольких изолированных друг от друга во времени и «пространстве»

актах потребления на протяжении определенного периода времени. Но именно эти объемы покупок, которые рассчитаны на несколько актов потребления данного предмета в определенных количествах, и отражают объемы спроса на него, которые должны определяться в «формуле» второго закона Госсена. Т.е. получается, что функция предельной полезности, которая построена для ситуаций использования нескольких единиц данного предмета в одном акте потребления, несопоставима с теми количествами, в которых индивид ежемесячно или еженедельно формирует спрос на данный предмет при данных своих доходах. Оказывается, что признание первого закона Госсена не позволяет на его основе построить теорию спроса. Это определяется тем, что функция предельной полезности, которая отражает процессы использования нескольких единиц данного предмета в одном акте потребления, несовместима с величинами взвешенных предельных полезностей в «формуле» второго закона Госсена, на основе которого определяются общие размеры спроса индивида на различные товары при данной величине его дохода. То есть, в модели спроса неоклассиков содержится противоречие, которое выражается в том, что признание первого закона Госсена не позволяет перейти к объяснению общих размеров спроса на различные товары у отдельного индивида, которые формируются в результате распределения его ежемесячного дохода между различными видами покупок.

Профессоры В.Я. Иохин, В.З. Баликов, Л.С. Тарасевич, Ю.В. Тарануха, А.С. Булатов, А.Г. Иvasенко и другие авторы не выделяют данной проблемы в модели спроса неоклассиков. В реальной рыночной экономике, как отмечено выше, многие предметы потребления приобретаются индивидами в количествах, которые рассчитаны на использование их в нескольких изолированных друг от друга актах потребления. Из этого следует, что для применения первого закона Госсена для объяснения механизмов формирования спроса необходимо обосновать его действие применительно к данным ситуациям повторного потребления предметов в отдельных актах потребления в определенных объемах, так как именно общая сумма объемов покупок данных предметов выражает величину спроса на них у отдельных индивидов. К этому необходимо добавить и то, что многие из тех предметов, которые используются авторами современных учебников для обоснования действия первого закона Госсена, можно приобрести только в количествах, которые превышают возможности индивидов в их потребления в одном акте потребления. Так, например, проф. Л.С. Тарасевич, П.И. Гребенников, А.И. Леусский и другие авторы курса «Микроэкономика» иллюстрируют действие первого закона Госсена на примере потребления порциями трех товаров – хлеба, сахара и молока. Но даже эти три товара, в особенности два последних, для многих индивидов продаются в размерах, которые превышают для них рациональные возможности их потребления в одном акте потребления. Т.е. получается, что потребитель должен делить эти товары на от-

дельные порции, но потреблять их не последовательно порциями в данный момент времени, как это принимается в формулировке закона Госсена у названных авторов, а потреблять их в актах потребления, отделенных друга от друга во времени. Но это означает, что количества потребляемых предметов у названных авторов в определении функции предельной полезности не соответствуют «размерности» показателей в «формуле» второго закона Госсена. У современных авторов эта проблема в использовании первого закона Госсена для объяснения процессов формирования спроса или полностью игнорируется, или закономерности, которые в представлении названных авторов действуют для единого акта потребления, автоматически распространяются на ситуации повторных или многократных актов потребления данных предметов. Проф. Л.С. Тарасевич, П.И. Гребенников, А.И. Леусский, как отмечено выше, приводят пример оценки индивидом полезности отдельных порций трех предметов, не давая прямо определения ситуации, в которой происходит данное измерение полезности. Из предлагаемого ими определения закона убывающей предельной полезности следует вывод, что в данном примере эти измерения полезности осуществляются индивидом при потреблении данных предметов последовательно отдельными порциями в одном акте потребления. Но в приведенном числовом примере допускается, что индивид расходует определенную сумму денег на покупку трех данных предметов в количествах, которые большинство индивидов в реальной рыночной экономике не будут потреблять в одном акте потребления. Т.е. оказывается, что пример более соответствуют ситуациям потребления количества данных предметов частями в изолированных друг от друга во времени актах потребления[8, с. 72]. Но это означает, что закон Госсена должен действовать не только в едином акте потребления, но и в повторных актах потребления. Обратимся к положениям других авторов современных учебников. В учебнике «Экономическая теория» под ред. В.И. Видяпина, А.И. Добринина, Г.П. Журавлевой построена модель поведения индивида, который оптимизирует расходование своего бюджета на основе построения функции предельной полезности для двух видов услуг, каждая из которых потребляется в изолированных актах потребления на протяжении определенного периода времени [10, с.225]. Т.е. у названных авторов обоснование закона убывающей предельной полезности построено на характеристике закономерностей, действующих в одном акте потребления, но допускается, что этот закон действует в ситуациях потребления предметов (услуг) в повторных актах их потребления. Эта проблема возникает и в примере в учебнике проф. А.С. Булатова. Данный автор обосновывает модель поведения потребителя на основе второго закона Госсена при формировании спроса на два товара, которые потребляются в течение недели. Но это предполагает, что эти товары будут потребляться не в одном, а в нескольких актах потребления по частям. В представление данного автора полезности этих товаров подчиняются действию

закона убывающей предельной полезности [7, с.79]. Т.е. получается, что и у этого автора закон Госсена действует в повторных актах потребления товаров, но обоснование действия данного закона в данных ситуациях отсутствует.

Более отчетливую формулировку закона Госсена дает проф. Ю.В. Тарануха: «принцип предельной полезности следует понимать двояко. С одной стороны, он означает, что при однократном потреблении нескольких долей блага полезность от каждой дополнительно потребленной доли будет сокращаться. Поскольку при непрерывном потреблении блага каждая последующая его единица приносит меньшую полезность, то неизбежно достигается насыщение потребителя данным благом и общая полезность начнет уменьшаться. С другой стороны, при многократном, последовательном потреблении одного и того же блага каждый новый акт потребления принесет потребителю меньшую полезность, то есть каждая следующая единица добавляется к общей полезности меньше, чем предыдущая»[9, с. 107]. Данный автор прямо формулирует две ситуации или формы действия первого закона Госсена. Но если применительно к первой ситуации действие первого закона Госсена можно как-то обосновать ссылками на эмпирически наблюдаемые факты, то это крайне проблематично сделать применительно к ситуациям использования определенного предмета во втором типе выделенных ситуаций. Итак, в модели неоклассиков первый закон Госсена должен получить свое обоснование для ситуаций повторного потребления предметов или в ситуациях использования отдельных единиц предметов в изолированных друг от друга актах потребления. Но обоснование данного положения не представляется возможным, и поэтому неудивительно, что оно отсутствует у названных авторов. Рассмотрим следующий условный пример. Примем, что некоторый индивид приобретает раз в неделю 12 единиц предмета X и использует их четыре раза в неделю в отдельных актах потребления в количестве трех единиц в каждом акте. В определении современных авторов первый закон Госсена действует в каждом из этих четырех актов потребления на протяжении недели и отражает уменьшение полезности отдельных единиц данного предмета при их последовательном потреблении в едином акте потребления. Но для объяснения механизма формирования спроса индивида в данных объемах еженедельного потребления данного товара необходимо обосновать совсем другое положение. При условии, что еженедельный объем потребления данного предмета составляет 12 единиц, его объемы потребления за месяц у индивида составят 48 единиц. Из этих числовых данных следует, что второй закон Госсена должен объяснить механизм формирования спроса у индивида на данный предмет в количестве 48 единиц в результате расходования им своего месячного дохода на покупки различных товаров и услуг. Но для обоснования этого положения необходимо обосновать возможность построения функции предельной полезности для процессов потребления 48 единиц пред-

мета на протяжении месяца в отделенных друг от друга во времени актах потребления. Т.е. функция предельной полезности, или положение об убывании полезности каждой последующей единицы предмета должна получить обоснование для ситуаций использования единиц данного предмета в повторяющихся актах его потребления. Только при выполнении этого условия оказывается возможным использование функции предельной полезности в «формуле» спроса второго закона Госсена для определения размеров спроса исходя из месячного дохода индивидов, что представляется типичной ситуацией формирования спроса в рыночной экономике. Но это утверждение не получает доказательства у сторонников модели спроса неоклассиков, и представляется, что его и невозможно обосновать. Ошибочность данного допущения модели спроса неоклассиков, при котором оказывается возможным обоснование «формулы» спроса второго закона Госсена, следует из очевидного положения о том, что отдельные акты потребления данного предмета, которые происходят на протяжении месяца, ничем не отличаются друг от друга. Напротив, эти отдельные акты потребления выполняют для индивида функцию удовлетворения на протяжении определенного периода времени одной из его многочисленных потребностей. Через неделю данный индивид, исчерпав запас данного предмета, снова совершил его покупки в количествах, рассчитанных на потребление на протяжении недели. Модель спроса неоклассиков исходит из положения, что каждый последующий изолированный акт потребления данного предмета приносит индивиду меньшее удовлетворение, чем предыдущий. Т.е. применительно к условиям вышеприведенного примера первый акт потребления предмета приносит индивиду

наивысшую полезность, а последний или четвертый акт потребления данного предмета из запаса, рассчитанного на неделю, приносит наименьшую полезность. Но после того, как индивид снова приобретет 12 единиц данного предмета в расчете на их поэтапное потребление на протяжении недели, полезность или удовлетворение от данных актов потребления должна измениться. Т.е. удовлетворение от первого акта потребления некоторого числа единиц предмета увеличивается по сравнению с полезностью, получаемой от предшествовавшего акта потребления, а после этого на протяжении недели начинает снижаться. Но эти закономерности в изменении полезности актов потребления невозможно представить в реальной рыночной экономике. Если принять данные неявные допущения модели неоклассиков, то в примере проф. Л.С.Тарасевича и других авторов курса «Микроэкономика» потребители должны получать различное удовлетворение от трех общепринятых предметов потребления – хлеба, молока и сахара при их потреблении в некоторых количествах в отдельных актах потребления на протяжении какого-то периода времени (например, недели). Но найти таких потребителей в реальной рыночной экономике представляется крайне сложной задачей, что, по всей видимости, игнорируют сторонники модели спроса неоклассиков.

Итак, мы рассмотрели проблемы, которые возникают при использовании функции предельной полезности для обоснования механизмов формирования спроса в модели неоклассиков. Но в определениях модели неоклассиков содержатся и другие проблемы, которые не обсуждаются у названных авторов курсов экономической теории и которые требуют своего рассмотрения в отдельных публикациях.

Библиографический список

1. Андреев Б.Ф. Системный курс экономической теории. СПб.: Лениздат, 1998. 506с.
2. Баликоев В.З. Общая экономическая теория. М.: Издательство “Омега-Л”, 2010. 684с.
3. Блюмин И.Г. Критика буржуазной политической экономии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 872с.
4. Иохин В.Я. Экономическая теория: Учебник. М.: Экономистъ, 2004. 861с.
5. Ивасенко А.Г., Никонова Я.И. Микроэкономика: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2013, 280с.
6. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т. Т.2. М.: Республика, 1992. 400с.
7. Микроэкономика: учебник для бакалавров. Под ред. А.С.Булатова. М.: Издательство Юрайт, 2014. 439с.
8. Тарасевич Л.С., Гребенников П.И., Ляусский А.И. Микроэкономика. Учебник для бакалавров. М., 2012. 543 с.
9. Тарануха Ю.В. Микроэкономика: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям. М.: Издательство “Дело и Сервис”, 2011. 608с.
10. Экономическая теория: Учебник. Под общ. ред. акад. В.И.Видяпина, А.И.Добрынина, Г.П.Журавлевой, Л.С.Тарасевича. М.:ИНФРА-М, 2008, 747 с.

References

1. *Andreev B.F. Systematic course of economic theory.* SPb.: Lenizdat, 1998 506p.
2. *Balikoev V.Z. General economic theory.* M.: Omega-L, 2010. 684 p.
3. *Blumin I.G. Critique of bourgeois political economy.* M.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1962, 872 p.
4. *Iohin V.Y. Economic theory: Textbook.* M.: Economist, 2004. 861p.
5. *Ivasenko A.G, Nikonova Y.E. Microeconomics: a tutorial.* M.: KNORUS 2013, 280p.
6. *Makkonnell K.R., Bryu S.L. Economics: Principles, Problems and Policies.* In 2 volumes. Vol.2. M.: Respyblika, 1992. 400p.
7. *Microeconomics: a textbook for undergraduate.* Ed. A.S.Bulatova. M.: Publisher Yurayt, 2014. 439p.
8. *Tarasevich L.S., Grebennikov P. I., Leuski A. I. Microeconomics.* Textbook for undergraduate students. M., 2012. 543p.
9. *Taranukha Yu. V. Microeconomics: a textbook for University students, students of economic specialties.* M.: Publishing house “Business and Services”, 2011. 608 p.
10. *Economic theory: a Tutorial.* Under the General editorship of academician V. I. Vidapin, A.I. Dobryrina, G. P. Zhuravleva, L.S. Tarasevich. M.:INFRA-M, 2008. 747p.

С.Ю. НОВАКОВА

кандидат экономических наук, доцент, кафедра прикладных экономических дисциплин, Орловский государственный университет
E-mail: novakova_s@mail.ru

S.Y. NOVAKOVA

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
department of applied economic disciplines, Orel State
University*
E-mail: novakova_s@mail.ru

СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ ГОРОДА ОРЛА

STATUS, PROBLEMS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF REAL ESTATE MARKET OF OREL

В статье выделены факторы, влияющие на спрос и предложение рынка жилой недвижимости города Орла; проанализирована динамика цен на рынке жилой недвижимости, конъюнктура спроса и предложения на рынке.

Ключевые слова: жилищное строительство, первичный и вторичный рынок жилья, жилищный спрос, жилищное предложение.

The article highlights the factors affecting the supply and demand of the residential real estate market of Orel; the dynamics of prices on the residential real estate market of the city, the situation of supply and demand in the market of residential property in the city is analyzed.

Keywords: housing, primary and secondary housing market, housing demand, housing proposal.

Жилищная сфера представляет собой сложную систему создания, функционирования и замены жилищного фонда и включает в себя часть сферы производства (строительство, ремонт, реконструкция и модернизация, снос объектов жилищного фонда).

Жилищный вопрос и в настоящее время по-прежнему остается актуальным как для всей Российской Федерации, так и для отдельных ее регионов, включая Орловскую область, продолжая оставаться в центре внимания всех уровней власти, о чем наглядно свидетельствует подписанный Президентом РФ в пакете майских документов Указ «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» (Указ Президента РФ от 07.05.2012 №600), включающий разработку ряда важнейших направлений, в том числе государственной программы обеспечения доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ, предусматривающую строительство жилья экономического класса. Актуальность данного вопроса также была затронута Президентом РФ в своем Послании Федеральному собранию 12 декабря 2012 года.

Жилищное строительство – это система, включающая в себя комплекс механизмов перераспределения объектов жилищного фонда и создаваемых ими жилищных услуг, основанных на сочетании интересов всех его участников и конкуренции эффективного землепользования.

В 2013 году строительство многоквартирных домов на территории области осуществляли около 20 строительных организаций, различных форм собственности

(ОАО, ООО, ЗАО). В текущем году строительными организациями планируется ввести в эксплуатацию около 220 тыс. кв. метров жилых помещений, что на 7,3% больше, чем в прошлом году. По состоянию на 01.12.2012 г. уже введено в эксплуатацию более 140 тыс. кв. метров жилых площадей, что составляет 65% от запланированных.

Всего же в январе–апреле 2014 года, по данным органов статистики, введено в эксплуатацию площадей жилых помещений около 210 тыс. кв. метров (с учетом малоэтажного строительства), рост к аналогичному периоду 2013 года составил 6,6%.

Наибольшую долю на рынке строительства жилых помещений многоквартирных домов в Орловской области занимает ОАО «Орелстрой» (около 42%). На территории г. Орла ОАО «Орелстрой» имеет долю 39,2%.

Вторым крупным игроком на данном рынке является закрытое акционерное общество АК «АЛРОСА» (доля около 10%). ОАО «АИЖК Орловской области» имеет долю около 8%, доля остальных компаний колеблется от 5% (ЗАО «Жилстрой») и ниже.

В настоящее время в городе Орле наибольшим спросом пользуются однокомнатные и двухкомнатные квартиры, что связано с первоочередным предоставлением жилья отдельным категориям населения, отмеченным в федеральных программах (ветераны войны, сироты и др.). Такие квартиры распределяются еще на стадии застройки фундамента будущего дома.

Не менее актуальной остается тема стоимости строительства жилья экономического класса. В зависимости от района расположения, этажности, качества отделки и прочих параметров стоимость одного квадратного ме-

тра жилой площади варьируется в достаточно большом диапазоне от 30 до 36 тысяч рублей за 1 квадратный метр (первичный рынок), но есть предложения строителей 29 тыс. руб. за кв. метр; на вторичном рынке цена колеблется от 28,5 до 31 тысячи рублей.

Если проследить динамику роста стоимости нового жилья, то она следующая. Например, средние цены за 1 кв. метр на первичном рынке в 1 квартале 2011 года составляли 27045 руб., то в 1 квартале 2012 года – 30219 руб. за 1 кв. метр (рост составил 11,7%); в 1 квартале 2012 г. – 29021 руб., а в 1 кв. 2013 года 33088 руб. (рост – 14%). Всего средний рост цен в 1 квартале текущего года по отношению к 1 кварталу прошлого года составил 22,3%.

Тенденция роста стоимости строящихся квартир в многоквартирных домах сказалась и на рынке вторичного жилья.

Динамика роста стоимости жилья на вторичном рынке такова.

1 квартал 2012 года средняя стоимость 1 кв. метра жилья всех типов составляла 28368 руб., из них стоимость кв. метра квартиры среднего класса 25713 руб., квартир улучшенного качества 31227 руб.

В 1 квартале 2013 года по сравнению с 1 кварталом 2012 года цены на квартиры практически неросли (28509 руб. за 1 кв. метр), при этом цены на квартиры среднего класса упали в среднем на 1100 руб. за 1 кв. метр, при этом стоимость квартир улучшенного качества возросла на 1000 руб. 1 кв. метр. Рост цен на квартиры на вторичном рынке стал наблюдаться во втором квартале этого года и продолжается до настоящего времени.

Так, если в 1 квартале 2013 г. средняя стоимость 1 кв. метра составляла 28703 руб., то в 3 кв. этого года уже 30104 руб. (рост – 5%). Всего средний рост цен в 3 квартале текущего года по отношению к 1 кварталу прошлого года составил 6,1% (это ниже, чем на первичном рынке). Аутсайдерами по цене оказались так называемые «хрущевки», популярность приобретения которых снижается из года в год.

В последнее время на рынке строительства жилья наблюдается постоянный рост объемов строительных работ в малоэтажном индивидуальном секторе, который в прошедшем году составил около 35%.

Развитие малоэтажного индивидуального строительства позволяет, в какой-то степени, решить жилищную проблему различных слоев населения, учитывая многообразие подходов к проектированию и использованию разных видов строительных материалов.

Новые коттеджные поселки в настоящее время строятся в Ливенском, Покровском, Троснянском и Орловском районах. Кроме того, вблизи города Орла возводятся сразу несколько поселков: в Малой Куликовке, поселке Платоново, в Ново-Образцово и др.

Однако процессу развития малоэтажного индивидуального строительства на территории Орловской области препятствует широкий круг проблем. Одной из них является отсутствие градостроительных планов

земельных участков. Другая немаловажная проблема – это отсутствие инженерно подготовленных территорий, на которых предусмотрено утвержденной градостроительной планировочной документацией малоэтажное индивидуальное жилищное строительство. И конечно же, третьей проблемой является низкий уровень доходов населения области, не позволяющий гражданам приобретать либо осуществлять строительство объектов малоэтажного индивидуального строительства. При этом, современные методы и механизмы активизации строительства позволяют при сохранении основных качеств малоэтажных индивидуальных строений (устойчивость, долговечность, комфортность, теплоустойчивость) существенно снижать себестоимость малоэтажного индивидуального строительства.

Правительство области активно ищет пути решения жилищной проблемы в Орле, планируя освоение новых земельных участков и возможный пересмотр генеральных планов муниципальных образований, которые в настоящее время проходят согласование и утверждение.

Кроме того, на территории области и города в настоящее время действует множество федеральных и местных программ, направленных на строительство новых объектов. Среди них национальный проект «Доступное и комфортное жилье гражданам России», программы переселения граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда, программа развития малоэтажного строительства и др. Финансирование строительства ведется как из федерального, так и из местного регионального и муниципальных бюджетов.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что рынок строительства жилья в Орловской области является привлекательным и на нем отсутствуют застройщики (строительные организации), имеющие долю более 50% по вводу в эксплуатацию жилых помещений в многоквартирных домах.

В таблице 1 представлены средние цены за 1 кв. м на первичном рынке жилья в регионах ЦФО.

На основе проведенного анализа по ценам на жилье, в Центральном регионе выявлены следующие закономерности. Отметку 35 тыс. руб. за 1 кв. м, по итогам 2013 г. преодолели 7 областей, в т.ч. Орловская, Тамбовская, Рязанская.

Мы видим, что стоимость квадратного метра жилого помещения как на первичном, так и на вторичном рынках в 2013 году колеблются в пределах от 27000 руб. до 35000 руб. Орловская область не является ценовым лидером ЦФО, напротив, входит в группу областей с относительно низкими ценами на жилье.

В общей структуре продаж наибольшую долю также занимают однокомнатные квартиры (57%) — самый востребованный на сегодня продукт первичного рынка, далее идут двухкомнатные квартиры (23%). Несколько увеличилась доля квартир, не проданных к моменту сдачи дома.

Рассмотрим индексы цен на первичном и вторичном рынках жилья по субъектам Российской Федерации (таблица 3).

Таблица 1.

Средние цены на первичном и вторичном рынках жилья по субъектам Российской Федерации (на конец года; рублей за квадратный метр общей площади) [1]

	Первичный рынок жилья				Вторичный рынок жилья			
	2000	2005	2012	2013	2000	2005	2012	2013
Российская Федерация	8678	25394	43686	48163	6590	22166	48243	56370
Центральный федеральный округ	11108	34773	53088	56333	8375	28672	71014	86774
Белгородская область	5172	15793	40383	48877	4746	14605	32899	41004
Брянская область	4742	14996	29219	31772	3796	16285	29611	32947
Владимирская область	5455	18054	38648	39182	4665	16522	35800	40588
Воронежская область	4586	15131	35134	40241	5209	14285	37335	44849
Ивановская область	4948	13403	33088	33059	2997	11900	33524	35127
Калужская область	7135	19962	49924	49178	4823	19369	51203	54003
Костромская область	4434	15481	31840	33465	3734	14797	35136	40128
Курская область	3850	14068	27909	30654	3489	13757	30007	34921
Липецкая область	4794	18505	37429	39770	4807	18103	40152	43212
Московская область	9663	25815	69119	77595	7460	25361	65895	73761
Орловская область	6974	15282	28770	35254	4865	14139	29444	31422
Рязанская область	6458	16565	35221	36005	5611	19382	40136	45384
Смоленская область	5828	14608	35690	39455	5028	16160	34340	36809
Тамбовская область	5098	14060	27961	34153	4453	13826	31371	34907
Тверская область	7986	19121	43422	48074	5482	18632	49748	52602
Тульская область	5645	19507	42152	41795	4963	17647	38380	40455
Ярославская область	6880	19682	41873	50994	6503	19766	43671	49749
г. Москва	16281	58398	129524	129966	15414	52444	163203	176320

Таблица 2.

Средние цены 1 кв. метра общей площади квартир среднего качества (типовых) на первичном и вторичном рынках жилья по субъектам Российской Федерации (на конец года; рублей за квадратный метр общей площади) [1]

	Первичный рынок жилья				Вторичный рынок жилья			
	2000	2005	2012	2013	2000	2005	2012	2013
Российская Федерация	7690	22008	44777	49872	6422	21915	44002	51279
Центральный федеральный округ	9651	28291	57916	69717	8270	28015	59685	71366
Белгородская область	4521	14168	26234	30728	4894	13905	34084	40080
Брянская область	4455	12719	28323	28454	3627	15274	26839	31920
Владимирская область	4481	16036	34103	37317
Воронежская область	4062	15695	34887	40718	5165	14034	35961	42660
Ивановская область	2752	11731	32821	34082
Калужская область	4794	19016	49255	51981
Костромская область	4370	...	31164	...	3349	14494	31291	38177
Курская область	3767	12000	3886	13757	29343	34757
Липецкая область	3846	17000	4444	17661	38771	42200
Московская область	8937	26312	53435	55455	7315	25521	68756	84265
Орловская область	...	12666	4592	13448	26154	27928
Рязанская область	28165	...	5402	18922	39642	42118
Смоленская область	6100	14067	32540	32105	4566	15095	32317	35221
Тамбовская область	4613	12934	4368	14751	30061	31918
Тверская область	5850	5469	18699	47296	50585
Тульская область	5645	17552	4890	17685	37553	39236
Ярославская область	6394	40055	6550	19066	42274	48716
г. Москва	12911	38804	98677	112500	15331	50747	144926	157664

Таблица 3.

Индексы цен на первичном и вторичном рынках жилья по субъектам Российской Федерации (на конец года; в процентах к концу предыдущего года) [1]

	Первичный рынок жилья				Вторичный рынок жилья			
	2000	2005	2012	2013	2000	2005	2012	2013
Российская Федерация	113,1	117,5	106,7	110,7	116,3	118,0	105,8	112,1
Центральный								
федеральный округ	105,1	113,8	105,7	108,9	106,2	115,0	103,3	110,4
Белгородская область	116,9	113,2	104,0	112,6	162,0	113,7	108,1	117,6
Брянская область	103,6	112,4	105,8	105,8	96,9	115,5	108,1	104,3
Владимирская область	119,2	111,4	107,9	101,8	112,1	113,4	105,7	107,0
Воронежская область	101,4	114,8	108,7	115,9	110,8	108,7	109,9	118,4
Ивановская область	114,5	109,0	103,8	99,8	117,1	121,7	104,0	109,8
Калужская область	91,6	127,2	107,5	103,0	101,7	126,6	103,7	110,3
Костромская область	105,6	114,5	97,4	105,8	103,5	116,5	111,1	109,5
Курская область	97,8	115,3	108,3	108,8	100,0	109,8	107,4	112,7
Липецкая область	116,6	116,9	106,2	111,7	110,0	118,7	105,2	110,9
Московская область	106,9	127,7	107,9	109,6	105,3	127,1	103,5	111,2
Орловская область	108,2	111,9	105,9	118,1	100,7	111,0	107,5	110,5
Рязанская область	108,2	120,2	100,1	104,2	111,3	119,9	102,0	114,7
Смоленская область	101,3	122,5	113,2	108,9	100,1	130,8	116,5	108,2
Тамбовская область	115,5	118,3	104,8	120,4	102,6	122,9	106,4	112,2
Тверская область	121,1	117,1	100,3	107,2	112,6	112,3	106,7	104,8
Тульская область	102,6	117,7	108,5	101,6	103,9	109,7	101,5	108,3
Ярославская область	123,9	110,9	110,0	117,7	128,8	110,3	110,9	116,7
г. Москва	100,9	109,5	103,6	106,2	97,7	111,8	101,6	109,5

Таблица 4.

Средние цены на рынке жилья за 1 кв. метр общей площади, рубль, город Орел [1]

	2000	2005	2012	2013
первичный рынок жилья				
все квартиры различных типов	13996,61	15282,35	29870,76	35985,4
типовые квартиры	12000	12666,43		
квартиры улучшенной планировки	14057,1	15467,95	29296,79	35491,24
элитные квартиры	15244,57	18000	48000	48000
вторичный рынок жилья				
все квартиры различных типов	12587,56	14139,35	29743,6	31634,6
типовые квартиры	12084,34	13447,73	29284,3	31383,43
квартиры улучшенной планировки	13336,19	15162,01	29159,72	32602,63
квартиры низкого качества	9900	10000		

Мы видим, что рост цен значителен, и в Орловской области в 2013 году на первичном рынке составляет 118,1%, выше только в Тамбовской области – 120,4%.

Современная ситуация на рынке жилой недвижимости города Орла выглядит следующим образом:

- темпы развития жилищного строительства сдерживают проблема привлечения финансовых средств: первичный рынок жилой недвижимости живет и развивается в основном за счет средств частных инвесторов – дольщиков; доля таких инвесторов в общем объеме строительства нового жилья составляет около 85–90%;
- вследствие одновременного действия четырех факторов, обеспечивающих прирост платежеспособного спроса (сезонность, отложенный спрос, приток иногород-

них покупателей и увеличение популярности ипотеки), цены на жилье в Орле демонстрируют активный рост;

– Орел находится в русле общероссийской тенденции ввода жилья: дома в основной массе сдаются к концу года, несмотря на постепенно увеличивающуюся долю малоэтажного и индивидуального жилищного строительства; основной объем ввода жилья по-прежнему приходится на многоквартирные жилые дома.

Анализ динамики цен на рынке жилой недвижимости города убедительно показал, что именно недостаточное понимание принципиальных особенностей функционирования локальных рынков жилья делает попытки реализации крупномасштабных государственных программ малоэффективными.

Оценка динамики жилищного спроса показывает, что наибольшую долю в структуре спроса занимают многоэтажное и малоэтажное жилье эконом-класса. Также наблюдается рост спроса на малоэтажное жилье бизнес-класса, что связано с увеличением уровня дохода населения и ростом потребительских предпочтений (рисунок 1).

Рис. 1. Динамика жилищного спроса по классу жилья. [1]

Из рисунка видно, что особым спросом в исследуемом периоде пользуется многоэтажное жилье эконом-класса, а также малоэтажное жилье эконом-класса.

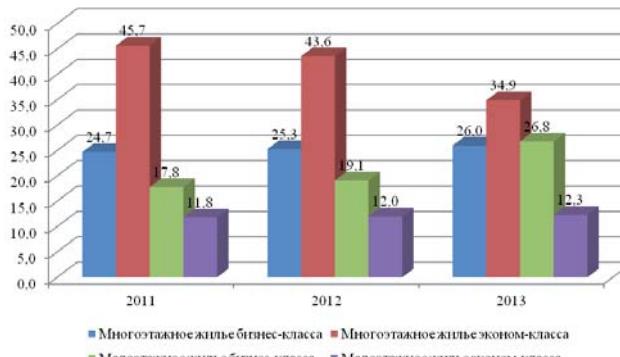

Рис. 2. Динамика жилищного предложения по классу жилья. [1]

Из рисунка видно, что предложение по классу жилья в 2013 году выше на малоэтажное жилье бизнес-класса и на малоэтажное жилье эконом-класса при снижении предложения по многоэтажному строительству.

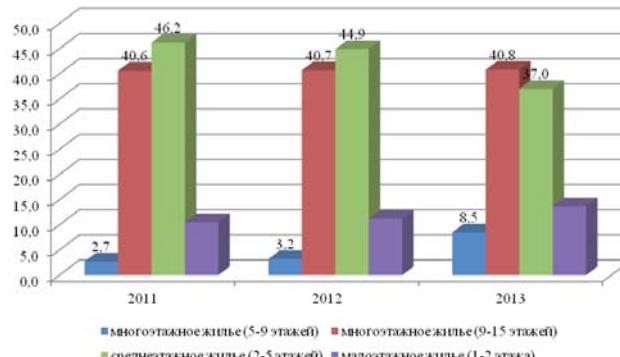

Рис. 3. Структура спроса на жилье различной этажности. [1]

Проанализировав структуру спроса жилья по различной этажности, можно отметить, что в 2012 г. спросом пользовалось среднеэтажное жилье, а в 2013 г. многоэтажное жилье (рисунок 3).

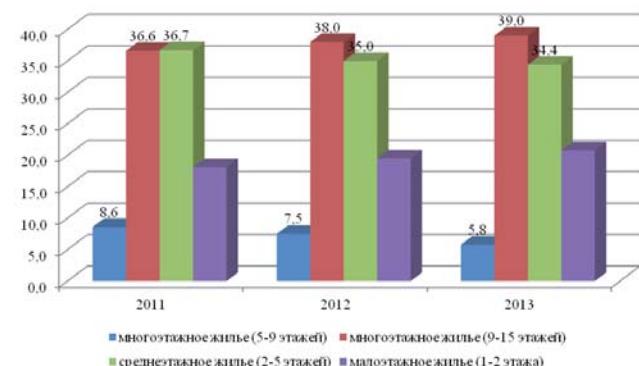

Рис. 4. Структура предложения на жилье различной этажности. [1]

Из рисунка 4 видно, что в 2012 году предложение на жилье различной этажности, выше на многоэтажное жилье от 5-9 этажей, а ниже на многоэтажное жилье. В 2013 году также предложение на жилье выше на многоэтажное жилье от 5-9 этажей, а ниже на многоэтажное жилье.

В структуре жилого фонда города Орла больше всего представлены двухкомнатные квартиры (порядка 43%). На втором месте (порядка 28%) идут трёхкомнатные квартиры, на третьем месте (около 24%) представлены однокомнатные квартиры и, естественно, меньше всего (около 6%) – многокомнатные квартиры.

В Орле имеется около 200 домов фактически дореволюционной постройки. Несколько больше (около 250 домов) построено в первые годы советской власти. И практически 50% от общего количества многоквартирных домов было построено в период с 1946 по 1979 год. В своей основной массе это дома, построенные в период хрущёвского и брежневского правления. Около 30% всех домов было построено в период с 1971 по 1995 годы. Это в основном панельные и блочные дома. И только 211 домов (чуть более 7%) построены в период 1996 – 2009 годы. Это в основном квартиры с увеличенной площадью, отделкой под заказчика из хороших отделочных материалов. Появляются отдельные дома с квартирами, которые по орловским меркам можно было бы отнести к квартирам класса «элит».

Таким образом, одной из особенностей развития квартирного рынка города Орла является плохое состояние жилого фонда. Лишь в последнее десятилетие постепенно началось строительство жилья, более или менее соответствующего современным требованиям, в том числе индивидуальное строительство.

Говоря о ценовой ситуации на квартирном рынке, следует прежде всего отметить, что в Орле, так же как в Москве, С.Петербурге и некоторых других городах центральной части России, цены вплоть до 2006 года номинировались в долларах. Динамика квартирных цен за последние 17 лет хорошо отражает развитие этого рынка во всей России, в том числе достаточно плотно следуя за Москвой с разницей в цене в 3,5-4,0 раза. После кризиса 2008 в течение года цены постепенно падали. После этого началась новая стадия развития рынка, характеризующаяся ростом цен, чередующимся с кратковременными периодами стабилизации.

Ситуацию на квартирном рынке хорошо подтверждают официальные данные Управления Федеральной регистрационной службы по Орловской области. Из представленных данных видно, что начиная с 2010 года наблюдалась тенденция к непрерывному росту числа зарегистрированных в Орле сделок с квартирами. В прошлом году было зарегистрировано 2674 подобных сделок, что превышало 20% от общего количества сделок на рынке.

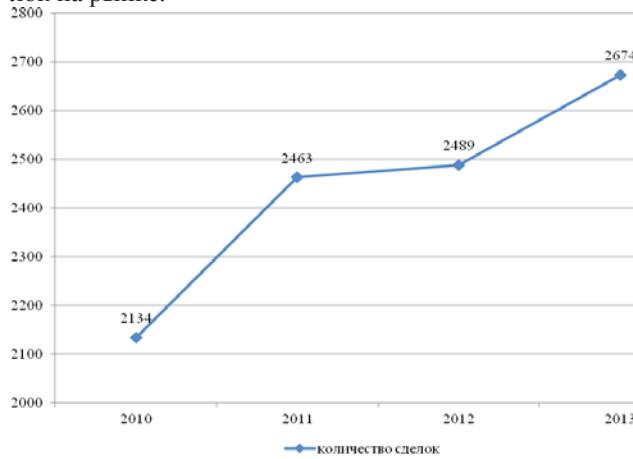

Рис. 5 Суммарное количество зарегистрированных сделок с квартирами в Орле. [1]

Формирование и функционирование рынка жилой недвижимости в городе Орле происходит в условиях практического отсутствия единой и адаптированной к российским условиям системы методологических подходов к анализу, оценке и прогнозу эффективности работы этого рынка и строительного комплекса региона.

В настоящее время доля жилищного фонда, находящегося в частной собственности в Орловской области, превышает 62%. Общая площадь домов – объединений собственников жилья (ЖСК, ЖК, ТСЖ) составляет более 17,5 млн. кв. м (20% многоквартирных жилых домов).

Результаты анализа позволили выявить следующие недостатки, препятствующие превращению государственных и муниципальных жилищных программ в реальный механизм решения жилищных проблем граждан и стабилизации развития жилищного рынка:

- недостаточная ориентированность проводимых мероприятий на стимулирование роста предложения, адекватного по масштабам и структуре требованиям спроса;

- пренебрежение вопросами совершенствования функционирования строительной отрасли и промышленности стройматериалов как сектора национальной экономики;

- недооценка факторов, искажающих конкурентную ситуацию и институциональную структуру сектора жилищного строительства;

- недостаточное стимулирование привлечения внебюджетных источников финансирования национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России»;

- отсутствие механизмов консолидации средств федерального, регионального и местного бюджетов;

- недооценка региональной и локальной специфики функционирования и развития жилищного рынка в конкретных регионах, городах и сельских поселениях разных типов.

В целях объединения усилий и финансовых возможностей для реализации крупномасштабных проектов комплексного освоения территории Орла необходимо согласовывать действия органов власти и частно-хозяйствующих субъектов, использовать механизм частно-государственного партнерства, а также варианты распределения полномочий и ответственности между его участниками. Конечной целью предложенных рекомендаций является достижение сбалансированности социально-экономического и пространственного развития крупных городов.

Жилищная сфера – одна из важнейших в экономике, обеспечивающая необходимые потребности человека. Жилищная сфера представляет собой сложную систему создания, функционирования и замены жилищного фонда и включает в себя сферу производства (строительство, ремонт, реконструкция и модернизация, снос объектов жилищного фонда) и сферу услуг (проектирование и эксплуатация жилищного фонда). В то же время жилищная сфера – это взаимодействие двух основных ее элементов: рынка жилья и рынка жилищных услуг, образующих в совокупности рынок жилой недвижимости. Состояние жилищной сферы во многом определяет уровень жизни и свидетельствует о благосостоянии населения, формирующем базу для развития экономики страны.

В ходе исследования был выявлен целый ряд факторов, оказывающих значительное влияние на снижение темпов строительства. К основным из них следует отнести:

- снижение рентабельности деятельности застройщиков как следствие роста стоимости строительства;
- сокращение средств, вовлеченных в оборот при новом строительстве;
- введение закона о долевом участии в строительстве;
- переход на предоставление земельных участков под жилую застройку посредством торгов;
- отсутствие инженерной подготовки территорий под будущую застройку;
- рост стоимости строительства вследствие монополизации сектора промышленности строительных материалов;
- высокий уровень внутренней инфляции;
- увеличение стоимости строительно-монтажных работ;
- неразвитый рыночный механизм привлечения финансовых средств в строительство.

Основные направления выхода из сложившейся ситуации дефицита финансирования строительства состоят в следующем:

- в переходе от практики кредитования физических лиц к «проектному кредитованию» строительных компаний;
- в создании по опыту западных стран т. н. «ас-

социаций жилищного строительства», в которых существует государственное и частное инвестирование в строительство и реконструкцию объектов недвижимости. Такие организации управляются государственными администраторами и имеют целью планомерную застройку новых территорий и, особенно, реновацию уже застроенных территорий с полной реконструкцией зданий и сооружений, находящихся в реанимируемой зоне. Практика частно-государственного партнерства уже применяется в Санкт-Петербурге при строительстве крупных городских сооружений; следует активней применять этот механизм в жилищном строительстве.

Направления развития строительного комплекса Орла должны включать в себя комплекс мер по стимулированию более эффективной его работы:

- создание конкурентной среды в сфере строи-

тельства и производства строительных материалов, так как они являются одними из наиболее «рыночных» отраслей экономики, и создание конкурентной среды именно в этих отраслях очень важно;

– формирование эффективного рынка услуг за счет появления большего числа малых и средних предприятий, занятых в строительстве. Наличие таких компаний и фирм характерно для рыночной экономики, так как именно они и обеспечивают конкурентную среду.

Таким образом, в первую очередь на рынок недвижимости Орла и области влияет отсталость региона в ряде сфер экономики. В то же время большое влияние оказывает близость Орла к Москве, заинтересованность предпринимателей и инвесторов, строителей и девелоперов в различных объектах недвижимости региона.

Библиографический список

1. Жилищное хозяйство в России. 2013: Стат. сб./ Росстат [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887300516

References

1. Housing in Russia. 2013: Collection of articles/ statistics [Electronic resource] // access Mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/ catalog/doc_1138887300516
-
-

Д.П. АЛЕКСАНДРОВА

магистр, философский факультет, Орловский государственный университет
E-mail: arnold71@inbox.ru

D.P. ALEXANDROVA

Master, Philosophy Faculty, Orel State University
E-mail: arnold71@inbox.ru

ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ БИОЭТИКИ

DEONTOLOGICAL PROBLEMS IN THE CONTEXT OF BIOETHICS

В статье рассматриваются деонтологические проблемы в контексте биоэтики на примере эвтаназии; анализируется понятие «эвтаназия», моральный смысл различных форм эвтаназии; на основе исследования литературы предлагается краткий обзор аргументов «за» и «против» эвтаназии.

Ключевые слова: этика, медицинская этика, биоэтика, деонтология, эвтаназия, суицидальный туризм, суицидальный турист.

The article deals with deontological problems in the context of bioethics on the example of euthanasia; the concept “euthanasia” and the moral aspect of various forms of euthanasia are analyzed; a brief overview of arguments “for” and “against” euthanasia based on the study of literature is suggested.

Keywords: ethics, medical ethics, bioethics, deontology, euthanasia, suicide tourism, suicide tourist.

Биоэтика понимается как раздел этики, рассматривающий область отношения человека к различным живым формам. Само слово «этика» определяется как ответственность человека перед окружающими; таким образом, биоэтика понимается как область знаний о поведении человека по отношению к другим и как философское понятие, касающееся нравственной стороны поведения человека. [4]

Биоэтика – этика отношения к человеческим существам; в этом плане биоэтика смыкается с медицинской этикой – деонтологией.

Медицинская этика – этические принципы, которые должны руководствоваться медицинские работники. Медицинская этика налагает на врача определенные обязательства перед пациентом, в равной степени как и перед другими врачами. Центральную роль этики в практике медицины трудно переоценить. Медицина несет в себе некоторые фундаментальные ценности, такие как сохранение жизни и облегчение страданий. Эти ценности отличают медицину от других наук и предполагают особые обязательства, груз которых ложится преимущественно на врачей и других ее представителей.

Международный кодекс медицинской этики, утвержденный Всемирной медицинской ассоциацией в 1968 г., определяет следующие обязанности врачей по отношению к больному: «Врач всегда должен помнить, что его обязанность – сохранение человеческой жизни. Врач должен проявлять по отношению к своему пациенту полную лояльность и использовать в помощь ему все свои знания. Всякий раз, когда исследование или лечение требуют знаний, превышающих его способности, он должен пригласить других врачей, имеющих соответствующую квалификацию... Долг врача – предоста-

вить срочную помощь, если он не уверен, что другие специалисты хотят или могут ее предоставить...».

В медицинской этике существует учение о должном в медицине, прежде всего, о профессиональном долге, обязанностях и нормах поведения медицинских работников.

Деонтология (греч. *deon* – должное, *logos* – учение) – учение о долге врача, совокупность этических норм, необходимых ему для выполнения своих профессиональных обязанностей. Иными словами, деонтология – это практическое воплощение морально-этических принципов. Содержание термина было раскрыто в 30-х годах 19 века английским философом Бентамом, автором книги «Деонтология, или наука о морали». Однако понятие «деонтология» рассматривалось им с позиции изучения средств и способов достижения личной пользы или выгоды, при этом выбор поведения и моральной оценки представляется делом личного вкуса или интереса. Переосмыслил и внес дополнения в понятие деонтологии советский хирург-онколог Н.Н. Петров в книге «Вопросы хирургической деонтологии». Соблюдать долг – это значит выполнять определенные требования, правила, предписания морального порядка, устанавливаемые медицинским сообществом, а также собственным разумом и волей врача. Принцип соблюдения долга не признает оправданий при уклонении от него, в том числе аргументы типа: «приятное и неприятное», «полезное и бесполезное» и т.д. [1:20-21]

Деонтология предписывает медицинскому работнику:

– исполнять свой профессиональный долг перед пациентами и обществом – все свои знания и умения направлять на укрепление и сохранение здоровья и жизни пациентов;

– добросовестно относиться к выполнению своих *профессиональных обязанностей* – оказывать медицинскую помощь, уважительно и гуманно относиться к пациентам, постоянно повышать уровень своих профессиональных знаний;

– стремиться к реализации *принципов и норм медицинской профессии* в своей практической деятельности – не причинять вред, проявлять сострадание, быть справедливым, сохранять врачебную тайну.

Деонтология также предполагает право медицинских работников на защиту своей *профессиональной чести и достоинства*.

Современная медицинская деонтология определяет:

- моральные аспекты взаимоотношений врач – пациент и их специфику в педиатрии, онкологии, психиатрии, акушерстве и гинекологии и др.;
- моральные аспекты взаимоотношений между врачом и близкими пациента;
- моральные аспекты взаимоотношений в медицинском коллективе (между коллегами, врачом и средним, младшим медицинским персоналом);
- моральные аспекты врачебных ошибок и ятрогении;
- права пациента и их нормативное регулирование. [Денисов:79-80]

Смерть человека имеет не только социально-психологическую и правовую, но исключительно культурную значимость. Далеко не случайно в культурологии рассматривается отношение к смерти как фактор, определяющий характер любой культуры. Отношение человека к смерти человека моделирует всю систему моральных взаимосвязей и взаимозависимостей. Проблема смерти является одной из основных тем философского, морально-религиозного и биомедицинского размышления.

Как только у врачей появилась возможность почти неограниченно долго продлевать жизнь при помощи технических средств, возник вопрос, а до каких пор надо бороться за продление жизни? Как известно, в некоторых случаях такая борьба бесполезна и обрекает умирающего на мучения.

В современной культуре и науке особое внимание уделяется проблеме эвтаназии. Термин “*эвтаназия*” означает безболезненную добровольную смерть и отражает естественное для человека желание *умереть спокойно, легко и безболезненно*. В данном понятии можно выделить такие смыслы, как ускорение смерти тех, кто переживает тяжкие страдания, забота об умирающих, предоставление человеку возможности умереть, прекращение жизни “лишних” людей. [2:150]

Понятие эвтаназия было введено Ф. Бэконом в XVII в. Различают две формы эвтаназии – пассивная (решение о прекращении лечения ввиду безнадежного состояния больного) и активная (введение высоких доз наркотиков, прекращающее страдания и жизнь безнадежных больных). В современной литературе типология расширяется за счет введения понятий добровольной (осуществляется при информировании пациента) и ненамеренной (без его согласия).

Следует уточнить, что под эвтаназией понимается не просто лёгкая, безболезненная смерть, а смерть, которая соответствует желанию самого умирающего (либо его родственников и близких, если умирающий безвозвратно потерял сознание) и происходит при содействии медицинского работника. Именно этим определяется как контекст медицинской практики, в котором можно осмысленно обсуждать проблемы эвтаназии, так и круг непосредственно причастных к ней лиц. Вместе с тем здесь затрагиваются и глубинные слои человеческого существования, и фундаментальные ценности общества, чем и объясняется острота и сложность дискуссий.

В биоэтике проблема эвтаназии рассматривается как этическая дилемма, т.е. на уровне конфликта интересов приводятся моральные аргументы как «за», так и «против» эвтаназии. Анализ научной литературы по вопросам эвтаназии позволяет кратко представить аргументы сторонников и противников.

Те, кто выступают в защиту эвтаназии, обычно обосновывают свою позицию следующими доводами.

1. Человеку должно быть предоставлено право на самоопределение, он сам может выбирать, продолжать ли ему жизнь или оборвать ее. Ведь никто не сомневается и не препятствует людям выбирать профессии и род занятий, связанных с угрозой жизни, так почему медики должны препятствовать такому выбору, если человек не умирает только потому, что ему не дают умереть от неизлечимого заболевания.

2. Человек должен быть защищен от жестокого и негуманного лечения. Действительно, пациенту приходится переносить тяжелые непрекращающиеся страдания, боли, поэтому чувство сострадания может подсказать выход – эвтаназия. Однако не будет ли это свидетельством не только состояния пациента, но и того, каковы условия клиники и как работает ее персонал.

3. Человек имеет право быть альтруистом. Здесь имеется в виду, что мучения больного заставляют страдать его близких и тех, кто находится у его постели, а также и то, что пациент при помощи эвтаназии сможет сберечь те финансовые средства, которыми могли воспользоваться его родственники. Наконец понимая свою участь, может захотеть, чтобы усилия и средства были направлены другому, тому, которому они помогут.

4. «Экономический» аргумент. Иногда утверждается, что лечение и содержание обреченных отнимает у общества немало средств, которые можно было направить на лечение так называемых перспективных (такой аргумент уже широко использовался в фашистской Германии).

5. Остро стоит вопрос о качестве жизни неизлечимых и страдающих больных. Если медицина не в состоянии помочь или создать сколько-нибудь достойное существование, то медики должны помочь или не препятствовать уйти из жизни достойно. Из этого аргумента родилось парадоксальное право – «право на достойную смерть».

Теперь рассмотрим аргументы противников активной эвтаназии.

1. Активная эвтаназия суть покушение на ценность человеческой жизни. Легализация какой-либо практики уничтожения человеческих жизней, то есть превращение в принятую, санкционированную обществом, чревата глубочайшим потрясением всего нормативно-ценностного порядка, только благодаря существованию этого порядка люди продолжают оставаться людьми.

2. Намеренное прекращение человеческой жизни всегда безнравственно.

3. Возможность диагностической и прогностической ошибки.

4. Возможность появления новых медикаментов и методов лечения.

5. Наличие эффективных болеутоляющих веществ.

6. Возможны злоупотребления «убийством из милосердия» со стороны медицинского персонала и близких.

7. Доступность эвтаназии может спровоцировать у медиков и близких искушение избавиться от груза забот и ухода за тяжелым больным.

8. Аргумент «наклонной плоскости»: коль скоро эвтаназия будет узаконена, то пусть даже процедура будет жестко регламентирована законом, в реальной жизни возникнут ситуации «на грани», и постепенно незначительные отступления будут размывать строгость закона, и впоследствии эвтаназия будет осуществляться не из сострадания, а во имя других целей.

9. Общество получит право избавляться от своих недееспособных «бесполезных» и «лишних» членов.

10. Эвтаназия – это «медицинская капитуляция», поэтому легализация такой практики ослабит стремление общества к развитию паллиативной помощи умирающим и, в конечном счете, к стремлению найти средства лечения ныне неизлечимых болезней.

11. Следующие аргументы связаны с самой технологией осуществления эвтаназии, т.е. кто должен осуществлять? Где? По какому принципу отбирать «специалистов» и где их готовить? Как в данной ситуации избежать негативных последствий в отношении врачей, осуществляющих эвтаназию, в случае утечки сведений? Не породит ли разглашение и легализация эвтаназии страх тяжелых больных перед медиками, здесь имеются в виду случаи, когда пациент, впав в длительное бессознательное состояние, будет «умерщвлен» по просьбе родственников (принудительная эвтаназия) И, наконец, за чей счет производить эвтаназию?

12. Безнравственно привлечение к участию в эвтаназии врачей – представителей самой гуманной профессии. [1:59-60; 3:290-293, 5:51]

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что единственное спасение умирающих – это эвтаназия. Однако, общественность забывает или не хочет знать о хосписном движении и паллиативной помощи.

Ф. Фут определила эвтаназию как «решение о смерти ради того, кто умирает». [8] Очевидно, возникает ряд моральных проблем. Ответственность за выбор эвтаназии ложится на три стороны: выбирающего человека (если он в этом участвует, может еще), его родных и врача.

Ученые говорят о моральном аспекте эвтаназии с учетом её различных форм. Так, например, с точки зрения С. Вакнин, «пассивная эвтаназия является безнравственной. Резкое прекращение медицинского лечения, кормления и гидратации приводят к медленной и (потенциально) мучительной казни. Терри Шиаво умирала в течение 13 дней, когда трубы были отсоединены от аппарата. Даже животных подвергать таким мучительным страданиям безнравственно. Кроме того, пассивная эвтаназия позволяет избежать личной ответственности за смерть пациента. В активной эвтаназии отношение между актом (введения смертельной лекарства, например) и его последствия является прямым и недвусмысленным». [10]

Однако, большинство ученых поддерживают методы пассивной эвтаназии и отвергают любую возможность применения активной. Врачи и ученые – против эвтаназии, потому что это противоречит принципам гуманизма и предназначения медицины. Ценность человеческой жизни побуждает бороться за неё даже вопреки объективным медицинским законам и в самых безнадёжных ситуациях (причём медицинская практика богата случаями исцеления самых безнадёжных больных).

Сегодня появились такие понятия, как «суицидальный туризм» и «суицидальный турист». Суицидальный туризм представляет собой разновидность туризма, связанного с движением в поддержку эвтаназии, в рамках которого для потенциальных кандидатов организуются поездки в те страны, где допускается эвтаназия, в надежде на декриминализацию этой практики в других частях мира. Эвтаназия легализована в ряде европейских стран (Голландия, Люксембург, Бельгия) и в некоторых штатах США. В Швейцарии условия для добровольного ухода из жизни считаются самыми либеральными.

Последние исследования показывают, что с 2009 года количество людей, путешествующих в Швейцарию, чтобы покончить жизнь самоубийством, удвоилось. Суицидальные туристы являются преимущественно жителями Германии и Великобритании, хотя они также приезжают из других стран, включая Соединенные Штаты Америки и Канаду. Почти половина из них страдает от несмертельных неврологических заболеваний, таких как паралич, болезнь двигательных нейронов, болезнь Паркинсона и рассеянный склероз.

Саския Готье, доктор медицинских наук из Института судебной медицины Цюрихского университета, и коллеги сообщают о своих выводах в статье, опубликованной в «Журнале медицинской этики»: «Оказание помощи в самоубийстве ограничено во многих странах, но в Швейцарии такого рода помощь четко не регулируется законом, что приводит к притоку людей, приезжающих в страну, в основном в Цюрих, с единственной целью прекратить свою жизнь». [9]

Швейцарские судебно-медицинские эксперты сталкиваются с подобными случаями ежедневно, что побудило их исследовать этот феномен.

Исследователи проанализировали базы данных Института судебной медицины в Цюрихе, связанных со случаями эвтаназии, и обнаружили, что в период с 2008

по 2012гг. 611 туристам (неграждане страны) помогли умереть в Швейцарии. Всем туристам, кроме четырех, была оказана помощь организацией Dignitas. Всего на территории Швейцарии действуют шесть организаций, имеющих права на предоставление таких услуг.

Возраст туристов-самоубийц варьировался от 23 до 97 лет (средний возраст – 69 лет). Более половины (58,5%) были женщины, у которых склонность к эвтаназии на 40% выше, чем мужчины. Во всех, кроме четырех, эвтаназия были проведены посредством фено-барбитала натрия.

Причиной самоубийства были неврологические заболевания (47,4%), рак (37,2%), ревматические заболевания (24,6%), сердечно-сосудистые заболевания (15,2%), психические расстройства, включая деменцию (3,4%), ВИЧ (1,3%).

«Эти результаты показывают, что причиной обращения за помощью в самоубийстве чаще становятся несмертельные заболевания или заболевания, при которых пациент еще не находится на конечной стадии». [9] Тем не менее, авторы призывают быть осторожными при интерпретации этих данных, учитывая, что 28% из исследуемой группы страдали лишь от какой-либо одной болезни.

Люди, обращавшиеся за помощью в самоубийстве, в течение периода исследования были выходцами из 31 страны; граждане Германии и Великобритании составили почти две трети от общего числа (из 268 случаев, соответственно, 126 случаев). Другие страны, входящие в топ-10, – Франция (66 случаев), Италия (44), США (21), Австрия (14), Канада (12), Испания (8) и Израиль (8).

Увеличение числа людей, ищущих помощь в самоубийстве в Швейцарии, было особенно существенным в Италии, увеличившись с 4 случаев в 2009 году до 22 в 2012 году, и Франции, увеличившись с 7 случаев в 2009 году до 19 в 2012 году.

В целом, период с 2009г. по 2012г. продемонстрировал удвоение числа людей, которым помогли покончить с жизнью в Швейцарии: от 86 в 2009 году до 172 в 2012 г.

Это исследование показывает, что «феномен суициального туризма растет на протяжении многих лет и по-прежнему не ослабевает». [9]

Многие учёные опасаются, что формальное разрешение эвтаназии может стать определённым психологическим тормозом для поиска новых более эффективных средств диагностики и лечения тяжелобольных, а также способствовать недобросовестности в оказании медицинской помощи таким больным. Реанимационная помощь им требует не только больших материальных

затрат, но и огромного напряжения физических и духовных сил обслуживающего медперсонала.

Комитет экспертов ВОЗ по обезболиванию при раке в своем официальном Докладе (1989) придерживается следующей позиции: «С развитием современных методов паллиативного лечения легализация добровольной эвтаназии не обязательна. Сейчас, когда существует приемлемая альтернатива смерти, сопровождающейся болями, следует концентрировать усилия на реализации программы паллиативного лечения, а не увлекаться борьбой за легализацию эвтаназии». Голландские врачи, осуществляющие эвтаназию, указывают следующие причины просьб пациентов о прекращении жизни: невыносимая ситуация – 70%, страх перед страданиями – 50%, потеря достоинства – 57%, зависимость от других – 33%, усталость от жизни – 33%. В ряде причин боль наряду с другими факторами указали 46%, но как единственную причину – только 3%. [1:60]

Проблема эвтаназии – сложная междисциплинарная проблема, содержащая спорные вопросы морального и правового характера. Разрешение их на данный момент происходит в сторону гуманизма, то есть признания ценности человеческой жизни, а также с учетом клятвы Гиппократа, по которой врач не имеет права причинять вред пациенту. Моральное и психическое состояния врача и пациентов – сложные факторы, которые необходимо учитывать при рассмотрении проблемы эвтаназии. Моральность действий врача, роль пациента, его родных в этом выборе, последствия и возможность ошибки – все эти и многие другие факторы являются вопросами, которые могут привести к негативной характеристике эвтаназии.

Проблемой, связанной с эвтаназией, является и неправильное определение смерти в медицине, которое влечет за собой биомедицинские этические проблемы, связанные с явлениями клинической смерти и летаргического сна, с их прекращением – сознательно, с разрешения кого-либо или по незнанию этих явлений.

Эвтаназия есть вопрос научно строгого знания лишь во вторую очередь. В первую очередь она является делом выбора, изначальной ценностной позицией, задающей смысл и предопределяющей направленность человеческих действий. Именно здесь проявляется связь между пониманием жизни, смерти и решением по их поводу – как со стороны врача, так и со стороны пациента, а также общественности в целом. Решение это требует моральных, интеллектуальных и духовных усилий, потому что этот выбор не ограничивается судьбой человека, а затрагивает всё человечество.

Библиографический список

1. Авходиев Г.И., Кот М.Л., Беломестнова О.В. Биомедицинская этика: Учебно-методическое пособие. Чита, 2009. 216 с.
2. Биомедицинская этика: практикум. Под общ. ред. С.Д. Денисова, Я.С. Яскевич Мн.: БГМУ, 2011. 255 с.
3. Иванюшкин А.Я. Введение в биоэтику / А. Я. Иванюшкин, В.Н. Игнатьев, Р.В. Коротких. М.: Медицина, 1998. 384 с.
4. Руженков В.А., Боева А.В., Дикарев Е.Р. Основы медицинской биоэтики: Учебное пособие. Белгород, 2009. 289 с. <http://nashaucheba.ru/v42792/>
5. Сайт для врачей и фармацевтов, декларация об эвтаназии <http://www.medicusamicus.com/index.php?action=laws8>
6. Словарь по биомедицинской этике для студентов всех факультетов высших медицинских учебных заведений. Ставрополь, изд-во СтГМА, 2011.

7. Философский словарь кафедры философии Ульяновского государственного технического университета, статья – «Эвтаназия» <http://philosophy.wideworld.ru/dictionary/25/3/>
8. *Фут Ф. Эвтаназия.* // Философские науки. № 6, 1990, С. 63-80.
9. Medscape Medical News. ‘Suicide Tourism’ to Switzerland Doubles in 4 Years. Megan Brooks. August 21, 2014 <http://www.medscape.com/viewarticle/830276>
10. *Vaknin S. Issues in Ethics. Part XXIV Euthanasia and the Right to Die* / <http://samvak.tripod.com/freebooks.html>, <http://livros01.livrosgratis.com.br/gu008216.pdf>

References

1. *Avkhodiev G.I., Kot M.L., Belomestnova O.V. Biomedical Ethics: Study guide.* Chita, 2009. 216 p.
 2. *Biomedical Ethics: manual.* Ed. S.D. Denisova, Ya.S. Yaskevich – Minsk: BSMU, 2011. 255 p.
 3. *Ivanyushkin A.Ya. Introduction to Bioethics / A.Y. Ivanyushkin, V.N. Ignat'iev, R.V. Korotkykh.* – Moscow: Medicine, 1998. 384 p.
 4. *Ruzhenkov V.A., Boyeva A.V., Dikarev E.R. Basics of medical bioethics: Textbook.* – Belgorod, 2009. – 289 p. <http://nashaucheba.ru/v42792/>
 5. Site for doctors and pharmacists, Declaration on Euthanasia <http://www.medicusamicus.com/index.php?action=laws8>
 6. Dictionary of biomedical ethics for students of all faculties of higher medical schools. Stavropol, Publishing house StSMA, 2011.
 7. Philosophical Dictionary of the philosophy department of the Ulyanovsk State Technical University, the article «Euthanasia» <http://philosophy.wideworld.ru/dictionary/25/3/>
 8. *Foot Ph. Euthanasia.* // Philosophical Sciences. № 6, 1990. Pp. 63-80.
 9. Medscape Medical News. ‘Suicide Tourism’ to Switzerland Doubles in 4 Years. Megan Brooks. August 21, 2014 <http://www.medscape.com/viewarticle/830276>
 10. *Vaknin S. Issues in Ethics. Part XXIV Euthanasia and the Right to Die* / <http://samvak.tripod.com/freebooks.html>, <http://livros01.livrosgratis.com.br/gu008216.pdf>
-

М.А. БОЧАНОВ

кандидат политических наук, преподаватель, кафедра социальной работы и педагогики профессиональной деятельности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орловский филиал)
E-mail: max8797@list.ru

Е.Е. ЧЕРНУХИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра социальной работы и педагогики профессиональной деятельности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орловский филиал)
E-mail: elenaorags@yandex.ru

M.A. BOCHANOV

Candidate of Political Science, lecturer department of social work and pedagogy of professional activities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Orel branch)

E-mail: max8797@list.ru

E.E. CHERNUKHINA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of social work and pedagogy of professional activities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Orel branch)

E-mail: elenaorags@yandex.ru

ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ – РОССИЙСКИЙ ОПЫТ И МИРОВАЯ ПРАКТИКА

THE VOLUNTEER MOVEMENT – THE RUSSIAN EXPERIENCE AND WORLD PRACTICE

В статье на основе теоретического и эмпирического анализа рассматривается российский и зарубежный опыт волонтерского движения, характеризуются современные проблемы его организации в России, определяется отношение молодежи к добровольчеству и перспективы его дальнейшего развития.

Ключевые слова: волонтерское движение, волонтерство, добровольчество, гражданская позиция, молодежь.

In the article based on the theoretical and empirical analysis the Russian and foreign experience of the voluntary movement is considered, the modern problems of its organization in Russia are characterized, the youth's attitude to volunteering and prospects of its further development are defined.

Keywords: volunteerism, volunteer, volunteering, civic stand, youth.

Воспитание гражданских качеств у молодого человека на современном этапе протекает в экстремальных условиях, детерминированных кардинальными изменениями политической, экономической, социальной, социокультурной подсистем РР. Причиной этому служат проблемы нестабильности и агрессивности в обществе, социально-правовая незащищенность и достаточно слабое влияние культурно-досуговой деятельности на процесс формирования личности. Российская молодёжь всё в большей степени становится социально индифферентной и безынициативной. Увлечённый массовой культурой, молодой человек теряет свою индивидуальность и потребность в формировании собственной гражданской позиции.

Низкая активность молодых людей, как правило, проявляется в политической, общественной, религиозной сферах общественной жизни. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что противоречивая социокультурная ситуация современной России порождает у молодых людей пассивную жизненную позицию, характерной чертой которой является неумение ориентироваться и принимать самостоятельные решения в сложной жизненной ситуации.

Современные проблемы социального развития российской молодежи обуславливают необходимость по-

иска средств и способов их эффективного разрешения. Главным условием социальной активности молодёжи, в свою очередь, является включённость молодых людей в общество, приспособление их к условиям социальной среды и умение с ней взаимодействовать.

Одним из таких средств является технология волонтерской (добровольческой) работы. Кроме того, как показывает отечественный и мировой опыт, участие в волонтерском движении является одним из наиболее актуальных способов воспитания гражданских качеств у молодежи.

В соответствии с существующими в международной практике подходами данное движение можно определить следующим образом: волонтерская (добровольческая) деятельность – это форма социального служения, осуществляемая по свободному волеизъявлению граждан, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг на местном, национальном или международном уровнях, способствующая личностному росту и развитию выполняющих эту деятельность граждан (добровольцев).

В Российской Федерации понятие «добровольцы» определяется на основании Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (№ 135-ФЗ от 11.08. 1995 г.), согласно ко-

торому добровольцы – это «граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации» [1].

Законодатель ограничил цели деятельности, которые можно отнести к благотворительной, и круг организаций, называемых благотворительными, однако на практике формы добровольческой активности, круг работ и организаций, привлекающих добровольцев, намного шире. В частности, Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» №131-ФЗ от 6.10.2003 г. наделяет органы местного самоуправления поселений и городских округов правом принимать решение о привлечении граждан к выполнению на добровольной основе социально значимых для поселения и городского округа работ (в том числе дежурств) в целях решения вопросов местного значения. Таким образом, в настоящее время добровольчество уже не является прерогативой некоммерческого сектора, оно шагнуло и в политику, и в государственный сектор, и в бизнес. Все больше и больше добровольчество проникает в деятельность муниципальных и государственных учреждений.

В нашей стране добровольчество стало приобретать вид общественного движения по мировым стандартам сравнительно недавно, и разработка механизмов регулирования этой деятельности окончательно не завершена. Во Всемирной Декларации Добровольчества, принятой в январе 2001 года (объявленного Годом Добровольцев), отмечалось, что добровольчество – это фундамент гражданского общества, оно привносит в жизнь потребность в мире, свободе, безопасности, справедливости, это способ сохранения и укрепления человеческих ценностей, реализации прав и обязанностей граждан, личностного роста, через осознание человеческого потенциала.

В целях дальнейшего развития идей Всемирной Декларации Добровольчества Президент РФ В.В. Путин провозгласил 2014 год годом волонтерского движения в России. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, содействие развитию и распространению добровольческой деятельности (волонтёров) отнесено к числу приоритетных направлений социальной и молодёжной политики.

Работа волонтеров с каждым годом становится все более значимым ресурсом развития любого государства. Во многих странах Европы, Азии и Америки волонтерство является обычным явлением.

Историю волонтерского движения довольно трудно проследить, поскольку ранее точно никто не фиксировал действия такого рода. Но сама история человечества указывает на то, что ни одному обществу были не чужды идеи добровольной и бескорыстной помощи. Волонтерство – понятие столь же древнее, как и понятие «социум». В обществе всегда находились люди, для которых способом самореализации, самосовершенство-

вания, связи и общения с другими людьми был труд на благо других, на благо того сообщества, в котором этому человеку довелось родиться и жить.

Добровольческая помощь может принимать различные формы: от традиционных видов взаимопомощи до совместных усилий тысяч людей, направленных на преодоление последствий стихийного бедствия, урегулирование конфликтных ситуаций, искоренение бедности и т.д.

Основы волонтерства заложены еще англичанином Т. Мором, французом А. Дюнаном и рядом других теоретиков. Современное состояние и особенности статуса волонтерского движения исследовали ученые разных стран: М. Бостанджогло, Р. Колосова, М. Фурлан, Г. Чейнен, Д. Эберлы и др.

В некоторых государствах система волонтерства до введения всеобщей воинской повинности была основным способом комплектования армий. Например, в Великобритании такой способ комплектования армии оставался до 1961 года. После Первой Мировой, в 1920 году во Франции, под Страсбургом, был осуществлен первый волонтерский проект с участием немецкой и французской молодежи, в рамках которого волонтеры восстанавливали разрушенные 1-й Мировой войны фермы в районе мест наиболее ожесточенных боев между немецкими и французскими войсками. С тех пор волонтерство успело набрать размах и популярность всемирного масштаба. В добровольчестве определились разнообразные формы, виды, продолжительность деятельности.

Сегодня волонтеры более чем из 100 стран мира объединены в глобальное мировое движение, которое становится все более влиятельным в мире. Так, в Соединенных Штатах количество волонтеров составляет около 60 % среди женщин, которые посвящают этому роду деятельности в среднем 3,4 часов в неделю, и около 50% среди мужчин, занимающихся волонтерской работой 3,6 часов в неделю. Канадцы посвящают в среднем 191 час в год волонтерскому труду, что является эквивалентом 578 000 рабочим местам с полной занятостью. В Ирландии около 33 % взрослого населения являются волонтерами, 19% взрослого населения Франции участвовало в акциях волонтерских организаций (из них 60 % регулярно), отдавая волонтерской деятельности более 20 часов в месяц. Каждый третий немец (22 млн. человек) является волонтером и трудится в волонтерской ассоциации, проектах и группах взаимопомощи более 15 часов в месяц. В Южной Корее почти 4 миллиона человек ежегодно посвящают волонтерству более 451 млн. часов рабочего времени, а стоимость услуг добровольцев превышает \$ 2 млрд. в год. 26% японцев имеют опыт волонтера, из них 48 % уверены, что волонтерская работа очень полезна для личностного роста и общества в целом. 72 % волонтеров Ирландии считают, что именно добровольцы выполняют то, что никогда не может быть сделано оплачиваемыми рабочими. Ежегодно волонтерству посвящают свое время более 100 млн. человек взрослого населения планеты [2].

Волонтерское движение развивается в мире с начала прошлого века. В конце XX в. американский университет им. Дж. Хопкинса выполнил исследования в 22 странах мира, которое показало, что общее количество времени работы волонтеров совпадает с трудом 10,5 млн. человек, работающих полный рабочий день. Количество волонтеров только в 36 странах мира, по подсчетам того же университета, – более 131,5 млн. чел [2].

Правительства более чем 80 стран активно способствуют развитию национальных волонтерских движений и создают инфраструктуру для обеспечения развития волонтерства на системном уровне.

Практика многих стран подтверждает, что деятельность волонтеров приносит обществу прибыль и по разным оценкам обеспечивает вклад в ВВП от 4 до 8%. Так, в Норвегии на волонтеров приходилось около 6 % ВВП. В Канаде в волонтерской деятельности занято почти треть населения (27%), по экспертным оценкам их труд сэкономил более \$ 17 млрд. бюджетных средств. Шведы имеют большое количество волонтерских обществ и объединений, где работает половина взрослого населения страны, причем большинство волонтеров – в спортивных и культурных мероприятиях, заняты сбором средств для стран третьего мира, помощи в реабилитации алкоголиков и наркоманов и др. Среди молодежи популярны оказание помощи больным СПИДом в Африке или обучение индейских детей в джунглях Америки [5].

Особое развитие волонтерство получило в США, где это движение зародилось еще в XIX в. Волонтеры в те времена обеспечивали функционирование различных некоммерческих организаций. Еще в 1835 г. стремление американцев к волонтерской работе отмечал А. Токвиль. В некоторых американских семьях складываются целые династии волонтеров. Чаще всего они работают в сфере обслуживания, госпиталях, религиозных организациях, учебных заведениях, некоммерческих организациях. Волонтеры учат английскому языку иммигрантов, организуют различные студии для детей и др. Волонтеры в Америке – лица всех возрастов и профессий из разных сфер и слоев общества. В настоящее время популярность обрело такое явление, как «виртуальный» волонтер: создание и поддержка web-сайтов, проведение он-лайн исследований, предоставление технической помощи некоммерческим организациям. Сегодня в США в волонтерской деятельности участвуют более 50 % населения. Большинство волонтеров на вопрос, почему они занимаются волонтерством, отвечают, что это вносит разнообразие в их жизнь, приносит удовольствие.

Добровольность труда в Америке вовсе не предусматривает хаотический характер работы. Отношения между волонтером и принимающей организацией регулируются договорами, строго определяют условия, характер и объем работы. В США работа волонтером учитывается при назначении трудового стажа.

Несмотря на добровольность, волонтерство не исключает ответственности, например, за выполнение норм и требований, сохранность материальных ценностей и др. Основной структурой, благодаря которой

американские волонтеры могут найти себе занятие, а организации и лица, нуждающиеся в помощниках-волонтерах, могут заявить о своих потребностях, являются волонтерские центры. Сегодня в США действует более 500 таких центров. В современной Японии существует более 3300 центров волонтерства, которые работают почти во всех муниципалитетах страны [5].

Еще в 1991 г. в Италии Закон о волонтерстве официально закрепил отношения волонтеров с государственными организациями и в Италии появился социальный волонтер. Одной из крупнейших организаций, развивающих волонтерские инициативы в стране, является Итальянский фонд волонтерства. Фонд предоставляет консультационные и образовательные услуги волонтерам и организациям, выпускает «Журнал волонтера», основал несколько Национальных премий в области волонтерства с целью выявления и поддержки наиболее перспективных и инициативных групп, которые решают социальные проблемы.

По оценкам многих экспертов, уровень развития волонтерства в стране зависит от политico-экономической ситуации, состояния некоммерческого сектора и рынка труда, от культурных факторов и др. Опыт европейских государств показывает, что законодательная база приобретает особое значение, когда она создает препятствия волонтерской деятельности. Это особенно справедливо для тех стран Центральной и Восточной Европы, где волонтерство не является органическим элементом местной культуры. Напротив, в тех странах, где существуют прочные традиции добровольчества – в Германии и Великобритании – волонтерская деятельность и сами волонтеры защищены законом. Страны Центральной и Восточной Европы тоже сделали шаг от официального признания волонтерства к созданию правового поля, способствующего развитию волонтерской деятельности. Законы, регулирующие волонтерскую деятельность, принятые в Хорватии, Чехии, Венгрии, Италии, Латвии, Литве, Люксембурге, Македонии, Польше, Португалии, Испании и др.

Анализ статуса волонтеров в мире показывает, что для реализации волонтерской деятельности на государственном уровне необходима защита ее участников и введение четких разграничений между добровольцами и наемными работниками. Волонтеры прямо или косвенно подпадают под действие законов о труде, налогообложение и гражданскую ответственность.

В России волонтерство связывают не просто с добровольной бесплатной работой в интересной области, но с жертвенным бескорыстным служение немощным, больным, неимущим. В нашей стране одно из самых ранних официальных упоминаний волонтерской деятельности относится к 1894 году. В этом году были учреждены городские попечительства о бедных, в которых подавались добровольные пожертвования и где трудились волонтеры. Отечественная история сохранила великолепные примеры добровольческой активности в советское время. В 40-х годах прошлого века зародилось «тимуровское движение» помощи семьям и вдовам

погибших военнослужащих, которое сейчас возрождается вновь. В середине 1960-х появилось и действовало движение в виде помощи реставраторам под руководством Петра Барановского и эгидой Общества охраны памятников истории и культуры. В газетах того времени появлялись призывы к добровольческому труду, и по выходным добровольцы отправлялись на стройки. Так восстанавливались, например, уникальные постройки музея-ансамбля в Царицыне.

В советские времена добровольцы ехали на целину и БАМ, работали на субботниках, уборках урожая. Однако закона о добровольческом труде в тот период еще не существовало. Понятие, содержание и форма волонтерского труда в современной России приобрело конкретную форму только в 90-е годы одновременно с зарождением так называемого третьего сектора, который составляют некоммерческие, общественные и благотворительные организации. Тогда же и появился Закон, давший определение волонтера [1].

На сегодняшний день в России в организацию волонтерского движения вовлечено по разным оценкам от 1% до 5% от общего числа всего населения, то есть намного меньше, чем в зарубежных странах, хотя по опросам ВЦИОМ около 40% выражают желание стать добровольцами, среди них 53% составляют молодежь [6].

С целью изучения отношения студенческой молодежи к участию в волонтерском движении в октябре 2014 года нами был проведен опрос студентов – будущих бакалавров социальной сферы, получающих образование в Орловском филиале РАНХиГС. Обучение именно по этим направлениям подготовки предполагает проявление наибольшей социальной активности, готовности к оказанию помощи окружающим в решении их индивидуальных проблем и проблем социума в целом. В опросе приняло участие 64 респондента. Анализ полученных ответов свидетельствует о том, что целесообразность участия молодежи в волонтерском движении отмечает 87,5% студентов из числа опрошенных. По мнению 81,25% опрошенных респондентов, сформированные в ходе такой деятельности навыки работы с людьми найдут дальнейшее применение в будущей профессиональной деятельности. На сегодняшний день только 48% студентов оценили степень их сформированности на высоком уровне.

При ответе на вопрос «Какие возможности для молодежи дает участие в волонтерской деятельности» были получены следующие результаты: 75 % молодых людей отметили, что такая работа «даст возможность почувствовать себя нужным, значимым» (62,5%), позволит приобрести «умение работать в команде» (56,25%), «поможет самореализоваться» (43,75%), научит «лучше понимать проблемы другого человека» (37,5%), позволит приобрести новых друзей и будет способствовать формированию ответственности (по 28%), будет способствовать включению в социально-экономическую жизнь общества (12,5%). Однако понимание значимости добровольческой деятельности, к сожалению, не является достаточным основанием для участия в ней.

Только 12,5 % студентов отметили, что занимаются такой деятельностью постоянно, из них 31% – участники поискового отряда, 69% – члены студенческого педагогического отряда филиала. 50% молодежи из числа опрошенных имеют опыт участия в добровольческих и благотворительных акциях, хотели бы стать добровольцами более 60% студентов. Среди причин, препятствующих участию молодежи в подобном движении, были отмечены следующие: отсутствие свободного времени (87,5%), недостаточная информированность о деятельности волонтерских клубов и отрядов города (18,75%), отсутствие интереса (31%).

Таким образом, можно констатировать тот факт, что, не проявляя достаточной социальной активности, современная молодежь понимает значимость волонтерского движения в обеспечении непосредственного участия в оказании помощи окружающим и в решении собственных проблем, самореализации и социализации, включении в социально-экономическую жизнь общества. На наш взгляд, только через привлечение молодых людей к участию в общественных объединениях и движениях достижимо формирование ее социальной зрелости и гражданской позиции.

Гражданская позиция – это общественная позиция личности, выражающая интересы всего общества, всей страны. Данное понятие соотносимо с категорией «гражданственность», отражающей не только свойство сознания, но и специфические формы индивидуального и коллективного поведения. Таким формами поведения необходимо учить, подобные формы поведения необходимо развивать. Волонтерское движение предполагает социальное служение, то есть участие в социально значимой деятельности, направленной на решение действительно острых проблем социальной деятельности. Задача социального служения – вовлечь в решение социальных проблем как можно более широкое количество участников, привлечь их к решению тех задач, которые находятся вне поля деятельности профессиональных и государственных учреждений.

Активные, инициативные, неравнодушные к социальным проблемам волонтеры работают в таких профилактических программах, как:

- посадка цветов, кустов и деревьев, благоустройство и обустройство дворов, участков, городских улиц;
- помочь таким социальным категориям граждан, как престарелые, беспризорные дети, молодежь и студенты, бездомные, люди с ограниченными возможностями (инвалиды), мигранты, беженцы, бывшие заключенные и другие;
- помочь животным, добровольная помощь зоопаркам и заповедникам;
- просветительские беседы, направленные на профилактику наркомании, СПИДа, подростковой преступности;
- благотворительные концерты и театральные выступления;
- экологические марши, уборка мусора и загрязнений;

- пропаганда здорового образа жизни.

По данным статистики, самая распространенная деятельность добровольцев в России – это помочь детям, оставшимся без попечения родителей [7].

Можно обозначить ряд трудностей в организации волонтерства в молодежной среде на современном этапе: правовые, социально-психологические, технологические.

1. **Правовые проблемы** связаны с отсутствием соответствующих норм, процедур, механизмов защиты волонтеров, решения конфликтных ситуаций между волонтерами, их объединениями и властью; с отсутствием механизма поддержки волонтерства – государственных программ, стимулирующих волонтерство, льгот на налоги, аренду помещений, определенности статуса.

2. **Социально-психологические** проблемы – это иждивенческая психология, атрофия нравственных чувств у молодежи – бескорыстия, милосердия, конформизм, боязнь неадекватной оценки со стороны общественного мнения.

3. **Технологические** проблемы состоят в несформированности целостного опыта и его методического осмысливания, отсутствии традиций волонтерства, слаженного взаимодействия между всеми заинтересованными социальными субъектами, проблема подготовки, обучения волонтеров элементарным способам действия.

В настоящее время решение задач гражданского воспитания и развитие волонтерского движения как одной из активных форм социализации и самореализации российской молодежи осложняется наличием ряда противоречий между:

- актуализацией требований, которые предъявляются современной ситуацией к уровню сформированности гражданской активности молодежи, и недостаточной разработанностью новых подходов к содержанию и педагогическим технологиям решения этой проблемы;
- информационно-просветительным, развивающим и социально-культурным потенциалом волонтерских объединений и недостаточным использованием этого потенциала в формировании гражданской активности молодежи;
- наличием отдельного несистематизированного практического опыта по формированию гражданской активности молодежи в условиях волонтерских движений и отсутствием научных подходов к решению данной проблемы.

Необходимо отметить, что, несмотря на нижеперечисленные проблемы, в последние 2-3 года волонтерское движение в нашей стране достаточно стремительно развивается. С нашей точки зрения, катализатором этого процесса выступила организация Россией крупнейших спортивных, политических и экономических мероприятий, которые были успешно реализованы с помощью добровольцев. Так, среди успешных действий волонтерского движения в России необходимо указать: Саммит АТЭС на острове «Русский» в 2012 году, где было привлечено более 800 волонтеров, наводнение в Крымске

летом того же года, когда в помощи по ликвидации этой трагедии участвовало несколько сотен волонтеров из различных регионов России, ликвидация последствий наводнения в Хабаровском крае и Амурской области в 2013 году.

Нельзя не упомянуть о самых масштабных мероприятиях, организованных при непосредственном участии уже десятков тысяч волонтеров: в 2013 г. апробирован проект «Доброволец России», успешно зарекомендовавший себя в процессе подготовки и проведения XXVII Всемирной летней Универсиады в г. Казани в 2013 г., где к работе было привлечено более 20 000 волонтеров из различных регионов России. Дальнейшее широкомасштабное развитие данный проект получил во время проведения зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г., где приняло участие более 25 000 волонтеров. Все эти события внушают достаточно серьезный оптимизм в развитие потенциала добровольческого движения в молодежной студенческой среде. Опыт организации и проведения крупнейших международных проектов показал, что изменить ситуацию в нашей стране возможно путем привлечения молодых граждан к молодежным государственным проектам.

Волонтерское движение – это созидающая сила, способствующая построению более гуманного и справедливого общества посредством всеобщего сотрудничества. На наш взгляд, добровольчество выгодно и для государства, поскольку добровольцы, независимо от своего социального и должностного положения, места жительства, политических и религиозных убеждений, участвуют в делах общества, помогая более эффективно выполнять задачи, стоящие перед государством, и для самой молодежи, так как ее добровольческая деятельность – это эффективный метод формирования новых знаний и навыков, духовно-нравственного и трудового воспитания.

Волонтерство в молодежной среде должно стать альтернативой социально-отклоняющемуся поведению и предоставить возможность для самореализации молодежи. Согласно зарубежным теориям девиации, причиной алкоголизма и наркомании, как и других форм отклоняющегося поведения, является именно блокировка внутреннего потенциала личности, невозможность самореализоваться в социально значимых формах деятельности. Общество призвано сформировать адаптационно-креативный потенциал подрастающего поколения, установку на реализацию его внутренних возможностей и сил. Именно волонтерство и должно стать основной социально значимой, положительной формой самореализации молодежи.

Как показывает практика, молодежь, имеющая опыт волонтерской деятельности, как правило, обладает сформированной гражданской позицией, добросовестно относится к своей работе, проявляет инициативу и целеустремленность. Участие студенческой молодежи в общественных движениях позволит ей приобрести новые знания, опыт управления социальными проектами, навыки работы в команде, осознание ответственности

за конечный результат своей деятельности [4].

На современном этапе развития нашего общества достижение указанной цели должно осуществляться через решение следующих задач:

- введение нового законодательного определения волонтера как гражданина, участвующего на безвозмездной добровольческой основе (без какого-либо принуждения) в деятельности по решению социально значимых проблем;
- дальнейшее развитие сети добровольческих центров на региональном и местном уровнях;
- оказание необходимой ресурсной поддержки организациям, использующим труд добровольцев;

- развитие образовательных и консультационных механизмов поддержки НКО;
- обеспечение государственных гарантий для реализации права граждан на добровольческую деятельность.

Конечным результатом развития добровольческой деятельности должны стать: повышение духовного и нравственного потенциала общества, усиление роли общественных организаций в решении социальных проблем, укрепление партнерства между региональными и муниципальными органами власти, коммерческими и общественными организациями, достижение социальной и экономической стабильности в обществе.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [сайт]. URL:<http://base.garant.ru/104232/> (дата обращения: 11.03.2014).
2. *Бодренкова Г.П.* Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике: учебно-методическое пособие. М., 2013. 320 с.
3. Рекомендации VII Общероссийской конференции по добровольчеству «Добровольчество – инновационный ресурс социального партнерства и развития гражданского общества» // СОТИС. 2010. № 4. С. 99–103.
4. *Чернухина Е.Е., Мартынова Е.В.* Роль общественных студенческих объединений в формировании активной жизненной позиции молодежи // Известия «Орел ГТУ». Серия «Социально-экономические и гуманитарные науки». 2008. 1-3/203(541). С. 129-132.
5. Лучшие практики добровольчества [Электронный ресурс] Фонд «Созидание» [сайт]. [2007]. URL: <http://www.volunteersector.ru> (дата обращения 10.08.2014).
6. Молодежный город 2012 [Электронный ресурс] // Управление по делам молодёжи, физической культуре и спорту Администрации г. Киров [сайт]. [2012]. URL: <http://www.youthcity.ru/uchastvuy/dobrovolchestvo> (дата обращения 10.11.2014).
7. Статья волонтером легко [Электронный ресурс] // Единая служба координации волонтеров [сайт]. [2013]. URL: <http://volonter.ru> (дата обращения 15.10.2014).

References

1. Federal Law of 11 August 1995 No 135- Federal Law “On charitable activities and charitable organizations” [website]. URL: <http://base.garant.ru/104232/> (date accessed: 11/03/2014).
2. *Bodrenkova G.P.* System development of volunteering in Russia: from theory to practice: a teaching aid. M., 2013. 320 p.
3. Recommendation of VII All-Russian Conference on Volunteering “Volunteering is an innovative resource of social partnership and the development of civil society” // Sothis. 2010. № 4. Pp. 99-103.
4. *Chernukhina E.E., Martynova E.V.* The role of public student associations in the formation of active life position of youth // Proceedings of Orel state technical university. Series: “Socio-economic and humanities sciences.” 2008. №1-3/203(541). Pp. 129-132.
5. Best practices of volunteering [electronic resource] Fund “Creation” [site]. [2007]. URL: <http://www.volunteersector.ru> (date accessed 10/08/2014).
6. Youth City 2012 [electronic resource] // Office for Youth, Physical Culture and Sports Administration of Kirov [site]. [2012]. URL: <http://www.youthcity.ru/uchastvuy/dobrovolchestvo> (date accessed 11/10/2014).
7. To become a volunteer is easy [electronic resource] // United service of volunteers coordination [website]. [2013]. URL: <http://volonter.ru> (date accessed 15.10.2014).

Н.И. ГОЛИГУЗОВА

соискатель, кафедра логики, философии и методологии науки, Орловский государственный университет

N.I. GOLIGUZOVA

Researcher, Department of logics, philosophy and methodology of science, Orel State University

ДУХОВНОСТЬ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИЙ «РАВНОДУШИЕ» И «АБСУРД»

SPIRITUALITY AS A WAY OF CREATING CATEGORIES OF «INDIFFERENCE» AND «ABSURD»

Исследование категорий «абсурд» и «равнодушие» в контексте философско-этической рефлексии позволяет выявить неоднозначность ее проекции на повседневную жизнь человека. Анализ абсурда и равнодушия применительно к конкретике современного бытия человека становится уместным и полезным при решении многих антропологических проблем, прежде всего нравственного характера.

Ключевые слова: личность, бытие, абсурд, равнодушие, духовность, любовь, истина, вера, смысл жизни, гуманизм, культура.

The research of categories «absurd» and «indifference» in the context of philosophical and ethical reflection allows to reveal the ambiguity of its projection in person's everyday life. The analysis of the absurd and indifference with regard to the specifics of modern human existence becomes relevant and useful for the solution of many anthropological problems, especially of moral character.

Keywords: personality, Genesis, absurd, indifference, spirituality, love, truth, faith, the meaning of life, humanism, culture.

Обращаясь к проблеме исследования равнодушия и абсурда как нравственных категорий, мы сталкиваемся с необходимостью рассмотрения вопроса о их месте в структуре человеческой духовности.

Прежде всего, обратимся к духовности в истории философской и религиозной мысли.

Начало философскому рассмотрению проблем духовности было положено в античной философии. Платон, рассматривая природу человеческой души, говорит о ее связи с душой мирового целого, из которого она и происходит. «Для Платона мировая душа была совершенной гармонией и совершенным числом»[10]. Истинная сущность души, по Платону, проявляется в ее духовной природе, в ее разуме. Разум является Божественной и бессмертной частью души. Настоящая духовная жизнь представляет собой уподобление Божеству через добродетель и знание.

Новый этап в понимании духовности наступает с появлением христианства. Оно по-новому осмыслило значение данной категории, в то же время, некоторые философы отмечают, что «христианство быстро усвоило платоновскую доктрину человеческой души»[11]. В христианской традиции под духовностью понимают состояние глубокого единения с Богом. Христианская духовность христоцентрична. Примером духовной жизни для христиан является земная жизнь Иисуса Христа.

Духовность рассматривается через призму личностного бытия человека и раскрывается в ценностно-смысловой структуре личности. «На сегодняшний день в понимании духовности складывается три основных подхода. Одни философы рассматривают духовность

как сознательность, понимая под ней характер развитости социальных качеств и меру адаптации человека к социуму (Т.В. Холостова, Г.Э. Бурбулис, В.Е. Кемеров, П.В. Симонов, Л.К. Сафмулин, И.В. Силуянова, В.Л. Лекторский и др.) ... Более обоснованно выглядит другой подход в исследовании духовности (М.С. Каган, В.Г. Федотова, Е.В. Арапова, З.Г. Антошкина, З.В. Фомина и др.). Сторонники этого подхода заняты поиском сущности самой духовности. ... М.С. Каган дает следующее определение духовности: «Духовность обозначает целостную активность человеческой психики в единстве её интеллектуальных, эмоциональных, проективных и т.п. механизмов, в единстве сознательных, подсознательных и надсознательных процессов, в единстве ее психологического и идеологического уровней». В исследованиях З.Г. Антошкиной духовность понимается как синтетическое образование, объединяющее в себе отношение к миру, сопреживание, обращение к вечному, а также социальную направленность человека в сторону гуманизма. Третий подход в исследовании духовности (С.Б. Крымский, М.К. Мамардашвили, А.А. Нукин, В.И. Ксенофонтов, Р.Л. Лифшиц) основан на поисках первосущности духовности, где ею становится дух человека в особом духовном состоянии, когда он конструирует свой мир, переживает его и устремлен к Абсолюту. Духовность, по мнению М.К. Мамардашвили, – это возникновение переживания другого, совершенного бытия, возвышающего человека над самим собой. Р.Л. Лившиц характеризует ее как определенную смысловую жизненную позицию, в которой человек открыт миру и самоопределяет себя в ценностном поле. По мнению Нукина,

сущность духа человека заключается в том, что объекты материального мира заменяются их образами или мыслеформами, которые начинают жить своей особой самостоятельной жизнью, взаимодействуя друг с другом. А главное, эти образы и мыслеформы являются кирпичиками дальнейшего духовного конструирования, то есть продолжают существовать как собственные идеальные и экзистенциальные детерминанты, определяющие отношение к миру и себе и сопререживая им»[7].

Понятие духовности многогранно. Это понятие употребляется при характеристике внутреннего субъективного мира человека. Мир человека характеризуется разумом, рациональностью. Но духовность невозможно свести к рациональному освоению мира человека. Мир человека нельзя ограничить и чувственно-волевой стороной. Хотя вне этого духовность как качество человека невозможно. В культурно-антропологическом контексте акцент делается на ценности, мотивирующие поведение человека, его внутреннюю жизнь.

Духовность – это показатель существования определенной иерархии ценностей, целей, смыслов. Это обретение «истины, добра и красоты» и других высших ценностей. Это способность человека соотносить свои действия и ценности с нравственными и эстетическими категориями. Духовность определяет качество и направленность человеческого бытия. Но проблема духовности – это не только определение высшего уровня освоения человеком своего мира и отношение к нему, это выход за рамки узкоэмпирического бытия, это «преодоление себя вчерашнего» в процессе обновления и совершенствования, это «восхождение» личности к своим идеалам, ценностям и реализация их в своем жизненном пути. Следовательно, это проблема жизнетворчества. «Каждый человек стремится быть чем-то большим, перешагнуть границы, определяемые биологическим и материальным устройством человека, имеющим свой конец»[5].

Духовность всегда связана с гуманистическими идеалами. В ней опытом жизни решается кантовский вопрос: чем для меня является другой человек – целью или средством? Стержнем духовности является вера, надежда, любовь, мудрость жизни. Сегодня же потребительские идеалы, зло, насилие берут верх в жизни человека. Эксплуатация инстинктов секса, агрессии, силы в средствах массовой информации, искусство перешла все границы. Наблюдается деструкция человеческого образа, особенно образа женщины, которая всегда выступала хранительницей дома, семьи. Деньги, вещи, власть становятся сегодня ведущими ценностями. Истинное богатство личности померкло, затерялось в информационном потоке. Среди молодежи зачастую действует групповая мораль, без опоры на духовность. Все это ведет к кризису человечности в человеке, конфликту между индивидуальным и социальным, состоянию «моральной тревоги»[2].

Духовность в философском понимании включает в себя три начала: познавательное, нравственное и эстетическое. Смысл жизни – в осуществлении Добра. Творить добро в подлинном его значении может только

знающий Истину. Эстетическое же расположение духа – условие всякого творчества, осуществляемого по законам Красоты.

Здесь рождаются духовные потребности, здесь развертывается производство идей, а также их потребление.

Первым структурным элементом в духовной жизни выступают потребности. Духовные потребности – это нужда людей и общества в целом создать и осваивать духовные ценности, потребность в духовном совершенствовании, в образовании, воспитании в удовлетворении чувства прекрасного, в сущностном познании окружающего мира, в вере.

В отличие от материальных потребностей, духовные потребности не даны генетически, не даны от рождения, они формируются и развиваются в процессе социализации личности. Особенность духовных потребностей в том, что они носят принципиально неограниченный характер: предела роста для них не существует, единственным ограничителем роста духовных потребностей является объем накопленных человеком духовных ценностей и желание человека участвовать в их приумножении. С точки зрения проблемы духовного наибольшее значение приобретает творение самого себя в акте самопознания. «Творить самого себя – значит, в каждом своем поступке стремиться к максимуму выражения своей сущности»[4].

К структурным компонентам духовной жизни относится культура. Культура – это единство духовной и духовно-практической деятельности, идеи, замысла и его воплощения. Этим культура отличается от сознания. В культуре существуют лишь опредмеченные (воплощенные) идеи. Самая гениальная мысль в голове субъекта, если она не опредмечена, умрет вместе с ним, не оставив никакого следа в культуре. В культуре проявляется стремление человека к счастью, поэтому можно сказать, что культура является самосознанием определенной эпохи в жизни человечества. «Стремление подчинить искусство и литературу целям полезным, сделать из них орудие для достижения практических результатов вытекает именно из … идеи счастья, как верховного принципа человека»[9].

Культура – явление сложное и многоплановое, приобретающее в современном мире все большее значение, оно означает способ самовыражения и самореализации личности в определенной социальной среде. Культура – «не некое особое украшение нашей личности, а непосредственно ее сущность»[8].

Духовность, в самом общем смысле, – совокупность проявлений духа в мире и человеке. В социологии, культурологии, а еще чаще в публицистике «духовность» часто называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства. В рамках такого подхода, проекция духовности в индивидуальное сознание называется совестью, а также утверждается, что укрепление духовности осуществляется в процессе проповеди (увещания), просвещения,

идейно-воспитательной или патриотической работы.

Духовное – высший продукт жизни, которая приходит к своему самосознанию и сознательному возрастанию в человеке. Высшая форма духовного отношения человека к миру – любовь. «Любовь ... является необходимым компонентом в сохранении человеческого общества. Нельзя представить без нее человеческое общество. Тот, кто утверждает необходимость человеческого общества, утверждает тем самым любовь»[1]. Она выражает собой принцип возрастаания жизни, пришедшего к своему самосознанию через человека. Любовь – существо самой жизни и представляет собой духовный архетип человечества, который раскрывается через развертывание сущности человека. Именно любовь связует воедино истину, добро и красоту, являя в этом высшем синтезе духовный архетип человечества.

Каким же образом понятие «духовности» связано с понятиями «равнодушие» и «абсурд»?

Во все века люди высоко ценили духовно-нравственную воспитанность. Глубокие социально-экономические преобразования, происходящие в современном обществе, заставляют нас размышлять о будущем. Воспитание личности есть постоянный необходимый элемент общества и фактор социального развития.

Известно, что воспитание – это, с одной стороны, обретение молодежью опыта старшего поколения и вообще всей накопленной культуры, с другой – целенаправленная передача выработанного человечеством культурного богатства и целеустремленное формирование личности. С переменой менталитета общества и личности, изменением ценностных ориентаций не только у подрастающего, но и у старшего поколения, появились новые ориентиры у человека. Наряду с открывшимися новыми возможностями (такими, как свобода совести, открытость общества, демократизм, гласность и др.) стали нарастать негативные явления, присущие секулярному обществу потребления. «Произошло ... низвержение этики, основанной на принципах иудео-христианской религии, ... люди ищут радости в алкоголе, наркотиках, порнографии, сексе»[3].

В силу несформированности мировоззренческих позиций, наиболее восприимчивыми к негативным воздействиям оказались дети, подростки, молодежь, поддавшиеся влиянию «рынка» низкопробных образцов массовой культуры, криминальных структур, деструктивных сект. Не имея опоры внутренней, молодежь утратила поддержку внешнюю (семья, школы, молодежных общественных организаций, здоровых неформальных объединений), поскольку российское общество продолжительное время пребывало в состоянии растерянности: старые, социалистические идеи полностью отрицались, западные образцы, в силу особенностей российского менталитета, не срабатывали, новая система ценностей не была обретена. Все это привело к тому, что новыми ценностными характеристиками для подрастающего поколения, впрочем, как и для большинства социума, стали равнодушие и абсурд.

Перечисленное наглядно демонстрирует, насколько

необходима определенная система ценностей для каждого человека, для общества и государства. Она является той основой, опираясь на которую можно строить нормальные межличностные отношения, отношения внутри государства и с миром в целом. Глобальные процессы «начинающейся деструкции», характерные для так называемых цивилизованных стран (распад гуманистического знания, дегуманизация общества, деперсонализация личности и пр.) связаны именно с кризисом ценностей, когда аксиологическую характеристику приобретает равнодушие, а абсурдность происходящего становится нормой для современного человека. Все это порождает в обществе «социальный романтизм», который становится основанием для «протеста против дегуманизирующих последствий реализованной рациональной системы»[6].

Утрата духовных, исторических и нравственных ценностей прошлого своего народа приводит молодое поколение к бездуховности, а следовательно, к равнодушию и абсурду. Поиск новых путей духовно-нравственного развития общества обострил интерес к проблемам философского понимания таких понятий, как «равнодушие» и «абсурд». Философская рефлексия абсурдности и равнодушия позволяет внести корректизы в процесс обучения и воспитания подрастающего поколения.

Воспитание и образование личности есть необходимый постоянный элемент общества и фактор социального развития. Поэтому обращение к истокам традиционной духовности и нравственности является необходимым условием выхода из современной ситуации абсурда происходящего в мире.

Духовность определяется как устремленность личности к избранным целям, ценностная характеристика сознания. Нравственность представляет собой совокупность общих принципов поведения людей по отношению друг к другу и обществу. В сочетании они составляют основу личности, где духовность – вектор ее движения (самовоспитания, самообразования, саморазвития), она является основой нравственности. Духовность имплицитно несет в себе оценочный компонент и не может быть понята вне ее аксиологических характеристик, она непосредственно связана с аффективно-эмоциональной сферой. Как способность человека к духовной жизни, как сущностная черта, духовность имеет атрибутивный характер (она присуща всем без исключения человеческим индивидам), однако эта способность заложена в человеке потенциально, может реализовываться в реальных человеческих поступках, в творениях культуры, в духовном переживании.

Таким образом, мы можем сказать, что равнодушие и абсурд, являясь производными категориями такого понятия, как «духовность», заставляют современного человека обратить более пристальное внимание на традиционное понимание ценностей, ставят перед ним задачу нравственного совершенствования мира, что «требует максимального напряжения нравственной активности»[12]. Все это должно помочь человеку избежать абсурдности как основной антропологической характеристики современного бытия.

Библиографический список

1. *Адлер А.* Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов, 1998. С. 366.
2. *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М., 1994. С. 14.
3. *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада. М., 2003. С. 259, 274.
4. *Губин В.Д.* Культура и творческая деятельность. М., 1987. С. 67.
5. *Красицкий Я.* Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева. М., 2009. С. 394.
6. *Мольтман Ю.* Человек. М.: Издательство ББИ, 2013. С. 37.
7. *Некрасова Н.А.* Лики духовности. Монография. Владимир, 2001. С. 102-103.
8. *Пупар П.* Церковь и культура. М., 1993. С. 11.
9. *Розанов В.В.* Цель человеческой жизни // Розанов В.В. Метафизика христианства. М., 2001. С. 493.
10. *Трубецкой С.Н.* Курс истории древней философии. М., 1997. С. 372.
11. *Уайтхед А.* Избранные работы по философии. М., 1990. С. 405.
12. *Франк С.Л.* Свет во тьме. М., 1998. С. 253.

References

1. *Adler A.* Children's upbringing. The interaction of the sexes. Rostov, 1998. P. 366.
 2. *Bergson A.* Two sources of morality and religion. M., 1994. P. 14.
 3. *Buchanan P. J.* The Death of the West. M., 2003. Pp. 259, 274.
 4. *Gubin C.D.* Culture and creative activities. M., 1987. P. 67.
 5. *Krasitsky Ya.* God, man and evil. The study of the philosophy of Vladimir Solovyov. M., 2009. P. 394.
 6. *Moltman Y.* People. - M.: Publishing house BTI, 2013. P. 37.
 7. *Nekrasov N. A.* Faces of spirituality. The monograph. Vladimir, 2001. Pp. 102-103.
 8. *Poupart P.* The Church and culture. M., 1993. P. 11.
 9. *Rozanov V.V.* Purpose of human life // Rozanov V.V. Metaphysics of Christianity. M., 2001. P. 493.
 10. *Trubetskoy S.N.* The course of the history of ancient philosophy. M., 1997. P. 372.
 11. *Whitehead A.* Selected works on philosophy. M., 1990. P. 405.
 12. *Frank S. L.* Light in the darkness. M., 1998. P. 253.
-

С.Н. МИНИН

кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и религиоведения, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: Russia_Vladimir@yahoo.com

S.N. MININ

Candidate of History, Associate Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stolетовых
E-mail: Russia_Vladimir@yahoo.com

ЕПАРХИЯ И УНИВЕРСИТЕТ: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА DIOCESE AND UNIVERSITY: THE EXPERIENCE OF REGIONAL COOPERATION

В единое образовательное пространство Владимирской области входят как государственные, так и негосударственные образовательные организации. Взаимодействие государственной и частной сфер образования в рамках социального партнёрства является важным фактором жизни современного общества. Уникальный опыт такого взаимодействия накоплен во Владимирской области, где с 2000 года на основе договорных отношений осуществляется работа по взаимодействию в научной и образовательной областях между Владимирским государственным университетом и Владимирской епархией Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: гражданское общество, социальное партнёрство, государство, образовательное пространство, религия, религиозное образование.

In the unified educational space of the Vladimir region includes both public and private educational organization. The interaction of public and private spheres of education within the framework of social partnership is an important factor in the life of the modern society. The unique experience of this interaction has been accumulated in the Vladimir region, where since 2000 on the basis of the contractual relationship the work on cooperation in scientific and educational fields between Vladimir State University and Vladimir diocese of the Russian Orthodox Church has been carried out.

Keywords: civil society, social partnership, the State educational space, religion, religious education.

Патриарх Кирилл в ноябре 2013 г. в интервью ИТАР-ТАСС отметил, что «христианская община издревле была тем, что сейчас называют институтом гражданского общества». «Смысл всего, что делает Церковь, в том числе, вступая в диалог с обществом, – свидетельство об Истине Христовой, желание утвердить в жизни людей традиционные духовно-нравственные ценности, без которых, на наш взгляд, немыслим гражданский мир и развитие», – отметил Предстоятель Русской Православной Церкви.

Гражданское общество и государство соединены друг с другом целым рядом структурных связей. Это имеет отношение и к взаимоотношению Церкви и системы образования. Гражданское общество и его институты являются средством проявления интересов граждан. В Социальной концепции Русской Православной Церкви указано, что исходя из светского характера государства, в отношениях Церкви и государства имеется особая сфера смежных интересов или соработничества, к которым в числе прочего относятся миротворчество, забота о сохранении нравственности в обществе, духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание, социальное служение, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, развитие научных исследований и т.д.[1].

В единое образовательное пространство Владимирской области входят как государственные, так и негосударственные образовательные учреждения.

Ведущим высшим учебным заведением Владимирского региона является Владимирский государственный университет. В ноябре 2008 года, в дни празднования 50-летия Владимирского государственного университета, вуз получил высокую награду Русской Православной Церкви – орден Святителя Иннокентия Московского за вклад в дело духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи и созидание гражданского мира и согласия в древнем Владимирском крае. В составе 8 институтов на 22 факультетах Владимирского государственного университета в г. Владимире, в его филиалах (г. Муром и г. Гусь-Хрустальный Владимирской области) обучается более 26 тыс. студентов по различным формам обучения. В соответствии с лицензией ВлГУ имеет право вести образовательную деятельность по 189 образовательным программам[2]. В этом числе подготовка по направлениям «философия», «религиоведение», «теология» и специализации «Русская православная культура».

В 2000 г. по инициативе руководства Владимирского государственного университета началось сотрудничество вуза и Епархии. Между Владимирским государственным университетом и Епархией был заключен договор, в котором предусматривалось сотрудничество в вопросах духовно-нравственного воспитания и образования молодежи, в осуществлении совместных образовательных программ, образовательных и издательских проектов, в совместном проведении научных конферен-

ций и в профессиональной подготовке студентов.

Особое место занимает помощь Епархии университету в подготовке студентов по направлению «религиоведение» при кафедре философии и религиоведения Гуманитарного института ВлГУ. На средства Епархии была создана специализированная православная аудитория «Свеча», где блок теологических и церковно-исторических дисциплин для студентов читают представители епархии, имеющие специальное богословское и светское образование. Создан православный духовно-просветительский центр по работе со студенческой молодежью «Свеча». Совместная деятельность университета и Владимирской епархии получила благословение Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и Святейшего Патриарха Кирилла.

Традицией стало проведение молебнов в День знаний перед началом обучения, в день Российского студенчества, день Славянской письменности и культуры. Идея создания при университете храма стала воплощаться в жизнь, когда в православный приход Кирилла и Мефодия обратилась уважаемая и известная во Владимирской области семья – Ворожейкиных Владимира Константиновича и Валентины Михайловны. Совершенно бескорыстно они предложили свои средства на создание православного университетского храма. Епархиальным архитектурным отделом был разработан проект университетской церкви. Перед епархиальным архитектором А.Н. Трофимовым встала очень сложная задача, как соединить традиционные архитектурные формы православного храма с существующим ансамблем учебных корпусов. Место для храма было найдено рядом со вторым корпусом Владимирского государственного университета, и это во многом определило поиск архитектурного образа, достаточно органично вписавшегося в «университетский» ландшафт. В 2007 г. единогласным решением ученого совета ВлГУ было утверждено решение о строительстве при вузе университетского храма. В октябре 2007 г. получила государственную регистрацию в федеральной регистрационной службе местная православная религиозная организация – приход святых равноапостольных Кирилла и Мефодия г. Владимира[3]. В настоящее время организован православный студенческий хор, осуществляется сотрудничество с общественной организацией «Осознание» по профилактике алкоголизма и наркозависимости у молодежи и подростков[4]. Студенты университета совместно с областным комитетом по делам молодежи принимают участие в движении «Спаси храм», были организованы работы в с. Языково Судогодского района по консервации Никольского храма[5].

Традицией стало проведение открытых публичных лекций для преподавателей и студентов Владимирского государственного университета.

В 2008 г. решением Ученого совета ВлГУ звание Почетного профессора университета присвоено доктору богословия, митрополиту Владимирскому и Суздальскому Евлогию (Смирнову). Митрополит Евлогий имеет большой опыт научной и педагогиче-

ской работы. Особая страница в научно-педагогической деятельности митрополита Евлогия связана с Владимирским государственным университетом, который Владыка неоднократно посещал с визитами. Доброй традицией стали публичные лекции митрополита в стенах университета перед широкой аудиторией преподавателей и студентов в начале и в течение учебного года. В научных сборниках университета опубликованы статьи митрополита Евлогия, посвященные вопросам духовно-нравственного воспитания.

В настоящее время в рамках сотрудничества ВлГУ и Епархии проводится ряд мероприятий, ставших традиционными. В их числе:

- Международная научная конференция «Церковь, государство и общество в истории России и православных стран», посвященная памяти православных просветителей Кирилла и Мефодия (май 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014 гг., прошли 6 конференций).
- Региональная научно-практическая конференция «Владимирские Епархиальные Рождественские образовательные чтения» (декабрь 2011, 2012 гг.; прошли 3 конференции).
- Международная конференция «Покровские чтения» (октябрь–ноябрь) Данная конференция проводится в рамках сотрудничества ВлГУ, Владимирской епархии и Прихода Святого Розария Божией Матери Римско-Католической Церкви. Всего прошло 10 конференций.
- День памяти событий в Беслане, патриотическая акция «Мы скорбим» (3 сентября 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014 гг., прошло 6 мероприятий).

25 мая 2009 г. было положено начало новой традиции совместной деятельности. Центром проведения Дней славянской письменности и культуры стал Владимирский государственный университете – ведущее учреждение высшего образования во Владимирской области.

В 2009 г. Владимирский государственный университет совместно с Владимирской епархией и Союзом краеведов Владимирской области провел I Международную научную конференцию «Церковь, государство и общество в истории России и православных стран», посвященную памяти православных просветителей Кирилла и Мефодия. С пленарными докладами выступили известные ученые-историки из Владимира, Киева, Москвы, Санкт-Петербурга, такие как к.и.н. доцент кафедры истории средних веков исторического факультета СПбУ, докторант СПбУ Морозов М.А., доктор исторических наук, руководитель Группы исторической географии Института Российской истории РАН Аверьянов К.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Российской истории Агеева О.Г. и др. В Муромском филиале ВлГУ была представлена выставка картин муромских художников «Храмы Мурома» и открыта фотовыставка «Православные святыни Владимиро-Суздальской земли глазами иностранных студентов».

25–26 мая 2010 г. во Владимирском государственном университете (ВлГУ) состоялась II Международная

научная конференция «Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование», посвященная памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и приуроченная к Дню славянской письменности и культуры. На конференции выступили около 13 докладчиков, среди которых – священнослужители, преподаватели и аспиранты духовных и гражданских учебных заведений, а также другие специалисты, исследующие проблемы истории Русской Православной Церкви и православных церквей, – известные профессора из Москвы, Санкт-Петербурга, Украины и Индии. Конференция затронула широкий спектр проблем церкви, государства и общества. В ходе конференции обсуждались духовные и культурные связи православных народов, актуальные проблемы религиозного, религиоведческого и духовно-нравственного образования.

26 мая 2011 г. состоялась III Международная научная конференция «Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование», которая прошла в ВлГУ. На этот раз тему конференции определила очень значимая в истории становления российской государственности дата – 900-летие со дня рождения святого благоверного князя Андрея Боголюбского, важного политического деятеля XII в. Среди докладчиков конференции были священнослужители, преподаватели и аспиранты духовных и гражданских учебных заведений, а также другие специалисты, исследующие проблемы истории Русской Православной Церкви, православных церквей, – известные профессора из Москвы, Санкт-Петербурга, Белоруссии, Украины. Конференция затронула широкий спектр проблем церкви, государства и общества. В ходе конференции обсуждались духовные и культурные связи православных народов, актуальные проблемы религиозного, религиоведческого и духовно-нравственного образования. В ходе конференции прозвучали доклады более чем 50 участников: священнослужителей, профессоров, преподавателей, аспирантов и студентов ВлГУ, различных духовных учебных заведений, других специалистов, исследующих проблемы истории Русской Православной Церкви, других православных церквей и современного духовно-нравственного образования. Впервые прошло совместное заседание секций философов, филологов и религиоведов ВлГУ и ВГГУ.

22 мая 2012 г. во Владимирском государственном университете прошла IV Международная научная конференция «Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование». Главное содержание работы конференции определяла историческая дата – 1150-летие основания Российской государственности. Обширную программу выступлений, докладов, видеопрезентаций – по отечественной истории, религиоведению, философии, языкознанию, краеведению – университет подготовил совместно с Владимирской епархией. Пленарное заседание началось с выступления Почетного профессора ВлГУ митрополита Владимира Суздальского

Евлогия (Смирнова) о непреходящем значении духовного подвига святых Кирилла и Мефодия. С пленарными докладами выступили также ведущие ученые ВлГУ, университетов Санкт-Петербурга и Москвы. 23 мая 2012 г. конференция продолжила работу по секциям. Итогом проведения конференции стал выпуск материалов I, II, III и IV Международных научных конференций «Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование»[6].

С 2010 г. Владимирский государственный университет и Владимирская епархия участвуют в реализации проекта международного сотрудничества в научно-образовательной сфере и вопросах духовно-нравственного воспитания «Православие на Святой Земле» совместно с Императорским Православным Палестинским обществом (ИППО).

В 2009, 2010 гг. во время официального визита во Владимир мэра Вифлеема г-на Виктора Батарси и Чрезвычайного и Полномочного посла государства Палестины г-на Фаеда Мустафы во Владимирский государственный университет обсуждались вопросы взаимного сотрудничества и научного обмена. По благословению Архиепископа Евлогия в рамках этих договоренностей университетский приход святых Кирилла и Мефодия г. Владимира принимает активное участие в деятельности регионального Владимирского отделения Императорского Православного Палестинского общества.

8-15 ноября 2010 г. делегация владимирских вузов приняла участие в международном семинаре в Палестине, приуроченном к празднованию 10-тысячелетнего юбилея города Иерихон (Палестинская Национальная Администрация). Перед участниками семинара выступили учёные, общественные деятели, священнослужители. Тематика лекций и круглых столов охватывала историю и нынешнее положение в Палестине, современные проблемы развития отношений России и народов стран библейского региона. В ходе встреч был выявлен большой взаимный интерес к сотрудничеству между российскими и палестинскими вузами в сфере образования и науки, в частности в вопросах открытия курсов русского языка как иностранного, о развитии студенческого и преподавательского обмена, об организации научных конференций.

11-13 октября 2012 года Владимирская земля встретила участников семинара руководителей региональных отделений Императорского Православного Палестинского Общества из Вифлеема (Палестины), Калуги, Карачаево-Черкесии, Киева (Украина), Москвы, Московской области, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону и др. В работе семинара приняли участие представители Владимирского казачества, сотрудники музеев и учебных заведений Владимира, студенческая молодежь. Владимирское региональное отделение ИППО тесно сотрудничает с Владимирской епархией и Владимирским государственным университетом. Тема семинара была обозначена как «Единство государства, церкви, учебных заведений и общественных организаций в деятельности

по нравственному и духовному воспитанию молодежи». Второй и третий день работы семинара прошел в Муроме и Суздале[7].

Совместное обсуждение проблем диалога науки и религии, гражданского мира и вопросов духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи в рамках конференций приносит свои добрые плоды. Как отмечают историки науки, появление феномена научного знания стало возможно только благодаря христианскому взгляду на мир Божий. Поэтому научные и богословские взгляды не вступают в противоречие. У Церкви, общества и высшей школы имеется общее поле для обсуждения сложных проблем современности.

Это тем более важно в связи с тем, что Владимирская епархия и Владимирский государственный университет накопили богатый опыт взаимодействия на благо общества и реализации прав преподавателей и студентов высшей школы на свободное духовное развитие, укрепление нравственного потенциала. Здесь мы видим поле для совместной деятельности системы светского образования и Церкви. Это обусловлено исторической традицией русской школы, наличием общих нравственных целей государства, общества и Церкви в сфере просвещения. Эти усилия направлены на духовное и нравственное возрождение общества, на восстановление культурно-исторической преемственности, на выявление роли Православия в истории, культуре и образовании Владимирской земли, на практическую реализацию права человека на свободу совести.

Взаимодействие Владимирского государственно-

го университета и Владимирской епархии получило общественную поддержку. На заседании Совета по вопросам религиозных и национальных объединений при администрации Владимирской области 10 декабря 2012 г. рассматривался вопрос о совместной деятельности Владимирской епархии и ВлГУ по проведению научных конференций. Была отмечена важность этой деятельности как проявление реального диалога системы высшего образования и Церкви в рамках социального партнерства субъектов гражданского общества и рекомендовано продолжить сложившуюся практику.

Историко-культурное наследие становится ориентиром для общества в его развитии. В современном российском обществе происходят важные и позитивные мировоззренческие изменения, растет интерес к вопросам духовной жизни человека и общества. Эти тенденции с особой силой проявляются в молодежной студенческой среде. По данным научно-исследовательского института молодежи, из всех социальных и государственных институтов в России среди молодежи наибольшее доверие проявляется в отношении Церкви. Социологические исследования среди молодежи Владимирской области показали, что большинство молодых людей отождествляют национальную культуру и религию, считают возможным быть причастными к миру русской истории и культуры только через Церковь.

Система высшего образования возвращается к ценностям русской православной культуры. И мы видим в этом добрый знак в его дальнейшем развитии и совершенствовании.

Библиографический список (References)

1. Basic Social Concept of the Russian Orthodox Church // <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>
2. <http://www.vlsu.ru/index.php?id=448>
3. <http://www.orthodox33.ru/>
4. <http://www.osoznanie-narkotikam.net/>
5. <http://spasihram.blogspot.ru/>
6. Church, state and society in the history of Russia and the Orthodox countries. Proceedings of the I International Scientific Conference dedicated to the memory of Orthodox educators Saints Cyril and Methodius, 25-26 May 2009. Vladimir: 2009, 386 p.; Proceedings of the scientific-practical conference. Vladimir: 2010. 260 p.; Church, state and society in the history of Russia and the Orthodox countries. Proceedings of the III International Scientific Conference dedicated to the memory of Orthodox educators Saints Cyril and Methodius. May 25-26, 2011. Vladimir: 2011. 422 p.
7. <http://www.ippo.ru/ippo-v-21-veke/duhovno-nravstvennoe-vospitanie-molodezhi-neobhodimo-kuljativirovatj--na-vladimirskoy-zemle-proshel-tretiy-seminar-ippo-dlya-regionaljnyh-otdeleniy.html>

В.Ф. НИЦЕВИЧ

доктор политических наук, профессор, и.о. ректора,
Орловский государственный университет

В.В. МОИСЕЕВ

доктор исторических наук, профессор, Белгородский
государственный технологический университет

В.Н. ПРОКУРАТОВ

аспирант, кафедра политологии, государственного
и муниципального управления, Российской академия
народного хозяйства и государственной службы
(Орловский филиал)

V.F. NITSEVICH

Doctor of Political Sciences, Professor, Acting Rector, Orel
State University

V.V. MOISEYEV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Belgorod State
Technological University

V.N. PROKURATOV

Graduate student, Department of Political Science, State
Municipal Administration, Russian Academy of National
Economy and State Service (Orel branch)

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

TO THE QUESTION ABOUT COUNTERACTION OF CORRUPTION IN RUSSIA

В статье рассматриваются проблемы борьбы с коррупцией в нашей стране. Противодействие коррупции в свете Послания Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 4 декабря 2014 года является одной из первоочередных задач государства и общества. На фактическом материале авторы показывают конкретные инициативы первых трех президентов Российской Федерации по активизации политических механизмов противодействия коррупционным практикам в нашей стране.

Ключевые слова: послание Президента РФ, борьба с коррупцией, политические механизмы.

In the article the problems of fight against corruption in our country are considered. Counteraction of corruption in the light of the Message of the Russian President to Federal Assembly of Russia of December 4, 2014 is one of priorities of the state and society. On the actual material authors show concrete initiatives of the first three presidents of the Russian Federation of activization of political mechanisms of counteraction to corruption practitioners in our country.

Keywords: message of the Russian President, fight against corruption, political mechanisms.

Коррупция в России приобрела небывалый размах, превратившись в реальную угрозу национальной безопасности. Как отмечается в Национальном плане противодействия коррупции, утвержденном президентом, она «препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз национальной безопасности Российской Федерации».

Поэтому повышение эффективности противодействия коррупции является сегодня насущной потребностью российского общества, одним из главных условий модернизации экономики и социальной сферы, повышения национальной безопасности в условиях западных санкций.

Однако несмотря на проводимую государственную антикоррупционную политику, действовавшие политические механизмы в последнее время, ситуация в нашей стране к лучшему существенно не изменилась. Тот факт, что международные рейтинги относят Российскую Федерацию к группе самых коррумпированных государств мира, крайне отрицательно сказы-

вается на международном престиже нашей страны, её инвестиционной привлекательности, увеличивает угрозу ее экономической и политической изоляции.

Коррупция охватывает сегодня не только низшие звенья государственного аппарата, но и высшие эшелоны власти и управления. Арест 4 марта 2015 г. губернатора Сахалина миллиардера Александра Хорошавина за коррупционное преступление – получении взятки, превышающей 5,5 млн долларов США¹, – яркое тому подтверждение. И это далеко не единичный случай, когда чиновники, пользуясь своим служебным положением, незаконно обогащались, применяя коррупционные схемы. Так, в июле 2013 г. к 9,5 года колонии строгого режима за взятку в 40 млн рублей был приговорен бывший губернатор Тульской области Вячеслав Дудка, а его соучастник – бывший директор областного департамента имущественных и земельных отношений Тульской области Виктор Волков за коррупционные действия получил 2,5 года лишения свободы. В Москве с поличным был задержан высокопоставленный сотрудник центрального аппарата МИС за получение взятки в 1 млн. долларов США.

¹ Около миллиарда рублей обнаружено у губернатора Сахалина при обысках// Сайт «РИА-новости». Режим доступа: <http://ria.ru/incidents/20150308/1051515843> (дата обращения: 10.03.2015 г.)

Согласно российской статистике, количество преступлений коррупционной направленности, зафиксированных правоохранительными органами, растет год от года. Если в 2006 г. в России прокурорами было выявлено «всего» 47 тысяч нарушений законодательства о государственной и муниципальной службах, то три года спустя, в 2009 г. проверками было выявлено уже 263 тысячи нарушений, то есть в пять с лишним раз больше. Почти столько же – около 240 тысяч нарушений антикоррупционного законодательства было вскрыто в 2010 г.², а в 2011 г. – 255 тыс. коррупционных сделок³. В 2012 г., по данным Генеральной прокуратуры РФ, рост преступлений коррупционной направленности по сравнению с 2011 г. увеличился на 17%. Возросла в этот период и средняя сумма взятки. По данным МВД РФ, если в 2011 г. она составляла всего 30 тыс. руб., то в 2012 г. увеличилась вдвое – до 60 тыс. руб., а в 2013 г. – до 145 тысяч рублей. В Москве средняя сумма взятки в 2014 г. составила 327 тысяч рублей, сообщалось в докладе начальника ГУ МВД России по Москве Анатолия Якунина⁴.

Принимая во внимание высокую латентность коррупционных сделок, следует отметить, что официальная статистика не в полной мере отражает истинные масштабы коррупции в стране, в действительности они значительно выше. Комментируя результаты прокурорских проверок, организованных в 11 федеральных министерствах и агентствах, Генеральный прокурор Ю. Чайка констатировал, что органы государственной власти и управления поражены коррупцией в огромных масштабах. Незаконные действия чиновников разного уровня охватывали широкий спектр отношений, регулируемых законодательством о государственной и муниципальной службе, бюджете, собственности, закупках для государственных нужд. Прокуроры вскрывали факты, свидетельствовавшие о том, что госслужащие «торговали» вверенной им информацией, содержащей государственную, коммерческую и иную охраняемую законом тайну, оказывали подконтрольным структурам содействие в получении незаконных льгот и привилегий, в приобретении собственности, в ускорении процедуры оформления документов, в получении преференций при тендерах, конкурсах и т.д. Практически везде выявлены факты, когда государственные служащие незаконно участвовали в коммерческой деятельности, владели долями и пакетами акций, занимали оплачиваемые должности в хозяйствующих структурах, не представляли положенные по закону декларации. Комментируя эти факты, Генеральный прокурор РФ в одном из своих докладов депутатам Государственной Думы отмечал: «К сожалению, нельзя сказать, что коррупция характерна лишь для отдельных звеньев государственного механизма».

2 Моисеев В.В., Прокуратов В.Н. Противодействие коррупции в современной России: монография. Орел: Изд-во АПЛИТ, 2012. С.112.

3 В России выявлено 255 тыс. нарушений коррупционной направленности// Сайт «Клерк». Режим доступа: <http://www.klerk.ru/law/news/257250/> (дата обращения – 15.03.2015 г.).

4 Сайт «Vedomosti.ru». Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/02/25/mvd-srednyaya-summa-vzyatki-v-moskve-sostavila-327-000-rublei-v-proshlom-godu> (дата обращения: 11.03.2015 г.)

ма. Она пронизывает все уровни власти, она приобретает системный характер и проявляется во всех сферах государственной деятельности⁵.

Глава Счетной палаты С.В.Степашин докладывал президенту, что в 2010 г. его подчиненные выявили финансовых нарушений на сумму 580 миллиардов рублей, отметив при этом, что выявленные финансовые нарушения – это, как правило, коррупционные сделки, которых по сравнению с 2009 г. стало «в два раза больше». А по сведениям Контрольного управления Администрации Президента РФ, потери госбюджета из-за коррупции, достигали 1000000000000 (одного триллиона) рублей в год⁶.

Коррупция в России достигла таких масштабов, что препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене. Поэтому она правомерно рассматривается как одна из угроз национальной безопасности Российской Федерации. Не случайно Президент России В.В. Путин, выступая на заседании Совета по противодействию коррупции в октябре 2013 г., подчеркнул, что «в основе антикоррупционной политики государства и на всех направлениях борьбы с мздоимством властям нужно действовать последовательно и наступательно»⁷.

Попытки «действовать последовательно и наступательно» предпринимались еще первым президентом Б.Н.Ельциным. Так, в апреле 1992 г. президент издал Указ «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы». К сожалению, этот нормативно-правовой акт главы государства не был подтвержден ни организаторской, ни идеологической работой по его реализации, поэтому и прославился как один из самых неисполнимых за всю историю новой России.

19 января 1993 г. Президент Б.Н. Ельцин созвал совещание в Кремле по борьбе с преступностью, на котором заявил: «Мы начинаем фронтальное наступление на преступность, взяточничество и коррупцию». Спустя три месяца, 16 апреля 1993 г. вице-президент России А.В. Руцкой объявил, что за несколько месяцев он собрал 11 чемоданов компромата. В его списках среди коррупционеров значились Егор Гайдар, Геннадий Бурбулис, Михаил Полторанин, Владимир Шумейко, Александр Шохин, Анатолий Чубайс и Андрей Козырев. Из этих «чемоданов компромата» только 9 дел были направлены в Генпрокуратуру. Через две недели, 28 апреля 1993 г. появился Указ Президента № 570 «Об организационных мерах по усилению борьбы с преступностью в связи с растущими ее масштабами, расширением коррупции, представляющими серьезную угрозу интересам

5 Билинская М.Н., Моисеев В.В., Ницевич В.Ф. Современная коррупция: отечественная специфика и зарубежный опыт противодействия: монография. Орел, изд-во ОРАГС. 2011. С.65.

6 Там же. С. 169.

7 Путин признал бесполезность борьбы с коррупцией при помощи штрафов//Сайт «KM.RU»

Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/10/30/vladimir-putin/724216-putin-priznal-bespoleznost-borby-s-korruptsiei-pri-pomoshc/> (дата обращения: 11.03.2015 г.).

сам государства⁸.

В 1993 г. депутатами был подготовлен законопроект «О борьбе с коррупцией». Он содержал ряд антикоррупционных мер, но не был принят. Новые варианты антикоррупционного закона принимались Госдумой и Советом Федерации в 1995 и 1997 гг., но и они отклонялись президентом по надуманным причинам: то закон о противодействии коррупции якобы противоречит Конституции, то он почему-то вносит «дисбаланс в систему российского законодательства».

В марте 1997 г. была создана комиссия Государственной думы по противодействию коррупции. Ее главная задача заключалась в экспертизе законопроектов. Спустя два месяца был принят Указ Президента № 484, который обязывал чиновников предоставлять ежегодные декларации о своих доходах и имуществе. В сентябре 1998 г. президент внес свой законопроект о противодействии коррупции, но Госдума его отклонила.

Из всего этого следует вполне обоснованный вывод: из-за противостояния президента и парламента в 90-е годы, отсутствия единой государственной политики эффективные политические механизмы противодействия коррупции так и не были выработаны.

Некоторая активизация работы в этом направлении началась с избранием главой государства В.В. Путина. Под его руководством в начале 2000-х годов стали создаваться новые институты и политические механизмы, направленные на борьбу с коррупцией. Так, 1 ноября 2001 г. В.В. Путин подписал Указ № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем», который создавал новый институт по борьбе с коррупцией – Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу, преобразованный позднее в Федеральную службу по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). При Президенте РФ был образован Совет по противодействию коррупции, в который по должности вошли председатели верхней и нижней палат парламента, Генеральный прокурор, министр МВД, директор ФСБ, другие высшие чиновники. Предполагалось, что Совет при Президенте будет координировать работу органов власти и управления по борьбе с коррупцией в масштабе страны, а также разрабатывать стратегию и тактику этой борьбы, повышать эффективность политических механизмов. В.В. Путин, открывая первое заседание Совета 12 января 2004 г., поставил перед новым институтом вполне конкретную задачу: выявлять причины и условия распространения коррупции и на этой базе вырабатывать системную антикоррупционную политику в масштабе страны. Однако ощутимых результатов Совет при Президенте не принес, так как его состав больше практически не собирался, и вскоре он был упразднён, так и не став дееспособным политическим институтом.

8 Маслов О. Ю., Прудник А.В. Краткая история борьбы с коррупцией в Российской Федерации 1991 – 2010// Интернет-ресурс «Еженедельное независимое аналитическое обозрение». Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2010/04/18/rosHistoryKort/>. (Дата обращения: 17.06.2012 г.).

В начале 2000-х годов началось сотрудничество с международными организациями. Уже в июне 2003 г. Россия стала полноправным членом Международной группы по борьбе с финансовыми злоупотреблениями (FATF), а в марте 2006 г. Россия почти полностью ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции и обязалась реализовывать намеченные в ней мероприятия (кроме конфискации имущества коррупционеров). В июле 2006 г. наша страна ратифицировала Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, а в феврале 2007 г. присоединилась к Группе стран против коррупции (ГРЕКО), которая была создана Советом Европы. В России была создана специальная Межведомственная рабочая группа для подготовки предложений по созданию собственного антикоррупционного законодательства с учетом ратифицированных международных соглашений.

Снизить разраставшуюся в тот период коррупцию можно было, приняв пакет законов о противодействии. Необходимость создания антикоррупционного законодательства глава государства обосновал в ноябре 2006 г., выступая с докладом на Всероссийском координационном совещании руководителей правоохранительных органов. Во исполнение указания президента была создана специальная комиссия Государственной думы для подготовки предложений по внесению изменений в действующее законодательство с целью активизации правовых механизмов противодействия коррупции.

Государственная дума дважды принимала закон о борьбе с коррупцией, и оба раза президент В.В. Путин его отклонял, воспользовавшись правом вето. Причина блокирования одного из антикоррупционных законопроектов содержалась, например, в отрицательном заключении Правительства Российской Федерации, которое подписал зампред А.Л. Кудрин. Депутатам Госдумы указывалось, что их «антикоррупционные потуги противоречат отраслевому законодательству, Гражданскому кодексу и Конституции РФ». Авторам законопроекта также ставилась в вину «неопределенность понятий и юридическая некорректность формулировок».

Разумеется, в условиях, когда действующее законодательство не устанавливает ни уголовную ответственность, ни конфискацию имущества, ни другие действенные правовые механизмы противодействия коррупции, она расцветает пышным цветом. *Об этом красноречиво свидетельствует следующая таблица, составленная на основе данных независимой международной организации «Transparency International».*

Из таблицы следует, что международный рейтинг нашей страны на протяжении целого ряда лет находится в середине второй сотни. Согласно данным Международной организации по борьбе с коррупцией «Transparency International», Россия относится к числу наиболее коррумпированных стран мира, по соседству с Нигерией, Ливаном, Кыргызстаном, Ираном и Камеруном⁹.

9 Индекс восприятия коррупции //Сайт «Transparency.org.ru». Режим доступа: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatiiia>

Международный рейтинг России по противодействию коррупции

Годы	1996	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Место в мировом рейтинге	47 из 54 стран	147 из 180 стран	146 из 180 стран	154 из 178 стран	143 из 182 стран	133 из 174 стран	127 из 177 стран	136 из 175 стран

Таким образом, факты свидетельствуют, что при отсутствии эффективных политических механизмов противодействия, активной государственной политики в этой сфере борьба с коррупцией оставалась малорезультативной. Вследствие этих и других причин коррупция приобрела системный характер, превратилась в серьезное препятствие для политического, экономического и духовного возрождения России. Более того, массовая коррупция стала угрожать национальной безопасности России.

Определенный вклад в борьбу с коррупцией в нашей стране внесли президентские инициативы Д.А. Медведева. Назвав коррупцию «врагом номер один», он своим Указом от 19 мая 2008 г. реанимировал Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, внес в Госдуму президентский пакет антикоррупционных законопроектов, утвердил Стратегию и Национальный план противодействия коррупции. Благодаря целеустремленности третьего президента России в конце 2008 г. был принято Федеральное антикоррупционное законодательство, впервые создавшее действующий правовой механизм борьбы с коррупционными практиками.

Важную роль в выработке и реализации государственной политики в области противодействия коррупции, координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления муниципальных образований сыграл Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции. Указом главы государства Совет был наделен правом запрашивать и получать необходимые материалы от федеральных и региональных органов государственной власти, приглашать их представителей на свои заседания. Для реализации решений Совета могли издаваться указы, распоряжения и даваться поручения от имени Президента Российской Федерации. Таким образом, Совет при Президенте РФ как политический институт сыграл положительную роль в активизации механизмов по борьбе с коррупцией, предложив главе государства ряд мероприятий практического характера.

В ходе обсуждения этих и других предложений, исходивших от разных политических институтов, президент выступил с новой инициативой: ввести многомиллионные штрафы для взяточников с целью сокращения количества коррупционных сделок. Кратные штрафы должны были частично заменить институт конфискации имущества (в соответствии с требованиями Конвенции ООН). Согласно закону, если коррупционер и будет признан виновным в получении взятки в особо

крупном размере, он может остаться на свободе, заплатив штраф, превышающий сумму взятки в 80-100 раз. Эта мера наказания не исключает лишения свободы от 8 до 15 лет со штрафом меньшего размера, она остается альтернативной и может применяться по усмотрению суда.

На первый взгляд, введение кратного штрафа в размере до 500 млн рублей выглядит внушительной и строгой мерой. Но эта мера воздействия на коррупционера не имеет прописанного юридического алгоритма взыскания кратного штрафа, тем более, что в судебной практике уголовные дела по коррупции часто прекращают по разным процессуальным основаниям или за ту же взятку судье. Так, из 20 млрд рублей штрафов, назначенных судами в 2013 г., взыскать удалось лишь 20 млн, или по одному рублю из каждой 1000¹⁰.

Институт кратных штрафов, введенный в мае 2011 г., не только не смог заменить институт конфискации имущества коррупционеров, но сыграл негативную роль в дальнейшем росте размера средней взятки. Тем самым коррупционеры как бы вводили дополнительную плату за риск, собирая со своих контрагентов дополнительную мзду. В.В. Путин, будучи вновь избранным на пост главы государства, указал на неэффективность штрафов, введенных для коррупционеров по инициативе экс-президента Дмитрия Медведева¹¹.

В.В. Путин в статье «Демократия и качество государства» выступил с инициативой: в аппарате исполнительной власти и в менеджменте госкорпораций выделять коррупционно опасные должности, заступая на которые чиновники должны соглашаться на абсолютную прозрачность. В этом случае будут проверяться не только расходы самого должностного лица, но и крупные покупки членов его семьи, место фактического проживания, а также источники финансирования отдыха. Чиновник, работа которого признана неудовлетворительной, должен быть не только уволен, но и на несколько лет лишен права работать государственным или муниципальным служащим. «Мы справились с олигархией, справимся и с коррупцией»¹², – пообещал национальный лидер.

Президенту В.В. Путину принадлежит законодательная инициатива запрещения для чиновников и депутатов, других публичных лиц открывать счета и приобретать недвижимость за границей.

10 Моисеев В.В. Противодействие коррупции, или как сделать так, чтобы из госбюджета не воровали триллион// Человек и труд. 2013. № 2. С. 64.

11 Гуманизация вышла из доверия// Сайт «Vedomosti.ru». Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/10/31/gumanizaciya-vyshla-iz-doveriya> (дата обращения: 24.03.2015 г.)

12 Путин о борьбе с коррупцией: ответственность должны нести и власть, и оппозиция// Сайт «Kommersant.ru». Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 10.03.2015 г.)

В октябре 2013 г. В.В.Путин на заседании Совета по противодействию коррупции при Президенте Российской Федерации, говоря об эффективности антикоррупционной политики, отметил, что «чем эффективнее и оптимальнее административные процедуры, тем меньшее поле создаётся для коррупции и тем больше возможностей для роста экономики, для развития страны в целом».

В декабре 2013 г. по указу главы государства в составе его Администрации было образовано Управление по вопросам противодействия коррупции, которую возглавил Олег Плохой, занимавшийся кадровой политикой в президентской Администрации. По замыслу президента, новый институт должен стать координатором борьбы со взяточниками, которая до этого была поделена между множеством ведомств. Ему же была поручена проверка деклараций о доходах, расходах и имуществе чиновников и депутатов федерального уровня.

В апреле 2014 г. Президент России утвердил Национальный план противодействия коррупции на 2014-2015 годы. Согласно Плану в России будет создана автоматизированная система мониторинга деклараций; Банку России поручено наладить систему сбора информации о том, есть ли у госслужащих высших категорий иностранные счета или вложения в финансовые инструменты за границей; в Российской академии народного хозяйства и государственной службы будут открыты

специальные курсы для преподавателей – специалистов по противодействию коррупции; вузам, которые готовят бакалавров по специальности «Государственное и муниципальное управление», предписано включить в программу специальный антикоррупционный курс; Правительству и Президиуму Совета по противодействию коррупции поручено разработать законопроект по защите заявителей о коррупции от действий тех, о чьих правонарушениях они сообщают. Отдельным пунктом в Национальном Плане упоминаются Крым и Севастополь, на которые должны распространяться все антикоррупционные меры, проводимые в Российской Федерации.

Таким образом, президентские инициативы, направленные на реализацию государственной политики *противодействия коррупции, повышение эффективности действующих политических механизмов*, дают реальную возможность значительного снижения уровня коррупции в нашей стране. Добавим: при условии комплексного осуществления политических, правовых, организационных и экономических мероприятий, проводимых не от случая к случаю, а системно и целенаправленно для изменения к лучшему сложившейся ситуации в борьбе с коррупцией не только в органах государственной власти и управления, но и в стране в целом.

Ю.О. ПОГОРЕЛЬЦЕВА

магистр, социальный факультет, Орловский государственный университет
E-mail: pogoreltsewa-yulia2307@yandex.ru

YU.O. POGORELTSEVA

Master, Social Faculty, Orel State University
E-mail: pogoreltsewa-yulia2307@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В ПЕРИНАТАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ

SPECIFICS OF ACTIVITY OF THE SPECIALIST IN SOCIAL WORK IN THE PRENATAL CENTER

В данной статье автор показывает особенности и специфику работы специалиста по социальной работе в перинатальном центре.

Ключевые слова: перинатальный центр, специалист по социальной работе, репродуктивное здоровье, направления деятельности.

In this article the author shows the peculiarities and specifics of work of the specialist in social work in the prenatal center.

Keywords: prenatal center, specialist in social work, reproductive health, activities.

В последние годы улучшение демографической ситуации в стране является особым, приоритетным направлением деятельности Российской государства. Государственная политика в этой области направлена на создание условий для улучшения материального положения семей с детьми; развитие системы социального обслуживания семьи, увеличение видов предоставляемых семье социальных услуг; снижение материнской и младенческой смертности; создание условий для безопасного материнства и рождения здоровых и желанных детей. Все это сделано в связи с тем, что счастливое материнство является одним из основополагающих факторов благополучного развития нашего общества. Важной составляющей материнства является здоровье. Здоровье человека, как известно, всецело зависит от характера взаимодействия его биологического начала, сформировавшегося в процессе длительной эволюции под влиянием факторов окружающей среды и многочисленных социальных влияний. Эти две составляющие человека – биологическое и социальное – находятся в диалектическом единстве и взаимосвязи. [5]

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что решать проблему охраны здоровья – профилактики и лечения его нарушений необходимо комплексно, т.е. с учетом не только биологических, но и социальных факторов, влияющих на состояние здоровья человека. В этой связи, особое значение приобретает организация медико-социальной помощи как комплексного изучения медицинских и социальных факторов, влияющих на здоровье человека. [2] Данный подход имеет существенное преимущество перед односторонним учетом только медицинских или только социальных аспектов. Отсюда становится явной необходимость включения специалистов социальной сферы в работу по решению вопросов планирования семьи и охраны репродуктивного здо-

вья как один из важных путей сохранения как личного здоровья отдельного человека, так и общественного здоровья.

Проблемами репродуктивного здоровья призваны заниматься центры планирования семьи. Они достаточно давно функционируют, но на сегодняшний день акцент в деятельности этих учреждений делается скорее на лечение, нежели на профилактику заболеваний и девиаций в области сексуального поведения. Это связано с преобладанием медицинской направленности деятельности центра планирования семьи над социальной, т.е. с наличием в штатно-организационной структуре учреждения должности врача и отсутствием должности специалиста по социальной работе. [1]

Необходимость введения ставки специалиста по социальной работе в перинатальном центре также продиктована плачевной статистикой увеличения количества ранних беременностей среди несовершеннолетних, количества женщин, желающих сделать аборт, а также женщин, отказывающихся от детей после рождения. В результате проведенного теоретического исследования и на основе имеющегося практического опыта мы выделяем следующие направления деятельности специалиста по социальной работе в центре:

1. *Просветительно-профилактическая работа с детьми и подростками.*

Просветительно-профилактическая работа с детьми и подростками направлена на предупреждение разного рода нарушений в области сексуального поведения молодежи, в частности:

- предупреждение раннего начала половой жизни;
- предупреждение последствий неправильного сексуального поведения: заболеваний, передающихся половым путем, нежелательной беременности, абортов;
- просвещение по вопросам контрацепции;

- формирование ценностного и ответственного отношения к созданию семьи и рождению детей;
- информирование о существующих учреждениях и организациях, в которые можно обратиться в трудной жизненной ситуации за той или иной помощью.

2. Социально-психологическая помощь и поддержка в работе с молодыми семьями (в т.ч. ждущими ребенка).

До сих пор центр планирования семьи занимается в основном медицинскими вопросами планирования семьи, т.е. оказанием медицинской поддержки в рамках подготовки молодых супружеских пар к зачатию и рождению здорового ребенка, диагностики и лечения тех или иных патологий и заболеваний репродуктивной системы и пр. В то время как различным аспектам социально-психологического, правового характера внимания практически не уделяется, что, по нашему мнению, является необходимым направлением в работе с молодой семьей.

Деятельность социального работника с молодой семьей в центре планирования семьи направлена на:

- оказание помощи семье в трудной жизненной ситуации;
- оказание поддержки семьи в решении конфликтных ситуаций;
- социально-психологическая подготовка молодых супружеских пар к рождению и воспитанию ребенка;
- формирование установок на ответственное отношение к семье, своему будущему ребенку и его здоровью;
- правовое информирование.

3. Работа с беременными женщинами.

Беременность – один из самых важных и сложных этапов в жизни женщины. В этот период происходит изменение социально-психологического статуса, переоценка ценностей, освоение новой социальной роли, формирование ответственности не только за себя, но и за своего ребенка, и т.д. В связи с этим женщинам на всех этапах беременности требуется внимание и помощь не только медицинских работников, но и специалистов по социальной работе.

Деятельность специалиста по социальной работе в центре планирования семьи направлена на:

- подготовку женщины к рождению и воспитанию ребенка, освоению роли матери;
- содействие гармонизации отношений в семье;
- снятие напряженности и страха перед предстоящими родами;
- информирование по правовым вопросам;
- помочь в решении социальных проблем.

4. Социально-психологическая работа с бесплодными парами.

Бесплодие – ситуация, имеющаяся в основе не только медицинский, но и социальный аспект. Ведь большинство пар, даже после длительной невозможности зачать ребенка не обращаются за медицинской помощью, особенно это касается мужчин, которые, как правило, считают виновной в этой неудаче женщину, но не себя.

Вследствие этого женщины в такой ситуации испытывают психологическую напряженность, чувство вины, а длительное откладывание диагностики и лечения еще больше усугубляет ситуацию и со временем уменьшает шансы этой семьи иметь ребенка.

Деятельность специалиста по социальной работе с семьей будет направлена на:

- гармонизацию отношений супружеских;
- преодоление чувства вины и безнадежности;
- принятие необходимости диагностики и лечения;
- формирование положительного настроя на лечение;
- правовое информирование.

5. Профилактическая работа с женщинами, желающими сделать аборт.

Некоторые женщины, узнав о беременности, принимают решение об искусственном прерывании беременности, зачастую это связано не с объективными причинами (медицинскими или социально-экономическими показаниями), а с неготовностью, иногда неожиданностью для женщины факта беременности или наличием социально-психологических проблем в семье и пр.

Соевременная поддержка, в которой нуждается женщина в такой ситуации, способна изменить ее решение, помочь ей осознать ценность и счастье от рождения ребенка. Такую поддержку может оказать специалист по социальной работе.

Деятельность специалиста по социальной работе с женщинами, планирующими сделать аборт, направлена на:

- осознание клиенткой своих чувств по отношению к ребенку;
- гармонизацию отношений в семье (с мужем или родителями, если это внебрачная беременность);
- осознание такого поступка, как аборт и его последствий (как медицинских, так и социально-психологических);
- формирование ценностного отношения к жизни еще не родившегося ребенка.

6. Просветительская работа с семьями детей-подростков по вопросам планирования семьи.

Семьи, воспитывающие подростка, могут испытывать определенные затруднения в процессе общения с ним и обучения навыкам и нормам поведения, здорового образа жизни и т.п. А если говорить о половом воспитании, то здесь родителям приходится особенно трудно, и не каждый родитель считает нужным поговорить с ребенком на тему половых отношений и их последствий, некоторые же просто не знают с чего и как начать разговор. Такие родители нуждаются в поддержке со стороны специалиста по социальной работе.

Деятельность специалиста по социальной работе при работе с родителями детей подростков направлена на:

- осознание родителями необходимости общения с ребенком на темы половых отношений, ответственного отношения к своему здоровью;
- информирование в вопросах половых отношений;

– помочь в гармонизации отношений между родителями и ребенком.

Методы и технологии, используемые специалистом в работе с потенциальными клиентами в центре планирования семьи.

1. Лекции и семинары, посвященные различным аспектам планирования семьи и охраны репродуктивного здоровья: по тематике ранней половой жизни и возможных ее негативных последствиях для здоровья и жизни; абортов и их последствий для здоровья женщины; контрацептивных средств и специфике их использования.

2. Социально-психологическое консультирование. Данное направление деятельности специалиста тесно соприкасается с работой психолога, но не каждый клиент желает обратиться за помощью к психологу. Специфика же специалиста по социальной работе в том, что его деятельность и вмешательство во внутреннее пространство личности не столь глубинное и нацелено, скорее, на информирование клиента.

3. Правовое консультирование по юридическим вопросам в сфере здравоохранения, социальной защиты семьи, защиты прав и интересов семьи и ребенка; информирование о материальной поддержке (пособиях и

выплатах) молодой семьи.

4. Социально-рекламные акции и проективная деятельность – участие в разработке и реализации социальных проектов, программ, реализуемых как на базе самого центра планирования семьи, так и в различных учреждениях – образовательных, молодежных организаций, учреждениях системы социальной защиты; выпуск информационных брошюр и стендов.

В качестве форм работы могут использоваться как индивидуальные, так и групповые.

Таким образом, проведенный нами теоретический анализ медико-социальных исследований в области охраны материнства и детства, а также опыт практической деятельности, демонстрирует необходимость внедрения социальной работы в центр планирования семьи. Это обусловлено: во-первых, ситуацией ухудшения состояния репродуктивного здоровья; во-вторых, низким уровнем осведомленности населения в вопросах охраны репродуктивного здоровья и планирования семьи; в-третьих, отсутствием должной профилактической системы в этой сфере здравоохранения; в-четвертых, медико-социальным характером системы планирования семьи и охраны репродуктивного здоровья.

Библиографический список

1. Василькова Ю.В., Василькова Т.А. Социальная педагогика : учеб. пособие для студ. пед. вузов, обуч. по спец. «Педагогика и психология», «Соц. педагогика», «Педагогика». М. : КноРус, 2010. 240 с.
2. Гребешова И.И. Охрана репродуктивного здоровья как проблема социальной безопасности России // Планирование семьи. 2002. № 1.
3. Мудрик А.В. Социальная педагогика: учебник для студ. вузов. 7-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2009. 223с.
4. Мустаева Ф.А. Социальная педагогика: учебник для студ. пед. вузов, обуч. по спец. «Социальная педагогика». М.: Академ. Проект. 2008. 528 с.
5. Холостова Е.И. Социальная работа: теория и практика. М.: ИНФРА-М, 2003. 427с.
6. Элланский Ю.Г., Маар А.Я. Профилактика «социального сиротства» в современных условиях // Здравоохранение Российской Федерации. 2008. № 5. С. 25 - 27.

References

1. Vasilkova Yu.V., Vasilkova T.A. Social pedagogics: manual for students of pedagogical higher education institutions, studying on the special. “Pedagogics and psychology”, “Social pedagogics”, “Pedagogics”.: Knorus, 2010. 240 p.
2. Grebeshova I.I. Protection of reproductive health as a problem of social safety of Russia//Planning of a family. 2002. № 1.
3. Mudrik A.V. Social pedagogics: the textbook for the student. Higher education institutions. 7th ed., corrected and added. M.: Academy, 2009. 223 p.
4. Mustayeva F.A. Social pedagogics: the textbook for the student. Pedagogical higher education institutions, studying on the special. “Social pedagogics”. M.: Akadem. Project. 2008. 528 p.
5. Holostova E.I. Social work: theory and practice. M.: INFRA-M, 2003. 427 p.
6. Ellansky Yu.G., Maar A.Ya. Prevention of “a social orphanhood” in modern conditions//Health care of the Russian Federation. 2008. № 5. Pp. 25 - 27.

А.В. ПОЗДНЯКОВ

кандидат философских наук, доцент, кафедра логики, философии и методологии науки, Орловский государственный университет
E-mail: pozdnykovav77@mail.ru

A.V. POZDNYAKOV

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of logic, philosophy and methodology of science, Orel State University

E-mail: pozdnykovav77@mail.ru

КАНОНИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦЕРКОВНОГО ДРЕСС-КОДА

CANONICAL AND CULTURAL FOUNDATION OF THE CHURCH DRESS CODE

Данная статья посвящена важнейшему вопросу церковного дресс-кода: канонической и культурологической обоснованности запрета на ношение женщинами брюк. Цель статьи – верифицировать основания подобного запрета как с внутрицерковной позиции, исходя из соборных постановлений церкви, так и с позиции историко-культурологической – эволюции моды и костюма.

Ключевые слова: дресс-код, христианство, канон, брюки, история костюма, правила соборов церкви.

This article is devoted to the vital question of the Church's dress code: canonical and cultural validity of the ban on women wearing trousers. The article aims to verify the grounds of such a prohibition as the Church position on the conciliar decrees of the Church, and from a position of historical and cultural evolution of fashion and costume.

Keywords: dress code, Christianity, history of costume, women's pants, church canon, church councils' rules.

В данной статье мы рассмотрим один из самых актуальных вопросов церковного этикета, который, на первый взгляд, касается исключительно внутрицерковной жизни, – ношение брюк женщинами. Эта проблема дресс-кода уже давно вышла из церковных стен в нашу повседневную гражданскую жизнь.

В православных храмах очень часто можно видеть, как служители клира или простые работники (уборщицы, продавщицы и т.д.) делают замечания женщинам, пришедшим в храм в брюках или джинсах. Одни могут ограничиться простым высказыванием, что женщине в брюках в церкви находиться нежелательно. Иные, более радикально настроенные, станут убеждать, что брюки носить женщинам грешно. Также очень часто можно услышать от ревнителей церковного этикета или прочитать на православных сайтах истории о том, как тот или иной церковный авторитет обличал женщин, носящих брюки.

Например, известна реакция схимонахини Нилы (Евдокии Андреевны Новиковой) на подобное проявление современной моды. «Со скорбью говорила матушка о женщинах и девушках, которые ходят в брюках:

– Нельзя женщинам надевать мужскую одежду, а мужчинам – женскую. За это отвечать придется перед Господом. Сами не носите и других останавливайте. И знайте, женщины, носящие брюки, во время грядущей войны будут призваны в армию – и немногие живыми вернутся»¹.

¹ См. Пророчества о России. Схимонахиня Нила (Новикова) [Электронный ресурс] URL: http://www.soborjane.ru/news/progosthestva_o_rossii_skhimonakhinja_nila_novikova/2013-06-21-12 (Дата обращения: 15.04.2013).

Старец схиархимандрит Христофор говорил: «Женщины влезли в мужскую одежду, и старая и малая стали брюки носить. Все они ну, с ума посходили, это, очень плохо, очень плохо, нельзя этого делать, женщина должна быть женственной, в юбочке или платьице. Это – смертный грех, нельзя этого делать»².

Подобно обличал и старец Паисий Святогорец: «Нынешние женщины одеваются или в мини-юбки, или в брюки! Выбирают одно из двух! В то время как в Ветхом Завете об этом сказано совершенно ясно и ещё с какими подробностями! «Мужчине непозволительно одеваться в женское платье, а женщине – в мужское». Это закон. Но и помимо закона, одевать на себя одежду противоположного пола – непристойно. Мужчин, которые надевают юбки, гораздо меньше, чем женщин, которые носят брюки»³.

Не будем комментировать данные отрывки, чтобы не обижать религиозных чувств тех, кто искренне верит данным авторитетам, а просто попытаемся разобраться в вопросе, обращая взор на мировую историю религии и костюма.

В приведенном отрывке старец Паисий дает указание на Ветхий Завет. Во Второзаконии читаем: «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред

² Женщина, одеваешь мужскую одежду – грешишь пред Богом. [Электронный ресурс] URL: <http://3rm.info/26219-zhenschina-odevaesh-muzhskuyu-odezhdu-greh-pred-bogom.html> (Дата обращения: 15.04.2013).

³ Можно ли женщинам носить брюки? [Электронный ресурс] URL: <http://azbyka.ru/znakomstva/index.php?w=1024&module=news&file=dnevnik&url=mozhno-li-zhenschinam-nosit-bruki&id=58619> (Дата обращения: 15.04.2013)

Господом Богом твоим всякий делающий сие» (Втор. 22, 5). Как мы можем видеть, тут нет ни единого слова о брюках или юбках. Соответственно, тех нужных нам «подробностей», в которых пытается уверить приведенный выше отрывок, приписываемый авторами сайта старцу Паисию, в Библии не обнаружены. Напротив, в данном фрагменте библейского текста говорится об осуждении травестизма, «переодевания в одежды иного пола в видах наслаждения противоестественными формами разврата, которое практиковался у многих языческих народов древнего мира»⁴ (ср. Лев XVIII: 22–24). Однако, современные женщины, когда надевают женские брюки, руководствуются все же иными мотивами.

Какие еще аргументы способны привести противники женских брюк? Очень часто искателей ответов на данный вопрос отсылают к 62 правилу VI Вселенского Собора. На многих сайтах его преподносят в сокращенном виде: «Никакому мужу не одеваться в женскую одежду, ни жене в одежду мужу свойственную... посему тех, которые отныне, зная это, дерзнут делать что-либо из вышесказанного, если суть клирики, повелеваем извергать из священного чина, если же миряне, отлучать от общения церковного»⁵.

Однако если прочитать его полностью, сразу открывается контекст данного табу. «Так называемые календы, вата, врумалия, и народное сборище в первый день месяца марта, желаем совсем истогнуть из жития верных. Такожде и всенародная женская плясания, великий вред и пагубу наносить могущия, равно и в честь богов, ложно так Еллинами именуемых, мужеским или женским полом производимая плясания и обряды, по некоему старинному и чуждому Христианского жития обычаю совершаемые, отвергаем, и определяем: никакому мужу не одеваться в женскую одежду, ни жене в одежду мужа свойственную; не носить личин комических, или сатирических, или трагических; при давлении винограда в точилах не возглашать гнусного имени Диониса, и при вливании вина в бочки, не производить смеха, и, по невежеству, или в виде суеты, не делать того, что принадлежит к бесовской прелести. Посему тех, которые отныне, зная сие, дерзнут делать что-либо из вышесказанного. Если суть клирики, повелеваем извергать из священного чина, если же миряне, отлучать от общения церковного»⁶.

Из сего правила видно, что оно направлено даже не столько на борьбу с ношением одежды противоположного пола, сколько с двоеверием, с пережитками языческих обрядов в христианской среде, которые включали также элементы игр и переодевания. Именно так интерпретирует его известный канонист конца 19–начала 20 века епископ Никодим (Милош). Согласно ему, «этим

4 См. Толковая Библия. Симфония. Ветхий и Новый Завет. В 3 томах. М.: Харвест, 2001, С.279.

5 См. Юбка или брюки? [Электронный ресурс] URL: http://pravznam.msk.ru/article.php?article_id=165 (Дата обращения: 15.04.2013).

6 Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. – М.: Паломник, 2000, Стр. 482.

правилом дополняется 24-е правило этого собора⁷; здесь осуждаются, как неприличные для христиан, языческие празднества, игры и ряженья, оставшиеся из времен язычества. Каков был характер этих и им подобных игр, мы видели в толковании 24-го трулльского правила. Это же (62) правило присуждает к извержению священнослужителя, погрешившего против того правила, а мирянина к отлучению. Это было тем большего осуждения достойно, что сами христиане, по словам Вальсамона, усвоили многие языческие обычаи, особенно же при соревновании винограда, причем пели и некоторые церковные песни, чем, конечно, профанировали святыню»⁸.

Следующее правило, к которому отсылают противники брюк, – 13 правило Гангрского Собора.

Оно гласит следующее: «Аще некая жена, ради мнимаго подвижничества, пременит одеяние, и, вместо обыкновенныя женския одежды, облечется в мужскую: да будет под клятвою»⁹. Опять же нет никакого буквального упоминания о брюках или юбках. Зато центральным моментом данного правила является анафемствование женщин не просто облаченных в мужскую одежду, а облаченных в оное «ради мнимого подвижничества». Что же подразумевается под этим мнимым подвижничеством? Чтобы это понять, следует обратиться к истории проведения данного собора.

Гангрский собор – поместный церковный собор, который состоялся в IV веке в городе Гангре (в Малой Азии), по поводу распространившегося манихейского учения севастийского (в Армении) епископа Евстафия. Последователи Евстафия отрицали брак, презирали женатых (в особенности священников) и проповедовали крайний аскетизм. Они считали, что только в безбрачии возможно достичь спасения души. На практике это приводило к распаду семей, к отказу принимать участие в богослужебных собраниях, проходивших в домах женатых христиан или под руководством женатых пресвитеров. Помимо этого последовательницы отвергали свою женскую природу (как особо греховную) и демонстрировали это подражанием мужчинам: ношением мужской одежды и подстриганием волос. Подобная вульгаризация церковного учения и аскетики стала причиной созыва Гангрского собора¹⁰.

Как мы можем видеть, осуждению собора подпадают не все носящие мужскую одежду женщины, а именно те, кто разделял заблуждения Евстафия. То, что собор имеет именно такой подход к проблеме, подтверждает предыдущее, 12 правило, в котором Гангрский собор

7 Никому из числящихся в священном чине, ни монаху, не позволяется ходить на конские ристалища, или присутствовать на позорищных играх. И аще кто из клира зван будет на брак: то при появлении игр, служащих к обольщению, да востанет, и тотчас да удастся: ибо так повелевает нам учение отец наших. Аще же кто обличен будет в сем: или да престанет, или да будет извержен.

8 Правила православной церкви с толкованиями Никодима, еп. Долматинско-Истрийского в 2-х тт. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1996. С.550.

9 Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2000. С.120

10 Более подробно см. Михайло П.Б. Гангрский собор// Православная энциклопедия т. 10. М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная энциклопедия». С. 402-405.

осуждает стремление евстафиан ходить в рубище. В своде правил читаем следующее: «Аще кто из мужей, ради мнимаго подвижничества, употребляет супорную верхнюю одежду, и, аки бы от сего получая праведность, осуждает тех, которые с благоговением носят шелковыя одеяния, и употребляют общую и обыкновением принятую одежду: да будет под клятвою»¹¹. И опять мы видим, что церковь осудила не просто крайний аскетизм как таковой (из истории церкви мы знаем святых, которые вели подобную аскезу и были канонизированы), а вульгаризацию подвига нестяжания и искажение смысла подвижничества.

В свою очередь византийский канонист Феодор Вальсамон дает внятный комментарий к 13 правилу, который снимает все сомнения: «Правило предает анафеме тех жен, которые, может быть, ради подвижничества облекаются в мужскуя одежды и бросают одежду свойственную женской природе. Хорошо отцы присовокупили: «ради мнимого подвижничества»; ибо сделавшая что-нибудь подобное не по лицемерию и обману, но по истине и по образу истинного и чистого подвижничества, не только не должна подлежать анафеме, но и должна быть признана достойною похвалы. Ибо многие жены совершили подвижническое поприще в мужском одеянии и достигли высоты спасения, как святая Мелания, святая Евгения и другия»¹².

Агиографическая литература оставила нам немало примеров, когда женщина несла духовный подвиг, облекаясь в мужскую одежду. В “мужском образе” подвизались, например, преподобные Матрона Константинопольская (день памяти 22 ноября по нов. ст.), Анастасия Патрикия (23 мар.), Евгения Римская (6 ян.), Анна Вифинская (26 июня, 12 ноября), Евфросиния Александрийская (28 февр.) и др. Старец Досифей, благословивший преп. Серафима Саровского на иноческий подвиг и давший ему заповедь о непрестанном творении Иисусовой молитвы, был в действительности женщиной, в миру Дарьей Тяпкиной из дворянского рода Рязанской губернии. Но более известным случаем является подвиг юродства блаженной Ксении Петербургской, которая называлась именем своего умершего мужа и носила полковничий мундир.

Однако не всегда женщины облекались в мужское одеяние ради аскетизма. В истории были представительницы прекрасной половины, которые несли подвиг, служа не церкви, а Родине с оружием в руках. Известна подобным служением «кавалерист-девица» Дурова Надежда, которая под мужским обличием несла службу в уланском полку, участвуя во многих значимых для России сражениях первой четверти 19 века, в том числе и в Бородинском. В одно время с Надеждой Дуровой под именем своего убитого брата служила в русской армии Александра Тихомирова. За 15 лет несения службы она прошла обер-офицерские чины. А ее тайна открылась только после ее гибели в битве при Эйлау. Подобная

судьба была и у женщины из Пруссии Луизы Графемус-Кессених, воевавшей также против наполеоновских войск. Истории известны 22 немецкие женщины, героини войны 1813-1815 годов, которые, скрыв свой пол и надев военный мундир, отстаивали независимость своей родины. Это и Элеонора Прохазка, и София Доротея Крюгер, и Катарина Штеген и др. Однако массово надевать мужскую одежду и уже не скрывая своего истинного пола, женщины стали в Перову мировую войну, которая заставила многих женщин выйти на производство для замены ушедших на фронт мужчин. Выполняя свой гражданский долг, эти женщины в целях комфорта и безопасности труда первыми стали надевать брюки в качестве рабочей одежды¹³. Первая мировая война превратила сей элемент мужского гардероба в унисекс. Именно это обстоятельство дало толчок для появления женских брюк в истории. Однако, посмотрим на мотивацию, способствовавшую женщинам надеть мужские брюки, насколько корректно критиковать ее постановлением собора 4 века? Некорректным будет ее применение и к современным женщинам, носящим повседневно брюки в качестве модного фасона, ибо они руководствуются явно не культово-религиозными побуждениями в угоду Дионису или каким-либо иным богам и не ради отвержения своей женской сущности.

Как мы можем видеть из вышеприведенных цитат, никакое умозаключение о греховности ношения брюк женщинами вытекать не может. О брюках ничего не говорят ни Ветхий завет, ни канонические правила. Может просто в те времена все прекрасно знали, о какой форме одежды идет речь и поэтому не было нужды в пояснении?

Обращая взор к истории костюма, мы найдем очень примечательный факт – брюки возникли в конце 18 века и вошли в европейскую моду после французской революции. Поэтому в эпоху вселенских соборов о брюках просто не могли знать. Но как и любая модель одежды, брюки прошли сложную эволюцию. Специалисты их возводят к разным прототипам. Однако в истории костюма того или иного народа всегда существовали и мужские, и женские прототипы штанов или брюк. Исследователи предполагают, что европейские народы штаны переняли от скифов, кочевавших в причерноморских степях за сотни лет до нашей эры. Возможно, германцы и галлы, которые были наездниками (считается, что именно верховая езда сподвигла на создание штанов), стали первыми преемниками данной одежды. Через варваров о штанах узнали римляне¹⁴. С точки зрения последних, мужчина в штанах выглядел недостойно. Человека в штанах называли «bracatus». В переносном смысле на латыни это слово означало, с одной стороны, иноземца, а с другой – изнеженного человека. Интересен тот факт, что льняным штанам длиной до колен, которые носили легионеры, в латинском языке соответствовало пренебрежительное название *feminalia*.

11 Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2000. С.119.

12 Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2000. С.120-121.

13 Hermans Sarah. Fashion, Costume and Culture. USA Thomson Gale, IV. Pp. 806-807.

14 Блейз А. История в костюмах. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С.36.

Этимологически данное слово восходит к *femina* – «женщина», что указывало на признак изнеженности того, кто носил подобную одежду.

В свою очередь правительство империи пресекало любые попытки цивилизованного мужчины освоить варварское одеяние. В 397 г. император Гонорий официально запретил римским гражданам одеваться подобно варварам, в том числе носить штаны. Провинившиеся строго наказывались¹⁵. Однако эти меры не повлияли на развитие моды, и с развалом империи штаны стали достоянием многих поколений европейцев. Как мы можем видеть, в истории наблюдается негативное отношение не только к женским брюкам, но и к мужским. И это не была чисто церковно-религиозная проблема, скорее межкультурная, основывающаяся на негативных этнических стереотипах.

На Руси подобной проблемы не существовало ни до ни после принятия христианства. Как можно догадаться, славяне сами были варварами и в своей традиции уже имели подобную мужскую одежду, которая называлась «порты». В силу того, что боевыми походами занимались в основном мужчины, штаны как верхняя одежда на долгое время стали мужским элементом гардероба как в Европе, так и на Руси. Именно это обстоятельство создало все нужные условия для формирования фанатичного отвержения возможности носить брюки женщинами в 20 веке.

Однако в мировой истории костюма можно встретить и женские варианты штанов. Так на Востоке штаны традиционно носились как мужчинами, так и женщинами. При этом женские штаны выполняли функции нижнего белья, так как появлялись на людях без шаровар под юбкой считалось неприличным. В Европе в новое время подобную функцию для женщин выполняли панталоны.

В Древнем Китае, как и в Риме, штаны также считались варварской одеждой. Поэтому, когда в IV в. до н. э. правитель царства Чжао Улин-ван ввел в своей армии ношение штанов, заимствованных от северных соседей, это означало поистине революционные изменения в традиционном костюме. Вскоре штаны получили всеобщее употребление и стали основой одежды как мужчин, так и женщин¹⁶. В средневековой Японии широкие штаны – хакама – также были деталью и мужского, и женского костюма, но только представителей высшей аристократии¹⁷.

Мало кто знает, кроме специалистов, что в истории мировой культуры в разных странах юбка первоначально была мужской частью одежды и являлась предшественницей брюк¹⁸, а женские платья сосуществовали наравне с мужскими. Можно привести достаточно примеров. Так, персы в эпоху расцвета их государства

15 Caroline Vout, «The Myth of the Toga: Understanding the History of Roman Dress,» *Greece & Rome* 43.2 (1996). Pp. 213.

16 Каминская Н.М. История костюма. М.: Легкая индустрия, 1977. С. 27.

17 Hermsen Sarah. *Fashion, Costume and Culture*. USA Thomson Gale, II. Pp.219-220.

18 Людмила Киболова, Ольга Гербенова, Милена Ламарова. Иллюстрированная энциклопедия моды. – «Артия» Чехословакия, Прага, 1987. С. 821.

носили костюм двух типов: персидско-иранского, состоящего из рубахи, штанов-ноговиц (греки называли их анаксариды), кафана и плаща, и так называемого сузианского (или мидийского), состоящего из драпированной юбки и круглой накидки, заложенной складками и заткнутой за пояс¹⁹. Мужские юбки встречаются и у шумеров²⁰, а так называемая рубашка ассирийцев канди по крою напоминает больше платье, чем рубаху в современном смысле слова²¹. На долгое время про юбку в Европе забыли, отдавая предпочтение штанам. Тем не менее, в истории была попытка вернуть мужской гардероб к юбке. Так, во второй половине 17 века в Европе в моду начинают входить штаны-юбка «ренгравы», которая одевалась поверх брюк-шосс. Однако это мода просуществовала чуть более 50 лет. Сегодня мужские юбки, пожалуй, можно встретить в национальном костюме некоторых народов Балкан (фустанелла) и шотландцев (килт).

При этом исследователи отмечают другой интересный факт: в женском гардеробе европейских модниц юбка как нижняя часть костюма, отделенная от лифа, появляется только в 16 веке²². А в русских деревнях юбка появляется значительно позже, когда замещает собой в 19 веке традиционные сарафаны²³.

Интересно также то, что в ряде случаев между мужской и женской одеждой в древнюю эпоху не было существенной разницы. Так, древнегреческий женский хитон мало чем отличался от мужского²⁴. А гиматий – верхняя одежда эллинистического мира – имел общее в пошиве как для женщин, так и для мужчин и отличался лишь размером и декоративным решением. Стоит заметить, что именно в таком одеянии изображен Христос на иконах, а не в брюках или штанах. Схожесть женской одежды с мужской наблюдается и в шумеро-аккадской культуре, и в римской²⁵. Подобное тождество отмечается исследователями и в древнерусском костюме. Например, ферязь, долгое платье с длинными рукавами, носилась как мужчинами, так и женщинами. Во всех случаях разница заключалась в орнаменте и декоративном решении, женская одежда всегда выглядела наряднее.

Но женщины из мужского гардероба переняли не только юбку и брюки. Каблук, чулки и колготки были изначально элементами только мужского костюма. Тем не менее, сегодня никому не приходит в голову упрекать женщин за то, что они носят мужскую одежду. В исто-

19 Ермолова В.В., Ермилова Д.Ю. Моделирование и художественное оформление одежды. М.: Мастерство, 2001. С. 14.

20 Мерцалова М. Н. Костюм разных времён и народов. Том 1. М.: Академия моды, 1993. С.35.

21 Там же, 41.

22 Мерцалова М. Н. Костюм разных времён и народов. Том 1. М.: Академия моды, 1993. С. 194.

23 Сосина Н., Шангина И. Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб: Искусство, 2006, С. 13-14, С. 243.

24 См. Каминская Н.М. История костюма. М.: Легкая индустрия, 1977. С.15.

25 См. Андреева Р.П. Энциклопедия моды. СПб: Литера, 1997. С.17.

рии костюма мы можем видеть некое бинарное соответствие предметов гардероба. Мужская рубаха – женская блуза. Платье мужское – платье женское. Юбка мужская – юбка женская. Шуба, шляпа, куртка, перчатки и другие вещи могут быть одновременно формой как мужского, так и женского фасона. Но только брюки почему-то становятся в сознании церковных фанатиков предметом спора. Никто не будет сомневаться в том, что изначально классические брюки оформились именно как мужская одежда. Но разве это обстоятельство мешает шить женские брюки? На их запрет не существует каких-либо обоснованных канонических причин. Современные женские брюки и джинсы пошиты и скроены именно для женщин, а не для мужчин. И вряд ли этот фасон примет на себя любой здравомыслящий мужчина.

Существующая проблема дресс-кода в церкви в отношении женских брюк является ярким показателем того, как культурные стереотипы способны приобретать в сознании верующих статус, равный канонам, и замещать собой куда более значимые вопросы нравственно-духовной жизни. Внешнее исполнение церковных правил, склонность к фарисейству стали для многих современных «воцерковленных» людей, к сожалению, центральным звеном в построении своего псевдо-религиозного опыта. Мы не будем в данной статье рассматривать вопрос о причинах формирования и распространения столь негативной псевдо-духовной позиции, а разовьем его более подробно в следующих наших публикациях.

Библиографический список

1. *Caroline Vout* “The Myth of the Toga: Understanding the History of Roman Dress,” *Greece & Rome* 43.2 (1996).
2. *Hermsen Sarah* *Fashion, Costume and Culture*. USA Thomson Gale.
3. *Андреева Р.П.* Энциклопедия моды. СПб: Литера, 1997.
4. *Блейз А.* История в костюмах. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002, с.36.
5. *Ермолова В.В., Ермилова Д.Ю.* Моделирование и художественное оформление одежды. М.: Мастерство, 2001.
6. *Каминская Н.М.* История костюма. М.: Легкая индустрия, 1977.
7. *Киболова Л., Гербенова О., Ламарова М.* Иллюстрированная энциклопедия моды. “Артия” Чехословакия, Прага, 1987.
8. *Мерцалова М. Н.* Костюм разных времён и народов. Том 1. М.: Академия моды, 1993.
9. *Михайло П.Б.* Гангский собор// Православная энциклопедия т. 10. М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная энциклопедия».
10. Правила православной церкви с толкованиями Никодима, еп. Долматинско-Истрийского в 2-х тт. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1996.
11. Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2000.
12. Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2000.
13. *Сосина Н., Шангина И.* Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб: Искусство, 2006.

References

1. *Caroline Vout* “The Myth of the Toga: Understanding the History of Roman Dress,” *Greece & Rome* 43.2 (1996).
2. *Hermsen Sarah* *Fashion, Costume and Culture*. USA Thomson Gale.
3. *Andreeva R.P.* Encyclopedia of fashion. St. Petersburg: Litera, 1997.
4. *Blaise A.* History in suits. M.: OLMA-PRESS, 2002, p.36.
5. *Yermolov V.V., Ermilova D.Yu.* Modeling and decoration of clothes. M.: Masterstvo, 2001.
6. *Kaminskaya N.M.* History of Costume. M.: Light Industry, 1977.
7. *Kibalova L., Gerbenova O., Lamarova M.* Illustrated Encyclopedia of fashion. “Artiya” Czechoslovakia, Prague, 1987.
8. *Mertsalova M.N.* Suit of different times and peoples. Volume 1. M.: Fashion Academy, 1993.
9. *Mikhailo P.B.* Synod of Gangra // Orthodox Encyclopedia. Vol. 10 M.: Church Research Center ROC “Orthodox Encyclopedia”.
10. The rules of the Orthodox Church with the interpretations of Nicodemus, Bishop. Dolmatinsko-Istrian in 2 volumes. Edition of the Holy Trinity Sergius Lavra, 1996.
11. Rules of the Holy Ecumenical Councils of interpretation. M.: Palmer, 2000.
12. Rules of the Holy Local Councils of interpretation. M.: Palmer, 2000.
13. *Sosina H., Shangina I.* Russian traditional costume. Illustrated Encyclopedia. St. Petersburg: Iskusstvo, 2006.

С.Г. САВИЦКИЙ

магистр религиоведения, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: sgs.ru@mail.ru

S.G. SAVITSKIY

Master of religious studies, St.-Petersburg State University
E-mail: sgs.ru@mail.ru

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ РУСИ НА СОДЕРЖАНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА

THE INFLUENCE OF RUSSIA RELIGIOUS LIFE ON CONTENT OF THE OLDEST SLAVIC MONUMENT OF CANON LAW

Религиозная жизнь, которой жили славяне до Крещения Руси, неизбежно должна была повлиять на содержание первых источников канонического права. Это влияние возникало уже при переводе канонических текстов с греческого языка на славянский. При переводе их содержание неизбежно менялось, поскольку переводчики передавали его при помощи понятий из другой культуры.

Ключевые слова: религиозная жизнь, номоканон, перевод, источники, каноническое право.

Religious life, which Slavs had lived before the Baptism of Russia, had to influence the content of the oldest Slavic monument of Canon Law. This effect has already occurred in the translation of canonical texts from Greek into Slavic. While translating their contents changed since translators expressed it using concepts from another culture.

Keywords: religious life, canonical texts, translation, sources, canon law.

Религиозная жизнь общества, в которое привносятся извне нормы канонического права, должна постепенно трансформироваться под действием этих норм. Однако и нормы права, привнесенные извне, для того, чтобы не стать «мертвыми», то есть непринятыми или отторгнутыми обществом, неисполнимыми и ненужными никому, должны изменяться под его воздействием. Так возникает синергетическая связь двух живых, непрерывно развивающихся систем: общества и церкви или, если несколько сузить поле зрения, – религиозной жизни общества и канонического права.

Возникновение этой связи совсем не случайно. Дело в том, что православие очень гармонично сочеталось с менталитетом русского народа. Причем это соответствие на момент Крещения Руси уже существовало. Историк и писатель Р. Масси так описал соотношение исконно-русского менталитета и православия: «Повидимому, христианство в его идеальном выражении особенно созвучно русскому характеру. Русские – чрезвычайно набожный, жалостливый и смиренный народ, отдающий вере преимущество над разумом, и убежденный, что жизнью руководят высшие силы... Случаются несчастья, и русские примеряются с ними, издаются законы, и русские им подчиняются. И эта покорность совсем не тупая, а скорее, проистекающая из сознания неизбежности хода жизни. Русские склонны к созерцанию, мистике, мечтательности. Из своих наблюдений и размышлений они вывели такое понимание страдания и смерти, которое придает жизни смысл, близкий по содержанию к учению Христа» [3, с. 92].

Необходимо подчеркнуть колоссальную роль, ко-

торую Православная Церковь сыграла в жизни общества нашей страны. Как справедливо заметил М.Н. Свистунов, «Особенность развития российской цивилизации, как и многих других, состояла в том, что ее формирование и становление развития происходило в определенной духовно-ценностной религиозной форме – а именно под мощным влиянием Православия и Русской Православной Церкви (РПЦ). Русская Православная Церковь как субъект исторического процесса проявила способность преображать общественное бытие на основах христианства и определять тем самым все сферы культуры народа и образ жизни людей»[5, с. 3].

Влияние Православной Церкви на русское общество происходило одновременно и неразрывно с влиянием русского общества на Православную Церковь, на ее каноны. Влияние общества на Церковь и есть тот процесс, который сделал эту церковь Русской. И речь здесь идет не только и не столько о том, как Русская Православная Церковь обрела юридическую самостоятельность от Византии. Эта самостоятельность может рассматриваться как результат длительного процесса изменения урегулированных каноническим правом общественных отношений, причем процесса, в ходе которого менялись обе составляющие системы: и общественные отношения под влиянием права, и право – под влиянием общественных отношений.

Русское общество в период, который ознаменовало собой Крещение Руси, получило от Православной Церкви первоначальный импульс, под влиянием которого это общество трансформирует свою религиозную жизнь. И в то же время, трансформируемая религиозная

жизнь неизбежно отражается в церковных канонах – это отражение, вначале закрепляющееся как церковный обычай, со временем закрепляется в канонах и меняет их, то есть обычай канонизируется, становится частью писаного церковного права. Необходимо сразу же уточнить, что «канон – это изложение определенной нормы церковной жизни и практики, установленной по определенному вопросу»[1, с. 315].

Но начало процесса влияния славянской культуры, конечно, включающей в себя и религиозную жизнь народа, на привносимое из Византии каноническое право видится не в этом. Канонизация церковных обычаев – длительный процесс, для него необходимо, чтобы церковный обычай сформировался и так органично вписался в религиозную жизнь, чтобы его канонизация стала уже наущной необходимостью. Именно по этой причине самым первым шагом – первым моментом отражения религиозной жизни Руси в памятниках канонического права – следует считать использование на Руси Кормчей книги – Номоканона 50 титулов, причем использование не в подлиннике, а в славянском переводе.

А.С. Павлов приводит в своей монографии, посвященной первоначальному славяно-русскому номоканону, множество фактов, свидетельств, ссылок на документы, которые позволяют одновременно существовать двум версиям. Согласно первой, перевод Номоканона 50-ти титулов на славянский язык был привезен из Болгарии, которая была крещена раньше Руси. Согласно второй – есть основания считать, что в ходу были также переводы Кормчей, сделанные на Руси, а не в Болгарии – в самый первый период после крещения Руси[4, с. 3-15]. Здесь могло сыграть свою роль то свойство рукописных книг, что они совсем не обязательно копии друг друга, даже если у них одинаковое заглавие.

Как справедливо отметил Р.М. Цейтлин, «Каждый древний письменный источник – бесценный кладезь истории и культуры не только данного народа, но и всего человечества» [7, с. 3]. Это замечание представляется особенно точным в отношении древних переводных текстов, которые стали своего рода «точками сращивания» культур – в данном случае греко-византийской и древнеславянской.

Очень важно, что древнегреческий язык и древнегреческая письменность в период, когда на древнегреческом языке составлялись сборники норм канонического права, были уже полностью сформировавшимися, устоявшимися, проверенными временем. Современными исследователями IV век считается последним веком существования древнегреческого языка (греческого языка античного периода), как живого, используемого для общения и создания новых оригинальных текстов [6, с.5].

В то же время, древнеславянская письменность, древнеславянский литературный язык, как утверждает в своей монографии Р.М. Цейтлин, в X и даже в XI веках все еще переживали период своего становления[7, с. 10]. При этом «Самые древние рукописи на древнерусском языке, дошедшие до нас, датируются XI веком» [7, с. 11].

Формирование письменности, литературного языка на огромных, по меркам средневековья, территориях, заселенных славянами, но имевших крайне малую плотность населения, происходило путем их развития в отдельных, отстоящих друг от друга на значительные расстояния и потому недостаточно сообщавшихся друг с другом культурных центрах.

В период, когда создавались славянские переводы Номоканона 50-ти титулов, болгарские и древнерусские культурные центры могли иметь одинаково важное значение, а язык, которым пользовались в Болгарии, далеко не так сильно отличался от древнерусского, как современный болгарский от современного русского языка.

Как пишет Р.М. Цейтлин, древнеболгарский язык в X-XI вв. активно развивался и справедливо считается исследователями первым в истории письменно-литературным языком славян[7, с. 12]. Древнеболгарский язык в филологической литературе обычно называется старославянским[8, с. 33]. Этот язык оказал очень большое влияние на процесс формирования остальных славянских письменно-литературных языков. Рукописи и надписи на старославянском (древнеболгарском) языке представляют из себя древнейшую письменную фиксацию славянской речи [7, с. 12].

В филологической литературе стало традиционным мнение о том, что в древнеславянском и древнерусском языках, в начальный период формирования письменности, существовал особый, сугубо книжный, чрезвычайно далекий от живого словоупотребления, язык богослужебных книг.

Оценивая содержание переводов, выполненных на старославянский и древнерусский языки в этот период, следует учитывать, что старославянский язык, древнерусский язык и так называемые церковнославянские изводы, наряду с собственно книжной лексикой и терминологией, основываются на славянской лексике повседневного употребления. Эта лексика имеет общеславянское происхождение, но связана с определенными семантическими сдвигами по частным ареалам (наметившимся еще в дописьменную эпоху) [7, с. 13].

Названные «сдвиги» – очень значимый фактор, который существенно влиял на интересующие нас переводы: дело в том, что «извод» в старославянском и древнерусском языках – это не просто особенности письма в определенном культурном центре в определенный период времени, а «определенная языковая система со своими нормами на всех уровнях» [7, с. 14].

Вообще слова, использовавшиеся при переводе древнегреческих канонических текстов на старославянский и древнерусский языки, выглядят схожими, особенно по своему звучанию. Однако условия, которые должны соблюдаться при употреблении определенного слова, словообразовательные, парадигматические и синтагматические связи этого слова, его стилистические свойства, при перемещении от извода к изводу, даже созданные почти в одно время, весьма подвижны. Таким образом, одинаковые по звучанию или написанию слова, использовавшиеся переводчиками

Номоканона 50-ти титулов, принадлежащими к разным изводам, могли иметь очень отличающиеся значения.

При переводах канонических текстов на старославянский и на древнерусский языки были неизбежны изменения смысла и (или) контекста сказанного, поскольку языки Болгарии и Руси сформировались до Крещения и без существенного влияния Византии.

Доказать это на примерах из самого Номоканона 50-ти титулов в первоначальной редакции переводов не представляется возможным, поскольку эти редакции до нашего времени не дошли [2, с. 54]. О самом существовании их мы можем судить только по свидетельствам очевидцев, видевших списки с них, и по косвенным признакам, указывающим на то, что наличие этих переводов было необходимо в первое столетие после Крещения Руси, в период становления института Православной Церкви на Руси [4, с. 5-27].

Однако в нашем распоряжении имеются другие примеры, которые связаны с переводом с древнегреческого на старославянский и древнерусский языки церковных текстов, имевших очень большое значение, но не содержавших в себе норм канонического права. Эти примеры наглядно показывают, насколько значительным изменениям мог подвергаться текст номоканона при таком переводе, причем позволяют проанализировать причины этих изменений и их значение.

Одним из примеров, которым можно проиллюстрировать выдвинутый тезис, может быть использование древнеболгарским переводчиком при переводе с древнегреческого на старославянский язык праславянского слова *тризна*.

Многие исследователи, стремясь истолковать содержание перевода Слова Иоанна Златоуста, связывали использование слова *тризна* с незафиксированным прилагательным *тризъ* и понятием «гризна», которое было широко распространено в старославянском и древнерусском языках и использовалось для обозначения одного из элементов языческого погребального обряда, а позднее – уже в религиозной жизни православных христиан, для обозначения элемента церковного обряда похорон или поминовения усопшего. Но это понимание значения слова *тризна*, использованного древним переводчиком, никак не вписывается в содержание Слова Иоанна Златоуста, там речь идет совсем о другом. Как выяснил в ходе своего исследования Р.М. Цейтлин, греческое соответствие данного слова, использованного древним переводчиком, – *έπαθλον*, что позволяет понимать его значение так: «большое вознаграждение, награда», при этом в сопоставлении древнегреческих слов *έπαθλον* – *άθλον* необходимо принять во внимание значение приставки *έπι*, которая означает «прибавление, избыток». В этом случае *тризна* в контексте, в котором использовал ее древний переводчик, может пониматься как «тройное (т.е. большое) вознаграждение» [7, с. 20]. Очень велика вероятность того, что слово *тризна*, использованное древним переводчиком, было производным от числительного *три*. Есть основания полагать, что *тризна* здесь восходит к праславянскому *trizna*, которое имело

значение «нечто тройное, тройственное» [7, с. 20], это значение было сакральным, оно связано с древнейшей символикой числа *три* и еще раз указывает на то, что здесь на перевод древнегреческого текста повлияла дохристианская религиозная жизнь славянских народов.

Правовые нормы, которыми в тот момент руководствовалось русское общество, были очень далеки и от норм канонического права Православной церкви, и от норм римского права, которые органически связаны с ними. Славянский язык, как часть славянской культуры, оперировал в тот момент понятиями, не существовавшими в Византии, как и греческий язык, на котором был составлен Номоканон, использовал понятия, которые не могли быть адекватно переданы на славянском языке, поскольку соответствующие им явления отсутствовали в культуре славян того времени.

О значительном расхождении культуры и, в целом, образа жизни славян и греков в X веке свидетельствует, например, то, что Князь Владимир, «согласно летописям, после крещения совершенно меняет и личный образ жизни, и свою внутреннюю политику» [5, с. 167].

Таким образом, имеются достаточные основания полагать, что перевод, сделанный в Болгарии, и, тем более, переводы, сделанные на Руси, в любом случае содержали места, которые лишь приблизительно передавали содержание переводимого текста. В таких случаях переводчики стремятся найти в культуре народа, на язык которого переводится текст, аналогии явлениям культуры народа, с языка которого делается перевод.

Оперируя этими аналогиями, переводчик неизбежно добавляет и свои, новые смыслы, пусть в небольшой степени, но все-таки изменения смыслов первоначального, переводимого текста. Делая это, переводчик в некоторой степени адаптирует текст к культуре народа, на язык которого переводится текст. С этого момента уже можно говорить о влиянии этой культуры, о возникновении некоторого, пусть даже малозаметного, но уже существующего отражения жизни этого народа в создаваемом в результате перевода тексте.

В случае с переводом норм церковного права, описывающих не только должное поведение верующих, но и должный порядок богослужения, аналогии можно было найти, скорее всего, среди понятий, описывающих ритуалы поклонения славян языческим богам, что, собственно, и составляло их религиозную жизнь до крещения.

Так, религиозная жизнь Руси начала отражаться в памятниках канонического права, к числу которых, несомненно, относится и не дошедший до нас в первоначальном виде Номоканон 50-ти титулов, о содержании первых старославянских и древнерусских переводов которого мы судим только по косвенным свидетельствам.

Библиографический список

1. *Бердников И.* Канон по его церковно-юридическому смыслу и по фактическому составу // Православная Богословская энциклопедия. Под ред. Н.Н. Глубоковского. СПб., 1907. Т. VIII.
2. *Кнутов Алексей, иерей.* Юридический анализ структуры номоканона XIV титулов в контексте систематизации Церковного права Византии. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. богословия. М., 2012 г.
3. *Massey R.* Peter the Great. Vol. 1. Smolensk: Rusich, 1992.
4. *Pavlov A.* Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань: В Университетской типографии, 1869.
5. *Свищунов М.Н.* Российская цивилизация и православие: диалектика их взаимоотношений и перспективы развития: дисс. на соиск. уч. ст. докт. философ. н.: 09.00.11 Москва, 2005.
6. *Славягинская М.Н.* Учебник древнегреческого языка: Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.: Филоматис, 2003.
7. *Цейтлин Р.М.* Сравнительная лексикология славянских языков X/XI-XIV/XV вв. Проблемы и методы. М.: Наука, 1996.
8. *Цейтлин Р.М.* О содержании термина «старославянский язык» // Вопросы языкознания, 1987, № 4. С. 31-35.

References

1. *Berdnikov I.* Canon in his church-legal sense and the actual composition // Orthodox Theological Encyclopedia. Ed. N.N. Glubokovski. St. Petersburg. 1907. Vol. VIII.
 2. Knutov Alex, Fr. Legal analysis of the structure Nomocanon XIV titles in the context of the systematization of Canon Law Byzantium. Dissertation for the degree of Candidate of Theology. M., 2012
 3. *Massey R.* Peter the Great. Vol. 1. Smolensk: Rusich, 1992.
 4. *Pavlov A.* original Slavic-Russian Nomocanon. Kazan University Publishing in 1869.
 5. *Whistlers M.N.* Russian civilization and Orthodoxy: the dialectic of their relations and development prospects: the dissertation ... The doctor of philosophical sciences: 09.00.11 Moscow, 2005.
 6. *Slavyatinskaya M.N.* Greek language textbook: Univ. 2nd, revised and enlarged. M.: Filomatis 2003.
 7. *Zeitlin R.M.* Comparative lexicology Slavic languages X / XI-XIV / XV century. Problems and Methods. Moscow: Nauka, 1996.
 8. *Zeitlin R.M.* The content of the term “Old Slavonic language” // Problems of Linguistics, 1987, № 4. Pp. 31-35.
-
-

Ж.А. ЦУКАНОВА

магистр, философский факультет, Орловский государственный университет

Z.A. TSUKANOVA

Master, Philosophy Faculty, Orel State University

ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ЭТИКИ ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

NATURE AND ESSENCE OF BUSINESS ETHICS

В статье предпринимается попытка раскрыть природу и сущность деловых отношений; рассматриваются основные принципы этики деловых отношений.

Ключевые слова: этика, деловая этика, деловые отношения, профессиональная этика, персонал, деловые отношения, организация, руководитель.

The attempt to reveal the nature and essence of the business relationship is made; the basic principles of business ethics are regarded.

Keywords: ethics, business ethics, business relationships, professional ethics, personnel, business relationship, organization, leader.

Под этикой в широком смысле понимается система универсальных и специфических нравственных требований и норм поведения, реализуемых в процессе общественной жизни. [2:5] Соответственно, этика деловых отношений представляет собой одну из сфер общественной жизни.

Этике деловых отношений уделяется в последнее время все большее внимание. Об этом свидетельствует увеличение объема обучающих программ в системе вузовской и послевузовской подготовки по соответствующим дисциплинам (например, «этика и деловой этикет», «этика бизнеса», «этика и этикет деловых отношений» и др.).

Работодатели уделяют все большее внимание вопросам этики деловых и личностных взаимоотношений при отборе персонала и его приеме на работу, а также в процессе непосредственного выполнения сотрудниками своей профессиональной роли. При этом необходимо подчеркнуть, что понятие «профессиональная роль» включает в себя не только способности к выполнению должностных обязанностей, но и навыки взаимоотношений с внешним окружением (коллегами, руководством, подчиненными, клиентами, партнерами и др.) в процессе реализации зафиксированных для конкретной должности профессиональных задач или функций. Соблюдение этики деловых отношений является одним из главных критериев оценки профессионализма как отдельного сотрудника, так и организации в целом.

Выполнение сотрудниками какой-либо организации норм и правил этики деловых отношений становится ее «визитной карточкой» и определяет во многих случаях тот факт, будет ли внешний партнер или клиент иметь дело с данной организацией в дальнейшем и насколько эффективно будут строиться их взаимоотношения.

Использование норм и правил этики деловых отно-

шений воспринимается окружающими благожелательно в любом случае.

Следует подчеркнуть, что этика включает в себя систему универсальных и специфических (например, для какой-либо профессиональной деятельности) нравственных требований и норм поведения, т.е. этика деловых отношений основывается на общих правилах поведения, выработанных людьми в процессе совместной жизнедеятельности. Естественно, что многие нормы взаимоотношений в деловой обстановке справедливы для повседневной жизни, и наоборот, практически все правила межличностных взаимоотношений находят свое отражение в служебной этике.

Вряд ли можно считать правильным такое положение, когда один и тот же человек ведет себя принципиально по-разному в деловой и домашней обстановке. Корректным во взаимоотношениях, внимательным и вежливым с людьми надо быть всегда и везде. Сказанное не исключает, например, определенную твердость и организаторские навыки во взаимоотношениях с близкими, равно как и чуткое отношение к личным проблемам коллег по работе.

Известна древняя мудрость: «относись к другому так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе». Дальнейшее описание норм и правил этики деловых отношений раскрывает сущность приведенного высказывания, т. е. другими словами, отвечает на вопрос: какого отношения к себе мы хотим?

Вряд ли подвергается сомнению тот факт, что отношение окружающих к конкретному человеку (и наоборот) в процессе профессиональной деятельности является продолжением отношений, складывающихся в общественной жизни в целом. Желательные проявления отношения других к себе в повседневной жизни мы естественным образом переносим и в сферу деловых

отношений. Соответственно, окружающие люди ждут от нас знания правил поведения и умения воплощать их на практике.

Взаимосвязь этики в широком смысле и деловой этики можно проследить на логической последовательности отдельных проблем восприятия людьми друг друга. Благоприятная основа для знакомства, для дальнейших взаимоотношений во многом формируется в первые моменты встречи. Существенную роль при этом играет внешний облик человека, его соответствие ситуации, что демонстрирует уважительное отношение к другому. Немаловажную роль играет в данном случае такая кажущаяся мелочью деталь, как этика приветствия, рукопожатия и представления человека человеку. Эти начальные нюансы взаимоотношений важны как в повседневной, так и в деловой жизни.

Для установления приятных и полезных деловых взаимоотношений необходимо уметь заинтересовать человека своими четкими и в то же время образными высказываниями, вниманием к сущности вопроса. Достижение результата беседы, причем в уважительной форме, является важным условием как в бытовой, так и в деловой обстановке.

Проведение любых бесед подводит к необходимости высказывания в адрес своих собеседников критических замечаний или суждений, поскольку нас не всегда устраивают поступки и высказывания нашего окружения. Общая и деловая этика критических замечаний в чей-либо адрес содержит сходные правила, которые, в свою очередь, основываются на главных нормах этических взаимоотношений.

Итак, практически все направления деловой этики имеют правила, применимые этикой поведения в широком смысле. Кроме того, все без исключения направления деловой этики базируются на основополагающих нормах этики. К ним можно отнести уважение чувства собственного достоинства и личного статуса другого человека, понимание интересов и мотивов поведения окружающих, социальную ответственность за их психологическую защищенность и т. п.

Принципы этики деловых отношений – обобщенное выражение нравственных требований, выработанных в моральном сознании общества, которые указывают на необходимое поведение участников деловых отношений. [2:8]

По мнению многих ученых, современная деловая этика должна основываться на трех важнейших положениях:

- создание материальных ценностей во всем многообразии форм рассматривается как изначально важный процесс;
- прибыль и другие доходы рассматриваются как результат достижения различных общественно значимых целей;
- приоритет в разрешении проблем, возникающих в деловом мире, должен отдаваться интересам межличностных отношений, а не производству продукции.

В работе американского социолога Л. Хосмера

сформулированы современные этические принципы делового поведения, опирающиеся на аксиомы мировой философской мысли, прошедшие многовековую проверку теорией и практикой. Таких принципов и соответственно аксиом десять. [5:50.]

1. Никогда не делай того, что не в твоих долгосрочных интересах или интересах твоей компании (принцип основан на учении древнегреческих философов, в частности Протагора, о личных интересах, сочетающихся с интересами других людей, и различии между интересами долгосрочными и краткосрочными).

2. Никогда не делай того, о чем нельзя было бы сказать, что это действительно честное, открытое и истинное, о котором можно было бы с гордостью объявить на всю страну в прессе и по телевидению (принцип основан на взглядах Аристотеля и Платона о личных добродетелях – честности, открытости, умеренности и т.п.).

3. Никогда не делай того, что не есть добро, что не способствует (формированию чувства локтя, так как все мы работаем на одну общую цель (принцип основан на заповедях всемирных религий (св. Августин), призывающих к добру и состраданию).

4. Никогда не делай того, что нарушает закон, ибо в законе представлены минимальные моральные нормы общества (принцип основан на учении Т. Гоббса и Дж. Локка о роли государства как арбитра в конкуренции между людьми за благо).

5. Никогда не делай того, что не ведет к большему благу, нежели вреду для общества, в котором ты живешь (принцип основан на этике утилитаризма (практической пользе нравственного поведения), разработанной И. Бентамом и Дж. С. Миллем).

6. Никогда не делай того, чего ты не желал бы рекомендовать делать другим, оказавшимся в похожей ситуации (принцип основан на категорическом императиве И. Канта, в котором декларируется знаменитое правило об универсальной, всеобщей норме).

7. Никогда не делай того, что ущемляет установленные права других (принцип основан на взглядах Ж.Ж. Руссо и Т. Джефферсона на права личности).

8. Всегда поступай так, чтобы максимизировать прибыль в рамках закона, требований рынка и с полным учетом затрат. Ибо максимальная прибыль при соблюдении этих условий свидетельствует о наибольшей эффективности производства (принцип основан на экономической теории А. Смита и учении В. Парето об оптимальной сделке).

9. Никогда не делай того, что могло бы повредить слабейшим в нашем обществе (принцип основан на правиле распределительной справедливости Ролса);

10. Никогда не делай того, что препятствовало бы праву другого человека на саморазвитие и самореализацию (принцип основан на теории Нозика о расширении степени свободы личности, необходимой для развития общества).

Указанные принципы в той или иной степени присутствуют и признаются справедливыми в различных деловых культурах. Идеальный тип отношений – это от-

ношения, основанные на торжестве морально-этических принципов. В Декларации Ко – «Принципы бизнеса», принятой в швейцарском городе Ко в 1994 году, предпринята попытка объединить основы восточной и западной деловых культур, ее инициаторами были руководители крупнейших национальных и транснациональных корпораций США, Западной Европы и Японии. [5:50.]

В преамбуле «Принципов бизнеса», в частности, говорится: «Законы и движущие силы рынка являются необходимым, но не достаточным руководством к действию. Фундаментальными принципами являются: ответственность за проводимую политику и действия в сфере бизнеса, уважение человеческого достоинства и интересов тех, кто участвует в бизнесе. Разделяемые всеми ценности, включая обязательство о содействии всеобщему процветанию, так же важны для мирового сообщества, как и для общин меньшего масштаба».

В качестве главных принципов международного бизнеса выделены следующие:

- ответственность бизнеса;
- экономическое и социальное влияние бизнеса;
- этика бизнеса;
- уважение правовых норм;
- поддержка многосторонних торговых отношений;
- забота об окружающей среде;
- отказ от противозаконных действий.

Эти принципы определяют характер взаимоотношений между макросубъектами социальной и экономической структуры общества – организациями, государством, обществом в целом.

В Декларации Ко также сформулированы ключевые принципы взаимоотношений на микроуровне, т. е. организации с покупателями, владельцами (инвесторами), персоналом, поставщиками, конкурентами.

Рассмотрим подробнее принципы организации с персоналом.

Отношения организации с персоналом рекомендуется строить на следующих принципах:

- обеспечивать работников работой и заработной платой, которые повышают их уровень жизни;
- создавать условия труда для работников, не наносящие ущерба их здоровью и человеческому достоинству;
- быть честным в общении со своими работниками и обеспечивать им открытый доступ к информации, ограниченный лишь рамками закона и условиями конкуренции;
- прислушиваться и по возможности реагировать на предложения работников;
- в случае возникновения конфликтов участвовать в открытых переговорах с трудовым коллективом;
- избегать дискриминационной политики и гарантировать персоналу равные права и возможности независимо от пола, возраста, расовой принадлежности и религиозных убеждений; стимулировать в рамках своего бизнеса использование труда работников с различным профессиональным уровнем на тех участках, где

они могут принести наибольшую пользу;

- обеспечивать охрану труда во избежание несчастных случаев и профессиональных заболеваний;
- поощрять работников и помогать им в развитии необходимых навыков и умений, внимательно относясь к серьезным проблемам занятости, часто связанным с принятием решений в бизнесе, а также сотрудничать с правительственные органами, трудовыми объединениями, другими службами и друг с другом по вопросам размещения рабочей силы.

Следующие принципы являются общепринятыми этическими принципами и для организаций, и для отдельных руководителей:

- «золотое правило менеджера» – в рамках служебного положения никогда не допускать по отношению к своим подчиненным, к руководству, к клиентам и др. таких поступков, каких бы не желали видеть по отношению к себе;

– авансирование доверием (в коллективе создаются благоприятные условия для принятия решений и их выполнения, когда каждому человеку оказывается максимальное доверие – его потенциалу, квалификации, чувству ответственности);

– право на свободу служебного поведения, поступков, действий менеджера или рядового сотрудника организации не только в рамках законодательства, но и в пределах, не нарушающих свободу других менеджеров или рядовых сотрудников (свобода, не ограничивающая свободу других);

– справедливость во владении/приобретении полномочий, ответственности, права распоряжаться ресурсами различных видов, в определении сроков выполнения работы и т. п. (в той степени и до тех границ, пока эти полномочия, права и обязанности не касаются, не задеваются, не ослабляют прав, ответственности, полномочий других менеджеров, не выходят за рамки организации);

– справедливость при передаче средств и ресурсов, а также прав, привилегий и льгот (этичным считается добровольная передача менеджером всего перечисленного, неэтичным – грубый нажим по отношению к сотруднику, требования нарушить нормы универсальной этики или закона);

– максимум прогресса (действия менеджера или организации в целом этичны, если они способствуют развитию организации или отдельных ее частей, не нарушая при этом существующих этических норм);

– терпимое отношение менеджера к моральным устоям, укоренившимся в менеджменте других стран и регионов;

– разумное сочетание индивидуального и коллективного начал в работе менеджера, в принятии решений;

– постоянство воздействия, поскольку обеспечение соблюдения этических норм в основном базируется на использовании социально-психологических методов, требующих, как правило, длительного применения для получения нужного результата.

Таким образом, общие этические принципы де-

ловых отношений должны быть использованы для выработки любой организацией и руководителями собственных этических систем. Профессиональная этика должна также объяснить мораль и учить морали, прививать моральные принципы и представления о долге и чести, морально воспитывать работников. Этика призвана воспитывать, помогать людям правильно вести

себя с людьми, общаться в производственном коллективе и т.п. Профессиональная этика учит следовать эталонам нравственности, принятым за норму поведения людей в определенной деятельности. На эти эталоны работник должен ориентироваться. Профессиональная этика призвана регулировать человеческие отношения в сфере производства. [3:9]

Библиографический список

1. *Дятлов В.А., Пихало В. Т. Этика и этикет деловых отношений: учеб. пособие.* М.: ГАНГ; Издательский центр «Академия», 1997.
2. *Кибанов А.Я., Захаров Д.К., Коновалова В.Г. Этика деловых отношений: учебник.* Под ред. А.Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 2003. 368 с. (Серия «Высшее образование»).
3. *Солоницына А.А. Профессиональная этика и этикет.* Учебник. Владивосток. Изд-во Дальневосточного университета, 2005. 200 с.
4. *Честара Д. Деловой этикет.* М., 1997.
5. *Шихирев П. Н. Введение в российскую деловую культуру.* М.; ОАО «Типография «Новости», 2000.

References

1. *Dyatlov V.A., Pikhalo V.T. Ethics and etiquette of business relations: textbook.* M.: GANG; Publishing center “Academy”, 1997.
 2. *Kibanov A.Ya., Zakharov D.K., Konovalova V.G. Ethics of business relations: Textbook.* Ed. A.Ya. Kibanov. M.: INFRA-M, 2003. 368 p. (Series “Higher Education”).
 3. *Solonitsyna A.A. Professional ethics and etiquette.* Textbook. Vladivostok. Publishing house of Dalnevost. University, 2005. 200 p.
 4. *Chestara D. Business Etiquette.* M., 1997.
 5. *Shihirev P.N. Introduction to Russian business culture.* M.: “Typography ‘News’”, 2000.
-
-

В.В. ЧЕРНЫШЕНКО

кандидат философских наук, доцент, кафедра логики, философии и методологии науки, Орловский государственный университет
E-mail: sa57la@rambler.ru

V.V. CHERNYSHENKO

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of logics, philosophy and methodology science, Orel State University
E-mail: sa57la@rambler.ru

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ «КЛАССИЧЕСКИХ» МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

THE NATURE AND CHARACTERISTICS OF «CLASSIC» YOUTH SUBCULTURES

Изучение молодежных субкультур в философско-антропологическом аспекте, выступающем в качестве paradigmального основания мультидисциплинарного подхода, предполагает единство философских и социально-гуманистических стратегий в исследовании современной культуры и ее феноменов, осмысливание их не только с культурно-исторических и социологических позиций, но и онтологических, дающих возможность рассмотреть проблемы актуализированного бытия конкретного молодого человека и неформальных групп молодежи с позиций свободы и творчества в темпоральном измерении, что позволяет выделить «классические» молодежные субкультуры XX века – начальный этап их развития.

Ключевые слова: личность, молодежь, социализация, самореализация, творческая активность, молодежная субкультура, нонконформизм, эпатаж, массовая культура, унификация, экзистенция.

The study of youth subcultures in philosophical-anthropological perspective, acting as a paradigmatic foundation multidisciplinary approach that involves the unity of philosophical and social strategies in the study of contemporary culture and its phenomena, understanding them not only with cultural, historical and sociological positions, but also ontological, giving the opportunity to consider the problems actualized being a young person and informal groups of young people from a position of freedom and creativity in the temporal dimension that allows you to select «classic» youth subculture of the twentieth century – the initial stage of their development.

Keywords: identity, youth, socialization, self-realization, creativity, youth subculture, nonconformism, shocking, mass culture, unification of, existence.

«Классические» молодежные субкультуры возникают во второй половине XX века в США и странах Западной Европы. Они относятся к типу социальных групп, возникших в результате естественного хода исторического процесса. Они имеют все основные черты устойчивой общности людей, выделяющейся на возрастной основе и имеющей собственную систему нравов, традиций и обычаяев. Молодежные неформальные объединения и группы обладают четким механизмом воспроизведения и ретрансляции характерного им опыта: особыми формами общения, шкалой ценностей, собственным языком (сленгом), системой знаков и символов, а также ритуальными обрядами.

С.И. Левикова утверждает, что «истоки генезиса феномена молодежной субкультуры следует искать в переходе общественных систем от статичности к динамичности и в соответствующем изменении положения молодых людей в общественных системах: в статичных обществах главную роль играло старшее поколение, в динамичных – молодое. Изобретение техники и внедрение ее в производство ознаменовало переход к динамичным обществам и породило новую социально-демографическую группу – молодежь. Переход же общества от индустриальной к индустриально развитой стадии, затем и к постиндустриальной привел, в том числе, к появлению молодежной

субкультуры... Изучение генезиса молодежной субкультуры позволяет выявить существенную основу этого социального феномена и ответить на вопрос, почему данный феномен возникает в индустриально развитых обществах на стадии перехода к постиндустриализму. Это также помогает раскрыть тот факт, что индустриально развитые и постиндустриальные общественные системы привносят в социальное бытие новое явление: биологически и физиологически взрослых «социальных детей», нуждающихся, как и все люди, в самоутверждении, самовыражении. Невозможность для некоторых молодых людей удовлетворить эту потребность, вызванную чрезвычайным удлинением периода обучения в индустриально развитых и постиндустриальных социальных системах, приводит к возникновению молодежной субкультуры как механизма компенсации «пустоты и нестыкуемости стандартных социальных структур»[5].

Анализ «классических» молодежных субкультур предполагает их понимание как некоего объективного факта культуры, с вполне определенными предметами, окружающими человека, принадлежащими его жизни и деятельности, жизни общества и цивилизации в целом. С его помощью возможно осмыслить процессы, протекающие в молодежной неформальной среде XX века, выявить определенные тенденции и закономерности в

социальных катаклизмах, происходящих в обществе, и создать необходимую методологическую основу для изучения процессов становления личности в условиях групповой неформальной консолидации.

В данном случае следует опираться на «трансметодологию», порождаемую «мультидисциплинарной»¹ моделью культуры, так как она дает возможность раскрыть каналы их взаимодействия с культурой как партнером, а не как с довлеющей системой ценностей, отказ от которых означает выпадение из контекста общекультурной динамики.

Благодаря «трансметодологии», представляется возможным не только с социально-гуманитарных, но и философских (философско-антропологических, экзистенциальных) позиций понять, почему молодежь создает «классические» неформальные группы и объединения. Это происходит, потому что молодые люди на определенном этапе эволюции социума устают сознавать свою ничтожность на фоне огромного мира и поэтому стремятся создать свой собственный мир, устроенный согласно их правилам и ценностным установкам, способствующим ее здоровой адаптации к условиям конкретного общества.

В данном случае очевидно взаимодействие «трансметодологии» с тезаурусной концепцией молодежи, благодаря которому становится возможным рассмотреть молодое поколение одновременно и как социально-возрастную группу, создающую на имеющемся социокультурном базисе свою собственную символическую надстройку, независимый предметный мир, и как некую общность индивидуальных экзистенций, моделирующих тезаурусы, выступающие в качестве совокупности онтологических знаний о человеке, его свободе и творчестве, а также путях их реализации.

Для молодого поколения общение в рамках неформальных объединений является реальной возможностью оградить себя от повседневных хлопот, социальных потрясений, экономических и политических проблем, дает возможность выразить свои эмоции и переживания, непонятные и чуждые официальному окружению (родителям, преподавателям, начальству и т.д.). Они являются для молодежи экзистенциальным пространством, в котором может быть налажена здоровая межличностная коммуникация, удовлетворены информационные потребности, обеспечен психологический комфорт, получен важный опыт взаимодействия в коллективе, позволяющий адекватно оценивать себя и окружающих.

«Классические» молодежные субкультуры могут

1 Согласно Римскому В.П. и Римской О.Н., «мультидисциплинарная» концепция культуры основана на синтезе философских и социально-гуманитарных стратегий, позволяющих проводить комплексный анализ социокультурных явлений на социально-историческом и онтологическом уровнях. В таких условиях возникает эффект «трансметодологии», «которая не только выступает исходным и важнейшим инструментом познания культуры как особого класса явлений и соответствующих культурных подсистем, задает горизонт прогнозирования изменений положения конкретного, живого человека в общественных системах, но и способствует созданию реальных воспитательных проектов по выработке и корректировке жизненных стратегий молодых людей, выходцев из различных «взрослых» социальных групп» [6].

быть рассмотрены с помощью концепции коммуникативного поведения, предложенной представителем Франкфуртской школы Ю. Хабермасом. Данная концепция описывает альтернативные структуры, не получившие институционального оформления в социуме, к коим могут быть отнесены неформальные группы и объединения молодежи. В рамках этой теории общество рассматривается как ««двуухстушенчатое» строение, состоящее из «системы» – совокупности норм и запретов и «жизненного мира», в котором выстраивается коммуникация»[8]. Под «жизненным миром» понимается все многообразие субкультурных объединений молодежи.

В соответствии с данной моделью вычленяются два типа поведения: стратегическое и коммуникативное. Стратегически ориентированное поведение, согласно Ю. Хабермасу, «ведет к господству отчуждения, утрате коллективной идентификации»[8]. «Коммуникативное поведение утверждает легитимированные межличностные отношения, способствующие самореализации личности как в рамках отдельно взятого коллектива, так и общества в целом»[8] – такой вид поведения свойственен неформальным объединениям молодежи по причине того, что они существуют исключительно как социокультурные феномены, основанные на коммуникативном внутригрупповом понимании.

Исходя из вышесказанного, теоретически можно представить процесс формирования «классических» молодежных субкультур как переход личности от экзистенциального одиночества к полноте своего бытия посредством подключения своей экзистенции к коммуникационной сети множества других независимых существований, позволяющей четче ощущать действительность и отражать особое мироощущение, свойственное только молодому поколению. Такое мироощущение не инертно, а наоборот деятельно, активно. Оно возникает в результате потребности молодого человека понять принципы существования окружающего мира, перестать быть для него чуждым и безразличным, обнаруживать подлинную суть вещей и явлений, скрытую за общественными нормами и стандартами.

Рассмотрение «классических» молодежных субкультур через идею коммуникативного поведения Ю. Хабермаса дает возможность говорить о личности неформального молодого человека как постоянно находящейся в состоянии «экзистенциальной коммуникации»² с окружающими ее единомышленниками с целью.

1. Развития экзистенции. «Экзистенция присутствует в каждом человеке изначально, это переживание человеком своего «бытия-в-мире», то есть осознание человеком истинности своего существования в этой жизни, осознание ее смысла»[4]. «Признание наличия экзистенции говорит о том, что человек осознал свое существование, которое в отличие от сущности (данной человеку как признак его бытийности на уровне скорее материальном, чем духовном), более его одухотворяет, очеловечивает»[1].

2 Согласно К. Ясперсу, «экзистенциальная коммуникация» является высшей формой «экзистенциального общения»[11].

2. Осознания собственной индивидуально-личностной неповторимости. «В реальном мире человек настолько поглощен бытом, соблюдением внешних норм и правил, что зачастую не может прийти к осознанию себя как некоего индивидуального, неповторимого существа, наделенного чертами, присущими только ему одному»[9]. – утверждает М. Хайдеггер. И если на ранних этапах развития человечества индивид удовлетворял свои духовные потребности посредством соблюдения определенных ритуалов, обычаяев и законов, диктуемых ему примитивными языческими культурами и мифологией, а в более поздние периоды эту функцию взяла на себя религия, то в ходе ее реорганизации символы Откровения потеряли свое значение для большинства людей. «Со «смертью» Бога обнажилась пустота и бессмысличество ранее пропагандируемых целей и устремлений человека, обнажилось «ничто»»[9]. «Потеряв трансцендентную опору в лице религии, «единичный» человек уже не может стойко переносить жестокие невзгоды. Он либо впадает в житейский страх (Furcht) лишился определенных материальных благ или даже самой жизни, либо в противоположный ему онтологический страх (Angst), который характеризуется как боязнь не найти такое предназначение, ради которого человек сам мог бы пожертвовать своей жизнью и благами»[9]. Последний вид страха, по мнению М. Хайдеггера, – единственная страховка человека от его духовной деградации.

В борьбе двух видов страха (житейского и онтологического) индивиду предстоит выбрать: либо продолжать существовать в мире, где спокойная жизнь стоит ему свободы, либо пренебречь социальным благополучием во имя духовной независимости. Субкультурная молодежь выбирает второе. Она выражает протест обществу и его культуре, проектирует аскет, не ждущий помощи от окружающих и надеющийся только на свои силы[9].

Исходя из вышесказанного, стоит заметить, что рассматривать молодежные неформальные объединения с точки зрения обыденного понимания нельзя, так как абсурдность всех механизмов их функционирования есть не что иное, как экзистенциальная граница между рационально организованным социумом и дезинтегрированным по отношению к нему внутриличностным пространством.

В «классических» молодежных субкультурах соседствуют причинность и беспричинность, разумные основания и безосновность, закономерности и крошащиеся события, серьезные установки и сумасбродства. Для большинства их членов различные явления как социального, так и конкретно личностного характера, предстают в своей однократной случайности, в которой интеллектуальное и чувственное постижение слиты. В силу этого некая идеальная подоснова неформальных групп и объединений молодежи может быть схвачена только в определенном моменте собственной несопо-

мерной противоречивости, в некой абсурдной ситуации, лишенной предметности мышления, в котором самое близкое и самое далекое для человеческого существование уравнивается в правах, предстает в виде инобытия, знаменующего собой границу, за которой не только кроется кризис разума, но и разрыв с интеллектуальной традицией, с любым социальным окружением[7]. В данных условиях мысли, чувства, действия и поведение человека выражают потребность в реализации надличностных механизмов культуры, позволяющих быть человеком-автором, который творит свою жизнь исходя из возможности внутренне соотноситься с собой.

Подобная саморефлексия устраниет общезначимость как критерий истины, свойственный для большинства людей. Истина для членов «классических» молодежных субкультур определяется внутренним убеждением, ощущением адекватности, собственной аутентичности. «Это позволяет (или, по крайней мере, не препятствует) – согласно Ж.-П. Сартру – искать истину не только в том, что считается правильным, но и в том, что считается абсурдным, фантастичным, не-нормальным, оторванным от действительности, перенасыщенной кажимостью и недоговоренностью. Такая экспрессия противоположна производному опыту, сублимации или подделке, она есть некое откровение, перерастающее в разоблачение, снятие покровов, обнаружение болезненной правды жизни»[7].

Описание реальности в свете «классических» молодежных субкультур синонимично описанию мира без прикрас, трагическому описанию того, что есть во всей «тошнотворной» наглядности, в которой человеческое сознание сталкивается с неизбежностью судьбы, с неизбежностью высшего порядка, не имеющей никакого смысла, ни человеческого, ни сверхчеловеческого.

Окружающий мир для субкультурной молодежи хранит только видимое благополучие. В нем «за каждым спокойствием скрывается беспокойство, за каждой умиротворенностью безумие, за каждым порядком хаос, за каждой формой вечно голодное чудовище, за каждым перекрестком несчастный случай, за каждой жизнью смерть»[10]. Реальность для молодого поколения, вписанного в молодежные субкультуры, как и для бунтующего человека А. Камю, предстает в качестве нечто искусственного, нечеловеческого, полного абсурда и тоски. Но абсурд здесь выступает не как следствие юношеского максимализма, порождающего конфликт между желаемым и необходимым, а как следствие того, что «разум разрывает себя между двумя «полюсами»: сознанием границ существования и непримиримостью с ними»[3]. В таких условиях происходит кардинальная перестановка ценностных приоритетов, ведущая к генерации новых смысловых диффузий, активно провоцирующих радикальную смысловую инверсию, создающую альтернативный мир или альтернативный взгляд на вещи[2].

Библиографический список

1. *Больнов О.Ф.* Философия экзистенциализма. Философия существования. Науч. ред. А.С. Калесников, В.К. Сальников; МВД России, университет. СПб.: Лань, 1999. 224 с.
2. *Гацкова Е.И.* Молодежь и современность. М.: «Инфра». 2001. 280 с.
3. *Камю А.* Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство: Сборник: Пер. с франц. Общ. ред., сост. и предисл., А.М. Руткевича. М.: Политиздат, 1990. 414 с.
4. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. 352 с.
5. *Левикова С.И.* Молодежная субкультура: Учебное пособие. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 608 с.
6. *Римская О.Н., Римский В.П.* Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право: Научный рецензируемый журнал. Вып. 14. Белгород: Издательство БелГУ, 2010. С. 71-79.
7. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004. 639 с.
8. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике?; Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Весь мир, 2002. 143 с.
9. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: ФОЛИО, 2003. 509 с.
10. *Шестов, Л.И.* Апофеоз беспочвенности: опыт алогматического мышления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 336 с.
11. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: Пер. с нем. [Вступ. ст. П.П. Гайденко]. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

References

1. *Bolnov O.F.* The philosophy of existentialism. Philosophy of existence / scientific editor A.S. Kalesnik, V.K. Sal'nikov; Russian Ministry of Internal Affairs, University. SPb.: Lan, 1999. 224 p.
 2. *Gatskova E.I.* Youth and modernity. M.: "Infra". 2001. 280 p.
 3. *Camus A.* Rebellious people: Philosophy. Policy. Art: Collection: Trans. from French / Common. ed., comp. and foreword. M.: Politizdat, 1990. 414 p.
 4. *Kierkegaard S.* Fear and Trembling. M.: Eksmo-Press, 1998. 352 p.
 5. *Levikova S.I.* Youth subculture: Textbook / S.I. Levikova. M.: FAIR-PRESS, 2004. 608 p.
 6. *Rimskaya O.N., Rimskiy V.P.* Research Methodology subcultures in social sciences and humanities. Article 4. Configurations of youth subcultures in the space of the Russian region. Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law: Scientific peer-reviewed journal. Vol. 14. Belgorod: Publishing BSU, 2010. Pp. 71-79.
 7. *Sartre J.-P.* Being and Nothingness: Experience phenomenological ontology / Jean-Paul Sartre. M.: Respulika, 2004. 639 p.
 8. *Habermas J.* Future of Human Nature: Towards a liberal eugenics? / Habermas; Transl. from German by M.L Khor'kova. M.: The world, 2002. 143 p.
 9. *Heidegger M.* Being and Time. Kharkov: FOLIO, 2003. 509 p.
 10. *Shestov, L.I.* Apotheosis of groundlessness: experience undogmatic thinking. L.: Leningrad State University, 1991. 336 p.
 11. *Jaspers K.* The meaning and purpose of history: Trans. from German. M.: Politizdat, 1991. 527 p.
-

Л.В. АЛЕШИНА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой книжного дела, русского языка и методики его преподавания, Орловский государственный университет

E-mail: alyoshinalv@mail.ru

L.V. ALEOSHINA

Doctor of Philology, Professor, Head of department of book business, Russian and technique of its teaching, Orel State University

E-mail: alyoshinalv@mail.ru

ФОРМУЛЫ ОБРАЩЕНИЯ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Н.С. ЛЕСКОВА**FORMS OF ADDRESS IN N.S. LESKOV'S EPISTOLARY HERITAGE**

В статье рассматриваются этикетные эпистолярные формулы, встречающиеся в зачине частных писем Н.С. Лескова, устанавливаются причины, обусловившие их выбор. Особое внимание уделяется случаям нарушения этикетных эпистолярных норм, принятых во второй половине XIX века.

Ключевые слова: Лесков, эпистолярий, этикетные формулы обращения, адресат, адресант.

The present article is devoted to the courtesy epistolary forms used in private letters by N.S. Leskov and the study of reasons for their usage. The article also focuses on the cases of violation of courtesy epistolary norms accepted in the second half of the 19th century.

Keywords: Leskov, epistolary genre, courtesy forms of address, addressee, addresser.

Особое место в творческом наследии мастеров слова составляют письма – бесценный материал для исследователей, поскольку языковая личность автора «получает наибольшее отражение в жанре частной переписки» [Фесенко, с. 4]. В последние десятилетия наблюдается всплеск интереса к феномену эпистолярия, о чем свидетельствуют многочисленные научные статьи, кандидатские и докторские диссертации, где тексты частных писем подвергаются изучению в самых разных аспектах.

Определенную лакуну представляет в этом плане переписка Н.С.Лескова, которая не становилась объектом детального рассмотрения лингвистов, хотя «сохранившаяся часть эпистолярного наследия писателя представляет большой интерес для изучения как жизни и творчества самого Лескова, так и литературно-общественного движения его времени» [Собр. соч., т. 10, с. 522]. Это побудило нас обратиться к лесковскому эпистолярию. Объектом рассмотрения стали письма, опубликованные в 10-м и 11-м томах Собрания сочинений Н.С. Лескова (всего 422); материалы Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1971 год, где содержится научное описание 1057 лесковских писем; 63 письма, опубликованные в 1986 г. во французском журнале «Revue des études slaves».

Общим местом работ, посвященных эпистолярным текстам, является констатация их специфической структурной организации, как правило, трехчастной, которая предполагает зачин, основную часть и концовку. Для зачина и концовки характерны этикетные формулы, к важнейшим из которых относятся формулы обращения к адресату, на рассмотрении которых мы остановимся.

Форма обращения в частном письме во многом определяется характером последнего. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» разграничиваются официальные частные письма, признаком которых является наличие официальных отношений между корреспондентами, и неофициальные – «послания хорошо знакомых людей, друзей, родственников, всех тех, кто поддерживает неформальные, межличностные отношения» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, с. 628-629]. Среди писем Лескова есть безусловно официальные, адресованные лицам, с которыми писатель находился в сугубо деловых отношениях, и неофициальные, адресованные родным и близким людям. Однако многие письма сложно однозначно квалифицировать по этому признаку, поскольку адресант, находясь в официальных отношениях с адресатом (как правило, это отношения между автором и представителем редакции печатного издания), в то же время общается с ним и неформально, что находит отражение в текстах писем, в том числе, в отборе формул обращения (см., например, переписку с А.С. Сувориным, П.К. Щебальским, С.Н. Шубинским, В.А. Гольцевым, А.Н. Пешковой-Толиверовой и др.).

В основном для частных писем Лескова характерны типичные этикетные формулы, после которых, как правило, следует обращение к адресату по имени-отчеству.

Широко употреблялась в XIX в. формула «Милостивый государь». Как отмечает В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» (далее – Даль), «говорим и пишем ... всем частным лицам: Милостивый Государь [отцы наши писали, к высшему: милостивый государь; к равному: милостивый госу-

дарь мой; к низшему: государь мой]. Ю.А. Федосюк подчеркивает, что формула эта «имела очень строгий, холодный оттенок. Так начинали общаться и знакомые при внезапном охлаждении или обострении отношений. Таким обращением начинались и служебные документы» [Федосюк, с.98]. Этим обусловлено использование Лесковым этой формулы исключительно в официальной корреспонденции: *Милостивый государь Михаил Михайлович!* (М.М. Достоевскому, 29 апреля 1863 г.), *Милостивый государь, Андрей Александрович!* (А.А. Краевскому, 22 мая 1863 г.), *Милостивый государь Владимир Григорьевич!* (В.Г. Черткову, 15 октября 1884 г.) и мн.др. Гендерный фактор данном случае роли не играет: это обращение встречается и в деловых письмах, адресованных женщине: *Милостивая государыня Мария Александровна!* (М.А. Маркович, 9 апреля 1868 г.).

Представляют интерес в этом плане письма к С.А.Юрьеву, издателю журнала «Беседа» (1871-1872), в переписку с которым писатель вступает 5 декабря 1870 г. по своей инициативе в надежде на сотрудничество, чем обусловлен выбор строго официальной этикетной формулы: *Милостивый государь! Вчера я имел удовольствие прочесть объявление об издании Вами «Беседы».* <...> *Не имея чести знать Вас лично (хотя и наслышан о Вас от А.Ф. Писемского и П.К. Щебальского), я спешу приветствовать Ваше предприятие и предлагаю Вам иметь в виду мою готовность служить Вашему изданию, если Вы того пожелаете.* <...>.

Отсутствие обращения по имени-отчеству нетипично, наблюдается лишь в двух первых письмах к Юрьеву, причем сам Лесков испытывает неловкость по этому поводу и во втором письме (от 18 декабря 1870 г.) пристранно объясняется и приносит извинения: *Милостивый государь. Я вчера получил Ваше <...> письмо и сегодня же спешу отвечать Вам. Будьте милостивы, простите мне, что я пишу эти строки даже без условного форменного вступления. Не отнесите этого к чему бы то ни было, кроме желания отвечать Вам скоро, тогда как я не знаю Вашего имени и отчества и, по нездоровью моему, не могу видеть людей, у которых мог бы о них спрашивать. Надеюсь, что Вы меня простите и не осудите за это <...>.* Третье письмо к С.А. Юрьеву (от 6 января 1871 г.) содержит уже, помимо сухого «Милостивый государь», расположенное на отдельной строке обращение по имени-отчеству, причем официальная формула завершается точкой, а именование – восклицательным знаком (*Сергий Андреевич!*), что, возможно, обусловлено желанием Лескова подчеркнуть уважительное отношение к адресату. Текст следующего письма предваряет традиционное обращение: *Милостивый государь Сергей Андреевич!* (31 марта 1871 г.).

Примечательным обращением начинается письмо от 6 апреля 1871 г.: *Уважаемый Сергей Андреич!* (*Простите, пожалуйста, что я не хочу Вас называть «милостивым государем».*) Далее Лесков выражает восторг в связи с опубликованной в журнале Юрьева статьей: *Поздравляю Вас, ибо люблю Ваш журнал и Вас*

самых полюбил. К тому, кто вызывает добрые чувства, уже не хочется обращаться казённой формулой, и появляется более тёплое «Уважаемый».

С.А. Юрьев от сотрудничества уклоняется, и переписка прерывается. Последнее лесковское письмо, начинающееся официальным обращением «Милостивый государь Сергей Андреевич!», выражает интенцию упрёка (Юрьев и не публикует, и не возвращает переданные ему материалы), и, хотя в тексте письма появляется обращение «Уважаемый», писатель не сдерживает обиды и раздражения: *Уважаемый Сергей Андреевич, да что же это такое? Усердно прошу Вас решиться как-нибудь кончить эту комедию, вперед Вас заверяя, что я не могу оставить этого еще на неопределенные времена* (С.А. Юрьеву, 10 сентября 1872 г.).

В этикетных эпистолярных формулах обращения в XIX веке широко используются сложные прилагательные с опорным компонентом «уважаемый». Чаще всего Лесков избирает формулу «Достоуважаемый» с первым компонентом *досто-*, который, являясь усечённой основой прилагательного *достойный*, образует слова «книжного характера», «имеет знач. (очень, весьма): достопамятный, достопочтенный, достопримечательный, достоуважаемый, досточтимый» [Русская грамматика, с. 320]. В Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова (далее ТСРЯ) эта этикетная формула имеет дефиницию ‘*То же что уважаемый (употреблялось преимущ. в письмах)*’ с пометой *книжн. устар.* Этой этикетной формулой начинаются многие деловые письма писателя: *Достоуважаемый Дмитрий Николаевич!* (Д.Н. Цертелеву, 23 октября 1850 г.), *Достоуважаемый Вукол Михайлович!* (В.М. Лаврову, 14 июня 1889 г.), *Достоуважаемый Арсений Иванович!* (А.И. Введенскому, 2 мая 1890 г.) и мн.др.

Однако и в письмах полуофициального характера Лесков нередко прибегает к обращению, содержащему формулу «Достоуважаемый»: *Достоуважаемый Алексей Сергеевич! По радушному зову Вашему полагал у Вас встретить Новый год, но внезапно последовал наезд родственников из Киева <...>* (А.С. Суворину, 31 декабря 1889 г.); *Достоуважаемый Алексей Сергеевич! Позвольте мне обратиться к Вам не как к редактору и издателю газеты, а как к товарищу по перу <...>* (А.С. Суворину, 9 ноября 1892 г.); *Достоуважаемый Лев Николаевич! Сегодня вошли ко мне Ваня Горбунов и Сытин и сказали, что Вы знаете о моем незддоровье и даже хотели приехать, чтобы навестить меня... Меня это ужасно взволновало и растрогало, и я сладко и радостно плакал* (Л.Н. Толстому, 4 января 1893 г.) и др.

При обращении к женщине эта формула встретилась единожды в письме к жене брата Алексея Семёновича Клотильде Даниловне, имя которой Лесков вывел в «Полунощниках», дав его, как говорит сын и биограф писателя, «одной из самых двусмысленных запланных женских фигур нового «пейзажа и жанра». Мало того, самое имя это преобразовано в «Крутильду», с пояснением, что она была, как и жена брата, полька, настоящее имя которой было Клотильда, переделанное «потому,

что она все, бывало, не прямо, а крутит, пока какое-то особенное ударение ко всем его чувствам сделает», и так далее, строка от строки неудобнее» [А. Лесков, с. 506]. «Нетерпящий» характер Лескова заставляет его поступить несправедливо по отношению к женщине, от которой его родные видели только добро. Он и сам это понимает, косвенно признавая свою вину перед свояченицей в письме к сестре Ольге Семеновне: *Я знаю одно, что какова бы ни была Клотильда] Даниловна – она все вела к миру и объединению, а мать и все наши вели к распре, к разъединениям и обидам ей, и разъединение выросло... <...> пойди и обними Клотильду] Даниловну и от себя и, пожалуй, хоть от меня и скажи, чтобы она нас простила, в чем были не чисты перед нею...* (О.С. Крохиной, 29 марта 1892 г.). Когда переписка с сестрой обрывается (та перестаёт отвечать), «остается последнее средство: запросить о всем и всех, два года назад переокрещенную в «Крутильду», жену последнего оставшегося еще брата» [Лесков А.Н., с. 486]. Узнав из письма Клотильды Даниловны о том, что сестра умерла, Лесков пишет: *Достоуважаемая Клотильда Даниловна! Усердно благодарю Вас за ответ, без которого я, конечно, не знал бы о смерти сестры до какого ни будь случая, во времени более или менее отдаленном* (К.Д. Лесковой, 28 ноября 1893. Петербург). Можно предположить, что Лесков, вынужденный обратиться к той, кого он незаслуженно обидел, испытывает неловкость, что обусловило выбор в ответном письме этикетной формулы, подчеркивающей уважительное отношение к адресату, но лишенной теплоты, семейной интимности, не случайно больше ни одно его письмо к родным так не начинается. По свидетельству А. Лескова, писатель и в дальнейшем, «за три месяца до своей кончины», беспокоясь о «разоряющейся и уклоняющейся от переписки дочери», снова вынужден просить о помощи К.Д. Лескову: «Спасибо, есть еще нестроптивая и на услугу всем безотказная душа – «Крутильда». На ее, по обычаю, скорый и готовый отклик Лесков... пишет 8 декабря 1894 года: *Уважаемая Клотильда Даниловна! Очень ценю, что вы продолжаете писать ко мне<...>. Вы доставляете этим мне удовольствие знать о близких по крови... [Лесков А.Н., с. 608].* Формула обращения без компонента *досто-* проще, «человечнее», хотя также позволяет держать определённую дистанцию (к близким родственникам Лесков обычно обращается «Любезный / любезная»).

Формула «Многоуважаемый» ‘Достойный, заслуживающий большого уважения – принятая форма вежливо-официального обращения к другому лицу в устной или письменной форме’ (ТСРЯ) встречается в эпистолярии Лескова гораздо реже, чем «Достоуважаемый», и только в письмах, посвященных обсуждению деловых вопросов: *Многоуважаемый Степан Семенович!* (С.С. Дудышкину, 13 сентября 1866 г.), *Многоуважаемый Михаил Матвеевич!* (М.М. Стасюлевичу, 25 января 1893 г.) и т.д.

В зчине нескольких писем содержатся этикетные формулы, выраженные сложными прилагательными с

опорным компонентом «чтимый»: «Высокочтимый ‘особенно почитаемый, высокоуважаемый’ (ТСРЯ); «Многочтимый ‘особенно почитаемый’ (Даль); «Досточтимый’ (устар. торж.). Глубокоуважаемый (обычно в обращении к лицам высокого чина, сана)’(ТСРЯ). Лесков прибегает к этим обращениям, стремясь выразить высочайшее почтение, вызванное не чином или саном, а достоинствами адресата как личности. Не случайно именно так он обращается к Л.Н. Толстому: *Досточтимый Лев Николаевич. Покорно Вас благодарю за письмо Ваше от 17 июля, которое я получил здесь вчера. Оно мне было и утешением, и радостью, и ободрением* (Л.Н. Толстому, 22 июля 1888 г., Аренсбург). Уже на склоне лет, будучи признанным писателем, Лесков обращается к Толстому как к Учителю: *Многочтимый Лев Николаевич! <...> Усердно прошу Вас дать мне короткий, но скорый ответ: не сделал ли я ошибки и не можете ли Вы мне указать, как я должен исправить то, в чем ошибся?* (Л.Н. Толстому, 4 декабря 1892 г.). *Покорно Вас благодарю, Лев Николаевич, за то, что Вы мне разрешили мои недоумения насчет того, как я могу писать о Ге* (28 августа 1894 г.). Выражая благодарность за полученное письмо, Лесков подчеркивает значимость Толстого для общества, для человечества: *Высокочтимый Лев Николаевич! Сердечно благодарю Вас за присланное Вами мне письмо. Строки Ваши мне всегда очень дороги и многополезны, но я стыжусь их у Вас вымогать, потому что Вы «должны всем», а не одному кому-либо* (Л.Н. Толстому, 28 июля 1893 г., Меррекюль). Даже по этим фрагментам видно, что Лесков зачастую увлекается в выражении своих чувств. Как отмечает А.Н. Лесков, «с Толстым бралась чуждая натура умягченность тона.... Неустанная хвала утомляла хвалимого»[Лесков А.Н., с. 563].

Подчеркнуто уважительны письма к И.А. Гончарову, с которым у Лескова сугубо деловые отношения: *Высокочтимый Иван Александрович!* (2 февраля 1888 г.; 11 февраля 1888 г.).

Торжественной формулой начинается поздравительное послание Т.П. Пассек: *Многочтимая Татьяна Петровна! Примите и мое поздравление с обновлением лет* (20 июля 1878 г., Аренсбург).

Глубоким уважением проникнуты письма доктору медицины профессору Бертенсону, пользовавшемуся тяжелой болезнью писателя, отказываясь от гонорара, о чем свидетельствуют и формулы обращения «Досточтимый» и «Благодетель»: *Благодетель мой Лев Бернардович!* (Л.Б. Бертенсону, 5 мая, 1887 г.); *Досточтимый Лев Бернардович!* (5 октября, 1889 г.). Об искренней благодарности Бертенсону свидетельствует письмо Лескова А.С. Суворину: *Лев Бертенсон одолел меня своим великолодишием: спас меня, ездит и денег не берет!.. Оле несказанная похвала! Оле доброта неисчислительная! Да где бы я и набрался столько денег, сколько ему платить надобно? Поместите строчки, что он меня вылечил. Пусть хоть это будет ему за мое спасение благодарностью.* (А.С. Суворину, 11 марта 1887 г.). Заметим, что к формуле «Благодетель» Лесков прибегает крайне

редко, причем она может выражать и интенцию иронии, упрёка: *Благодетель Вы мой! Что же Вы это со мной делаете и за какие провинности? Как же можно дать казовую книгу с одним титулом, а прислать другое и притом самое непрактическое заглавие*<...> (Ф.А. Терновскому, 28 октября 1882 г.).

При обращении в одном из писем к И.С. Аксакову как издателю газеты «Русь» формула «Досточтимый» употребляется с иронией, что подчёркивается нарочито стилизованным тоном письма: *Досточтимый Иван Сергеевич! Не знаю, в милости я у Вас ныне или в немилости? Со дня памяти митрополита Филарета Дроздова Вы лишили меня «Руси». Гнев оный ощущаю. Филарета же чтить не могу, но обаче всегда в добром к Вам почтении пребываю и просьбы или поручения Ваши помню*<...> (И.С. Аксакову, 10 ноября 1884 г.).

Для официальной переписки XIX века типичны были также обращения «Глубокоуважаемый» (книжн., офиц.). Общепринятая формула вежливости в официальном обращении к почтенному человеку» (ТСРЯ); «Высокоуважаемый» (книжн. устар.). Глубокоуважаемый (в письмах и при обращении к кому-н. для выражения особого почтения) (Там же). Однако для лесковских писем эти формулы не характерны: в проанализированном материале они встречаются в единичных посланиях с интенцией извинения: *Извините меня, глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, что я не сразу чиню исполнение по Вашему письму* (М.М. Стасюлевичу, 8 января 1895 г.); *Высокоуважаемый Владимир Васильевич! Я был виноват перед Вами за медленность в ответе* (В.В. Стасову, 13 августа 1894 г., Меррекюль). В подобном же контексте один раз встретилось обращение «Достолюбезный друг»: *Простите меня, достолюбезный друг, что я, против своего обыкновения, замедлил ответом на письмо Ваше* (В.А. Гольцеву, 5 сентября 1889 г.).

Формула «Уважаемый/уважаемая» ‘вежливо-официальная форма обращения к другому лицу’ (ТСРЯ), как отмечалось выше, воспринимается Лесковым как более теплая, чем официальное «Милостивый государь», соответственно встречается, как правило, в полуофициальных письмах к адресатам, с которыми установились товарищеские отношения: *Уважаемый Петр Карлович, здравствуйте! Во-первых, я скучаю, давно и давно не получая от Вас ни одной милой для меня строчки. Порою думаю: не рассердились ли Вы на меня за что-нибудь и не перестали ли любить меня понемножечку, но потом отказываюсь этому верить, потому что не знаю тому никакого повода*<...>. (П.К. Щебальскому, 7 мая 1871 г.); *Уважаемый Александр Петрович! Приехав неделю тому назад в Marienbad, я застал здесь дружелюбное письмо Ваше и такое же письмо Зинаиды Валериановны, из которого, между прочим, узнал о Вашей досаде по поводу неудачного экзамена Бибы*<...>. (А.П. Милюкову, 12 (24) июля 1875 г., Мариенбад). Письма, начинающиеся обращением «Уважаемый», нередко завершаются тёплым приветом родным адресата: *Мирре Александровне и всему Вашему уважаемому семейству прошу передать мое глубочайшее почтение* (П.К. Щебальскому, 25 января 1869 г.); *Усердно благодарю Екатерину Дмитриевну за сказанный мне поклон и низко кланяюсь* (Н.А. Любимову, 8 марта 1878 г.); *Прошу Вас передать мой поклон Екатерине Николаевне* (С.Н. Шубинскому, 23 июля 1883 г., Шузалово) и т.п.

Наряду с этикетной формулой «Уважаемый» широко используется Лесковым формула «Любезный / любезнейший» ‘Эпитет в обращении, преимущ. в письме, в знач. дорогой, милый’ (ТСРЯ), имеющая у Д.Н. Ушакова помету *устар., теперь ирон.* В XIX веке эта формула не имела таких коннотаций и была употребительна при обращении к лицу, вызывающему приязнь (см. у В.И. Даля ‘Любезный, любимый, милый, влюблённый, дорогой, к кому или к чему мы сердечно привязаны; любви достойный, заслуживающий расположение, сердечную привязанность’). Зачастую эта формула употребляется Лесковым в зчине, выражаящем интенцию извинения: *Простите меня, любезнейший Карл Андреевич, что я так долго не отвечал Вам и задержал у себя присланный Вами проект нашего условия* (К.А. Грэве, 29 ноября 1888 г.); интенцию благодарности: *Очень благодарен Вам, любезный Алексей Сергеевич, за календарь и еще более того за привет, оказываемый Вами и Вашей дочерью моей Верой* (А.С. Суворину, 24 декабря 1875 г.), *Благодарю Вас, любезный друг Сергей Николаевич, за исполнение моей просьбы и за милое письмо* (С.Н. Шубинскому, 17 июня 1886 г.) и др.

Именно эпитет «Любезный/любезная» характерен для зчина писем, адресованных родным: *Любезный брат Алексей!* (1880, декабря 11. <Петербург>), *Любезная сестра Ольга!* (1890, октября 25. Петербург), *Сегодня, любезный сын, я получил твое письмо* (1884, июня 3 (15), <вторник>. Мариенбад), *Любезный друг Николай Петрович!* (Н.П. Крохину, 1889, апреля 6. Петербург), *Любезный друг Боря!* (Б.М. Бубнову, 27 марта 1891 г.) и т.п. При этом выбор формы антропонима зависит как от состояния духа, настроения Николая Семеновича, так и от нюансов взаимоотношений между корреспондентами. Так, в письмах к брату Алексею, который младше Николая Семеновича на шесть лет (о сложных отношениях между братьями см. главу «Врачи человеку домашние его» в книге А. Лескова), редко встречаем обращение только по имени, обычно в зчине фигурирует имя и отчество, чем подчёркивается установленная писателем дистанция: *Любезный брат Алексей Семенович! Вчера в 9 час. вечера получена у Крохина твоя депеша*<...> (17 апреля 1886 г.). Далеко не дружелюбием веет и от приветствия *Любезнейший Alexis!* (7 октября 1888 г.). На этом фоне подчёркнуто интимно воспринимается обращение *Любезный друг Петрович!* к мужу сестры, акцизному чиновнику, к которому «Лесков снисходил, ценя в зяте больше всего почтительность, никогда не позволявшую ему вступать в серьезные пререкания и несогласия со своим именитым свояком. Он обезоруживал Лескова полной безответностью и слепой покорностью» [Лесков А.Н., с. 476-477].

Следует отметить, что формула «Любезный/любез-

ная» в родственной переписке не столько способствует выражению симпатии, сколько носит формальный характер. Нередко содержательная часть письма, начинающегося зчином с этой формулой, исполнена едкой иронии и раздражения. Красноречиво следующее письмо: *Любезная сестра! Благодарю тебя за поздравление с «ангелом», хотя я, по правде сказать, сам не знаю: кто мой ангел, и думаю что у меня его нет. За медленность в ответах не советую извиняться: что за охота всякий раз повторять одно и то же. Некогда да и баста! Отвечать на письма аккуратно могут люди свободные и несерьезные вроде Гладстона или Льва Толстого, да иных еще пустяшных людей из «фантазеров», а умным и деловитым – всегда некогда и до самой до смерти они своих нужных дел не переделают*<...> (О.С. Крохиной, 30 января 1893 г.).

Включение в этикетную формулу лексемы *друг* («Милый друг», «Добрый друг <мой>», «Уважаемый друг», «Бесценный друг», «Любезный друг») способствует выражению душевного расположения к адресату (показательны строки из письма от 3 февраля 1893 г. к молодой писательнице Л.И. Веселитской, с которой у Лескова установились теплые отношения: *Уважаемый друг! Я хочу, чтобы Вы позволили мне называть Вас таким образом, потому что это отвечает тому, что Вы для меня есть: я Вас уважаю (без фразы), и пытаю к Вам самое братское дружество, и с Вашей стороны чувствую дружелюбие*). Нередко такое обращение призвано подчеркнуть интенцию благодарности: *Благодарю Вас, любезный друг Сергей Николаевич, за исполнение моей просьбы и за милое письмо* (С.Н. Шубинскому, 17 июня 1886 г.), *Любезный друг Сергей Николаевич! Очень тебе благодарен за внимание, и за приглашение к обеду, но быть не могу* (С.Н. Терпигореву, 22 февраля 1894 г.) и др. Подобные формулы активно используются Лесковым, в частности, в письмах к В.Г. Черткову – ближайшему другу Л.Н. Толстого. Отношение Лескова к Толстому в определенной мере проецируется и на Черткова, проявляясь в том числе в выборе этикетных формул приветствия, вплоть до обращения *«Возлюбленный Владимир Григорьевич!»* (8 марта 1887 г.).

Гораздо реже встречается в зчине лексема *благоприятель* ‘добрый приятель, доброжелатель, хорошо знакомый и услужливый человек’ (Даль): *«Коварный, но милый»* *благоприятель Алексей Сергеевич!* (А.С. Суворину, 5 марта 1871 г.), *Любезнейший благоприятель Илья Ефимович!* (И.Е. Репину, 18 февраля 1889 г.).

Для зчина писем к сыну, а также к пасынку и падчерице характерно использование эмоционально окрашенной лексики, часто в сочетании с местоимением *мой*, с уменьшительными именами, принятыми в общении с адресатом: *Мой милый сын! Дорогой мой хлопчик! Дорогой мой Андрюша! Светик мой Дронушка!* (А.Н. Лескову), *Милый друг мой Вера! Милое дитя мое Вера! Милая моя Верушка!* (В.М. Бубновой), *Милый друг Боря! Любезный друг Борисушка!* (Б.М. Бубнову) и т.п.

Особой интимностью проникнуты обращения, включающие эмоционально-экспрессивные лексемы и местоимение *мой* при обращении к друзьям, коллегам: *Драгоценный Вы мой Филипп Алексеевич!* (Ф.А. Терновскому, 12 ноября 1882 г.), *Давным-давно, что день, собираюсь писать Вам, сердечный мой Филипп Алексеевич, но все некогда* (Ф.А. Терновскому, 19 января 1883 г.), *Драгоценнейший мой Петр Карлович!* (П.К. Щебальскому, 6 мая 1872 г.), *И Вас с праздником, мой старый коллега!* (А.С. Суворину, 25 декабря 1879 г.) и т.п.

Для Лескова характерно почти полное отсутствие в зчине писем этикетных слов со значением приветствия. В проанализированном материале нами зафиксировано лишь два случая включения слова «Здравствуйте!»: *Уважаемый Петр Карлович, здравствуйте!* (П.К. Щебальскому, 7 мая 1871 г.), *А на Москве не спешили и грамати ссылааться не охочи...» Здравствуйте!* (В.М. Лаврову, 12 июля 1889 г.). Отметим, что в письме к издателю журнала «Русская мысль» В.М. Лаврову не случайно в зчине отсутствует обращение по имени-отчеству, а вместо этикетной формулы приводится не то цитата, не то стилизованная («подстариненная») фраза, выражающая интенцию упрёка. Писатель, видимо, с трудом сдерживает раздражение, выговаривая далее адресату: *«На Вашу записочку я ответил давно – в тот же день, когда ее получил. От Вас же ответа нет, по обычаю. Это неудобно. Зачем Вы меня спрашивали о том: есть ли у меня что-нибудь готовое? Нужно Вам что-нибудь или не нужно? Что бы, кажется, взять да и сказать прямо...»*.

И.И. Дорфман отмечает, что «в функции приветствия в письмах XIX-начала XX века может выступать высказывание с интенцией поздравления» [Дорфман, с. 88]. Для лесковского эпистолярия такой зчин не характерен. В рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся две открытки, всё содержание которых сводится к поздравлению адресата: *Поздравляю Веру со днем ангела, а Катерину Степановну с имениницей. Н. Лесков* (Бубновой В.М., 13 сентября 1880 г.); *Поздравляю Николая Александровича и Прасковью Никифоровну Лейкиных с годовицей их брака. Н. Лесков* (Н.А. Лейкину, 4 ноября 1878 г.). Имеются единичные послания, начинающиеся поздравлением, в том числе ответным: *Поздравляю тебя, мой сын, со днем твоего рождения* (А. Лескову, 8 июля <1881 г>, Киев); *Воистину Христос воскресе, уважаемый Иван Сергеевич!* (И.А. Аксакову, 23 апреля 1875 г.); *Взаимно Вас поздравляю* (С.Н. Шубинскому, 2 января 1890 г., <Петербург>). Но при написании и таких писем Лесков порой не может умерить свой нрав. Так, поздравляя 20 июля 1878 г. с днём рождения Татьяну Петровну Пассек, он начинает торжественно: *Многочтимая Татьяна Петровна! Примите и моё поздравление с обновлением лет <...>*, а далее цитирует стихотворение Лермонтова «И скучно, и грустно...», вовсе не способствующее созданию светлого настроения. Издёвка слышится в зчине письма к А.Н. Пешковой-Толиверовой:

Поздравляю Вас, не знаю с чем, – так разнообразны и многочисленны фамильные дни Ваши (26 декабря 1887 г.). А в письме к сестре (13 апреля 1892 г.) в ответ на поздравление (видимо, с Пасхой) после сухого «Я получил твоё праздничное письмо <...>» читает ей нотацию «о пошлости праздничных поздравлений» [Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома, с. 36].

Рассматривая этикетные формулы обращения в лесковских письмах, нельзя не сказать о резко отрицательном отношении писателя к титулованию как адресата, так и собеседника (см. статью «Пресыщение знатностью», где Лесков призывает отказаться от манеры «заменять собственное «крестное» имя человека титулом», считая это «вредным обычаем»). Сам Лесков прибегает к «титляциям» в единичных случаях. Так, он обращается «Ваше превосходительство Егор Петрович!» к имевшему чин генерал-лейтенанта Е.П. Ковалевскому, председателю Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда), куда вынужден был обратиться за ссудой, но получил предложение о безвозмездной помощи, что посчитал оскорбительным для себя (см. письма от 20 и 26 мая 1867 г.). А вот в письме к П.К. Щебальскому упоминание титула способствует выражению дружеской иронии: *Ваше превосходительство меня, читателя своего, изволили уязвить напрасно, назвав меня «чадолюбивым отцом своих творений» <...>. Но зато и я смею на отместку «язвануть» Вас, уважаемый и достойнейший протектор мой, Петр Карлович<...>* (11 февраля 1871 г.).

Интенцией извинения обусловлен выбор эпистолярной формулы в письме к С.Н. Шубинскому: *Высокочтимый генерал! Мне до глубины души больно, если я в самом деле огорчил или «обидел» Вас мою запискою. Вы знаете и не можете не знать, что я Вас горячо и искренно люблю и уважаю, а потому огорчить Вас умышленно я не могу. Но, может быть, в словах моих было что-нибудь неуместное. Простите мне это, дорогой и милый друг мой Сергей Николаевич!* (3 апреля 1886 г.).

В письмах Лескова встречаются и единичные, необычные обращения к адресату, обусловленные определёнными интенциональными намерениями автора, порой ломающие представления о каких бы то ни было этикетных формулах. Так, письмо к А.Н. Пешковой-Толиверовой от 16 марта 1884 г. начинается обращением, выражающим сочувствие человеку, вынужденному продавать ценные вещи (*Болезная моя Александра Николаевна! Вещь Вашу я показал <...>*). Совсем иные интенции выражают другие письма к тому же адресату. В ответ на просьбу о протекции для начинающей актрисы, вызвавшую возмущение Лескова, он пишет: *Немилосердная Александра Николаевна! Прошу меня извинить, что я отоспал к вам обратно ваше письмо <...>* (26 апреля 1885 г.). В письме от 15 декабря 1888 г. писатель, крайне раздражённый неспособностью Пешковой-Толиверовой, издателя журнала «Игрушечка», вести дела, выплёскивает переполняющие его эмоции. Выражения выбираются самые хлест-

кие, начиная с окказионального обращения: *Ваше высокобестолковство! Когда же печатать объявлениято? По каким дням и где – в головах, или под хвостом? – Или все равно, как сам жидовский метрампаж заблагорассудит?... Экая несчастная голова совсем без соображения и без всякой аккуратности! – Срам!* Даже поздравляя Александру Николаевну с именинами, Лесков не может удержаться от иронии: *Известно стало нам, что в Августейшем доме Вашем опять новое торжество...* (18 мая 1892 г.).

Сухая официальная формула «Милостивый государь» обыгрывается в дружеском письме к журналистке А.В. Каировой и её дочери, которым (видимо, в ответ на упрёки) Лесков пишет: *Обе мои немилостивые государыни! Никогда я знакомства с Вами не нарушал и всегда считаю Вас людьми удобными для моего простосердечия. Я люблю Вас и прошу любить меня* (А.В. Каировой, <1880, осень–1885, начало июня, Петербург).

Самоиронией проникнуто письмо к С.Н. Терпигореву, с которым установились близкие отношения. Лесков, вынужденный по состоянию здоровья отклонить приглашение друга, обращается к нему с шутливым, стилизованным под церковнославянский язык обращением: *Во всех хитростях благоискусному и любвеобильному брату нашему, исоподинготу же Сергию, чищебнику же тамбовскому и козловскому и всяя Русии пустобреху<...>* (21 октября 1889 г.). Всё письмо написано в том же духе: *И шлем есьми твоему незлобию и братолюбию от своего недостоинства низкий поклон и благодарение и т.д.*

В письмах Лескова ярко проявляется такая особенность эпистолярного жанра, как диалогичность, проявляющаяся в том, что корреспонденты, «будучи разделены во времени и пространстве, руководствуются принципом «пишу как беседую» [Дорфман, с. 87]. Этим обусловлено нарушение во многих письмах трехчастной структуры за счет отсутствия типичного зачина, когда первая фраза письма либо выражает коммуникативное намерение автора, либо продолжает обсуждение общей для коммуникантов темы, либо является ответной репликой в дистантном диалоге (в этом случае может выборочно цитироваться письмо, на которое Лесков отвечает), см., например: *Усердно Вас прошу, достоуважаемый Николай Алексеевич, черкнуть мне безотлагательно два слова: идут ли «Божедомы» в феврале?* (Н.А. Любимову, <Январь 1869 г.>); *Я давно собирался писать Вам, уважаемый Петр Карлович, да все откладывал* (П.К. Щебальскому, 7 октября 1871 г.); *Это прекрасно, достойнейший Петр Карлович, что Вас «учили писать письма»* (П.К. Щебальскому, 23 февраля 1875 г.); *Я почти такого ответа и ждал от Вас, уважаемый Петр Карлович, и ответ сей признаю справедливым, тем более что «грязная история», раскрываясь, обнаруживает такую тину, что от нее надо желать быть только подальше* (П.К. Щебальскому, 23 февраля 1875 г.); *Вы задаете вопросы, на которые ни один человек не должен отвечать <...>* (А.Н. Пешковой-Толиверовой, 2 марта 1883 г.); *Вы меня уже и не удив-*

ляет. Соловьев-Н^е см^елов^е пошел разъяснить Вам, что **теперь** не время говорить о Льве Толстом, но Вы таки свое прете!.. О чем же Вы меня просите? (А.Н. Пешковой-Толиверовой, <1884 г>, Петербург); Я не в претензии, Алексей Сергеевич, но на «тетрадки» указывать можно <...> (А.С. Суворину, <март 1886 г>); Все это так бы можно пустить, но Вы не раз, а каждый раз на слове и на письме стегаете этого честно пострадавшего человека тем, что он «экс-профессор» (А.И. Фаресову, 29 октября 1893 г.); Совершенно спра-ведливо, Анатолий Иванович, что полемику о достоин-стве суждений Каблица надо бросить (А.И. Фаресову,

30 октября 1893 г.) и мн. др.

Анализ формул обращения в эпистолярном наследии Н.С. Лескова показывает, что диапазон их широк, а выбор в каждом конкретном случае обусловлен прежде всего коммуникативными намерениями автора. Наши наблюдения подтверждают положение других исследователей о полифункциональности как особенности дружеской переписки [Фесенко, с. 11]. Зачину в письмах Н.С. Лескова свойственны прежде всего такие функции, как фатическая (контактоустанавливающая), этикетно-ритуальная, pragматическая (функция эмоционального и интеллектуального воздействия на адресата).

Библиографический список

1. Дорфман И.И. Речевой жанр приветствия/прощания в эпистолярном наследии А.П. Чехова. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011, № 132. С. 86-91.
2. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Домана 1971 год. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. 144 с.
3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта, Наука, 2006. 696 с.
4. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. Тула, 1981. 647 с.
5. Лесков Н.С. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1958. 598 с.
6. Русская грамматика. Т. И. М.: Наука, 1980. 783 с.
7. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта, Наука, 2012. 264 с.
8. Фесенко О.П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: авто-реф. дис. ... докт. филол. наук. Томск, 2009. 37 с.

References

1. Dorfman I.I. Speech genre of greeting / farewell in the epistolary legacy of A.P. Chekhov. // News RSPU. A.I. Herzen. 2011, № 132. Pp. 86-91.
 2. Annual Edition by the Manuscript Department of Pushkin House in 1971. L.: Nauka. Leningrad Department, 1973. 144 p.
 3. Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language. Ed. M.N. Kozhina. M.: Flint, Nauka, 2006. 696 p.
 4. Leskov A.N. The life of Nikolai Leskov in his personal, family and non-family records and memories. Tula, 1981. 647 p.
 5. Leskov N.S. Works. In 11 v. V. 10. / N.S. Leskov. M.: Literature, 1958. 598 p.
 6. Russian grammar. V. I. M.: Nauka, 1980 783 p.
 7. Fedosyuk Y.A. What is unclear from the classics, or Encyclopedia of the Russian life in the XIX century. M.: Flint, Nauka, 2012. 264 p.
 8. Fesenko O.P. A comprehensive study of phraseology of friendly epistolary discourse of the first third of the XIX century: Author's abstract, dissertation, Doctors of Philology. Tomsk, 2009. 37 p.
-
-

Т.В. БАХВАЛОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра
русского языка, Орловский государственный универ-
ситет

E-mail: btv-orel@yandex.ru

T.V. BAKHVALOVA

Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian
language, Orel State University
E-mail: btv-orel@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ

LINGUISTIC REGIONAL STUDIES: FROM TEACHING EXPERIENCE

Статья посвящена проблемам лингвистической подготовки студентов. Рассматривается один из путей реализации регионального компонента в вузовской практике. Определяются направления в изучении языкового пространства региона на примере Орловщины.

Ключевые слова: вузовское образование, региональный компонент, лингвокраеведение, орловские говоры.

The article is devoted to the problems of language training of students. The one of the ways of implementation of the regional component in university practice is considered. Areas of the study of language space are determined on the example of the Orel region.

Keywords: higher education, regional component, linguistic regional study, Orel dialects.

В многоаспектной лингвистической подготовке специалиста-филолога значительное место занимает региональный компонент. Реализация лингвокраеведческой составляющей решает целый комплекс важных для профессионального образования задач: повышает общий уровень филологической подготовки студентов; способствует лучшему пониманию и усвоению теоретических курсов; помогает глубокому осмысленному восприятию многих языковых фактов, «встраиванию» их в полученный объём знаний; «открывает» ценностную и культурную информацию, хранящуюся в языке жителей определённого региона; ориентирует на научно-исследовательскую работу в области языкоznания; приобщает к историческому прошлому малой родины, способствует познанию её духовной и материальной культуры, языковых особенностей родного края; повышает качество всего учебно-воспитательного процесса образования студента-филолога.

Описанием языкового пространства региона как части духовной культуры его жителей занимается лингвистическая регионалистика (лингвогеография), или лингвистическое регионоведение (лингвогеоно-ведение). Это новая дисциплина, что во многом объясняет отсутствие единства в понимании её структуры и объёма.

Лингвистическая регионалистика, на наш взгляд, прежде всего должна учитывать, что язык жителей региона – это часть национального языка, структурно ему тождественная. Как и национальный язык, язык региона представляет собой сложное явление, это синтез следующих составляющих:

– литературный язык, включающий в себя кодифицированный литературный язык, в том числе и раз-

говорную речь;

- просторечие, представляющее собой устную не-нормированную речевую сферу;
- социальные диалекты (профессиональные языки, жаргон, в том числе и молодежный);
- территориальные диалекты – народные говоры.

Задачей лингвистической регионалистики является системное разноаспектное описание языкового пространства региона, при этом особое внимание обращается на отличительные особенности в области лексики, фонетики, грамматики, словообразования, на изучение «специфических явлений и вариаций языка, обусловленных этнической картиной региона, влиянием территориального диалекта, особенностями использования различными социальными группами в зависимости от целей и условий коммуникации» [10, с. 36].

В поле зрения лингвистической регионалистики все разновидности языка, представленные в речи жителей определенного региона с приоритетным описанием региональных черт. Каждая из составляющих национального языка рассматривается с позиций соотношения в ней общенародного и регионального.

Локальный компонент описывается в разных аспектах в зависимости от поставленных целей, например, устанавливается состав регионально маркированных лексических единиц, их мотивационная основа, особенности словообразования, системная организация и др.

Лингвистическая регионалистика исследует язык как жителей города, так и сельского населения.

О необходимости и важности изучения «состава и структуры языкового быта города» писал в свое время Б.А. Ларин [5, с.189]. В определенной степени эта, одна из задач языкоznания, решается и лингвистами, изучаю-

щими речь жителей конкретного региона.

Наиболее отчетливо своеобразие лингвистического пространства города выявляется при изучении городского ономастикона, включающего в себя как официальные, так и неофициальные онимы разных типов. Показательны в этом плане урбанонимы – наименования городских объектов. В каждом городе свой состав наименований городских объектов – улиц, площадей, магазинов, кафе и др. Имеются и свои приоритеты, во многих наименованиях звучит региональная тематика. Так, в г. Орле есть магазины «Орел», «Орловский каравай», издательство «Орлик» и др. На родине И.С. Тургенева, Н.С. Лескова правомерны и такие названия, как магазин «Бежин луг», торговый центр «Малиновая вода», гостиница «Очарованный странник», издательство «Вешние воды» и др. Богато представлены в городском ономастиконе и народно-бытовые, неофициальные наименования городских объектов: *Бунинка* – библиотека им. И.А. Бунина, *Пришвинка* – библиотека им. М.М. Пришвина, *Дворянка* – парк Дворянское гнездо.

В городском лексиконе находит отражение богатство и разнообразие всех сфер жизни. Говоря о лингвистической характеристики города, Б.А. Ларин писал: «Языков здесь всегда много... Всякая устойчивая социальная группа – помимо всех других условий своего образования, объединяется общностью языка...» [5, с. 190]. Одной из форм самоорганизации и существования таких групп, их противостояния окружающей среде, обществу является групповой жаргон – «речь индивидов и групп индивидов, образующих... разные относительно замкнутые социальные группы» [2, с. 25].

Особенно много групповых жаргонов возникло в последнее время в связи с демократизацией общества и языка. Наряду с общими языковыми чертами, свойственными групповым жаргонам определенных социальных групп вне зависимости от места проживания их индивидов, в лексиконе таких групп немало регионального, рас пространенного на ограниченной территории. Подобные языковые особенности заслуживают фиксации, лексикографического описания и изучения. Возникновение групповых жаргонов объясняется потребностью, желанием назвать привычные понятия, предметы, действия по-новому, экспрессивными и разными словами. Необходимо отметить многочисленность жаргонных слов в речи молодежи, имеющей свою субкультуру.

Отличаясь яркостью, выразительностью, прозрачностью мотивационной основы, жаргонные слова представляют разные тематические группы. Большую группу составляют жаргонизмы, характеризующие человека. Как и в целом в языке и народных говорах, здесь преобладают слова и устойчивые словосочетания с негативной оценкой. Показательны в этом плане агентивы, употребляемые в речи молодежи г. Орла: *шишкарь* «человек, занимающий высокую должность», *кайфоломка* «о том, кто доставляет неудовольствие, вызывает досаду, раздражение», *синяк* «часто и много пьющий че-

ловек», *бухарчик* «человек, который любит выпить», *штаны на лямках* «о взрослом человеке, который ведет себя как ребенок», *борзометр зашкаливает* «о том, кто высказывает непомерные амбиции, ведет себя нагло и бесцеремонно» и др. Значительна группа номинаций, оценивающих человека по интеллектуальным способностям. О глупом человеке могут сказать *лохотрон*, *долбодятер*, *без гармошки, ворона тормозная, с дурью двадцать* и под.

Жаргонная лексика – активно изменяющаяся группа русского языка. «Никакой пласт лексики не меняется и не исчезает так быстро, как жаргонизмы. Каждое новое поколение несет свои жаргонизмы, отмечает старые», – отмечает А.С. Герд [3, с. 207]. Эта особенность жаргонной лексики «обязывает» лингвистов записывать «вспыхивающие» неологизмы, дабы сохранить их как уникальную часть национального языка, требующую, как и все в языке, изучения.

Заслуживает пристального внимания языковедов и устная профессиональная речь в городе – «речь людей, связанных одной профессией, одним родом занятий, интересов, речь специалистов или узких знатоков в той или иной области знаний: речь врачей, преподавателей...» [2, с. 24]. Так, в речи врачей г. Орла встречаются, например, такие слова и словосочетания: *челюсчинец* «больной в челюстно-лицевом отделении больницы», *тепепузик* «больной с выступающим животом из-за скопившейся там жидкости», *люстра* «мигалка на скорой помощи», *Анна Дмитриевна* «смесь анальгина и димедрола», *наркоз по Кальтенброннеру* «наркоз с недостаточным обезболиванием».

Устная речь специалистов одной и той же профессии, проживающих в разных регионах, содержит много общего. В то же время на профессиональную речь накладывает свой отпечаток территориальная разобщенность. Для лингвогеографии особый интерес представляют локальные особенности устной профессиональной речи, их соотношение с общерусскими чертами.

И молодежный жаргон, и устная профессиональная речь относятся к социальным диалектам, назначение которых «служить средством связи для лиц, входящих в определенную социальную или профессиональную группировку, объединять всех членов в одну корпорацию, имеющих свои интересы – профессиональные, социально-сословные, возрастные, культурно-эстетические и т.п.» [1, с. 68].

Лингвогеография изучает не только устную речь отдельных групп городского населения, но и язык местных СМИ, которые при тщательном анализе могут дать богатейший материал об особенностях языка жителей региона.

Речь жителей города (особенно если это небольшой город или поселок городского типа) подвержена влиянию окружающих территориальных диалектов. Жителями таких городов в значительной части являются выходцы из сельской местности, для которых местные говоры хорошо знакомы с детства. Сохраняющаяся

связь с родным домом, с односельчанами «поддерживает» в их речи диалектные черты. В то же время под влиянием окружающей языковой среды они могут значительно изменяться. Возникает региолект – особая форма устной речи, совмещающая в себе литературный язык, архаичные черты диалектов и развивающиеся новые особенности [1, с. 22]. Своеобразное сочетание местного, диалектного и общезыкового создает индивидуальность, неповторимость каждого региолекта. Их изучением занимается этнолингвистика, диалектология. Свои научные интересы в плане описания региолектов имеет и лингвистическая регионалистика. Она обращает особое внимание на локальный компонент, его роль и «удельный вес» в структуре региолекта.

Наиболее яркие и многочисленные региональные особенности традиционно отмечаются в речи сельского населения. Лица, живущие на определенной территории, с давних пор в своей речи имеют много ареально ограниченных черт, отличных от общенародного языка. Разновидность языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными географически, территориально является территориальным диалектом.

Территориальные диалекты определенного региона изучает лингвистическое краеведение. Лингвистическое краеведение в традиционном понимании этого названия ориентировано на изучение народных говоров родного края. Как один из разделов лингвистической регионалистики оно имеет свой объект и предмет исследования. Лингвистическое краеведение занимается изучением и системным описанием словарного запаса, фразеологического фонда, фонетических особенностей, грамматического строя, словообразования. Лингвокраеведов интересуют процессы, свойственные единицам разных уровней языка в прошлом и настоящем, место говоров региона в системе диалектного членения русского языка, их связи с другими языками.

Лингвистическое краеведение является составной частью краеведения. Краеведение занимается разноспектральным изучением родного края, ведущим в совокупности к всестороннему познанию жизни социума на определенной территории. Краеведение изучает природу, население края, особенности его исторического и социально-культурного развития, своеобразие языка, материальной и духовной культуры. Выделяется комплексное краеведение, приоритетным направлением которого является изучение вышеперечисленных вопросов во взаимосвязи, и отраслевое краеведение, занимающееся глубокой разработкой одной из составляющих комплексного краеведения. К числу последних относится и лингвистическое краеведение.

В настоящее время различают краеведение и отечествоведение: «...краеведение – органичная составная часть страноведения, или отечествоведения. ...страноведение – это наука, включающая в себя два разновеликих компонента знаний о России: 1) сведения о стране в целом, 2) сведения о различных сторонах жизни и деятельности отдельного конкретного региона («составлено краеведение»)» [7, с. 10]. Отечествоведение на-

зывают также *отчизноведением, россиеоведением* [9]. Отечествоведение и краеведение объединяют то, что основной целью считается всестороннее изучение страны, части страны теми, для кого эта территория является родным краем.

Лингвистов-краеведов интересуют как живые говоры, так и речь местного населения в прошлом. В зависимости от хронологической отнесенности описываемого материала лингвистическое краеведение делится на синхронное и диахронное. Синхронное лингвистическое краеведение занимается фиксацией, обработкой, научным анализом живой речи жителей родного края. Диахронное, или историческое, лингвистическое краеведение ориентировано на изучение народных говоров родного края в прошлом, нашедших отражение в произведениях устного народного творчества, памятниках письменности, текстах художественных произведений мастеров слова.

В соответствии с конкретным объектом исследования выделяются разные направления изучения местных говоров. Так, региональную лексикологию интересует лексика говоров определенного региона, а региональную ономастику – его ономастическое пространство.

Сбором, систематизацией и лексикографическим представлением диалектного материала занимается региональная диалектная лексикография. Так, лексика орловских говоров широко представлена не только в издающемся Словаре орловских говоров, но и целом ряде тематических словарей, посвященных описанию метеорологической, свадебной лексики, лексики орловских рыбаков, орловских кожевников и др.

Особым направлением в лингвокраеведении является исследование местных говоров в разные периоды их исторического развития, что является основой для выводов о формировании живых говоров, о своеобразии их лингвистического ландшафта. Материалом для таких научных изысканий служат прежде всего различные памятники письменности – рукописные, хранящиеся в архивах, и изданные.

Внимание языковедов к памятникам письменности как лингвистическим источникам имеет давние традиции. В процессе их исследования возникло новое направление отечественного языкоznания – лингвистическое источниковедение, теоретические основы которого были изложены С.И. Котковым [4]. Внутри этого направления, на наш взгляд, вполне можно выделить региональное лингвистическое источниковедение, так как очень ценным и информативным является разноспектрное изучение памятников письменности одного региона. Для лингвистического краеведения ценность представляют сведения, полученные в результате анализа различных по жанровой и хронологической принадлежности памятников родного края. Введение в научный оборот, комплексное исследование таких лингвистических источников значимо и для решения вопросов, касающихся развития русского литературного языка, народных говоров в целом. При изучении орловских говоров ценным лингвистическим источником

могут послужить Отказные книги – памятники южновенгерского наречия XVII века. [11].

Богатый этнолингвистический материал родного края содержится в текстах художественных произведений, являющихся истинными хранителями языка и культуры. «Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, то есть обо всем, что составляет содержание культуры» [8, с. 87].

Орловский край богат именами известных писателей – мастеров художественного слова. Правдивое описание жизни орловской деревни второй половины XIX – начала XX вв. представлено в произведениях И.С. Тургенева, И.А. Бунина, Н.С. Лескова, И.Е. Вольнова и др. Хорошо знавшие быт, обычаи, нравы, язык жителей родного им орловского края, писатели-орловцы отразили особенности жизни своих земляков в своих рассказах, повестях. Лингвистическое краеведение имеет в своем распоряжении необычайно насыщенные информацией регионального содержания тексты. Достоверному изображению героев, их характеров, действий, ситуаций способствовало активное употребление писателями диалектных слов, устойчивых выражений. Диалектизмы встречаются и в авторской речи, но чаще всего они «расцвечивают» речь персонажей. Приведем несколько примеров из «Повести о моей жизни» И. Вольнова: *Овцы, как вытряхнутый из мешка горох, рассыпались по парине, коровы сошли вниз, к ручью, телята лезут к зелени. Сквозь забитые одеждой окна мягко гудел колокол: церковный сторож отбивал часы; скрипел снег под ногами колотушечника. Он с шумом поднимается и говорит, скрипя зубами: – Сидишь вот с моргасулькой да ослепнешь, надо другую лампу купить, светлую... Отпихнув меня в угол к ухватам, он верещит маме: – Нехалява! Непряха! Бесподставница! Черт голобокий!..*

Из текстов художественных произведений писателей-орловцев узнаем много интересного о жизни на Орловщине в прошлом, о сохранении здесь мировосприятия, свойственного нашим предкам. Всего лишь столетие назад, как показывает текст «Повести о днях моей жизни» И. Вольнова, среди сельских жителей использовался очень древний способ определения времени в течение суток. В далёком прошлом при восприятии действительности ориентировались на неподвижность земли и движение солнца от линии горизонта к горизонту – от восхода до заката. При определении дневного времени учитывалось положение солнца относительно горизонта и статических природных объектов – деревьев (обычно в этих целях использовался дуб как самое высокое, долговечное, заметное, к тому же считавшееся священным дерево): *В этот день мы отдыхали больше, чем следует. Запрягли лошадь снова только перед вечером, когда солнце стояло на три дуба от заката. В качестве примет определенного периода дневного времени могла служить и длина тени, падающей от пред-*

метов: *Когда выросла в четыре шага тень от сохи и перестали кусаться мухи, захотелось есть.*

Быт сельского жителя наглядно и документально точно представлен во многих произведениях И.А. Бунина. Многочисленные диалектные слова убеждают читателя в достоверности описываемого: *Избу застилало теплым пресным паром, валившим из чугуна от картошек. Кухарка... яростно толкла их толкачами, посыпая мукой... над табуреткой с оловянным тазом был прибит медный рукомойник, и на полочке лежал обмызганный кусочек кокосового мыла. Утишка висела на рукомойнике с Михайлова дня. ... В избе противно и тепло воняло; кухарка спала на голом конике, закрыв лицо фартуком... Оська лежал на нарах в полушибке, в лаптях, уткнув голову в сальную тяжелую подушку* («Деревня»).

Сведения о лексико-фразеологической системе говоров находим и в произведениях писателей-орловцев второй половины XIX – начала XXI вв. Так, в рассказах Т.И. Грибановой, помещенных в сборник «Лесковка» и изданных в 2013 году, встречается немало диалектных слов и фразеологизмов, многие из которых не отражены в словарях: *белогористый* «с шерстью белого окраса», *белокрайка* «большой платок с белыми полосами по краям», *белолоз* «вид ивы, отличающейся гибкостью и прочностью», благодаря чему является ценным материалом для плетения», *блуд* «в народных представлениях: злой дух, который заставляет плутать, блуждать», *бодастый* «бодливый», *бутетёнить* «купаясь, плескаясь, создавать брызги, волнение на воде» *бутетень* «лёгкая дымка», *бяшка* «хлеб, испеченный с солью, пережжённой на Благовещенье; хлеб в Благовещенье даётся скоту для предотвращения болезней», *валерьянник* «стебель лекарственного растения валерианы», *печёрские горы* «плоский широкий выступ в верхней части русской печи, на котором спят, лежат, сушат одежду и др.», *блин не клин, живота не расколет* «о возможности без вреда для организма съесть много блинов» и др.

Как видим, для лингвокраеведов тексты художественных произведений писателей родного края – это кладезь не зафиксированных в словарях, а также вышедших из активного употребления, территориально ограниченных слов и фразеологизмов. Этот факт подчеркивает тесную связь лингвистического краеведения с литературным краеведением. Неслучайно в последнее время наряду с лингвистической регионалистикой выделяют филологическую регионалистику. Знание региональной лексики, особенностей народных говоров помогает адекватному восприятию авторского замысла текстов художественных произведений писателей, чья жизнь связана с конкретным регионом, в творчестве которых отражается живая речь, познанная в близком общении с простым народом.

Так, историко-лингвистический анализ зафиксированного в живых орловских говорах слова *тупей* «спускающаяся на лоб прядь волос у мужчин; чуб» помогает понять название рассказа известного писателя-орловца Н.С. Лескова «Тупейный художник», всем хорошо зна-

комую фразу из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» ...*А в те годы все важны! в сорок пуд...* *Раскланяйся – тупеем не кивнут.* Исследователь диалектного слова обязательно узнает, что в XIII–XIX вв. слово *тупей* имело значение «старинная прическа с взбитыми и зачесанными назад волосами», что от него в своё время были образованы прилагательное *тупейный* «относящийся к тупею, предназначенный для тупея», существительное *тупейщик* «парикмахер», а само слово *тупей* заимствовано из французского языка *toupet* «чуб».

Лингвистическую регионалистику привлекает как своеобразие языка объединенных на тех или иных основаниях групп местного населения (городского, сельского) – территориальные и социальные диалекты, так и авторские инновации. Интерес представляет окказиональное словотворчество писателей изучаемого региона.

Неотъемлемой частью лингвистической регионалистики является региональная лексикография. В последнее время появился целый комплекс словарей, посвященных описанию лексического пространства Орловщины. Кроме упомянутых выше диалектных словарей, Т.В. Бахваловой И А.Р. Поповой изданы словари, посвященные забытым и редким словам в «Записках охотника» И.С. Тургенева, устаревшей лексике в произведениях И. Вольнова. Есть ономастические словари: антропонимия Орловщины XVI–XVII вв. представлена в словаре В.Е. Татаркина, современные неофициальные антропонимы – в словаре Т.И. Невровой. Продолжается издание словаря новообразований Н.С. Лескова, автором которого является Л.В. Алёшина.

Безусловно, изучая язык жителей того или иного региона, нельзя не учитывать труды ученых, их заслуги в изучении языка родного края. Так, в изучение орловских говоров значительный вклад внесли многие ученые,

среди которых известные отечественные языковеды.

Уроженцем орловской земли является крупнейший специалист по русскому и славянским языкам, выдающийся диалектолог, исследователь топонимии и антропонимии профессор Афанасий Матвеевич Селищев (1886–1942). Особое место занимают труды ученого, посвященные народным говорам. Свои родные говоры Ливенского уезда Орловской губернии А.М. Селищев описал в работе «Заметки по великорусской диалектологии» (1927 г.) [12]. Он считал, что при изучении говоров необходимо учитывать внелингвистические факторы, повлиявшие на их формирование: «...справки об историческом прошлом изучаемой группы, об её отношении к другим группам в далёком и недалеком прошлом, об этнографических особенностях представляют нередко ценные данные для надлежащего уразумения исследуемого языкового явления» [12, с. 410].

Имя доктора филологических наук, профессора Сергея Ивановича Коткова (1906–1986), являющегося основателем возникшего в начале 60-х годов XX столетия и успешно развивающегося нового направления в русистике – лингвистического источниковедения, «благодаря чему исследователи получают добротные тексты... древнерусской и великорусской письменности» [6, с. 427], хорошо известно историкам языка. Под редакцией С.И. Коткова изданы многие памятники южновеликорусского наречия, в том числе и Отказные книги XVII в. – Мценские, Орловские, Новосильские и др. [11]. В середине XX в. (1944–1954) С.И. Котков работал в Орловском педагогическом институте. Во время диалектологических экспедиций им собран уникальный диалектный материал, описанный в докторской диссертации «Говоры Орловской области (фонетика, морфология)».

Библиографический список

1. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1987. 160 с.
2. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд. СПб., 2005. 457 с.
3. Герд А.С. О лингвистическом подходе к понятию «жаргон»// Слово в словаре и дискурсе: Сб. научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006. С. 201-208.
4. Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980. 294 с.
5. Ларин Б.А. К лингвистической характеристике города // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 189-199.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 685 с.
7. Макаров В.И., Пальчун Г.П. Отечествоведение и краеведение: различное в едином // Лингвистическое отечествоведение.
- Т. 1. Елец, 2001. С. 9-15.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2004. 208 с.
9. Новикова Т.Ф. Отчизноведение и краеведение в обучении русскому языку // Наследие академика Ф.И. Буслаева: история и современность. Пенза, 2008. С. 240-244.
10. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области): коллективная монография; под ред. Т.Ф. Новиковой. Белгород, 2011. 228 с.
11. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Отв. ред. С.И. Котков. М., 1997. 260 с.
12. Селищев А.М. Заметки по великорусской диалектологии // Избранные труды. М., 1968. С. 402-428.

References

1. Bondaletoff V.D. Social linguistics. Moscow, 1987. 160 p.
2. Gerd A.S. Introduction to ethnolinguistic: the course of lectures and chrestomathy. Edition 2. St. Petersburg, 1987. 457 p.
3. Gerd A.S. About the linguistic approach to the concept of “jargon” // The word in the dictionary and discourse: The collection of scientific articles to the 50th anniversary of Harry Walter. Moscow, 2006. Pp. 201-208.
4. Kotkov S.I. The linguistic source studies and the history of the Russian language. Moscow, 1980. 293 p.
5. Larin B.A. To the problem of the linguistic characteristics of the city // Larin B.A. The history of the Russian language and general

linguistics. Moscow, 1977. Pp. 189-199.

6. The linguistic encyclopedic dictionary. Moscow, 1990. 625 p.
 7. *Makarov V.I., Palchun G.P.* The study of the Fatherland and the study of the region: different in a single // The linguistic study of the Fatherland. V. 1. Yelets, 2001. Pp. 9-15.
 8. *Maslova V.A.* Cultural linguistics. Moscow, 2004. 208 p.
 9. *Novikova T.F.* The study of the Fatherland and the study of the region in the teaching of the Russian language // The heritage of academician F.I. Buslaev: history and modernity. Penza, 2008. Pp. 240-244.
 10. The experience of aspectual analysis of the regional language material (on the example of the Belgorod region): collective monograph; edited by T.F. Novikova. Belgorod, 2011. 228 p.
 11. The monuments of the South great Russian dialect. Exemption books / The editor-in-chief is S.I. Kotkov. Moscow, 1977. 431 p.
 12. *Selischev A.M.* Notes of the great Russian dialectology // The selected works. Moscow, 1968. Pp. 402-428.
-
-

А.Ю. БУШУНОВ

аспирант, кафедра русской литературы XX-XXI веков
и истории зарубежной литературы, Орловский госу-
дарственный университет
E-mail: sam_susam_ab@mail.ru

A.YU. BUSHUNOV

Graduate student, Department of Russian literature of
the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel
State University
E-mail: sam_susam_ab@mail.ru

**КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ЛИРИКЕ АНДРЕЯ ВАСИЛЕВСКОГО
(ПО СБОРНИКУ 2013 ГОДА «ТРОФЕЙНОЕ ОРУЖИЕ»)**

CULTURAL CODES IN ANDREI VASILEVSKY'S LYRICS (BY COLLECTION OF 2013 "TROPHY WEAPON")

Один из ведущих поэтов современности Андрей Василевский демонстрирует в своих книгах уникальный синтез мироощущения людей разных поколений, живущих в настящее время, с богатым культурологическим наследием иных эпох. Теме усвоения и дополнения поэтической традиции на самых разных уровнях с целью отражения самосознания и целеполагания «героев нашего времени» посвящена данная статья.

Ключевые слова: Андрей Василевский, «Трофейное оружие», культурный код, поэтический замысел, цитатная полифония, метафизика, христианство, агностик, культурный код, культурно-исторический контекст.

One of the leading poets Andrei Vasilevski demonstrates in his books a unique synthesis of the attitude of the people of different generations living in the moment, with a rich heritage of cultural studies of other epochs. This article is devoted to the theme of adoption and addition of the poetic tradition at various levels in order to reflect self-awareness and goal-setting of "heroes of our time".

Keywords: Andrei Vasilevski, "Trophy weapon", cultural code, poetic vision, citation polyphony, metaphysics, Christianity, agnostic, cultural and historical context.

В современном поэтическом тексте непосредственно авторское слово интенсивно взаимодействует с устоявшейся художественно-культурной традицией, и данный синтез является не просто логичным и естественным для поэтической речи, но и оказывается необходимым для придания стихотворению большей смысловой глубины и метафизической плотности. Дополнение ранее утвердившихся в сознании читателя тем, идей, методик и разновидностей поэтики креативными поэтическими замыслами служит ключевой литературной приметой нашего времени. Индивидуальный творческий инструментарий обогащается за счёт внедрения в художественную ткань текста общих культурных кодов и архетипов. Художественный потенциал подобного явления осознали многие поэты – начинаяющие и опытные стихотворцы, – среди которых Лев Лосев, Тимур Кибиров, Аркадий Штыпель, Фёдор Сваровский, Мария Степанова, Данила Давыдов и другие.

Особенно продуктивно пользуется этим приёмом современный поэт Андрей Василевский. В послесловии к его книге «Трофейное оружие» Мария Галина высказала мысль, способную привести к плодотворному литературоведческому дискурсу: «У Василевского, наравне с культурными фигурами «высокой литературы», выведенными в стихах, впрочем, тоже вполне безыллюзорно и даже иронично, а также наряду с инфернальными белками или отдельно взятыми хорьками, во множестве присутствуют персонажи культовых «Чужих» («А на

луне лежал в печали/Какой-то alien больной», «Хищник смотрит на Чужого Чужой на Хищника») и компьютерных игр («Если знаешь комбинацию клавиш/Лара Крофт успеет выхватить пистолеты»), популярных сериалов («хаус холмс и пуаро/спорят до ночной звезды/кто из них возьмёт ведро/молча принесёт воды»), контркультурных мультфильмов («Кенни снова живой»). (1, 106).

Действительно, в поэтическом словаре Василевского можно обнаружить множество имён собственных. Это знаменитые поэты и писатели (Бенедиктов, Пушкин, Лев Толстой, Пастернак, Ахматова, Маяковский, Вознесенский, Всеволод Некрасов, Гандлевский, Лев Лосев, Пригов, Астрид Линдгрен, Станислав Лем, Бродский), философы (Платон, Фёдоров), политические деятели (Вышинский, Сталин, Дмитрий Медведев), представители шоу-бизнеса (Кевин Спейси, Хью Лори), персонажи фильмов, фэнтезийной литературы, сказок и мультсериалов (Красная шапочка, Пэк, Оберон, лейтенант Рипли, Гарри Поттер, Снарк, Бармаглот), представители семьи самого поэта (Василевские, Пожарские, Орловы, Индлеры).

Используя в своих текстах эти многочисленные имена, автор создаёт свою уникальную поэтику, решает художественные, эстетические и философские задачи. Критик Артём Скворцов, высказываясь по поводу творческих приоритетов Василевского, особенностей его поэтического дискурса, замечает: «Это мир, где демократ ничего не может возразить фашисту на спокойное

убеждение «фашизм – это хорошо», где едва ли не самое живое существо – мёртвая кошка, стерегущая в потёмках героя, где едва ли не самая живая женщина – расхитительница гробниц Лара Крофт с пистолетами наголо, где самому лирическому субъекту легче почувствовать себя не человеком, а ядерной боеголовкой, не в охотку летящей выполнять задание, где антропоморфное пространство вообще, кажется, тихо сошло на нет, и во всём подлунном мире лишь Хищник смотрит на Чужого – пробел – Чужой на Хищника.

Василевский последовательно, бескомпромиссно, равнодушно показывает среду обитания современного человека и его самого as it is... А раз автору удалось передать свой образ мира читателю, значит, поставленная им художественная задача выполнена». (2, 56).

Согласившись с идеей чувственной отстранённости поэта от изображаемого им мира, мы можем добавить, что в своём творчестве Василевский очень часто показывает среднестатистического человека, героя своего времени, лишённого прочной мировоззренческой базы, оказавшегося наедине с пугающей его сложной метафизикой окружающего мира, которую он не в силах вместить в свой внутренний мир и адекватно «переработать», исходя из собственных духовных резервов. Об этом многое может рассказать стихотворение «Сказка»:

на кухне о проппе
не о капитале
а маркса в гробу мы видали
а вот она зимним стоит истуканом
с гранёным стаканом
и хлебом обдирным
истина необъективная
ужас неадаптированный
белые улицы скользки
снегом забиты скворешни
вперёд продолжается сказка
и вашкиного мяса поевши
а-хаха
и вашкиного мяса поевши (1,97)

Лирический субъект, рядовой, в меру рефлексирующий гражданин, попадает под пресс авторского культурного разоблачения, имитирующего жизненный процесс, который выступает в качестве эпизодически-аллегорической биографии героя (она не имеет заглавных букв, то есть интересных запоминающихся выдающихся событий, и осознания её этапов, которые позволили бы поставить хоть какой-нибудь знак препинания). Он находится в состоянии постоянной и безнадёжной рефлексии, так как, возможно, получил филологическое образование, поэтому и знаком с трудами фольклориста Проппа. А его главные труды, «Структурно-функциональное описание сказочного сюжета» и «Исторические корни волшебной сказки», вступают в произведении в странное взаимодействие истории, экономической теории и массового сознания. А может быть, это автор иронизирует над вечным сю-

жетом про белого бычка, который постоянно интерпретируют наши соотечественники, невольно включаясь в новую мифологему и давая образцы псевдо-культурных разговоров. Можно только догадываться, почему на кухне (месте диссидентских бесед и споров) речь идёт о сказке и её теории, хотя, возможно, сама действительность даёт возможность продолжать её ненаучное исследование на новом историческом этапе, как бы в связи с новыми реалиями, которые сказочны, гротескны, фантасмагоричны. Явно дистанцируясь от главного героя, хотя и не делая его заглавным персонажем, поэт передаёт мироощущение воинствующего «антиматериалиста», потому что путь духовного развития он не преодолел и даже не начал. Он способен пока лишь только отрицать материалистические экономические теории, ведь можно предположить, что на глазах этого человека потерпел крах социалистический строй, а свобода слова набирает обороты («а маркса в гробу мы видали»). Хочется вспомнить, что герой-рассказчик в поэме С.А. Есенина «Анна Снегина» на вопросы земляков о Марксе и «Капитале» без тени смущения отвечает: «Ни при какой погоде я этих книг, конечно, не читал». В стихотворении Василевского мы имеем дело с завершением исторического отрезка насаждения советской идеологии. Ключевым, без всякого сомнения, следует считать слово и важнейшую философскую категорию «истина», она, разумеется, «необъективная», потому что у каждого своя, особенно на кухне, а во-вторых, подвержена изменениям в сознании самого человека. Кроме того, она персонифицируется, то есть обретает узнаваемые человеческие или двойнические черты (зимний истукан), наделяется символическими атрибутами (гранёный стакан, хлеб обдирный), которые подчёркивают кризисность момента (голод физический или духовный) и желание забыться, напиться, уйти от пугающей реальности. А может быть, это и есть метафизический выход и уход от неразрешимых вопросов, некая индивидуальная материализация мира в противовес коллективной, надоевшей, но, по сути, сводившейся к тому же: ешь и не думай. Теперь место идеи занимает поиск истины, но он мучителен и, возможно, безуспешен. Неслучайно рядом появляется строка «ужас неадаптированный», которая дополняется явным неприятием угрожающего и безжизненного реального мира за окном (белые улицы скользки/ снегом забиты скворешни). И наконец, всё завершается безрадостной перспективой дальнейшего существования во враждебной среде: «вперёд продолжается сказка/ и вашкиного мяса поевши/ а-хаха/ и вашкиного мяса поевши». Можно заметить, что финал приближен к абсурду за счёт речевых, грамматических, синтаксических ошибок, лексического смешения: двойная отсылка к людоедским замыслам Бабы Яги в русской народной сказке «Гуси-лебеди» (едва ли не той самой Истины, вполне кореллирующей со Смертью, которая рано или поздно поглотит человека, независимо от его понимания-непонимания происходящего) разбавляется нелепым традиционным сетевым комментом, давно заменившим индивидуальную реакцию на информа-

цию. Мы имеем возможность наблюдать эклектический синтез частного и общего, природного и рукотворного, оптимистического и пессимистического, а также поколенческих мировоззренческих парадигм.

Лирический герой Василевского зачастую находится в своеобразном художественном анабиозе, потому что модель жизни за него строят деконструированные образы Державина, Маяковского, Мандельштама, Пастернака, Ахматовой, Льва Лосева, помещённые в абсурдные и сюрреалистические контексты. Эти образы и ситуации, в которые они попадают, блокируют ментальную деятельность лирического субъекта и ограничивают его влияние на читателя. Таким способом достигается эффект максимальной отстранённости автора от героя и абсолютной трагичности его бытия:

далеко не ходить за примером
маяковский работает главным курьером
у него получается
он с резидентом встречается
передаёт получает
и всё равно скучает
на краю старого или нового света
ищет хорошего преферансиста
потом поэты хоронят поэта
чекисты чекиста

а стать достояньем слависта
ну не знаю моя дорогая(1,30)

Данный текст внутренне строится по аналогичной схеме: культурный код Маяковского подменяет образ лирического объекта, и внешняя канва сюжета напоминает очередную легенду из жизни поэта; но на следующем уровне восприятия стихотворения прослеживается судьба героя, укладывающаяся в границы представленной мифологемы. Читателю на самом деле явлен образ обывателя-труженика, который работает не по призванию, но стремится к некоему жизненному идеалу, скорее всего к собственной нежизнеспособной творческой установке. Не лишённый дарования, он никак не может реализовать свои способности. Здесь явно прослеживается прагматический взгляд на искусство, декларируемый «ЛЕФом», а затем «РЕФом» и непосредственно их лидером Маяковским, который выполнял функцию «расшифровки» декретов, указов постановлений верховной власти поэтическим способом, то есть становился этаким курьером в народ, в массы от власти. В стихотворении спонтанно и неуклонно разрастается система образов, как и географический контекст: в старом и новом свете (речь, возможно, не о карте, а о политике) появляются новые персонажи, как то резидент (явно шпионский персонаж, намекающий на вечное противостояние), преферансист, который, вероятно, является типичным шулером, а в «новом свете» сексотом, соглашаем для творческой личности, а, может быть, как в «Чёрном человеке» Есенина – альтер эго; затем «цеховое» окружение (поэты, чекисты), а затем и собеседница рассказчика, и круг славистов, очевидно, экспертов и

культурных продюсеров. В итоге герой совсем исчезает из текста и читательского сознания, а остаётся лишь открытый иронический голос автора, внезапно разрушающий всю стиховую конструкцию и вызывающий у читателя ощущения метафизической девальвации героя относительно мастерски выстроенного текста.

Культурно-художественный код как самостоятельная креативная доминанта текстов Василевского предстаёт перед читателем не только в облике реально существовавших исторических личностей, но и в роли персонажей фильмов (упоминавшиеся неоднократно Чужой и Хищник), книг (Гарри Поттер), хрестоматийных сказок (Красная шапочка). В стихотворении «Ночь Гарри Поттера» автор на фоне собственного киносценария, в котором «очкирику» противостоит его создатель – Джоан Роулинг, на оригинальном текстовом уровне сам выстраивает жёсткую летальную ситуацию. Герой находится в переходном состоянии между жизнью и смертью, ему предстоит встреча с потусторонним миром:

Она вроде разбойничьей приближающейся ладьи
Или там отважной, на ферзя нацеливающейся ладьи,
Хоть горшком назови, только в жаркую печь не
клади,
Так бормочет очкарик, пытаясь доплыть до утра.
(Гарри Поттер реальней церетелевского петра.)

До утра забрасывается и вытягивается сеть.
Какая-то Роулинг ему выбирает смерть.
Он что-то предчувствует, сомневается до поры.
Он уже не уснёт от её креативной жары.

Можно убить злодея, оправдаться перед творцом,
Дожить до конца истории и увидеть перед концом
Своего творца с обезумевшим женским лицом.
(Катяется в боулинге чудовищные шары.) (1,48)

Местоимение «она», безусловно, настраивает читателя на неумолимую встречу героя со смертью, но в этом стихотворении впервые слышно авторское сожаление о том, что персонажу уготована такая страшная участь, и это противостоит постмодернистскому отстранению. Определяющая интонация этого текста – признание уникальности человеческой личности, её абсолютной ценности в мироздании, пусть она и воплощена в литературном персонаже. Подобную мысль высказал в одной из проповедей Александр Мень, и она представляется важной, так как позволяет соотнести авторский замысел с планами Творца и вечной проблемой самоидентификации художника: «Не исключено, что всё многообразие видимой вселенной с огромными вакуумами, где человеку пока нет места, было необходимо в общем замысле эволюции, чтобы из всей этой мешанины на конец вылупился человек. Может быть, потребовалась печка целой Вселенной, чтобы выплавить одно человечество... Не исключено, что нужна была вся эта необъятная лаборатория, чтобы родился человек».(3, 84) В произведении Василевского мы видим произвольное,

недетерминированное уничтожение жизни по прихоти, капризу создателя-самозванца, который сам до конца не понимает, зачем ему нужна эта гибель, роднящаяся с кошмарным экспериментом. Это не просто абсурд вымыщенного бытия, это преступление против логики и всех законов гуманизма, как бы абстрактно они ни декларировались в литературе.

Несмотря на религиозный интонационный посыл, автор всё же наделяет своего лирического героя сомнениями и настроениями агностика («Он что-то предчувствует, сомневается до поры»). У него отсутствуют какие-либо представления об осознанном духовном мире, он не укреплён верой и отчаивается, видя надвигающийся на него хаос: «Катятся в боулинге чудовищные шары», – что и происходит с каждым агностиком. Следует обратить внимание на игровой компонент, который становится страшной метафорой реальности, сочетаясь с трагическим финалом, обусловленным абсурдностью инородного вымысла. Боулинг оказывается уменьшенной копией мироздания, в котором находится место и ассоциации с гильотиной, то есть насильственным прерыванием жизни, поставленным на поток. Это ближе всего к военным событиям, унифицирующим функцию личности в историческом процессе и её неизбежный фатальный, физический или нравственный, исход. Если вернуться к образам Василевского, то следует сказать, что появление боулинга с его главными атрибутами, катящимися шарами, что собственно и отражает суть игры и смысл человеческой жизни, с одной стороны, оригинально, с другой – узаконено литературной традицией. Можно вспомнить стихотворение И.С. Тургенева «Крокет в Виндзоре», написанное по поводу устранения Англии от проблем в Болгарии, связанных с османскими зверствами. Правда, королева играет в крокет, но к ногам её подкатываются головы заученных страдальцев:

Ей чудится: вместо точеных шаров,
Гонимых лопаткой проворной –
Катаются целые сотни голов,
Обрызганных кровью черной...
То головы женщин, девиц и детей...
На лицах – следы истязаний,
И зверских обид, и звериных когтей –
Весь ужас предсмертных страданий. (6, 296)

Тема и образ смерти у Василевского самодостаточны, она находится у истоков и финалов всего, проявляя себя в сфере эсхатологической предопределенности (достаточно вспомнить начало произведения Василевского, апофеоза опасности). Разбойничья ладья – это узаконенный произвол, знак бессилия жертвы и насилия внезапного врага. Предполагаемый при чтении произведения и давно узаконенный для узнавания этих судов «весёлый роджер» является тиражируемой символикой черепа и костей Адама, не связанных в подобной эксплуатации с изображением Христа на распятии, и делает его фактом самостоятельного эгоистически жестокого существования без идеи искупления и спасе-

ния, то есть покаяния и вечности. Обратим внимание и на символически-метафизический посыл: ладья-смерть как непреодолимая угроза нацеливается на фигуру, находящуюся выше её в шахматной иерархии, – на ферзя, в котором угадывается человек как Божье творение, имеющее высшую цель – бессмертие. Герой американского фэнтези говорит русскими идиомами, слегка видоизменёнными, но сохранившими ужасный смысл: и «жаркая печь», и рыбацкая сеть, да и оба омонима «ладья» – всё это предвещает фатальный исход, за которым стоит воля неведомого автора, какой-то Роулинг, которая вдруг может открыть своё инкогнито и разочаровать жертву своей незначительностью и самозваным правом управлять судьбой личности.

Если говорить о проблеме жизни и смерти с точки зрения их обусловленности авторским сознанием и историко-культурными процессами, то можно отметить диаметрально противоположные подходы двух литератур, точнее, литературных направлений: соцреализма и постмодернизма, – в первом из которых детерминирует идея социального оптимизма, а во втором – тотальной безысходности. В качестве примера можно привести отрывки из иронично-дидактического стихотворения Михаила Светлова «Живые герои» (1927г.), которые отражают не только официальный соцзаказ, но и личный творчески-новаторский порыв, в чём-то вызванный спором с предшествующей литературой (продолжение тенденции мы можем наблюдать уже на новых примерах, например, на стихотворениях Василевского):

Товарищи классики!
Бросьте чудить!
Что это вы, в самом деле,
Героев своих
Порешили убить
На рельсах,
В петле,
На дуэли?..

Я сам собираюсь
Роман написать -
Большущий!
И с первой страницы
Героев начну
Ремеслу обучать
И сам помаленьку учиться.

И если, не в силах
Отбросить невроз,
Герой заскучает порою,-
Я сам лучше кинусь
Под паровоз,
Чем брошу на рельсы героя.

И если в гробу
Мне придется лежать,-
Я знаю:
Печальной толпою
На кладбище гроб мой

Пойдут провожать

Спасенные мною герои. (4, 128)

Очевидно, что происходит слияние автора-создателя и героя-сына, некое сотворения нового мира, якобы лишённого мифологизации, грани, разделяющей реальное и вымыщенное. В начале нового ХХI века встреча героев произведения превращается в перевёртыш: более материализованный и страдающий Гарри Поттер не приходит со светлой печалью на похороны своего автора, чтобы засвидетельствовать почтение и выразить благодарность, как у Светлова, а пребывает в стихийной субстанции её абсурдного сознания, грозящего катастрофой.

Подводя итог, следует сказать, что культурный код

– это лишь небольшая составляющая всего интертекстуального разнообразия лирики Василевского. Цитатная полифония создаёт глубокий культурно-исторический контекст, обилие аллюзий и реминисценций, связанных с самыми разными источниками, убеждают читателя в неразрывной связи автора с поэтической традицией, несмотря на оригинальность подхода к воплощению идеи и самые смелые параллели. Следует сказать, что Василевскому удалось с помощью культурно-художественных архетипов создать трагический образ лирического субъекта и объекта, укрывшегося под внешним, беллетризовано-мифологическим уровнем текста.

Библиографический список

1. *Василевский А.* Трофейное оружие. М.: Воймега, 2013. 112 с.
2. *Галина М.* Люди, хорьки, элиенсы, кошки//*Василевский А.* Трофейное оружие. М.: Воймега, 2013. С.103-108.
3. *Мень А.* Почему нам трудно поверить в Бога? М.: Жизнь с Богом, 2008. 199 с.
4. *Светлов М.* Живые герои// К огню вселенскому: Русская советская поэзия 1920-1930-х годов/Составитель предисловия и комментариев Грекова Е.В. М.:Правда, 1988. С.127–128.
5. *Скворцов А.А.* Василевский. Всё равно. //«Знамя», 2010. №12. С.56.
6. *Тургенев И.С.* Крокет в Виндзоре/ Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: «Наука» 1986. Т. 12 С. 296-297.

References

1. *Vasilevski A.* Trophy weapon. M.: Voymega, 2013. 112 p.
2. *Galina M.* People, ferrets, aliens, cats // *Vasilevski A.* Trophy weapon. M.: Voymega, 2013. Pp. 103–108.
3. *Men'A.* Why do we find it hard to believe in God? M.: Life with God, 2008. 199 p.
4. *Svetlov M.* Living heroes // To the universal fire: Russian Soviet poetry 1920-1930 / Preface and comments by Grekov E.V. M.: Pravda, 1988. 576 p. Pp.127-128.
5. *Skvortsov A.A.* Vasilevsky. No matter. // «Znamya », №12, 2010 P.56.
6. *Turgenev I.S.* Croquet at Windsor / Complete Works and Letters in thirty volumes. M.: “Nauka” 1986. Vol.12. Pp. 296-297.

А.В. КЛОЧКОВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра
немецкого языка, Орловский государственный
университет
E-mail: klochkov.a_new@mail.ru

A.V. KLOCHKOV

*Candidate of Philology, Associate Professor, Department
of German language, Orel State University*
E-mail: klochkov.a_new@mail.ru

НЕПЕРЕВОДИМЫЙ ШУКШИН: ОПЫТ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА

UNTRANSLATABLE SHUKSHIN: THE EXPERIENCE OF LINGUOSTILYSTIC CONTRASTIVE ANALYSIS OF ORIGINAL AND TRANSLATION

В предлагаемой статье с помощью лингвостилистического сопоставительного анализа выявляются безэквивалентные единицы разных уровней. В качестве основания для сопоставления выбрана pragматическая функция, что связано с понятиями жанра и стиля произведения.

Ключевые слова: Шукшин, рассказчик, перевод, безэквивалентность.

In the given article nonequivalent units of different levels are described with the help of lingual stylistic comparative analysis. As basis for this analysis the pragmatic function is chosen that is connected with such concepts as genre and style of the work.

Keywords: Shukshin, narrator, translation, nonequivalence.

Данная статья написана в русле «критики перевода». «Критика перевода» – это раздел общей теории перевода, который занимается оценкой качества перевода текста с одного языка на другой.[1]

Задача дисциплины «Критика перевода» состоит в выработке объективных критериев и соответствующих категорий научного аппарата анализа языкового текста оригинала и оценки его перевода. Они должны установить границы перевода оригинала, их объективную и субъективную обусловленность и создать тем самым основу критики перевода, т. е. «проверяемости» качества перевода.

Основным методом критики перевода является сопоставительный анализ языковых текстов подлинника и перевода. Он предполагает преобразование разрозненных критериев оценки в целостную норму как средства проверки качества подобия перевода оригиналу, а следовательно, и его положительному или отрицательному оцениванию.

Основная трудность анализа оригинала и перевода состоит в выборе основания сопоставления (т. е. основания эквивалентности), с помощью которого можно оценить текст перевода, установить, в какой степени он соответствует оригиналу.

Основная масса исследований вопроса о текстовой эквивалентности перевода ориентирована на референциальную функцию текста, а, следовательно, на его содержательно-мыслительную сторону. Однако тогда возникает вопрос, какой язык текста переводится? Язык текста, оформленный по нормам языковой системы, в том числе и функциональной, или язык текста, срабо-

танный по нормам употребления, т.е. язык реальный, функционирующий, работающий, живой.

Данная статья построена на представлении о языке как реальном феномене, т.е. стилистически оформленном языке, несущем коммуникативную, социальную информацию.

Следовательно, в качестве основания для сопоставления оригинального и переводного текста берется pragматическая функция, т. е. речь пойдет о факторе эмоционально-смыслового воздействия текста или, иными словами, об эффекте воздействия на адресата, что связано с понятием коммуникативной системы и стиля произведения.

В статье принято толкование стиля, восходящее к трудам В.В. Виноградова: «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка» [3]. Такая трактовка стиля предполагает его изучение как нормативной категории, выполняющей функцию программы целесообразного употребления языка в художественном произведении.

Коммуникативная система произведения представляет собой способ и форму изложения содержания (способ повествования) – это система отношений, центром которых является «образ автора-повествователя».

«Образ автора-повествователя» – это не только более или менее конкретный образ, присутствующий вообще всегда в каждом литературном произведении, но и некая образная идея, принцип и облик носителя речи.

Авторский слой является сложным конструктом, объединяющим в себе функции субъекта речи и механизма выражения художественной идеи произведения.

Но образ автора – это не просто субъект речи. Это концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их отношении с повествователем или рассказчиком и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого. Категория «образ автора» связывает различные элементы формы в прозаическом произведении, сплавляя их в единое органическое целое. Эта категория образует внутреннюю целостность формы и обуславливает единство и органичность внешней языковой формы произведения. «Образ автора» является формой экспрессивно-смыслового изложения содержания, а, следовательно, и механизмом перевода естественного языка в язык художественный. Вокруг «образа автора» группируется вся художественно-стилистическая система произведения.

«Образ автора» выступает как цементирующая сила, которая связывает все стилистические средства в цельную словесно-художественную систему. Это также та категория, которая отвечает за передачу и реализацию жанрового единства произведения. Таким образом, выявление адекватности перевода становится возможным на основе сопоставления жанровых характеристик текста оригинала и текста перевода, находящих своё концентрированное выражение в категории «образ автора». Сохранение «образа автора» оригинала в тексте перевода позволяет говорить о сохранении исходного жанра первичного текста и адекватности перевода, и наоборот, изменения в переводе, затрагивающие «образ автора», даже при условии точной передачи содержания текста, приводят к нарушению норм литературного жанра оригинала и лишают перевод адекватности.

Существует три основных типа авторов-повествователей в прозаическом произведении:

1. «ауториальный автор-повествователь» в форме «он» (Er-Erzähler);
2. «персональный автор-повествователь» в форме «я» (Ich-Erzähler) или в форме действующего лица произведения, но говорящего от имени «я»;
3. «персонифицированный автор-повествователь», так называемый «обозначенный (каким-либо именем) повествователь». В границах этих типов авторов-повествователей существуют разнообразные переходные формы. [2]

При этом структурная организация «образа автора-повествователя» может иметь следующие ее разновидности: 1) «образ автора-повествователя» представляет единую точку зрения на протяжении всего произведения; 2) «образ автора-повествователя» в произведении един, но расщепляется в процессе повествования на разные «лики», и 3) «образ автора-повествователя» представляет собой множественность повествователей, где каждый образ выражает свою точку зрения, своё отношение к изображаемому. «В литературном маскараде писатель может свободно на протяжении одного

художественного произведения менять стилистические маски. Для этого ему нужно лишь большое и разнородное языковое хозяйство» [Цит. по 2, 253].

Система авторов-повествователей порождает речевой полифонизм, речевое многоголосие произведения, которое реализуется через систему стилистических типов повествовательной речи: литературно-письменная речь, устно-разговорная, разные виды внутренней речи (несобственно-прямая речь, несобственно-авторская, внутренний монолог, скрытый диалог, полемическая речь, «сказовая» речь и т.д.).

В качестве материала выбран рассказ В.М. Шукшина «Космос, нервная система и шмат сала».

В рассказе особо подчёркивается деревенское происхождение героев, а их диалоги носят характер фамильярно-соседской болтовни. Сохранение типичных характеристик субъекта речи осуществляется разными средствами как на синтаксическом, так и на лексическом уровнях. Синтаксическими средствами создаются сигналы «устности», то есть создается впечатление произнесенной спонтанной, неподготовленной речи, лексическими средствами передается фамильярный характер речи. Такого рода тексты безэквивалентны. В качестве центрального понятия безэквивалентности текста принята категория образа автора-повествователя.

В рассказе «Космос, нервная система и шмат сала» наиболее частым средством организации речи являются диалоги, прерывающиеся короткими вставками авторского текста. Колорит социальной среды героев раскрывается через их собственную речь, к которой близка и речь повествователя.

Преобладающая диалогическая организация речи героев помогает в полной мере передать особый колорит речи сельских жителей. Ощущается, прежде всего, неподготовленность речи, её спонтанный характер. Короткие вставки авторской речи в диалогах часто предназначены лишь для введения реплик персонажей, что делает диалоги более живыми, подчёркивает их драматургичность, придавая образу повествователя характер «наблюдателя». Повествователь не навязывает своё видение ситуации, позволяя читателю составить собственное мнение, он как бы направляет читательское восприятие. Композиционно повествование выглядит как сценка, зарисовка из деревенской жизни.

Речь героев носит устно-разговорный, фамильярный характер, ей присуще большое количество разговорных и просторечных элементов, обилие средств субъективной оценки, неполноструктность языковых единиц, фразеологизмы. Эта речь эмоционально насыщена, и это проявляется особенно в эмоциональной оценочно-окрашенной лексике и фразеологии, междометиях, восклицаниях и т.д.

Что касается автора-повествователя в переводе этого рассказа на немецкий язык, то в нём не удается воспроизвести вышеперечисленные особенности. Речь героев и рассказчика олицетворяется и становится литературно-разговорной.

Рассмотрим это на примерах:

Разговорная и просторечная лексика.

Десятилетка – Zehnklassenschule

Чо эт вас так шибко в город-то тянет? – Was zieht euch bloß so mächtig in die Stadt?

Мне даже больше глянется в деревне. – Mich reizt das sogar mehr – auf dem Dorf.

Што, они много шибко получают, што ль? – Die werden sicher unheimlich gut bezahlt, nicht?

Робить надо – Arbeiten muss man

шмат сала – Stück Speck

Апосля – Spaeter

И помер – Und gestorben

В указанных примерах, как и во многих других в тексте, единицы, имеющие разговорный или просторечный характер, приобретают в переводе нейтральную окраску. Несмотря на единичные удачные соответствия, все же в языке перевода часто просто невозможно найти единицу с соответствующей пометой.

Фразеологизмы, носящие разговорный характер, в переводе также олицетворяются:

Знамо дело – Kennen wir

худо-бедно – доеду – ich komm ans Ziel – egal wie
в сердцах – erbost

В рассказе присутствуют также восклицания, которые служат для усиления эмоционального воздействия, но для которых в немецком языке нет эквивалентов, хотя переводчику в отдельных случаях удалось найти адекватные приёмы перевода.

Кончаюсь, Юрка, в крестителя, в бога душу мать!
– Mit mir geht's zu Ende, Jurka, ach herrje, verdammich!

Все, мать-перемать... – Schluss, aus...

Не приведи Господи! – Gott schuetze uns!

Это ж надо так!

Das hat mit grade noch gefehlt.

Ох, здорово! Спасибо.

Mann, das ist Klasse! Danke.

Речь рассказчика приближена к речи героев и содержит много элементов разговорного характера, например: хворал с похмелья – hat Katzenjammer

Матерился в Бога – Flucht gottserbärmlich

Старику охота поговорить – все малость полегче. –

Der Alte möchte reden. Das erleichtert.

полтора куля доброй муки – anderthalb Sack mit gutem Mehl

хотя старики в его годы еще колупаются помаленьку – obwohl andre in seinem Alter sich noch nützlich machen.

В переводе лишь в редких случаях удается сохранить разговорный характер, в большинстве случаев они также олицетворяются.

Переходя на синтаксический уровень, особое внимание привлекают конструкции, призванные отразить спонтанный, неподготовленный характер речи. К такого рода конструкциям относятся эллипсы.

Например:

Не надо было напиваться. – Hättestest dich nicht so vollaufen lassen.

Доучились. – Da habt ihr ja was gelernt...

Надоест – Man bekommt satt

«Черти драные. Тут ли счас не жить!» – Lumpenpack.

Als ließe es sich hier nicht leben...

Все вышло? – Hast du nichts mehr?

Проживем. – Wir kommen schon zurecht.

Нужно мне! – Als ob ich das nötig hätte!

Сбесился бы.

Da wär ich auch tollwütig geworden.

Как видно из приведенных примеров, эллиптические конструкции редко удаётся сохранить при переводе. Для их воспроизведения переводчик прибегает к использованию коротких предложений.

В тексте рассказа присутствуют различные виды повторов, что характерно для разговорного языка. Это средство смыслового и эмоционального выделения какой-либо части высказывания. Следует особо отметить простой контактный повтор, так как такой повтор свойственен естественной эмоциональной речи.

Все же охота доучиться? – Haste das Lernen nicht satt?

– Охота. Хирургом буду. – Wieso denn? Ich wird doch Chirurg.

Или:

А начнет человек помирать, что ты ему сделаешь? – Und was machst du, wenn ein Mensch stirbt?

– Вырежу чего-нибудь. – Ich operiere ihn.

– Так если ему срок подошел помирать, что ты ему вырежешь? – Wenn aber seine Zeit um ist, was schneidest du ihm dann raus.

Как следует из данных примеров, в тексте перевода не всегда возможно сохранить повторы.

Можно привести пример и дистантного повтора.

В тексте рассказа один из героев, обращаясь к своему собеседнику и подтрунивая над ним, говорит: «А тебе больше глянется на телеге? Или на печке лежать?»

В первом случае фраза «Или на печке лежать?» опускается в переводе, и таким образом весьма странно звучит в переводе продолжение:

– А что они, будут лучше на печке лежать? – Mann solln die vielleicht auf dem Offen liegen?

– Что ты привязался с этой печкой? – Was hast du bloß dauernd mit dem Ofen?

Передача синтаксиса спонтанной разговорной речи в немецком переводе связана с преобразованием формы предложения.

Ну похмелись тогда, чего так мучиться-то? – Na, dann kipp doch ein Gläschen zum Ausnüchtern, was quälst du dich so?

Частенько возвращались к теме о Боге – Immer wieder kommen sie auf Gott zu sprechen.

А бабка, бывало, пошепчет — и как рукой сымет. – Damals hat eine weise Frau die Wunde besprochen, und im Nu war alles wie weggeblasen.

В переводе предложения приобретают книжный характер, в то время как в оригинале повествование носит устно-разговорный оттенок.

Проанализированные примеры подтверждают мысль о том, что, чем более четкой оказывается установка текста на его устно-разговорный характер и, сле-

довательно, на противопоставление распространенным представлениям о нормах письменной речи в отношении синтаксиса, лексики и морфологии, тем сильнее будут расхождения текстов оригинала и перевода.

Безэквивалентные элементы, передающие «народный», «разговорный» характер речи героев, в переводе олицетворяются или имитируются языковыми средствами языка перевода. Синтаксис спонтанный разговорной речи также олицетворяется и адаптируется

к структурам литературно-устной речи немецкого языка. Всё это приводит к изменениям на коммуникативном уровне текста. Это уже не «подсмотренная» сценка из реальной жизни простых жителей сибирской глубинки, а стилизованный рассказ. Такого рода изменения, затрагивающие категорию образа автора-повествователя, неминуемо отражаются на художественно-стилистической целостности произведения, что снижает адекватность предложенного перевода.

Библиографический список

1. Брандес М.П. Критика перевода. Практикум по стилистико-сопоставительному анализу переводов немецких и русских художественных текстов: учеб. пособие. М.: КДУ, 2006. 240 с.
2. Брандес М.П. Стилистика текста: Теоретический курс: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
3. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. // Вопросы языкоznания. №1. 1955. М. С. 73.
4. Шукшин В.М. Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2007. 800 с.
5. Schukschin W. Gespraeche bei hellem Mondschein / Wassili Schukschin. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1981. Bd. 1. 482 p. (перевод: Шарлотте Косут)

References

1. Brandes M.P. Critique of translation. Manual on stylistic-comparative analysis of German and Russian translations of literary texts. M.: 2006. 240 p.
 2. Brandes M.P. The stylistics of the text. Theoretical course: textbook. 3rd ed. M.: 2004. 416 p.
 3. Vinogradov V.V. Resume of discussion of stylistic questions // Voprosy Yazykoznaniya. № 1. M.: 1955. P. 73
 4. Shukshin V. M. Novels and short stories. M.: Eksmo, 2007. 800 p.
 5. Schukschin W. Gespraeche bei hellem Mondschein / Wassili Schukschin. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1981. Bd. 1. 482 p. (translation: Charlotte Kosuth).
-
-
-

С.А. КОЛЕСНИКОВ

доктор филологических наук, доцент, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России
E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

S.A. KOLESNIKOV

Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the humanities and social economy, Belgorod Law Institute
E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТИ В. В. МАЯКОВСКОГО В БИОГРАФИКЕ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

CONCEPTUAL ASPECTS OF THE IDENTITY OF V. V. MAYAKOVSKY IN V.F. KHODASEVICH'S BIOGRAPHICS

В статье рассматриваются отдельные аспекты личности В.В. Маяковского в биографических исследованиях В.Ф. Ходасевича. Авторы отмечают наличие сложного отношения В.Ф. Ходасевича к футуризму в целом и к личности В. В. Маяковского в частности. Причиной этих негативных оценок являлось то, что, по мнению В.Ф. Ходасевича, В.В. Маяковский культивировал в своей жизни и творчестве деструктивные тенденции, приводящие к искаожению традиционного вектора развития литературы, к изменению представлений о роли и месте художника в обществе.

Ключевые слова: Серебряный век, В. Ф. Ходасевич, В. В. Маяковский, писатель и общество, биографика.

In the article separate aspects of the identity of V.V. Mayakovskiy in V.F. Khodasevich's biographic researches are considered. The authors note existence of the difficult relation of V.F. Khodasevich to futurism as a whole and to V.V. Mayakovskiy's identity in particular. The reason of these negative estimates was that, according to V.F. Khodasevich, V.V. Mayakovskiy cultivated in the life and creativity the destructive tendencies leading to distortion of a traditional vector of development of literature, to change of ideas of a role and a place of the artist in society.

Keywords: Silver age, V.F. Khodasevich, V. V. Mayakovskiy, writer and society, biographics.

Футуризм как жизнетворческая стратегия играл в концептуально-личностных построениях В.Ф. Ходасевича уникальную роль. Если в тех или иных модернистских литературных направлениях практически все литераторы, даже самые не признаваемые В.Ф. Ходасевичем, никогда не вызывали чувства враждебности, то футуризм дал В.Ф. Ходасевичу возможность увидеть в оппоненте не литературное «*alter ego*», как это было, например, с В.Я. Брюсовым, – футуризм показал ему врага.

Необходимо оговориться: футуризм был крайне враждебен В.Ф. Ходасевичу только в тех моментах, которыми он соотносился с личностью и творчеством В.В. Маяковского. К целому ряду поэтов, относящих себя к футуристическому направлению, таким как И. Северянин («Поэт Божьей милостью»), Е. Гуро и др., В.Ф. Ходасевич относился положительно, давал в целом позитивные оценки, что нашло отражение в значительном количестве его литературно-критических работ. Необходимо отметить еще один парадокс в контексте негативных оценок футуризма. Как и В.Ф. Ходасевич, отрицательно оценивало футуризм и советское литературоведение: «В действительности футуризм представлял собой конгломерат разных буржуазно-декадентских и богемно-анархистских групп и группочек, которые отражали общий кризис буржуазной культуры» [5, 44], – и это тоже вносит определенную тональность в определение причин враждебного отношения В.Ф. Ходасевича к

личности и творчеству В.В. Маяковского.

В ответе на реакцию эмигрантского сообщества на его жесткую посмертную статью о В.В. Маяковском В.Ф. Ходасевич писал, объясняя свою враждебность к личности автора поэмы «Хорошо»: «Маяковскому он (талант) был отпущен природой в количестве незаурядном... мне самому враждебна вся его писательская деятельность не потому, что у него нет таланта, но потому что свой несомненный талант обратил на дурные цели... предельная низость и предельная грубость, от которой все прочее в его поэзии – лишь производная...» [7]. И такое отношение к В.В. Маяковскому он пронесет через всю жизнь.

В биографии В.Ф. Ходасевича, посвященной В.В. Маяковскому, возникает нигде практически не представленное ранее чувство вражды, чувство крайнего противостояния. В иных, самых резких высказываниях по поводу неприемлемых для него литературных и жизненных позиций, В. Ф. Ходасевич, тем не менее, находил некие коммуникационные, эмоциональные, эстетические и тому подобные параллели. Однако в случае с В. В. Маяковским наблюдается полное отторжение, полное неприятие, абсолютная инородность. Тот «нравственно-эстетический экстремизм» (Ю.И. Левин), который был столь свойственен В.Ф. Ходасевичу в целом его литературно-жизненной позиции, в биографических построениях концепции личности В. В. Маяковского раскрылся в полной мере.

В личности и в творчестве В.В. Маяковского В.Ф. Ходасевича отталкивало все. Хотелось бы еще раз подчеркнуть уникальность ситуации: литераторство как образ жизни, как жизнетворческая стратегия всегда перманентно являлось для В.Ф. Ходасевича чем-то родственным, кровно близким, пусть даже и ошибающимся, как позиция В.Я. Брюсова, Н.С. Гумилева и многих других. Однако отторжение от личности В.В. Маяковского происходило даже на физиологическом уровне. Не случайно еще 25 мая 1913 г. в письме Б.А. Садовскому В.Ф. Ходасевич писал: «Декольте-Маяковский (какая отличная фамилия для шулера!)...». Именно соединение декольтированной, обнаженной телесности и шулерства как антиметафизической позиции, при этом необходимо вспомнить, какую роль играли в жизни В.Ф. Ходасевича карты, – а точнее метафизически проявляющаяся в карточной игре судьба! – определяли всю остроту неприязни В.Ф. Ходасевича к личности В.В. Маяковского.

Современники очень рано почувствовали эту остроту противостояния. Еще А.Л. Бем в газете «Руль» от 6 мая 1931 г. писал об отношении В.Ф. Ходасевича к В.В. Маяковскому: «Она (статья «О Маяковском») отражала не столько его литературные взгляды, сколько его личное отталкивание от Маяковского, всем своим поэтическим обликом ему чуждого» [1, 38].

Сам В.В. Маяковский писал о В.Ф. Ходасевиче один раз, сурово анализируя сборник «Война в русской лирике», составителем которого являлся В.Ф. Ходасевич. Возможно, это еще одна деталь неприятия В.Ф. Ходасевичем В.В. Маяковского, который словно не замечал В.Ф. Ходасевича как поэта, только однажды обратив на него внимание всего лишь как на составителя чужих стихов.

В.Ф. Ходасевич, напротив, «внимательно читал своего врага» (Н.А. Богомолов). Литературоведческо-критических обращений В.Ф. Ходасевича к творчеству В.В. Маяковского достаточно много. Н.А. Богомолов пишет: «Если составить хронику прижизненных откликов, с прибавлением первого посмертного, то в статьях, помимо двух наиболее знаменитых («Декольтированная лошадь» и «О Маяковском»), он пишет о Маяковском сколько-нибудь подробно в обзоре «Русская поэзия», в еще одном обзоре — «По советским журналам». Отзывы эти неизменно отрицательны, хотя в них есть одна любопытная особенность: Ходасевич постоянно говорит о массовых подражаниях Маяковскому» [2].

Подобная внимательность В.Ф. Ходасевича к врагу, с одной стороны, и невнимательность врага – с другой, весьма показательны. Это свидетельствует о напряженном отношении В.Ф. Ходасевича к соотнесению своей жизнетворческой линии с линией В.В. Маяковского. Сложно сказать, считал ли сам В.В. Маяковский В.Ф. Ходасевича своим литературным врагом. При этом необходимо помнить, что у В.В. Маяковского «была удивительная способность к ненависти» [4, 13]. В воспоминаниях современников сохранилась такая зарисовка. В.В. Маяковского спросили: «Вы Надсона не любите, зачем же было запоминать эти стихи?».

На что тот ответил: «Своих литературных врагов надо знать». Похожую ситуацию мы встречаем на выступлении В.В. Маяковского в «Обществе свободной эстетики» в мае 1913 г., где он приветствовал К. Бальмонта «от имени его врагов» [5, 49]. Знал ли В.В. Маяковский В.Ф. Ходасевича так же, как своего «врага» Надсона или Бальмона¹, однозначно утверждать трудно, но то, что В.Ф. Ходасевич испытывал острое чувство вражды к В.В. Маяковскому, – несомненно. Не случайно в черновом варианте статьи «О Маяковском» В.Ф. Ходасевич безапелляционно формулировал: «Восемнадцать лет, с первого дня его появления, Маяковский был моим литературным врагом» [2].

Истоки этой вражды достаточно глубоки. Они таятся в концептуальном неприятии В.Ф. Ходасевичем тех тенденций, которые олицетворял в футуризме В.В. Маяковский.

Можно привести только один литературный факт, раскрывающий хотя бы малую часть той сложной полемики, которая возникла вокруг отношений между В.Ф. Ходасевичем и В.В. Маяковским, а именно статью А.Л. Бема «Спор о Маяковском». А.Л. Бем писал: «Статья В. Ходасевича «О Маяковском», появившаяся после его смерти, была недопустима по своему характеру и объективно несправедлива. В моем представлении, я уже писал это, она является в критической деятельности его несомненным срывом» [1, 341–342]. Далее автор статьи отмечает, что «В. Ходасевич совершенно неверно сводит роль В. Маяковского к снижению словесного материала в поэзии, к ее нарочитому огрублению»; что «В. Ходасевич не склонен видеть в Маяковском и «революционера в поэзии» [1, 342; 344] «Его поэтика – более чем умеренная: она вся заимствованная у предшествующей поэзии», – утверждает он. Но и с этим никак нельзя согласиться», и так далее в соответствии с заявленной линией. Показательным является вывод, который делает А.Л. Бем: «...мы легко прощаем Беседовским (т. е. литераторам из эмигрантского журнала «Беседа» – С.К.), а для Маяковского, кроме жгучей ненависти ничего в сердце своем не найдем. Не хочется этому верить, не хочется этого допустить. Я зову не к прощению и забвению, повторяю – В. Маяковский и сам бы этого не хотел, а призываю только к бесстрастию и беспристрастии, право на что во всяком случае смерть дает» [1, 344]. Но именно такого беспристрастия не мог себе позволить В.Ф. Ходасевич.

Не проигрыш или выигрыш, вернее не только проигрыш и выигрыш служили ориентирами В.Ф. Ходасевичу в противостоянии тому, что виделось ему за личностью В.В. Маяковского. Скорее, этот процесс, именно процесс, а не какой-нибудь победный или проигранный результат, процесс метафизического противостояния той непреодолимой силе, постоянно побеждающей, но никогда не победившей, был важен для В.Ф. Ходасевича, именно в русле этого процесса он выстраивает свою концепцию личности В.В. Маяковского. Можно согласить-

¹ Сам К. Бальмонт ответил В. Маяковскому, что «у поэта не может быть врагов, что он выше вражды» [6]

ся с высказыванием Ю.А. Карабичевского: «Владислав Ходасевич в жестоком своем некрологе объективно во многом несправедлив, но субъективно вполне может быть понят. Он писал не статью, он произносил заклинание, своеобразное «чур меня?» [4, 234]. Ощущение себя воином, противостоящим разливающейся враждебной метафизике, – таковой можно представить себя позицию В.Ф. Ходасевича.

Собственно, поэтому вся концепция личности В.В. Маяковского выстраивается В.Ф. Ходасевичем на чувстве враждебности, на полном неприятии того, что носит имя «В. В. Маяковский». «Я – Маяковский» означало «Не-я» для В.Ф. Ходасевича. Если мы обратимся хотя бы к кратким выдержкам из его статей, посвященных личности и творчеству В.В. Маяковского, то даже лексика, употребляемая В.Ф. Ходасевичем, будет необычна для его обычного словоупотребления. По мнению В.Ф. Ходасевича: «Грубость и низость могут быть сюжетами поэзии, но не ее внутренним двигателем, не ее истинным содержанием. Поэт может изображать пошлость, грубость, глупость, но не может становиться их глашатаем. Маяковский первый сделал их не материалом, но целью своей поэзии... Маяковский дал улице то, чего ей хотелось. Богатства, накопленные человеческой мыслью, он выволок на базар и – изысканное опошили» [11]. И подобного типа высказываний о В.В. Маяковском у В.Ф. Ходасевича немало.

Однако в относительно богатом массиве негативного литературоведческого анализа В.Ф. Ходасевичем творчества и личности В.В. Маяковского можно встретить одну знаковую фразу, за которой скрывается особое отношение к автору поэмы «Хорошо!». В 1921 г. В.Ф. Ходасевич в своей записной книжке записал: «Мои стихи станут общим достоянием все равно только тогда, когда весь наш нынешний язык глубоко устареет и разница между мной и Маяковским будет видна лишь тончайшему филологу» [13, 12]. Если к ней внимательно присмотреться, то можно увидеть, что, несмотря на непримиримость позиций, В.Ф. Ходасевич, возможно, до конца не осознавая, обнаруживает неразрывную связь со своим «заклятым» врагом. Ведь в логике этой фразы залогом общенародной известности, залогом превращения В.Ф. Ходасевича в подлинно национального поэта становится, как ни парадоксально, именно В.В. Маяковский. В тот момент, когда произойдет слияние неслиянного, т. е. поэтико-личностных позиций В.Ф. Ходасевича и В.В. Маяковского, тогда стихи В.Ф. Ходасевич станут, по его собственному признанию, «общим достоянием».

Видимо, это ощущение неразрывности и непримиримости позиций и выводило В.Ф. Ходасевича к построению особой, отличной от всех иных, концепции личности В.В. Маяковского. По сути, это было не проживание через себя, как в случае с А. Белым, не построение идеальной личности поэта, как А. Блока, не описание и систематизация жизнетворческих ошибок, как в концепции личности Н.С. Гумилева, и не открытие иномира, называемого женской поэзией, в образе А.А. Ахматовой. Личность и творчество

В.В. Маяковского для В.Ф. Ходасевича – это враждебная территория, которую надо преодолеть, пройти, изйти из нее, произвести процесс, подобный библейскому Исходу.

Особое место в этом неявном этико-эстетическом споре, а точнее противостоянии между В.Ф. Ходасевичем и В.В. Маяковским занимал вопрос об изображении вещи, отношение поэзии и вещи. У В.Ф. Ходасевича всегда было особое представление о «вещи-в-поэзии», достаточно вспомнить его стихотворения, посвященное «перепревшой пробочке», преображеному Смоленскому рынку как громадному вместилищу вещей, особую роль зеркал и т. д. Вещь, поэтически преображенная, для В.Ф. Ходасевича – все тот же символ глубинного, духовного мира. В статье «Глуповатость поэзии» (1927) он писал: «Попадая в поэзию, вещи приобретают четвертое, символическое измерение» [8, 193]. И это взаимопонимание человека и вещи – одно из основных положений жизнетворческой концепции В.Ф. Ходасевича.

У В.В. Маяковского В.Ф. Ходасевич встречал совершенно иное: вещи В.В. Маяковского – взбунтовавшиеся вещи. Не случайным является название одного из эпических произведений В. Хлебникова, признаваемого В.В. Маяковским в качестве своего учителя, «поэта для поэтов», как «Восстание вещей». В целом «вещизм» футуризма основан на противостоянии вещей и человека. Ведь заявлял же В.Б. Шкловский, что «задача футуризма – воскрешение вещей – возвращение человеку переживания мира» [14, 27]. Вещи, считали футуристы, до появления футуризма были мертвые, а потому требуется «мистерия-буфф», чтобы провести подобное воскрешение.

Правда, в этой «мистерии-буфф» смысловой разрыв на «мистерию» и «буфф», мог быть весьма значителен. То стремление В.В. Маяковского, как это виделось В.Ф. Ходасевичу, изображать вещь без символистической глубины, как имеющую исключительно натуралистическую ценность, для В.Ф. Ходасевича было чуждо. Он писал в статье «Литература в изгнании» (1933): «Литературные отражения быта имеют ценность для этнологических и социологических наблюдений, по существу не имеющих никакого отношения к задачам художественного творчества» [8, 467], тем самым разводя натурализм и поэзию, и, конечно, по его мнению, по другую сторону поэзии оказывался В.В. Маяковский.

Обращенность В.В. Маяковского исключительно к миру материальному отталкивала В.Ф. Ходасевича. В.Ф. Ходасевич писал: «Миров иных Маяковский касается лишь с целью унизить их... Для Маяковского борьба с мещанством... есть борьба с религией...» [7, 4]. Именно ненависть В.В. Маяковского к миру ирреальному и тому, что стоит за реальностью, есть основание для обвинений со стороны В.Ф. Ходасевича. Как раз интереса к «нереальным реальностям» и не обнаруживал он в жизнетворческих стратегиях В.В. Маяковского.

При этом стремление разрушить мир «до основания», разрушить его варварскими и криминальными

способами вытекает из концептуальной, по мнению В.Ф. Ходасевича, позиции В.В. Маяковского по отношению к реальности. Для В.В. Маяковского реальность, по В.Ф. Ходасевичу, плоскостна и одномерна. В декабре 1931 г. в газете «Возрождение» была опубликована статья «Литература и власть в советской России», где было четко сформулировано обвинение в адрес В.В. Маяковского: «...мир идей он подверг быстрому и решительному пересмотру – сложное упростил, тонкое огрубил, глубокое обмелел, возвышенное унизил и втолпал в грязь. Разумеется, Богу досталось в особенности. Интеллектуальная улица в нем обрела своего глашатая» [10, 3]. В глазах В.Ф. Ходасевича, отсутствие в поэзии, как уже отмечалось, религиозности и глубокой духовности лишает поэзию называться этим именем. В.В. Маяковский же подавал все предпосылки к тому, чтобы его поэзия была воспринята В.Ф. Ходасевичем как одномерная и лишенная мистического мировосприятия.

После смерти В.В. Маяковского В.Ф. Ходасевич писал: «Этому крупному злу не могу ни поклоняться, ни сочувствовать, ни даже любоваться его размахом, как не сочувствую, не любуюсь и не поклоняюсь Ленину... Маяковский есть футурист, разрушитель и осквернитель русской поэзии... Долг мой – бороться с делом Маяковского и теперь, как боролся я прежде, с первого дня, – ибо Маяковский умер, но дело его живет...» [7,

4]. Сакральное противостояние, которое не может быть прервано телесной смертью, – именно эту линию будет продолжать вести В.Ф. Ходасевич, невзирая ни на что.

Таким образом, в биографии В.Ф. Ходасевича, посвященной В.В. Маяковскому, возникает, нигде практически не представленное ранее, чувство вражды, чувство крайнего противостояния. Вместе с тем мы встречаем достаточно пристальное внимание В.Ф. Ходасевича к творчеству В.В. Маяковского. Подобная внимательность свидетельствует о напряженном отношении В.Ф. Ходасевича к соотнесению своей жизнетворческой линии с линией В.В. Маяковского. Даже после самоубийства В.В. Маяковского В.Ф. Ходасевич практически не пересмотрел свою жесткую позицию, невзирая на мнение эмигрантского сообщества. Вопреки этому мнению В.Ф. Ходасевич идет на определенную конфронтацию с традициями «уважительной памяти о мертвых» и стремится предельно четко обозначить свою враждебность к тем жизнетворческим стратегиям, которые В.В. Маяковский представлял. Подобная, не свойственная В.Ф. Ходасевичу, беспощадность была вызвана тем, что противостояние силам, которые олицетворял для В.Ф. Ходасевича В.В. Маяковский, приобретало метафизический характер, представляло собой сакральную по своей сути борьбу против враждебной позиции.

Библиографический список

1. Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001. 449 с.
2. Богомолов Н.А. Из истории одного культурного урочища русского Парижа // НЛО. 2006. № 81. С. 146–163. [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2006/81/bo8.html>
3. Гулливер. Воспоминания Б. Лившица // Возрождение. Париж. 1932. № 3131. 1 декабря.
4. Карабчевский Ю. Воскресение Маяковского. М.: Советский писатель, 1990. 224 с.
5. Катанян В. Маяковский. Литературная хроника. М.: Госизд-во худож. лит-ры, 1956. 513 с.
6. Русское слово. 1913. 8 мая.
7. Ходасевич В.Ф. Книги и люди: О Маяковском // Возрождение. Париж. 1931. 30 июня.
8. Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. М.: Советский писатель, 1991. 684 с.
9. Ходасевич В. Ф. Кризис поэзии // Современные записки. Париж. 1934. № 3235.
10. Ходасевич В.Ф. Литература и власть в советской России // Возрождение. Париж. 1931. 10 декабря.
11. Ходасевич В.Ф. О Маяковском. // Возрождение. Париж. 1930. 24 апреля
12. Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. / Сост., подгот. текста И.П. Андреевой, С.И. Богатыревой, С.Г. Бочарова, И.П. Хабарова. М.: Согласие, 1996. Т. 1. Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. 592 с.
13. Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. / Сост., подгот. текста И.П. Андреевой, С.И. Богатыревой, С.Г. Бочарова, И.П. Хабарова. М.: Согласие, 1996. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1929–1939. 576 с.
14. Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Советский писатель, 1990. 544 с.

References

1. Bem A.L. Researches. Letters on literature. M.: Languages of Slavic culture, 2001. 449 p.
2. Bogomolov N.A. From the history of one cultural lesson of a russian man in Paris//UFO. 2006. № 81. Pp. 146–163. [Electronic resource]: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2006/81/bo8.html>
3. Gulliver. B. Livshits memories. Renaissances. Paris. 1932. № 3131. December 1.
4. Karabchiyevsky Y. Mayakovsky's revival. M.: Soviet writer, 1990. 224 p.
5. Katanyan V. Mayakovsky. Literary chronicle. M.: State publishing house, 1956. 513 p.
6. Russian word. 1913. May 8.
7. Khodasevich V.F. Books and people: About Mayakovsky // The Renaissance. Paris. 1931. June 30.
8. Khodasevich V.F. Koleblemy trinoznik. M.: Soviet writer, 1991. 684 p.
9. Khodasevich V.F. Crisis of poetry // Modern notes. Paris. 1934. № 3235.
10. Khodasevich V.F. Literature and the power in the Soviet Russia // The Renaissance. Paris. 1931. December 10.
11. Khodasevich V.F. About Mayakovsky //Revival. Paris. 1930. April 24.
12. Khodasevich V.F. Set of works: In 4 v. / Ed. by I.P. Andreyeva, S.I. Bogatyreva, S.G. Bocharov, I.P. Habarova. M.: Soglasie, 1996.
13. V.1. Poems. Literary criticism 1906–1922. 592 p.
14. V.2. Notebooks. Articles about Russian poetry. Literary criticism 1929–1939. 576 p.
15. Shklovsky V.B. Hamburg score: Articles – memoirs – an essay (1914–1933). M.: Soviet writer, 1990. 544 p.

О.А. ЛАРДЫГИНА

аспирант, кафедра истории русской литературы XI-
XIX вв., Орловский государственный университет
E-mail: ola_la789@mail.ru

O.A. LARDYGINA

Graduate student, Department of history of Russian
literature of the XI-XIX centuries, Orel State University
E-mail: ola_la789@mail.ru

**НЕИЗБЕЖНОСТЬ ОДИНОЧЕСТВА НА ПРИМЕРЕ ЮНОГО ПОКОЛЕНИЯ ГОЛОВЛЕВЫХ
ПО РОМАНУ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

**THE INEVITABILITY OF LONELINESS ON THE EXAMPLE OF GOLOVLEVS' YOUNG
GENERATION BY THE NOVEL OF SALTYKOV-SCHEDRIN**

В статье характеризуется проблема одиночества в романе «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина на примере младшего поколения Головлевых. Образы внучек Аннинки и Любоньки выделяются на фоне других обитателей имения Головлево и представляют интерес для исследования мотива неизбежности одиночества.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, проблема одиночества, роман «Господа Головлевы».

The problem of loneliness is characterized in Saltykov-Schedrin's novel "Masters Golovlevs" on the example of Golovlevs' young generation. The image of granddaughters Anninka and Lubonka stand out against a background of another Golovlev estate's inhabitants and present an interest for exploring an inevitability of loneliness motif.

Keywords: M.E. Saltykov-Schedrin, the problem of loneliness, the novel "Messrs Golovlevs".

Исследователи жизни и творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина отмечали особое внимание автора к проблемам человеческой души, проблемам человеческого в человеке. Д. Николаев в книге «Смех Щедрина» подчеркнул, что предметом сатирического исследования Щедрина является «обесчеловеченность людей» [1, с.87]. Исследователь А.А. Павлова заметила, что в романе «Господа Головлевы» играет очень важную роль тело человека и происходит это от того, что жизнь тела «компенсирует собой жизнь души, которая, в свою очередь, является лишь пустующим местом в теле» [2, с.158]. Люди в мире Щедрина перестали быть людьми, потому что потеряли то, что отличало их от животных, – свою человеческую душу. Это главная причина нарастающего одиночества в произведениях Щедрина. Его герои одиноки в толпе бездушных, обесчеловеченных людей. Но, как гласит русская пословица, свято место пусто не бывает. И зияющую дыру некогда живой души мелкие людишки залатали новым содергимым. Одиночество всех господ Головлевых можно квалифицировать, исходя из того, каким способом каждый из них заполнил образовавшиеся душевные пустоты, душевные дыры:

1. к первому типу одиночества в романе можно отнести сильных духом Арину Петровну, Порфирия Головлева и Любоньку – это одиночество «иудино», или одиночество хищника, когда смыслом существования становятся деньги, страсть к накопительству;

2. ко второму типу относятся те, кто духом слабее, не обладают твердостью характера – Владимир Михайлович Головлев, братья Степан и Павел, Аннинка – одиночество «запойное» или одиночество жертвы, когда пустота заливается алкоголем, а страсть к

накопительству сведена к минимуму.

«Господа Головлевы» – роман-предостережение от нарушений заповедей Христа. Щедрин показывает, как далеко зашли люди в своих грехах, нарушая, прежде всего, главные заповеди Иисуса: «Любить Бога» и «Любить ближнего своего как самого себя». Несоблюдение заповедей влечет духовную смерть, пустоту души, которая убивает и физически. В.В. Прозоров охарактеризовал роман о головлевском семействе как повествование о распаде семейных уз [3, с.112]. Щедрин дотошно анатомирует, как рвутся кровные связи, порождая ненависть в сердцах близких родственников. Для Щедрина это величайшая трагедия человечества, поставившая его на грань вымирания и духовного вырождения. Возникает самое страшное одиночество – когда человек физически не один, всегда окружен людьми, а фактически семейное родство оборачивается духовным сиротством.

Самыми счастливыми из всех членов головлевского семейства были сиротки Любонька и Аннинка, которые, несмотря на тяготы жизни, всегда были вдвоем, поддерживали друг друга, вместе решили покинуть Погореловку, занялись артистической карьерой. Но и их, выросших в традициях семьи, без любви, без ласки, «на кислом молочке», не миновало одиночество рода Головлевых. В них рано проснулись испорченность, распущенность, неумение удержать себя от соблазнов и грехов, и потому ждала их головлевская судьба конца. Если Любонька рано почувствовала головлевскую страсть к деньгам, то Аннинку преследовала душевная пустота, неустроенность, непонимание своего места и роли в жизни. Когда умирает Арина Петровна, Аннинка приезжает в родные места, навещает

Головлево, Погореловку. Что-то смутное зарождается в ее душе, то, чего не было ни у кого из Головлевых, – искренние человеческие чувства. Она искренне плачет на могиле бабушки, правда, больше по тому времени, когда они жили вместе. Она садится в любимое бабушкино кресло (даже в этой детали видится ее живая душа, способная к ностальгии, не свойственной другим обитателям Головлева), и перед ее глазами пестрят картины прошлого и настоящего: «*Давно ли рвалась она на волю, давно ли Погорелка казалась ей постылою – и вот теперь вдруг ее сердце переполнило какое-то болезненное желание пожить в этом постылом месте. Тихо здесь; неуютно, неприглядно, но тихо, так тихо, словно все кругом умерло. Воздуху много и простору: вон оно, поле, – так бы и побежала. Без цели, без оглядки, только чтоб дышалось сильнее, чтоб грудь саднило*» (с. 147).

У Анниньки вдруг окрылись глаза на ее настоящее: пошлая, полукочевая, никемная жизнь. Чем больше ей представлялась жизнь настоящая, тем лучше ей казалась жизнь прошлая, тем милее ей становилась Погореловка, она поняла, насколько одинока в обществе, насколько зыбко положение провинциальной артистки. Аннинька с приездом в Головлево «вдруг почувствовала себя «барышней». Припомнила, что у нее есть что-то свое: «свой дом, свои могилы, и захотелось ей опять увидеть прежнюю обстановку, опять подыщать тем воздухом, из которого она так недавно без оглядки бежала» (с.155).

Примечательно, что она единственная из рода Головлевых, кто почувствовал свои корни, кто на могилы смотрел как на родное, тогда как все Головлевы на живых родных людей смотрели как на пустое место. Но «отрезвление» Анниньки было минутным. Она с разочарованием поняла, что не может сойти со своего пути

и решила вернуться в прежнюю жизнь: «*Проснувшись на другой день утром, она прошлась по всем комнатам громадного головлевского дома. Везде было пустынно, неприятно, пахло отчуждением, вымороочностью. Мысль поселиться в этом доме без срока окончательно испугала ее. «Ни за что! – твердила она в каком-то безотчетном волнении, – ни за что!»*» (с.158)

Страх перед головлевским именем был сильнее. А между тем, в жизни ее ждали куда более серьезные испытания, столкнувшие ее лицом к лицу с одиночеством. По возвращении из Головлева, она потеряла поддержку самого близкого человека – своей сестры. Любонька, зараженная головлевской жаждой денег, ушла в разгул и всеми возможными средствами постаралась увлечь за собой Анниньку. Блеснувшая на мгновение человечность закончилась сломленной жизнью, убитыми чувствами и пустотой в душе, что, в конечном итоге, вылилось в беспробудное пьянство. И как ни крути, все дороги ведут в Головлево: «*Головлево – это сама смерть, злобная, пустоутробная; это смерть, вечно подстерегающая новую жертву. Двое дядей тут умерли; двое двоюродных братьев здесь получили «особенно тяжкие» раны, последствием которых была смерть; наконец, и Любонька...* Хоть и кажется, что она умерла где-то в Кречетове «по своим делам», но начало «особенно тяжких» ран несомненно положено здесь, в Головлеве. Все смерти, все отравы, все язвы – все идет отсюда.

В последней главе «Расчет» Аннинька, подобно Степану в первой главе, умирать возвращается в постылое место. Одиночество, как проклятие, настигает младшее поколение, доведя одну из сестер до самоубийства, другую – до беспробудного пьянства и рокового решения вернуться в Головлево.

Библиографический список

1. Николаев Д.П. Смех Щедрина: Очерки сатирической поэтики. М.: Советский писатель, 1988. 400 с.
2. Павлова А.А. Жизнь тела в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Грехнёвские чтения. Выпуск 6. Нижний Новгород: изд-во «КНИГИ », 2010. С.158–164.
3. Прозоров В.В. М.Е. Салтыков-Щедрин: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
4. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20-ти томах. М.: «Художественная литература», 1965-1977. Т.13, 1972. 814 с.

References

1. Nikolaev D.P. Schedrin's Laugh. The Sketch of satiric poetics. M.: The Soviet Writer, 1988. 400 p.
2. Pavlova A.A. The life of body in M. E. Saltykov-Schedrin's novel "Masters Golovlevs" // Grehnevsk reading. Issue 6. Nizhni Novgorod: press «Books », 2010. Pp.158–164.
3. Prozorov B.B. M.E. Saltykov-Schedrin: The teachers' book. M.: Prosveschenie, 1988. 176 p.
4. Saltykov-Schedrin M.E. Messrs Golovlevs. // Saltykov-Schedrin M.E. collected works in 20 volumes. M.: « Fiction », 1965–1977 V.13, 1972. 814 p.

Н.А. МЕРКУРЬЕВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы, Орловский государственный институт искусств и культуры
E-mail: 1prorector.ogiik@mail.ru

N.A. MERKURJEVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of literature, Orel State Institute of Arts and Culture
E-mail: 1prorector.ogiik@mail.ru

ИДЕЯ ВЕЧНОГО ОБНОВЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ И.С. ТУРГЕНЕВА И М.М. ПРИШВИНА

THE IDEA OF ETERNAL RENEWAL IN I. S. TURGENEV AND M. M. PRISHVIN'S PHILOSOPHY

Идея вечного обновления не вызывает у И.С. Тургенева энтузиазма, ибо устремление человека к вечно-всебиющему (высокому искусству, красоте, молодости, наконец, природе) неизбежно контрастирует с собственной «мгновенностью», конечностью человека во времени.

Тургеневская тема уходящей, гаснущей красоты имеет в пришвинском решении выход к концепции всеединства, все завершающего и оправдывающего.

Ключевые слова: литературные связи, определение смысла, преодоление смерти, вселенская гармония.

The idea of eternal renewal does not cause I.S. Turgenev's enthusiasm for the striving of man to eternal universal (high art, beauty, youth, finally, the nature) inevitably contrasts with their own «moments», the finiteness of man in time.

Turgenev's theme going, fading beauty has an output to the concept of unity, all final and justifying in Prishvin's decision.

Keywords: literary connections, determine the meaning, the overcoming of death, the universal harmony.

В культурный диалог писателей, находящихся в явных отношениях преемственности, оказались включены так называемые «последние вопросы». И.С. Тургенева и М.М. Пришвина неизменно занимают проблемы смысла, существования вселенской гармонии на фоне совершающейся несправедливости жизни. Поиски смысла И.С. Тургеневым, выражавшиеся в устремлении его героев к вечно-всебиющему, неизбежно приводят к ощущению бесконечной малости человека перед лицом вечности, к признанию его «мгновенности» и трагического одиночества. М.М. Пришвин живет с убеждением, что одиночество не властно над человеком-творцом, имеющим возможность входить в мир, как в дом, где есть живая душа.

В центре мировоззрения И.С. Тургенева – положение о безнадежной непреодолимости смерти, поглощающей все самое совершенное и прекрасное. В этом смысле весьма показательны «Стихотворения в прозе», в которых тема физического искажения, тления, умирания – чуть ли не ведущая. «Молодая, чуть распустившаяся роза» превращается в «кругловатый предмет» с «измятыми», «испачканными» лепестками, в конечном итоге некогда прекрасный юный цветок становится добычей пламени, тоже «умирающего» («Роза») [3; 10,144]. В солдатском госпитале «на грязи, на вонючей сырой соломе» умирает от тифа баронесса Ю.П. Вревская, в прошлой жизни блиставшая в свете, опять же «молодая», «красивая» («Памяти Ю.П. Вревской») [3; 10,146]. Стихотворения «Последнее свидание», «Насекомое», «Мои деревья», «Стой!» – трагический апофеоз размыш-

лений писателя. Поэтому так хочется ему остановить мгновение, ощутить хоть некое подобие бессмертия.

В отличие от предшественника, бессильно призывающего мгновение остановиться, М. Пришвин полон решимости победить самою смерть. «Красота спасет мир», – читаем в Дневнике, – это значит, придет время (...) и художник будет не только мечтателем, как теперь. Он будет осуществлением личного и красивого в жизни (...). Как сохранить силу творчества до решимости схватиться с самой смертью?» [2; 8, 183].

Тургеневская тема гибнущей красоты звучит в пришвинских циклах «Глаза земли», «Фацелия», «Календарь природы». Но образ стареющего, уходящего человека эпизодичен. Тема смерти и красоты решается у М. Пришвина посредством изображения природы. Тема уходящей, гаснущей красоты имеет в пришвинском решении выход к концепции всеединства, все завершающего и оправдывающего, логичного и объясняющего целесообразность самой гибели живого. В «аромате тления» непременно слышится запах «новых листьев»: «Под ногами шумела желтая листва, и так радостно было чувствовать в аромате тления под голыми вершинами лип, что всего через шесть месяцев новые листья опять сядут на свои места и каждая липа в прежней форме своей будет дожидаться времени, когда оденется дуб» [2; 5, 298-299].

Идея вечного обновления не вызывает у И. Тургенева энтузиазма, ибо устремление человека к вечно-всебиющему (высокому искусству, красоте, молодости, наконец, природе) неизбежно контрастирует с собственной «мгновенностью», конечностью человека во времени.

дости, наконец, природе) неизбежно контрастирует с собственной «мгновенностью», конечностью человека во времени.

Случается, что в счастливые «мгновения» героям И. Тургенева раскрывается не только равнодушное величие природы, не только ее восторженно принимающая и, часто, подавляющая красота, но и ее безусловная родственность. Так, Алексею Петровичу («Переписка») вспоминаются удивительные эпизоды молодости, когда природа «ласково» и «величаво» принимала его «в свое лоно» [3; 5, 27]. «Мы входили, замирая, в какие-то блаженные волны, кругом вечерняя заря разгоралась внезапным и нежным багрянцем; от заалевшегося неба, от просветленной земли, отовсюду, казалось, веяло огнестыем и свежим дыханием молодости, радостным торжеством какого-то бессмертного счастья; заря пылала, подобно ей, тихо и страстно пылали восторженные наши сердца, и мелкие листья молодых деревьев чутко и смутно дрожали над нами, как будто отвечая внутреннему трепету неясных чувств и ожиданий в нас» [3; 5, 27-28]. В этом восторженном переживании молодости – и ощущение всеобщего как своего, взглядывание, вчувствование в мир, который больше тебя («вхождение в лоно»), но и равен тебе. Правда, это переживание не разрешает коренного противоречия. Каждый из тургеневских героев, особенно в 50-е гг., убеждается в невозможности объять «природу необъятную». По замечанию Алексея Петровича, им не дано «завоевать небо».

Редкий случай, когда герою все-таки оказывается доступно небо, – Яков Пасынков. Его душа, целомудренная и чистая, живет в предощущении встречи с другом. Другом (как у Пришвина), который бы стал недостающим звеном между героем и миром. Ибо созерцание «святыни красоты» (И.С. Тургенев) в одиночестве не дает ощутить торжества гармонии. Яков видит друга в каждом, кто способен разделить его ощущение полноты мира, безупречно совершенного.

Не случайно в один из вечеров Пасынков, прерывая жаркий разговор с восторженным товарищем, обращает взор к небу, восклицая: «Над нами / Небо с вечными звездами... / А над звездами их творец...» [3; 5, 62]. Немного искажая оригинал, герой цитирует стихотворение Ивана Козлова «К другу В.А. Жуковскому». Вслед за поэтом тургеневский романтик утверждает безусловную связь всего сущего перед лицом Бога. Смертный человек воспринимается как часть вечного мира. Причем у Тургенева акцентируется именно это положение человека в общей иерархии: человек, над ним – «небо с вечными звездами», над небом – «творец». Бесконечное величие внезапно представившейся истины потрясает друзей и входит в душу рассказчика «благовейным трепетом»: «Благовейный трепет пробежал по мне; я весь похолодел и припал к его плечу... Сердце переполнилось...» [3; 5, 62].

Существует очень много сложных рассуждений о религиозной природе тургеневских произведений. Эпизод повести «Яков Пасынков» снова доказывает, что писатель действительно был художником религиозным,

но не в конфессиональном смысле, а в архаическом, в контексте которого утверждается безусловная связь человека с космосом, со вселенной. Правда, эта архаическая религиозность не способна избавить от страха смерти, сводящей к «ничто» все вдохновенные порывы человека.

Пока И.С. Тургенев колеблется в определении смысла Неведомого, изображая романтиков-интеллигентов, он неизбежно приходит к формуле: «всё – смерть». Авторское «я» писателя непременно обнаруживает себя в повестях и романах сентенциями типа: «Так легкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека» [3; 5, 195]. Но стоит И.С. Тургеневу взяться за исследование народных типов, тут же видим попытку принять мир благодатный и, что особенно важно, справедливый.

Пришвинские герои «завоевывают» небо, но не в романтическом смысле. Им чужда байроническая претензия «я – Бог», претензия сверхчеловека, бросающего вызов мируозданию. В миниатюре «Плюшевые дамы» это завоевание безнадрывно-естественно выражается в логике вечного обновления жизни, в котором и человек – участник. «Жизнь смертных в своем естестве бессмертна»: «Мы, люди, не всегда помним, как помнят листья, у нас для этого не хватает героического смирения, удаляющего почву творческой природы» [2; 5, 299].

Преодоление смерти понимается М. Пришвиным как преодоление греха. Художник, подобно И. Тургеневу, видит в природном способе бытия порчу, приводящую к взаимному уничтожению и дисгармонии. Образы «мертвой бабочки» и «светло-зеленого паука с большим зеленоватым шариком», медленно ее уничтожающего (философско-лирическая миниатюра «Мертвая бабочка») ни в чем не уступают по силе образам стихотворений в прозе «Старуха», «Природа» и др. и являются потрясающим примером мирового разлада и смерти. Но если классик XIX столетия, «обожающий» «скоротечную красоту» природы, остается «прикованным к земле», праху, то пришвинский герой видит смысл земного бытия в борьбе со злом, которое входит в мир в форме роковой необходимости смерти и убийства. Единственное существо, призванное бороться со страшным законом смерти, – человек, носитель надежды всей твари, свидетель иного, высшего смысла. Вместе со своими любимыми героями писатель укореняется в мысли, что самый страх смерти исчезнет и тем самым кончится и умрет сама смерть тогда, когда все соединится в единого человека, все сольется перед лицом сияющей красоты. В мечте писателя оказывается выражено само существо христианского учения о всеобщем воскресении, о вечной целостной жизни, в которой весь мир достигает совершенного и полного исцеления и преображения. Аллатову («Кашеева цепь») удается разбить страшную «кашееву цепь» – символ смерти и разъединения, и в finale романа звеня этой разрушенной уже цепи упливают «грязными льдинами», унося зимнее оцепенение человека и земли. Рефреном звучащее в романе слово мудрого художника произносится как заклинание, входя в душу героя: «Друг, земля моя усеяна

цветами, тропинка вьется по ней, как будто нет конца и края ароматному лугу. Я иду, влюбленный в мир, и знаю: после всякой самой суровой зимы приходит непременно весна, и это наше, это явное, это день, а крест – одинокая ночь, зима жизни. Я художник и служу красоте так, что и сам страдающий Бог, роняя капли кровавого пота, просит: «Да минует меня чаша сия». Я призван украсить наш путь, чтобы несчастные забыли свой зимний крест и дождались новой весны» [2; 2, 446].

Красота мира, сама природа, венчающая представление человека о красоте, подчинены, с точки зрения И. Тургенева, неизменному закону смерти. Нет бессмертия в природе, как нет личного бессмертия человека. Это положение – один из основных источников космического пессимизма писателя. М. Пришвин поэтически закрепляет и продолжает мысли гениального предшественника. Но, принимая основные положения классика, он не соглашается с ним по многим концептуальным вопросам. Как победу красоты, гармонии, творчества жизни он рассматривает даже смерть – залог будущего. Смерть для М. Пришвина есть способ передачи «своих жизненных дел» кому-то другому, это в то же время разрешение противостояния добра и зла, света и тени, красоты и безобразия.

Однако вернемся к «Стихотворениям в прозе» Тургенева и философским миниатюрам Пришвина. Исследователи классического наследия признают, что мировоззрение И.С. Тургенева весьма противоречиво. Г.Б. Курляндская пишет: «...им (Тургеневым – М.Н.) разделяется и трагизм обособленной личности, живущей настроениями так называемого космического пессимизма, но одновременно им принимаются и картины жизни как вселенской гармонии, которая возникает из разъединения и раздробления» [1,18]. Оптимистическая тональность пришвинских миниатюр во многомозвучна тому чувству светлой радости и надежды, которая вопреки всему звучит в стихотворениях «Дрозд I», «Голуби», «Камень» и других. Так, в стихотворении «Дрозд I» наблюдаем очевидное противостояние «жизнь» – «смерть» и не менее очевидную победу жизни. «Утомительно однообразные думы», удручающие лирического героя, несомненно – думы о бесполезно протекающем конечном существовании, призрачность которого подчеркивается рядом метафор. Это и «цепь туманных облаков» – мыслей, и «призрак окна», стоящий перед героем «белесоватым пятном», неподвижная тишина предметов «затихшей комнаты». В этот холодающий мир смерти внезапно вторгается «немолчная», «громкая», «самоуверенная» песня черного дрозда, в которой слышится «голос самой природы», «тот красивый, бессознательный голос, который никогда не начинался – не кончится никогда».

Символом никогда не проходящей природы становится «старый серый камень на морском побережье», облитый рассыпчатым жемчугом блестящей пены» («Камень») [3; 10,162]. Холоду и мраку старости противостоит мир воспоминаний, вызывающий у автора живую ассоциацию со «свежей зеленью и лаской и силой весны» («Старик») [3; 10, 154].

Великая буря, способная погубить все живое, оказывается беспомощна перед жертвенной силой голубков. «Визжит ветер, мечется как бешеный, мчатся рыжие, низкие, словно в клочья разорванные облака, все закрутилось, смешалось, захлестал, закачался отвесными столбами ряный ливень, молнии слепят огнистой зеленью, стреляет как из пушки отрывистый гром, запахло серой...

Но под навесом крыши, на самом краюшке слухового окна, рядышком сидят два белых голубя – и тот, кто слетал за товарищем, и тот, кого он привел и, может быть, спас» («Голуби») [3; 10, 163].

Страстная любовь к жизни, яростное желание найти в природе определение смысла роднит М.Пришвина с И.Тургеневым. Оба ощущают родственную связь человека и природы. Природы, дающей человеку творческую энергию, дарующей вдохновение и оптимизм. Но далее следуют принципиально различные выводы. Тургенев убежден, что в этом вдохновляющем мире отсутствует душа. Природа безлична, потому в существе своем бессмысленно бессмертна, трагически смертен только «личный» человек. Тургеневский черный дрозд знает, что «обычной чередою» «блеснет неизменное солнце», «...в его песне не было ничего своего, лично-го; он был тот же самый черный дрозд, который тысячу лет назад приветствовал то же самое солнце и будет его приветствовать через другие тысячи лет, когда то, что останется от меня, быть может, будет вертеться незримыми пылинками вокруг его живого звонкого тела, в воздушной струе, потрясенной его пением» («Дрозд I») [3; 10, 175].

Кардинально иначе решает М.Пришвин вопрос о личном, писатель убежден в присутствии личности в каждом природном существе, в том, что «только человек способен создавать наряду с духовными ценностями совершенно безликие механизмы, а в природе именно все лично, вплоть до самых законов природы» [2; 5,15]. Личное узнается болью, но и радостью. Правда, для Тургенева это радость сквозь боль, мгновенный свет в предошущении тьмы. Личное в миросозерцании Пришвина явно преодолевает боль выходом ко всеобщему, которое есть множество «я», которое есть «мы».

Философско-лирические миниатюры цикла «Лесная капель» изобилуют подобными выходами. Собственно, мысль о победе любви «различающей», способной видеть «я» в «мы», – сквозная. Торжество жизни – в одной из первых миниатюр «Капля и камень». Картина весенней капели потрясающее воспроизводит закон природы, угаданный писателем. Каждое мгновение жизни чревато смертью. «Я! я! я!» – звенит каждая капля, умирая; жизнь ее – доля секунды. «Я!» – боль о бессилии». [2; 5,13]. Но и смерть, смысл которой писатель видит в жертвенной доброй воле, чревата жизнью. «И все же: «капля долбит камень», многие «я» сливаются в «мы», такое могучее, что не только продолбит камень, а иной раз и унесет его в бурном потоке». [2; 5, 13]. Пришвин здесь далек от мысли о бессмертии, но жизнь очевидно сильнее смерти.

Библиографический список

1. Курляндская Г.Б. Раздумья: И. Тургенев, А. Фет, Н. Лесков, И. Бунин, Л. Андреев. Орел: Картуш, 2007. 324 с.
2. Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 8-ми т. М.: Художественная литература, 1982-1986.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. М.: Наука, 1978-2003.

References

1. *Kurlandskaja G.B.* Reflection: I. Turgenev, A. Fet, N. Leskov, I. Bunin, L. Andreev. Orel: Cartouche, 2007. 324 p.
 2. *Prishvin M. M.* Works In 8 Vol. M.: Khudozhestvennaya Literatura, 1982-1986.
 3. *Turgenev I. S.* Complete works and letters: 30 V. M.: Nauka, 1978-2003.
-
-

Е.А. МИХЕИЧЕВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

E-mail: inoliterat@mail.ru

E.A. MIKHEICHEVA

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of the Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel State University
E-mail: inoliterat@mail.ru

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В РОМАНЕ П.Л. ПРОСКУРИНА «ЧИСЛО ЗВЕРЯ»

HISTORY AND MODERNITY IN P.L. PROSKURIN'S NOVEL "NUMBER OF THE BEAST"

В романе «Число зверя» П. Проскурин ставит вопросы, особенно актуальные в наши дни: о национальной идентичности, о роли и месте России в мировой истории, о взаимоотношениях народа и власти, о двойственности человеческой природы... В осмыслиении данных проблем писателю помогает обращение к истории нашего государства.

Ключевые слова: библейский символ, русская идея, государство, власть, народ, Брежнев, добро, зло, духовность.

In his novel "Number of the Beast" P.L. Proskurin poses quite urgent in our days questions: about the national identity, about the role and the place of Russia in the world history, about the relationship between people and the authorities, of the human nature ambivalence... To understand these issues the author turns to the history of our country.

Keywords: biblical symbol, "Russian idea", the state, the authorities, people, Brezhnev, good and evil, spirituality.

«Стучался он в вечные двери» – название моей предыдущей статьи о творчестве Петра Лукича Проскурина (3, 157). Стока взята из стихотворения Саши Черного «Памяти Леонида Андреева» (4). В зрелом творчестве, в частности в своей лирической прозе, от «приверженности к будням», которую отмечали в творчестве писателя критики, П.Проскурин обращается к «сущностным, глубинным потокам мирозданья», к выявлению связующих нитей земного и ирреального. В русской литературе конца ХХ века П.Проскурин выделяет два «крыла»: «фактографическое» и литература «предчувствия»; последняя берет начало в русской классике, начиная со «Слова о полку Игореве», далее – в творчестве Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского (2, 35). К этому «крылу» (литературы «предчувствия»), безусловно, относится последний роман П.Проскурина «Число зверя» (опубликован в 1999 г.)..

«Число зверя» – три шестерки – библейский символ Апокалипсиса, имеет разные толкования: это троицественное и окончательное отречение от Бога, цифровая расшифровка некоторых имен, например, Нерон Кесарь, Наполеон Бонапарт и других. Эта цифра является библейским символом мамоны – царства земного изобилия, славы, могущества; и, как следствие, этот абсолютный материализм станет именем Антихриста. Три шестерки указывают на недостаточность этого числа в сравнении с божественной полнотой числа семь. Эта «недостаточность» вполне подходит для мировой политической системы, которой далеко до совершенства в глазах Бога. Мировой политический зверь осуществляет

верховную власть, нося имя 666, угнетает человечество и преследует Божий народ. Разными «зверями» представлены сменявшие друг друга человеческие царства и империи, символизирующие мировую политическую систему, которой управляет Сатана. Антихриста искать ни к чему – он сам предстанет миру: он примет то, от чего отказался Христос – публичную власть. Число зверя – это число человеческое, «зверь» – явление земное. В романе П. Проскурина художественно воплощено это многозначимое толкования «числа зверя».

Роман «Число зверя» с точки зрения жанровой принадлежности можно отнести к политическому детективу, облаченному в мифопоэтическую, притчеборазную форму. Центром мифопоэтических глав становится образ странника. Арсений – в прошлом крупный ученый, бросил греховный мир людей, «зовущих Бога, но служащих сатане», и отправился на поиск «беловодской страны». Он перешагнул черту, «разделявшую жизнь и небытие», у него нет прошлого (в памяти возникает «что-то далекое, давно забытое»). Его духовность берет начало от земли русичей, от ее истоков – великой реки Ра – Волги. «Душа» реки являлась перед трагическими событиями русской истории в светлом лице ребенка, видеть который дано только «странникам русской судьбы и печали». «Душа» великой реки, как и монастырь, который, став приютом для детей-калек, продолжает оставаться символом вечного, как и собор в Смоленске, открывает страннику людские души, вносит в них «тихое тепло, странный успокаивающий свет» (10), дает ощущение «присутствия Бога». В обретении души сво-

ей человеком видит Бога странник Арсений, но не каждому это дано.

От идеи богоносности великой русской реки, русской природы, монастырей, соборов, русского народа автор переходит к разработке основной идеи романа – Русской идеи. Притча о живой воде, рассказанная старцем страннику Арсению, подводит читателя к пониманию реальных событий и реальных людей: «Закон живой воды – высокий закон! Кто ее отведает, живой воды, в Семин день на самом возгорании солнышка Отца нашего небесного, тот, будь он хоть кто... тот на всю жизнь преображается в воителя за землю Русскую, за русскую веру и обретает неисчислимость врагов на свою выю». «На родничке» побывали радетели земли русской – русские цари – «до супостата Петра Алексеевича». А другие «супостаты» – «Ленин да Сталин, да вот теперь Никитка Хрущ», «богонепотребные», «пугливо обошли святой ключик, не уподобились глотнуть из родничка» (19).

Главными оппонентами в споре о Русской идеи становятся академик Игнатов и Брежнев, и у того и у другого есть сторонники. Роман перенасыщен реальными лицами, выступающими и под своей фамилией (Андропов, Суслов, Косыгин, Каганович), и под слегка измененной, но вполне узнаваемой: Евдокия Савельевна Зыбкина (Зыкина), «вчерашняя полуграмотная ткачиха», а сегодня – обладательница уникального голоса, владелица поместья в элитном поселке, в котором устраиваются приемы для высших лиц в государстве, «композитор-песенник Соколов-Волчек» (Соловьев-Седой) и др. В споре с Сусловым Игнатов излагает свое понимание русской идеи. «Несущей конструкцией» в евразийской части света является именно русский народ! Рухнет он – рухнет все вами построенное, никакая идея не поможет. Ну, завтра кончатся нефть, газ, мы их ныне разливанным морем гоним на запад, и что же дальше?» – спрашивает Игнатов у одного из столпов Советской власти. В России, в ее существовании присутствует некий замысел творящего начала, управляющего жизнью и миром» (63). Академик обращается к русской истории, для которой характерна «неразрывность и бесконечность времен», от Рублева и даже ранее «идут глубочайшие свершения русской культуры, опровергая бред о дикости и варварстве русского народа» (112). В современной «элите» он видит «утерю своих национальных родовых корней». Преступлением власти называет академик и подаренный Хрущевым Украине Крым – этот древнейший полуостров, который историк Игнатов считает «русской прародиной еще даже до греческих времен» (28). Академик считает, что «необходимо исправить историческую нелепость», и уверен, что «русский вопрос когда-нибудь встанет во весь рост». Глядя в завтрашний день человечества, Нил Степанович предсказывает: «Это начало конца не только эры христианства, но и всей белой расы». Он рассуждает и о том, что в мире складываются «особо изощренные олигархии», для них основополагающим законом становятся интересы элиты. И они готовы защищать их самыми

жестокими и изощренными способами в любой точке мирового пространства (106). В свете событий последнего времени такое развитие истории кажется вполне возможным.

Отношение Брежнева к русской идеи проистекает из его характера, образа жизни, той высокой должности, которую он занимает: «бабник, страстный охотник, в меру пьяница», сибарит, неохотно занимается неприятными государственными делами – «после дурака Хрущева самое то» – таким видит Брежнева его окружение. Он неохотно слушает Андропова, который докладывает о существовании какого-то «тайного общества», цель которого – «создание русского национального государства, русского правительства. Брежнев раздражен: «Опять русский вопрос!». Он видит в постановке проблемы проявление великодержавного шовинизма, он вообще за отмену графы «национальность» в паспорте и за замену любой нацпринадлежности общим и единым – «советский гражданин».

Образ Брежнева – центральный в романе Проскурина. Он воплощение двойственности человеческой натуры, в которой неразрывно соблюден «закон равновесия добра и зла». С одной стороны, Брежнев – один из тех, кто является собой «число зверя». Проскурин беспощадно открывает изнанку кремлевской жизни и околокремлевских кругов. «Чувство божественности и непрекаемости», которое формирует в генсеке окружение, незнание действительной жизни и вследствие этого – убеждение во всесилии власти (мнимость ее всемогущества откроет приближение смерти) показывают нам «внешнего» Брежнева. Но есть еще «тайный» человек, который и был главным. Особенно четко эта мысль раскрывается писателем в четвертой части романа, полностью посвященной разоблачению преступной власти. В предсмертных видениях генсека являются все те, кто принял на себя публичную власть и тем самым обозначил себя числом 666.

Символичен разговор Брежнева со Сталиным на трибуне мавзолея. Мимо них проходит парад мертвцев, перекаты «исторических волн»: жертвы революции, коллективизации, Гулага, среди них близкие люди – жена и сын Сталина Яков. «Учениками» Сталина Лазарь Каганович называет Никиту Хрущева, Брежнева, следующего за ним по пятам Горбачева, давая простым смертным, возомнившим себя богами, уничтожающую характеристику. Вот как он рекомендует Сталину одного из его «учеников»: «Троцкист... Что ты! Просто широко торгует нефтью и газом с Европой и Америкой, мильторвоец, за мир горой, какой же он троцкист?.. Одних подаренных дорогих машин штук двадцать – целый автопарк... А уж о другом, золотишке или дорогих камешках, и говорить нечего. Сын Юрий Леонидович торгует по заграницам, себя тоже не обижает, а дочка – Галина Леонидовна, распутница, пьет, как лошадь, мы бы всем комиссариатом раньше не могли за год выпить столько... Она даже хотела из твоей Грузии корону царицы Тамары стащить! А он ее орденом наградил!» (311)

Не только в видениях Брежнева (правители российские XX столетия, начиная с Ленина, перебрасываются шариками, символически передавая власть над страной и народом из рук в руки), но и в самой реальности жизнь предстает как игра, а ее участники – куклами-марионетками, каждая, как на шахматной доске, «ходит» так, как положено, и не иначе: светский раут у всеми любимой «народной» Зыбкиной, спектакль в театре: в то время, как на сцене идет «Борис Годунов» и партию Ирины поет Ксения Дубовицкая, на которую и пришел полюбоваться Брежнев, Рашель-Задунайский просит разрешения у Брежнева поставить на сцене прославленного театра «Малую землю», так как главный режиссер «мечтается в поиске современных тем». Но самая страшная «игра» – игра с народом, которую затевали и вели все те, кто нес на себе число зверя. У всех у них – «ненависть к этому слепому, безглазому, с не-объятным беспорядочно колыхающимся телом» множеству, страх перед необходимостью держать перед ним ответ. Мир зазеркалья – не только мир видений, в который генсек попадает на пороге смерти, – он в этом мире прожил свою жизнь

С другой стороны, Прокурин раскрывает в Брежневе «боль земного слабого человека, прожившего чужую жизнь» (296). Незащищенность, одиночество, стремление к чему-то чистому и светлому в жизни – и в то же время осознание того, что он такой же, как все, и его может ждать поражение, например, в любви, ибо «на этом поле брани все равны» (269), раскрывается в его чувстве к Ксении Дубовицкой, оперной диве, красивой и умной женщине, вовлеченной в игры элиты, ибо талант беззащитен перед всесильной мамой

ной. В возникшем любовном треугольнике: Брежнев – Дубовицкая – Горелов на первый план выступает тема свободы – несвободы. Всесильный генсек оказался бессильным перед наплывом настоящей любви. Ксения, отринув все условности, отказавшись от карьеры, престижного любовника, бросилась навстречу настоящему чувству. Горелов – хотя и вор-рецидивист, но, как и странник Арсений, взыскивающий истины, обретает свободу в любви. Эту свободу поняла и признала народная артистка Зыбкина, которую он когда-то обокрал, но она не захотела опознать в нем вора.

Свободный от прежних ничтожных страстей, Горелов отказывается от редкого бриллианта, который хочет отдать ему Дубовицкая. Облагораживающая сила любви делает равными генерального секретаря и бывшего вора-рецидивиста. На первый взгляд, неправдоподобными кажутся сцена посещения Брежневым в тюрьме своего соперника и благородный жест: обвиненного в убийстве Дубовицкой Горелова отпускают. Любовь к одной женщине и ее смерть сблизили соперников, заставили испытать сомнения и колебания, переоценить самих себя. «Ты меня и убил», – открывает тайну своей смерти Ксения, не сам лично, но та преступная власть, во главе которой он стоял.

Символично одно из последних видений Брежнева: он, любитель охоты, всегда одерживал победу над зверем, и эта победа давала ощущение «безоговорочной власти над другой жизнью» (325). Но в предсмертном видении победа над «зверем» становится победой над самим собой, приносит успокоение душе, которой дано испытать нечто новое – «предчувствие самого великого – завершения всего в жизни» (328).

Библиографический список

1. Прокурин П. Число зверя. Тверь - Москва, 2003. В дальнейшем ссылки на это издание будут даны в тексте с указанием страницы.
2. Прокурин П. Словом не убий // Наш современник, 1982, №6.
3. Михеичева Е.А. «Стучался он в вечные двери...» (О лирической прозе П.Прокурина) // Славянский сборник. Выпуск 4, Орел, 2005.
4. Саша Черный. Памяти Л.Н.Андреева.100stix 12/ru/publ/2-1-0-708.

References

1. Proskurin P. Number of the Beast. Tver'-Moscow, 2003.
2. Proskurin P. Do not kill with the word // Our contemporary, 1982, №6.
3. Mikheicheva E.A. «He knocks in the doors of eternity...» (About P.L. Proskurin's lyrical prose) // Slavic collection. Issue 4, Orel, 2005.
4. Sasha Chernyi. In memoriam of L. Andreev // 100stix 12/ru/publ/2-1-0-708.

А.Р. ПОПОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра
русского языка, Орловский государственный универ-
ситет
E-mail: StudioAA2001@yandex.ru

A.R. POPOVA

Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian
language, Orel State University
E-mail: StudioAA2001@yandex.ru

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL COMPLEX AT THE INTERSECTION OF SEMANTIC RELATIONS IN THE LEXICAL-PHRASEOLOGICAL-SEMANTIC SYSTEM OF THE LANGUAGE

Статья посвящена одной из существенных семантических особенностей лексико-фразеологического комплекса (упорядоченной совокупности лексем и фразеологизмов, восходящих к одному исходному слову). Лексико-фразеологический комплекс находится во взаимодействии с системными группировками, существующими в лексико-фразео-семантической системе (синонимический ряд, антонимический ряд, лексико-фразео-семантическая группа и другие). Таковые группировки находятся в отношениях включения или пересечения с лексико-фразеологическим комплексом – как с его отдельными единицами, так и с целыми их рядами, что подвергается рассмотрению в настоящей статье.

Ключевые слова: лексико-фразеологический комплекс, лексическая и фразеологическая полисемия, синонимия, антонимия.

The article is devoted to one of the essential semantic features of the lexical and phraseological complex, which is an ordered set of lexical and phraseological items ascending to the same source word. Lexical and phraseological complex is in interaction with the system groups that exist in the lexical-phraseological-semantic system (synonymic series, antonymy series, lexical-phraseological-semantic groups and other). Such groups are in the relations of inclusion or intersection with the lexical and phraseological complex – both with its certain items and with their series researched in this article.

Keywords: lexical and phraseological complex, lexical and phraseological polysemy, synonymy, antonymy.

Любое системное образование лексического или фразеологического уровня неизбежно оказывается на пересечении семантических группировок в лексико-фразео-семантической системе. В таковые отношения вступает и системное единство языка – лексико-фразеологический комплекс, то есть упорядоченная совокупность всех лексем и фразеологизмов, развившихся на базе одного вершинного слова-моносеманта или первичного, исходного лексико-семантического варианта полисеманта [6, с. 22].

Существующие внутри комплекса лексические, фразеологические и лексико-фразеологические объединения не ограничиваются его рамками, поскольку в основе их выделения лежит семантический, а не формальный критерий. Отдельные составляющие лексико-фразеологического комплекса (ЛФК), а нередко и целые ряды лексем и (или) фразеологизмов становятся членами семантических группировок, и чем шире сам ЛФК, тем с большим количеством лексем и фразеологизмов в лексико-фразео-семантической системе он соотносится.

Единая лексико-фразео-семантическая система представлена и номинантами-лексемами, и номинантами-фразеологизмами. Она может быть подразделена на лексическую и фразеологическую части.

Функционирование ЛФК в языке и соотношение его с другими системными объединениями возможно рассмотреть в трех аспектах: в лексико-семантической системе, во фразео-семантической системе, в лексико-фразео-семантической системе.

1. *ЛФК и лексико-семантическая система.* Одноуровневые лексические единства ЛФК – слово-полисемант и словообразовательное гнездо – представляют собой результат действия семантической и лексической деривации.

«Существует два основных аспекта выявления системных отношений в лексике русского языка – внутримоносемантический и межмоносемантический. Первый предполагает выявление семантических отношений между лексико-семантическими вариантами и вариациями внутри слова... Системные отношения могут устанавливаться и между различными лексемами, либо полностью совпадающими по формальным признакам, либо частично или полностью различающимися» [8, с. 4]. В рамках ЛФК проявляют себя оба типа отношений: 1) *внутримоносемантический* внутри полисемантов и 2) *межмоносемантический*, соответственно, между лексемами, входящими в словообразовательное гнездо.

В лексической системе семантические, мотиваци-

онные отношения опираются а) только на семантические признаки, б) только на формальные признаки, в) и на формальные, и на смысловые признаки. В ЛФК же формальное сходство лексем обязательно, а семантическое присутствует в той или иной степени (за редкими исключениями, когда, при утрате внутренней формы, слово выходит на периферию ЛФК и практически теряет связи с однокоренными словами). Внутрилексемные отношения внутри полисеманта и межлексемные отношения в словообразовательном гнезде (СГ) являются генетико-семантическими.

Независимо от вступления в деривационные отношения – неважно, в качестве ли мотивированной базы, в качестве мотивируемого или в качестве образца для создания других единиц – слово/лексико-семантический вариант (ЛСВ) оказывается членом различных смысловых объединений. «Все слова в составе лексической системы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они соотнесены друг с другом непосредственно как члены одного и того же семантического ряда, и опосредованно как звенья параллельных или соприкасающихся семантических рядов» [1, с. 7].

Безусловно, многообразие связей и отношений в лексической системе лишь до некоторой степени проявляется в ограниченном пространстве лексической части ЛФК.

«Вряд ли возможно сейчас представить в целом лексический состав языка как некую систему во всей сложности многообразных связей. Следует изучить «узлы» механизма, лексические группы, их поведение в языке...» [4, с. 47]. Одним из таких «узлов» является *слово-полисемант*, обладающий развернутой системой значений, развитие которой обусловлено экстралингвистическими, системно-языковыми и внутрислововыми факторами. Лексические единицы с развитой полисемией в значительно большей степени, чем моносеманты (или полисеманты с малым количеством значений), раскрывают связи и отношения в лексической системе. Так, полисемант имеет гораздо больше возможностей реализовывать парадигматические отношения, и, напротив, у множества однозначных слов отмечается «изолированность от синонимических связей и отсутствие у них антонимов» [3, с. 24]. От полисемии исходного слова зависит выстраивание синонимических и антонимических рядов, гиперо-гипонимических пар, лексико-семантических и тематических групп. Вследствие вышеизложенного «сверхмногозначные слова составляют ядро лексической системы» [9, с. 6].

Разнообразие семантики у единиц богатого, разветвленного *словообразовательного гнезда*, как правило, намного значительнее, чем у полисеманта, даже характеризующегося мегасемией. Поэтому в семантические отношения вступают не только отдельные единицы СГ или даже их пары, а совокупности лексем.

Сложные по структуре гнезда оказываются настолько богатыми семантически, что в рамках СГ развиваются отношения внутригнездовой синонимии и антонимии, которые, безусловно, дополняются внегнездовыми отношениями.

дтовыми отношениями.

Наличие в семантической группировке однокоренных слов – явление довольно распространённое: такие слова нередко отмечаются и в синонимических, и в антонимических рядах (явление словообразовательной антонимии широко распространено в русском языке).

Отдельные блоки единиц СГ способны включаться в различные лексико-семантические группы (далее – ЛСГ) – семантические объединения слов одной части речи, а также в тематические группы, основанные на внеязыковых связях денотатов.

Соответственно, в ЛФК любая лексема/ЛСВ может быть членом синонимического ряда и синонимического гнезда; антонимического горяда; синонимо-антонимического блока, лексико-семантической группы; тематической группы – и занимать в каждой из этих единиц определённое место – в центре, являясь доминантой, или на периферии.

2. *ЛФК и фразео-семантическая система*. К одноруровневым фразеологическим единицам ЛФК относятся *фразеологизм-полисемант* и *фразеологические гнёзда* (ФГ) – фразеологические объединения, которые представляют собой фрагменты фразео-семантической системы, упорядоченные на основе компонентной общности.

Если в лексико-семантической системе отмечаются внутрилексемные и межлексемные отношения [8, с. 4], то возможно говорить и о *внутрифраземных* и *межфраземных* отношениях во фразео-семантической системе.

Внутрифраземные отношения имеют место внутри *фразеологизма-полисеманта*. Как известно, отношения между фразео-семантическими вариантами (ФСВ) фразеологизма не обнаруживают полной аналогии с отношениями лексико-семантических вариантов лексической единицы. В слове-полисеманте деривационные связи ЛСВ составляют довольно чёткую иерархическую структуру, чего нередко не наблюдается во фразеологизме-полисеманте. Примеры, когда в фразеологизме с определённой вероятностью можно выявить исходное и вторичное, производное значение (как у слова-полисеманта), в исследуемом нами материале отмечаются, но они немногочисленны, ср.: *вторая рука* «о чём-л. не лучшего качества, второсортном» → «об остатках чего-л.» – *Пошел и выпил вторую руку* [5, с. 149].

Чаще ФСВ возникают на основе разных переосмыслений свободного словосочетания, при этом далеко не всегда возможно определить порядок возникновения значений [2, с. 124]. Примерами таких переосмыслений служат, например, значения ФЕ *дать рука/руки*: 1. *Дать рука/руки*. «Ударить рукой, договариваясь о чём-л.; ударить по рукам» Ворон., Р. Урал., Сиб. 2. *Дать руки*. «Ударить рукой» Дон. 3. *Дать рука/руки*. «Подписать (какой-л. документ)» Ворон., Р. Урал [5, с. 156].

Важно отметить, что некоторые фразеологизмы-полисеманты имеют вариантность, при этом их варианты отличаются различным набором значений (или даже вариантов значений). Ср., например, фразеоло-

гизм дава́ть/дать по рукáм >< по рукáм дава́ть/дать, где вариант дава́ть/дать по рукам отмечается в двух значениях: 1. «Решительно пресекать/пресечь какие-л. действия, попытки что-л. делать, предупреждая нежелательные последствия» и 2. «Заключать договор, сделку, обычно сопровождая хлопаньем по рукам», а вариант по рукáм дава́ть/дать – только в первом из них [5, с. 155-156].

Фразеологизм-полисемант, аналогично лексем-полисеманту, своими ФСВ вступает в парадигматические отношения с другими единицами фразео-семантической системы. Соответственно, чем более развернута полисемия, тем больше у фразеологизма-полисеманта возможностей для вхождения в те или иные фразео-семантические группировки.

Связи и отношения во фразео-семантической системе не изоморфны полностью связям и отношениям в лексико-семантической системе, скорее, можно говорить о чертах системности, общих для фразеологии и лексики, – так, и на лексическом, и на фразеологическом уровнях имеют место синонимические, антонимические и гиперо-гипонимические связи.

Значительные по объёму *фразеологические гнёзда* обнаруживают и внутригнездовые, и внегнездовые семантические отношения. Подобно тому как среди синонимов и антонимов в лексико-семантической системе выделяются однокоренные и разнокоренные, так и среди фразеологизмов в отношения синонимии и антонимики вступают как фразеологизмы, не имеющие ничего общего в компонентном составе, так и фразеологизмы с совпадающим компонентом – то есть единицы одного ФГ (например, в литературном языке и народных говорах существует большое количество синонимичных фразеологизмов с компонентом *рука* и без данного компонента – наименований трудолюбивого и умелого человека/ленивого и неумелого человека и т.п.).

Наличие между фразеологизмами одного ФГ таких семантических взаимоотношений не обязательно обусловлено семантикой гнездообразующего компонента вследствие наличия у фразеологизма целостного значения. Кроме того, денотат фразеологизма чаще всего отличен от денотата лексемы – вершины ФГ. При этом всё же существует некоторая закономерность: отношения синонимии, антонимики или включённости фразеологизма в одну и ту же фразео-семантическую группу чаще наблюдаются в рамках одного частного ФГ, образованного на базе конкретного лексико-семантического варианта вершинного, гнездообразующего слова.

Фразеологическая синонимия, как и синонимия лексическая, – явление широко распространённое; фразеологическая же антонимия по степени распространения уступает лексической [7, с. 95], так же, как и родственные отношения во фразеологии. Следовательно, в пределах одного ФГ вероятность обнаружить фразеоло-

гизмы – синонимы, антонимы, гипонимы/гиперонимы – пропорциональна распространённости этих отношений во всей фразео-семантической системе.

3. *ЛФК и лексико-фразео-семантическая система*. Единство номинативной функции обеспечивает активно проявляющие себя межуровневые семантические связи; поэтому с точки зрения семантики совокупность лексем и фразеологизмов языка представляет собой единую лексико-фразео-семантическую систему, для которой характерны указанные выше связи и отношения. Так, лексемы и фразеологизмы активно вступают в отношения синонимии и антонимии, взаимодополняя друг друга семантически и образуя лексико-фразеологические синонимические/антонимические ряды; совокупности лексем и фразеологизмов с инвариантной семантикой, соотносимых с определённой частью речи, составляют лексико-фразео-семантические группы. Лексемы и фразеологизмы по семантике редко дублируют друг друга, чаще взаимодополняют, заполняют свободные ниши в общем номинативном пространстве.

Семантические отношения лексем и фразеологизмов внутри ЛФК также не обусловлены некоторым формальным сходством между ними, эти отношения встречаются как в его рамках, так и за его пределами, а в самом ЛФК имеют место в одном лексико-фразеологическом блоке [6, с. 139] – единстве, включающем все лексемы и фразеологизмы, восходящие к одному из ЛСВ вершины-полисеманта.

Что же касается фразеодеривационных гнёзд – единств, как правило, незначительных по объёму, то в их границах указанные семантические группировки не распространены – как по причине малого количества элементов внутри фразеодеривационных гнёзд, так и вследствие того, что семантически близкие единицы для вступления в синонимические ряды, антонимические ряды и лексико-фразео-семантические группы должны соотноситься с одной и той же частью речи. Если же такое условие выполняется, то включения их в ту или иную группировку вполне возможны, ср., например: ФЕ *своими руками* синонимична отфраземному деривату второй ступени *своеручно* и т.п.

Таким образом, как можно заметить, ЛФК как своими отдельными единицами, так и целыми их рядами активно взаимодействует со следующими системными группировками в лексико-фразео-семантической системе: слово-полисемант (рассматриваемое как система ЛСВ), синонимический и антонимический ряды (одноуровневые либо двухуровневые, лексико-фразеологические), синонимо-антонимический блок, лексико-семантическая группа, лексико-фразео-семантическая группа, словообразовательное гнездо, фразеологизм-полисемант (рассматриваемый как система фразео-семантических вариантов), фразеологическое гнездо, фразео-деривационное гнездо.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкоznания. 1995. № 1. С. 5-36.
2. Жуков В.П. Многозначность фразеологизма в сопоставлении с многозначностью слова // Программа и краткое содержание докладов к X научно-методической конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Ч.1. Л., 1968. С. 122-124.
3. Муране С.Н. Однозначные слова, их основные разряды и семантические свойства // Слово как предмет изучения: Сборник научных трудов. Л., 1977. С. 20-28.
4. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: Учебное пособие для вузов. М., 1974. 352 с.
5. Попова А.Р. Словарь одного слова. Орёл, 2009. 356 с.
6. Попова А.Р. Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы): дис. ... докт. филол. наук. Орёл, 2013. 537 с.
7. Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. Л., 1982. 108 с.
8. Соколов О.М. Параллелизм структурно-семантических отношений в лексико-семантической системе русского языка // Исследования по семантике: Сборник научных статей. Симферополь, 1987. С. 4-10.
9. Харченко В.К. Функции метафоры. Воронеж, 1992. 88 с.

References

1. Vinogradov V.V. Word and meaning as a subject of historical and lexicological research // Problems of linguistics. 1995. № 1. Pp. 5-36.
 2. Zhukov V.P. The polysemy of the phraseological item in comparison with the polysemy of the word // The Program and summary of reports to X scientific-methodical conference of the North-West zonal association of departments of Russian language of pedagogical institutes. Part 1. Leningrad, 1968. Pp. 122-124.
 3. Murane S.N. Monosemantic words, their main categories and semantic properties // Word as the subject of study: Collection of scientific works. Leningrad, 1977. Pp. 20-28.
 4. Ozhegov S.I. Lexicology. Lexicography. Culture of speech: Textbook for universities. Moscow, 1974. 352 p.
 5. Popova A.R. Lexical and phraseological complex as a result of realization of the creative potential of a lexical item: Doctoral thesis in Philology. Orel, 2013. 537 p.
 6. Popova A.R. The dictionary of one word. Orel, 2009. 356 p.
 7. Sidorenko M.I. The paradigmatic relations of phraseological items in modern Russian language. Leningrad, 1982. 108 p.
 8. Sokolov O.M. Parallelism of structural-semantic relations in lexical-semantic system of the Russian language // Research of semantics: the collection of scientific articles. Simferopol, 1987. Pp. 4-10.
 9. Kharchenko V.K. Functions of metaphor. Voronezh, 1992. 88 p.
-
-

Т.И. РЕТИНСКАЯ

доктор филологических наук, профессор, кафедра
романской филологии, Орловский государственный
университет
E-mail: tatret@mail.ru

T.I. RETINSKAYA

Doctor of Philology, Professor, Department of Romance
philology, Orel State University

E-mail: tatret@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: МИШЕЛЬ ТАМИН

MODERN FRENCH DIALECTOLOGY: MICHEL TAMINE

В статье, предваряющей новую публикацию Почетного профессора Реймского университета Шампань-Арденн Мишеля Тамина, показана роль руководителя региональной научной школы диалектологии в исследовании и лексикографировании территориально ограниченных в употреблении лексем, не входящих в лексическую систему французского литературного языка.

Ключевые слова: Мишель Тамин, научная школа диалектологии, региолект, регионализм, диалектография.

In this article, anticipating a new publication of Honorary Professor of the University of Reims Champagne-Ardenne Michel Tamine, the role of the head of the regional scientific school of dialectology in the study and the recording in dictionaries of the lexemes limited in use territorially which are not a part of the lexical system of the French literary language is shown.

Keywords: Michel Tamine, scientific school of dialectology, regiolect, regionalism, dialectography.

Почетный профессор Реймского университета Шампань-Арденн Мишель Тамин является одним из авторитетных исследователей региональных вариантов французского языка. Плодотворная научная работа профессора М. Тамина нашла отражение в более чем ста публикациях, посвященных общим и частным вопросам диалектологии, геолингвистики и французской орфографии.

Профессор М. Тамин руководит Национальным комитетом по ономастике и Институтом социолингвистических исследований Шарль-Брюно (г. Шарлевиль-Мезьер), осуществляя большую работу по системному описанию территориальной вариативности французского языка. Под председательством ученого проводятся международные ономатологические конференции, под его редакцией издаются коллективные монографии, в которых диалектологи, выполняющие исследования на материале французского языка, излагают свои взгляды на эволюцию диалектов и статус регионализмов. Продуктивная организаторская деятельность М. Тамина по объединению усилий диалектологов не ограничивается только проведением научных конференций. По инициативе ученого издается социолингвистический журнал «Parlure Champagne-Ardenne», в котором публикуются результаты исследований, характеризующих лингвистическое наследие региона Шампань-Арденн (см., например, [3], [5]).

Особую значимость для современной французской диалектологии имеет корпус регионализмов, собранных исследователем. Большая часть лексических единиц отражена в двух лексикографических трудах,

выдержавших несколько переизданий в одном из ведущих парижских издательств [6], [7]. О признании усилий по лексикографированию регионального языкового субстрата свидетельствует тот факт, что исследователь из региона Шампань-Арденн был включен в редакционную коллегию национального словарного издания «Словарь регионализмов Франции» [4].

Именно М. Тамин подготовил к изданию IV том «Лингвистического и этнографического атласа провинций Шампань и Бри» [2], в котором отражена заключительная часть материалов, собранных диалектологом Анри Бурсело¹. Четырехтомный атлас А. Бурсело вносит неоценимый вклад в сохранение «нематериального культурного наследия» («*patrimoine culturel immatériel*»²) и служит методологической базой для проведения лингвистических экспериментов и полiasпектного анализа лексического фонда носителя региолекта в начале XXI века.

Отдельного рассмотрения заслуживает диалектографическая работа «Региолект Шампани» [7]. Словарные статьи уникального лексикографического труда состоят из нескольких блоков, среди которых особенно стоит выделить блок комментариев и блок иллюстративного материала, заимствованного из произведений писателей-областников. Этот словарь может быть использован для проведения полевых исследований и воссоздания речевого портрета носителя шампанского региолекта. В настоящее время диалектолог проводит описание нового синхронического среза, которое позволит сделать вывод о витальности региональных лексических единиц.

Благодаря сотрудничеству с французским диалектологом представители научной лаборатории «Проблемы социально-территориальной вариативности романских языков» Орловского государственного университета получили возможность работать с редкими рукописями и архивными материалами. Руководитель региональной научной школы диалектологии проводит регулярные консультации молодым исследователям, дипломные работы и магистерские диссертации которых посвящены характеристике топонимов региона Шампань-Арденн, единиц регионального варианта французского языка,

функционирующих в художественном тексте, семантических доминант и центров синонимической аттракции регионаlecta.

В новой статье профессора М. Тамина, включенной в настоящий номер журнала «Ученые записки Орловского университета», пересекаются два магистральных направления исследований ученого: описание современного состояния регионаlecta и анализ орфографических фактов, свойственных территориальной разновидности национального языка и зафиксированных в художественных текстах региональных авторов.

Примечания

¹ В четвертом томе классифицированы доминанты, формирующиеся вокруг таких регионаропрерцептивных концептов, как «Дикие животные» и «Формы деятельности человека» (136 карт). Подробнее об этом уникальном научном издании см. статью [1].

² См. IIIe Table ronde des ministres de la culture « Le patrimoine culturel immatériel, miroir de la diversité culturelle ». Istanbul, Turquie, 16-17 septembre 2002. Режим доступа: <http://portal.unesco.org/fr/ev.php>

Библиографический список

1. Ретинская Т.И. Вклад Анри Бурсело и Мишеля Тамина в документирование регионализмов Шампани // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М.: ТЕЗАУРУС Языки Народов Мира, 2014. С. 386-390.
2. Bourcelot H. Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Vol. IV. Animaux sauvages – Activités humaines. – Édition mise au point par M. Tamine professeur à l’Université de Reims Champagne-Ardenne avec le concours de M.-R. Simoni-Aurembou directrice de recherche honoraire au CNRS. P. : Éds du CTHS ; Langres : Éds Dominique Guéniot, 2012.
3. Ces mots qui sont nos mots. Mélanges d’Histoire de la Langue française, de Dialectologie et d’Onomastique offerts au Professeur Jacques Chaurand // Parlure Champagne-Ardenne. – Charleville-Mézières. 1995. № 7-10.
4. Dictionnaire des régionalismes de France. Géographie et histoire d’un patrimoine linguistique / Rézeau (Éd.). Bruxelles : Éds Duculot, 2001.
5. La vigne et les vergers. Actes du Xe Colloque d’Onomastique (collaboration CÉPLECA-Société Française d’Onomastique-Institut Charles Bruneau) // Parlure Champagne-Ardenne. Reims. 2002. № 14-17.
6. Tamine M. Le parler des Ardennes. P. : Christine Bonneton Éditeur, 2006.
7. Tamine M. Le parler de Champagne. P. : Christine Bonneton Éditeur, 2009.

References

1. Retinskaya T.I. Henri Bourcelot and Michel Tamine’s contribution to the documentation of champagne regionalisms // Language policy and language conflicts in contemporary word. – M.: Thesaurus Languages of the World, 2014. Pp. 386-390.
2. Bourcelot H. Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Vol. IV. Animaux sauvages – Activités humaines. – Édition mise au point par M. Tamine professeur à l’Université de Reims – Champagne-Ardenne avec le concours de M.-R. Simoni-Aurembou directrice de recherche honoraire au CNRS. P. : Éds du CTHS ; Langres : Éds Dominique Guéniot, 2012.
3. Ces mots qui sont nos mots. Mélanges d’Histoire de la Langue française, de Dialectologie et d’Onomastique offerts au Professeur Jacques Chaurand // Parlure Champagne-Ardenne. Charleville-Mézières. 1995. № 7-10.
4. Dictionnaire des régionalismes de France. Géographie et histoire d’un patrimoine linguistique / Rézeau (Éd.). Bruxelles : Éds Duculot, 2001.
5. La vigne et les vergers. Actes du Xe Colloque d’Onomastique (collaboration CÉPLECA-Société Française d’Onomastique-Institut Charles Bruneau) // Parlure Champagne-Ardenne. Reims. 2002. № 14-17.
6. Tamine M. Le parler des Ardennes. P. : Christine Bonneton Éditeur, 2006.
7. Tamine M. Le parler de Champagne. P. : Christine Bonneton Éditeur, 2009.

МИШЕЛЬ ТАМИН

Почетный профессор, Реймский университет
Шампань-Арденн

E-mail: Michel.Tamine@wanadoo.fr

MICHEL TAMINE

Professor Emeritus of the University of Reims Champagne-Ardenne

E-mail: Michel.Tamine@wanadoo.fr

УСТНЫЙ И ПИСЬМЕННЫЙ ВАРИАНТЫ ФРАНЦУЗСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА
ДЕПАРТАМЕНТА АРДЕННЫ (ФРАНЦИЯ)

ORAL REGIONAL FRENCH AND WRITTEN REGIONAL FRENCH
IN THE DEPARTMENT OF ARDENNES (FRANCE)

Французскому региональному языку непросто дать определение, так как этот идиолект представляет собой нестабильное лингвистическое образование: восходящий к диалектному субстрату, региолект часто рассматривается как норма обычными носителями языка, тогда как писатели прибегают к нему осознанно и взвешенно. Эта статья описывает отношения между устным и письменным вариантами французского регионального языка департамента Арденны.

Ключевые слова: французский региональный язык, устный вариант французского регионального языка, региональный французский язык в литературе, диалектный субстрат.

Définir le français régional est difficile, car il constitue une composante linguistique instable : issu du substrat dialectal, il est souvent considéré comme normé par les locuteurs qui l'emploient à l'oral, alors que les écrivains y recourent de façon consciente et étudiée : cet article se propose de décrire les relations qu'entretiennent français régional oral et français régional écrit dans le département français des Ardennes.

Mots clés: français régional, français régional oral, français régional en littérature, substrat dialectal.

To define regional French is difficult because it constitutes an unstable linguistic component. The reason is that, as it derives from a dialect substrate, it is often considered as normed by the speakers who use it orally. In contrast writers use it consciously and study it. This article aims to describe the relationships between, on the one hand, oral regional French and, on the other hand, written regional French in the French Department of the Ardennes.

Keywords: regional french, oral regional French, regional French in litterature, dialect substrate.

Настоящее исследование основывается на сопоставлении двух словарных корпусов. Первый корпус, состоящий в основном из устных словоупотреблений, является результатом имплицитного знания арденнского говора, сначала как врожденного, затем приобретенного через наблюдение и анкетирование. Обозначенный корпус был предназначен для составления *Словаря французского регионального языка департамента Арденны*, вышедшего в издательстве Editions Bonneton в 1992 году и впоследствии многократно переиздававшегося. Второй словарь, напротив, вытекает исключительно из скрупулезной обработки более тридцати литературных текстов, созданных писателями, чья единственная общая характеристика – факт использования в произведениях региональных слов. Если популярность некоторых авторов осталась довольно ограниченной, то другие, такие как Ив Жибо и Андре Дотель, пользуются значительной известностью, в то время как третья группа состоит из тех, кого принято называть «региональными» писателями, например Жан Рожисар. При этом эпитет «региональный» не несет того уничижительного оттенка, который иногда ему присущ. В общей сложно-

сти речь идет о двадцати писателях, и нами рассматривались только художественные произведения, сборники воспоминаний, мемуары и т.д., исключая тексты, написанные на местном говоре (patois), или технические справочники. Чтение этих произведений позволило выделить корпус лексем, относящихся к «ненормативному», или «неконвенциальному», французскому языку в той мере, в которой собранные слова или значения не фигурируют в таких толковых словарях, как *Petit Larousse* или *Petit Robert*.

Бесспорно, речь идет об относительно разрозненном лексиконе, в котором соседствуют технические термины, свойственные зачастую уже исчезнувшим местным отраслям промышленности, архаизмы, редкие слова и, в значительной пропорции, арденнские регионализмы. Несомненно и то, что такой критерий отбора не без основания считается формальным, поверхностным и спорным. С одной стороны, эти словари включают любые формы, спонтанное использование и даже понимание которых кажутся ограниченными четко определенными географическими зонами: например, *coquetar*¹ «чайник», слово, еще используемое

жителями Арденн, достаточно пожилыми, чтобы знать, что такое фламандские, или дровяные, печи и стоящий на них *coquetar* с постоянным запасом горячей воды для кофе; но жизнеспособность этого слова снижается во Франции по мере удаления от региона Шампань-Арденн. С другой стороны, эти словари регистрируют некоторые формы, придавая им значение, которое иногда вызывает удивление: так глагол *baller*, отмеченный в *Petit Larousse* (1989) пометой *лит.* (т.е. «слово, использующееся писателями в основном в возвышенном стиле»), не отвечает подобным характеристикам во французском региональном языке обозначенного департамента. Разумеется, нетрудно привести множество подобных примеров и задаться вопросом о границах, которые разделяют такие категории, как «региональный» «régional» и «диалектный» «dialectal», «старинный» «ancien», «старый» «vieux» и «устаревший» «vieilli» или еще «литературный» «littéraire» и «поэтический» «poétique», тем более что критерии определения этих категорий часто остаются имплицитными. Тем не менее, несмотря на поправки, которых требует этот способ отбора, он позволил составить корпус на 350 страницах, представляя в контексте – в основном ограниченном одной фразой – первый случай употребления каждого слова и снабжая другие случаи номером страницы, чтобы указать частотность употребления. Другое основание для проявления интереса к данному исследованию состоит, возможно, в количестве авторов, тексты которых вошли в корпус проанализированных примеров. Отметим небольшое количество французских регионов, а тем более департаментов, расположенных к северу от Луары, где столько «местных» писателей рискнули бы ограничить количество своих читателей сознательным использованием местных слов. На самом деле, в Арденнах некоторые шли на этот риск с гордостью, он был для них свидетельством достоверности описываемых событий: в *Passantes d'octobre* (Октябрьские путешественники) Жан Рожисар наделяет многими личными чертами своего героя Арсена Андре, учитель, патриот Арденн и местности на востоке департамента, обозначенной французским топонимом *Fagne*. Главный герой заботится об обучении, основанном на познании местных реалий, а не на книжных абстракциях. Инспектору, который воспринимает такую приверженность корням как вызов педагогическому и административному конформизму, оправдывающему его должностные обязанности, учитель противопоставляет яростное сопротивление и подчеркивает богатство языковой специфики своих учеников: «Вы их упрекаете в том, что они используют говор? Извините, это диалект, со своими признанными достоинствами, корнями, точной лексикой и фразеологическими оборотами. А бретонцам и баскам мы тоже откажем в праве изъясняться, в первую очередь, на своем родном языке?»[20, с. 21]². Это требование признать достоинство и статус своего языка, которое разделяли многие писатели первой половины прошлого века, берет начало в убежденности, что только местные слова могут описать жизнь региона

во всем ее своеобразии. Отсюда воспроизводимость некоторых форм у писателей, разных по стилю и тематике, что свидетельствует о жизнеспособности общего вocabulairya и общей привязанности к Арденнам как к месту творчества и источнику культуры.

Одна из основных трудностей – как провести границу между словами, относящимися к французскому региональному языку, и другими лексемами из диалекта и говора, которые появились в результате личного исследования автора или принадлежат лексике какой-либо профессиональной группы, например, шахтерам, добывающим сланец, или гвоздарям, и, наконец, лексическими единицами, обеспечивающими сплоченность социальной группы, объединенной общей деятельностью, например ловлей дроздов. Мы знаем, что решение проблемы – не в попытке сегментации лингвистического континуума, обретенной на провал, но скорее в самом говорящем, его лингвистическом сознании и в условиях создания высказывания. Предложенные на настоящий момент критерии идентификации французского регионального языка остаются относительно субъективными или требуют деликатного обращения: понятие «отклонения» от стандартного французского языка, который также определяется негативно, создает те же трудности научно обоснованного определения и в социолингвистике, и в стилистике. Понятие «лексической жизнеспособности» может быть проанализировано с точки зрения географического распространения феномена, например, описание ареала, в котором форма известна и/или употребляется, или с точки зрения пригодности для использования. Однако эти два критерия часто противоречивы: местная лексическая единица может спонтанно использоваться, преимущественно как конкурирующая общегенерализованному слову, жителями двенадцати-пятнадцати деревень, за пределами которых она лишь предмет пассивного знания. Будем ли мы тогда утверждать, что она принадлежит французскому региональному языку, диалекту или говору? Если бы мы должны были придерживаться только «максималистских» критерии, а именно, распространение формы на территории всего региона, в частности, в Шампань-Арденн, предпочтительное использование местной формы во всех социальных и возрастных категориях в сравнении со стандартным французским, регионализмы были бы чрезвычайно малочисленны и установить их существование оказалось бы невозможным. Следовательно, из компромисса между этими переменными и из языковой действительности рассматриваемого региона (например, сохранение говора или его исчезновение из употребления и т.д.) вытекает закрепление той или иной специфической черты, той или иной формы за французским региональным языком.

Помимо этих неизбежных трудностей толкования, региональный французский обладает характеристиками, которые, даже если их недостаточно для его научного определения, позволяют, по крайней мере, осуществить его наблюдение. И первое, возможно, то, что он сформировался на основе диалектного субстрата. С начала XX века Альбер Доза его рассматривал как результат эво-

люции языка: «Французский язык сначала обосновался в городах и среди обеспеченных классов: изменившись под влиянием среды, он формирует то, что я называю французским региональным языком» [34, с. 203]. Известно, что он развел впоследствии это обоснование и создал схему дальнейших изменений, где региолект – результат усилий говорящих на диалекте, направленных на овладение общенациональным французским языком, который меняется в свою очередь под давлением говорящих на «нормальном» языке и стремящихся избежать ассимиляции. Но эта педагогическая метафора скрывает сложную реальность, за которой стоят лингвистические механизмы, детали которых мало изучены. Если принять предложение А. Доза и утверждение Шарля Брюно, что говоры состояли и состоят из более или менее автономных систем со специфическими фонетикой и морфологией, с достаточно оригинальной лексикой и некоторыми особыми синтаксическими оборотами, что они были языками земледельцев и сельских жителей, которые, всего лишь немногим более века назад, представляли большую часть населения Франции, становится очевидным, что глубокие социальные изменения XX века повлекли за собой значительные лингвистические перемены, в ходе которых исследуемая лексика, подверженная, прежде всего, воздействию французского национального языка, как неоднократно отмечалось ранее, оказалась, как ни парадоксально, тем лексическим пластом, который лучше всего сопротивлялся модификациям именно в силу своей способности к адаптации. Это сопротивление, иногда успешное, осуществлялось за счет семантической эволюции и разрушения связей внутри групп слов. Так, в рамках диалектной оппозиции [jet aste]³, [saate] *être embourbé* «увязнуть», *s'embourber* «вязнуть (с упряжкой)»⁴ является антонимом [sdeoste] *dégager un attelage embourbé* «освобождать увязнувшую упряжку». Две первые формы мало изменились: их означаемое распространяется на современные средства передвижения, например, автомобили; оно может касаться также человека, но это расширение смысла ничто в сравнении с тем, как обогатилось значение антонима, который помимо своего изначального смысла может означать также:

- «выйти из сложного положения»;
- «восстановиться после тяжелой болезни»;
- «двигаться»: « [deot](-toi) un peu de la télé ! Отойди от телевизора!».

Разнообразие контекстов, в которых этот глагол может фигурировать, делает из него серьезного кандидата в список лексем французского регионального языка, но его выживание осуществляется за счет разрыва связей с однокоренными словами, и [(s)aote], похоже, обречен на исчезновение, из-за своей слишком большой семантической специализации и редких случаев применения в наши дни. Использование слова в литературе дает дополнительный аргумент, меняя его статус: так, [(s)aote] отсутствует в нашем словарнике, тогда как *(se) déhotter* дважды использовано в произведениях Ш. Бребана, сначала в форме прилагательного: « *Quinze jours après, elle*

[Marlise, l'héroïne du roman, après une attaque de choléra nostras] était tout à fait déhottée. » [1, с. 307], затем в форме глагола: « *Le père Lemoine [docteur] dit que tu as trop ben de chances de te déhotter de là. [Désiré Froment à Aimé, gravement malade]* » [1, с. 359]⁵. Аналогичное наблюдение может быть сделано и о бытовании полисемичных слов, чьи значения, связанные со спецификой сельской жизни, стираются и уступают место значениям более общим или лучше приспособленным к современному миру; так [bijɔ]⁶ сохраняется только в памяти пожилых фермеров в значении *coffin* «футляр для точильного камня», но его можно услышать на севере департамента и от пожилой женщины, ощипывающей домашнюю птицу: оно означает основание пера.

Можно рассмотреть другой случай: благодаря об разности лексеме удается расширить контексты использования, число которых ограничивал его первичный смысл. Все арденнские рыбаки знают, что означает слово [bɛvle]: это единственное слово, которое они используют, когда ловят уклейку⁷. Однако, уже в своем метафорическом значении это слово выходит из под пера Жана Рожисара, когда Марта, веселая и утонченная девушка, предлагает своим товарищам по социальной борьбе организовать праздники вместо конференций: « *Les compagnons la suivirent, légère et svelte.* »

– C'est une vraie ablette, murmura Ogéra.

– Dis donc comme tout le monde : *une berlingue*. Une ablette ? Tu en fais du genre !

– Elle n'a pas tort ! fit Balossier. » [18, р. 234]. Комментарий к восхищенному замечанию Ожера выступает металингвистическим толкованием, свидетельствующим о широком употреблении слова в период, когда рыбалка, охота и браконьерство были немалым подспорьем для семейного бюджета. Сегодня эта лексическая единица употребляется рыбаками, но если она и сохраняется в общем языке, то благодаря выражению *filer comme une berlingue*, описывающему поведение человека, который внезапно и без объяснений покидает собравшихся, или поведение того, чаще всего ребенка, кто пробегает между людьми. Оно может также обозначать рассредоточение в разные стороны группы или населения: этот смысл выражения мы обнаруживаем у Жана Рожисара, в отрывке, который описывает бегство в 1940 году: « *Les autres, sans demander leur reste, ont foutu le camp, à toute pompe, à bicyclette, en voiture, avec des autocars, des tramways. Ça filait, paraît-il, comme des berlingues !* » [19, с. 51]. Это выражение обеспечивает сохранение лексемы, и доказательством служит тот факт, что некоторые люди употребляют его постоянно, но не знают изначального смысла слова *berlingue*.

Изредка, но все еще случается «лексикализация» метафоры – процесс, который также способствует распространению во французском региональном языке диалектного термина: [s'bœ:] n.f. обозначало в некоторых арденнских говорах общее стадо свиней⁸, которое доверяли пасти детям; оно также могло обозначать все потомство свиноматки. По аналогии, это слово применялось, с отрицательной оценочностью, к группе детей

или всем детям одной семьи. В первом романе цикла *Семья Мамер Le fer et la forêt* (Железо и лес) Ж. Рожисар описывает прозрение Жана Мамера и его вступление в политическую жизнь департамента Арденны, претерпевшего глобальные изменения в ходе индустриализации XIX века: положение героя становится более трагичным, когда к трудностям социальной борьбы добавляется кризис семейных отношений, и его жена Мели и их дети превращаются в помеху более активному участию в этой борьбе: « Il avait eu particulièrement pour les enfants cette impatience exaspérée et hargneuse des jours de défaite : "Sonrée, va", qu'il avait dit. C'était s'injurier soi-même ainsi que sa femme, car sans truie et verrat, il n'y a pas de sonrée. » [15, с. 94]. Отрывок подчеркивает оскорбительный характер, приобретенный словом в его метафорическом значении; но и здесь комментарий – слова автора – тонко напоминает, что первоначальный смысл слова включает как объект оскорбления, так и того, кто его произнес. В более позднем романе Ж. Рожисара находим слово, выполняющее функцию оскорбления: Амеде, который ловил дроздов с раннего детства, протестует против ожидающегося запрета на использование ловушек и обвиняет «Республику» на смеси французского и валлонского: « – Voss' République, m'attirait Amédée, voss' foute République. Nin la peine de chasser Badinguet, ahi ? Jamais il n'aurait osé ça ! Denrée va Sonrée ! » [20, с. 29]. В этом контексте слово сохраняет лишь отдаленную связь со своим первичным значением: оно функционирует как сильное оскорбление без какой-либо ссылки на конкретное означаемое. Разумеется, речь идет о редких примерах, особых случаях; но изучение французского регионального языка часто не подчиняется системному подходу, поскольку, как подчеркивал А. Доза, этот субстрат характеризует нестабильностью, постоянной и быстрой эволюцией.

Вторая черта французского регионального языка – «незаметность» его лексических единиц: они не только не шокируют слуха говорящего на французском языке жителя региона, но и могут пройти незамеченными при быстром чтении жителем другого региона; если же он останавливается на них при более внимательном чтении, то расценивает их употребление как «оплошность», что не мешает пониманию отрывка.

В 1953 году великий арденнский диалектолог Шарль Брюно отмечал: «Французский региональный или французский диалектальный определяется непросто. Тот, кто его использует, убежден, что говорит по-французски. Следовательно, это не говор. Но это еще и не французский. Это любопытное сочетание старинных языковых реликвий и более или менее «кофранцузенных» фактов языка» [28, с. 549]. Без сомнения, французский региональный язык – реальность сложная и многообразная – состоит не только из форм, маргинальный характер которых не осознается говорящим. Но этот критерий позволяет идентифицировать «значимые регионализмы», то есть слова, охватывающие один или несколько регионов, спонтанно употребляемые в речи представителями различных социальных категорий

и заполняющие лакуну в стандартном французском языке, который не всегда располагает семантическим эквивалентом. Так, прилагательное *darne*, которое фигурирует у Рембо⁹, обозначает в терминологии языка пастухов симптом, спровоцированный хождением барана по кругу; у Шарля Бребана есть этому подтверждение: « Plus de ces absences lointaines qui sentaient l'homme excédé de tourner en rond comme un mouton *darne*. » [1, с. 195]. Но наиболее часто этот регионализм применяется для описания человека и приобретает самые разные значения: все восемь примеров, обнаруженных в произведении *Le roi dort* (Король спит), имеют значение *inconscient, fou* «бестолковый, безумный»: «– Il y a des jours où je [Anna, jeune fille gravement malade] vois l'avenir devant moi comme une grande route ensoleillée, un matin de printemps. Mais c'est à ces moments-là que je suis *darne*, je le sais bien, allez ! » [1, с. 75]. Тем не менее, все арденнские врачи знают это слово, описывающее состояние недомогания или головокружения, сравнимое с последствиями опьянения, временное состояние, которое нарушает равновесие, но не ведет к потере сознания. Среди этих «значимых регионализмов» процитируем еще такие слова, как *berne* n.f. «ров вдоль дороги или пути»¹⁰ – единица, которой, как ни странно, нет в письменном словарном корпусе, *cliche* n.f. «дверная ручка», и глагол *clicher* «поворачивать ручку, чтобы открыть дверь»¹¹, а также *narreux*¹², прилагательное, введенное Рожисаром в довольно двусмысленный контекст: « Pauline avait bien compris qu'on la croyait gourmande ou *narreuse*. » [13, с. 116]. Полин, робкая девушка, приезжает к своей тете « Bibine » на неделю, чтобы заниматься шитьем. Смушенная присутствием служанки « la Thasie », « от которой пахнет свинарником и которая не моется », Полин ест мало, что раздражает тетю, для которой здоровье напрямую зависит от качества поглощенной пищи. В этой фразе *gourmande* не отвечает значению « тот, кто ест жадно и чрезвычайно много », стойко сохраняющемуся в регионе. Этот регионализм скорее имеет значение « тот, кто любит хорошую пищу и умеет ее ценить », то есть соответствует общенациональному «*gourmet*». Таким образом, быть *gourmand* или *narreux* предполагает умеренный аппетит, что немедленно вызывает подозрения в сельском обществе романа *Coline* (Холм). Лексема встречается у И. Жибо в форме существительного: в данном случае она характеризует поведение автора в детстве, а металингвистический комментарий точно определяет статус героя: « Et j'étais délicat, j'avoue. Un «nareux», disait mon grand-père, du patois à lui, quand, par exemple, j'aimais pas boire derrière dans le bol de quelqu'un. » [6, с. 51]. Несмотря на эту оценочность, *narreux* хорошо укоренился во всем регионе Шампань-Арденн. Некоторые из регионализмов имеют точный эквивалент в стандартном французском языке, но их использование сохраняется по разным причинам; так, можно констатировать витальность глагола *toquer* «стучать в дверь»¹³ благодаря звукоподражательной экспрессивности: « ...il est arrivé une fille, qui a *toqué* doucement, timide. » [6, с. 34]. Морфологическая

связность группы сыграла свою роль в устойчивом употреблении *échaudure* «sortie»¹⁴ «крапива»: слово передает и непосредственный эффект от контакта с этим растением: « Mais l'*échaudure* cuit quand on la frôle à rebrousse-feuilles » [13, с. 101]. Та же причина, по всей вероятности, заставляет оказывать предпочтение *avoir les pinçons*¹⁵ перед *avoir l'onglée*, выражение, которое Шарль Бребан вкладывает в уста доброй Виктуар, сохраняя диалектный синтаксис: « D'abord, il fait tellement froid que j'ai les doigts à pinçons... » [1, с. 203].

Прочно укрепились в языке департамента Арденны, сегодня и еще, без сомнения, надолго, регионализмы, обозначающие такие блюда местной гастрономии, как знаменитый *salade au lard*, или известный алкогольный напиток *péquet* «можжевеловая водка»¹⁶, которую, говорят, очень оценил Верлен. Хотя в наши дни это наименование присутствует скорее в памяти людей, чем в питейных заведениях. Отметим, что около сорока случаев употребления в литературе, зафиксированных словником письменного регионального языка, подчеркивают популярность напитка в первой половине двадцатого века. Наконец, добавим в эту категорию лексемы, относящиеся к фольклору и местным традициям, например, *le pain de coucou*¹⁷, отправленную обществом потребления в самые дальние уголки памяти, – выражение, за которым семья стыдливо пытается спрятать нищету, предпринимая жалкие усилия, чтобы скрыть от детей жестокость повседневной жизни: « Des gosses, maigres ou morveux, les regardaient passer, qui mangeaient de grandes tartines de saindoux salé, toujours les mêmes, des tartines qui ne coûtaient pas cher, et Rambert, en les voyant, exhalait sa rancœur. »

– Y a rien de changé ! A leur âge, j'en mangeais de temps en temps, et mon père, lui, croquait son pain tout sec. Ou du pain de «coucou», qu'on lui frottait avec un reste d'omelette pour qu'il sente quelque chose. » [7, с. 111].

Последняя категория значимых регионализмов, может быть, самая богатая и самая интересная, состоит из слов, означающее которых представлено в стандартном французском языке, но означаемое претерпевает эволюцию, сдвиг, и лексемы превращаются в настоящих «ложных друзей». Торопливый читатель не обращает внимание на эти слова; но если внимательный читатель, не говорящий на французском региональном языке, старается уличить автора в неуклюжести стиля, то читатель посвященный, говорящий на региолекте, жадно обнаруживает эти лексемы, рассматривает их как признак общего тайного знания, связи с автором. Эти семантические регионализмы образуются посредством смыслового сдвига, чаще от общего к конкретному: « D'abord, il fait tellement froid que j'[*Victoire, la domestique*] ai les doigts à pinçons et les jambes gourdes comme si j'étais affligée. » [1, с. 203]. В этом тексте Шарль Бребан предусмотрительно дает толкование слова *affligé* «огорченный, разбитый»: *infirme*, «инвалид, немощный». Слово используется Виктуар, верной служанкой Марлиз; но в современных словоупотреблениях характеристика физического недостатка осуществляется без учета мораль-

ного аспекта ситуации.

В лексике говоров часто отмечается дефицит терминов абстрактного значения, служат они выражению мыслительных операций или описанию моральной и сентиментальной сторон жизни. Хотя подобное утверждение заслуживает более серьезного уточнения и нового глубокого исследования, французскому региональному случается черпать в абстрактом вокабуляре стандартного французского языка слова, принадлежащие к семантическому полю, лексические единицы которого характеризуют особенности психологической жизни, в частности, когда они выражают чувство или сильную страсть, подвергая слова модификации или производя сдвиг формы или семантического значения. В отрывке из романа Жиля Леру *Léon Chatry, instituteur* (Леон Шатри, учитель) герой находится в состоянии войны со старыми деревенскими дамами¹⁸, которые комментируют его привычки и его одежду: « Jusqu'à Mme Vasson, qui sortit de son mutisme habituel pour raconter que parfois Léon lui remettait un nombre impair de chaussettes et qu'il avait de beaux mouchoirs brodés :

«Oh ! n'est pas possible ! s'écria Mme Collet.

– Mon fils Arthur, t'es trop *ambitieux* !

– Il a raison, opina Mme Royer ; un instituteur ne se mouche pas comme un paysan ! » » [9, с. 131]¹⁹. Чрезмерная « *ambition* », которую осуждает г-жа Локар, хозяйка дома, где проживает школьный учитель, не что иное, как упрек за кокетство и стремление к элегантности. Эту лексическую единицу мы находим и у Малисе, в контексте, исключающем при внимательном прочтении значение, принятое в стандартном французском языке: « De notre temps, p'tit, on était propre, autant qu'à présent, on s'lavait, ne vas te figurer des histoires ; mais d'*ambition*, pas une bribe ! sauf, naturellement, quand on était huppé, genre Madame Ronflette. » [11, с. 126].

Как и стандартный французский язык, французский региональный прибегает иногда к лексическим заменам при описании анатомии человека²⁰: когда Жан Мамер приступает к работе после долгого перерыва, он обнаруживает, не без удовольствия, что к нему возвращаются движения и жесты, привычные для профессии гвоздаря: « Le difficile n'était pas de se remettre au bloc. L'habitude revient au galop. Les nerfs reprennent leur jeu ; ça se dérouille petit à petit : les charnières se regraissent et jouent moins sec, le corps se rebrise aux gestes oubliés. » [15, с. 116]. Ассимилированная лексема *nerf* «muscle» довольно частотная²¹ и для региолекта в этом восприятии анатомии, конечно, нет ничего сложного: другие случаи смешения, не встречаясь в письменных текстах, отмечают, в этом плане, устную местную речь; так *estomac* «желудок» может означать *poitrine* «грудная клетка», а выражение *descente d'estomac* – «грыжа».

Даже если французский региональный не изучается системно, как подчеркивалось выше, случай семантического сдвига ведет к цепной реакции, что приводит к воздействию на всю микросистему. Наименования приемов пищи представляют прекрасную иллюстрацию этих серийных сдвигов. То, что в общем французском

фигурирует как *petit déjeuner* «завтрак», во французском региональном, как в Бельгии и в Швейцарии, называется *déjeuner*²² «обед»: « Au retour, les enfants dormaient dans la carriole, laissant la jument aller son petit pas tranquille ; neuf heures sonnaient quand elles rentraient à la ferme. Si elles s'asseyaient pour déjeuner, elles entendaient grommeler leur mère infatigable. » [8, c. 32]. « Quand Jean-Baptiste entra, le feu illuminait la salle, le café fumait dans des bols jaunes, larges comme de petites soupières. Il y émia du pain et déjeuna. » [13, c. 95]. В этих условиях прием пищи в полдень называется *dîner* или *déjeuner de midi*, оборот, который норма, без сомнения, заклеймила бы как плеоназм: « Après le déjeuner de midi, où il la servait comme une fillette, elle essayait de coudre, s'ennuyait, recommandait à ranger ses boîtes [...] » [8, c. 46].

Тот же сдвиг наблюдается в семантическом пространстве, которое разделяет в центральном французском *écurie* et *étable* «конюшня и хлев»; в регионе это пространство почти полностью занято первым словом, тогда как второе практически не используется²³: « Une fenêtre percée dans le mur du fond, en face de la porte, éclairait l'écurie, vaste, haute, pavée de gros cailloux ronds. Un solide bat-flanc la divisait en deux, séparant les vaches des chevaux. » [10, c. 166]. Отсюда вытекает распределение, при котором ассоциация *écurie* и *cheval* не рассматривается как плеоназм: « Paul mondera [= nettoiera] l'écurie des chevaux, tournera le coupe-racines, puis la manivelle de l'écrêmeuse centrifuge; ensuite Joseph le mettra au courant de la maison. » [10, c. 165], неуместным не будет и сочетание *écurie* и *vache*: « Oui, ce fut une heureuse époque ! Il y avait une vache à l'écurie, une feuille de vin à la cave, un peu d'argent chez le notaire. » [9, c. 37]. Действительно, *écurie* становится своеобразным гиперонимом для обозначения помещения для всех крупных животных на ферме: « –L'Adule ! l'est r'trouvé ses cochons d'or, ma chère. Les avait cachés dans son écurie à cochons. » [21, c. 105].

Интересно отметить, что слова, выражающие семейные отношения, претерпевают часто сдвиги, которые приводят к исчезновению некоторого числа форм, относящихся к этому лексическому пласту во французском языке. Так, у Жана Рожисара часто для обозначения женщины-жены встречается *commère*, но это слово не включает в свое значение те отрицательные семы, которые оно передает в общем французском – «любопытство», «недоброжелательность», «рвение в распространении сплетен» и т.д.²⁴: « Et puis après, comment gagner le pain des gosses et de la *commère* durant les jours mauvais ? » [20, c. 56]. *Commère* не ведет за собой использования соответствующего коррелята мужского рода *compère*: мужа чаще всего обозначают словом *homme*; так же как и во французском просторечии, где распространено данное значение этой лексемы²⁵, существительному, как правило, предшествует притяжательное прилагательное. И несмотря на то, что региональный лексикон определяется положительными чертами, для него также характерно постоянное исключение некоторых общеглавых слов: французское *mari* систематически

вытесняется региональным *homme*²⁶: « Son [Solange, l'héroïne] homme, son enfant ! Elle ose un sourire de bonheur malgré les pensées qui l'assaillent [...] » [2, c. 14]. « [...] j'ai vu des femmes qui venaient de perdre leur homme montrer le poing aux maisons où le malheur n'était pas entré. » [1, c. 62]. Использование *patron* в значении «муж» остается относительно частотным в сельской среде²⁷. Слово более редко встречается в письменной речи, но, тем не менее, вводится в текст *Король спит*: « Mais n'importe, les femmes de sa classe étaient si dépendantes de «leur patron», comme elles disaient, si fermement tenues à l'écart du culte national de l'or, qu'il était impossible à Marlise de ne pas se sentir soulevée par le grand coup de vent de la liberté. » [1, c. 51-52]. Более редкое использование женского рода направлено, в основном, на дискредитацию мужа: « Tu viendras me raconter au matin comment que tu te seras fait arranger par la patronne ! [Désiré au narrateur, évoquant la femme de ce dernier] » [1, c. 176-177].

Наконец, сыновние и дочерние узы передаются также определенной лексикой. Если речь идет о дочери, то в «валлонских» романах Рожисара и в его романе *Холм* мы находим *bachelle*²⁸: « – Bê, puisque vous allez à Sixplanes, vous pousseriez bien *amon* [= «chez»] les Daron. Leur *bachelle* coud. » Регионализм *bachelle*, так же как и общеглавское слово *file*, полисемичен и может означать просто «девушка»: « [...] il vint des Vieux Marais habiter à Manise comme brigadier, avec sa fille, une belle *bachelle* de dix-sept ans tout au plus ! » [20, c. 26]. Для наименования сына региональный Шампани использует и парасинонимы, для которых характерна полисемия; во-первых, *gamin*, употребляется как уменьшительная форма со значительным эмоциональным зарядом, когда один из родителей обращается к сыну: « – T'as pas eu de chance non plus, mon pauvre *gamin*, elle [sa mère] a dit encore. » [6, c. 12]. Это эмотивное значение исчезает в описаниях, *gamin* здесь является точным эквивалентом *fils*²⁹: « Un soir, sur le coup d'une heure du matin, il était avec son *gamin* au milieu de la rue à lui expliquer les étoiles... » [4, c. 85]. Другое слово, конкурент предыдущего, очень близкое по значению, представляет ограниченную сочленаемость: в диалоге перед ним никогда не ставится *ton* (тогда как стандартный французский приветствует его употребление). Речь идет о слове *garçon*³⁰: « Resté veuf à quarante ans, il vécut comme un loup et éleva ses deux *garçons* et ses deux filles avec brutalité. » [10, c. 17]. Наконец, последний термин, наиболее далекий от центрального французского, не зарегистрированный в этом значении *Тезаурусом французского языка* (TLF), охватывает валлонскую часть департамента; слово *valet* отмечено только у Рожисара и, в частности, в романе *Холм*, действие которого происходит в Фей-ле-Венер, на бельгийской территории вблизи границы³¹: « Si le *valet* ressemble au père, gare aux fillettes que le sang brûle. » Но слово *valet*, которое никогда не используется в значении «лакей», может приобрести смысл *garçon* «мальчик, парень», часто в функции обращения: « – Et tu as attendu ton père pour sortir du «tonneau», dru comme cabri ! Tu promettais,

valet, tu promettais ! » [20, с. 16]. Обозначенное слово встречается даже в сложном лексическом сочетании *valet d'honneur* в значении *garçon d'honneur*, «свидетель» (по случаю свадьбы): « Tu n'auras pas frémi, quand les valets d'honneur auront cueilli à son genou la blanche nouette de rubans ; la chair en feu, tu n'auras pas guetté leur fuite et, toute la nuitée, tambouriné de porte en porte pour les démusser... » [13, с. 136].

Эти слова, за исключением последнего, или эти значения внесены в большинство словарей начиная, естественно, с TLF. Отметим то, что характеризует их функционирование во французском региональном: с одной стороны, отсутствие маркирования, тогда как в центральном французском мы всегда встречаем пометы «фамильярное», «просторечное» или «региональное»; с другой стороны, именно высокая частотность приводит к тому, что синоним из общего французского языка не используется в речи. Так, *fils* практически никогда не употребляется для обозначения потомка мужского рода первой степени; напротив, слово встречается по-прежнему в довольно частотном выражении *mon fils*, значение и употребление которого точно описывает Шарль Бребан в этом отрывке: « – Allons, entre, mon fils, dit Marlise à Philogène qui hésitait encore. Et toi aussi, mon fils Nésime. Philogène et Nésime ont près de cinq quarts de siècle à eux deux, mais Marlise, comme le curé et autres personnes respectables, appelle tous les hommes du pays «mon fils». Bien entendu, elle dit «mon fi», car chez nous la prononciation n'a pas encore été tout à fait gâtée par l'école et par l'imprimé. » [1, с. 252-253].

Третья характеристика регионального словаря, которую мы рассмотрим, состоит в его способности к модификации, которую можно наблюдать в трех областях: лексика, фонетика и орфография. Несомненно, лексическая и фонетическая вариативность связана с особой лингвистической ситуацией департамента Арденны, на территории которого зафиксировано использование трех крупных диалектов – шампанского, валлонского и лотарингского [24], достаточно непохожих, чтобы сохранить свою специфику, но недостаточно разнородных, чтобы их близость повлекла за собой их исчезновение. Таким образом, появляются лексические единицы, которые можно назвать микрорегионализмами, т.е. формы, непроизвольно приходящие на ум говорящему для обозначения какого-либо явления, в четко определенной зоне департамента, но которые через несколько километров уступают место другим формам при характеристике того же явления. Когда Рожисар говорит о землях под паром в валлонской части края, то, естественно, использует слово *viré*³²: « Nous, au coeur d'hiver, par les virés, sans tant d'affaires, nous faisions nos deux et trois lieues. » [13, с. 105]. Если действие перемещается на несколько десятков километров к югу, до Мерваля, к западу от Шарлевилль-Мезьера, тогда вступает шампанская форма *triot*³³: « Ce n'était pas encore le temps des cabrioles dans l'herbe craquante qui râpe le dos et le ventre, ni des courses par les triots. » [14, с. 13]. А если продолжить путешествие на тридцать-сорок километров в направле-

нии Марны к городу Машо, центру кантона, здесь царит слово пастухов *savart*³⁴: « À la veille de la Révolution, il y avait sur le finage de Machault six cent cinquante hectares de savarts, donc de terres incultes. » [5, с. 62].

В этой ономасиологической пестроте нет ничего исключительного: блины в зависимости от места, где их выпекают, могут называться *berdelle*, *braque*, *tantimolle*, *vôte*; тесто для вафель – *cafarin*, *casrement* и *battis*. Но часто один и тот же этимон претерпевает фонетическую деформацию в тех диалектах, в рамках которых он развивается. Отсюда вытекают различия, которые не мешают пониманию и позволяют определить местность происхождения. Так, в названии сланца, который века-ми добывают в Фюмэ, отражено происхождение слова, сохраняющего признаки воздействия валлонского диалекта: « À l'étranger, quand y les voient arriver, toutes ces «scailles-là», y pensent un peu à nous. Sûrement qui disent qui faut des vaillants pour aller les tirer ! » [7, с. 102]³⁵. В данном примере шахтер, добывающий сланец, – [skajtø], с внутренним *yod*, которое сложно транскрибировать во французской орфографии: « – Je suis scalteux, fils et petit-fils de scalteux. Faut pas essayer de me raconter des histoires. Le «fond» et moi, ça fait deux vieilles connaissances. Le nom de Rambert ne se vend pas. Il se respecte! » [7, с. 50]³⁶. Несколько километрами южнее понятие испытывает влияние шампанского диалекта (и французского языка): « [...] des voisins ont aidé, et trois semaines après on la coiffait en écailles bleues de Monthermé liées de terre glaise: une pièce pour les gens, une pour la boutique, le derrière pour ranger le bois et loger les bêtes. » [15, с. 28]. В свою очередь для существительного «шахтер» характерна вариативность суффиксов: *écailler* : « Les bois qui se répètent de côté cachent les mêmes misères. Ici, on ahane au fond ces «boutiques», là-bas les ardoisiers – les écailleurs – voués à la vie des taupes, descendant dans les fosses profondes qui les dévorent tous, l'un après l'autre, inéluctablement. » [15, с. 16] или *écaillon* : « Huit ans plus tôt, les «écaillons» avaient fait grève eux aussi, non plus pour protester contre l'arbitraire patronal, mais parce que l'introduction de nouvelles machines – des fendeuses mécaniques – avait mis à pied les fendeurs à la main, métier de choix, hautement rétribué, et qui séparait comme en deux castes ceux du fond d'avec ceux du haut. » [16, с. 82].

Нужно поблагодарить местных писателей не только за то, что они воспользовались лексическим богатством французского регионального языка, но и за то, что восприняли варианты звучания. Так, в зоне распространения шампанского диалекта *marinde* обозначает «скромный паек, который берут с собой на работу»: « Comme un dimanche, le vieux s'en allait au bois, la serpe lui ballant au côté, la marinde dans le bissac, Letorez le dépassa. » [18, с. 183]. А в краю шахтеров (*scailleux*) конечные звонкие согласные оглушаются³⁷ : « Ils frappèrent ainsi longtemps puis l'un d'entre eux se releva, s'étira :

– C'est l'heure, les hommes ; faut manger !

Ils se retrouvèrent assis en demi-cercle, chacun dénoua le mouchoir tiré de la musette, et entama sa «marinte» – le déjeûner »[sic]. Léon, à la dérobée, les regardait manger

lentement, à grosses bouchées silencieuses.» [7, с. 92].

Название деревенского праздника – *La ducasse* – дает также несколько вариантов, но ставит проблему графического изображения. Это слово, которое и сегодня встречается в региональной прессе, фигурирует в словаре письменной речи с исключительной частотностью в приведенной здесь форме: она отличается от диалектной лексической единицы тем, что начальный слог последней *di-*³⁸; это изменение может быть результатом общей тенденции к лабиализации гласных в арденнских говорах³⁹, но здесь прослеживается и пикардское влияние, так как *ducasse* надежно укоренилось во французском региональном языке севера Франции⁴⁰. Среди арденнских авторов только Ж. Лемэтр и Ж. Леру используют это слово с *di-* в первом слоге. Ж. Лемэтр прибегает к этой лексеме в романе *Les hommes du fond* (Шахтеры), действие которого разворачивается в Фюмэ: « À la fête, on se contentait de regarder les boutiques. Les manèges, avec leur cheval au milieu, tournaient pour la «dicôse». » [7, с. 139]. Тем не менее, написание двойственное в той мере, что *-s-* интервокальное предполагает прочтение [z]; а в местном говоре Фюмэ произносится [diko:s]⁴¹, с глухой конечной согласной, соответствующей фонетике валлонских говоров. Аналогичная трудность появляется у Ж. Леру, который использует это слово четырежды в романе *Леон Шатри*, герой которого, уроженец пригорода Шарлевилля, преподает в Жепунсаре (кантон Нузонвиль). Небезынтересно заметить, что в этих регионах никогда не говорили на валлонском диалекте: « Le dicos n'arrive qu'une fois l'an! » [9, с. 109]. Написание слова *[dikos]* отсылает к валлонскому диалекту (при условии, что *-o-* закрытое), и эта ситуация тем более необычная, так как здесь присутствует и пикардская форма артикля!

Эти замечания ведут, естественно, к рассмотрению французского регионального языка с точки зрения орфографии. Отсутствие ссылок на нормативное использование может облегчить или, напротив, затруднить выбор писателя, который им пользуется более или менее осознанно. Неоднократно подчеркивалось, что вocabulaire французского регионального состоит частично из архаизмов общего национального языка. Этот феномен проявляется также через обращение к орфографии, принятой в предшествующие периоды развития языка. Рожисар, упоминая шахтеров, добывающих сланец, обычно пишет *écailleurs*, но иногда *escailleurs*⁴²: « Au fond, je voyais les petites étoiles que font dans le noir les chandelles des escailleurs. » [17, с. 116]. Несколько странно встречать у того же автора написание *beste*⁴³, исчезнувшее из центрального французского в начале XVIII века, которое не дает какой-либо ссылки на современное диалектное произношение слова. Эта тенденция к сохранению этимологического написания проявляется еще в орфографии наречия [tu] *très, beaucoup*, «очень», «много», по-прежнему присутствующего в говорах, которое Рожисар пишет как *moult* [13, с. 95]⁴⁴, тогда как другие авторы, например Робер Секонелло, предпочитают фонетическую орфографию: *toi*⁴⁵. Здесь речь идет

о сознательном выборе, но, тем не менее, наблюдается стремление к более «экономному» написанию слов, свободному от избыточных знаков. Напротив, очевидные колебания обнаруживаются в написании слов с неясной или неизвестной авторам этимологией, которые не обладают устойчивой орфографической традицией в языке; это особенно касается согласных графем, предрасположенных к удвоению. Так, [agas] f., региональное название сороки, орфографически представлено как *agace*⁴⁶ и *agasse*⁴⁷. К той же категории относим: *bricole / bricolle* n.f., *piège* «ловушка»; *banette / bannette* n.f., *gros tablier de cuir* «длинный кожаный фартук»; *nareux,-euse / narreux,-euse*, adj. ou n., *délicat sur la nourriture* «разборчивый в еде» и т.д. Колебания могут быть связаны с выбором гласных диграфов или триграфов: [plē] n.m., *plateau élevé*, «высокое плато», пишется то как *plain*, орфография соответствует этимону, то как *plein*. [we:b] n.f., *coupe de bois* «рубка деревьев» дает *waibe* и *wèbe*.

Другие случаи чередования отражают трудности, которые затронули также орфографию общего французского языка. Например:

– использование дефиса: *camp volant* и *camp-volant* n.m. или f., *individu sans domicile fixe* «лицо без определенного места жительства»; *cri-cri* и *cricri* n.m., *grillon* «сверчок» и т.д.;

– использование заглавной буквы: *arlan / Arlan* n.m., *propre à rien* «никчемный»; *arlequin / Arlequin* n.m., *fagne / Fagne* n.f. и т.д.;

– чередование *-h-: anui / anhui/ an'hui/ adv., au-jour'd'hui*, «сегодня»;

– беглое внутреннее *-e-: delez / d'lez* prép., *à côté de* «рядом»; *ce tou-là* pron., *celui-là* «тот»; *qui-ci* pron., *ce-lui-ci* «этот»; *coum'na, coum na* – *comme cela* «вот так»; у Жана Сери находим абсолютно необычную орфографию: *gron* n.m., для [зыв] *giron* «круг», слово, в котором *-g-* – фрикативный, хотя и расположен перед *-r-*;

– использование диакритических знаков, особенно *l'accent circonflexe*, обычно в фонетических целях, чтобы передать долготу или закрытость гласного звука: *chôûter* v., *écouter* «слушать»; *clôteu* n.m., *cloutier* «гвоздарь»; *bônette* n.f., *lucarne* «слуховое окно»; *bon Diû* n.m.; *hûreux* adj., *heureux* «счастливый»; *jûnesse* n.f., *jeunesse* «молодость» и т.д.; он может, так же как во французском, обозначать *-a-* заднего ряда: *mâchuré* adj., (наряду с *machuré*), *diâle* n.m., «diable» и т.д.. Но в *fi* как «*fils*» (см. выше *mon fils*), который всегда предлагает *-i-* краткий в устной речи, он лишь обозначает исчезновение конечных согласных французской формы (находим также написание *fi'*). Отметим, наконец, что знак *tréma* имеет ту же фонетическую функцию, что и *circonflexe*, а также словоизделичительную функцию: *chû* «chez» выявлено в текстах Малисе и, таким образом, отличается от *chu*, причастия прошедшего времени глагола *choir*.

Следовательно, не надо удивляться, что транскрипция, создающая трудности для общего французского языка, предлагает материал для целой главы об орфографической вариативности регионального французского: транскрипция звука *yod*, значение которой мы

подчеркивали в слове *scailteux* [skajtø] «mineur d'ardoise», предполагает множество вариантов; *aïe* в выражении *aïe donc*, которое сопровождает интенсивное усиление⁴⁸, и *aille* в выражении *un petit coup d'aille* «шт. соуд de main», «помощь». Арденнские диалекты сопротивляются контаминации гласного в препозиции к *yod*, и многочисленные трудности этого характера ведут если и не к устоявшимся традициям, то, по крайней мере, к привычному для французского регионального написанию; за *-a-* чаще всего следует *-i-* как, например, в *biscaïen* n.m., *grosse bille*, «большой шар», *faïnie* n.f., *faïne*, «буковый орешек», где *-i-* дает [-ji-], *raien* adj., *avare*, «скучой», *baïenne* : loc. à la -, à l'étouffée, «тушение», ... (иначе у Бребана и Рожисара, *tayon* [tajø] n.m., *aïeul*, «предок» и *ratayon* [ʁatajø] n.m. *bisaïeul*, «прадед»). В свою очередь, *-u-* часто следует за *-o-*, не влияя на произношение гласного: так, *La Noyette*, название населенного пункта в произведении Жана Сери, должно читаться [la nɔjet] [21, p. 134]⁴⁹, а *Le Foyon*, прозвище из романа Рожисара *Холм* [l fɔjø] [13, c. 143]⁵⁰. Впрочем, часто это написание касается слов, которые писатели возвращают в диалектный контекст, заботясь об экспрессивности и колорите. Из длинного списка возможных примеров приведем: *m'avoye* «(il) m'envoie» у Сери [21, p. 199], *coyon* adj., «сouillon» у Лемэтра [7, p. 181], *j'croyos* «je croyais» у Секонелло [2, p. 53], *déhoyer* v.intr. «butter (les pommes de terre)» у Малисе [11, c. 64] и т.д.

Несомненно, нельзя свести исследование региональной лексики к тем нескольким чертам, которые мы постарались осветить в этой статье: статус сложных лексических единиц, как и других категорий слов, за-служивает сам по себе отдельного исследования. Тем не менее, в заключение следует вернуться к утверждению, которое иногда выдвигается как критерий французского регионального, а именно, уровень осознанности говорящим. Жак Шоран упоминал об этом феномене: «Многие люди привязаны к словам из своего детства и чувствуют их незаменимость. Таким образом, невозможно определять французский региональный исключительно степенью безотчетности и неосознанности, которая действительно часто сопровождает его использование» [33, т. II, с. 402]. В случае пользователей, интересующихся своим языком, *a fortiori* ученых, абсолютно неосознанное употребление слов – редкость. Об этом свидетельствуют разные способы интегрирования региональной лексики в ткань текста. Часто слово выделяется курсивом или кавычками. Если оно вводится в диалог, иногда его значение объясняется в ссылке и автор выступает в таком случае в роли переводчика. Когда от холода немеют конечности бедной Виктуар, в *Король спит*, ей в голову приходит сравнение с параличом: «... comme si j'étais affligée » [1, c. 203], и прилагательное расшифровывается Ш. Бребаном как *infirme* «немощный, увечный». Так обычно поступают с техническими терминами, пришедшими из словаря какой-либо особой профессиональной группы: иногда металингвистический комментарий разъясняет словоупотребление и даже его произношение. Ги Фекан отмечает: « Слово

«triot», произносившееся иногда как «trieux» или «tru», употреблялось чаще, чем «savart». » [5, с. 134]. В произведениях И. Жибо региональной лексикой отмечены, прежде всего, названия местности на западе департамента Ардennes и персонажи – мать, отец, дед, свое речевое отличие от которых подчеркивает говорящий: « Ça été une riche année, la dernière chez le grand-père avant qu'ils reprennent tout leur berloquin, comme disait ma mère, [...] » [6, с. 163]. « Et elle a refermé sa porte aussi sec, sans même me dire à la revoyure comme les paysans d'Avaux. » [6, с. 91].

Интеграция слова в текст осуществляется и через более тонкий подход, который требует внимательного прочтения: когда г-жа Локар упрекает Леона Шатри за то, что он слишком *ambitieux*, так как пользуется вышитыми носовыми платками, то несколькими строчками ранее героя приходится выслушать тот же упрек от своей матери. В этом случае вводится прилагательное *coquet*, которое более соответствует лексической характеристике матери учителя [9, с. 131]. Впрочем, в подавляющем большинстве случаев контекста достаточно для понимания общего смысла регионального слова, даже если он определяет значение менее точно, чем это сделал бы лексикограф. В нижеследующем отрывке горячность Брифо и многословность обращения, которое он завершает существительным *berlandier*, не оставляют ни малейшего сомнения в его ярко выраженной негативной коннотации: « Oh ! je [Brifaut] ne m'en fais pas de bile, c'est bon assez pour les laboureurs qui travaillent quand ils ont le temps, qui achètent des carrioles en ville pour aller vendre tous les matins leur quatre sous de lait, alors qu'ils devraient être honteux de leurs équipages de berlandiers ! » [10, с. 13].

Собственно говоря, слово функционирует здесь, даже если читатель не знает его точного значения, как лексический орнамент с высокой степенью выразительности. И, может быть, в конечном счете, своей об разности и экспрессивности, своей фонетической и морфологической рельефности многие регионализмы обязаны не только сохранением в языке региона, но и успехом у авторов, которые выбирают регион местом действия своих произведений. Национальный французский язык выглядел бы бледно, если бы в следующем отрывке была предложена замена слову *gringuenaudes*, *plaques de terre et de bouse séchées sur les flancs des vaches* «высохшая грязь или навоз на боках коров»: « Il y a encore à Pargny des maisons sales comme des toits à porc, des chambres qui répandent dans la rue une terrible odeur de fond de nombril quand par hasard on ouvre la fenêtre, des femmes dont le corps doit être aussi répugnant que celui de leur vache avec ses gringuenaudes, mais maintenant, on les compte. » [1, с. 327].

Язык как часть эмоциональной и культурной истории каждого человека не может быть ограничен только нейтральным французским, лишенным самых значимых отклонений от нормы: именно в этих отклонениях говорящие находят свои корни, то есть те узы родства, которые их связывают с языком и местом проживания.

Перевод данной статьи выполнил кандидат филологических наук, доцент, кафедра романской филологии, Орловский государственный университет, Елена Анатольевна Козельская.

Примечания

¹Le TLF VI, 159a, Тезаурус французского языка не отмечает региональный характер этого слова.

²Название романа: *Passantes d'octobre* (Октябрьские путешественники), относится к дроздам, ловушки на которых представляют традиционный способ охоты в Арденнах, что является центральной темой романа.

³Фонетическая транскрипция сделана с помощью л'API. Однако два отсутствующих знака были позаимствованы из алфавита диалектологов: речь идет о [ɛ], который передает носовую гласную -in-, и о [ø], который передает носовую гласную -on-.

⁴Bourcelot H., ALCB, t. III, carte 882 : «s'embourber». См. также Bruneau Ch., 1926, t. II, p. 20, s.v. *S'embourber*.

⁵Об этом слове и однокоренных ему словах, cf. FEW IV, 500b s.v. **hott* «obstacle». См. также Chaurand J., «Langage et terroir dans *Le roi dort*» в *Les parlers et les hommes*, Paris, 1992, t. I, p. 405. Что касается глагола (*se*) *déhotter*, можно задаться вопросом, не произошло ли пересечения некоторых случаев словоупотребления с арго *déhotter* «s'en aller» отмеченное в FEW XVI, 231a s.v. **hotta* (afrk.) «hotte»; но использование местоименной формы уменьшает вероятность этой гипотезы.

⁶FEW XV/2, 8a s.v. **buka* (afrk.) «scruche», «кувшин».

⁷FEW XV/1, 247b s.v. **bretling* (ahd.) «petite planche», «досточка».

⁸FEW XVII, 282b s.v. **sunnor* (afrk.) «troupeau de porcs», «стадо свиней».

⁹Cf. in «Accroupissements» (*Poésies*), v. 4 : «Приседания» (Стихотворения)

«[...]»

Le frère Milotus, un oeil à la lucarne
D'où le soleil, clair comme un chaudron récuré,
Lui darde une migraine et fait son regard darne,
[...]»

Le TLF VI, 709a s.v., регистрирует слово как регионализм, «употребляемый преимущественно в Шампани и Лотарингии». Но если опираться только на этот пример у Рембо, оно дает очень узкое значение («Ощалевший от головокружения, ослепленный»), которое не учитывает полисемии существующего регионального словоупотребления. Как *flache*, региональное слово (фонетика французской!), употребленное вместо «flaque» в стихотворении *Пьяный корабль*, – похоже, результат сознательного выбора, так и *darne*, кажется, предполагает, с этой точки зрения, более обдуманную оценку; многие говорящие прибегают к этому слову и сегодня, т.к. считают его абсолютно нормативным. Об использовании *flache* и особенно *darne* сммотреть комментарий Chaurand J., [33, p. 275-276]. Что касается регионализмов в поэзии Рембо, помимо информации в TLF, можно спрятаться в: [27, p. 1-6]. Cf. еще FEW XV/2, 55b s.v. **darn* (germ.) «ébahî», «оцепеневший».

¹⁰ FEW XV/1, 96a s.v. *berm* (ndl) «bord d'une digue», «край пропинь».

¹¹ FEW II/1, 788a s.v. *klitch*, корень – ономатопея.

¹² FEW VII, 15b s.v. *naris* «narine, naseau», «ноздря».

¹³FEW XIII/2, 12a s.v. *tokk*, корень – ономатопея.

¹⁴FEW III, 264a, s.v. *excaldare* «ébouillanter avec de l'eau chaude», «ошпарить кипятком».

¹⁵FEW VIII, 544a s.v. **pints* – «saisir, pincer», «хватать, колоть».

¹⁶FEW VIII, 159b s.v. **pekkare* «riquer». Слово фигурирует также в томе, посвященном единицам с неопределенной этимологией: XXI, 498b s.v. «eau-de-vie», «водка».

¹⁷Cf. Carton F. [30, с. 319-325].

¹⁸Леон Шатри получил свою первую работу учителя в Буримоне, Жепунсар, большая деревня в кантоне Нузонвиль департамента Ардennes.

¹⁹Реплика с прилагательным *ambitieux* принадлежит г-же Локар, хозяйке Леона; женщина почтенного возраста, она называет всех своих квартиросящемчиков «Arthur», по имени первого постояльца.

²⁰Cf. [32, p. 35-36].

²¹ Я отметил, в Жепунсаре (кантон Нузонвиль), прозвище *Double Nerf* ([dublé ne:ʁ]), применяется к очень сильному человеку.

²²Le TLF IV, 1008a s.v., квалифицирует это употребление как «старый» и «региональный», и противопоставляет его помете «оби-

ходный» в выражении «Prendre le repas de midi», «обедать».

²³Le TLF VII, 726b s.v., рассматривает использование *écurie* как синонима *'étable*, что соответствует региональному словоупотреблению, в частности в Швейцарии.

²⁴Не уничтожительное употребление этого слова распространено в некоторых говорах в форме [ките:ʁ]. Разумеется, можно считать, что отсутствие особой уничтожительности является парадоксальным результатом общего обесценивания значения женщины в мире художественной литературы (и не только), описывающей арденскую деревню: любая женщина проявляет, это в ее природе, склонность к болтовне ... Тем не менее, региональный язык – диалект или французский – найдет достаточно ресурсов, чтобы осудить недостатки, которые предполагает фр. *commère* ... Отметим, что TLF V, 1122a s.v. дает значение «Женщина, с которой поддерживаются отношения накоротке, подруга» с пометой «устаревшее и фамильярное.»

²⁵TLF IX, 880a.

²⁶В говорах распространено подобное словоупотребление: [mnum] «мой муж». Отметим также, что выражение [ma pt̪i ut̪] на наречии, *ma p(e)tit homme* (без фонетического связывания) на региональном французском, с артиклем женского рода в соответствии с тенденцией диалектного субстрата, используется также для обозначения дружбы с молодым человеком.

²⁷Значение «супруг» упоминается в TLF XII, 1195a s.v. с пометой «просторечный преимущественно в ж.р.». В арденской деревне чаще всего используется женщины, в частности, когда кто-то приходит поговорить о делах: «Ah, pour ça, faut voir le patron». «А по этому поводу надо обратиться к моему мужу».

²⁸*Bachelie* не фигурирует в TLF, где зарегистрирована *bachelette* (III, 1189b): «Старое, *inut*. Грациозная девушка.» Шарль Брюно отмечает его использование только в Валлонии в формах, свойственных местным говорам, s.v. *Fille* [узы родства] в *Enquête linguistique sur les patois d'Ardenne*, Paris, 1914, t. I, p. 394.

²⁹Le TLF IX, 61a s.v. отмечает это употребление как «фамильярное или просторечное» и в мужском, и женском роде. Региональный французский практически не использует женского рода.

³⁰Здесь также TLF IX, 79b s.v., рассматривает это словоупотребление как «фамильярное».

³¹Bruneau Ch., [26, t. I, p. 395], s.v. *Fils*, выявляет более широкое использование в поле исследования, чем позволяет предположить наш письменный лексикон. В том же исследовании отмечена, p. 437, диалектная лексема [be: vale], litt. «*beau vale*», в значении *gendre*, зять в валлонской части.

³²Об этом слове см. [26, : t. I, p. 99].

³³FEW XVII, 400b s.v. **threosk* (afrk.) «friche», «земля под паром».

³⁴FEW XI, 139a s.v. **samo* (gall.) «été», «лето».

³⁵О слове *scaille*, см. [26, t. I, p. 38, s.v. *Ardoise*].

³⁶См. также [26, t. I, p. 39, s.v. *Ardoisier*].

³⁷Bruneau Ch., Paris, 1913², p. 499.

³⁸Bruneau Ch., 1914, t. I, p. 387, s.v. *Fête (du village)*. Праздник (деревни).

³⁹Bruneau Ch., 1913², p. 165.

⁴⁰Carton F. et Poulet D., 1991, p. 45.

⁴¹Bruneau Ch., 1914, t. I, p. 387, s.v. *Fête (du village)*. Праздник (деревни).

⁴²Cf. DHOF, 1995, p. 384b s.v. *écaille*, et p. 1127.

⁴³DHOF, p. 147. La graphie est attestée dans *Coline, le Meunier du Fays*, Charleville, 1932, p. 136.

⁴⁴в романе встречается семь случаев такого написания. Отметим, что *moult* регистрируется французским языком до 1878 (DHOF, p. 694b).

⁴⁵[2, p. 56] : « ... des aéroplanes qui iront «mou» vite, ... ». « ... аэро-планы, которые полетят очень быстро, ...».

⁴⁶Эта орфография, которую находим у Бребана и Рожисара, по статистике является преобладающей.

⁴⁷Встречаем это написание в : [12, p. 18 et p. 56].

⁴⁸В устном варианте регионального французского языка есть также выражение *ne savoir plus aie* «être épuisé», «быть сильно уставшим»..

⁴⁹Noyette – уменьшительное от *noie* n.f. «lieu humide» (< gaul. *nauda*), «сырое место».

⁵⁰[fɔjɔ] – диалектное слово, обозначающее крота.

Библиографический список (References)

1. *Braibant C.* Le roi dort. P. : Denoël et Steele, 1933.
2. *Cecconello R.* L'enfance est un rêve. Charleville-Mézières : Terres Ardennaises, 1988.
3. *Dhôtel A.* Lointaines Ardennes. P. : Arthaud, 1979.
4. *Dhôtel A.* Terres de Mémoire. Artigues-près-Bordeaux : Jean-Pierre Lelarge, 1979.
5. *Féquant G.* Le ciel des bergers. Mesnil-sur-l'Estrée : La Manufacture, 1992.
6. *Gibeau Y.* Mourir idiot. P. : Calmann-Lévy, 1988.
7. *Lemaitre J.* Les hommes du fond. SL : L'Amitié par le livre, 1957.
8. *Leroux J.* Une fille de rien. P. : Eugène Figuières et Cie, 1911.
9. *Leroux J.* Léon Chatry, instituteur. P. : Éditions Figuière, 1913, rééd. Lyon : La Manufacture, 1985.
10. *Leroux J.* Le pain et le blé. SL : L'amitié par le livre, 1922.
11. *Malicet T.* Debout frères de misère. P. : Al Satia, 1962.
12. *Petitfaux G.* Les nonnettes. Charleville-Mézières : Terres Ardennaises, 1993.
13. *Rogissart J.* Coline, le Meunier du Fays. Charleville : Société des Écrivains Ardennais, 1932.
14. *Rogissart J.* Mervale. Charleville : Société des Écrivains Ardennais, 1937.
15. *Rogissart J.* Le fer et la forêt. P. : Denoël, 1940, rééd. Charleville, 1957.
16. *Rogissart J.* Le temps des cerises. P. : Denoël, 1942.
17. *Rogissart J.* Les Semailles. SL : L'amitié par le livre, 1945.
18. *Rogissart J.* Moissons. P. : Denoël, 1946, rééd. L'amitié par le livre, 1973.
19. *Rogissart J.* Les retranchés. P. : Denoël, 1955.
20. *Rogissart J.* Passantes d'octobre. P. : Arthème Fayard, 1958.
21. *Séry J.* Le coq à l'âtre. Charleville : J.-M. Lenoir, 1979.
22. *Vaillant J.-P.* Macajotte. SL : Les Étincelles, 1931.
23. *Bourcelot H.* Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie (ALCB) (T.I : Le temps, la terre, 1966 ; t. II : Les plantes domestiques, 1969 ; T. III : Les plantes sauvages, les animaux domestiques, 1978). P. : Centre National de la Recherche Scientifique ; t. IV : Animaux sauvages - Activités humaines, édité par *Tamine M.*, P. Langres : CTHS - Éditions Dominique Guénot, 2012.
24. *Bruneau Ch.* La limite des dialectes wallon, champenois et lorrain en Ardenne. P. : Honoré Champion, 1913¹.
25. *Bruneau Ch.* Étude phonétique des patois d'Ardenne. P. : Honoré Champion, 1913².
26. *Bruneau Ch.* Enquête linguistique sur les patois d'Ardenne. 2 vol. P. : Honoré Champion, t. I 1914, t. II 1926.
27. *Bruneau Ch.* «Le patois de Rimbaud». In : La grive n° 53, 1947 : Pp. 1-6.
28. *Bruneau Ch.* «Le français dialectal à la frontière franco-belge». In : Vie et langage n° 21, 1953 : Pp. 549-553.
29. *Carton F.* et *Poulet D.* Dictionnaire du français régional du Nord-Pas-de-Calais. P. : Christine Bonneton Éditeur, 1991.
30. *Carton F.* «Autour du pain d'alouette». In : «Ces mots qui sont nos mots», Mélanges d'Histoire de la Langue française, de Dialectologie et d'Onomastique offerts au Professeur Jacques Chaurand. In : Parlure 7-10, 1995 : Pp. 319-325.
31. *Chaurand J.* Introduction à la dialectologie française. P. : Bordas, 1972.
32. *Chaurand J.* Introduction à l'histoire du vocabulaire français. P. : Bordas, 1977.
33. *Chaurand J.* Les parlers et les hommes. Recueil de travaux inédits ou publiés revus et augmentés, 2 vol. P. : SPM., 1992.
34. *Dauzat A.*, Essai de méthodologie linguistique dans le domaine des langues et des patois romans. P., 1906.
35. *Tamine M.* Le parler des Ardennes. P. : Christine Bonneton Éditeur, 2006, rééd. 2009.
36. *Tamine M.* Le parler de Champagne. P. : Christine Bonneton Éditeur, 2009.
37. *DHOF = Catach N.* (sous la direction de). Dictionnaire historique de l'orthographe française. P. : Larousse, 1995.
38. *FEW = Wartburg, W. von.* Französisches Etymologisches Wörterbuch. Eine Darstellung des galloromanischen Sprachschatzes, 25 vol. Leipzig, Bonn, Bâle : Teubner, Zbinden, 1922-2005.
39. *TLF = Imbs P. et Quemada B.* Trésor de la Langue Française. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle, 16 vol. P. : Gallimard, 1971-1994.

И.В. ТИМОШЕНКО

аспирант, кафедра английской филологии, Орловский
государственный университет

I.V. TIMOSHENKO

Graduate student, Department of English philology, Orel
State University

**ОПЫТ АНАЛИЗА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АРТИКЛЕЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ)**

**THE FUNCTIONING OF THE ARTICLES IN THE ENGLISH LANGUAGE
(ON THE MATERIAL OF PARALLEL TEXTS)**

В статье рассматриваются ход и результаты исследования, проведенного на материале параллельных текстов и направленного на анализ функционирования artikelей в английском языке. Рассмотрены возможные причины несовпадений в выборе artikelей при выполнении различными переводчиками перевода одного исходного текста.

Ключевые слова: детерминация, artikel, определенность-неопределенность, референция существительного, функционирование artikelя, интерпретация языковой ситуации.

The article is devoted to the results of a scientific study carried out on the material of parallel texts and aimed at the analysis of the functioning of the articles in the English language. The possible root causes for the mismatches in the article choice made by different translators when translating the same original text are considered.

Keywords: determination, artikel, definiteness/indefiniteness, noun reference, article functioning, interpretation of the speech situation.

В современной лингвистике не существует единого подхода к описанию artikelей в английском языке. По мнению большинства исследователей, artikel выполняет в речи функцию идентификации референционного характера номинативной группы и передает значение категории определенности/неопределенности. В настоящее время существует три способа понимания сущности данной категории: она рассматривается как категория грамматическая, текстологическая и функционально-семантическая. Исходя из задач и целей нашего исследования, мы рассматриваем только функционально-семантический аспект определенности-неопределенности.

Б.А. Ильиш, рассматривая artikel как возможный компонент аналитической формы существительного, пишет, что, несмотря на “отсутствие безошибочных объективных критериев” мы можем говорить о “грамматической категории существительного, выраженной тем или иным artikelом или его отсутствием”, и предлагает для этой категории название “determination”. [Ильиш, 57] В.В. Гуревич, поддерживая данную точку зрения, предлагает рассматривать определенность и неопределенность в составе трехкомпонентной системы, которую обозначает как «определенность-неопределенность-обобщенность», и указывает на то, что такая система, во-первых, четко отделяет друг от друга подкатегории, выражаемые каждым artikelом, включая нулевой, и, во-вторых, позволяет свести определенность, неопределенность и обобщенность к «базе элементарным семантическим компонентам», что

автор данной концепции считает важным и полезным для изучения рассматриваемой категории. [Гуревич, 12-21]. Определенность-неопределенность, кроме того, может трактоваться как указание на осведомленность или неосведомленность коммуникантов о предмете речи [Гак, 1986], «соотнесенность существительного с его референтом» [Илья, 1956] и опосредованное «определение объема реферируемого понятия» [Wagner, Pinchon, 1991]. При этом под «определением объема понятия» понимается, главным образом, «выражение некоего предметного отношения, которое становится основой выражения ... характеристики типа предметов, выделяемых ... из «объема» понятия» [Павлов, 1960]. С объемом понятия тесно связан «[выражаемый с помощью artikelя] выбор ... предела: неопределенный artikel указывает на исчисление новых границ как смыслового целого/целостного, перемещение предмета речи в пространственно-смысловом объеме в указанных границах / выход за предел исчисленных границ; определенный artikel указывает на нахождение предмета в исчисленном смысловом континууме» [Попова, 2012]. Исходя из сущности понятия «объем», можно предположить, что он определяется как адресантом при построении высказывания, так и адресатом в процессе интерпретации им этого высказывания. В artikelе выражается та часть объема понятия, которую определяет адресант. Выражение категории определенности-неопределенности – это проявление одного из аспектов значения artikelя – семантического, сущность которого заключается в соотнесении определяемого поня-

тия (имени) с экстралингвистической реальностью [Артемьева, 2010] и текстовой реальностью как «уровнями лингвистической реальности» [Степанов, 1997], т.е. в актуализации данного имени. Семантический аспект значения также называют логико-семантическим и выделяют помимо него морфологический и синтаксический аспекты. Мы придерживаемся точки зрения, что обозначение вида референции существительного, с которым соотносится артикль, является основным назначением артикля. То есть артикль – это средство, которое «помогает говорящему установить, а слушающему – определить характер соотнесенности» [Боронникова, 2002] слова (понятия) с объектом действительности. Понятие референции при этом связано с идентификацией обозначаемых реферируемыми существительными объектов как данных или новых (т.е. с точки зрения их тема-рематических отношений).

Г. Гийом рассматривает артикль как составную часть системы языка, отдельно указывая на «пермиссивный характер языковой системы», т.е. на то, что каждая используемая в речи единица языка является конкретным вариантом воплощения абстрактной, единой и единственной, потенциальной (инвариантной) единицы, «позволяющей речевые варианты в соответствии с объемом и границами инварианта» [Гийом, 1992]. Эти варианты и воплощаются в речевых актах, согласуясь при этом с механизмами функционирования конкретной части речи. До введения в речь существительное «виртуально» (представлено инвариантной единицей без конкретного воплощения), а вещественный объем оно обретает только в тексте. В основе этого процесса лежат механизмы актуализации имен существительных, воплощенные в речи при помощи артикля.

В английском языке, в зависимости от подхода, выделяют два либо три артикля. Широкое распространение получило описание системы английского артикля, предполагающее наличие трех компонентов-артиклей: определенного, неопределенного и нулевого. Она используется и в данной статье, так как, по нашему мнению, наиболее объективно отражает функционирование артиклей в «живой» речи, в тексте, и позволяет построить реалистичную модель, отражающую основные механизмы данного функционирования (в том числе способы выражения референции существительных).

В трехчленной системе артикля чаще всего не выделяется специальной области значения для нулевого артикля, но указывается, что он «несет значение определенности в структурных оппозициях», но при этом может выражать неопределенность «для существительных, не являющихся референтами, либо сопровождаемых другими существительными», либо выражаяющих «общность» и «значение множественного числа». [Bikić-Carić G.]. Упомянутая выше концепция В.В. Гуревича, несомненно, отличается от такой позиции, т.к. включает в себя особую подкатегорию обобщенности, которая и предлагается для описания нулевого артикля, но и этот автор отмечает, что четкого соответствия между артиклами и категориями нет и не может быть, исходя из са-

мой природы языка.

Целью данной статьи является изучение механизмов функционирования артикля в английском языке, выявленных в результате рассмотрения кореферентных (параллельных) текстов. В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ двух переводов главы XXV романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова на английский язык, выполненных профессиональными переводчиками-носителями языка перевода. Использование для анализа более чем одного перевода позволяет говорить о большей объективности результатов исследования, позволяя выявить, вызвано ли употребление переводчиком того или иного артикля его личными предпочтениями или этот выбор определен спецификой языка.

В выборку для дальнейшего изучения из текста вошли все существительные, исключая имена собственные без артикля, имена существительные, в референтные выражения которых входят детерминанты, отличные от артикля: неопределенные и количественные местоимения. Всего зафиксировано 1028 номинативных выражений (514 в каждом из рассматриваемых переводов), соответствующих критериям выборки (не имеющих оснований для исключения из нее). Эти выражения сравнивались попарно. Зафиксировано 467 совпадений (91,8%) и 47 несовпадений (9,2%) в 514 парах существительных.

Наличие и значительное преобладание совпадений подтверждает, что в основе функционирования артикля в сопоставляемых языках лежат сходные принципы, а механизмы функционирования основываются на некотором семантическом инварианте артикля. Инвариант определенного артикля – это значение индивидуализации, т.е. он выражает категорию «данного» (известного ранее). Инвариант неопределенного артикля – значение классовой отнесенности и/или значение «нового» (ранее неизвестного объекта, одного неиндивидуализированного представителя класса однородных объектов). Инвариантом нулевого артикля является упомянутое ранее значение обобщения, которое может выражать как «данное», так и «новое».

Несовпадения могут говорить о том, что при отсутствии в исходной языковой ситуации однозначных указаний на то, как её следует интерпретировать (и, следовательно, какой артикль выбрать при переводе), переводчик, будучи одновременно адресатом оригинального текста и адресантом текста перевода, выбирает одну из возможных интерпретаций, основываясь на собственной интуиции и на своем понимании (толковании) соответствующего фрагмента оригинального текста. Процесс выбора у носителя языка перевода происходит подсознательно, автоматически, и мы можем только построить условную модель механизма этого выбора, пригодную для использования в ходе аналитической работы. Можно выделить ряд факторов, которые могут влиять на выбор переводчиков, вызывая расхождение в использовании артиклей.

Существует отдельная специфическая группа не-

совпадений, вызванных техническими ошибками при типографском наборе текста перевода. В рассматриваемой главе выявлен единичный случай такой ошибки. Очевидно, что он не является предметом нашего исследования, и несовпадениями их считать можно только условно.

Остальные (истинные) несовпадения мы объединили в несколько типовых групп. Все несовпадения, на наш взгляд, можно объяснить возможностью неоднозначного толкования исходной языковой ситуации. Переводчики по-разному интерпретируют оригинальный текст в основном в связи с тем, что в исходном тексте на безартилевом языке референция может быть никакими формальными средствами не выражена. Т.е. в тексте на исходном языке нет однозначных указаний на характер референции. Также возможность двойкой интерпретации может быть вызвана наличием в языковой ситуации сразу нескольких значимых факторов.

Основными факторами, влияющими на выбор артиклия, являются:

- контекст текста (текстовой реальности) и контекст ситуации (микроконтекст);
- зависимые компоненты в составе референтной группы существительного, вызывающие неоднозначность определения типа референции.

Эти факторы опосредованно соотносятся с базовой семантикой артиклия, указывая на способ идентификации объектов.

Соответственно мы выделили две группы несовпадений.

Рассмотрим влияние контекста текста и контекста ситуации на выбор артиклия при переводе. По определению Л.С. Бархударова, контекст – «языковое окружение, в котором употребляется та или иная лингвистическая единица. Так, контекстом слова является совокупность слов, грамматических форм и конструкций, в окружении которых встречается данное слово.» [Бархударов, 1975] Л.С. Бархударов указывает на то, что существуют «узкий контекст», т.е. микроконтекст или контекст языковой ситуации, и «широкий контекст», т.е. контекст целого текста.

Контекст текста иначе называется текстовой реальностью. Появление понятия «текстовая реальность» связано с попытками постмодернистов представить реальность как текст. Этот термин претерпел значительные изменения в своем содержании и сейчас «реальностью текста» принято называть реальность, формируемую в рамках отдельного текста (художественного произведения). По мнению Н.В. Тимко, «художественный текст представляет собой весьма своеобразное явление с культурной точки зрения, так как он описывает действительность, которая является совершенно особенной по отношению к реальной, поскольку она создается автором текста», и это одно из главных отличий художественного текста и его реальности от множества других текстов и реальностей. [Тимко, 2011] Объекты этого мира, его реалии и принципы развития могут не совпадать с известной нам объективной реальностью су-

ществующего человеческого мира (полное совпадение реальности текста с объективной реальностью, на наш взгляд, лишает текст художественности) Реальность текста формирует собственный категориальный аппарат, собственную систему связей между объектами. В этом смысле она автономна от материального человеческого мира. Связь же с реальным миром проявляется, например, в использовании тех же словарных единиц для обозначения действий и объектов. Т.С. Хребтова утверждает, что в текстовой реальности возможно присутствие только отдельных «сегментов мира бытия» и «функционально значимых позиций, являющихся текстовой реализацией сигналов субстантивного мира, глубинных семантических структур». [Хребтова, 2012] Автономность и отличие от реального мира присущи текстовой реальности и в смысле категории определенности/неопределенности. В первую очередь это связано с тем, что текстовая реальность обладает собственной «системой понятийных координат», в рамках которой и происходит построение её категориального аппарата, совокупности объектов и связей между ними. Идентичность используемых лексических единиц не означает идентичности объектов и/или их одинаковой известности в текстовой реальности и в окружающей действительности. Т.е. определенное для коммуникантов существительное-референт предмета человеческого мира может выступить в роли носителя категории неопределенности в художественном тексте, обозначая нечто новое для вселенной этого текста.

Возникает необходимость «объяснения» адресату текста системы определенности-неопределенности, характерной для данного текста и его реальности. С помощью актуализаторов (артиклей), через которые передается категория определенности-неопределенности, «говорящий помогает слушателю преодолеть временную или пространственную удаленность конструируемого текстового пространства [от реального человеческого мира и от слушателя]», постичь устройство реальности художественного текста и принять его отличия от действительности. [Smolej, 2006]

С обособленностью текста от реальности тесно связана возможность неоднозначной трактовки контекста. В отличие от реальной действительности контекст текста представляет собой своего рода «ограниченное пространство», в котором может не быть маркеров (конкретного воплощения факторов в тексте) для однозначного толкования языковой ситуации и выбора адекватного ей артиклия при переводе. При этом, в отличие от объективной реальности, адресат не может обратиться к адресанту или к внешним источникам информации за дополнительными сведениями, чтобы свести количество возможных интерпретаций к одной. Т.о. каждый из переводчиков при работе с одним и тем же исходным текстом использует собственную интерпретацию языковой ситуации, и это может являться причиной несовпадений в употреблении артиклей при переводе, т.к. контекст неоднозначен и возможны разные его истолкования. Это верно и для таких текстовых реальностей,

которые близки по своей системе организации и по входящим в состав компонентам (объектам) к человеческой действительности. Наличие в них художественных компонентов (например, персонажей, действий или реалий, не имевших места в реальной исторической ситуации) вызывает расхождение между реальностью и текстом, отграничивая и ограничивая контекст текста и контекст отдельно ситуации от объективной реальности. Кроме того, это может вызывать у адресанта текста психологическую уверенность в возможности неоднозначного толкования контекста в целом и в увеличении количества возможных интерпретаций, в частности, поощряя его к этому. Компоненты реальности, историчность которых вызывает сомнение, при восприятии художественного текста читатель склонен также относить к объектам исключительно текстовой реальности (т.е. не имевшим места в действительности).

Например, *спросил хриплый голос // asked the hoarse voice // asked a hoarse voice.*

Объект “голос” в предложении является подлежащим, т.е. синтаксически выделен. Несмотря на то, что этот объект находится в финальной позиции в предложении, он является темой: автор использует порядок слов для акцента внимания читателя на характере голоса как на особом способе выражения эмоционального состояния говорящего. В данном случае оказывается значимым не столько то, что это голос Пилата, сколько то, какие переживания отражаются в свойствах этого голоса. Во втором переводе этот стилистический прием сохранен и передан схожими средствами: измененным порядком слов в предложении и указанием на то, что объект “a voice” является носителем категории неопределенности, что достигается с помощью использования неопределенного артикля. В первом же переводе сохранен только порядок слов, а объекту “голос” придана категория определенности, т.к. это тема предложения, а она чаще всего является выделенным с точки зрения смысла (т.е. определенным) компонентом предложения. Кроме того, переводчик мог основать свой выбор на том, что из контекста известно, кому принадлежит этот голос, и это также придает данному объекту значение определенности. В первом переводе значимым фактором становится контекст текста, в котором находятся сведения о говорящем персонаже.

Другим типом несовпадений являются несовпадения, обусловленные возможностью неоднозначного толкования контекста ситуации (микроконтекста): *но эти праздники – маги, чародеи, волшебники, эти стаи богомольцев... // it's these holidays – magicians. sorcerers, wizards, these hoards of pilgrims... // But these feasts – the magi, the wizards, the magicians, these flocks of pilgrims...* В данном примере объекты «маги, чародеи, волшебники», с одной стороны, имеют значение классовой общности. Это подталкивает к выбору нулевого артикля, как в первом переводе: данные объекты упомянуты в тексте главы впервые, несут обобщенное значение и, по мнению первого переводчика, являются ремейк предложений (при этом темой являются «эти праздники»). Но вместе

с тем рассматриваемые существительные согласуются с существительным «праздники», также обозначающим класс объектов, который, несмотря на формальную новизну в рамках текста исследуемой главы романа, является изначально известным обоим коммуникантам, и, значит, определенным, на что указывают использование местоимения «эти» и инициальная позиция (тематичность) в предложении. Поэтому при переводе им может соответствовать определенный артикль, как во втором переводе, т.к. из контекста понятно, что это именно те «маги, чародеи, волшебники», которые принадлежат к формальному классу «эти праздники», т.е. участвуют в упомянутых ранее в этой же языковой ситуации «этих праздниках», которые так досаждают Пилату и из-за которых «Прокуратор не любит Ершалаима». Т.е. во втором переводе объекты «маги, чародеи, волшебники» рассматриваются не как рема, а как расширение (уточнение) темы – объекта «эти праздники».

К третьей типовой группе относятся несовпадения, обусловленные наличием в составе референтной группы существительных зависимых слов, способных породить неоднозначное толкование типа референции, и интерпретацией адресантом таких слов-указателей. Эта группа несовпадений является одной из самых больших по количеству входящих в состав номинативных групп.

Рассмотрим одно из несовпадений из данной типовой группы: *гулькали, перепрыгивали через сломанные сучья // and were cooing and hopping over the broken twigs // and were cooing, hopping over broken branches.* В приведенном примере существительное «сучья» является ядром номинативной конструкции. В его референтную группу входит определение «сломанные» – причастие с компонентом качественного значения, наделяющее реферируемое им существительное индивидуализирующими признаком. На основании того, что индивидуализирующий признак выделяет объект «сломанные сучья» из общего класса, первый переводчик рассматривает этот объект как обладающий категорией определенности и употребляет при нем определенный артикль: «*the broken twigs*». Но такая трактовка является не единственно возможной. В данном случае существуют две возможные интерпретации объекта «сломанные сучья»: как подкласса классового объекта «сучья», обладающего конкретизирующим признаком «сломанные», и как отдельного класса «сломанные сучья», представляющего собой совокупность объектов «сучья» с общим, неиндивидуализирующими признаком «сломанные». Второй способ интерпретации использован во втором переводе, «*broken branches*» рассматриваются как рематический компонент предложения и как объект, имеющий значение класса предметов.

Такие лексические указатели в процессе перевода подвергаются интерпретации переводчиком, т.е. в них проявляется то, как адресат оригинального сообщения (текста на языке оригинала) трактует эти указатели и содержащуюся в них информацию. То, что количество возможных интерпретаций больше одной, и является причиной несовпадений в употреблении артиклей.

Несовпадения могут иметь различную природу и могут быть вызваны наличием любых одного или нескольких из рассмотренных факторов, оказывающих влияние на выбор артикла при переводе. Однако в

основе всех несовпадений лежит возможность неоднозначной интерпретации исходной языковой ситуации, вызванная, прежде всего, отсутствием жестких указаний на тип референции в оригинальном тексте.

Библиографический список (References)

1. *Artemyeva Y.V.* Influence of interference and reference on translation, Herald of the Military University, 2010, № 3 (23). Pp. 129–132.
 2. *Barkhudarov L.S.* Language and Translation Problems of general and specific theory of translation. M., International Relations, 1975: P. 169.
 3. *Boronnikova N.V.* Functional analysis of semantics of the article: Candidate Dissertation, Perm, 2002.
 4. *Gak V.G.* Theoretical grammar of French (syntax). M.: Higher School, 1986. 219 p.
 5. *Guillaume G.* "Principles of theoretical linguistics", 1992, M.
 6. *Gurevich V.V.* Theoretical Grammar of English, Flinta: Science, M: 2003.
 7. *Ilya L.I.* Article in the French language. M.: Prosveschenie, 1956.
 8. *Ilyish B.A.* The Structure of Modern English. Prosveschenie, Leningrad, 1971.
 9. *Pavlov V.M.* Classes of Adjectives in Russian // Problems of Linguistics. 1960. № 2. Pp. 65-70.
 10. *Popova V.B.* Quantification as the basic principle of the theory of article Romano-Germanic languages) // Scientific Thought of Caucasus. 2012. V. 115. №. 3. SFU P. 114.
 11. *Stepanov Y.* Constants: a Dictionary of Russian Culture, 1997. P. 162.
 12. *Timko N.V.* Ways of completing of linguocultural transfer in the process of fiction translation, « Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University», 2011, №1.
 13. *Khrebtova T.S.* Phraseoschemes as the special elements of textual reality, News of SFU. Linguistics, №2, 2012, Pp. 170-174.
 14. *Bikić-Carić G.* L'article dans les langues romanes, Universidad de Zagreb, Departamento de Estudios Románicos.
 15. René-Louis Wagner et Jacqueline Pinchon Grammaire du français classique et moderne, «Hachette Education», 1991
 16. *Smolej M.* some textual actualizators and their metatextual and interpersonal roles // Filoske pripombe; Filoske studije (Philological notes. Philological studies.). Ljubljana, 2006. №. 4 (1). Pp. 1-11.
 17. *Mikhail Bulgakov.* The Master and Margarita. Translated by Hugh Aplin, One World Classics, 2008.
 18. *Mikhail Bulgakov.* The Master and Margarita. Translated by Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor. Picador, London, 1997.
-
-

A.B. АГАЕВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра истории государства и права, Орловский государственный университет
E-mail: alb_agaea@yandex.ru

A.V. AGAEVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of history of state and law, Orel State University
E-mail: alb_agaea@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

STATE AND LEGAL MEASURES OF STRUGGLING WITH MINORS' CRIMES IN THE 20-IES OF THE XX CENTURY

В статье раскрываются особенности государственной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей в первые годы Советской власти. Внимание читателя акцентируется на трансформации государственной системы борьбы с несовершеннолетними правонарушителями.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, ювенальная юстиция, комиссии для несовершеннолетних.

The article describes the features of the state policy for juvenile offenders in the first years of the Soviet reign. The reader's attention is focused on the transformation of the state system to fight juvenile offenders.

Keywords: juvenile offenders, the juvenile justice, the commission for minors.

Проблемы детской и подростковой преступности стали предметом специального изучения в России, как и в большинстве европейских государств, в конце XIX-начале XX вв. Такой повышенный интерес к данной проблематике объясняется высоким уровнем преступности среди несовершеннолетних, несовершенством системы уголовного судопроизводства и уголовного наказания. Конструктивным ответом государства на такую ситуацию стало создание системы специализированного правосудия в отношении несовершеннолетних. По свидетельству А.Э. Дубоновой, «активное развитие идей создания ювенальной юстиции нашло свое отражение в российской правовой доктрине середины XIX в. Выступления выдающихся правоведов конца XIX-начала XX в. Н.С. Таганцева, А.Ф. Кистяковского, М.Н. Гернета, Е.П. Тарасовой, Н.А. Окунева, В.И. Шевелкина в защиту создания судов по делам несовершеннолетних оказали огромное влияние на судебную власть и всю судебную систему Российской государства начала XX столетия» [2, с.11].

В многих государствах в начале XX века защита прав несовершеннолетних осуществлялась особым институтом – ювенальным судом. Такие суды были созданы и в России в 1910 году и просуществовали до 1917 года. Так к 1914 году в России было 10 действующих или готовящихся к открытию судов для несовершеннолетних, которые кроме Санкт-Петербурга действовали в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Либаве, Риге, Томске, Саратове. Российские юристы очень высоко оценивали роль таких судов в защите несовершеннолетних правонарушителей [3]. Такие суды с 1913 года стали рассматривать дела беспризорных подростков в возрасте до 17 лет.

Как отмечает Е.В. Марковичева, уголовные дела в отношении несовершеннолетних рассматривались в таком суде единолично мировым судьей, избираемым населением, проживающим в судебном округе и имеющим знания в области детской психологии. Обычно такими судьями были педагоги и врачи, которые чаще всего отдавали несовершеннолетних правонарушителей под попечительский надзор [4, с.55].

В этот же исторический период в Москве, Киеве, Харькове, Екатеринбурге были созданы специальные приюты для несовершеннолетних, находящихся под следствием. При детских судах также создавались специальные организации, в задачи которых входило попечительство над социально проблемными детьми, восстановление утраченных родственных связей, определение детей на работу или учебу [1, с.14].

В связи с произошедшими в 1917 году революционными преобразованиями суды для несовершеннолетних не получили в нашем государстве дальнейшего развития. В 1918 году ювенальные суды были заменены комиссиями по делам несовершеннолетних. 14 января 1918 года специальным декретом Совнаркома «О комиссиях для несовершеннолетних» было прекращено действие Закона от 2 июля 1897 года «О малолетних и несовершеннолетних преступниках» и положено начало формирования новой модели защиты прав несовершеннолетних в нашем государстве.

Созданная советским государством новая система предусматривала прекращение деятельности специализированных судов для несовершеннолетних. Также в отношении последних перестали применять тюремное заключение.

Дела о правонарушениях несовершеннолетних ставили передавать для разбирательства в специально создаваемые комиссии о несовершеннолетних, находящиеся в ведении Наркомата общественного призрения. Таким образом, был создан особый орган, не входящий в судебную систему. В состав такой комиссии входили юристы, педагоги и врачи. По мнению Е.В. Марковичевой, «участие юриста в деятельности подобных комиссий часто носило формальный характер, а его мнение не имело решающего значения, хотя в качестве юриста обычно и привлекался народный судья. Кроме того, комиссии могли прибегать к помощи различных структур и организаций, входящих в систему общественного призрения» [5, с.34]. Создание таких административных комиссий не могло не отразиться на сущности государственной политики в отношении несовершеннолетних дelinквентов.

Деятельность комиссий и порядок рассмотрения дела несовершеннолетнего регламентировалась специальной инструкцией от 30 июля 1920 года. П.И. Люблинский критиковал этот документ, отмечая, что «правила, касавшиеся производства дел в комиссиях, были изложены необычайно кратко, и при том скорее в виде общих положений, чем в виде точных постановлений» [3, с.172].

В основном инструкция уделяла внимание не юридическим аспектам, а скорее педагогическим и медицинским. В тот исторический период такая расстановка акцентов была типичной не только для революционной России, но и для многих зарубежных государств. При производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего суд превратился из органа правосудия в следственный орган. Так, в случае совершения подростком, достигшим возраста 14 лет, тяжкого общественно опасного деяния, его дело могло быть передано народному судье не для производства судебного разбирательства, а как раз для производства следствия. По окончании такого следствия судья был обязан передать собранные материалы и свое заключение по делу на рассмотрение все той же комиссии. Таким образом, орган правосудия оказывался полностью подчиненным административному органу, большинство членов которого не обладали необходимой юридической подготовкой и фактически не были компетентны в решении юридически значимых вопросов. В случае совершения не-

совершеннолетним незначительного правонарушения комиссия вообще могла вынести решения без рассмотрения дела по представлению администраций приемных и распределительных пунктов. Следует согласиться с Э.Б. Мельниковой, полагающей, что в данном случае существенно снижались гарантии прав несовершеннолетних [6, с.57-58].

Комиссии по делам несовершеннолетних первоначально были организованы в Петрограде, Москве, Нижнем Новгороде, Свердловске, Вятке, Иваново-Вознесенске и в ряде других крупных городов. До 1925 г. они функционировали только в губернских и уездных (окружных) городах, а с 1926 г. комиссии стали организовываться также в районах и волостях.

Для деятельности комиссий по делам несовершеннолетних в 20-е годы прошлого века был характерен ряд особенностей:

1. уникальный состав из представителей ведомств: общественного призрения, народного просвещения и юстиции, включая одного врача;
2. закрытость, непубличность заседаний;
3. индивидуализация медико-педагогических мер, замена ими наказания;
4. привлечение к участию в работе комиссий родителей, родственников, опекунов, представителей школьных, общественных организаций;
5. игнорирование вопроса о виновности или невиновности несовершеннолетнего правонарушителя в совершенном им деянии;
6. социально-правовая защита и помощь несовершеннолетнему.

Таким образом, история появления комиссий по делам несовершеннолетних показывает, что в тех исторических условиях необходимость создания этих органов определялась задачами Советского государства, связанными с предупреждением безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защитой их прав. В этот исторический период значительно обострились проблемы ликвидации причин правонарушений несовершеннолетних. Созданная модель административного органа, непосредственно обеспечивающего защиту прав несовершеннолетних беспризорников и правонарушителей, расставляла главные акценты не на карательных мерах, а на убеждении и воспитании.

Библиографический список

1. Беляева Л.И. Первый в России журнал о судах и судьях для несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2002. № 3. С. 12-14.
2. Дубоносова А.Э. Становление системы правосудия в отношении несовершеннолетних в России начала XX века // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 3. С. 11-12.
3. Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. Социально-правовые очерки. М., 1923. 294 с.
4. Марковичева Е.В. Ювенальное уголовное судопроизводство: история и современность. Орел, 2009. 166 с.
5. Марковичева Е.В. Несовершеннолетний в системе уголовного судопроизводства в России первой половины XX века // История государства и права. 2009. № 6. С. 33-36.
6. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учебник. М., 2000. 272с.

References

1. *Belyaeva L.I.* Russia's first journal about trials and judges for the minors // *Questions of Juvenile Justice*. 2002. № 3. Pp. 12-14.
 2. *Dubonosova A.E.* Formation of system of juvenile justice in Russia at the beginning of the twentieth century // *Questions of juvenile justice*. 2009. № 3. Pp. 11-12.
 3. *Lublinsky P.I.* Struggling with minors' and youth crimes / Social and legal descriptions. M., 1923. 294 p.
 4. *Markovicheva E.V.* Juvenile criminal proceedings: history and modernity. Orel, 2009. 166 p.
 5. *Markovicheva E.V.* Minor in criminal court in Russia in the first half of the twentieth century // *History of state and law*. 2009. № 6. Pp. 33-36.
 6. *Melnikova E.B.* Juvenile Justice: Problems of criminal law, criminal procedure and criminology: textbook. M., 2000. 272 p.
-

А.П. АЛЕКСАНДРОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра
английской филологии, Орловский государственный
университет

E-mail: arnold71@inbox.ru

A.P. ALEXANDROVA

*Candidate of Philology, Associate Professor, Department
of English Philology, Orel State University
E-mail: arnold71@inbox.ru*

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ И ВТОРАЯ ПОПРАВКА К КОНСТИТУЦИИ США

FIREARMS AND THE SECOND AMENDMENT TO THE U.S. CONSTITUTION

В статье анализируется Вторая поправка к Конституции США в связи с ростом количества убийств, вызванных доступностью огнестрельного оружия; рассматриваются два основных подхода к интерпретации Поправки, а также цели, обстоятельства, при которых она была принята, и намерения ее авторов, без понимания которых нельзя понять ее смысл; представлена статистика жертв огнестрельного оружия и отмечены четыре важных пункта, которые могут снизить количество жертв.

Ключевые слова: Конституция США, Билль о правах, поправка, Вторая поправка, огнестрельное оружие, ополчение, законы, позволяющие носить оружие.

The author analyzes the Second Amendment to the U.S. Constitution in connection with the growth of the number of murders caused the availability of firearms. Two basic approaches that dominate interpretations of the Second Amendment, its purpose, the circumstances in which it was adopted, and the intentions of its authors without which it couldn't be understood are regarded as well. The statistics on the murders caused by firearms is suggested and four important points that can decrease of the number of firearms' victims are noted.

Keywords: the U.S. Constitution, the Bill of Rights, Amendment, the Second Amendment, firearms, militia, right-to-carry laws.

The paper throws some light on a long time concern and anxiety of foreign observers and Americans themselves – the widespread of firearms in the United States. It's been a rather complicated problem since the foundation of the American state and the formulation of the Second Amendment to the U.S. Constitution in the Bill of Rights adopted in 1789. It continues to be one of the most controversial parts of the Constitution because its meaning is strongly contested.

Amendment II (proposed September 25, 1789; ratified December 15, 1791) 'Right to Bear Arms' reads "A well-regulated militia, being necessary to the security of a free State, the right of the people to keep and bear arms, shall not be infringed".

The controversy stems from attempts to interpret the meaning of each of the clauses, to understand the original intent of the framers, and to interpret the contemporary relevance of the amendment in the context of changes in the nature of the militia, the increasing deadliness of firearms, and fierce debates over firearms in U.S. society.

There are two broad approaches that dominate interpretations of the Second Amendment. [3:612-614]

The first one is the collective rights perspective. According to the collective rights interpretation, the Second Amendment confers a collective right to bear arms in a governmentally organized, "well regulated militia," not an individual right to personal ownership. Underlining the first two clauses of the amendment, advocates of this position

argue that the founders were not arguing over the individual right to own and carry arms but were concerned with giving states the right to have organized militias as a counterbalance to federal power. Thus, supporters of the collective rights interpretation stress that the Second Amendment, however interpreted, does not preclude gun regulation. The majority of law review articles tended to support this approach, as have the courts up until the 1970s.

The second approach is the individual rights perspective. The individual rights interpretation, underlining the last clause of the amendment, argues that the Second Amendment establishes a constitutionally protected right for individuals to own and bear arms. Supporters of this approach sometimes refer to it as the "standard model," emulating the standard model in physics and apparently trying to put their interpretation beyond disputation. Many of them acknowledge that reasonable restrictions may be imposed on gun ownership. This approach received powerful support in 2001 when then Attorney General John Ashcroft endorsed it in a letter to the National Rifle Association. The Justice Department subsequently reversed its longstanding collective rights interpretation of the meaning of the Second Amendment in two briefs to the U.S. Supreme Court.

More recent interpretations have attempted to reconcile differences between collective and individual interpretations. Constitutional scholar Akhil Reed Amar argues that collective, or states' rights, interpreters fail to

give enough weight to the Founders' equation of the militia with much of the adult, white male citizenry, while he faults individual rights advocates for ignoring that this was a right of all the "people," rather than persons, and of failing to note that the phrase *bear Arms* has a military meaning and does not refer to individual gun ownership for activities such as hunting or protection. He believes that the Fourteenth Amendment¹ (1868) freed the Second Amendment from its connection to the militia and established it as an individual right. Some scholars (Uviller and Merkel) disagree with his point of view. They argue that while the Second Amendment originally referred to an individual right to bear arms in an organized, governmentally sponsored militia, they suggest that the amendment "fell silent" with the decay of the old militia and its eventual displacement by the National Guard. [3:613]

However, the meaning of the amendment cannot be understood without an understanding of its purpose, the circumstances in which it was adopted, and the intentions of its authors.

The first ten amendments to the Constitution – the Bill of rights² – in some way repeated what the founding states had recorded in their own constitutions. But the US Constitution would have not been ratified in 1788 if the states had not had the confidence that it would include a national bill of rights.

People at that time were afraid of a new "monster" – a national government, and this very fact helps to understand the language and purpose of the Second Amendment. The guarantee of the First Amendment³ against the laws establishing any religion, and guarantees of freedom of religion, speech and the press were followed by the guarantee that had emerged from a deep-seated fear of the "national" or "constant" army. The same first Congress which approved the right to keep and bear arms limited the national army staff up to 840 people. Then Congress provided the Second Amendment.

In the debate on the proposed 1789 Bill of Rights Elbridge Gerry⁴ of Massachusetts argued that Militia was necessary for preventing the creation of a constant army which was viewed as a freedom destroyer. He supposed that when governments intended to infringe on people's rights and freedoms they always tried to destroy militia to build the army on its ruins.

It is clear from this that the need for the militia was the basis to guarantee the right to keep and bear arms; it was necessary to keep force in the state to protect its security. So the meaning of the Second Amendment is concluded in the word "because" and it exactly determines this warranty.

Today, of course, the "militia" serves a completely another purpose. The role of the militia, which existed 200 years ago, is assumed by the US armed forces now.

Some use these old fears to their advantage, mixing sporting guns – rifles, shotguns and even automatic rifles – with any firearms weapons. But, of course, there is a greater difference between sports and martial weapons.

A regulation concerning guns was perceived as an urgent need long ago; laws regarding concealed possession of weapons were generally accepted.

Let's turn to the U.S. history.

Food for three and a half million people who lived in the 13 original colonies substantially depended on hunting, and fire weapons were necessary to many of them for the protection from the Indians, and later – the French and the British. The basis of this need was an important concept that every healthy man in the 13 independent states should help his state and protect it.

Early opposition to the idea of the national or permanent Army was supported with the Articles of Confederation, which had been adopted eight years before the Constitution. The Confederation had no permanent army, and it did not want to have one. The militia was a temporary military union and that was the only "Army" it wanted to have. Since The Declaration of Independence to the victory at Yorktown in 1781 Commander in Chief of the voluntary armies George Washington was dependent on the states which sent him their volunteers.

When the militia of the State of New Jersey came under Washington's command in Valley Forge, they initially refused to take an oath "to the United States" saying that "our country is New Jersey." Volunteers of Massachusetts Bay, and other Virginians felt the same way. For the American of the XVIII century his state was his country, and his freedom was protected by the state militia recruited from his countrymen. The victory at Yorktown and the ratification of the Bill of Rights did not change the Americans' attitude toward the national army a decade later. They lived for years with the idea that each state had its own military units, and in the coastal states there were also their fleets. These people as well as their parents and grandparents remembered how monarchs had used permanent armies to harass their ancestors in Europe. The Americans do not want it. Militias of the states as well as guns and powder horns were as an integral part of life, as the car today. Mainly aristocratic officers had pistols and used them for duels.

It is not surprising that on this background the amendment concerning firearms appeared in a very simple wording requiring the need for "a good organized militia" – the Army of the state.

Over the past two centuries – with two world wars and several smaller – unfortunately it became clear that the Americans had no other choice but to keep a permanent national army, while still retaining "Militia" in the form of the National Guard, which could be quickly turned into the national defence forces.

The Americans have the right to defend their homes, and it's not subject to appeal. Nobody also seriously casts doubt that the Constitution protects the hunters' right to keep sporting rifles for hunting, as no one is going to question the right to keep fishing rods and other equipment for fishing at home or own cars. "Keep and bear arms" for hunting today is a kind of entertainment, but not the imperative of survival, as it was 200 years ago. Machine guns are not entertainment weapons and they need to be regulated.

The Americans should ask themselves a few questions. The Constitution does not mention cars and motor boats, but no one doubts the right to have a car. Equally undeniable

right of the states is to regulate purchase or transfer of the vehicle and the right to issue the permit for its possession and driving. In some places bikes and even some breeds of domestic dogs must be registered.

Moreover, the Second Amendment has never been incorporated through the Fourteenth Amendment to be binding on individual states. This means that states are free to regulate, if not ban, guns if they so wish.

Right-to-carry laws permit individuals who meet certain "minimally restrictive" criteria (completion of a background check and gun safety course) to carry concealed firearms in most public places. [<http://www.justfacts.com/guncontrol.asp>]

Each state has its own laws regarding right-to-carry and generally falls into one of three main categories:

1. "shall-issue" states, where concealed carry permits are issued to all qualified applicants;

2. "may-issue" states, where applicants must often present a reason for carrying a firearm to an issuing authority, who then decides based on his or her discretion whether the applicant will receive a permit;

3. "no-issue" states, where concealed carry is generally forbidden.

There are 40 "shall-issue" states:

Alaska	Arizona	Arkansas	Colorado
Florida	Georgia	Idaho	Indiana
Iowa	Kansas	Kentucky	Louisiana
Maine	Michigan	Minnesota	Mississippi
Missouri	Montana	Nebraska	Nevada
New Hampshire	New Mexico	North Carolina	North Dakota
Ohio	Oklahoma	Oregon	Pennsylvania
Rhode Island	South Carolina	South Dakota	Tennessee
Texas	Utah	Vermont	Virginia
Washington	West Virginia	Wisconsin	Wyoming

It is necessary to note that Alaska, Arizona, Vermont, and Wyoming allow lawful firearm owners to carry concealed firearms without a permit. All other shall-issue states require firearm owners to obtain a permit to carry concealed firearms.

Alabama, California, Connecticut, Delaware, Hawaii, Maryland, Massachusetts, New Jersey and New York are may-issue states. May-issue states vary significantly in the implementation of their laws. Some, such as Connecticut, act effectively as shall-issue states, while others, such as New Jersey, act effectively as no-issue states.

There is only one no-issue state – Illinois.

Here are some facts and figures on guns and crime, compiled by the NBC News research department:

– Every year in the U.S., an average of more than 100,000 people are shot, according to The Brady Campaign

To Prevent Gun Violence.

– Every day in the U.S., an average of 289 people are shot. Eighty-six of them die: 30 are murdered, 53 kill themselves, two die accidentally, and one is shot in a police intervention, the Brady Campaign reports.

– Between 2000 and 2010, a total of 335,609 people died from guns – more than the population of St. Louis, Mo. (318,069), Pittsburgh (307,484), Cincinnati, Ohio (296,223), Newark, N.J. (277,540), and Orlando, Fla. (243,195) (sources: CDF, U.S. Census; CDC).

– One person is killed by a firearm every 17 minutes, 87 people are killed during an average day, and 609 are killed every week.

The latest data from the FBI's uniform crime reports provides a fascinating picture of the use of firearms in crimes across America. [<http://www.theguardian.com/news/datablog/2011/jan/10/gun-crime-us-state>].

The US has the highest gun ownership rate in the world – there are 89 guns for every 100 Americans, compared to 6 in England and Wales. In 2011 (the latest year for which detailed statistics are available) there were 12,664 murders in the US. Of those, 8583 were caused by firearms.

The Federal Bureau of Investigation statistics on Murder Violence by weapon 2008-2012:

Weapons	2008	2009	2010	2011	2012
Total firearms:	9,528	9,199	8,874	8,653	8,855
Handguns	6,800	6,501	6,115	6,251	6,371
Rifles	380	351	367	332	322
Shotguns	442	423	366	362	303
Other guns	81	96	93	97	110
Firearms, type not stated	1,825	1,828	1,933	1,611	1,749

Warren Burger⁵ believed if the Americans wanted to stop the epidemic of murders caused the availability of firearms in their society, it was reasonable to require four important points. In order to purchase firearms it is obligatory to submit a petition with the data on the age, place of residence, place of work, occupation and criminal record of a submitter. This petition shall be subject to inspection for a period of ten days (if there is no proven need for hasty) before a permit will be issued. Firearms transfer in another person's hands is carried out in the same manner as in the case with the transmission of a vehicle. The manufacturers should take "ballistic fingerprints" of firearms, which will be filed to purchase authorization documents in case if a bullet is found in the victim's body, it'll be easier for police to find the culprit.

The American people should solve this complicated problem themselves if they want to preserve the inner peace promised by the Constitution.

Comments

¹ *Amendment XIV* – Citizenship, Representation, and Payment of Public Debt

Citizenship

Section 1. All persons born or naturalized in the United States, and subject to the jurisdiction thereof, are citizens of the United States and of the State wherein they reside. No State shall make or enforce any law which shall abridge the privileges or immunities of citizens of the United States; nor shall any State deprive any person of life, liberty, or property, without due process of law; nor deny to any person within its jurisdiction the equal protection of the laws.

Apportionment of Representatives

Section 2. Representatives shall be apportioned among the several States according to their respective numbers, counting the whole number of persons in each State, excluding Indians not taxed. But when the right to vote at any election for the choice of electors for President and Vice President of the United States, Representatives in Congress, the executive and judicial officers of a State, or the members of the Legislature thereof, is denied to any of the male inhabitants of such State, being twenty-one years of age, and citizens of the United States, or in any way abridged, except for participation in rebellion, or other crime, the basis of representation therein shall be reduced in portion which the number of such male citizens shall bear to the whole number of male citizens twenty-one years of age in such State.

Disqualification for Public Office

Section 3. No person shall be a Senator or Representative in Congress or elector of President and Vice President, or hold any office, civil or military, under the United States, or under any State, who, having previously taken an oath, as a member of Congress, or as an officer of the United States, or as a member of any State Legislature, or as an executive or judicial officer of any State, to support the Constitution of the United States, shall have engaged in insurrection or rebellion against the same, or given aid or comfort to the enemies thereof. But Congress may by a vote of two-thirds of each House, remove such disability.

Public Debt, Guarantee of

Section 4. The validity of the public debt of the United States, authorized by law, including debts incurred for payment of pensions and bounties for services in suppressing insurrection or rebellion, shall not be questioned. But neither the United States nor any State shall assume or pay any debt or obligation incurred in aid of insurrection or rebellion against the United States, or any claim for the loss or emancipation of any slave; but all such debts, obligations and claims shall be held illegal and void.

Power of Congress

Section 5. The Congress shall have power to enforce, by appropriate legislation, the provisions of this article.

Proposed June 13, 1866; ratified July 9, 1868; certified July 28, 1868

² *the Bill of Rights* – During the debates on the adoption of the Constitution, its opponents repeatedly charged that the Constitution as drafted would open the way to tyranny by the central government. Fresh in their minds was the memory of the British violation of civil rights before and during the Revolution. They demanded a “bill of rights” that would spell out the immunities of individual citizens. Several state conventions in their formal ratification of the Constitution asked for such amendments; others ratified the Constitution with the understanding that the amendments would be offered.

On September 25, 1789, the First Congress of the United States therefore proposed to the state legislatures 12 amendments to the Constitution that met arguments most frequently advanced against it. The first two proposed amendments, which concerned the number of constituents for each Representative and the compensation of Congressmen, were not ratified. Articles 3 to 12, however, ratified by three-fourths of the state legislatures, constitute the first 10 amendments of the Constitution, known as the Bill of Rights. [http://www.archives.gov/exhibits/charters/bill_of_rights.html]

³ *Amendment I* – Restrictions on Powers of Congress

Congress shall make no law respecting an establishment of religion, or prohibiting the free exercise thereof; or abridging the freedom of speech, or of the press; or the right of the people peaceably to assemble, and to petition the Government for a redress of grievances.

Proposed September 25, 1789; ratified December 15, 1791.

⁴ *Elbridge Gerry* – was an American statesman and diplomat. As a Democratic-Republican he was selected as the fifth Vice President of the United States (1813–1814), serving under James Madison. He opposed British colonial policy in the 1760s, and was active in the early stages of organizing the resistance in the American Revolutionary War. Elected to the Second Continental Congress, Gerry signed both the Declaration of Independence and the Articles of Confederation. He was one of three men who attended the Constitutional Convention in 1787 but refused to sign the United States Constitution because it did not then include a Bill of Rights. After its ratification he was elected to the inaugural United States Congress, where he was actively involved in drafting and passage of the Bill of Rights as an advocate of individual and state liberties. Gerry was at first opposed to the idea of political parties, and cultivated enduring friendships on both sides of the political divide between Federalists and Democratic-Republicans.

⁵ *Warren Burger* – retired Supreme Court Chief Justice, who wrote opinions that legally defined obscenity, established busing as a tool to end segregation and forced President Nixon to release the Watergate tapes. The nation's 15th chief justice, he served from 1969 to 1986, the longest tenure this century. At the Supreme Court, he was known as a man with an eye for detail. His administrative innovations included the Institute for Court Management, the National Center for State Courts. He played a key role in bringing about technological advances and better training for judges and lawyers. Burger was also an outspoken opponent of televising federal court proceedings, especially the Supreme Court's public argument sessions in which lawyers present their cases to the justices. Burger had owned sporting guns all his life, but in 1990 he supported stricter regulation of gun owners and would-be gun buyers to put a stop to “mindless homicidal carnage.” Sixteen years earlier, Burger's ownership of a pistol had made news when the armed chief justice confronted a newspaper reporter who had gone to Burger's home late one night seeking comment. [<http://www.arlingtoncemetery.net/weburger.htm>]

Библиографический список (References)

1. Encyclopedia of the United States Constitution. Edited by Leonard W. Levy, Kenneth L. Karst. Macmillan reference USA. *An imprint of the Gale Group*, New York, 2000.
2. Panchyk R. The Keys to American History: Understanding Our Most Important Historic Documents. Chicago Review Press, Incorporated, 2008.
3. Schultz D. Encyclopedia of the United States Constitution. New York, 2009.
4. The Constitution of the United States.
5. The Princeton Encyclopedia. Richard R. John, Ira I. Katznelson, Jack N. Rakove, Julian E. Zelizer; editor Michael Kazin. Princeton University Press, 2010.
6. A.P. Alexandrova. Federalism in the United States: Study guide for students of universities, institutes and faculties of Foreign Languages, Faculty of Law Orel: Orel State University. 2009. 141 p. (in English)
7. http://usnews.nbcnews.com/_news/2013/01/16/16547690-just-the-facts-gun-violence-in-america?lite
8. <http://www.americanhistory.about.com>
9. http://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/crime-in-the-u.s./2012/crime-in-the-u.s.-2012/offenses-known-to-law-enforcement/expanded-homicide/expanded_homicide_data_table_8_murder_victims_by_weapon_2008-2012.xls
10. <http://www.gunpolicy.org/firearms/region/united-states>
11. <http://www.justfacts.chttp://www.fbi.gov/om/guncontrol.asp>
12. <http://www.law.cornell.edu/constitution/amendmentxiv>
13. <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=43>
14. <http://www.questia.com/library/law>
15. <http://www.theguardian.com/news/datablog/2011/jan/10/gun-crime-us-state>

О.Е. АЛЕКСИКОВА

кандидат юридических наук, доцент, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: aloe30@mail.ru

O.E. ALEKSIKOVA

Candidate of Law, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: aloe30@mail.ru

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ ЛИЦАМИ, УВОЛЕННЫМИ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ABOUT URGENT PROBLEMS OF REALIZATION OF THE RIGHTS TO HOUSING BY THE PERSONS DISCHARGED FROM MILITARY SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERTION

В статье затрагиваются наиболее актуальные проблемы, связанные с реализацией лицами, уволенными с военной службы, права на жилище. Именно эта категория граждан оказывается менее защищенной в решении жилищных проблем со стороны государства. В связи с чем автором предпринята попытка не только выявить существующие трудности в рассматриваемой сфере, но и определить наиболее приемлемые пути решения возникающих проблем в области обеспечения жилищных прав лиц, уволенных с военной службы, путем дальнейшего совершенствования отечественного законодательства.

Ключевые слова: право на жилище, лица, уволенные с военной службы, увольнение по «льготным основаниям», жилищная накопительно-ипотечная система, договор социального найма жилого помещения, государственный жилищный сертификат.

In the article the most urgent problems of realization of the rights to housing by the persons discharged from military service are touched upon. This category of citizens is less protected in the solution of housing problems from the state. In this regard the author made an attempt not only to reveal the existing difficulties in the considered sphere, but also to define the most acceptable solutions of the arising problems in the field of ensuring the housing rights of the persons discharged from military service by further improvement of the domestic legislation.

Keywords: right to housing, persons discharged from military service, dismissal on “the preferential bases”, housing accumulative and mortgage system, the contract of social hiring of premises, the state housing certificate.

Несмотря на проводимые государственные реформы в области материального и социального обеспечения военнослужащих, в том числе, и в жилищной сфере, реализация права на жилище военнослужащими и лицами, уволенными с военной службы, превратилась в острую трудно разрешимую социальную проблему, требующую не только новых теоретических наработок, но и пересмотра существующих законодательных норм, регулирующих данные отношения.

Одной из самых актуальных военно-социальных проблем последних десятилетий является проблема обеспечения жильем лиц, уволенных с военной службы, по так называемым «льготным» основаниям. Именно эта категория граждан оказывается менее защищенной со стороны государства при решении данного вопроса, так как нередко отсутствует четкая правовая регламентация рассматриваемых отношений, в результате чего многие граждане после увольнения с военной службы оказываются необеспеченными необходимым жильем в соответствии с установленными законодательством нормами.

Прежде чем затронуть наиболее важные моменты указанной проблемы, следует выделить несколько кате-

горий военнослужащих в зависимости от объема и времени реализации ими своих жилищных прав [7].

К первой категории следует отнести военнослужащих, которые заключили контракты о прохождении военной службы до 1 января 1998 года (за исключением курсантов военных учебных заведений). Они имеют право на получение субсидии на приобретение или строительство жилья либо на получение жилых помещений по договору социального найма или в собственность бесплатно.

Вторую категорию составляют те военнослужащие, которые заключили первый контракт о прохождении военной службы после 1 января 1998 г. и не являются участниками накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения либо которые проживают в закрытых военных городках, вне зависимости от даты заключения контракта. Эта категория на весь период военной службы обеспечивается лишь служебными жилыми помещениями, а при увольнении с военной службы по «льготным» основаниям при наличии на момент увольнения 10-летней выслуги на военной службе приобретают право на получение жилья в собственность бесплатно или по договору социального найма.

И, наконец, к третьей категории относятся военнослужащие, являющиеся участниками накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения, которые в период военной службы имеют право на обеспечение служебными жилыми помещениями [8] и уже через три года участия в данной системе могут самостоятельно осуществлять покупку жилья с помощью выделенных денежных средств. К данной категории относятся военнослужащие, заключившие первые контракты о прохождении военной службы после 1 января 2005 г., а также офицеры, окончившие военные образовательные учреждения в 2005–2008 гг., изъявившие желание стать участниками накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих [2].

При этом важно отметить, что наступление даты начала увольнения с военной службы для первой и третьей категорий военнослужащих не является существенным основанием для решения вопроса о получении постоянного жилья. А вот для второй категории этот момент времени имеет огромное значение, так как именно он является необходимым основанием для совершения определенных активных действий, направленных на реализацию ими своих жилищных прав.

При этом в существующем законодательстве нет четкого определения таких понятий, как: «увольнение с военной службы», «уволенный с военной службы», «увольняемый с военной службы», что создает определенные коллизии на практике.

Безусловно, что увольнение военнослужащего – это целый процесс, имеющий начало и окончание, т.е. определенную продолжительность, но, ни в коем случае, это не сиюминутное действие. Именно в этот период времени военнослужащий является увольняемым. Когда же военнослужащий исключен из списков личного состава определенной воинской части, то с этого момента он уже считается лицом, уволенным с военной службы. Определение этой разницы в содержании двух понятий имеет существенное правовое значение, так как данные категории граждан имеют различный правовой статус, т.е. наделены совершенно разными правами и обязанностями.

Следовательно, увольнение как определенный процесс можно рассматривать в двух смыслах. Увольнение в широком смысле представляет собой процесс, который заканчивается в день исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части, т.е. с момента прекращения им военной службы. Если же рассматривать увольнение в узком смысле, то в данном случае оно заканчивается изданием соответствующего приказа об увольнении военнослужащего. Только после этого начинается совершенно самостоятельный процесс его исключения из списков личного состава воинской части.

Важно подчеркнуть, что законодатель рассматривает увольнение как один из признаков, необходимых для гарантированного обеспечения жильем такого военнослужащего. Кроме этого признака указываются также и другие признаки, без наличия которых невозможно

увольняемому военнослужащему предъявить требование командиру части о предоставлении жилого помещения в процессе увольнения с военной службы. К ним, в частности, относятся: 1) статус военнослужащего; 2) определенная продолжительность общей выслуги лет в календарном исчислении (10 лет и более); 3) «льготное» основание для увольнения с военной службы; 4) установленная в законном порядке нуждаемость в жилых помещениях; 5) желание получить жилье в процессе увольнения с военной службы.

Как уже было отмечено выше, увольнение военнослужащего происходит по одному из предусмотренных законом «льготных» оснований, если же их несколько, то выбирается одно из них. К ним относятся:

1. увольнение в связи с организационно-штатными мероприятиями;
2. увольнение по состоянию здоровья;
3. увольнение по возрасту, т.е. по достижении предельного возраста пребывания на военной службе [1].

Каждому из перечисленных оснований увольнения принадлежит и определенный порядок реализации.

Так, увольнение по первому основанию – в связи с проведением оргштатных мероприятий – относится к категории условных или необязательных, т.к. в результате проведения таких мероприятий не всегда может последовать увольнение военнослужащего. Если же все-таки увольнения не избежать, то здесь увольняемые военнослужащие нередко встречаются с определенными трудностями в отношении обеспечения их жилыми помещениями. Прежде всего, они связаны с «временной волокитой». Для того чтобы такой военнослужащий был обеспечен постоянным жильем, он изначально должен быть признан нуждающимся в получении такого жилья. Как показывает практика, структурные подразделения Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны РФ, полномочные рассматривать документы о признании военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях по договорам социального найма, осуществляют эту деятельность с существенным превышением установленных ч. 5 ст. 52 ЖК РФ для данной процедуры сроков (30 рабочих дней). В результате чего увольняемые по данному основанию военнослужащие, и так потратившие достаточное время для сбора необходимых документов для предоставления их в Департамент, фактически имеющие все основания быть признанными нуждающимися, из-за бюрократических проволочек оказываются на деле не нуждающимися в жилых помещениях. Следовательно, увольнение в связи с проведением оргштатных мероприятий в результате становится никак не связано с необходимостью предоставления им постоянного жилья, т.е. такие лица могут быть уволены и без обеспечения их необходимым жильем [6].

Несколько по-иному обстоит дело с увольняемыми военнослужащими по второму основанию – по состоянию здоровья. Данное основание увольнения, в отличие от предыдущего, может быть как условным, так и безусловным, т.е. как зависящим, так и нет от лично-го волеизъявления военнослужащего. Согласно нормам

федерального закона военнослужащий подлежит увольнению с военной службы по состоянию здоровья: а) в связи с признанием его не годным к военной службе; б) в связи с признанием его ограниченно годным к военной службе (для военнослужащих, проходящих военную службу на воинской должности, для которой штатом предусмотрено воинское звание до старшины или главного корабельного старшины включительно) [1]. Безусловно, что если увольнение военнослужащего по данному основанию не зависит от желания военнослужащего, то датой начала такого увольнения будет считаться дата утверждения заключения ВВК о степени годности его к военной службе. Если же увольнение зависит от желания самого военнослужащего, то датой начала увольнения с военной службы следует считать день подачи рапорта военнослужащего с просьбой о своем увольнении. Следует указать на тот факт, что в отличие от военнослужащих, увольняемых с военной службы по предыдущему основанию, военнослужащие, которые увольняются по состоянию здоровья, обладают определенными преимуществами в плане того, что имеют достаточно времени и возможностей для признания их нуждающимися в постоянных жилых помещениях и соответственно реализации своего права на жилище.

И, наконец, третье «льготное» основание увольнения связано с достижением военнослужащим предельного возраста пребывания на военной службе. По общему правилу, данная разновидность оснований увольнения военнослужащих является безусловным. Объясняется это тем, что военнослужащий по достижении предельного возраста пребывания на военной службе подлежит увольнению. Но можно назвать и исключения из общего правила. Во-первых, военнослужащий обладает правом заключить контракт на прохождение военной службы сверх предельного возраста, выразив свое желание и получив на то согласие компетентного должностного лица. Во-вторых, право прохождения военной службы и по истечении предельного возраста предусмотрено для тех военнослужащих, которые имеют продолжительность выслуги 10 и более лет и признаны нуждающимися в постоянных жилых помещениях, а также не выражают своего согласия на увольнение без жилья. Следует подчеркнуть, что данное основание увольнения имеет специфическую особенность по сравнению с другими вышерассмотренными основаниями, которая связана с тем, что такое увольнение ожидаемо для обеих сторон: и для военнослужащего, и для командования. В связи с чем для решения вопроса жилищного обеспечения военнослужащего, подлежащего увольнению, есть достаточно времени, и осуществляется это мероприятие в плановом порядке.

Рассмотрев «льготные» основания увольнения военнослужащих, их особенности практической реализации в рамках решения насущной проблемы увольняемых военнослужащих по обеспечению их постоянным жильем, мы пришли к общему выводу о том, что общим для всех этих оснований признаком является невозможность осуществления права на жилище при надле-

жащем подтверждении факта наличия у увольняемого военнослужащего определенного статуса – нуждаемости в жилых помещениях по договору социального найма или получения их в собственность.

Говоря о проблеме жилищного обеспечения различных категорий лиц, уволенных с военной службы, особо следует остановиться на такой категории граждан, как лица, уволенные с военной службы и вставшие на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий в органах местного самоуправления до 1 января 2005 года. Напомним, что до вступления в законную силу в декабре 2010 года Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» и об обеспечении жилыми помещениями некоторых категорий граждан» основным способом жилищного обеспечения граждан, уволенных с военной службы, являлся механизм предоставления субсидий за счет средств федерального бюджета путем выдачи государственных жилищных сертификатов. Однако большая часть этой категории граждан отказалась от использования этого права. Данный отказ обосновывался, во-первых, тем, что во многих регионах страны стоимость жилья во много раз превышала размер выдаваемой жилищной субсидии, указанной в государственном жилищном сертификате, а, во-вторых, добровольностью участия в этой программе, т.е. возможностью как воспользоваться, так и отказаться от этого права [4, 5].

С учетом вышеназванных обстоятельств, в целях безусловного выполнения государственных обязательств по обеспечению указанной категории граждан жилыми помещениями за счет средств федерального бюджета был внесен ряд изменений в действующее законодательство, в частности: 1) предусмотрена передача Российской Федерацией органам государственной власти субъектов РФ полномочий по обеспечению жильем граждан указанной категории с предоставлением субвенций из федерального бюджета, а также по определению порядка реализации данного механизма; 2) введена новая форма жилищного обеспечения рассматриваемой категории граждан – предоставление единовременной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения; 3) уточнен порядок жилищного обеспечения семей граждан, уволенных с военной службы, за счет государственных жилищных сертификатов (установлено, что указанным гражданам, изъявившим желание получить государственные жилищные сертификаты до 1 января 2011 г., после указанной даты выдача сертификатов не производится. Такие граждане обеспечиваются жилыми помещениями путем предоставления жилого помещения в собственность бесплатно либо по договору социального найма, либо путем предоставления единовременной денежной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения. Гражданам, получившим государственные жилищные сертификаты до 1 января 2011 г. и не успевшим их реализовать, предоставлено право отказаться от сертификата и реализовать свое право на жилище одним из перечисленных выше способов) и др. [2].

Далее необходимо затронуть еще одну актуальную проблему в области жилищного обеспечения граждан, уволенных с военной службы, сущность которой состоит в том, что многие вышеназванные трудности связаны с нерешенностью важного вопроса – разделения полномочий двух органов: органа, принимающего решение о признании военнослужащего нуждающимся в жилых помещениях, и органа, увольняющего такого военнослужащего.

Отметим, что до ноября 2010 г. по ранее действовавшему законодательству (в частности, Приказ Министра обороны РФ от 15.02.2000 г. № 80 (в ред. от 13.10.2009 г.) «О порядке обеспечения жилыми помещениями в Вооруженных Силах Российской Федерации») постановка военнослужащего на учет в качестве нуждающегося в жилых помещениях осуществлялась жилищной комиссией той военной организации, в которой проходил военную службу военнослужащий, т.е. по месту прохождения им военной службы. При этом, эта комиссия полностью подчинялась руководителю данной военной организации, который утверждал все принимаемые ею решения. Следовательно, командир воинской части одновременно выполнял две функции – занимался вопросами постановки на жилищный учет и вопросами увольнения военнослужащих.

Согласно же ныне действующим нормативным актам (в частности, Приказ Министра обороны РФ от 30.09.2010 г. № 1280 (в ред. от 21.03.2013 г.) «О предоставлении военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации жилых помещений по договору социального найма и служебных жилых помещений»; Приказ Министра обороны РФ от 03.11.2010 г. № 1455 (в ред. от 22.03.2012 г.) «Об уполномоченном органе Министерства обороны Российской Федерации и специализированных организациях Министерства обороны Российской Федерации по вопросам жилищного обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации») функцию признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях выполняет Департамент жилищного обеспечения Министерства обороны РФ и его структурные подразделения. Вопросами увольнения военнослужащих с военной службы занимаются непосредственные командиры (начальники) воинских частей при активном содействии различных специализированных органов (военно-медицинских, кадровых, финансово-экономических) и с одновременным привлечением аттестационных комиссий и начальников родов войск и служб [3]. При этом военнослужащий приобретает право обращения в Департамент жилищного обеспечения Министерства обороны РФ с заявлением о признании его нуждающимся в постоянном жилом помещении только после начала увольнения с военной службы и получения статуса увольняемого.

Таким образом, поскольку вопросами жилищного учета военнослужащих занимается Департамент жилищ-

ного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации, а вопросами увольнения главным образом руководители военных организаций (прямые командиры и начальники), а также кадровые органы, т. е. независимые друг от друга органы военного управления, то указанные процессы проходят параллельно, практически не пересекаясь. Тем самым конструкция правовой нормы абз. 1 п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» на практике в Вооруженных Силах Российской Федерации оказалась трудновыполнимой. Такое положение стало возможным из-за того, что вопросы обеспечения постоянным жильем в данной правовой норме поставлены в зависимость от процесса увольнения, т. е. объединены по времени.

Следовательно, началом увольнения по «льготным» основаниям следует считать момент принятия решения командованием о таком увольнении и доведение этого решения до военнослужащего. Однако такое доведение не предписано ни одним нормативным правовым актом Российской Федерации.

В связи с вышесказанным целесообразно дополнить Инструкцию о порядке прохождения военной службы офицерами и прaporщиками (мичманами) в Вооруженных Силах Российской Федерации положением о необходимости доведения военнослужащему под роспись не менее чем за полгода до оформления документов для реализации увольнения указанного военнослужащего решения о предстоящем увольнении. Этот срок (между доведением решения об увольнении и началом процедуры увольнения) необходим военнослужащему для сбора всех необходимых для признания нуждающимся в постоянном жилье документов и представления их в структурные подразделения Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации, а также для получения от них ответа по представленным документам.

Также необходимо на законодательном уровне ввести запрет на увольнение военнослужащих по «льготным» основаниям до момента принятия окончательного решения подразделениями Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по вопросу признания их нуждающимися в постоянных жилых помещениях.

Безусловно, такое важное социально-экономическое право, как право на жилище, только тогда будет иметь определенный смысл и значимость для человека и общества в целом, если оно будет должным образом реализовываться и обеспечиваться. Поэтому решение всех вышеназванных проблем позволит упорядочить существующую систему жилищного обеспечения граждан, уволенных с военной службы, и избежать массовых обращений данной категории граждан в суд за защитой и восстановлением нарушенного конституционного права на жилище.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (в ред. от 22.12.2014 г.) // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475; 2014. № 52 (Ч. I). Ст.7544.
2. Федеральный закон от 27.05 1998 г. № 76-ФЗ (в ред. от 24.11.2014 г.) «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331; 2014. № 48. Ст. 6641.
3. Приказ Министра обороны РФ от 30.09.2002 г. № 350 (в ред. от 09.07.2009 г.) «Об организации прохождения военной службы офицерами и прaporщиками (мичманами) в Вооруженных Силах Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 230. 04 декабря; 2009. № 229. 02 декабря.
4. *Воробьев Е.Г.* О праве на государственное жилищное обеспечение в избранном месте жительства в связи с увольнением с военной службы // Право в вооруженных силах. Военно-правовое обозрение. 2010. № 11. С. 43–56.
5. *Воронин Д.В., Корякин В.М.* Порядок жилищного обеспечения граждан, уволенных с военной службы // Право в вооруженных силах – Военно-правовое обозрение. 2011. № 2. С. 55.
6. *Глухов Е.А.* Обеспечение постоянными жилыми помещениями военнослужащих при увольнении: угрозы нарушения права на труд и на жилище // Право в вооруженных силах. Военно-правовое обозрение. 2012. № 5. С. 40.
7. *Глухов Е.А.* Разделение прав военнослужащих на получение постоянного жилья в зависимости от календарной даты // Право в вооруженных силах. Военно-правовое обозрение. 2014. № 4. С. 19–27.
8. *Ковтков Д.И.* Предоставление служебных жилых помещений военнослужащим – участникам накопительно-ипотечной системы, приобретшим жилые помещения за счет средств целевого жилищного займа в населенном пункте, не являющемуся местом военной службы // Право в вооруженных силах. Военно-правовое обозрение. 2014. № 4. С. 28–36.

References

1. The federal law of 28.03.1998 № 53-FL (in an edition of 24.11.2014) «About conscription and military service» // SL Russian Federation. 1998. № 13. Art. 1475; 2014 . № 52 (p.1). Art. 7544.
 2. The federal law of 27.05 1998 № 76-FL (in an edition of 24.11.2014) «About the status of the military personnel» // SL Russian Federation. 1998 . № 22. Art. 2331; 2014 . № 48. Art. 6641.
 3. Order of the Minister of Defence of the Russian Federation of 30.09.2002 No. 350 (in an edition of 09.07.2009) «About the organization of passing of military service by officers and ensigns (warrant officer) in Armed Forces of the Russian Federation» // Russian newspaper. 2002. № 230. December 04; 2009. № 229. December 02.
 4. About the right for the state housing providing in the chosen residence in connection with dismissal from military service // The right in armed forces. Military and legal review. 2010. № 11. Pp. 43–56.
 5. *Voronin D.V., Korjakin V.M.* Order of housing providing the citizens discharged from military service // The right in armed forces. Military and legal review. 2011. № 2. P. 55.
 6. *Gluhov E.A.* Providing the military personnel with constant premises at dismissal: threats of violation of a right to work and on the dwelling // The right in armed forces. Military and legal review. 2012. № 5. P. 40.
 7. *Gluhov E.A.* Division of the rights of the military personnel into receiving constant housing depending on calendar date // The right in armed forces. Military and legal review. 2014. № 4. Pp. 19–27.
 8. *Kovtkov D.I.* Granting office premises to the participating military personnel of accumulative and mortgage system who got premises at the expense of means of a target housing loan in the settlement which is not a place of military service // The right in armed forces. Military and legal review. 2014. № 4. Pp. 28–36.
-
-

УДК 351.811.12

УДК 351.811.12

М.В. БАРЫШНИКОВ

кандидат юридических наук, старший преподаватель,
кафедра специальной подготовки, Орловский
юридический институт МВД России
им. В.В. Лукьянова

E-mail: barymax@yandex.ru

В.В. ВДОВИЧЕНКО

старший преподаватель, кафедра организации
деятельности ГИБДД, Орловский юридический
институт МВД России им. В.В. Лукьянова

E-mail: vdovichenkov00257@mail.ru

M.V. BARYSHNIKOV

*Candidate of Law, Senior teacher, Department of the
special training, Orel Law Institute of the Ministry of
Interior of Russia named after V. V. Lukyanov*
E-mail: barymax@yandex.ru

V.V. VDOVICHENKO

*Senior teacher, Department of the organization of the
traffic police activity, Orel Law Institute of the Ministry of
Interior of Russia named after V. V. Lukyanov*
E-mail: vdovichenkov00257@mail.ru

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ - НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ИХ НАРУШЕНИЯМ**

TRAFFIC - NORMATIVE LEGAL REGULATION AND PROBLEMS OF PROOING THEIR VIOLATIONS

Статья посвящена некоторым аспектам организации дорожного движения, которая является одним из важнейших факторов, определяющих условия движения по дорогам и, как следствие, возможность реализации участниками дорожного движения права на свободное передвижение.

Ключевые слова: организация дорожного движения, безопасность дорожного движения, участники дорожного движения, обеспечение безопасных условий движения, доказывания.

The article is devoted to some problems of traffic regulation, which are one of the most important factors determining traffic conditions on the roads and, consequently, the possibility of implementing the right to free movement by road users.

Keywords: traffic regulation, road safety, road users, ensuring safe driving conditions.

Одним из важнейших факторов, определяющих условия движения по дорогам и, как следствие, возможность реализации участниками дорожного движения права на свободное и беспрепятственное передвижение в соответствии и на основании установленных правил, является организация дорожного движения.

Нормативно-правовую основу организации дорожного движения образуют положения Федерального закона «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995г. №196-ФЗ. Они сводятся к следующему.

Во-первых, в законе дано определение организации дорожного движения, которая понимается как «комплекс организационно-правовых, организационно-технических мероприятий и распорядительных действий по управлению движением по дорогам».

Во-вторых, закон содержит две статьи, регулирующие исследуемое направление обеспечения безопасности дорожного движения.

В ст. 21 «Мероприятия по организации дорожного движения» Федерального закона «О безопасности дорожного движения» определено, что, во-первых, мероприятия по организации дорожного движения, включая создание и обеспечение функционирования парковок (парковочных мест) в границах населенных пунктов, осуществляются в целях повышения безопасности дорожного движения и пропускной способности дорог

федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами, являющимися собственниками или иными владельцами автомобильных дорог; во-вторых, что разработка и проведение указанных мероприятий осуществляется в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации на основе проектов, схем и иной документации, утверждаемой в установленном порядке[1].

В ст. 22 «Требования по обеспечению безопасности дорожного движения в процессе его организации» указанного Закона установлены требования по обеспечению безопасности дорожного движения, которые должны соблюдаться в процессе его организации. В частности, в данной статье определено, что, во-первых, деятельность по организации дорожного движения должна осуществляться на основе комплексного использования технических средств и конструкций, применение которых регламентировано действующими в Российской Федерации стандартами и предусмотрено проектами и схемами организации дорожного движения; во-вторых, не допускаются изменения в организации дорожного движения для повышения пропускной

способности дорог или для других целей за счет снижения безопасности дорожного движения[1].

Статья также содержит перечень должностных лиц, которые должны осуществлять изменения в организации движения транспортных средств и пешеходов в неотложных случаях при возникновении реальной угрозы безопасности дорожного движения. Кроме того, в статье содержатся положения о том, что на дорогах Российской Федерации установлено правостороннее движение транспортных средств и что единый порядок дорожного движения на всей территории Российской Федерации устанавливается Правилами дорожного движения, утверждаемыми Правительством Российской Федерации.

Анализ приведенных положений Федерального закона «О безопасности дорожного движения» позволяет констатировать ряд присущих им недостатков.

Прежде всего, обращает на себя внимание их сугубо декларативный характер. В законе не раскрываются ни содержание мероприятий, составляющих организацию дорожного движения, ни сущность управления движением по дорогам. Поэтому можно лишь предполагать, что если исходить из смыслового содержания понятия «мероприятие» как совокупности действий, имеющих целью осуществление чего-либо, и понятия «управление» как целенаправленного упорядочивающего воздействия, то организация дорожного движения представляет собой совокупность действий (иными словами, деятельность), осуществляемых с целью придания дорожному движению упорядоченного характера, достижения согласованности действий участвующих в нем людей как основополагающих факторов безопасности дорожного движения.

Значение организации дорожного движения как одного из методов обеспечения безопасных условий движения по дорогам состоит в том, что ее эффективное осуществление позволяет в значительной степени компенсировать несовершенство улично-дорожной сети, обеспечить максимально возможное соответствие между ее реальным состоянием и параметрами движения транспортных и пешеходных потоков. В связи с этим вызывает возражение то, что обязанности по осуществлению мероприятий по организации дорожного движения возложены в законе только на тех субъектов, в ведении которых находятся автомобильные дороги. Между тем эффективная организация дорожного движения наиболее актуальна для городов.

Сложившейся дорожной инфраструктуре российских городов присущ ряд недостатков, отрицательно влияющих на состояние условий движения. К ним относятся несовершенство схемы улично-дорожной сети, вследствие чего большая часть движения осуществляется через центральную часть города, низкая пропускная способность улиц и пересечений, применение для регулирования движения устаревших методов и технических средств, ориентированных на движение транспортных потоков малой плотности, практическое отсутствие системы парковок в городе, особенно в про-

винции; слабая развитость надземных и подземных пешеходных переходов, практическое отсутствие светофоров, регулирующих движение по требованию пешеходов, и ряд других. Отмеченные недостатки во многом связаны с тем, что в течение длительного времени в нашей стране приоритет в развитии транспортного обслуживания отдавался общественному пассажирскому транспорту, ориентированному на уровень автомобилизации не более 60 автомобилей на 1000 жителей. Исходя из этого, формировалась дорожная инфраструктура и система организации дорожного движения.

Необходимо отметить, что в указанных статьях закона термин «организация дорожного движения» используется в другом смысле, нежели в определении. Очевидно, когда говорится, например, о недопущении изменений в организации дорожного движения для повышения пропускной способности дорог за счет снижения уровня безопасности дорожного движения или о необходимости осуществления изменений в организации движения транспортных средств и пешеходов в неотложных случаях, то речь идет не о деятельности по упорядочению дорожного движения, а о самом дорожном движении, об определенном его состоянии, которое может быть определенным образом изменено.

Использование одного и того же термина для обозначения разных понятий является недопустимым, особенно в нормативных правовых актах. На это обратил внимание в свое время Б.П. Кормишин при исследовании административно-правового обеспечения безопасного состояния дорожных условий.

Проведя смысловой анализ термина «организация», он пришел к выводу, что данным термином целесообразно обозначать именно деятельность в том смысле, какой использован в определении Федерального закона «О безопасности дорожного движения». Результаты же этой деятельности Б.П. Кормишин предложил определять с использованием термина «порядок». При этом он выделил социальный порядок дорожного движения, подразумевая под ним порядок действий и взаимоотношений участников дорожного движения, и технологический порядок, который характеризует распределение транспортных и пешеходных потоков на улично-дорожной сети и параметры их движения [2, с.50-52].

В современных условиях цель организации дорожного движения, по нашему мнению, должна состоять в установлении и реализации такого его порядка, при котором на существующей улично-дорожной сети обеспечивается безопасность дорожного движения, максимальная эффективность использования энергетического потенциала транспортных средств и комфортность пешеходного движения.

Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

- оптимизация скоростей движения транспортных средств применительно к состоянию улично-дорожной сети;
- обеспечения рационального использования пло-

щади улично-дорожной сети;

– оптимизации состава транспортных потоков с целью обеспечения их максимальной однородности;

– разрешения конфликтов между участниками дорожного движения по поводу использования территории, включая конфликт между транспортным и пешеходным движением.

Для решения этих задач могут быть использованы различные формы правового и неправового воздействия на поведение участников дорожного движения, определяемые содержанием Правил дорожного движения, информационными возможностями технических средств организации дорожного движения и распорядительными действиями.

Правила дорожного движения устанавливают общий порядок на всей территории Российской Федерации на длительный период времени.

С помощью технических средств организации дорожного движения осуществляется конкретизация общего порядка в различном объеме, на различные временные периоды и на различных участках улично-дорожной сети, начиная от локальных изменений порядка движения при временном усложнении дорожно-транспортной ситуации до внедрения автоматизированной системы управления дорожным движением в пределах города.

Регулирование дорожного движения посредством распорядительных действий уполномоченных на то должностных лиц осуществляется при резком усложнении дорожной обстановки и имеет, как правило, кратковременный характер.

Для воздействия на участников дорожного движения используются такие правовые средства и методы, как :

– введение ограничений на максимальную или минимальную скорость движения транспортных средств;

– введение принудительного разделения конфликтующих транспортных и пешеходных потоков во времени;

– введение принудительного разделения транспортных потоков по направлениям или траекториям движения;

– запрещение лево- и правоповоротных маневров, разворотов, обгонов;

– реверсивное и маршрутное регулирование движения;

– введение одностороннего движения на отдельных улицах;

– ограничение доступа транспортных средств в отдельные зоны города;

– введение жилых и пешеходных зон;

– запрещение или ограничение движения грузовых транспортных средств;

– регламентации остановок и стоянок транспортных средств.

Конечным результатом организации дорожного движения является установление определенного порядка протекания этого процесса, предполагающего опре-

деленное распределение транспортных и пешеходных потоков по улично-дорожной сети и установление требований к режимам их движения.

Из сказанного следует, что оптимизация порядка дорожного движения на конкретной городской территории достигается, прежде всего, методами правового регулирования и информационного обеспечения участников дорожного движения, предполагающих применение технических средств организации дорожного движения – дорожных знаков, разметки, светофоров. Для обеспечения эффективности применения этих методов, средств необходимо проведение ряда мероприятий проектно-изыскательского, организационно-правового и материально-технического характера, которые и будут определять содержание организации дорожного движения и, как следствие, систему субъектов ее осуществления.

Длительное время традиционным был такой подход к организации дорожного движения, когда конечным этапом ее осуществления являлось проведение монтажно-эксплуатационных работ, иными словами, оборудование дорог техническими средствами дорожного движения. Основными мероприятиями при этом считались:

– изучение состояния дорожного движения на основе использования соответствующих методов и технических средств;

– оценка соответствия организации дорожного движения установленным требованиям и определение необходимости внесения изменений в установленный порядок дорожного движения с целью его совершенствования;

– подготовка и принятие правовых актов, юридически оформляющих изменения в порядке дорожного движения;

– подготовка заданий на монтажные работы и другие технологические операции с техническими средствами организации дорожного движения в соответствии с утвержденной документацией;

– осуществление работ по оснащению улично-дорожной сети техническими средствами организации дорожного движения в соответствии с заданием;

– контроль качества работ и приемка подготовленных объектов в эксплуатацию;

– эксплуатационные работы по обслуживанию технических средств организации дорожного движения.

Из приведенных структурных составляющих организации дорожного движения в контексте исследуемой темы непосредственно к организационно-правовым мероприятиям можно было отнести только подготовку и принятие правовых актов, юридически оформляющих изменения в порядке дорожного движения.

Б.П. Кормишкин предложил включить в перечень мероприятий, образующих организацию дорожного движения, также надзор за состоянием технических средств организации дорожного движения и за соблюдением установленного порядка дорожного движения его участниками^[2, с.56]. Доводом в пользу такого ва-

рианта было установление обратной связи в системе управления дорожным движением.

Представляется, что если подходить к организации дорожного движения как к административно-правовой форме управления, предполагающей издание правовых актов, содержащих административно-правовые акты, и осуществление на их основе иных действий юридического характера, то ее содержание представляется неполным.

Процесс правового регулирования можно считать законченным, когда не только принята правовая норма и осуществляется контроль за ее исполнением, но выявлены нарушения данной нормы и к виновным применены установленные в ней санкции.

Как показано выше, в области дорожного движения установлена система мер административно-правового принуждения. Поэтому считаем, что еще одной составляющей организации дорожного движения должно быть производство по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.

Организация дорожного движения является управляемой деятельностью, объектом которой выступают общественные отношения, возникающие в процессе непосредственного удовлетворения потребности в пространственном перемещении. Но при практическом осуществлении данной деятельности она сама представляет собой объект управления. Как следствие, ее характеристики должны определять функции и структуру соответствующей управляющей системы, поскольку содержание какой-либо деятельности является основообразующим фактором для формирования системы управления ее осуществлением.

В настоящее время достаточно хорошо исследованы методические аспекты организации дорожного движения, весьма детально разработаны меры, применение которых позволяет упорядочить дорожное движение, чего, к сожалению, нельзя сказать об управлении организацией дорожного движения. Данная деятельность является одним из наименее нормативно урегулированных направлений в системе обеспечения безопасности дорожного движения. В этой связи необходимо отметить наличие двух проблем.

Упорядочивающее воздействие на участников дорожного движения в процессе его организации в своей основе состоит в установлении определенных ограничений на их действия вплоть до полного прекращения движения, производных от состояния улично-дорожной сети, параметров транспортных и пешеходных потоков и ряда других факторов. Исходя из положений ст. 22 Федерального закона «О безопасности дорожного движения», организация дорожного движения должна основываться на комплексном использовании технических средств и конструкций, применение которых регламентировано действующими в Российской Федерации стандартами.

В государственном стандарте ГОСТ Р 52289-2004 «Национальный стандарт Российской Федерации технические средства организации дорожного движе-

ния правила применения дорожных знаков, разметки, светофоров, дорожных ограждений и направляющих устройств» регламентированы условия, при которых могут использоваться те или иные дорожные знаки, нанесены линии разметки. Но наличие данного нормативного технического акта лишь создает технические предпосылки для правильного использования этих средств в процессе организации дорожного движения.

Требуются нормативные правовые акты, в которых бы устанавливались, с одной стороны, обязательность для субъектов, ответственных за организацию дорожного движения, использования дорожных знаков и других технических средств, информирующих об условиях дорожного движения, а с другой стороны, основания введения ограничений. Последнее особенно важно, так как невыполнение соответствующих запретов и предписаний является основанием привлечения к юридической ответственности. В ст. 14 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» определено, что основания временного ограничения или прекращения движения транспортных средств по автомобильным дорогам федерального, регионального или муниципального, местного значения осуществляются соответственно федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере дорожного хозяйства, уполномоченным органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления в соответствии с Федеральным законом от 8 ноября 2007 года N 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» на дорогах должны устанавливаться законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и законами и иными нормативными актами субъектов Российской Федерации[1]. Но нормативных правовых актов, в которых бы регламентировались условия ограничения и запрещения, механизм реализации, уточнялся перечень уполномоченных субъектов, до настоящего времени не принято ни на федеральном, ни на региональном уровнях.

Также отсутствуют нормы, регламентирующие требования к обустройству мест для принудительного ограничения скорости, техническим средствам организации дорожного движения в местах производства дорожных работ, совершения дорожно-транспортных происшествий, удерживающим ограждениям, другим элементам обустройства дорог и улиц.

Недостаточная эффективность правового регулирования выражается в отсутствии четко фиксированных условий дорожного движения, которые можно было бы рассматривать как юридические факты, требующие обязательного реагирования со стороны тех органов, которые должны осуществлять управление организацией дорожного движения. В результате в настоящее время не представляется возможным ставить вопрос о правовых последствиях, с одной стороны, непринятия мер по

совершенствованию организации дорожного движения на том или ином участке улично-дорожной сети, а с другой – установления режимов движения, необоснованно ограничивающих свободу передвижения и фактически провоцирующих участников дорожного движения на неправомерные действия.

Фактически отсутствует нормативно закрепленная единая система управления организацией дорожного движения. Существующие нормативные правовые акты не позволяют четко распределить обязанности и ответственность субъектов организации дорожного движения на всех уровнях, установить их функциональные связи и координировать деятельность, рационально планировать осуществление комплексных мероприятий. В Федеральном законе «О безопасности дорожного движения» в ст. 21 определено, что мероприятия по организации дорожного движения должны разрабатываться и проводиться федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации на основе проектов, схем и иной документации, утверждаемой в установленном порядке[1]. Этим фактически ограничивается законодательное регулирование этой деятельности.

Вопросы организации дорожного движения практически не нашли отражения в Федеральном законе Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в России». Так, в ст. 6 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» к ведению муниципальных образований отнесено лишь муниципальное дорожное строительство и содержание дорог местного значения, мостов и иных транспортных сооружений[1].

Реально нормативные требования по организации дорожного движения содержатся лишь в Положении о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации[3]. В соответствии с положением к числу ее обязанностей относятся: осуществление государственного контроля и надзора за соблюдением нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности дорожного движения, которыми устанавливаются требования: к строительству и реконструкции дорог, дорожных сооружений, железнодорожных переездов, линий городского электрического транспорта; эксплуатационному состоянию и ремонту дорог, дорожных сооружений, железнодорожных переездов, а также к установке и эксплуатации технических средств организации дорожного движения; изучение условий дорожного движения, принятие мер по совершенствованию организации движения транспортных средств и пешеходов; регулирование дорожного движения, в том числе с использованием технических средств и автоматизированных систем; обеспечение организации движения транспортных средств и пешеходов в местах проведения

аварийно-спасательных работ и массовых мероприятий.

Госавтоинспекции предоставлено право предписывать и разрешать соответствующим организациям установку и снятие технических средств регулирования дорожного движения, временно ограничивать или запрещать движение на отдельных участках дорог при проведении массовых мероприятий либо когда пользование ими угрожает безопасности дорожного движения.

Порядок реализации установленных в Положении полномочий Госавтоинспекции как субъекта организации дорожного движения определен в Наставлении по службе дорожной инспекции и организации движения Госавтоинспекции МВД России, в котором есть специальный раздел «Совершенствование организации дорожного движения»[4].

В соответствии с Наставлением данной службы Госавтоинспекции рекомендуется вести контрольно-наблюдательные дела на дороги и улицы на основе изучения условий дорожного движения, в том числе анализа состояния дорожных условий в местах концентрации дорожно-транспортных происшествий, разрабатывать и вносить предложения, содержащие мероприятия по совершенствованию организации дорожного движения.

Непосредственно на службу возложена подготовка:

- предложений на выполнение работ по установке дорожных знаков, проектированию светофорных объектов, изменению режимов их работы,
- предложений по внесению изменений в действующие схемы организации дорожного движения.

Сотрудники службы могут участвовать (по приглашению) в работе градостроительных и технических советов в качестве экспертов по оценке соответствия требованиям безопасности дорожного движения.

По нашему мнению, это положение требует изменения. В компетенции Госавтоинспекции как органа административного надзора необходимо восстановить полномочия по осуществлению непосредственно организации движения транспортных средств и пешеходов на стадии проектирования улично-дорожной сети населенных пунктов. Так как организация дорожного движения, при современных масштабах автомобилизации, реально превратилась в самостоятельную отрасль социального обслуживания, которая требует соответствующего организационного обеспечения на уровне органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Аргументом в пользу восстановления компетенции и полномочий Госавтоинспекции по организации дорожного движения является и фактическое отсутствие административного надзора по отношению к субъектам этой деятельности. Это тем более актуально, что разработка и утверждение нормативных документов – только часть организации дорожного движения.

По нашему мнению, организация дорожного движения должна стать составной частью деятельности тех структур в администрациях городов, которые обеспечивают транспортное обслуживание населения. Это означает, что в отделах транспорта и связи администраций

городов должен быть образованы подразделения по организации дорожного движения.

Кроме этого, сотрудники Госавтоинспекции Российской Федерации в ходе надзора за дорожным движением столкнулись с проблемой установления субъекта за нарушение, предусмотренное статьей 12.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

В соответствии со статьей 12.34 КоАП РФ объективную сторону правонарушения, ответственность за которое установлена данной нормой, составляет нарушение правил проведения ремонта и содержания дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений в безопасном для дорожного движения состоянии либо непринятие мер по современному устранению помех в дорожном движении, запрещению или ограничению дорожного движения на отдельных участках дорог в случае, если пользование такими участками угрожает безопасности дорожного движения.

Норма названной статьи не указывает на специальные признаки субъекта административного правонарушения, а значит, таким субъектом может быть любое должностное или юридическое лицо, совершившее противоправное деяние.

Анализ судебной практики показывает, что единого порядка в толковании вышеуказанной нормы действующего законодательства по факту привлечения виновных лиц к административной ответственности, а именно органа местного самоуправления либо иной отрасли исполнительного органа, которому делегировали полномочия по содержанию объекта улично-дорожной сети, отсутствует. Так, до определенного времени, несмотря на наличие у органов публичной власти статуса юридического лица, ряд правоведов трактует, что в первую очередь, им следует исполнять функции осуществления государственной власти или местного самоуправления, организационно-распорядительные, управленческие и иные властные полномочия, а не функции хозяйствующего субъекта[5]. В то же время в ряде субъектов сложилась иная точка зрения, а именно: ответственным за содержание автомобильных дорог местного значения является соответствующий орган местного самоуправления. Образование в структуре местной администрации профильного комитета с правами юридического лица не наделяют его статусом органа местного самоуправления[6].

Вышеуказанной проблематике дана оценка постановлением №3369/13 от 9 июля 2013 года, вынесенным Президиумом Высшего арбитражного суда Российской Федерации.

Таким образом, в случае, если в постановлении

административного органа речь идет о ненадлежащем содержании объекта улично-дорожной сети, подпадающего под действие муниципального контракта, соответственно выделяется финансирование на выполнение работ по текущему содержанию таких объектов, то субъектом административной ответственности будет лицо, с которым заключен подобный контракт.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Организация дорожного движения является одним из важнейших факторов, определяющих условия движения по дорогам и, как следствие, возможность реализации участниками дорожного движения права на свободное передвижение. Сложившейся дорожной инфраструктуре российских городов присущ ряд недостатков, отрицательно влияющих на состояние условий движения. Их устранение требует длительного времени, значительных финансовых вложений и связано с отчуждением территорий. Резервом влияния на ситуацию служат мероприятия по совершенствованию организации дорожного движения.

Нормативно-правовую основу организации дорожного движения образуют положения Федерального закона «О безопасности дорожного движения», в которых определена цель проведения мероприятий по организации дорожного движения и в самом общем виде указаны субъекты их осуществления, нормативно-правовая и технологическая основа. При этом в законе не раскрываются ни содержание мероприятий, составляющих организацию дорожного движения, ни сущность управления движением по дорогам.

Организация дорожного движения, имея конечным результатом управляющее воздействие на дорожное движение, при практическом ее осуществлении сама представляет собой объект управления. В этой связи следует выделить две проблемы. Первая состоит в отсутствии нормативного правового акта, в котором бы устанавливались, с одной стороны, обязательность для субъектов, ответственных за организацию дорожного движения, использования дорожных знаков и других технических средств, информирующих об условиях дорожного движения, а с другой стороны, основания введения ограничений. Вторая проблема связана с распределением компетенции по осуществлению организации дорожного движения в городах. В управлении, отделах транспорта и связи администраций городов должны быть образованы подразделения по организации дорожного движения. Госавтоинспекция в отношении субъектов организации дорожного движения осуществляет функции органа административного контроля, надзора.

Библиографический список

1. О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 10 декабря 1995г. № 196-ФЗ // Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.02.2015г.).
2. Корнишкен Б.П. Административно-правовое обеспечение безопасного состояния дорожных условий: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
3. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Указ Президента

Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 // Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 8.02.2015г.).

4. О совершенствовании нормативно-правового регулирования деятельности службы дорожной инспекции и организации движения Государственной инспекции безопасности дорожного движения: Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 6 июня 1999 г. № 410 // Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 6.02.2015г.).

5. Об оспаривании постановления по делу об административном правонарушении [Электронный ресурс]: Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.11.2012 по делу № А09-7558/2012 Арбитражного суда Брянской области // Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 6.02.2015г.).

6. О пересмотре в порядке надзора постановления Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.11.2012 по делу № А09-7558/2012 Арбитражного суда Брянской области [Электронный ресурс]: Постановление президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 9 июля 2013г. №3369/13 // Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 6.02.2015г.).

References

1. About road safety [Electronic resource]: Federal law dated 10 December 1995. No. 196-FL // Consultant Plus: URL: <http://www.consultant.ru> (date of access 10.02.2015).
 2. *Kormishkin B.P.* Administrative law ensuring of the roadsafe condition: Candidate dissertation of law. M., 2000.
 3. About additional measures of ensuring the road safety [Electronic resource]: the Decree of the President of the Russian Federation dated June 15, 1998, № 711 // Consultant Plus: URL: <http://www.consultant.ru> (date of access 8.02.2015).
 4. About the improvement of the normative-legal regulation of traffic inspections and traffic management of the State Inspectorate of road safety: the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation [Electronic resource]: the Order of the MIA of Russia dated June 6, 1999 № 410 // Consultant Plus: URL: <http://www.consultant.ru> (date of access 6.02.2015).
 5. About the challenging of the determination on the administrative offence [Electronic resource]: the Twentieth determination of the arbitration court of appeal dated 28.11.2012 in case No. a-7558/2012 Arbitration court of the Bryansk region // Consultant Plus: URL: <http://www.consultant.ru> (date of access 6.02.2015 year).
 6. About the review procedure of supervision of the Twentieth determination of the arbitration court of appeal dated 28.11.2012 in case No. a-7558/2012 Arbitration court of the Bryansk region [Electronic resource]: the Decree of the Presidium of the Supreme arbitration court of the Russian Federation dated 9 July 2013. No. 3369/13 // Consultant Plus: URL: <http://www.consultant.ru> (date of access 6.02.2015 year).
-
-

М.Н. ВАСИЛЬЕВА

аспирант, кафедра трудового права и права социального обеспечения, Академия труда и социальных отношений

E-mail: marina-nik-kalina@mail.ru

M.N. VASILYeva

Graduate student, Department of labour law and law of social security Academy of Labor and Social Relation

E-mail: marina-nik-kalina@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЗАРАБОТКА

SOME ASPECTS OF THE ALTERATIONS IN THE LAW OF AVERAGE WAGE CALCULATION

Как показывает практика, исчислять среднюю заработную плату работодателям приходится очень часто. Помимо сохранения среднего заработка за время отпуска, Трудовой Кодекс РФ называет еще более 20 различных случаев, когда работнику выплачивается средний заработка. Он, например, необходим при подсчете - гарантийных выплат и доплат; оплаты листка нетрудоспособности; страхового обеспечения пострадавшим в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания; пособия по безработице и в ряде других случаев. При кажущемся, на первый взгляд, сходстве каждый вариант отличается некоторыми особенностями.

Ключевые слова: исчисление средней заработной платы, средний дневной заработка, период учета заработной платы для расчета среднего заработка (расчетный период), круг выплат, учитываемых в расчетном периоде.

As the practice shows the employers very often have to calculate the average wage. Apart from keeping by an employee the average wage for the time of his leave, the Labour Code of the Russian Federation states another 20 different cases when an employee gets an average wage. It is necessary for the definition of the amount of guarantee payments and charges; for work incapacity certificate payments, for payments of insurance cover for casualties injured at the place of production or payments for professional disease, payments of unemployment benefits and in some other cases. Being similar at first sight, each of the variants has its own peculiarities.

Keywords: Calculation of the average wage, average daily earning, accounting of the payroll to define the average wage (calculation period), range of payments, taken into consideration in the calculation period.

Правила исчисления среднего заработка лиц, работающих по трудовому договору, помимо статьи 139 Трудового Кодекса РФ содержатся во многих нормативно-правовых актах (например, в федеральных законах от 24.07.1998 г. №125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»[1], от 29.12.2006 г. №255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»[2], от 19.04.1991 г. №1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»[3]; в Положении об особенностях порядка исчисления пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячного пособия по уходу за ребенком, гражданам, подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, утвержденном постановлением Правительства РФ от 15.06.2007 г. №375[4]; в Положении об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, утвержденном постановлением Правительства РФ от 24.12.2007 г. №922[5] и др.). Единый порядок исчисления среднего заработка для всех необходимых случаев, к сожалению, не установлен.

Порядок исчисления среднего заработка за послед-

ние двадцать лет менялся неоднократно. Варианты подсчета среднего заработка, которые были в конце советского периода, содержались в различных нормативных правовых документах и не совпадали при исчислении гарантийных выплат, оплаты времени отпуска, пенсий, пособий и иных страховых выплат по обязательному социальному страхованию. К началу 90-х гг. прошлого века действовали даже такие старые документы, как постановление НКТ СССР от 2 апреля 1930 г. «О среднем заработке и оплате за неполный месяц», постановление СНК СССР от 25 июля 1935 г. «О порядке исчисления среднего заработка за время очередного и дополнительных отпусков», постановление Секретариата ВЦСПС от 9 сентября 1935 г. и от 2 февраля 1936 г.[6]

В девяностых годах XX века появились и новые правовые решения, касающиеся расчета среднего заработка. Так, еще один вариант исчисления среднего заработка появился в Законе РФ от 19.04.1991 г. №1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» для расчета пособия по безработице. Расчетным периодом при исчислении среднего заработка для пособия по безработице был назван 3-месячный период.

Ранее в печати отмечалось[7], что к началу девяно-

стых годов прошлого века варианты исчисления среднего заработка отличались друг от друга периодом, за который брались денежные выплаты для расчетов и составом этих выплат. Кроме того, в тот период появились еще различные методы «осовременивания» заработка прошлых лет, перерасчета некоторых производимых выплат в связи с ростом цен и пересмотром тарифных ставок (окладов). Единообразия в исчислении среднего заработка (хотя и в неполной мере) удалось достичь в 1993 г., когда в соответствии с постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 30 апреля 1993 г. №425 Минтруд России постановлением от 4 июня 1993 №113 утвердил Порядок исчисления среднего заработка в 1993 году.[8] Этот документ определил правила исчисления среднего заработка, сохраняемого за работниками, занятыми в учреждениях, на предприятиях, в организациях независимо от их организационно-правовой формы в случаях:

избрания работников на выборные должности в государственных органах;

на время выполнения государственных или общественных обязанностей;

пребывания работника в учебном отпуске;

выплаты компенсации за неиспользованный отпуск при увольнении;

выплаты выходного пособия при увольнении;

выплаты вынужденного прогула незаконно уволенному и восстановленному судом работнику;

направления на монтажные и наладочные работы;

направления в командировки и переезда на работу в другую местность;

перевода на более легкий труд;

направления для повышения квалификации с отрывом от производства и др.

Данный порядок не распространялся на случаи, когда законодательством был установлен специальный порядок подсчета среднего заработка. Например, при начислении пособий, пенсий, сумм возмещения ущерба и др.

В течение последующего десятилетия в начале каждого календарного года Минтруд России или утверждал новый документ подобного рода, или продлевал порядок исчисления среднего заработка, действовавший в прошлом году, на новый срок. Например, на 1997 г. был продлен порядок, установленный на 1996г.; в 1998 и 1999 гг. действовали принятые на каждый год свои документы; постановлением Минтруда России от 17 мая 2000 г. №38 на 2000-2001 годы опять был утвержден обновленный Порядок исчисления среднего заработка и распоряжением Правительства РФ от 21 ноября 2001 г. №1552-р его действие было продлено на 2002 год.[9]

В этот период изменения касались в первую очередь расчетного периода. Так, сначала для расчета брались денежные выплаты за три месяца, предшествовавшие наступлению события (например, с 25 июля по 25 октября), затем – за три предшествующих календарных месяца (с 1-го до 1-го числа). По-разному давались указания по поводу определения круга выплат, которые следует принимать во внимание: Порядок исчисления среднего

заработка в 1993 году содержал перечень денежных выплат, на которые не начисляются страховые взносы, а посему они не должны браться в расчет; Порядок 1996 года предусматривал учет выплат, включаемых в фонд заработной платы согласно Инструкции о составе фонда заработной платы и выплат социального характера, утв. Госкомстатом России; документы 1998, 1999, 2000-2001 гг. уже имели перечни выплат, учитываемых при исчислении среднего заработка, которые время от времени корректировались. Происходило и уточнение производства расчетов для выявления дневного заработка.

Такое положение сохранялось до того момента, пока не стали действовать правила, включенные в ст. 139 ТК РФ. Как видно из изложенного выше, в 2002 году продолжил свое действие Порядок исчисления среднего заработка, установленный на 2000-2001 годы. Однако применять ст. 139 ТК РФ без принятия нового подзаконного акта, который должно было принять Правительство РФ с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, было сложно, т.к. в упомянутом нормативном акте не было ответа на ряд важных вопросов. Основной из них – что понимается в ч.2 ст.139 ТК РФ под видами выплат, предусмотренными системой оплаты труда? В разделе VI ТК РФ «Оплата и нормирование труда» не было и нет определения понятия «системы оплаты труда». Возникал вопрос и об учете доплат и надбавок – далеко не все из них входили в то понятие системы оплаты труда, которое сложилось в трудовом праве в течение многих десятилетий.

Новый документ появился лишь в декабре 2003 года. В Положении об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 11.04.2003 г. №213 (далее – Положение от 11.04.2003г.) расчетным периодом, при исчислении гарантийных выплат и доплат, стали 12 месяцев, «предшествующих моменту их выплаты». Расчетный период в 3 календарных месяца остался лишь для исчисления среднего заработка для оплаты отпуска и выплаты компенсации за неиспользованный отпуск. Также произошли некоторые изменения в правилах подсчета среднего дневного заработка по сравнению с теми, которые содержались в прежнем Порядке исчисления среднего заработка: расчет среднего заработка работника независимо от режима его работы производился исходя из фактически начисленной ему заработной платы и фактически отработанного им времени за 12 месяцев, предшествующих моменту выплаты. В формуле, предусмотренной Положением от 11.04.2003г, обращает на себя слово «фактически», употребленное применительно и к делимому, и к делителю: его введение обусловлено тем, что при исчислении среднего заработка из расчетного периода стало исключаться время, а также начисленные за это суммы в случаях, перечисленных в п.4 Положения. Эти случаи (за небольшим исключением) повторяли те, что были названы в п.11 Порядка: временная нетрудоспособность, беременность и роды, отвлечение от работы с сохране-

нием среднего заработка, простой, дополнительные выходные дни для ухода за детьми-инвалидами. Впервые появилось упоминание о днях отдыха (отгулах) в связи с работой сверх нормальной продолжительности рабочего времени при вахтовом методе организации труда и в иных предусмотренных законодательством случаях.

Следует согласиться с высказанным в печати мнением, что статья 139 ТК РФ в ее первоначальной редакции положила начало сближению существовавших на тот момент способов исчисления среднего заработка, и это уже давало определенную надежду на унификацию различных правил[10].

Даже в то время, когда 12-месячный период учета заработка относился к числу наиболее употребляемых, он не является единственным. Статья 139 ТК РФ предоставила организациям устанавливать иные расчетные периоды коллективным договором или локальным нормативным актом, если это не ухудшает положение работников. Данная статья допускает, что период расчета средней заработной платы организация определяет самостоятельно. Главное, чтобы вновь установленный расчетный период был четко назван в коллективном договоре или локальном нормативном акте организации. Следует заметить, что такие "вольности" с расчетным периодом можно позволять лишь в отношении отпусков, командировок и иных выплат, осуществляемых за счет средств организации.

Статья 139 ТК РФ, разрешая устанавливать иные расчетные периоды, ничего не говорит о том, как быть с порядком расчетов. На практике возник вопрос: если работодатель установит в коллективном договоре расчетный период менее 12 месяцев, то каким должен быть порядок расчетов, в частности, на какое число календарных дней должен делиться среднемесячный заработка, для определения дневного заработка. Представляется, что в Положении от 24.12.07. следовало бы определить механизм исчисления среднего заработка в подобных случаях.

В последние годы опять началось расхождение способов исчисления среднего заработка. В процессе многочисленных изменений правил исчисления среднего заработка к общим положениям стало возможным отнести лишь период учета заработной платы для расчета среднего заработка. Определение среднего заработка работника независимо от режима его работы во многих случаях стало производиться исходя из фактически начисленной ему заработной платы и фактически отработанного им времени за 12 календарных месяцев, предшествующих периоду, в течение которого за работником сохраняется средняя заработка. При этом в статье 139 ТК РФ появилась четкая запись, что календарным месяцем считается период с 1-го по 30-е (31-е) число соответствующего месяца включительно (в феврале – по 28-е (29-е) число включительно).

Сложившееся единообразие в отношении расчетного периода нарушил Федеральный закон от 08.12.2010 г. №346-ФЗ. В соответствии с теми изменениями, которые он внес в Федеральный закон от 29.12.2006 г. №255-

ФЗ, появился такой длительный расчетный период, которого никогда не было в истории развития законодательства об исчислении среднего заработка. При этом произошло не просто удвоение количества месяцев, за которые следует учитывать денежные выплаты, – с 12 месяцев до 24 месяцев, а и удаление (с каждым месяцем текущего календарного года все дальше) расчетного периода от дня расчета производимой работнику выплаты: с января 2011 года при расчете пособий по обязательному социальному страхованию во внимание принимается заработка плата работника за 2 календарных года, *предшествующих году наступления страхового случая*.

Можно с уверенностью утверждать, что новые правила исчисления пособий уменьшили суммы пособия по временной нетрудоспособности. И дело здесь не только в увеличении расчетного периода. Негативное влияние оказывает и учет заработка не только у работодателя, который оплачивает больничный листок, но и на всех других местах работы, где гражданин трудился в предыдущие два года до перехода к данному работодателю. И еще одно: исчисление дневного заработка, без которого не обойтись при определении суммы пособия, стало весьма простым, но очень невыгодным для работника, который в расчетном периоде болел сам, осуществлял уход за больным ребенком, брал отпуск за свой счет, имел периоды, когда заработка плата выплачивалась не в полном объеме.

Деление двухгодичного заработка такого работника на 730, как это предусмотрено ст.14 Федерального закона от 29.12.2006 г., без вычета перечисленных выше и иных периодов приводит к значительному уменьшению величины дневного заработка, с чем уже столкнулись многие граждане.

Нельзя не учитывать также тот факт, что в течение двухгодичного периода в организациях происходит индексация окладов, а значит и тех доплат и надбавок, которые определяются в процентном отношении к окладам. И в таких случаях среднедневной заработок работника окажется ниже.

Неоднозначно в различных законодательных актах решаются вопросы определения дневного и среднемесячного заработка. Обращает на себя внимание и тот факт, что ст. 139 ТК РФ среднемесячным числом календарных дней называет 29,3 (ранее использовался показатель 29,4) [11], а в Законе от 29.12.2006г. – 30,4. Понятно, что это расхождение вызвано включением (невключением) в расчет праздничных дней, но разные цифры на практике приводят к ошибкам в исчислении среднего заработка.

Теперь обратимся к кругу выплат, которые учитываются при исчислении среднего заработка. Сравнивая статью 139 ТК РФ и статью 14 Федерального закона от 29.12.2006 г. №255-ФЗ, видим, что исходные положения в них по данному вопросу отличаются друг от друга. В статье 139 ТК РФ сказано, что при расчете средней заработной платы учитываются все предусмотренные системой оплаты труда виды выплат, применяемые в соответствующей организации независимо от источни-

ков этих выплат. При исчислении пособий, как сказано в статье 14 упомянутого выше Закона от 29.12.2006 г., берутся во внимание виды выплат и иных вознаграждений в пользу работника, на которые начислены страховые взносы.

В Положении от 24.12.2007 г. расшифровывается правило, содержащееся в статье 139 ТК РФ, путем перечисления выплат, входящих в систему оплаты труда. Положение от 15.06.2007 г. до изменения его редакции постановлением Правительства РФ от 19.10.2009 г. №839 в п.2 также содержало перечень выплат, исходя из которого исчисляются пособия. Теперь же в п.2 Положения повторяется сказанное в ч.2 ст.14 Федерального закона от 29.12.2006 г. без какой-либо расшифровки. Нет ее и в статье 7 Федерального закона от 24.07.2009 г. №212[12], именуемой «объект обложения страховыми взносами для плательщиков страховых взносов, производящих выплаты и иные вознаграждения физическим лицам». Объектом обложения признаются выплаты и иные вознаграждения, начисляемые плательщиками страховых взносов в пользу физических лиц по трудовым договорам (на упоминаемых в этой статье гражданско-правовых договорах останавливаются не будем, поскольку рассматриваем исчисление средней заработной платы только лицам, состоящим в трудовых отношениях). Закон от 24.07.2009 г. пошел по пути подробного перечисления выплат, на которые не начисляются страховые взносы (ст.9). В итоге работникам расчетных служб организаций, которым часто приходится подсчитывать среднюю заработную плату, в одних случаях надо пользоваться перечнем учитываемых выплат, в иных – перечнем выплат, которые не следует принимать во внимание. Практическим работникам было бы удобно иметь и тот и другой перечни (они бы дополняли друг друга), если бы во всех случаях совпадал круг учитываемых денежных выплат, но этого нет. Вот только один пример. Страховые взносы, как сказано в подп.11 ч.1 ст.9 Закона от 24.07.2009 г. №212, не начисляются на сумму оказанной работнику материальной помощи, если она не превышает 4000 руб. за расчетный период. Получается, что материальная помощь, выданная работнику в меньшей сумме, пойдет в расчет при начислении страховых взносов, а значит, и при исчислении пособий.

В перечне выплат, учитываемых при исчислении среднего заработка, в Положении от 24.12.2007 г. нет упоминания о материальной помощи, что вполне естественно, т.к. она согласно трудовому законодательству не

входит в систему оплаты труда. Более того, из п.3 данного Положения вытекает, что любую материальную помощь, оказанную работнику, брать в расчет не надо[13].

Представляется целесообразным восстановить в п.2 Положения от 15.06.2007 г. перечень выплат, учитываемых при исчислении пособий по обязательному социальному страхованию. Это дало бы практическим работникам возможность довольно быстро выявить расходы в круге выплат, учитываемых в разных случаях исчисления среднего заработка, и в дальнейшем избегать ошибок.

Порядок исчисления среднего заработка для определения размера пособия по безработице и стипендии, выплачиваемой гражданам в период профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации по направлению органов службы занятости, утвержден постановлением Минтруда России от 12.08.2003 г. № 62 (далее – Порядок от 12.08.2003 г.) [14].

Особенности исчисления среднего заработка для этих целей проявляются в определении расчетного периода и механизма подсчета денежных сумм. В соответствии с п. 3 Порядка от 12.08.2003 г. заработок работника, с которым расторгнут трудовой договор, по-прежнему рассчитывается за три календарных месяца (с 1-го до 1-го числа), предшествующих месяцу увольнения.

Все происходящие в течение последних десятилетий в способах исчисления среднего заработка никоим образом не коснулись расчета заработка для пособия по безработице. Мало того, что в этом варианте в основе пособия по безработице может оказаться заработка, совсем не характерный для данного работника, так и механизм исчисления среднего месячного заработка приводит к тому, что для расчета среднего заработка бывают выгодные и невыгодные трехмесячные периоды. Например, средний заработок при неизменной заработной плате в течение года за июнь, июль, август будет выше, чем за такие месяцы, в которых большое количество праздничных дней (январь, февраль, март). Представляется целесообразным заработка в рассматриваемом случае рассчитывать по правилу, содержащемуся в ст.139 ТК РФ.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о необходимости унификации правил исчисления среднего заработка. Это даст возможность избежать такого положения, когда у одного и того же работника среднемесячный заработок, исчисленный для разных целей, составляет разновеликие суммы.

Библиографический список (References)

1. Laws of the Russian Federation. (1998) No.31. Art. 3803
2. Laws of the Russian Federation. (2006) No.1 (part 1). Art.18
3. Laws of the Russian Federation. (1991) No.17. Art. 1915
4. Laws of the Russian Federation. (2007) No. 25. Art. 3042
5. Laws of the Russian Federation. (2007) No.53. Art. 6618
6. Labour unionists Directory. (1983) Moscow, pp. 178, 180-183
7. Korshunov U.N., Korshunova T. U., Kuchma M.I., Shelanov B.A. (2002) "Comment to the Labour Code of the Russian Federation", Spark., Moscow, P. 305.
8. Bulletin of normative acts of ministries and agencies of the Russian Federation. (1993) No.8.

12.00.00 - ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
12.00.00 - SCIENCE OF LAW

9. Bulletin of normative acts of ministries and agencies of the Russian Federation. (2000) No. 34; Laws of the Russian Federation. (2001) No. 50. Art. 4759.
 10. *Kuchma M.I.* "General and the particular in the methods of calculation of average earnings" Directory of the personnel officer. 2008, № 8.
 11. Federal law on April 2, 2014 "On amendments to Article 10 of the Russian Federation "On state guarantees and compensation for people working and living in the Far North and equated localities"" and Labour Code of the Russian Federation. Laws of the Russian Federation. (2014) No. 14. Art. 1547.
 12. Laws of the Russian Federation. (2009) No. 30. Art. 3738. Federal law on July 24, 2009 No. 212 "Of insurance premiums to the Pension Fund of the Russian Federation, the social insurance Fund of the Russian Federation, the Federal Compulsory Medical Insurance Fund and territorial Compulsory Medical Insurance Funds".
 13. Financial aid is taken into account when calculating average earnings when calculating average earnings of state civil servants, but it is directly stipulated in the Federal law "On state civil service" on July 24, 2004 No. 79-Federal law. Laws of the Russian Federation. (2004) No.31. Art. 3215.
 14. Laws of the Russian Federation. (2003) No. 21. Art.2055.
-
-

С.В. ВАСЮКОВ

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского процесса, предпринимательского и трудового права, Орловский государственный университет

E-mail: s.vasukov@mail.ru

S.V. VASYUKOV

Candidate of Law, Associate Professor, Department of civil process, enterprise and labor law, Orel State University

E-mail: s.vasukov@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОТНИКОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ К ДРУГОМУ РАБОТОДАТЕЛЮ ПО ДОГОВОРУ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА

LEGAL STATUS OF THE WORKERS DIRECTED TO OTHER EMPLOYER UNDER THE CONTRACT OF GRANTING THE PERSONNEL

В статье анализируются особенности правового положения работников, направляемых к другому работодателю по договору предоставления персонала в свете смешанного характера правоотношений, возникающих между работником, кадровым агентством и принимающей стороной-работодателем.

Ключевые слова: договор предоставления персонала, заёмный труд, частное кадровое агентство, принимающая сторона, работодатель.

In the article features of the legal status of the workers directed to other employer under the contract of granting the personnel in the light of the mixed nature of the legal relationship arising between the worker, recruitment agency and the accepting party employer are analyzed.

Keywords: contract of granting personnel, loan work, private recruitment agency, host, employer.

С 1 января 2016 года предполагается вступление в действие новой главы Трудового кодекса РФ – главы 53.1, которая называется «Особенности регулирования труда работников, направленных временно работодателем к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала)» [1]. Для российского трудового законодательства это новая разновидность трудового договора.

Между тем, отношения, аналогичные тем, которые призвана урегулировать данная глава, известны международной и российской практике. Речь идет о привлечении труда работников частных кадровых агентств для выполнения временных работ у конкретного работодателя. При этом сам привлекаемый работник остается в штате кадрового агентства и не входит в штат того работодателя, у которого он выполняет работу.

Аналогом таких отношений можно назвать «аутстаффинг». Аутстаффинг заключается в том, что работники организации-пользователя выводятся за штат этой организации, параллельно с ними заключается трудовой договор кадровым агентством, которое предоставляет их организации-пользователю по гражданско-правовому договору для определенных трудовых функций (как правило, тех же, которые они исполняли, состоя в штате организации-пользователя). При этом сами работники формально не вступают с организацией-пользователем в гражданско-правовые или трудовые отношения [3]. Следует отметить, что в специальной литературе до сих пор нет единства в определении разновидностей и форм

займного труда

Некоторые исследователи отмечают, что такого рода отношения появились в России после кризиса 1998 г. Проводниками их стали западные компании, решившие, несмотря на дефолт, не уходить из России. Штаты у них резко сократились, и возникла необходимость искать обходные пути для выполнения не сократившегося объема работ. Выход был найден в деятельности кадровых агентств (опять-таки иностранных), которые занимались «охмурением» и работников, и работодателей, выдавая обычный договор подряда за то, что на Западе носит название «лизинг персонала» [5].

Не рассматривая эмоциональную и оценочную составляющую этой информации, можно отметить факт существования подобных отношений в экономической жизни страны и вне пределов правового регулирования.

Необходимость урегулирования таких отношений, таким образом, диктовалась самой практикой и социальными условиями жизни общества. Однако среди отечественных специалистов займный труд вызывал неоднозначную реакцию: одни выступали с позиций экономической целесообразности и обосновывали необходимость скорейшей его легализации, другие – выступали с резким непринятием займного труда в целом или отдельных его форм. Особенно жестко по этому вопросу формулировали свою позицию профсоюзы. В частности, профсоюзы полностью поддержали законопроект о запрете заемного труда [4]. В итоге норма о запрете займного труда была внесена в Трудовой ко-

декс РФ. Но была внесена и вышеназванная глава 53.1, предусматривающая возможность временного найма персонала. Таким образом, законодатели продемонстрировали странный компромисс.

Нашей же задачей будет определение правового положения работника, выполняющего работу на основании договора предоставления персонала, заключенного между кадровым агентством и работодателем, заинтересованным в привлечении персонала.

Прослеживается определенное пересечение трудовых и гражданско-правовых отношений.

В юридической науке справедливо отмечалась комплексность подобного рода отношений: отношения между организацией, предоставляющей заёмный труд, и организацией-пользователем носят гражданско-правовой характер, а отношения с участием заемных работников – трудоправовой [3].

Критерии разграничения трудовых отношений и гражданско-правовых отношений, предусматривающих применение труда, в юридической литературе выделены давно. Некоторые исследователи в качестве базовых критериев выделяют критерии, определенные ещё Л.С. Талем в своём труде «Трудовой договор: юридическое исследование» почти сто лет назад.

К характерным признакам трудового отношения Л.С. Таль относил следующие:

- нанимающийся по трудовому договору обещает предоставление своей рабочей силы в пользу чужого хозяйства;
- от нанимавшегося по трудовому договору требуется личное исполнение работы;
- из трудового договора вытекает обязанность нанимающегося согласовывать свое поведение с порядком, установленным работодателем (хозяином), в свою очередь наниматель должен ограждать личность работника от опасностей, сопряженных с фактическим нахождением его в чужой хозяйственной сфере;
- нанимавшийся имеет право на вознаграждение за свой труд, оно не зависит от того, воспользовался ли работодатель его трудами или нет [6].

В рассматриваемом же случае гражданско-правовые отношения возникают только между кадровым агентством и работодателем, которому требуется персонал. Трудоправовая составляющая в основном сосредоточена в плоскости отношений между ЧАЗ (частным агентством занятости) и работником.

Но ввиду того, что непосредственно свою трудовую функцию работник будет выполнять у работодателя, к которому его направит кадровое агентство, отношения и юридические факты, лежащие в основании их возникновения, для таких «заёмных» работников будут специфичными.

Сразу следует отметить специфический субъектный состав этих правоотношений. В них прослеживаются три взаимосвязанных субъекта: кадровое агентство, работник и работодатель, к которому направлен работник на основании гражданско-правового договора. Если всё-таки применять категорию «заёмный труд», то этих

субъектов называют организация-аутсорсер (агентство занятости), организация-пользователь и заемный работник [3].

При этом агентство занятости связано с организацией-пользователем ярко выраженным и оформленным соответствующим договором гражданско-правовыми отношениями, а вот отношения работника с остальными субъектами выстраиваются сложнее. Трудовой договор является основанием возникновения отношений между работником и агентством занятости. Соответственно их можно считать трудовыми. А вот определить природу отношений работника с работодателем – заказчиком услуг по предоставлению персонала сложнее. Можно предположить, что по замыслу законодателей для работника организация – пользователь (принимающая сторона) выступает просто как место работы. Оформление перехода на работу к принимающей стороне закон устанавливает в форме дополнительного соглашения, где указываются сведения о принимающей стороне. При этом термин «место работы» в ч. 5 ст. 341.2 ТК РФ не упоминается.

В законе четко оговаривается, что трудовые отношения между этим работником и принимающей стороной не возникают (ч.4 ст. 341.2 ТК РФ). В таком случае отсутствует один из важнейших признаков трудового правоотношения, необходимых для эффективной организации труда, – подчинение работника правилам трудового распорядка на своём рабочем месте. Отсутствие трудовых отношений влечет за собой и отсутствие дисциплинарной власти принимающей стороны над работником. Закон использует термин «под управлением и контролем», определяя характер отношений между работником и принимающей стороной. Но вот на чем основывается это управление при отсутствии трудовых отношений, не совсем ясно. Даётся указание на то, что эти условия могут быть определены в договоре между кадровым агентством и работником. Однако даже такое условие не позволит принимающей стороне применить меры дисциплинарного характера к «чужому» работнику.

Таким образом, один из признаков трудового правоотношения – подчинение правилам внутреннего трудового распорядка в таких отношениях используется через закрепление таких обязанностей перед кадровым агентством, но не перед организацией-пользователем. Причем закрепление таких положений в дополнительном соглашении носит диспозитивный характер, в связи с использованием в тексте статьи словосочетания «могут предусматриваться».

Справедливо отмечается и специфика возникновения правоотношения с участием заёмного работника. Основанием возникновения отношений по заемному труду является фактический состав, включающий в себя совокупность юридических фактов: заключение трудового договора заемного работника с организацией-аутсорсером (агентством занятости), заключение гражданско-правового договора между организацией-аутсорсером и организацией-пользователем и фак-

тическое допущение заемного работника к работе в организации-пользователе [3]. Однако некоторые авторы отрицают возможность фактического допущения к работе как основания возникновения отношений между заёмным работником и организацией-пользователем [2]. Такой вывод сделан на основании анализа законопроекта «О частных агентствах занятости», в которой определяется обязанность принимающей стороны предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции. Представляется, что в данном случае нет противоречия и тот факт, что работник допущен к работе принимающей стороной, как раз и завершает

треугольник правоотношения «ЧАЗ – работник – принимающая сторона».

Следует также заметить, что изменения в Трудовой кодекс РФ, вступающие в силу с 1 января 2016 года, требуют принятия специального Федерального закона, который бы регулировал деятельность частных агентств занятости и более детально закрепил бы порядок взаимоотношений между ЧАЗ и работником. Без этого существует риск, что агентства воспользуются пробелами в законе, что приведет к ущемлению трудовых прав их работников.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2321.
2. Безруких А.С. Проблемы правового регулирования труда заёмных работников в трудовом праве России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона // СПС «КонсультантПлюс» (Электронный ресурс).
3. Пшеничников С.В. Заёмный труд как форма нестандартных трудовых отношений // Современный юрист. 2013. № 4. СПС «КонсультантПлюс» (Электронный ресурс).
4. Рыженкова Ю. Профцентры объединились против заемного труда // URL: http://www.solidarnost.org/thems/profsoyuznaya-zhizn/profsoyuznaya-zhizn_8561.html (Электронный ресурс).
5. Смурнов Б. А так ли уж выгоден временный работник? // Кадровик. Кадровое делопроизводство. 2007. № 7. СПС «КонсультантПлюс» (Электронный ресурс).
6. Тангин М.А. Практическое отражение теоретических критериев квалификации трудового договора // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. № 2 // СПС «КонсультантПлюс» (Электронный ресурс).

References

1. The federal law of May 5, 2014 No. 116-FL “About modification of separate acts of the Russian Federation”.
2. Bezrukikh A.S. Problems of legal regulation of work of loan workers in the labor law of Russia and the countries of the Pacific Rim // Help legal ConsultantPlus system (An electronic resource).
3. Pshenichnikov S. V. Loan work as a form of the non-standard labor relations // Modern lawyer. 2013. № 4. Help legal ConsultantPlus system (An electronic resource).
4. Ryzhenkova J. The professional centers united against loan work // URL: http://www.solidarnost.org/thems/profsoyuznaya-zhizn/profsoyuznaya-zhizn_8561.html (An electronic resource).
5. Smurnov B. Is a temporary employee so favorable? // Personnel officer. Personnel office-work. 2007. № 7. Help legal ConsultantPlus system (An electronic resource).
6. Tangin M. A. Practical reflection of theoretical criteria of qualification of the employment contract//the Labour law in Russia and abroad. 2014. № 2. Help legal ConsultantPlus system (An electronic resource).

O.C. ВНУКОВА

аспирант, ассистент, кафедра международного и международного частного права, Орловский государственный университет

E-mail: vnuikova91@inbox.ru

В.А. НИКИФОРОВ

доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой международного и международного частного права, Орловский государственный университет

E-mail: nikiforov-v.a@yandex.ru

O.S. VNUKOVA

Graduate student, Assistant, Department of international and private international law, Orel State University
E-mail: vnuikova91@inbox.ru

V.A. NIKIFOROV

Doctor of Law, Professor, head of the Department of international and private international law, Orel State University

E-mail: nikiforov-v.a@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ

INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS

Развитие внешнеэкономических отношений между государствами требует создания развитой транспортной системы, а именно, международных транспортных коридоров, через которые могут осуществляться основные транзитные грузопотоки. На сегодняшний день выбранная тема актуальна в связи с постоянным расширением транспортного сообщения между государствами, развитием экономических и торговых отношений. Целью международного сообщества является «упрощение» процесса движения транспорта путем введения заниженных пошлин, установления льгот и улучшенной сферы обслуживания в коммуникационных узлах, сокращение времени на поставку грузов.

Ключевые слова: международный транспортный коридор, транспортная логистика, смешанная перевозка, коммуникационные узлы, европейские транспортные коридоры.

The development of foreign economic relations between states requires the creation of a developed transport system, namely, the international transport corridors, through which can be the main transit traffic. Today, the selected topic is relevant to the constant expansion of transport links between the countries, the development of economic and trade relations. The aim of the international community is «simplification» process traffic through the introduction of low duties, establish benefits and improved services in the communication nodes, reducing the time for delivery of goods.

Keywords: international transportation corridor, transport logistics, multimodal transport, communication nodes European transport corridors.

Международный транспортный коридор (МТК) – совокупность магистральных транспортных коммуникаций различных видов транспорта с соответствующей инфраструктурой, обеспечивающих перевозки в международном сообщении на направлениях их большей концентрации. МТК, состоящие из нескольких транспортных модулей (транспортных единиц, предназначенных для смешанных комбинированных перевозок по принципу от отправителя до получателя), называют мультимодальными транспортными коридорами. Организация МТК ставит целью унифицировать национальные законодательства, гармонизировать транспортные системы Востока и Запада, создать международную транспортную инфраструктуру, имеющую единые технические параметры и обеспечивающую применение единой технологии перевозок. В настоящее время вопросы создания МТК из стадии обсуждения вошли в стадию практической реализации. Многие страны Европы и Азии стремятся добиться размещения МТК на своих территориях. Россия также принимает активные шаги в этом направлении. Проникновение иностранных товаров на российский ры-

нок становится все более масштабным, что создает спрос на транспортные услуги с новыми требованиями. В то же время следует отметить низкий уровень конкурентоспособности продукции, произведенной в России. Это связано с тем, что затраты на транспортно-экспедиционное обеспечение достаточно высоки, их величина в 2–3 раза превышает уровень развитых стран. Для снижения этих затрат доставка грузов и пассажиров зачастую выполняется с использованием различных видов транспортных средств. Основная цель такого подхода – снижение транспортных издержек, использование всех преимуществ, которые могут предоставить клиенту современные логистические технологии.[2]

В транспортной логистике, в системе внешнеторговых путей и действий участников транспортного процесса особое внимание уделяется:

- согласованности действий участников;
- минимизации звеньев в транспортной цепи по наилучшему маршруту;
- минимальной стоимости транспортных расходов.[2]

Система транспортной логистики подразумевает: перемещение требуемого количества товара в нужную точку оптимальным маршрутом за требуемое время и с наименьшими издержками.[3]

Логистическая система предполагает использование:

- единой ставки перевозки;
- единого транспортного документа;
- последовательно-центральной схемы взаимодействия участников;
- наличие высокой ответственности за груз.

В российской науке нет точного определения понятий и четкого перечня документов, относящихся к транспортным перевозкам. Ученые в научных трудах предлагают разную терминологию. Возьмем для примера классификацию Н. С. Ускова и Н. Г. Вензика, которые привели определение Секретариата Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), где выработаны следующие основные понятия о видах перевозок.

1. Унимодальная (юнимодальная) перевозка – это перевозка грузов одним видом транспорта и одним или несколькими перевозчиками.

2. Интермодальная перевозка – это перевозка грузов с перевалкой между несколькими видами транспорта, при которой один из перевозчиков организует всю транспортировку от пункта происхождения через один или несколько пунктов перевалки до конечного пункта.

3. Сегментированная перевозка возникает, если перевозчик, организующий транспортировку, принимает ответственность лишь за часть перевозки, осуществляющую им самим.

4. Мультиodalная перевозка возникает, если перевозчик, организующий транспортировку, принимает ответственность за всю перевозку с выдачей документа о мультиodalной перевозке.

5. Комбинированная перевозка – это перевозка грузов в одном и том же грузовом месте или транспортном средстве путем комбинации различных видов транспорта.[4]

Комбинированные мультиodalные перевозки можно объединить более общим понятием «смешанные перевозки». Смешанная перевозка может осуществляться как при участии предприятий транспортной инфраструктуры (например, терминалов), если такие предприятия являются связующими звенями между перевозчиками, так и без такового, когда груз последовательно передается от перевозчика к перевозчику с одного вида транспорта на другой.[3] Посредством такой системы доставки выполняются условия «точно в срок» и «от двери до двери».

Выделяют следующие дополнительные особенности смешанных перевозок.

1. Согласованное использование в перевозке более одного вида транспорта.

2. Перевозка организуется и осуществляется одним лицом — оператором смешанной перевозки.

3. Отношения между заказчиком и исполнителем комплексной транспортной услуги (оператором смешанной перевозки) регулируются на основе одного договора.

4. Смешанная перевозка может иметь статус международной. В этом случае место приема груза к перевозке и предполагаемое место его сдачи находятся на территории двух различных государств.[3]

В составе инфраструктуры международных транспортных коридоров (МТК) на территории России рассматриваются постоянные устройства (инфраструктурные объекты) универсальных видов транспорта, отнесенных к МТК: железнодорожные, автомобильные и внутренние водные магистрали с их обустройством; морские порты, расположенные на границах российских участков коридоров; аэропорты гражданской авиации и транспортные терминалы, расположенные в зонах коридоров и влияющие на их работу. При этом в состав МТК включены, как правило, наиболее оснащенные существующие магистрали и объекты, на которых концентрируются внешнеторговые и транзитные грузопотоки и пассажиропотоки.

В Российской Федерации разработана Федеральная целевая программа «Модернизация транспортной системы России (2010–2020 годы)», основными целями которой можно назвать следующие:

- развитие современной и эффективной транспортной инфраструктуры, обеспечивающей ускорение товародвижения и снижение транспортных издержек в экономике;
- повышение доступности услуг транспортного комплекса для населения;
- повышение конкурентоспособности транспортной системы России и реализация транзитного потенциала страны;
- повышение комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы;
- улучшение инвестиционного климата и развитие рыночных отношений на транспорте.[5]

Достижение цели по повышению конкурентоспособности российской транспортной системы и реализации транзитного потенциала предусматривает решение задач по развитию международных транспортных коридоров, транспортно-технологической инфраструктуры, обновлению парков транспортных средств.

Активная интеграция в систему международных транспортных коридоров создаст дополнительные возможности для развития российской транспортной системы и дальнейшего совершенствования ее производственной, информационной и технологической инфраструктуры, обеспечит интеграцию России в глобальную транспортную систему, ускорит рост национального валового продукта. Транспортные услуги превратятся в одну из крупнейших после нефтегазового сырья статью российского экспорта, что в значительной мере снизит риски, связанные с перспективой ухудшения конъюнктуры на мировых рынках сырья. Будут существенно расширены возможности увеличения экспорта российских товаров на наиболее быстро развивающихся рынках стран Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. Развитие евразийских транспортных коридоров придаст дополнительный импульс

развитию телекоммуникаций, повышению мобильности рабочей силы и грузов, оживлению промышленной и деловой активности, принесет ряд дополнительных экономических выгод.[5]

На сегодняшний день большое распространение получили мультимодальные транспортные коридоры (системы), сосредотачивающие на генеральных направлениях транспорт общего пользования — железнодорожный, автомобильный, морской, трубопроводный, а также телекоммуникации.[1] В точках пересечения таких коридоров создаются коммуникационные узлы, в пределах которых действует преференциальный режим, т. е. особо льготный режим осуществления внешнеэкономических связей, экономического сотрудничества, предоставляемый одним государством другому без распространения на третьи страны. Такой порядок обеспечивает высокое качество обслуживания и разнообразие оказываемых услуг, а также влияет на совершенствование и ускорение прохождения торгового, промышленного и финансового капитала, усиление информационного и культурного обменов. В последнее время роль международного сотрудничества возрастает. Государства заинтересованы в создании «облегченного пути» для поступления своих товаров и услуг за границу. На международных конференциях уделяется внимание вопросам, связанным с преодолением таможенных и налоговых барьеров, согласованным действиям при установлении портовых и других транспортных сборов.

С развитием новых компьютерных технологий все чаще наблюдается тенденция их использования при обмене информацией между странами-участницами торгового оборота, появляются все более совершенные информационные коммуникации. Индустрия средств связи в ведущих странах мира стала одной из самых динамичных отраслей хозяйства. Одним из стратегических ресурсов становятся телекоммуникации, включающие цифровые способы передачи и коммуникации сообщений, волоконно-оптические и космические каналы связи, сотовую радиотелефонную связь. Телекоммуникации и компьютерные технологии способствуют синхронизации стыковки различных систем транспортировки, хранения и перераспределения грузопотоков.

После падения «железного занавеса» особенно актуальными стали проблемы общеевропейской транспортной интеграции. Этот стратегический курс Европейского Союза предложил усовершенствовать транспортные коридоры в связи с открывшимися перспективами для торговли и экономики между Западом и Востоком Европы. Вторая Общеевропейская конференция 1994 года, проходившая на острове Крит, определила девять приоритетных транспортных коридоров. Позже добавился десятый МТК.[1] Соответственно, для создания более упрощенной системы транспортных перевозок необходимо внедрить преференциальный режим в основных коммуникационных узлах, принимать меры по унификации международного транспортного законодательства, в том числе меры безопасности, ускорения

и синхронизации прохождения грузов и документации, совершенствование систем связи и подготовки персонала и так далее. Разработка и дальнейшее совершенствование этих средств продолжается и сегодня.

Раскроем подробнее «стратегию» Критских коридоров, предложенную Европейской Комиссией. Речь в первую очередь идет о дальнейшем развитии транспортной политики «Общего рынка».

Стратегия основана на соглашениях Организации Объединенных Наций о планировании европейской инфраструктуры автомобильного, железнодорожного и комбинированного транспорта, а также приоритетах среднесрочного развития на период до 2010 года. Исторически транспортные системы западноевропейских государств зачастую намеренно разрабатывались таким образом, чтобы не соответствовать друг другу. Поэтому ЕС осуществляет правовую политику по гармонизации технических стандартов и нормативов в целях создания единой европейской транспортной системы, обеспечивающей свободу передвижения пассажиров и грузов, ускорение оборачиваемости финансового, промышленного и торгового капитала.[1]

Стоит отметить, что данная стратегия в первую очередь направлена на удовлетворение интересов граждан различных государств пользоваться преимуществами единого европейского рынка, что позволит Европейским государствам поднять уровень конкурентоспособности. Осуществить замысел возможно в том числе при наличии современной транспортно-коммуникационной инфраструктуры. Без этого немыслимо расширение ЕС на Восток, где многие автомобильные и железные дороги технически устарели. Без своевременной модернизации транспортной сети будут увеличиваться потери от медленной скорости перемещения грузов и пассажиров, ущерба окружающей среде.

Кроме того, с падением «железного занавеса» появилась возможность создать замкнутую коммуникационную сеть, эффективность которой при данном условии увеличивается.

Международные транспортные коридоры.[1]

Первый транспортный коридор Хельсинки – Таллинн – Рига – Калининград – Гданьск/Каунас – Варшава и далее на Берлин протяженностью 1000 км интегрирует Польшу и государства Балтии – Эстонию, Литву, Латвию в западноевропейское экономическое пространство. При подготовке этих стран к вступлению в ЕС были в короткие сроки реализованы проекты, предусматривающие создание автомобильного и железнодорожного коридоров. Одно направление маршрута пройдет через западный анклав Российской Федерации – Калининградскую область.

Второй транспортный коридор Берлин – Варшава – Минск – Москва – Новгород (автомобильный и железнодорожный) протяженностью 2241 км является основой коммуникационной оси Запад – Восток, соединяющей Германию с Россией. Транспортный коридор характеризуется относительно дешевым и быстрым передвижением пассажиров и грузов. Остается

открытым вопрос о качестве дорог и обслуживании. Если качество дорог в Германии и Польше улучшено, то в Белоруссии и России предстоит модернизация автомобильной и железной дорог. Автодороги требуют улучшения обслуживания и повышения безопасности, преодоления заторов вблизи Москвы и Бреста.

Третий транспортный коридор Берлин/Дрезден – Вроцлав – Катовице/Краков – Львов – Киев (автомобильный и железнодорожный) протяженностью 1640 км соединяет Западную Украину через Польшу с Германией.

Четвертый транспортный коридор Дрезден/Нюрнберг – Прага – Вена/Братислава – Дьёр – Будапешт – Арад – Констанца/Крайова – София – Фессалоники/Пловдив – Стамбул протяженностью 3285 км призван интегрировать страны Чехию, Словакию, Венгрию, Румынию и Болгарию в единую сеть европейских коммуникаций и дать выход Западной Европе к Черному морю.

Пятый транспортный коридор Триест – Любляна – Будапешт – Львов/Братислава – Львов (автомобильный и железнодорожный) протяженностью 1595 км дает выход к свободному порту Триесту Словении, Словакии, Венгрии и Западной Украине.

Шестой транспортный коридор Гданьск – Катовице – Жилина протяженностью 1520 км дает выход Словакии к Балтийскому морю и укрепляет коммуникационную ось север – юг Польши.

Седьмой транспортный коридор (река Дунай) протяженностью около 1600 км объединяет все придунайские страны и его будущее зависит от geopolитической обстановки на Балканах. В результате военных конфликтов в бывшей Югославии дунайскому судоходству нанесен огромный урон.

Восьмой транспортный коридор Дуррес – Тирана – Скопье – София – Пловдив – Бургас – Варна (автомобильный и железнодорожный) протяженностью 905 км соединяет на Балканах порты Адриатического и Черного морей и дает к ним выход для Македонии. Девятый транспортный коридор Хельсинки – Санкт-Петербург – Москва/Псков – Киев Любашевка – Кишинев – Бухарест – Димитровград – Александруполис (автомобильный и железнодорожный) является самым протяженным (около 3400 км), замыкает на востоке коммуникационную сеть Европы и является современным аналогом исторического пути «из варяг в греки».

На сегодняшний день железнодорожный маршрут транспортного коридора №9 представлен так: Хельсинки – Балтийская – Санкт-Петербург – Москва – Суземка – Киев – Любашевка (с ответвлением на Одессу) – Кишинев – Бухарест – София – Александруполис (с от-

ветвлением на Киев) – Минск – Вильнюс – Калининград/Вильнюс – Клайпеда.

Десятый транспортный коридор: Зальцбург – Любляна – Загреб – Белград – София/Скопье – Салоники – протяженность 1000 км.

В XXI веке Западная Европа планирует получить непосредственный выход в Африку. По замыслу проектировщиков, первый тоннель под Гибралтарским проливом, связывающий Испанию и Морокко, сдадут в эксплуатацию не позднее 2025 года, по словам министра иностранных дел Испании Мигеля Анхеля Моратиноса, высказавшегося на форуме «Европа-Африка», проходившем в марокканском городе Аркила (Arcila). Это позволит приступить к формированию мультимодального коридора вокруг Средиземного моря, также к созданию трансафриканской магистрали от Александрии до Кейптауна. Таким образом, в будущем станет возможным кругосветное путешествие железнодорожным транспортом из Южной Африки через Евразию в Латинскую Америку.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что международные транспортные коридоры (МТК) способствуют организации транспортного и торгового сообщения, развитию экономических отношений между государствами, увеличивают уровень их конкурентоспособности. МТК координируют на генеральных направлениях транспорт общего пользования (железнодорожный, автомобильный, морской, трубопроводный) и телекоммуникации. В точках пересечения МТК, называемых коммуникационными узлами, действует преференциальный режим, призванный упрощать процессы оборота капитала и прохождения товаров, документов, денежных средств; концентрировать материальные, финансовые и информационные потоки; обеспечивать высокое качество обслуживания и уровня безопасности.

После падения «железного занавеса» Европа получила возможность наладить торговые отношения с Востоком, расширив тем самым свой рынок и предоставив своим гражданам свободный доступ на территорию Российской Федерации. Ситуация осложнена отсутствием в РФ, Белоруссии качественного дорожного покрытия и соответствующих коммуникаций. Развитие отношений в этой сфере продолжается и сегодня. В будущем на Евразийском континенте развернутся основные события по созданию трансконтинентальных транспортных коридоров между мировыми полюсами экономического и технологического развития в Западной Европе, АТР и Северной Америке.

Библиографический список (References)

1. Dergachev V.A. International economic relations. The textbook for universities, Moscow: UNITY-DANA, 2005. 368 p.
2. Mirotin L.B. Transport logistics. Textbook, Moscow: Exam, 2002. 511 p.
3. Nikiforov V.S. Multimodal transport and transport logistics. Textbook, Moscow: Translit, 2007. 324 p.
4. Uskov N.N., Venzik N.G. Management of foreign trade traffic: textbook, Moscow: state University of management, 2000. 115 p.
5. The Federal target program “Development of transport system of Russia (2010-2020), approved by the RF Government decree of 5 December 2001, N 848.

С.Г. ГОНТАРЬ

кандидат юридических наук, доцент, кафедра административного и муниципального права, Орловский государственный университет
E-mail: vers@inbox.ru

S.G. GONTAR

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative and Municipal Law, Orel State University
E-mail: vers@inbox.ru

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА ПРАВОТВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

INFLUENCE OF REGIONAL BODIES OF THE FEDERAL GOVERNMENT ON LEGISLATIVE ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENTS

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления при реализации последними их правотворческой деятельности.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, орган местного самоуправления, муниципальный нормативный акт.

The article examines the interaction of the regional bodies of the federal state authorities and local self-government in the implementation of their legislative activities.

Keywords: local law-making activities, local authorities, local regulation.

Конституция Российской Федерации закрепляет правовые основы местного самоуправления и его правотворчества, а именно: самостоятельность в решении населением всех вопросов местного значения, обособление органов местного самоуправления, многообразие организационных форм местного самоуправления, соразмерность муниципальных полномочий с материально-финансовыми ресурсами, взаимодействие органов местного самоуправления с иными органами власти, объединениями, организациями, гражданами и т.д., ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц перед населением.

Вместе с тем, закрепление самостоятельности органов местного самоуправления в Конституции Российской Федерации не означает полную изолированность указанных органов от иных органов власти, в том числе и в области осуществления правотворческой деятельности.

Так, в целях решения вопросов местного значения органы местного самоуправления принимают нормативные правовые акты, которые должны соответствовать вышестоящим нормативным актам, а именно: федеральным и региональным актам.

Необходимость принятия актов на всех уровнях власти объясняется тем, что ни один закон не может охватить все сферы деятельности органов местного самоуправления, поэтому организационно-правовые вопросы находят свое отражение в федеральных, региональных и, естественно, в муниципальных актах.

Система актов, которые могут быть приняты на муниципальном уровне, определена в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах

организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) [1]: устав муниципального образования, правовые акты, принятые на местном референдуме (сходе граждан); нормативные и иные правовые акты представительного органа муниципального образования; правовые акты главы муниципального образования, местной администрации и иных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, предусмотренных уставом муниципального образования.

Муниципальные нормативные правовые акты должны соответствовать вышестоящим нормативным правовым актам, этому, безусловно, способствуют факторы в самом муниципальном образовании, назовем их «внутренние», и факторы за пределами муниципального образования – «внешние».

К «внешним» факторам можно отнести противоречия и неясность норм в действующих нормативных правовых федеральных и региональных актах, что не позволяет на муниципальном уровне урегулировать все необходимые пробелы.

К «внутренним» факторам, которые не позволяют подготовить качественный правовой акт, стоит отнести низкий кадровый состав органов местного самоуправления, отсутствие сотрудников в органах с юридическим образованием.

Так, сельские поселения назвать самостоятельными и способными решать все возложенные на них полномочия, которых более 35, в настоящее время не представляется возможным, особенно в условиях дотационности поселений, близкой практически к 100 процентам, с низким кадровым и количественным составом

в органах местного самоуправления, большим объемом запросов и всевозможных отчетов для различных органов и организаций.

В целях повышения качества нормативных правовых актов органов местного самоуправления с 2009 года согласно статье 43.1 Федерального закона № 131-ФЗ все принятые нормативные акты органов местного самоуправления включаются в регистр нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

Данная деятельность в регионах осуществляется на основании собственных актов, например, в Орловской области принят Закон Орловской области от 8 декабря 2008 года № 847-ОЗ «О порядке организации и ведения регистра муниципальных нормативных правовых актов Орловской области», а также иные подзаконные акты: Положение об организации и ведении регистра муниципальных нормативных правовых актов Орловской области и административный регламент предоставления Аппаратом Губернатора и Правительства Орловской области государственной услуги по представлению сведений, содержащихся в регистре муниципальных нормативных правовых актов Орловской области.

Согласно вышеуказанным актам, уполномоченный на ведение регистра орган при включении в регистр акта проводит юридическую экспертизу. При выявлении в принятых муниципальных нормативных правовых актах нарушений действующего законодательства

уполномоченным органом (непосредственно правовым управлением) готовится экспертное заключение, которое с целью приведения акта в соответствие с действующим законодательством направляется руководителю органа местного самоуправления, принявшего акт.

Аналогичной практики придерживается большинство субъектов Российской Федерации. Кроме того, с целью повышения правовой грамотности сотрудников органов местного самоуправления специалистами уполномоченных государственных органов субъектов в рамках реализации государственной функции по ведению регистра муниципальных правовых актов в муниципальных образованиях проводятся также обучающие выездные семинары, готовятся модельные акты муниципальных правовых актов.

На основании вышеизложенного и имеющейся практики организации и ведения регистра муниципальных правовых актов в регионах можно сделать вывод, что данное взаимодействие региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления при реализации последними их правотворческой деятельности только положительным образом повлияло на качество принимаемых актов, а совершенствование этого взаимодействия, полагаем, положительным образом будет влиять на правоприменительную практику и в дальнейшем.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822. (с изм. и доп.).

References

1. Federal Law dated October 6, 2003 № 131-FL «On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Art. 3822. (Amended. And add.).
-
-

УДК 342.951

УДК 342.951

М.Ю. ГОРЛАЧ

доцент, кафедра теории государства и права, Орловский государственный университет

E-mail: mihail-gorlatsch@yandex.ru

Н.А. ДАНЬШИНА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права, Орловский государственный университет

E-mail: Danshin.s@mail.ru

M.YU. GORLACH

Associate Professor, Department of the Theory of Law and State Orel State University

E-mail: mihail-gorlatsch@yandex.ru

N. A. DANSHINA

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Orel State University

E-mail: Danshin.s@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

AT LEGAL REGULATION OF PUBLIC SERVICE ADVERTISEMENT

В настоящее время в России социальная реклама стала необходимой частью практически всех сторон жизни людей. Рынок рекламы, прежде всего, развивается количественно. Указанная реклама способствует привлечению общества к разрешению социальных проблем, связанных с общественной жизнью людей. С целью упорядоченности согласования потребности в социальной рекламе применяется правовое регулирование, осуществляющееся в соответствии со ст. 10 Федерального закона «О рекламе».

Ключевые слова: социальная реклама, закон, нормы, проблемы, общество.

At present time in Russia public service advertisement has become an integral part of practically all life aspects. The advertising market develops primarily quantitatively. The above-mentioned advertisement enables public engagement in solving social problems connected with the life of people. With the purpose of regulation the demands in public service advertisement the legal regulation is carried out in accordance with Article 10 of the Law on advertising.

Keywords: public service advertisement, law, standards, problems, society.

Слово «реклама» у многих ассоциируется исключительно с коммерцией. Однако уже в древнейшие времена существовала социальная реклама. Основным источником появления социальной рекламы является общественная жизнь, которая изобилует конфликтными ситуациями, противостоянием на уровне социальных групп и поэтому нуждается в созидательных стимулах и процессах. Во всем мире социальная реклама – важная составляющая мировоззрения и нравственного здоровья общества.

Социальная реклама – вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к жизненно важным проблемам общества и его нравственным ценностям. Предназначение социальной рекламы – гуманизация общества и формирование нравственных ценностей. Миссия социальной рекламы – изменение поведенческой модели общества.

Социальная реклама несет в себе информацию, представленную в сжатой, художественно выраженной форме. Она доводит до сознания и внимания людей наиболее важные факты и сведения об общественных проблемах и обращена ко всем и каждому. Возможности социальной рекламы достаточно широки, следовательно, социальную рекламу можно использовать как инструмент вовлечения общества в социальные процессы, и в этой связи интерес к социальной рекламе достаточ-

но велик. Чаще всего заказчиками социальной рекламы выступают государственные органы, некоммерческие организации, а рекламные агентства и распространители рекламы в ряде случаев изготавливают и размещают её на безвозмездной основе либо по сниженным ценам. Наиболее известными примерами такой рекламы являются компании по борьбе с наркотиками, соблюдению правил дорожного движения, пропаганда здорового образа жизни, охрана окружающей среды и другие.

Основателями социальной рекламы считаются США и Великобритания. Важнейшим участником рынка социальной рекламы за рубежом является государство. С момента зарождения социальной рекламы в США существует специальный орган – Рекламный совет, координирующий деятельность правительственные, общественные и коммерческих организаций в области социальной рекламы. Ежегодно рекламный совет проводит около сорока компаний, связанных с образованием, улучшением жизни детей, профилактикой заболеваний, охраной окружающей среды, предотвращением конфликтов в семье и другие. Социальная реклама в Великобритании заказывается правительством, финансируется из бюджета и оплачивается наряду с обычными коммерческими заказами. Корпорация BBC имеет специально оговоренный пункт в своем уставе о размещении социальной рекламы. В Великобритании для координации социальной

рекламы был создан «Центральный офис информации при правительстве», который существует с 1946 года. Он создан на базе Министерства пропаганды, существовавшего и в годы Второй мировой войны. Основной целью является сбор заказов от всех правительственные органов и распределение их между различными рекламными агентствами. Центральный офис информации при правительстве является единым заказчиком перед СМИ.

В России социальная реклама вплоть до конца XX века не рассматривалась как отдельный институт. В советском государстве она выполняла пропагандистско-агитационную функцию, затем функцию пропаганды, информационно-коммуникационную, имиджевую, воспитательную. В 1993 в России был образован негосударственный Рекламный совет, в состав которого вошли как производители, так и распространители рекламы. Одной из основных целей являлось создание единых рекламных продуктов по социальной проблематике. Члены совета разрабатывали макеты социальных компаний для печатных СМИ, видео- и аудиоролики. В 2011 году в Москве при АКАР (Ассоциация Коммуникативных Агентств России) была создана комиссия по социальной рекламе. Реклама в России очень быстро стала необходимой частью практических всех сторон жизни людей.

Основными задачами социальной рекламы являются: гуманистическая – привлечение общества к разрешению социальных проблем, образовательная – заключается не только в продвижении личностей и товаров, но и в наиболее детальной раскрутке «вечных» ценностей.

Для реализации социальной рекламы используются плакаты, заставки, клипы, щиты, листовки, значки и другая атрибутика, эмблемы на товарах массового потребления, граффити, компьютерная графика, комиксы, фотография, карикатура. Реклама может быть представлена также и в литературной форме в виде: сценария спектакля, слогана, стихотворения, частушек, сказок, сочинения, актуального репортажа, фельетона, басни.

Установлено, что наиболее популярными методами социальной рекламы являются: устная реклама, фотография, социальный плакат, листовки. Устная реклама является средством информации, передающейся посредством радио. До и после Октябрьского переворота в России радио было очень существенным инструментом воздействия на население. Радио использовалось для целей социальной рекламы и во времена Первой мировой войны. По радио передавались не только фронтовые новости, но и активно создавались героические образы. Фотография стала неотъемлемым элементом социальной рекламы. Она придает ощущение большей достоверности тексту. У людей возникает ощущение причастности к событиям, изображенным на фотографии, сопреживание ее героям. Вместе с тем, фотография – это интерпретация специального замысла фотографа, а не объективная регистрация событий. При этом на интерпретацию влияет весь наш личный опыт и культурная среда. В фотографии используются различные символы, и для правильной интерпретации образа

в социальной рекламе необходимо, чтобы эти символы были хорошо знакомы аудитории и ею понимаемы. Социальный плакат как средство социальной рекламы и пропаганды имеет глубокие исторические корни. Плакаты Первой мировой войны разделяют на три большие категории – первая связана с рекрутствием солдат в армию, вторая – сбором денег на войну, третья категория плакатов – демонстрация своей страны и мира лица врага. Эти плакаты во всех странах удивительно похожи по своей графической структуре и социальному предназначению. Они выполняли две важные функции – информировать и создавать четкий негативный образ врага у населения, а потом способствовали настрою на уничтожение противника и помочь всеми силами своему государству. Социальные плакаты способствуют формированию установок, идей, этических принципов, убеждений и стереотипов, однако их главной функцией является склонение читателей к действию. Глубина, сила реакций изобретателей на политическую рекламу зависит от степени идентификации с теми идеями, которые в ней содержатся. Жанр листовки как форма социальной рекламы также имеет давнюю историю. Во время Первой мировой войны листовки разбрасывались с самолета, и не случайно на польском языке слово листовка звучит как «улетка». Листовки различны по своим функциям: информирующие и дезинформирующие, призывающие к действиям и вызывающие депрессивные настроения, создающие смысл и лишающие смысл.

Тематика социальной рекламы определяется наиболее существенными проблемами общества, например, такими как: Безопасность жизнедеятельности города/в городе (экология города, профилактика преступности, дорожно-транспортные проблемы, развитие городской инфраструктуры, проблемы бездомных и беженцев, борьба с мусором и т.д.). Проблемы достижения равных прав и социальных гарантий (права женщин, пожилых людей, профилактика семейного насилия, толерантное отношение к инвалидам, развитие систем социального страхования от экологических рисков и т.д.). Экологические проблемы (радиационная, химическая безопасность, пропаганда идеи рационального природопользования и т.д.).

Общеизвестно, что основными видами социальной рекламы являются: реклама ценностей и информационная реклама, продвигающие социальные программы, услуги, организации.

Реклама ценностей существует во всем мире. Она философски цельна и поэтому, как правило, не требует присутствие бренда создателя.

Информационная социальная реклама – это значимый вид рекламы в нашей жизни, который привлекает внимание к очень важным проблемам общества, к социальным программам и возможностям их решения. Главное в этой рекламе – наличие обратной связи. Если точно, остро и ярко вскрывается проблема, то социальная ответственность такой рекламы заключается в том, чтобы дать зрителям возможность выбора путей решения этой проблемы или реакций на нее.

Подвидами социальной рекламы являются: некоммерческая, общественная, государственная, собственно социальная.

1. Некоммерческая реклама – реклама, спонсируемая некоммерческими институтами или в их интересах и имеющая целью стимулирование пожертвований, призыв голосовать в чью-либо пользу или привлечение внимания к делам общества.

2. Общественная реклама передает сообщения, пропагандирующие какое-либо позитивное явление. Профессионалы создают ее бесплатно (корректнее говорить об этической позиции отказа от прибыли). Место и время прохождения рекламы в СМИ также предоставляются на некоммерческой основе.

3. Государственная реклама – это реклама государственных институтов (таких как армия, военно-воздушные силы, налоговая полиция) и продвижение интересов.

4. Социальная реклама – вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям, направленный на актуализацию проблем общества.

В целях необходимости согласования потребностей интересов как отдельного человека, так и общества людей с учетом их определенной степени организованности и упорядоченности осуществляется социальное регулирование, т.е. целенаправленное воздействие на поведение людей. Регулирование может быть как внешним по отношению к человеку (кто-то каким-либо образом воздействует на него), так и внутренним (саморегулирование). На всем протяжении своего развития общество выработало многообразную систему средств и способов регламентации поведения людей. Средства отвечают на вопрос, чем регулируется поведение людей, а способы – как осуществляется это целенаправленное воздействие. К средствам социального регулирования относят

прежде всего социальные нормы: правовые (юридические), моральные, корпоративные, обычаи и др. Но норма – хотя и основное, далеко не единственное средство воздействия на поведение людей: средствами регулирования являются также индивидуальные предписания, властные веления, меры физического, психического, организационного принуждения и т.д. В системе социального регулирования важнейшая роль принадлежит правовому регулированию, под которым в узком смысле понимается воздействие норм права (системы правовых норм), других специально-юридических средств на поведение людей и на общественные отношения в целях их упорядочения и прогрессивного развития. В новых экономических условиях государство, предоставляя хозяйствующим субъектам свободу предпринимательской деятельности, не может дистанцироваться от правового регулирования рекламного рынка, поскольку это чревато серьезными негативными последствиями как для рыночных отношений, так и для общества в целом. Правовое регулирование отношений, складывающихся по поводу социальной рекламы, осуществляется в соответствии со ст. 10 Закона «О рекламе». В сферу правового регулирования входят те отношения, которые имеют определенные признаки. Это отношения, в которых находят отражение и индивидуальные интересы членов общества, и общесоциальные. А также, в этих отношениях необходимость реализовать взаимные интересы их участников, каждый из которых идет на какое-то ущемление своих интересов ради удовлетворения интересов другого. Эти отношения строятся на основе согласия по выполнению определенных правил, признания обязательности этих правил. Данные отношения требуют соблюдения правил, обязательность которых подкреплена достаточно действенной силой. Таким образом установлено, что в связи с экономическим развитием страны роль социальной рекламы приобретает всевозрастающее значение.

Библиографический список

1. Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Авторское право и смежное право. М., 2010.
2. Васильев Г.А., Поляков В.А. Основы рекламы. М., 2006.
3. Паршнцева Н. Социальная реклама. М., 2004.
4. Толкачев А.Н. Реклама и рекламная деятельность в России. М., 2008.
5. Феофанов О. Реклама. Новые технологии в России.
6. Ковалев А.В. Особенности функционирования и тенденции развития российской социальной рекламы в XX веке и ее модернизация. 2006.
7. Петриченко А.Н. Социальная наружная реклама. 2006.
8. Ляпоров В. Социальная реклама и бизнес. 2003.
9. Ковалев А.В. Правовое регулирование как условие развития социальной рекламы в современном российском обществе. 2006.
10. Некрасов И.В. Правовое регулирование рекламы. 2007.

References

1. Bliznetz I. A., Leontyev K. B. Copyright and adjacent the right M., 2010.
2. Vasilyev G. A., Polyakov V. A. The Fundamentals of Advertisement. M., 2006.
3. Parshantzeva N. Public Service Advertisement. M., 2004.
4. Tolkachyov A. N. Advertisemet and Advertising Activities in Russia. M., 2008.
5. Feofanov O. Advertisement. New Technologies in Russia».
6. Kovalyov A. V. The Peculiarities of Functioning and the Major Tendencies in the Development of Public Service Announcement in the twentieth century and its modernization. 2006.
7. Petrichenko A. N. Public Outdoor Advertising. 2006.
8. Lyaporov V. Public Service Advertisement and Business, 2003.
9. Kovalyov A. V. Legal Regulation as the conditions of Public Service Advertisement in the Russian Society , 2006.
10. Nekrasov I. V. The Legal Regulation of Advertisement , 2007

Н.Ю. ДАВЫДОВА

аспирант, кафедра истории государства и права, Орловский государственный университет
E-mail: nauka-ogu@mail.ru

N.Y. DAVIDOVA

Graduate student, Department of history of state and law,
Orel State University
E-mail: nauka-ogu@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ В РОССИИ АВТОРСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

THE QUESTION OF THE APPEARANCE OF THE COPYRIGHT LEGAL RELATIONSHIPS IN RUSSIA

Статья раскрывает особенности зарождения в России книжного дела. Рассматриваются предпосылки возникновения авторских правоотношений в древнерусский период отечественной истории. В работе акцентируется внимание на субъектном составе авторских правоотношений в Древней Руси.

Ключевые слова: авторское право, рукописи, книгоиздание.

The article reveals the features of origin of the Russian book industry. The background of copyright relations in the ancient period of Russian history is considered. The paper focuses on the subject composition of copyright relations in ancient Russia.

Keywords: copyright, manuscripts, book publishing.

Несмотря на специфичный эволюционный путь, который прошло отечественное право, возникновение авторских правоотношений в России во многом было связано с теми же факторами, что и в большинстве европейских государств. В первую очередь это касается развития книгопечатания и книжного дела. Именно поэтому зарождение авторских правоотношений в России нельзя рассматривать вне контекста становления права литературной собственности.

Следует отметить, что «исторический ход развития авторского права главным образом касался литературной собственности, понятие которой, в его экономических и юридических основаниях, распространялось на музыкальную и художественную собственность, а впоследствии также и на фотографическую собственность» [2, с. 1].

Долгое время под литературной собственностью понимали исключительное право, которое принадлежало автору, на воспроизведение и продажу своих произведений. Право это имело схожие черты с правом собственности и вошло в российское дореволюционное законодательство как один из видов собственности. В таком виде право литературной собственности просуществовало в России до начала XX века, когда выражение «собственность» относительно к произведениям творчества постепенно ушло из оборота. Только в XX веке право авторов на их произведения стало именоваться «авторским правом». Также это понятие стало определять и исключительное право автора размножать созданное им произведение всевозможными способами.

В целом законодательное закрепление авторских правоотношений в России затянулось, что было связано с причинами общекультурного характера, и, прежде всего с медленным формированием идеи авторства [7,

с. 137]. Восприятие российским обществом ценности и значимости литературного труда было связано с процессом создания первых рукописей. Значительный период российской истории книга как литературный труд была представлена исключительно в виде летописей. В этой связи справедливым является замечание Н.Н. Доцика, подчеркивающего, что летописи представляли собой тексты надличностного характера, созданные как бы церковью и государством, а не индивидуальным автором [1, с. 49]. Рукописные книги XI–XIV вв., фактически являющиеся древнейшими памятниками письменности, приобретались как для пожертвования в монастырь, так и для личного пользования.

В качестве обязательного субъекта авторских правоотношений в России XI–XVII вв. следует рассматривать писцов, которые переписывали и составляли рукописи, иконописцев, а также авторов книжных миниатюр [8, с. 153]. Сам процесс переписывания книг был сложным и трудоемким, что в конечном итоге и обусловило недостаточную распространенность книгопечатания на Руси. Несмотря на то, что создание книги требовало значительных финансовых затрат и много времени, авторы оригинальных литературных произведений не могли рассчитывать на вознаграждение и были вынуждены ограничиваться лишь общественным признанием ценности своего труда. При этом цена рукописных книг была достаточно высокой. Таким образом, с одной стороны, рукописные книги имели высокую цену, с другой – за их авторами не признавалось и не закреплялось право собственности на литературный труд.

Такая ситуация была связана с тем, что в этот исторический период собственность на книгу закреплялась за иным субъектом авторских правоотношений – инициатором ее создания и переписки. В итоге, первона-

чальным владельцем книги являлся переписчик, при условии, что он по своей инициативе создавал книгу, или заказчик, по замыслу которого переписчик работал. В дальнейшем все права на книгу и сама книга передавались законному приобретателю. Таким образом, появление первых рукописей привело к возникновению особых отношений между заказчиками и переписчиками книг.

Достаточно распространенной была ситуация, когда произведения создавались под определенного заказчика с автоматическим закреплением за ним всех прав на рукопись. Традиционно первой русской книгой, созданной для конкретного заказчика, принято рассматривать Остромирово Евангелие, на последней странице которого писец называет свое имя: «Аз Григорий диакон написах Евангелие сие». Начал он свой труд 21 октября 1056 г., а закончил 12 мая 1057 г. Книгу он написал по заказу человека, которого звали «в крещении Иосиф, а миръски Остромир» [5, с. 13].

Примечательно и то обстоятельство, что именно заказчик определял основное содержание книги в Древней Руси. Качество оформления рукописи зависело, во-первых, от финансовых возможностей заказчика, а во-вторых, от способностей переписчика. В этот период закрепилась практика авансовых платежей переписчику, что было связано с рядом объективных причин: необходимостью закупки переписчиком материалов для изготовления книги.

На наш взгляд, было бы преувеличением утверждение, что в Древней Руси нарушались права авторов литературных произведений. Связано это с тем, что оригинальная литература в этот период практически отсутствовала, а большинство книг представляло собой переводы церковных, преимущественно библейских, материалов. Кроме того, даже оригинальные книги часто содержали значительные заимствования из Библии. Нередко одни жития содержательно повторяли ранее написанные жития. Несмотря на то, что же «Повесть временных лет» отличалась высокой степенью оригинальности, данное произведение (как и многие другие летописи) фактически представляло собой текст публичного характера. Поэтому потребность в закреплении права одного субъекта-автора на конкретное литературное произведение в древнерусском обществе отсутствовала. Более того, книга нередко рассматривалась как проявление Божьей благодати. Многочисленные заимствования в текстах в рамках сознания древнерусского читателя не рассматривались в качестве plagiarisma. Не возникало потребности и в создании института цензуры, поскольку не было необходимости в идентификации автора запрещенной литературы: еретические книги сразу уничтожались.

Вместе с тем очевидно, что переписчики не всегда ограничивались автоматической перепиской текста. Они дополняли переписанные тексты своими комментариями и приписками: «Все люди спят, а мы, два писца, не спим», «книга, книга, уже ми от тобя тошно... Рад есь так, что уж маленько писать...» [6, с. 7]. Часто рукописи

в конце сопровождались послесловием писца – небольшим историографическим произведением. Например, жанр летописи разрешал множественные дополнения в тексте. Также следует отметить, что переписчики, или, по-другому, книжники Древней Руси, могли по-разному относиться к тексту, который они переписывали. Как верно замечает Д.С. Лихачев, «индивидуальность» писца была разная в различных случаях. Церковный текст переписчик мог только копировать или «исправлять» его по другим текстам, а к летописным текстам писец относился свободнее, вставляя в него фрагменты собственного сочинения или сочинений других летописцев. «Индивидуальность» книжника сталкивалась с «индивидуальностью» текста, который переписывался [4, с. 59].

Один и тот же текст мог переписываться несколькими «доброписцами», а также их помощниками-учениками. Определенный контроль за содержанием переписываемой книги мог осуществлять ее заказчик, который изначально мог предписывать писцу свое отношение к тексту. Например, сборник Иверского монастыря, которому придавалось значение общерусской святыни, поддерживал идею о единстве славян: «Напечатана сия книга... во общую пользу и спасение душам всего православного Российского рода и словенского многочисленного языка» [3, с. 200].

Что касается материальной оценки труда переписчиков книг, то оценивался он достаточно высоко, так как работа над рукописью была длительной, а материалы для ее изготовления также имели высокую цену. К сожалению, до нашего времени практически не сохранилось никаких документальных свидетельств об организации книжного дела в рукописных мастерских. Нередко книги переписывали профессиональные писцы, основным занятием которых было не изготовление книг, а ведение канцелярии в монастырях и княжеских домах.

В XVI в. древнерусские книги начинают выступать в качестве предмета купли-продажи. Это наводит на мысль о том, что в данный период часть рукописей стала изготавливаться непосредственно на продажу. Косвенным подтверждением этому служит то, что на рукописях данного периода обнаруживаются не только записи о времени и причинах написания рукописи, а также записи о владельце, но и запродаочные записи. Последние юридически закрепляли переход книги от владельца к покупателю, именно поэтому ряд запродаочных записей представляет собой некий аналог письменной сделки. Запродающая запись являлась свидетельством законности приобретения книги. Большинство таких записей содержали имена продавца и покупателя и дату продажи книги. М.Д. Чупова в своем исследовании в качестве примера указывает запродающую надпись 1552 года на экземпляре Канонника, оформленную в виде расписок продавца и покупателя. Купчую составили в присутствии послуха. Каждая из сторон оговорила, что добровольно согласилась на куплю-продажу. Книга была продана «без выкупа» – продавец и его законные наследники отказались от пра-

ва выкупа [9, с. 23].

Система книгопечатания формировалась на Руси достаточно медленно. Постепенный переход от рукописных книг к изготовленным типографским способом связан с созданием Московского печатного двора. Однако еще продолжительный исторический период, практически до середины XVII в., переписывание книг вручную сосуществовало параллельно с книгопечат-

нием. В это же время меняется ментальность русского человека: наблюдается постепенный перенос акцентов с публичного, общественного к личному, индивидуальному. Изменение отношения общества к создателю книги послужило определенным толчком к дальнейшему более продуктивному этапу развития авторского права в России.

Библиографический список

1. *Доцик Н.Н.* Авторское право в России (XVIII – начало XX вв.): Дисс...канд. юр. наук: 12.00.01. М, 2008.
2. *Канторович Я.А.* Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. СПб., 1911.
3. Литература Древней Руси. Источниковедение. Сборник научных трудов. Отв. ред. Д.С. Лихачев. Ленинград. «Наука». Ленинградское отделение. 1988.
4. *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X – XVII веков. Издание второе, переработанное и дополненное. Ленинград. «Наука». Ленинградское отделение. 1983.
5. *Немировский Е.Л.* Путешествие к истокам русского книгопечатания. М., 1991.
6. *Овсянников Ю.М.* Ради братий своих... М., 1975.
7. *Рейтблат А.И.* Материалы к истории авторского права в России в первой трети XIX в. Исследования и материалы. Сб. 65. М., 1993.
8. Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. Т.2. Н – Я / Автор-составитель В.В. Богуславский. М.: Онма Пресс, 2004.
9. *Чупова М.Д.* История авторского права в России XX века: Дисс...канд. юр. наук: 12.00.01. М, 2000.

References

1. *Dotsik N.N.* Copyright in Russia (XVIII - beginning of XX centuries.): Diss ... cand. jur. sciences: 12.00.01. M, 2008.
 2. *Kantorovich J.A.* Copyright in a literary muse-cal, artistic and photographic works. SPb., 1911.
 3. Literature of Ancient Rus. Chronology. Collection of scientific works. Ed. D.S. Likhachev. Leningrad, 1988.
 4. *Likhachev D.S.* Textology. Based on the material of Russian literature of X - XVII centuries. Second edition, revised and enlarged. Leningrad, 1983.
 5. *Nemirovsky E.L.* Journey to the origins of Russian typography. M., 1991.
 6. *Ovsyannikov Y.M.* For the sake of his brethren ... M. 1975.
 7. *Reytblat A.I.* Materials for the history of copyright in Russia in the first third of the XIX century. Research and Materials. Coll. 65. М., 1993.
 8. Slavic Encyclopedia. XVII century: in 2 vol. V.2. N - Ya / Author - compiler V.V. Boguslavskiy. M, 2004.
 9. *Chupova M.D.* The history of copyright in Russia XX Century: Diss ... cand. jur. Sciences: 12.00.01. M, 2000.
-
-

Н.А. ДАНЬШИНА
кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права, Орловский государственный университет
E-mail: Danshin.s@mail.ru

N.A. DANSHINA
Candidate of Law, Associate Professor, Department of
Civil Law, Orel State University
E-mail: Danshin.s@mail.ru

МЕСТО ДОГОВОРНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

THE PLACE OF CONTRACT LAW IN THE SYSTEM OF LAW BRANCHES

Договорное право охраняет интерес отдельных лиц. Особенности его проявляются во взаимодействии с другими правовыми нормами, отраслями, институтами. При исследовании договорного права прослеживается механизм взаимодействия с другими компонентами системы права, выявляются точки соприкосновения с такими компонентами, и выделяются внутриотраслевые и внешнеотраслевые связи договорного права.

Ключевые слова: система права, договоры, право, правовые нормы.

Contract Law protects the interests of individuals. Its peculiarities are manifested in its interconnection with other civil law norms, branches institutions. While studying Contract Law one can trace the mechanism of interconnection with the other parts of legal system, see the common ground and thus, single out intra-branch and outer-branch connections of Contract law.

Keywords: legal system, contracts, law, civil law norms.

Развитие нашей страны в условиях рыночной экономики привело к расширению сферы договорного регулирования отношений в различных отраслях деятельности. Тенденция к повышению роли договора стала проявляться в последние годы во всевозрастающем объеме. Эта тенденция в первую очередь связана с коренной перестройкой экономической системы страны. Ключевое значение для такой перестройки имело признание частной собственности и постепенное занятие ею командных высот в экономике, сужение до необходимых пределов государственного регулирования хозяйственной сферы, установление свободы выбора контрагентов и реализация других основ нового гражданского законодательства, о которых идет речь в п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса 1994–1995 гг.

Применение договоров на протяжении уже нескольких тысяч лет объясняется помимо прочего тем, что речь идет о гибкой правовой форме, в которую могут облекаться различные по характеру общественные отношения. Основное назначение договора сводится к регулированию в рамках закона поведения людей путем указания на пределы их возможного и должно поведения, а равно последствия нарушения соответствующих требований.

Договорное право является частью системы права, это позволяет определить самостоятельность договорного права как правового института и докажет возможность существования межотраслевых связей договорного права.

Анализируя систематичный подход в исследовании права, следует отметить, что системный подход

– это ракурс исследования, предполагающий рассмотрение объекта как сложного, многокачественного явления, состоящего из элементов, связи между которыми образуют его относительно неизменную структуру и обеспечивают ею целостность.

Системный подход исходит из того, что ни одно явление, и в том числе правовое, не может существовать объективно, обособленно, в отрыве от других правовых элементов. Так и договорное право, которое является самостоятельным правовым явлением, нельзя рассматривать обособленно, в отрыве от других правовых элементов. Особенности договорного права проявляются во взаимодействии его с другими правовыми нормами, отраслями, институтами. Системный подход к исследованию договорного права позволяет проследить механизм взаимодействия его с другими компонентами системы права, выявить точки его соприкосновения с такими компонентами и, выделить внутриотраслевые и межотраслевые связи договорного права.

Наиболее четко и емко систему права характеризует определение, предложенное Д.А. Липинским: под системой права понимается его объективно сложившаяся внутренняя структура, состоящая из взаимосогласованных элементов (норм, институтов, подотраслей и отраслей права).

Система договорного права включает в себя элементы (разделы), определяющие общие положения о договоре и различные виды договоров в зависимости от предмета договора. Система договорного права состоит из общей и особенной части. Общая часть содержит правовые нормы, определяющие понятие и признаки

договора, принципы договора, структуру договора, порядок заключения, изменения и расторжения договора, классификации договора. Особенная часть представлена группами правовых норм, объединенных предметом и сущностью того или иного вида договора. Первый элемент особенной части договорного права объединяет в себя нормы, регламентирующие передачу имущества, денежных средств, а также исключительных прав в собственность, во временное владение и пользование, в хозяйственное ведение или оперативное управление.

К таким договорам, согласно Гражданскому кодексу РФ, относятся:

- договор купли-продажи и его разновидности (розничная купля-продажа, поставка товаров, контрактация, энергоснабжение, продажа недвижимости, продажа предприятия);
- договор мены;
- договор дарения;
- договор ренты и его разновидности (постоянная рента, пожизненная рента, пожизненное содержание с иждивением);
- договор аренды и его виды (договор проката, аренда транспортных средств, аренда зданий и сооружений, аренда предприятий, финансовая аренда);
- договор найма жилого помещения;
- договор безвозмездного пользования (договор ссуды);
- договор займа;
- договор коммерческой концессии.

Содержание второго структурного элемента системы договорного права составляют договоры о выполнении работ:

- договор подряда и его разновидности (бытовой подряд, строительный подряд на выполнение проектных и изыскательских работ, подряд на выполнение работ для государственных или муниципальных нужд);
- договор на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ.

Договор об оказании услуг – следующий элемент в системе договорного права. Далее следует группа правовых норм, объединившая договоры, связанные с перевозкой товаров, пассажиров: договор фрахтования, договор транспортной экспедиции.

Отдельно в системе гражданско-правовых договоров можно выделить договор финансирования под уступку денежного требования.

Договоры о предоставлении банковских услуг и операций кредитными организациями: кредитный договор, договор банковского вклада, договор банковского счета, расчеты составляют шестой элемент структуры договорного права.

Следующими в системе договоров являются договоры хранения: хранение на товарном складе и специальные виды хранения. Договоры страхования: страхование ответственности, страхование предпринимательского риска, личное страхование, обязательное страхование также составляют отдельный структурный элемент системы договорного права.

Особенная часть договорного права – это и так называемые посреднические договоры: договор поручения, договор комиссии и агентский договор. В систему договорного права также входит договор простого товарищества, направленный на создание коллективного образования индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций.

Некоторыми особенностями, не характерными для договорных отношений, обладают такие виды обязательств, входящих в систему особенной части договорного права, как публичное обещание награды, публичный конкурс, проведение игр и пари.

Кроме этого, система права состоит из двух больших блоков, «суперотраслей», являющихся первым уровнем системы, – публичного и частного права. На основное различие публичного и частного права впервые в литературе указывает Ульпиан, юрист римской республики классического периода: «Публичное право есть то, которое относится к положению римского государства; частное – которое относится к пользе отдельных лиц». В основе данного разграничения лежит интерес. И в настоящее время большинство юристов являются сторонниками такого критерия разграничения.

Поскольку договорное право охраняет интерес отдельных лиц, оно является элементом частного права. Частное право, в свою очередь, также представляет собой систему, состоящую из четырех самостоятельных отраслей: гражданского права, семейного, трудового и международного частного права. Таким образом, вторым уровнем системы права является самостоятельная отрасль права. Поскольку договорное право является частью гражданского права, предметом дальнейшего рассмотрения будет отрасль гражданского права. Гражданское право – это система правовых норм, составляющих основное содержание частного права и регулирующих имущественные и связанные с ним иные неимущественные отношения, основанные на независимости и имущественной самостоятельности их участников, методом юридического равенства сторон в целях наделения частных лиц возможностями самоорганизации их деятельности по удовлетворению своих потребностей и интересов. Составными частями гражданского права являются его общая и особенная части.

Существует несколько точек зрения относительно места договорного права в системе гражданского права. В соответствии с первым мнением, представленным учеными М.И. Брагинским и В.В. Витрянским, специалистами в области договорного права, договорное право представляет собой институт особенной части гражданского права.

Согласно второй точке зрения, сторонником которой выступает профессор Е.Л. Суханов, договорное право является институтом обязательственного права, поскольку договор – это лишь одно из оснований возникновения обязательственного правоотношения наряду с такими, как односторонние сделки, причинение вреда, неосновательное обогащение и другие. Обязательственное правоотношение является отно-

сительным. В противоположность правоотношениям абсолютным, в которых у правомоченному лицу противостоит неопределенный круг обязанных лиц (всякий и каждый), обязательственное правоотношение устанавливается между строго определенными лицами и затрагивает прочих. В отличие от правоотношений вещных, в которых интерес у правомоченного лица удовлетворяется посредством его собственных действий, в обязательственном правоотношении интерес кредитора удовлетворяется за счет действий должника. Если вещные правоотношения отражают статику имущественных отношений (закрепленность имущества за определенными субъектами), то с помощью обязательственных правоотношений в основном опосредуется динамика – перемещение имущества от одних лиц к другим. В качестве оснований возникновения обязательственных правоотношений могут выступать самые разнообразные юридические факты (п. 2 ст. 307 ГК), из которых ведущую роль играет договор. Многие из обязательственных договоров указаны в разделе IV ГК. Однако с учетом принципа свободы договора (ст. 1, 421 ГК) обязательства могут порождаться и договором, хотя и не предусмотренным в законе, но не противоречащим ему. Возможным основанием возникновения обязательственных отношений может явиться и смешанный договор, т.е. такой, в котором сочетаются элементы различных договоров (п. 3 ст. 421 ГК). Действительно, до-

говорные правоотношения, по сути, разновидность обязательственных отношений, а договор – фактически обязательство между двумя и более сторонами.

Особенная часть гражданского права состоит из пяти подотраслей (третий уровень системы права) гражданского права: вещное право, исключительные права, обязательственное право, обязательства из неосновательного обогащения, наследственное право и обязательственное право. Обязательственное право также представляет собой систему и делится, в свою очередь, на следующие элементы: общую часть обязательственного права, нормы о внедоговорных (правоохранительных) обязательствах и собственно договорное право. Таким образом, договорное право представляет собой четвертый уровень системы права – правовой институт. Договорное право – это институт обязательственного права, представляющий собой систему правовых норм, регулирующих общие положения заключения, исполнения, изменения и расторжения договоров, а также регламентирующих особенности правового регулирования отдельных видов гражданско-правовых договоров.

Таким образом, мы выявили место договорного права в общей системе российского права: договорное право – это самостоятельный институт подотрасли обязательственного права особенной части отрасли гражданского права, входящей в суперотрасль частного права общей системы права РФ.

Библиографический список

1. Кавелин К. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству. СПб., 1879. С. 111.
2. Пасек Е. В. Неимущественный интерес в обязательстве. Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. М., 2003. С. 128.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2007.
4. Голованов Н. М. Обязательственное право: Система обязательств. Виды договоров. Спб., 2002.
5. Гражданское право России. Часть вторая: Обязательственное право: Курс лекций. М., 1998.
6. Подхолзин Б. А. Договор, обязательства, сделки: Юридические комментарии. Судебная практика. Образцы договоров. М., 2002.
7. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть 1, 2, 3. / Под. ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Ю. Кабалкина, А. Г. Лисицына-Светланова. М.: Юрайт, 2007.
8. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М., 2006.
9. Кабалкин А. Ю. Взаимодействие договоров с иными категориями российского права. Государство и право. 2005. №9
10. Обыденнов А. Н. Предмет и объект как существенные условия гражданско-правового договора. Журнал российского права. 2003. №8.

References

1. Kavelin K. «Assets and Liabilities in Russian Law» St.P. 1879. P.111.
2. Pasek E. V. «Non Property Interest» in the undertaking. Non-property interest and irresistible force in civil law. M., 2003, P. 128.
3. Braginski M. I., Vitryanski V. V. Contract Law. Book II; Contracts of assignation» M., Status, 2007.
4. Golovanov N. M. Law of Obligation. A System Obligation. St. P. 2002.
5. Civil Law in Russia. Part II. A Book of Lectures. M; 1998.
6. Podholzin B. A. Contract, Obligation, Bargains. Juridical Comments. Juridical Practice. M., 2002.
7. Omments on the Civil Code of the Russian Federation. Parts 1, 2, 3. Under the editorship of T. E. Abova; M. M. Boguslavskii; Kabalkina A. Y. «Yoright», 2007.
8. Romanetz Y. V. A System of Contracts in Russian Civil Law. N, 2006.
9. Kabalkin A. Y. The interconnection of contracts with other categories of Russian Law. «State and Law» 2005, №9.
10. Obydennov A. N. «The Subject and object viewed as the essential conditions of Civil Law Contract». «Journal of Russian Law», 2003. №8.

Н.А. ДАНЬШИНА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права, Орловский государственный университет

E-mail: Danshin.s@mail.ru

N.A. DANSHINA

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Orel State University

E-mail: Danshin.s@mail.ru

СВЯЗЬ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ДОГОВОРНОГО ПРАВА

THE CONNECTION BETWEEN CONTRACT LAW AND CIVIL LAW

Общепринято, что договорное право представляет собой систему гражданско-правовых норм, регулирующих отношения, связанные с заключением, содержанием, формой, действием, исполнением, изменением и прекращением гражданско-правового договора, а также иные отношения, основанные на договорах или тем или иным образом связанные с ними. Общественные отношения, которые регулируются гражданским правом, составляют предмет договорного права.

Ключевые слова: договоры, общественные отношения, отрасли права, субъект.

It is generally accepted that contract law presents a system of civil law norms, regulating the relations, connected with drawing-up a contract, its contents, its form, its execution, its changes and the termination of the contract, and other relations, based on contracts or in a way connected with them. Social relation, regulated by Civil Law, make up the subject of Contract Law.

Keywords: contracts, social relations, law branches, the subject.

Для того чтобы выявить связь между гражданским и договорным правом необходимо дать им определение.

Гражданское право – одна из основных, важнейших частей всякой развитой правовой системы. Термин «гражданское право» берет свое начало от римского «цивильного права» (jus civile), под которым понималось право исконных римских граждан – квиритов (cives), право государства-города (civitas). В дальнейшем известный процесс рецепции (затмствования) римского частного права европейскими правопорядками привёл к переносу этого понятия в современную юридическую терминологию (Zivilrecht, droit civil, civil law), где оно стало привычным, традиционным наименованием одной из наиболее крупных, фундаментальных правовых отраслей.

Именно с имущественными отношениями имеет дело гражданское право, так как гражданское право – наука о правах и обязанностях, определяющих отношения граждан между собой в качестве частных лиц.

Гражданское право есть совокупность юридических норм, опосредующих частные отношения отдельных лиц в обществе, сфера которых очерчена частными лицами и их частными интересами. Именно в гражданском праве субъекты прав и обязанностей имеют равный статус, правоотношения возникают преимущественно из частных соглашений и зачастую ими же регулируются, а осуществление и защита права представляют личное дело конкретного заинтересованного лица.

Многие ученые считают, что отечественное гражданское право, в сущности, вообще никогда не утрачивав-

ло своих частноправовых начал, просто на современном этапе их роль усилилась. Результатом стал классический частноправовой вариант цивилистики. Поэтому и гражданское право нередко называют цивилистикой, а специалистов в этой области – цивилистами.

Что же касается договорного права, то оно представляет собой систему гражданско-правовых норм, регулирующих отношения, связанные с заключением, содержанием, формой, действием, исполнением, изменением и прекращением гражданско-правового договора, а также иные отношения, основанные на договорах или тем или иным образом связанные с ними.

Рассуждая о предмете двух этих отраслей права можно утверждать, что общественные отношения, которые регулируются гражданским правом, составляют его предмет.

Это и отношения, связанные с созданием и функционированием различных организаций (хозяйственных товариществ и обществ, кооперативных и общественных организаций и др.), и отношения, связанные с имущественными благами, включая их оборот, и отношения, возникающие в результате интеллектуальной деятельности (при создании произведений науки, литературы и искусства, программ для ЭВМ, изобретений и др.), и индивидуализации участников гражданского оборота и их деятельности (фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, коммерческие обозначения). Особое место занимают отношения, складывающиеся и существующие в сфере предпринимательской (коммерческой) деятельности между соот-

ветствующими субъектами. Наконец, характеристика предмета гражданского права не будет полной без указания еще нескольких групп общественных отношений, а именно: организационных отношений, отношений по поводу нематериальных благ (личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными), административных отношений, специально регулируемых имущественных и лично неимущественных отношений.

Эти группы отношений объединяет то обстоятельство, что они основаны на равенстве, анатомии воли и имущественной самостоятельности участников, т. е. возникают между юридически равными и независимыми друг от друга субъектами, имеющими собственное имущество. Иначе говоря, это частные отношения, возникающие между субъектами частного права. В предмет договорного права входят порядок заключения договора, его расторжения, регулирование отношений между сторонами, изменение условий, существенные условия договора и др. Гражданский кодекс РФ под договором понимает возникновение, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей путем достижения соглашения между двумя или более лицами. Договор служит идеальной формой активности участников гражданского оборота. Важно подчеркнуть, что, несмотря на изменение его социально-экономического содержания, в ходе истории общества сама по себе конструкция договора как порождение юридической техники остается в своей основе весьма устойчивой. Термин «договор» является одним из ключевых в гражданском праве. Вместе с тем он имеет несколько значений. Во-первых, под договором понимается соглашение, достигаемое участниками гражданского оборота, о возникновении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. В этом смысле договор представляет собой разновидность сделок, которые, в свою очередь, являются видом юридических фактов. Будучи разновидностью юридического факта, договор выступает в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей. Кроме того, будучи сделкой, договор является двух- или многосторонней сделкой, то есть предполагает согласование воль как минимум двух участников гражданского оборота. В этом смысле договоры следует отличать от односторонних сделок, для совершения которых достаточно волеизъявления одного лица.

Во-вторых, гражданско-правовой договор означает то правоотношение, которое возникает между сторонами в связи с заключением ими договора. В данном случае, говоря о договоре, имеют в виду гражданско-правовые обязательства, вытекающие из достигнутого сторонами соглашения. В таком смысле используется термин «договор-правоотношение» («сделка-правоотношение»).

В-третьих, договором обозначают документ, которым оформляется взаимоотношение сторон, связанных соответствующим соглашением. Такой документ выступает в качестве доказательства, удостоверяющего факт заключения договора, а также фиксирует содержание договора.

Действующее гражданское законодательство использует термин «договор» во всех трех значениях. Вместе с тем нельзя недооценивать необходимость разграничения трех понятий, которые обозначаются термином «договор». Так к договору- сделке применяются общие нормы об условиях действительности таких договоров, составе сделки, основаниях и последствиях недействительности сделок и т.п. Если же речь идет о договоре- правоотношении, то применяются общие нормы об обязательствах. К отношениям по поводу договора- документа приложимы нормы о форме и реквизитах документа.

Будучи по своей природе соглашением, договор представляет собой волевой акт его участников. При этом разнонаправленные интересы субъектов только тогда превращаются в договор, когда воля его участников совпадает, то есть становится единой. Таким образом, заключая договор, его участники, с одной стороны, согласовывают свои интересы, а с другой – вынуждены самоограничиваться, с тем чтобы достичь желаемого результата – заключить договор.

Договор является одним из центральных институтов гражданского права, ядром всей системы частноправовых отношений. Договоры, будучи наиболее многочисленными в ряду многообразных юридических фактов, играют особо важную роль в экономической жизни общества. Так как договор является результатом взаимного согласия субъектов гражданского оборота, его следует рассматривать как систему саморегулирования в экономическом обмене, основанном на равенстве и независимости участников товарообмена. Договор оптимизирует важнейшие экономические процессы, осуществляемые как в рамках производственно-хозяйственной, так и распределительной деятельности.

Значение договоров столь велико, что законодатель придает им обязательную силу, то есть обеспечивает их исполнение принудительной силой государства.

Одним из важнейших условий реализации договора является его свобода, а также свобода лиц, его заключающих. Значение свободы договора столь велико, что законодатель признает это положение одним из основных начал (принципов) гражданского законодательства.

Договор – основная модель гражданских правоотношений. Возможностью ее использования наделяется каждый участник гражданского оборота: гражданин, юридическое лицо, Российская Федерация и субъекты Федерации, а также муниципальные образования. Для всех перечисленных субъектов создается в принципе одинаковый режим. Существуют нормы, ограничивающие участие в качестве стороны в определенном типе (виде) договоров только граждан. Существуют и прямо противоположные ограничения. Только на юридических лиц (неграждан), при этом лишь на тех из них, которые основаны на государственной или муниципальной собственности, может быть возложена законом обязанность страховывать принадлежащее им на праве хозяйственного ведения или оперативного управления имущество (п. 3 ст. 935 ГК). Установлены определенные ограничения для

юридических лиц, которые относятся к праву на жилое помещение. Ряд договоров предполагает специальные гарантии для граждан, которые не распространяются на случаи, когда в роли стороны выступает юридическое лицо. Специальная глава ГК (гл. 5) посвящена участию в гражданских правоотношениях Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований. Как предусмотрено п. 2 ст. 124 ГК, к указанным субъектам применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в гражданских правоотношениях. При этом соответствующая новелла Кодекса допускает установление определенных изъятий, которые могут вытекать как из закона, так и из специфики соответствующих субъектов. Установлены определенные ограничения в составе имущества указанных категорий субъектов, на которое можно обратить взыскание. ГК предусматривает случаи выступления Российской Федерации и субъекта Федерации при заключении государственного контракта на выполнение подрядных работ для государственных нужд (ст. 763 ГК), государственных займов (п. 1 ст. 817 ГК). ГК иногда, напротив, исключает участие в определенных договорных отношениях Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований.

Стороны договора могут меняться, оставляя сам до-

говор и входящие в его содержание обязательства неизменными. Речь идет о переходе прав (требований) и переводе долга. С течением времени вместе с развитием системы общественных отношений, опосредствуемых договорами, расширился состав возможных участников: наряду с физическими лицами (гражданиами) в этой роли стали выступать коллективные образования, признанные самостоятельными субъектами гражданского права – юридическими лицами. Все более многообразными становились предусмотренные в законодательстве формы договоров, усложнялись комбинации элементов, используемых при конструировании договорного правоотношения, и др. А договоры остаются договорами... Конструкция договора применяется в различных отраслях права: международном, публичном, административном и др. И всё же наиболее широко используется она в гражданском праве. На мой взгляд, договорное право является одной из самых актуальных в практическом плане и динамично развивающихся областей гражданского права. Следовательно, можно сделать вывод о том, что гражданское и договорное право – это две взаимосвязанные между собой отрасли права, даже можно предположить, что договорное право является подотраслью гражданского права.

Библиографический список

1. Анохин В. С. Защита договорных обязательств. М., 1998.
2. Витрянский В. В. Договор купли-продажи и его отдельные виды. М., 2001.
3. Гонгало Б. М. Обеспечение исполнения обязательств. М., 1999.
4. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М., 2006.
5. Асамбаев Н. Т. Отечественный и зарубежный опыт страхования. Юрист. 2002. №6.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М., 1997. С. 4
7. Дзюба И. Д. Виды условий договора об освобождении от ответственности. Юридический мир. 2003. №7.
8. Ищенко Е. Правовая природа договора финансовой аренды. Законность. 2002. №3.
9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 139.
10. Югай О. Нарушение лигингополучателем договора финансовой аренды. Юрист. 2006. №2.

References

1. Anokhin V. S. Protection of Contract Duties M, 1998.
2. Vitrynskii V. V. Contract of Sale and its types. M, 2001.
3. Gongalo B. M. The Enforcement of Obligation. M., 1999.
4. Romanetz Y. V. A System of Contracts in the Russian Civil Law. M., 2006.
5. Asambaev N. T. Russian and Foreign experience of insurance. Lawyer. 2002, №6.
6. Braginskii M. I., Vitryanskii V. V. Contract Law. General outlines. M., 1997. P.4.
7. Dzyuba I. D. Types of Contracts Connected with the release from liability Law World. 2003, №7.
8. Ischenko E. The legal regulations of Contracts of Rent. 2002.
9. Pokrovski I. A. The major problems of Civil Law. M., 1998. P. 139.
10. Yugai O. Breaking the Rent Contract. Lawyer, 2006 №2.

К.В. КАЗАРЯН

кандидат юридических наук, кафедра гражданского-правовых дисциплин, Ростовский социально-экономический институт
E-mail: kri-kazaryan@yandex.ru

K.V. KAZARYAN

*Candidate of Law, Department of civil-law disciplines,
Rostov Social and Economic Institute
E-mail: kri-kazaryan@yandex.ru*

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE FIELD OF LABOR MIGRATION: TEORETIKO-RIGHT AND THE PRACTICAL ANALYSIS

В содержании статьи исследуются проблемы теоретического и практического определения института государственно-частного партнерства в правовой системе, роль и место данного института в сфере трудовой миграции. Анализируются различные подходы к пониманию государственно-частного партнерства как экономико-правового феномена, а также необходимость использования отдельных его институтов в сфере трудовой миграции.

***Ключевые слова:** государственно-частное партнерство, предприниматели, миграционная биржа, частные агентства занятости, миграционный центр, общественно-консультативный совет, трудовая миграция, трудовой мигрант.*

In the content of the article the problems of theoretical and practical definition of institution of public-private partnership in the legal system, the role and place of such institution in the field of labor migration are examined. Different approaches to understanding of public-private partnership as the economic and legal phenomenon are analyzed, as well as the necessity to use some of its institutions in the field of labor migration.

***Keywords:** public-private partnership, entrepreneurs, migration exchange house, private employment agencies, migration center, social and consultative board, labor migration, a labor migrant.*

Институт государственно-частного партнерства в настоящее время является одним из активно развивающихся механизмов взаимодействия государства и предпринимательства, в распространении которого заинтересованы как государственные структуры, так и представители частного сектора экономики.

Неразвитость правового регулирования института государственно-частного партнерства обусловлена отсутствием теоретической и практической базы. В частности, в настоящее время среди ученых в исследуемой сфере не сложилось единого понимания специфики данного института; недостаточно разработан понятийно-категориальный аппарат; отсутствуют критерии разграничения государственно-частного партнерства и иных форм взаимодействия публично-правовых образований и частных субъектов; не определен перечень форм государственно-частного партнерства.

Легальное определение “государственно-частное партнерство” отсутствует, и как следствие этому в различных нормативных правовых актах оно трактуется по-разному.

В России понятие государственно-частного партнерства в узком смысле (если не ограничиваться понятием «концессия») впервые появилось в законодательном акте лишь в 2006 г. в Санкт-Петербурге [1]. Так, Закон

Санкт-Петербурга от 25 декабря 2006 года N 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» закрепляет, что государственно-частное партнерство – это взаимовыгодное сотрудничество Санкт-Петербурга с российским или иностранным юридическим или физическим лицом либо действующим без образования юридического лица по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) объединением юридических лиц в реализации социально значимых проектов, проектов, направленных на развитие образования, здравоохранения, социального обслуживания населения, физической культуры, спорта, культуры, туризма, транспортной и инженерной инфраструктур, инфраструктуры связи и телекоммуникаций в Санкт-Петербурге, которое осуществляется путем заключения и исполнения соглашений, в том числе концессионных.

Иное понятие изложено в Законе Кировской области от 4 июня 2010 года N 529-ЗО «Об участии Кировской области в проектах государственно-частного партнерства»: государственно-частное партнерство – привлечение на основании конкурса или аукциона Кировской областью, муниципальным образованием в случае принятия им решения об участии в проектах государственно-частного партнерства российского или иностранного юридического лица, объединения юриди-

ческих лиц либо индивидуальных предпринимателей для выполнения работ по техническому обслуживанию, ремонту, эксплуатации, реконструкции, модернизации или новому строительству объектов общественной инфраструктуры, предоставлению публичных услуг с их использованием на условиях разделения рисков, компетенции и ответственности путем заключения и исполнения соглашения о государственно-частном партнерстве [2].

Весной 2013 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект Федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации», призванный снять существующие ограничения и расширить возможные формы реализации проектов государственно-частного партнерства [3]. Кроме того, в ходе работы над законопроектом Министерством экономического развития РФ были подготовлены альтернативные проекты закона, которые, однако, в итоге одобрены не были [3].

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Законопроекта «под государственно-частным партнерством понимается взаимодействие публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, осуществляемое на основании заключенного по результатам конкурсных процедур соглашения о государственно-частном партнерстве, направленного на повышение качества и обеспечение доступности предоставляемых услуг населению, а также на привлечение в экономику частных инвестиций, в соответствии с которым частный партнер принимает на себя обязательства...», предусмотренные соответствующими статьями Законопроекта.

В отсутствие возможности дать однозначное и не-противоречивое определение государственно-частного партнерства законодатель стремится определить указанное понятие хотя бы через какие-то формальные признаки, для чего в определении использует ссылку к правам и обязанностям, которые партнеры обязаны принимать на себя в соответствии с соглашением о государственно-частном партнерстве [4].

К субъектам государственно-частного партнерства Законопроект относит узкий круг лиц, определяя, что под государственно-частным партнерством понимается взаимодействие публичного партнера (публично-правового образования), с одной стороны, и частного партнера (индивидуального предпринимателя или юридического лица), с другой стороны.

Таким образом, понимание государственно-частного партнерства, встречающееся в нормативных правовых актах, также отличается очень широким объемом явлений, охватываемых этим термином.

В научной литературе существует множество различных определений партнерства государства и структур частного предпринимательства.

Термин «государственно-частное партнерство» был заимствован отечественными представителями экономико-правовой мысли из западной англоязычной политической литературы, в которой он имеет значение «public-private partnership».

В контексте эпистемологического анализа исследования необходимо отметить, что термин «государственно-частное партнерство» в российском понимании является переводным вариантом термина public-private partnership. Термин «public», имеющий латинские корни, означает «общественный», «публичный», «государственный», что также получило аналогичный перевод в английском языке. В России следует трактовать как «государственный», так как под «public» подразумевается государство в лице органов публичного управления (федеральных, региональных, муниципальных). В пользу данной трактовки также говорит то, что в качестве предмета государственно-частного партнерства выступает государственная и муниципальная собственность и услуги, оказываемые государством, муниципальными органами власти и организациями бюджетного сектора [5].

Наиболее общее определение дано такому сотрудничеству В.Г. Варнавским: «Государственно-частное партнерство – это институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей промышленности и НИОКР вплоть до сферы услуг» [6].

Интересно, что разные авторы используют как термин «государственно-частное партнерство», так и «частно-государственное партнерство». Считается, что последний термин используется для того, чтобы подчеркнуть приоритетную роль частного сектора в таких проектах.

Несмотря на разнообразие определений, все они имеют общий тезис: государственно-частное партнерство трактуется как двустороннее взаимодействие государства и частного предпринимательства. По нашему мнению, государственно-частное партнерство следует рассматривать как систему трехсторонних долгосрочных взаимовыгодных отношений органов публичного управления, представителей частного предпринимательства и гражданского общества, основывающуюся на реализацию проектов, в целях достижения задач социально-экономического развития, повышения уровня доступности и качества публичных услуг, достигаемое посредством консолидирования сильных сторон партнеров [5].

Исходя из мировой практики государственно-частного партнерства, не существует жесткого противостояния между частным и публичным партнерами. Мера конкретного участия органов публичной власти и институтов частного предпринимательства в партнерстве и условия их сочетания различаются в зависимости от характера реализуемого проекта.

Следует согласиться с Клиновой М., что есть «аспекты, где государство должно помогать, а есть – где не мешать» [7]. Объясняется это тем, что наравне с «провалами рынка» существуют «провалы государственного вмешательства». В первом случае – это ситуации, когда «рынок заведомо не справляется с удовлетворением потребностей общества или обостряет социальные проблемы», что способствует непосред-

ственному участию государства в процессе общественного воспроизводства. Во втором случае – это ситуации, когда государство не в состоянии обеспечить эффективное распределение и использование общественных ресурсов, следовательно, требуется непосредственное участие частного предпринимательства. [5] Поэтому в целях сохранения экономической системы от «провалов рынка» и «провалов государственного вмешательства» реализуется различного рода партнерство, положительно сказывающееся на социально-экономических отношениях между государственным и частным секторами.

Воплощение в жизнь института государственно-частного партнерства дает возможность государству реализовывать публичные интересы, которые формируются на основе общественно полезных целей, при помощи наделения частью своих полномочий для выполнения определенной части своих обязательств перед обществом.

Из анализа наиболее распространенных определений государственно-частного партнерства можно сделать следующий вывод: по мнению одних ученых, ключевой чертой ГЧП является взаимодействие (mutuality); по мнению других, – взаимовыгодное сотрудничество (cooperation); третьи делают упор на то, что под ГЧП следует понимать институциональный альянс (institutional alliance), четвертые – как сделку, пятые – как совокупность общественных отношений и т.д. Общественная значимость в данном контексте государственно-частного партнерства заключается в том, что в конечном итоге выигрывает общество как глобальный потребитель более качественных услуг[8].

Можно выделить следующие формы реализации государственно-частного партнерства в сфере трудовой миграции.

1. Миграционные центры.

Рассмотрим на примере областного государственного учреждения «Свердловский областной миграционный центр» (ОГУ СОМЦ). Правительство Свердловской области постановлением от 28 июля 2004 г. № 704-ПП создало государственное унитарное предприятие Свердловской области «Свердловский областной миграционный центр», преобразованное в 2006 г. в областное государственное учреждение «Свердловский областной миграционный центр».

В соответствии с уставом, утвержденным правительством области, целью деятельности ОГУ являлось решение задач в сфере привлечения трудовых ресурсов в Свердловскую область. Предметом деятельности ОГУ является организация рабочих мест; создание соответствующих бытовых условий для иностранных граждан (лиц без гражданства), прибывающих в установленном порядке на территорию Свердловской области с целью осуществления трудовой деятельности и решения иных вопросов исходя из правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, решения социальных задач в сфере привлечения иностранных трудовых ресурсов на предприятия, организации области.

Ранее на регулярной основе осуществлялся прием

иностранных граждан и работодателей. Прибывшим в Свердловскую область мигрантам оказывался широкий спектр консультационных услуг в области законодательства о миграции, в сфере защиты прав трудовых мигрантов. Здесь же прибывшие граждане могли получить разрешение на работу. Центр начал создавать банк вакансий для иностранных работников. Заявки, полученные центром, направлялись в соответствующие органы стран СНГ, где осуществляется подбор кадров для работы в Свердловской области. Позже центру был передан миграционный городок для размещения мигрантов. Планировалось создание комплексного центра, где прибывшие мигранты могли получить весь комплекс услуг – оформление необходимых документов, консультации, медицинское обследование, обучение и т.д. К сожалению, в своей деятельности в последнее время миграционный центр не выходит за рамки деятельности обычного мелкого коммерческого посредника, несмотря на статус государственного учреждения, и не использует в полной мере имеющихся ресурсов и полномочий.

2. Миграционная биржа.

Одной из форм государственно-частного взаимодействия будет создание миграционной биржи, где работодатель представит полный список вакансий, которые ему требуются, представит все необходимые требования к потенциальным работникам, а также сможет познакомиться с ним с использованием современных средств связи (например, Интернета). Работник – трудовой мигрант, в свою очередь, получит возможность оформить разрешительные документы в одном месте – по системе «одного окна», как непосредственно на бирже, так и до приезда в РФ. В случае если это будет сделано в стране происхождения мигранта, это может быть сделано в электронном виде, позволяющем при передаче в ФМС этих сведений не дублировать заполнение документов и, соответственно, экономить время государственных служащих.

3. Частные агентства занятости.

Основной задачей частных агентств занятости должно быть создание представительств за рубежом с целью подбора трудовых мигрантов, а государственных служб занятости в свою очередь – непосредственная организация прибытия трудовых мигрантов и их дальнейшее трудоустройство на конкретные рабочие места. В настоящее время в каждом субъекте Российской Федерации функционируют государственные центры занятости, однако они физически не успевают обслужить население[9].

Частные агентства по трудуоустройству можно определить как предприятия, которые обязуются в силу контракта или за денежное вознаграждение (гонорар или дотацию) оказывать физическим лицам или предприятиям-клиентам услуги, имеющие целью содействовать или упростить их доступ к рабочим местам и к профессиональному росту или способствовать заполнению вакантных мест[10].

4. Общественно-консультативные советы при ФМС РФ

Своего рода примером аналогии государственно-частному партнерству может служить создание при Федеральной миграционной службе России и при ее территориальных органах общественно-консультативных советов в соответствии с приказом ФМС России от 16 июля 2007 г. № 150 «Об утверждении Типового положения об Общественно-консультативном совете при территориальном органе Федеральной миграционной службы».

В разных субъектах, несмотря на то, что положения о совете являются типовыми, советы работают по-разному, различен и состав членов: в одних субъектах большинство членов составляют ученые, в других – представители бизнеса, в третьих – представители общественных организаций. Независимо от этого советы в большинстве случаев решают многие проблемы в области миграции, что является, несомненно, большим шагом вперед, несмотря на то, что решения совета носят рекомендательный характер.

Основными функциями Общественного совета являются: рассмотрение инициатив общественных объединений, а также научных и управлеченческих инициатив, связанных с решением наиболее сложных проблем миграции, а также инициатив, направленных на реализацию государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства, в пределах компетенции ФМС России; развитие взаимодействия ФМС России с общественными объединениями, научными учреждениями и использование их потенциала для повышения эффективности реализации ФМС России законодательства Российской Федерации в сфере миграции населения и его совершенствования, формирования обоснованных и взвешенных предложений по основным направлениям государственной миграционной политики.

Исходя из вышеперечисленного, в числе приоритетных задач, поставленных перед территориальными общественно-консультативными советами при УФМС, можно выделить: доброжелательный прием и обустройство возвращающихся соотечественников; содействие

регуляризации положения мигрантов, не имеющих никакого правового статуса; содействие формированию в РФ цивилизованного рынка негосударственных услуг в сфере трудовой миграции.

5. Неправительственные организации, работающие с мигрантами.

Например, в Белгородской области по инициативе организаций, занимающихся решением проблем мигрантов, многие вопросы находят поддержку депутатов Законодательного собрания, в результате чего организации получают льготы на местном уровне, финансовую поддержку наиболее значимых программ. В Калужской области по предложению организаций депутатами Законодательного собрания была выдвинута очень важная законодательная инициатива по включению граждан, давно проживающих в российских регионах и не по своей вине не легализовавших свое положение, в программу содействия добровольному переселению соотечественников.

Таким образом, совместное участие государственных институтов, бизнеса и гражданских структур позволит оптимизировать процессы цивилизованной миграции, повысить качество трудовых ресурсов и эффективность производства.

В настоящее время в России появились благоприятные возможности для качественных изменений в миграционных процессах. Одновременно в целом ряде стран ближнего и дальнего зарубежья отрабатываются различные варианты легализации трудовой миграции. В этой ситуации необходимы новые институциональные решения, обеспечивающие цивилизованное сопровождение мигрантов по трассе «страна убытия – переезд – страна прибытия». Одним из направлений такого рода институциональных решений, связанных с управлением миграционными процессами, является создание так называемых миграционных мостов, которые будут связаны между собой сетевым образом и выполнены в едином организационно-деятельностном формате.

Библиографический список (References)

1. Gagarin P. Public-private partnership: problems and development prospects// Finansovaya gazeta. 2013. No. 14. Pz. 10-11.
2. Samolovov D.A. Relationship of public-private partnership in the Russian Federation: main features and necessity of legal regulation // Property relations in the Russian Federation. 2014. No.6. Pz. 30 - 41
3. Project of the Federal Law “About fundamentals of public-private partnership in the Russian Federation” // The official website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Automated system for providing legislative activity. URL: <http://asozd.duma.gov.ru>
4. Kornev M.V. The essential characteristics of public-private partnership in the aspect of the draft of the Federal Law “About fundamentals of public-private partnerships in the Russian Federation” // Yurist. 2014. No.10. Pz. 35-39.
5. Limareva D.A. Roadmap of development of public-private partnership system: Monograph. Rostov-on-Don / A: YURI RANHiGS under the President of the Russian Federation, 2012. 102 p.
6. Varnavsky V. Alliance for an indefinite term // “FeldPochta.” 2004. No.29. P.5.
7. Klinova M.V. The State and private capital in search of pragmatic cooperation. M.: IMEMO RAN, 2009. P.32.
8. Vilisov M.V. Public-private partnership: political and legal aspects; <http://www.rusrand.ru>
9. Boldyrev S.N., Kazaryan K.V. Private employment agencies as an example of public-private partnership in the context of modern migration policy// Materials of international scientific and practical forum “National innovation system and state innovation policy in the CIS countries” April 15-23, 2010. GOU VPO RIZP (Non-State Educational Institution of Higher Professional Education“Institute of entrepreneur protection”).
10. Andrianova M.A. The status of public and private employment services and their role in the regulation of migration processes in Russia// Governmental power and local government. No.2. 2002. P.19.

В.В. КЛЕВЦОВ

кандидат юридических наук, преподаватель, кафедра криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт им. В.В. Лукьянова

Д.А. БАДИКОВ

кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт им. В.В. Лукьянова

E-mail: dibad008@yandex.ru

V.V. KLEVTSOV

Candidate of Law, Lecturer, Department of criminology and the preliminary investigation in the police, Orel law institute ministry of internal affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

D.A. BADIKOV

Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of criminology and the preliminary investigation in the police, Orel law institute ministry of internal affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

E-mail: dibad008@yandex.ru

**ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА И ДАННЫЕ О СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ
И СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ
ЗАПРЕЩЕННЫХ КУРИТЕЛЬНЫХ СМЕСЕЙ**

**THE SUBJECT OF CRIMINAL ASSAULT AND DATA ABOUT HOW THE COMMISSION AND CONCEALMENT
OF CRIMES RELATED TO THE DISTRIBUTION OF PROHIBITED SMOKING MIXTURES**

В данной статье рассматривается понятие криминалистической характеристики отдельного вида преступления и указываются наиболее криминалистически значимые признаки преступных действий, связанных с распространением запрещенных курительных смесей. Раскрываются такие элементы, как предмет преступного посягательства и этого о способах совершения и сокрытия этого вида преступлений.

Ключевые слова: наркотики; курительные смеси; криминалистическая характеристика; способы совершения преступления; способы сокрытия преступления.

This article discusses the concept of individual criminal characteristic type of crime and outlines the most forensically significant signs of criminal acts associated with the proliferation of illicit smoking mixtures. Details disclosed elements such as subject of a criminal assault and data on how to commit and conceal the crimes associated with the proliferation of illicit smoking mixtures.

Keywords: drugs, smoking blends, forensic characterization, methods of committing a crime, ways to conceal the crime.

На современном этапе развития российского общества в последние годы все чаще в средствах массовой информации и в сообщениях государственных органов появляется информация о фактах употребления и впоследствии отравления веществами с сильнейшим психотропным действием, к которым применимы термины «курительные смеси», или иначе «спайсы». Например, Управление Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Орловской области сообщает, что в последнее время в области произошёл резкий рост числа отравлений так называемыми «курительными смесями». В 2014 году службой скорой медицинской помощи в г. Орле и области осуществлено 314 выездов по признакам отравления психоактивными веществами – это почти в 1,5 раза больше, чем за 2013 год, из них в более чем трети случаев пациенты пострадали от «курительных смесей» [9]. В Кировской области произошёл резкий рост числа отравлений так называемыми «курительными смесями», только за пять дней сентября 2014 года по данным

фактам было зафиксировано 150 вызовов скорой медицинской помощи, в том числе в отношении 39 несовершеннолетних. Госпитализировано 67 человек, из них 19 несовершеннолетних, зафиксированы 4 смертельных случая [10]. И это данные только по двум субъектам Российской Федерации.

Важная роль в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, связанных с распространением запрещенных курительных смесей, принадлежит разработанности современной частной криминалистической методики расследования наркопреступлений, знанию и творческому применению этой методики практическими работниками правоохранительных органов. Одной из важных составных частей частной методики расследования преступлений является криминалистическая характеристика конкретного вида преступления.

Рассматривая криминалистическую характеристику отдельного вида преступления, мы придерживаемся точки зрения Р.С. Белкина[7], который указывал, что она должна включать характеристику исходной информа-

ции, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка). Все эти элементы взаимосвязаны между собой.

Наиболее криминалистически значимыми признаками преступных действий, связанных с распространением запрещенных курительных смесей, служащих решению указанных задач, являются:

- предмет преступного посягательства (характеристика наиболее часто потребляемых курительных смесей);
- данные о способах совершения и сокрытия преступлений;
- данные о следах преступлений;
- данные о личности субъекта преступлений;
- обстоятельства, способствующие совершению преступлений.

Для наиболее полного освещения содержания криминалистической характеристики распространения запрещенных курительных смесей необходимо проанализировать каждый из вышеуказанных элементов. Однако объем настоящей статьи не позволяет выполнить это в полной мере, в связи с чем остановимся на первых двух как наиболее сложных элементах криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений.

Предмет исследуемой категории преступлений составляют собственно запрещенные курительные смеси и смеси, не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья, содержащие в своем составе наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, естественные и синтетические лекарственные препараты, сырье, растения и их части, содержащие такие вещества, потребление которых без назначения врача вызывает наркоманию, в связи с чем они запрещены законом для использования вне медицинских и научных целей. Перечень таких средств определен Минздравом России в соответствии с Единой конвенцией о наркотических средствах (1961 г.)[1], Конвенцией о психотропных веществах (1971 г.)[2], Конвенцией ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.)[3] и утвержден постановлением Правительства Российской Федерации №681 от 30 июня 1998 года[5].

На современном этапе необходимо выделить следующие наиболее распространенные способы совершения и сокрытия рассматриваемого вида преступления.

1. Изготовление запрещенных курительных смесей – действия, в результате которых на основе наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров получены готовые к использованию и потреблению запрещенные курительные смеси и смеси, не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья [4].

При изготовлении курительных смесей кустарными

способами применяются: использование «реагентов» – жидкостей психотропного характера, применяемых для их изготовления запрещенных курительных смесей и смесей, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья граждан; изготовление запрещенных курительных смесей в подпольных лабораториях; использование аптечных травы, разрешенных к свободной продаже, и примешивание к ним наркотических веществ с последующим высушиванием вновь образованной смеси.

2. Незаконная переработка наркотических средств или психотропных веществ, под которой следует понимать совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия по рафинированию (очистке от посторонних примесей) твердой или жидкой смеси, содержащей одно или несколько наркотических средств или психотропных веществ, либо повышению в такой смеси (препарate) концентрации наркотического средства или психотропного вещества, а также смешиванию с другими фармакологическими активными веществами с целью повышения их активности или усиления действия на организм [6].

3. Вымогательство наркотиков, как способ совершения рассматриваемых преступлений, предусматривает собой предъявление требований о передаче наркотиков и выдвижение угрозы причинения потерпевшему нежелательных последствий в случае невыполнения требований виновных. Данные наркотические средства в последующем используются для создания запрещенных курительных смесей.

4. Приобретение и сбыт запрещенных курительных смесей представляет собой их покупку, получение в качестве средства взаиморасчета за проделанную работу, оказанную услугу или в уплату долга, в обмен на другие товары и вещи, присвоение найденного, получение «реагентов» – жидкостей психотропного характера, применяемых для их изготовления запрещенных курительных смесей и т.д.

5. Хранение запрещенных курительных смесей и смесей, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья граждан.

6. Незаконная перевозка – умышленные действия лица, которое перемещает без цели сбыта запрещенных курительных смесей из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенные с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства.

При перевозке в автотранспорте запрещенные курительные смеси хранятся в различных местах: под колпаками колес, под сиденьями, в аккумуляторах и под ними, в декоративных подушках, в бензобаке, выемках и в других местах. При перевозке иными транспортными средствами преступники используют ручную кладь, чемоданы с двойным дном, стеклянную тару.

7. Незаконная пересылка запрещенных курительных смесей – перемещение запрещенных курительных смесей в виде почтовых, багажных отправлений, с на-

рочным либо иным способом, когда транспортировка этих средств и веществ осуществляется в отсутствие отправителя.

8. Склонение к потреблению запрещенных курительных смесей – любые умышленные действия, в том числе однократного характера, направленные на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложении, даче совета и т.п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению запрещенных курительных смесей лицом, на которое оказывается воздействие[6].

9. Организация либо содержание притонов – подыскание, приобретение или наем жилого или нежилого помещения, финансирование, ремонт, обустройство помещения различными приспособлениями и тому подобные действия, совершенные в целях последующего использования указанного помещения для потребления запрещенных курительных смесей и смесей, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья граждан несколькими лицами, а также умышленные действия лица по использованию помещения, отведен-

ного и (или) приспособленного для потребления запрещенных курительных смесей, по оплате расходов, связанных с существованием притона после его организации либо эксплуатацией помещения[6].

На основании вышеизложенного необходимо отметить, что должностные лица, осуществляющие расследование по уголовному делу, как правило, стремятся упорядочить свою деятельность, перевести ее в рациональное, методически целесообразное русло. С этой целью они обращаются не только к собственному профессиональному опыту, но и к передовому коллективному опыту коллег, обобщенному на основе современных научных достижений, а также к криминалистическим рекомендациям [8].

Именно поэтому использование знаний о криминалистической характеристики преступлений, связанных с распространением запрещенных курительных смесей, как элемент методики расследования преступлений исследуемого вида, способствует их эффективному раскрытию и расследованию, позволяет рационально организовать производство предварительного расследования, добиться целей уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года. // Бюллетень международных договоров, август 2000 г., №8.
2. Конвенция о психотропных веществах (заключена в г. Вене 21.02.1971) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, М., 1981 г., вып. XXXV. С.416.
3. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации, выпуск XLVII. М., 1994. С.133.
4. Федеральный закон от 08.01.1998 N 3-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СЗ РФ от 12 января 1998 г. №2 Ст.219.
5. Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 N 681 (ред. от 16.12.2013) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // Рос. газ. от 17 июля 1998 г. №134.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. №14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». // Рос. газ от 28 июня 2006 г. №137.
7. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т.3. М. 1999. С. 306-319.
8. Ищенко Е.П., Образцов В.А. Современная российская криминалистика. Учебник для юридических вузов. Авторское издание. М., 2005. С.371-372.

References

1. Single Convention on narcotic drugs, 1961, as amended in accordance with the 1972 Protocol amending the Single Convention on narcotic drugs of 1961. // Bulletin of international treaties, August 2000, № 8.
2. The Convention on psychotropic substances (enclosed in, Vienna 21.02.1971) // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign countries, M., 1981, vol. XXXV. Pp. 416.
3. The United Nations Convention against illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances. // The collection of international treaties of the USSR and the Russian Federation, issue XLVII. M., 1994, p. 133.
4. The Federal law from 08.01.1998 N 3-FL (as amended on 25.11.2013) «On narcotic drugs and psychotropic substances» // Collection of laws of the Russian Federation dated January 12, 1998, No. 2, Article.219.
5. The RF Government decree 30.06.1998 № 681 (as amended on 16.12.2013) «On approval of the list of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation» // Russian Gazette of 17 July 1998 No. 134.
6. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 15, 2006 No. 14 «On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, poisonous substances». // Russian Gazette 28 June 2006 No. 137.
7. Belkin R. C. Course criminology. Vol. 3. M. 1999. Pp. 306-319.
8. Ishchenko E. P., Obraztsov V.A. Modern Russian forensics. A textbook for law schools. Author's edition. M., 2005. Pp. 371-372.

Н.А. КОНОВАЛОВ

старший преподаватель, кафедра криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: konovalov.nic@yandex.ru

N.A. KONOVALOV

Senior lecturer, Department of crationalistic and preliminary investigation in the police, Orel Law Institute of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov
E-mail: Konovalov.nic@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ СЛУЧАЕВ, НЕ ТЕРПЯЩИХ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА**

**TO THE QUESTION OF REGULATION IN THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION
OF URGENCY CASES IN RUSSIA**

В статье рассматриваются вопросы законодательной регламентации производства следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства. На основе анализа действующих норм автор взял на себя смелость предложить несколько изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, которые, по его мнению, будут способствовать совершенствованию порядка производства указанных выше следственных действий.

***Ключевые слова:** стадия уголовного процесса, предварительное расследование, случаи, не терпящие отлагательства.*

The article studies legislative regulation of investigative actions in cases of urgency. The author has offered several changes in the Criminal procedural code of the Russian Federation which will contribute to the improvement of the procedure of the mentioned investigative actions.

***Keywords:** Study of criminal proceedings, preliminary investigation, cases of urgency.*

Назначение предварительного расследования как стадии уголовного процесса заключается, прежде всего, в установлении объективной истины по уголовному делу и подготовке его материалов к рассмотрению в суде. Объективность расследования обеспечивается в совокупности с соблюдением принципов уголовного процесса, еще и неукоснительным соблюдением общих правил производства следственных действий, составляющих основу содержания предварительного расследования. Какие-либо отступления от правил, предусмотренных статьей 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при производстве следственных действий, допускаются только в случаях строго определенных законом. В этой связи вопросы, касающиеся времени производства следственных действий, как по продолжительности, так и применительно ко времени суток являются актуальными. В данной статье мы рассмотрим проблемы обоснования неотложной необходимости производства следственных действий в ночное время, исходя из действующих в настоящее время норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Истории предварительного расследования известно немало случаев оказания воздействия на участников уголовного судопроизводства путем лишения их возможности отдохнуть и восстановить силы, а именно сна. Тем самым человек лишался возможности полно и объективно оценивать ситуацию, в которой он находит-

ся, а порой, таким образом, ему причинялись страдания, чтобы склонить к даче нужных показаний.

Особенную значимость для предварительного расследования имеют положения Конституции Российской Федерации, согласно которым: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (статья 2 Конституции РФ). Кроме того, согласно части 5 статьи 37 Конституции РФ каждый имеет право на отдых. Следовательно, производство следственных действий в ночное время, то есть с 22 до 6 часов, является нарушением этого конституционного права, что недопустимо и должно осуществляться лишь в исключительных случаях, что предусмотрено ч. 3 ст. 164 УПК РФ. Однако, до настоящего времени исключительность случая определяется на основании внутреннего убеждения следователя и криминалистических рекомендаций. Но в связи с тем, что исключительность производства следственного действия ночью, как мы установили ранее, ограничивает конституционное право на отдых, следовало бы предусмотреть в уголовно-процессуальном законе исчерпывающий перечень таких неотложных ситуаций и не только для производства следственных действий ночью.

Ни в коем случае не желая поставить под подозрение правомерность проведения следственных действий ночью сотрудниками правоохранительных органов страны, мы, тем не менее, считаем, что порядок их про-

изводства недостаточно урегулирован действующим уголовно-процессуальным законодательством, что может привести к негативным последствиям для рассмотрения уголовных дел в суде.

По процессуальным основаниям производства следственные действия на досудебной стадии можно классифицировать на те, которые производятся:

1. по решению следователя или дознавателя без вынесения постановления;

2. на основании постановления следователя или дознавателя;

3. на основании судебного решения или без такого в случаях, не терпящих отлагательства, но на основании постановления следователя или дознавателя и с обязательным последующим уведомлением об этом суда с предоставлением результатов такого следственного действия.

Следует отметить, что вынесение следователем или дознавателем постановления или судом решения предполагает применение мер государственного принуждения и соответственно ограничение конституционных прав лиц, в отношении которых следственные действия проводятся. В постановлении следователя, дознавателя или решении суда, как требует закон, должны быть изложены фактические обстоятельства, на основании которых принято решение о производстве следственного действия.

Относительно производства следственных действий ночью в условиях, не терпящих отлагательства, следует отметить, что их производство в период с 22 до 6 часов затрагивает конституционное право человека на отдых. Исходя из этого, отметим, что со следственными действиями, производимыми по постановлению следователя, дознавателя или решению суда все более или менее понятно. Фактические обстоятельства, обосновывающие их производство ночью, фиксируются в указанных выше процессуальных документах, обеспечивая тем самым возможность проверки законности обоснования такого решения. При производстве же следственных действий ночью по решению следователя или дознавателя без вынесения постановления, таких как допрос свидетеля, очная ставка, следственный эксперимент и других, фактические обстоятельства, положенные в основу ограничения конституционного права на отдых, нигде не фиксируются. Хотя такие обстоятельства должны быть гораздо более вескими по сравнению с теми, исходя из которых, такие следственные действия проводятся в дневное время. Кроме того, фактические данные, положенные в основу решения о ночном производстве следственных действий, могут быть актуальны в определенной следственной ситуации, а по прошествии времени и при изменении следственной ситуации будут казаться неактуальными, что даст возможность стороне защиты оспорить законность, а соответственно состоятельность доказательств, полученных ночью.

По нашему мнению, существует реальная необходимость прямо предусмотреть в уголовно-процессуальном законе необходимость производства всех следственных действий ночью как минимум по постановлению следо-

вателя или дознавателя, за исключением осмотра места происшествия и осмотра трупа до возбуждения уголовного дела. Тем самым будет обеспечена процессуальная обоснованность ночного производства следственного действия, затрагивающего конституционное право на отдых, и зафиксированы фактические обстоятельства, согласно которым было принято решение о времени производства следственного действия.

На основании сказанного представляется необходимым изложить статью 164 УПК РФ в следующей редакции.

1. Производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства, к которым относятся:

1) когда необходимо реализовать меры по предотвращению, пресечению преступления, закреплению его следов;

2) фактические основания к производству указанных следственных действий обнаружились в ходе производства осмотра, обыска или выемки в другом месте;

3) промедление с их производством позволит подозреваемому скрыться;

4) неотложность их проведения обусловлена обстановкой только что совершенного преступления;

5) возникла реальная угроза сокрытия или уничтожения искомых объектов;

6) при преследовании подозреваемого;

7) при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела.

2. Следственные действия, предусмотренные статьями 178 частью третьей, 179, 182 и 183 настоящего Кодекса, производятся на основании постановления следователя. При производстве указанных следственных действий ночью безотлагательно в постановлении должны быть указаны фактические данные, которые положены в основу решения о производстве следственного действия в ночное время.

3. В случаях, предусмотренных пунктами 4-9, 11 и 12 части второй статьи 29 настоящего Кодекса, следственные действия производятся на основании судебного решения. В случае необходимости производства следственных действий, предусмотренных пунктами 4-6, в ночное время следователь в постановлении, а суд в решении обязаны указать фактические данные, которые положены в основу решения о производстве следственного действия в ночное время.

4. Следственные действия, не указанные в частях второй и третьей настоящей статьи, за исключением осмотра места происшествия и осмотра трупа до возбуждения уголовного дела, в ночное время должны проводиться по постановлению следователя, в котором указываются фактические данные, которые положены в основу решения о производстве такого следственного действия безотлагательно.

Е.В. МАРКОВИЧЕВА

доктор юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и уголовного процесса, Орловский государственный университет
E-mail: marcovicheva@yandex.ru

E.V. MARKOVICHEVA

Doctor of Law, Associate Professor, Department of criminal law and criminal trial, Orel State University
E-mail: marcovicheva@yandex.ru

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОСУДИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

RESTORATIVE MODEL OF JUVENILE JUSTICE

Статья раскрывает некоторые особенности восстановительного подхода к уголовному судопроизводству в отношении несовершеннолетних. Внимание читателя акцентируется на возможностях примирительных процедур с участием несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, медиация, несовершеннолетний правонарушитель.

The article reveals some features of the restorative approach to criminal proceedings against minors. The reader's attention is focused on the possibilities of conciliation procedures involving juvenile offenders.

Keywords: restorative justice, mediation, juvenile offenders.

В современной России проблема преступности несовершеннолетних относится к числу одной из наиболее злободневных. Это связано как со стабильно высокими количественными показателями и ухудшением качественной структуры подростковой преступности, так и с ее омоложением. В такой ситуации требуется переосмысление основных подходов к уголовному преследованию несовершеннолетних, механизму привлечения их к уголовной ответственности и освобождения от нее.

Научный и практический интерес к обозначенным выше вопросам оставался достаточно высоким на протяжении последних двадцати лет. Предпринимались попытки внедрения в российскую судебную систему зарубежных моделей ювенального правосудия, проводилась значительная работа по экспериментальной апробации различных ювенальных технологий в отношении несовершеннолетних правонарушителей. К сожалению, в последние годы внимание законодателей, правоприменителей и ученых в большей степени направлено на проблемы защиты и обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших. Безусловно, эта проблематика является не менее значимой, но, на наш взгляд, следует исходить из того, что решение одной задачи не должно отменять необходимость решения другой.

Для современного уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних весьма значимой является реализация восстановительной функции, обеспечивающей выведение ювенального правосудия на принципиально новый уровень. Восстановительная функция такого судопроизводства направлена на достижение баланса в конфликтных отношениях между жертвой, правонарушителем и сообществом в целом, чтобы восстановить соответствующие социальные отношения. Восстановительная функция позволяет формировать у не-

совершеннолетнего обвиняемого элементы рефлексии, способность давать адекватную оценку своим, в том числе и противоправным действиям. При этом сокращается время производства по делу за счет прекращения уголовного преследования в связи с примирением и возмещением ущерба, а также снижается риск негативного воздействия на несовершеннолетнего самой системы уголовного судопроизводства. Восстановительная функция позволяет привлечь внимание потерпевшего к личности несовершеннолетнего, позволяет потерпевшему принять участие в формировании программы его ресоциализации.

Восстановительная модель отправления правосудия – это определенный этап развития ювенального уголовного судопроизводства. В основе этой модели лежит обязательность создания условий для межличностного общения преступника и жертвы и применение альтернативных мер разрешения уголовно-правового конфликта. Таким образом, «обозначенную линию развитию детского правосудия нужно рассматривать как двунаправленную – и на удовлетворение интересов и потребностей жертв, и на воспитательное воздействие по отношению к самому правонарушителю» [5, с. 144].

Восстановительное правосудие не мыслится без процедур посредничества или медиации, которые способствуют решению задач по вторичной превенции несовершеннолетнего правонарушителя. При этом «восстановительную медиацию можно определить как процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости – о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций» [6, с. 165].

Для успешной реализации модели восстанови-

тельного правосудия в сфере ювенального уголовного судопроизводства необходимо соблюдение ряда условий, в частности: признание несовершеннолетним уголовно преследуемым лицом своей вины и принятие на себя ответственности за совершенные противоправные действия; согласие жертвы преступления на участие в восстановительной программе; наличие профессиональных медиаторов.

На сегодняшний день актуальным представляется исследование возможности вживления в российскую правоприменительную практику и, в частности, в ювенальное уголовное судопроизводство, процедуры медиации, то есть процедуры примирения потерпевшего и правонарушителя с помощью и участием профессионального посредника.

К сожалению, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 199-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1] не предусматривает возможность использования медиационных процедур для урегулирования уголовно-правового конфликта. Однако существует надежда, что данный вопрос станет предметом отдельной законодательной работы. В пользу этого, в частности, свидетельствует принятие 30 июля 2014 года специальное Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1430-р, утверждающее «Концепцию развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации» [2].

Введение процессуальной фигуры профессионального медиатора могло бы помочь решению целого ряда проблем, обеспечивая в первую очередь более высокий уровень вторичной превенции, поскольку возможно варьирование условий примирения с помощью посредника-медиатора и переход на более высокий уровень разрешения конфликта. При этом введение примирительных процедур в ювенальное уголовное судопроизводство ни в коей мере не умаляет роли суда или органов, осуществляющих уголовное преследование, поскольку, окончательное решение принимается не медиатором или потерпевшим и правонарушителем, а соответствующим должностным лицом.

Реализация восстановительной функции в рамках ювенального уголовного судопроизводства предполагает разработку специальной восстановительной программы. Условиями участия подростка-правонарушителя в такой процедуре должны быть: добровольное согласие несовершеннолетнего на участие в восстановительной программе; согласие несовершеннолетнего своими активными действиями загладить вред и принести потер-

певшему извинения; совершение несовершеннолетним впервые преступления небольшой и средней тяжести.

К настоящему времени в России уже накоплен собственный опыт проведения медиационных процедур в рамках применения восстановительного подхода к несовершеннолетним. Одним из перспективных направлений такой работы видится использование возможностей семейных конференций. Следует согласиться с авторами, подчеркивающими, что данная модель несет в себе большой потенциал, поскольку «в Семейной конференции появляется дополнительный контекст – отношение к ситуации правонарушения семьи как группы, обсуждение стратегий воспитания несовершеннолетних родителями, что в итоге может быть включено в план по заглаживанию вреда. Это существенно расширяет как возможности коммуникации сторон, так и возможности обвиняемого загладить вред» [3, с. 104]. Такой подход ценен именно более активной позицией участников конференции, в первую очередь, родителей несовершеннолетнего правонарушителя. Осознание последними причин, приведших несовершеннолетнего к совершению противоправного действия, так же, как и анализ собственного участия в воспитании подростка, являются необходимыми предпосылками эффективного применения к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия.

Полагаем, что российскому обществу еще предстоит осмыслить социальную значимость и воспитательное воздействие механизма восстановительного правосудия. В полной мере это касается и процедур медиации. Однако использование последних требует существенной законодательной и организационной работы. Восстановительные процедуры в рамках ювенального уголовного судопроизводства возможны только в том случае, если существуют потенциальные возможности примирения с потерпевшим и возмещения ему ущерба, причиненного преступлением. В рамках восстановительной парадигмы «речь идет о специальных инструментах реализации публично-правовой задачи уголовного судопроизводства, связанной с созданием максимально благоприятных и по возможности лишенных признаков «вторичной виктимизации» условий для быстрого и полного возмещения потерпевшему ущерба, причиненного преступлением» [4, с. 240].

В связи с этим представляется актуальным исследование возможности вживления в российскую правоприменительную практику и, в частности, в ювенальное уголовное судопроизводство, широко распространенной во многих зарубежных государствах процедуры медиации – процедуры примирения потерпевшего и правонарушителя с помощью и участием профессионального посредника.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 199-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
2. Распоряжение Правительства РФ № 1430-р от 30.07.2014 об утверждении «Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния... » // Российская газета. 04.08.2014.
3. *Великотская А.* Семейные конференции: особенности и возможности технологии // Вестник восстановительной юстиции. 2011. № 8. С. 101-109.
4. *Головко Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве: Монография. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. 544с.
5. *Карнозова Л.М.* Программы восстановительного правосудия с несовершеннолетними правонарушителями // Психология и право. 2012. № 4. С. 143-153.
6. *Максудов Р.Р.* Базовые элементы концепции восстановительной медиации // Психология и право. 2012. № 4. С. 165-175.

References

1. Federal Law of 27 July 2010 № 199-FL “On Alternative dispute resolution process involving a mediator (mediation)” // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2010. № 31. Art. 4162.
 2. Order of the Government of the Russian Federation № 1430-r dated 30.07.2014 on the approval of the “Concept of development up to 2017 network mediation services for the implementation of restorative justice for children, including those committed socially dangerous acts.... // Russian newspaper. 08.04.2014.
 3. *Velikotskaya A.* Family conferences: the features and capabilities of the technology // Bulletin of restorative justice. 2011. № 8. Pp. 101-109.
 4. *Golovko L.V.* Alternatives to prosecution in modern law: Monograph. - SPb.: Publishing house “Press Law Center”, 2002. 544 p.
 5. *Karnozova L.M.* Restorative justice programs with juvenile offenders // Psychology and Law. 2012. № 4. Pp. 143-153.
 6. *Maksudov R.R.* The basic elements of the concept of restorative mediation // Psychology and Law. 2012. № 4. Pp. 165-175.
-
-

A.V. МЕРКУЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского процесса, предпринимательского и трудового права, Орловский государственный университет

A.V. MERKULOVA

Candidate of Law, Associate Professor, Department of civil process, entrepreneurial and labour law, Orel State University

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ КАТЕГОРИИ «ПРАВОСУДИЕ»

LEGAL UNDERSTANDING OF THE CATEGORY OF 'JUSTICE'

В статье анализируется понятие правосудия как юридической категории, исследуются характерные признаки правосудия, уточняется их содержание.

Ключевые слова: правосудие, юридические признаки правосудия.

The concept of justice as a legal category is analyzed in the article; the author investigates the characteristics of justice and specifies their content.

Keywords: justice, legal attributes of justice.

Важнейшим компонентом функционирования любой экономической системы, любого государства на принципах справедливости является правосудие.

Правосудие представляет собой многогранное явление. Соответственно таким же многоаспектным является и отражающее его понятие.

В философско-феноменологическом аспекте «правосудие» понимается как исполняемый ритуал (акт, действие), направленное на приобретение законной силы случая применения права при разрешении каких-либо споров. Вынесенное решение само может приобрести силу закона, равную применённой правовой норме (судебный прецедент).

В толковом словаре Живого великорусского языка [1], «правосудие» – «правый суд, решение по закону, по совести, правда». С.И.Ожегов определил правосудие как «деятельность судебных органов» [3]. В словаре Д.Н. Ушакова [5] под правосудием понимается и «деятельность судебных органов, основанная на законе», и «судебная деятельность государства (юстиция)» вообще.

Как юридический термин, «правосудие» включено в нормы Конституции Российской Федерации. Конституция России [2] указывает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. В федеральном конституционном законе РФ «О судебной системе Российской Федерации» [6] в части первой ст. 4 также подчёркивается, что «правосудие» в Российской Федерации осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и настоящим Федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов и судов, не предусмотренных настоящим Федеральным конституционным законом, не допускается». Заметим, что понятие «правосудие» закреплено в Конституции РФ неоднократно, в связи с раз-

ными правовыми ситуациями. Так, ст. 32 Конституции РФ устанавливает право граждан РФ «участвовать в отправлении правосудия»; ст. 50 Конституции РФ запрещает при осуществлении правосудия использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона, ст. 52 Конституции РФ гласит, что «государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба».

Однако включенная в нормативные акты данная категория, на наш взгляд, пока не получила должного научно-юридического обоснования.

Очевидно, что, определяя понятие «правосудие», необходимо опираться на соответствующие правовые нормы и институты.

В широком смысле «правосудие» – это сфера юстиции, включая процессуальную и исполнительную деятельность [7]. В содержание понятия «правосудие» нередко включается только судебная деятельность по рассмотрению и разрешению различных категорий дел [4]. Это понимание правосудия в узком смысле.

Не вдаваясь в анализ существующих в научной среде подходов, отметим, что характеристика правосудия как юридического понятия будет содержательнее и полнее, если рассмотреть его через призму признаков.

В научной доктрине традиционно выделяют следующие признаки понятия «правосудие».

Во-первых, правосудие осуществляется только судом (специальными государственными органами в лице судей). *Во-вторых*, суды и присяжные заседатели обладают особым правовым статусом, обеспечивающим их независимость и самостоятельность при принятии решений. *В-третьих*, правосудие осуществляется путём рассмотрения гражданских, конституционных, уголовных, административных и арбитражных дел. *В-четвёртых*, правосудие реализуется через гражданс-

ское, конституционное, уголовное и административное судопроизводство. *В-пятых*, акты реализации правосудия носят общеобязательный характер.

Первый признак правосудия закреплен в ст. 118 Конституции РФ. Он означает, что осуществление правосудия является видом государственной, правоохранительной деятельности, которая составляет исключительную компетенцию суда. Второй – правосудие осуществляется путём рассмотрения гражданских, конституционных, уголовных, административных и арбитражных дел. Гражданские дела охватывает многообразный круг споров или правонарушений, касающихся имущественных и некоторых неимущественных прав и законных интересов частных лиц (российских граждан, иностранцев, лиц без гражданства), предприятий, учреждений и организаций. Среди дел этой категории можно найти дела, возникшие в связи с неуплатой кем-то долга, невыполнением обязательств по заключенному договору, незаконным увольнением с работы, выселением с занимаемой жилплощади, опубликованием в печати или иных средствах массовой информации порочащих сведений, ненадлежащим исполнением родительских обязанностей и т.д.

Следующий признак указывает, что правосудие реализуется через гражданское, конституционное, уголовное и административное судопроизводство. Конституционное судопроизводство охватывает рассмотрение дел о соответствии Конституции федерального и регионального законодательства, разрешение споров между органами власти, проверку жалоб граждан о нарушении конституционных прав и толкование Конституции. Гражданское судопроизводство включает правосудие по спорам о нарушении личных и имущественных прав граждан и прав юридических лиц. Суды общей юрисдикции в порядке гражданского судопроиз-

водства рассматривают также заявления граждан о нарушении их прав и свобод. Арбитражные суды разрешают экономические и иные споры между юридическими лицами, а также отдельные вопросы по заявлениям физических лиц – предпринимателей. Административное судопроизводство связано с решениями суда по пропступкам, посягающим на государственный или общественный порядок, собственность, права и свободы граждан, если такого рода умышленные или неосторожные действия предусмотрены законом об административной ответственности и по своему характеру не влекут уголовного наказания. Уголовное судопроизводство – это рассмотрение дел о готовящихся или совершенных преступлениях, под которыми понимаются общественно опасные деяния, запрещенные уголовным кодексом под угрозой уголовного наказания.

Признак, указывающий, что акты реализации правосудия носят общеобязательный характер, предполагает, что судебные решения носят общеобязательный характер и являются обязательными для исполнения всеми должностными лицами, органами, организациями и гражданами, в отношении которых они вынесены либо которым адресованы.

С учетом вышеуказанных признаков, на наш взгляд, следует согласиться с М.М. Рассоловым, определяющим «правосудие» как осуществляемую судом правоохранительную деятельность по рассмотрению и разрешению гражданских, уголовных и подведомственных судам административных дел при неуклонном соблюдении требований закона и установленного им порядка, обеспечивающих законность, обоснованность, справедливость и общеобязательность судебных решений [4].

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что обозначенные в данной статье вопросы будут привлечены к вниманию законодателями.

Библиографический список

1. *Даль В. И.* Толковый словарь Живого великорусского языка. Т. III. М., 1998. С. 380.
2. Конституция Российской Федерации – принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. № 237. 25 декабря 1993 года. (с последующими изменениями), ст. 118.
3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Изд. 15. М., 1984. С.511.
4. *Рассолов М.М.* Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2012 . С 24.
5. *Ушакова Д. Н.* Толковый словарь русского языка. М.: «Гос. ин-т Сов. энцикл.», ОГИЗ, Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935-1940. С.538.
6. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.04.2005) «О судебной системе Российской Федерации» (одобрен СФ ФС РФ 26.12.1996), ст.4.
7. *Шахарян М.С.* Гражданское процессуальное право. М.: Проспект.2012. С.47.

References

1. *Dal' V.I.* Explanatory Dictionary of the living Russian language. Vol. III. M., 1998. P. 380.
2. The Constitution of the Russian Federation – adopted by popular vote on December 12, 1993 // The Russian newspaper. № 237. December 25, 1993. (with subsequent amendments), Art. 118.
3. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. Ed. 15. M., 1984. P.511.
4. *Rassolov M.M.* Theory of State and Law: Textbook for universities. M.: UNITY-DANA. 2012. P. 24.
5. *Ushakov D.N.* Dictionary of the Russian language. M.: "State Institute Soviet Encyclopedia", OGIZ, State publishing house of foreign and national words. 1935-1940. P. 538.
6. Federal Constitutional Law of 31.12.1996 № 1-FCL (ed. from 05.04.2005) "On the Judicial System of the Russian Federation" (approved by the Council of Federation 26.12.1996), Article 4.
7. *Shaharyan M.S.* Civil procedural law. M.: Prospekt. 2012. P.47.

Ю.В. МИШИНА

преподаватель, кафедра специальных дисциплин,
Орловский юридический институт МВД России
им. В.В. Лукьянова
E-mail: ukkazluka@mail.ru

Y.V. MISHINA

Lecturer, Department of Special Disciplines, Orel Law
Institute of the Ministry of the Interior of Russia named
after V.V. Lukyanov
E-mail: ukkazluka@mail.ru

**ПРИМЕНЕНИЕ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**APPLICATION OF SEPARATE MEASURES OF THE EXECUTION OF CASES OF ADMINISTRATIVE
OFFENSES CONCERNING THE MINORS BY THE STAFF OF LAW-ENFORCEMENT BODIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Рассматриваются вопросы применения к несовершеннолетним правонарушителям мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, таких как доставление, административное задержание, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование.

Ключевые слова: меры обеспечения производства, несовершеннолетние, доставление, задержание, освидетельствование.

The questions of separate measures of the execution of cases of administrative offenses concerning the minors, such as delivery, administrative apprehension, examination on alcohol intoxication and medical examination are considered in the article.

Keywords: measures of ensuring the execution, minors, delivery, detention, examination.

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях представляют собой деятельность субъектов органов административной юрисдикции, обеспечивающую проведение процесса производства по делам об административных правонарушениях в порядке, установленном законом. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее КоАП РФ) предусматривает широкий спектр мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях предоставленных уполномоченным лицам, в числе которых сотрудники органов внутренних дел.

Целью применения таких мер является пресечение административного правонарушения, установление личности нарушителя, составление протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечение правильного и своевременного рассмотрения дела и исполнение принятого по делу решения. Поскольку применение мер производства по делам об административных правонарушениях непосредственно связано с ограничением на основании закона отдельных прав граждан, следует уделить внимание вопросам применения указанных мер в отношении несовершеннолетних лиц.

Согласно Конвенции о правах ребенка объектом особого внимания государства являются права и за-

конные интересы несовершеннолетних, в том числе попавших в сферу административного производства: «государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления...».[1] Кроме того, упрочение основных гарантий прав и законных интересов детей названо одной из целей государственной политики[7].

Производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению, если на момент совершения противоправного деяния нарушитель не достиг возраста, предусмотренного для привлечения к административной ответственности. Данная позиция законодательно закреплена в п.2 ч.1 ст. 24.5 КоАП РФ. Однако в 2014 году указанная норма была дополнена частью 3, положения которой предоставляют возможность сотрудникам органов внутренних дел применить отдельные меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении к лицам, не достигшим 16 лет, в случае выявления административного правонарушения, связанного с управлением транспортным средством. При этом производство по делу об административном правонарушении прекращается только после применения мер обеспечения производства по

делу об административном правонарушении, необходимых для пресечения соответствующего противоправного действия. Кроме того должностное лицо обеспечивает передачу несовершеннолетнего в подразделение по делам несовершеннолетних либо его доставление в служебное помещение органа внутренних дел.

Рассматривая вопрос о применении отдельных мер обеспечения производства по делам об административным правонарушениям к несовершеннолетним следует уделить особое внимание таким мерам, как доставление, административное задержание и медицинское освидетельствование.

Доставление, т.е. принудительное препровождение физического лица в целях составления протокола осуществляется в том случае, если протокол об административном правонарушении невозможно составить на месте выявления административного правонарушения, а составление протокола является обязательным.

Доставление осуществляется сотрудниками органов внутренних дел в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) или в помещение органа местного самоуправления сельского поселения. Доставление несовершеннолетних производится в служебное помещение территориального органа МВД России или в подразделение по делам несовершеннолетних, если оно находится вне помещения территориального органа[10].Основанием доставления является совершение правонарушения, влекущее меры административного наказания, антиобщественные действия, совершение правонарушения до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность. При этом, если несовершеннолетний находится в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, а показания для оказания медицинской помощи в стационарных условиях отсутствуют, доставление производится только в дежурную часть.

Срок доставления законодательно не предусмотрен, однако закреплено, что доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок[3]. О каждом случае доставления несовершеннолетнего в подразделение органов внутренних дел составляется протокол. При этом не следует думать, что доставление несовершеннолетнего для составления протокола об административном правонарушении обязательно обуславливает его последующее задержание. Административное задержание может быть применено лишь в специально оговоренных в КоАП РФ случаях. Однако если в процессе составления протокола об административном правонарушении выяснится необходимость административного задержания, то доставление перейдет в задержание.

При доставлении несовершеннолетнего в территориальный орган МВД России в соответствии с требованиями Приказа МВД России от 15 октября 2013 г. №845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел:

- устанавливают данные, характеризующие личность несовершеннолетнего, сведения о родителях или иных законных представителях, условиях воспитания;
- уведомляют незамедлительно его родителей или иных законных представителей;
- выясняют обстоятельства совершения правонарушения;
- решают вопрос о возбуждении дела об административном правонарушении;
- направляют в медицинскую организацию для медицинского освидетельствования несовершеннолетнего, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он находится в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения;
- принимают меры по выявлению лиц, склонивших несовершеннолетнего к употреблению алкогольной и (или) спиртосодержащей продукции, употреблению наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо одурманивающих веществ, установлению мест приобретения несовершеннолетним указанной продукции путем получения объяснений у несовершеннолетнего и по возможности его родителей или иных законных представителей, лиц, доставленных вместе с несовершеннолетним, а также привлечению виновных к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- передают доставленного несовершеннолетнего его родителям или иным законным представителям.

Административное задержание – кратковременное ограничение свободы физического лица – применяется в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении. В соответствии с ч.1 ст.27.5 КоАП РФ срок административного задержания не должен превышать три часа. Исключение составляют случаи задержания лиц за совершение административного правонарушения, посягающего на установленный режим Государственной границы Российской Федерации и порядок пребывания на территории Российской Федерации, административного правонарушения, совершенного во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне Российской Федерации, или нарушения таможенных правил, в случае необходимости для установления личности или для выяснения обстоятельств административного правонарушения. В указанных случаях, а также в ситуации, когда одной из мер административного наказания за совершенное административное правонарушение предусмотрен административный арест, срок административного задержания не может быть более 48 часов [3]. При этом срок административного задержания исчисляется с момента доставления, а лица, находящегося в состоянии опьянения, со времени его вытрезвления. Однако следует обратить внимание на то, что в Федеральном законе

«Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» срок административного задержания несовершеннолетнего обозначен иначе. Так, в соответствии с п.1 ч.2 ст. 21 указанного Федерального закона несовершеннолетние могут содержаться в подразделениях органов внутренних дел не более трех часов. Соответственно срок пребывания несовершеннолетнего в дежурной части территориального органа внутренних дел не может превышать трех часов, даже если задержанный допустил нарушение таможенных правил или находится в состоянии опьянения. Если уведомление родственников о задержании совершеннолетнего лица производится по его просьбе, то при административном задержании несовершеннолетнего уведомление его родителей или иных законных представителей является обязательным требованием. Следует напомнить, что право ребенка, находящегося в экстремальной ситуации (задержание, нахождение в медицинской организации и другое), на общение со своими родителями или лицами, их заменяющими закреплено законом[4]. Несовершеннолетние, в отношении которых применено административное задержание, содержатся отдельно от взрослых.

Одной из мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении является медицинское освидетельствование на состояние опьянения. В отдельную обособленную группу среди лиц, совершивших административные правонарушения, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения, законодатель выделяет лиц, управляющих транспортными средствами. К таким лицам применяется такая мера обеспечения производства, как освидетельствование на состояние алкогольного опьянения. В отличие от медицинского, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения осуществляется должностными лицами, которым предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспортного средства соответствующего вида. Особой процедуры для несовершеннолетних правонарушителей при этом законодатель не установил. Достаточными основаниями полагать, что водитель транспортного средства находится в состоянии опьянения, является наличие одного или нескольких следующих признаков:

- а) запах алкоголя изо рта;
- б) неустойчивость позы;
- в) нарушение речи;
- г) резкое изменение окраски кожных покровов лица;
- д) поведение, не соответствующее обстановке.

Перед освидетельствованием на состояние алкогольного опьянения должностное лицо, которому предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспортного средства, информирует водителя о порядке освидетельствования, после чего проводит отбор пробы выдыхаемого воздуха.

Направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших ад-

министративные правонарушения производится в соответствии с Правилами, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 23 января 2015г. №37. Особенностью направления на медицинское освидетельствование несовершеннолетних является требование об обязательном уведомлении их родителей или иных законных представителей.

В отличие от освидетельствования на состояние опьянения медицинское освидетельствование на состояние опьянения является видом медицинского обследования и представляет собой совокупность методов медицинского осмотра и медицинских исследований, направленных на подтверждение такого состояния здоровья человека, которое влечет за собой наступление юридически значимых последствий[5]. Освидетельствование на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) является одним из видов медицинского освидетельствования[5].

Медицинское освидетельствование проводится в медицинских организациях. Сведения, полученные при медицинском обследовании, в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» являются врачебной тайной. Разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, другим лицам, в числе которых и должностные лица органов внутренних дел, допускается только с письменного согласия граждан, а в случаях с несовершеннолетними – с письменного согласия законного представителя. Законное представительство в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в силу ч. 1 ст. 26 Гражданского кодекса РФ, ст. 64 Семейного кодекса РФ осуществляют родители, усыновители и попечители. В отношении лиц, не достигших 14 лет (малолетних), в соответствии с ч. 1 ст. 28 Гражданского кодекса РФ, ст. 64 Семейного кодекса РФ – родители, усыновители, опекуны.

Реализация такого положения имеет определенные сложности. В большинстве случаев родители и законные представители несовершеннолетних отказываются давать согласие на медицинское освидетельствование, тогда как по смыслу ряда статей, таких, например, как ст.ст. 6.9, 20.22 КоАП РФ для определения факта нахождения в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребления ими наркотических средств или психотропных веществ, проведение медицинского освидетельствования необходимо.

В современных условиях применение мер обеспечения по делу об административном правонарушении имеет важное значение. Вместе с тем принудительное воздействие указанных мер должно осуществляться в строгом соответствии с законом, исключая ущемление прав законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, и особенно несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989г.) [Электронный ресурс]: // Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 11.02.2015г.).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30 ноября 1994г. 51-ФЗ // Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.02.2015г.).
3. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30 декабря 2001г. № 195-ФЗ// Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.02.2015г.).
4. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29 декабря 1995г. №223-ФЗ// Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.02.2015г.).
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21 ноября 2011г. №323-ФЗ// Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.02.2015г.)/
6. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24 июня 1999г. №120-ФЗ// Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.02.2015г.).
7. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24 июля 1998г. №124-ФЗ// Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.02.2015г.).
8. Правила направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2015г. №37// Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.02.2015г.).
9. Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и Правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 2008г. №475// Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.02.2015г.).
10. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 15 октября 2013г. № 845 // Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 6.02.2015г.).

References

1. Convention on the Rights of the Child. New York, November, 20 1989. Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru>
2. Civil Code of the Russian Federation. Federal Law November, 30 1994 51-Federal Law. Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru>
3. Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Federal Law December, 30 2001. №195 – Federal Law. Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru>
4. Family code of the Russian Federation. Federal Law December, 29 1995. №223-Federal Law. Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru>
5. About Bases of Protection of Public Health in the Russian Federation. Federal Law November, 21 2011. №323-Federal Law. Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru>
6. About bases of system of prevention of neglect and offenses of minors. Federal Law June 24 1999 №120 – Federal Law. Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru>
7. About the main guarantees of the rights of the child in the Russian Federation. Federal Law July, 24 1998 №124 – Federal Law. Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru>
8. Rules of the direction on medical examination on a state of intoxication of the persons who made administrative offenses. Resolution of the Government of the Russian Federation. January, 23 2015. №37. Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru>
9. About the approval of Rules of survey of the person which operates the vehicle, on an alcohol intoxication and registrations of its results, the directions of the specified person on medical examination on a state of intoxication, medical examination of this person on a state of intoxication and registrations of its results and Rules of definition of availability of drugs or psychotropic substances in a human body when carrying out medical examination on a state of intoxication of the person who operates the vehicle. Resolution of the Government of the Russian Federation. June, 26 2008. №475. Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru>
10. About the approval of the Instruction on the organization of activity of divisions for minor of law-enforcement bodies of the Russian Federation. Order of the Ministry of the Interior of the Russian Federation October 15, 2013 №845. Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru>

К.И. ПОЛЯКОВ

аспирант, кафедра международного и международного частного права, Орловский государственный университет

E-mail: kostya_polyakov@list.ru

В.А. НИКИФОРОВ

доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой международного и международного частного права, Орловский государственный университет

E.mail: nikiforov-v.a@yandex.ru

K.I.POLYAKOV

Graduate student, Department of International and International Private Law, Orel State University

E-mail: kostya_polyakov@list.ru

V.A. NIKIFOROV

Doctor of Law, Professor, head of the Department of international and private international law, Orel State University

E.mail: nikiforov-v.a@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО МОРСКОГО ПРАВА

PRINCIPLES OF THE INTERNATIONAL SEA LAW

В статье формулируются доктрины правовой природы морского права, также указываются принципы морского права. На основании изученных законов, конвенций и доктрин в статье дается перечень главных и общих принципов международного права и отраслевых принципов международного морского права. На примере глобальной правовой системы отражена концепция образования и природа регулирования общественных отношений при помощи принципов морского права.

Ключевые слова: принцип, юрисдикция, статус, режим, морские пространства, морской порт.

In the course of the study in this article doctrines of the legal nature of law of the sea are formed, also the principles and problems are identified. Based on the study of the Law, conventions and doctrines the article reflects list of the main and general principles of international law and branch principles of international law of the sea. On the example of the global legal system the concept of formation and the nature of regulation of public relations due to principles of maritime law reflected.

Keywords: principle of jurisdiction, status, mode, sea space, sea port.

Одна из особенностей международного морского права состоит в том, что оно в значительной степени сформировалось из обычных норм. Если во всех внутренних системах права значение обычая постоянно снижалось, то в международном морском праве этот источник традиционно играл и продолжает играть существенную роль. Как известно, именно в договорном морском праве под влиянием научно-технического прогресса чаще всего возникают новые проблемы, требующие правового регулирования на универсальной основе, и обычай является основным способом создания новых юридически обязательных правил поведения государств. В соответствии со ст. 38 Статута Международного суда ООН обычай определяется как «доказательство общей практики, признанной в качестве правовой нормы». Таким образом, отправной точкой, первым составным элементом обычая является практика. Обычное право – это продукт практики, устанавливающий принципы регулирования международно-правовых отношений. Международное морское право является отраслью международного права, которое представляет собой совокупность согласованных международным сообществом принципов и норм, определяющих правовой статус морских пространств и регулирующих отношения между

субъектами международного права по использованию Мирового океана, его дна и недр в различных целях. Как указывал А.Д. Мовчан, в доктрине международного права в последнее время стали появляться такие понятия, как «основные отраслевые принципы» и «принцип отрасли» общего международного права.[4] Для определения юридической природы происхождения принципов, необходимо понять, что это такое и откуда они берутся. В первую очередь с точки зрения дуалистической доктрины взаимодействия правовых систем, принципы из области международного морского права, которыми руководствуется прибрежные государства или государства, не имеющие выхода к морю, выражаются посредством имплементации в своей национальной правовой регламентации закона в соответствии с общепризнанными принципами, закрепленными в конвенциональной форме. В дальнейшем такие общепризнанные принципы устанавливают для морских пространств международно-правовые режимы, то есть пространства приобретают свой режим или статус. Для концентрации в области системного представления природы принципов международного морского права стоит сказать про понимание правового режима и статуса, по сути результата таковых «принципов» – правового явления, отвечающего сегод-

нявшим общественным отношениям в области морской деятельности. Отечественные ученые обращают внимание на важность различия таких результативных понятий, как «правовой режим» и «статус». [2] Понятие «правовой режим» связано с совокупностью прав и обязанностей государств по использованию данного морского пространства. Что касается статуса пространства, то здесь речь идет о подчиненности этого пространства суверенитету или только юрисдикции прибрежного государства.[3]

Итак, определяя природу принципов международного морского права, можно сказать, что таковые являются совокупностью общепризнанных временем в понимании обычая, обыкновения международного договора, учредительного международного договора, порядка, определяющего права или обязанности субъекта, выраженные по форме статуса или режима. Приведем пример работы таковых в конвенционном представлении, основные принципы которого в первую очередь защищают суверенитет государственных территорий, а также говорит об открытости моря и всеобщем наследии человечества. Таким образом, в Конвенции ООН об открытом море 1958 г. изначально закладываются условия императивного соблюдения в случае присоединения подписания и ратификации. Также в конвенции ООН по морскому праву, принятой в 1982 году, еще на этапах ее формирования на первых слушаниях 1958 года в систему закладывали принципы, приведенные в конвенции ООН об открытом море 1958 г., тем самым подчеркивая аспект обязательности соблюдения таковых, в том числе и на суверенной территории государства. Итак, говоря о природе принципов морского права, необходимо отметить, что направлены они в первую очередь на регулирование юрисдикции прибрежного государства в отношении внутренних вод и территориального моря. Следует понимать совокупность правомочий органов управления прибрежного государства в связи с осуществлением ими исполнительной и распорядительной деятельности в отношении иностранных судов. Пределы таких ограничений, например, – в области административной юрисдикции, где действует принцип полной компетенции власти прибрежного государства, и изъятия из него совершенно невозможны, так как они противоречили бы самой идее суверенитета прибрежного государства. В данном случае имеются в виду акватория порта, земельные границы сухопутной территории порта и прилежащих портовых сооружений. То есть, находясь в водах, подпадающих под юрисдикцию иностранного государства, любое судно обязано выполнять все изданные прибрежным государством правила и предписания административно-правового характера, осуществляемые в целях защиты своих экономических интересов, обеспечения безопасности плавания, санитарной охраны и т.п. Но несмотря на то, что административная юрисдикция имеет, казалось бы, сугубо внутренний характер, условия ее осуществления над иностранными судами предусматриваются рядом международных соглашений, посредством общих prin-

ципов режима наибольшего благоприятствования или установления национального режима. Помимо многосторонних договоров государства заключают также локальные двусторонние и многосторонние договоры по различным вопросам морской деятельности: Конвенция по защите морской среды района Балтийского моря 1974 года; Конвенция о рыболовстве в северо-восточной части Атлантического океана 1980 года; Конвенция о защите Чёрного моря от загрязнения 1992 года, Конвенция по защите морской среды Каспийского моря 2003 года.

А.П. Мовчан к числу основных принципов международного морского права относит: свободу открытого моря, сохранение и рациональное использование морских живых ресурсов, свободу морских научных исследований, охрану морской среды, использование Мирового океана в мирных целях. [5] Следует добавить сюда еще один принцип, который находится в настоящее время в процессе формирования. Речь идет о принципе управления морскими живыми ресурсами. [6] В морском праве также применяют общие принципы международного права. 1) Итак, в использовании источников, определяющих те или иные принципы, стоит отметить принцип мирного сосуществования. Статья 1 Устава ООН обязывает «поддерживать международный мир и безопасность» и «развивать дружественные отношения между нациями». Действие этого принципа находит отражение и в деятельности ВМФ, он лежит в основе взаимоотношений между военными кораблями разных флагов в процессе использования ими морей и океанов в мирное время. Военные корабли рассматриваются в международном праве как специальные органы своих государств, действующие по уполномочию верховной власти. 2) Принцип уважения государственного суверенитета. Руководствуясь этим принципом, военные корабли должны уважать установленные государствами морские границы, ширину территориальных вод, правила плавания в них. Военные корабли одного государства не могут навязывать свою волю кораблям другого государства. 3) Принцип равноправия государств. В силу принципа суверенного равенства и равноправия государств любые действия в лице его правомочных органов или представителей пользуются иммунитетом. Основываясь на этом принципе, военные корабли всех флагов как специальные органы своих государств обладают иммунитетом, они равноправны и в их законную деятельность недопустимо никакое вмешательство каких-либо органов или властей других государств. 4) Принцип ненападения. В силу этого принципа военные корабли при происшествиях в Мировом океане не должны прибегать к оружию, если нет акта вооруженной агрессии или преднамеренного нападения. В то же время при умышленном использовании противной стороной оружия каждый военный корабль имеет право на самооборону. 5) Принцип мирного разрешения международных споров. Споры, возникающие между государствами и их органами, например, военными кораблями в процессе использования ими морских пространств, также подлежат разрешению

мирными средствами.6) Принцип невмешательства во внутренние дела других государств. В силу этого принципа военные корабли одного государства не могут препятствовать законным действиям военных кораблей другого государства в Мировом океане.

Вступая во взаимоотношения друг с другом, военные корабли разных флагов не должны допускать действий, которые бы рассматривались как помехи действиям кораблей другого государства (например, при слежении, поиске, сопровождении). Вернемся к области морского права, которая имеет свои специфические принципы, и расширим их перечень: принцип свободы открытого моря; принцип свободы мореплавания; принцип свободы воздухоплавания; принцип свободы морских промыслов; принцип свободы прокладывать кабели и трубопроводы; принцип свободы научных исследований; принцип установления территориальных вод; принцип иммунитета военных кораблей и государственных судов; принцип мирного использования морского дна и др. Из перечисленных важным, по мнению В.Т. Батычко, является следующий: принцип свободы открытого моря – все государства обладают равными правами по использованию открытого моря. [1] Этот принцип – один из старейших в международном морском праве. Описание ему дал ещё Г. Гроций в своей работе «Mare liberum» 1609 г.

Сегодня, согласно Конвенции ООН по морскому праву, он гласит: «Никакое государство не может претендовать на подчинение открытого моря или его части своему суверенитету» (ст. 89); оно открыто для всех государств – как имеющих выход к морю, так и не имеющих его. Свобода открытого моря включает в себя: свободу судоходства; свободу полётов; свободу прокладки трубопроводов и кабелей; свободу возводить искусственные острова и другие установки; свободу

рыболовства; свободу научных исследований. Кроме этого, устанавливается, что открытое море должно использоваться в мирных целях. Дополнительно отметим принцип исключительной юрисдикции государства флага, который означает, что государство обладает полным контролем над судном, принадлежащим или зарегистрированным в государстве. Статья 92 Конвенции по морскому праву гласит: торговое судно в открытом море подчиняется исключительной юрисдикции государства своего флага и в его законную деятельность не вправе вмешиваться никто, кроме случаев, когда: судно занимается пиратством; судно занимается работорговлей; судно занимается несанкционированным вещанием, т. е. передаёт в нарушение международных правил радио- и телепрограммы, предназначенные для принятия населением (за исключением сигналов бедствия). В этом случае арестовать судно и конфисковать аппаратуру может: государство флага судна; государство регистрации вещательной установки; государство, чьим гражданином является лицо, осуществляющее вещание; любое государство, где могут приниматься передачи; любое государство, санкционированной связи которого такое вещание чинит помехи. А также кроме тех случаев: если судно не имеет национальности (плывёт без флага); судно плывёт без флага или под флагом иностранного государства, но в действительности имеет ту же национальную принадлежность, что и задерживающий военный корабль.

Таким образом, принципы международного морского права являются весьма сложной системой взаимодействующих норм, обычаев и обыкновений, в том числе всего международного права, направленные на установление прав и обязанностей субъектов, создающих такие международные правовые явления.

Библиографический список

1. Батычко В.Т. Международное право. Таганрог, 2011.
2. Ковалев А.А. Современное международное морское право и практика его применения. 2001. С. 66-109.
3. Колодкин А.Л. Мировой океан: международно-правовой режим, основные проблемы, статут. 2007.
4. Мовчан А.П. Международное морское право. (Основные положения). Учеб. пос. М., 1997.
5. Мовчан А.П. Международный правопорядок. 2003.
6. Спивакова Т. И. Принцип управления морскими живыми ресурсами -формирующийся принцип международного морского права. «Российский ежегодник международного права, 1992», «Россия-Нева», С.-П., 1994. С. 100-116.

References

1. Baticko V.T. International law. Taganrog. 2011.
2. Kovalev A.A. Modern international maritime law and practice.2001. Pp.66-109.
3. Kolodkin A.L. Oceans international legal regime major problems. 2007.
4. Movchan.A.P. International maritime law. (Basic Provisions). Textbook.M.,1997.
5. Movchan.A.P. International legal order. 2003.
6. Spivakova T.I. Principle of management of marine living resources – the forming principle of international law of the sea. In the “Russian Yearbook of International Law, 1992”, “Russia-Neva”,S-P.,1994. Pp.100-116.

Н.В. СПЕСИВОВ

аспирант, кафедра уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: nikita_spesivov@bk.ru

N.V. SPESIVOV

Graduate student, Criminal procedure department,
Saratov State Law Academy
E-mail: nikita_spesivov@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTATING INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS STANDARDS IN THE RUSSIAN LEGISLATION

На основе анализа международного и российского законодательства, исследований российских и зарубежных ученых, а также правоприменительной практики автор рассматривает некоторые возникающие в теории и на практике проблемы имплементации международных стандартов прав личности как минимальных правовых требований, необходимых для существования международной системы обеспечения прав человека.

Ключевые слова: международные стандарты прав человека; общепризнанные принципы и нормы международного права, Конституция РФ, процесс имплементации.

Based on the analysis of international and Russian law studies, Russian and foreign scientists, as well as law enforcement, the author examines some of the theory and practice problems of implementation of international standards of human personality as minimum legal requirements necessary for the existence of the international system of human rights.

Keywords: international human rights standards; universally recognized principles and norms of international law, the Constitution, the implementation process.

Для российской правовой системы последнего десятилетия характерна интернационализация источников права, поскольку в государстве и обществе наступило осознание того, что только путем совместных усилий можно добиться эффективного разрешения социально-правовых проблем, одним из инструментов которого как раз и выступают международные стандарты прав человека. Россия, позиционируя себя частью мирового сообщества, в настоящее время связана многими международными обязательствами, что предполагает постепенное осуществление общей трансформации (инкорпорации) признаваемых государством в качестве обязательных международно-правовых норм. Статья 15 Конституции России предусматривает положение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры страны являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены внутренним законодательством, то применяются правила международного договора. Требование учитывать международные стандарты в сфере прав и свобод человека и гражданина также содержится в ч. 1 ст. 17 Конституции, в соответствии с которой в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией страны.

Тем самым, закрепив приоритет международных до-

говоров над национальными законами, Конституция РФ одновременно указывает на взаимосвязь и взаимодействие общепризнанных принципов и норм международного права и соответствующих положений российского Основного закона в части регулирования прав и свобод человека. Именно этим обеспечивается принцип международной законности, которая складывается из соблюдения государствами своих национальных конституций и из обязательности следования международным соглашениям и договорам. И чем лучше состыкованы действия государств на мировой арене с международно-правовыми нормами, тем выше уровень безопасности на планете [1].

В то же время общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации не являются надконституционными, а выступают частью российской правовой системы, основанной на Конституции РФ. Ныне можно говорить о восприятии сложившихся международных стандартов на высшем конституционном уровне в масштабах правотворчества и правоприменения [2].

Вместе с тем международные стандарты не должны восприниматься слепо, как нечто непреложное, так как это может привести к утрате национальной идентичности государства. Они не исключают адаптированного восприятия с учетом традиций и специфики национальной правовой системы. Таким «правовым фильтром» в процессе имплементации (или рецепции) международных стандартов могут и должны быть нормы

Конституции РФ. Принцип верховенства Конституции здесь должен неуклонно выполняться.

Процесс включения международных стандартов прав человека в национальное законодательство осложнен тем, что международно-правовые термины и категории не всегда схожи с имеющимися во внутригосударственном праве, и используемая в международных документах терминология не всегда совпадает с терминологией российского законодательства [3]. Это, например, отчетливо видно в том, как используется понятие о публичном характере уголовного судопроизводства в российском и международном процессе. В понимании европейского сообщества оно имеет трактовку гласности и доступности всех лиц к правосудию и информации о деятельности судов. В российском уголовном процессе публичность означает, что уголовно-процессуальная деятельность осуществляется в интересах всего общества и от имени государства. В соответствии с принципом публичности, следователь и дознаватель обязаны, в пределах своих полномочий, в каждом случае поступления заявления или сообщения о преступлении провести необходимую проверку и решить вопрос о возбуждении уголовного дела [4; 5].

Кроме того, международное и внутригосударственное право представляют собой самостоятельные системы права, где помимо общих черт имеются качественные отличия (по источникам, субъектам права, предмету правового регулирования, способам создания и обеспечения правовых норм и т.д.). Наконец, не все международно-правовые стандарты приемлемы в рамках отечественной правовой системы ввиду особенностей российской культуры, религии, иных факторов [6].

Поэтому следование международным стандартам, их включение в национальную правовую систему является правом государства, реализация которого во многом определяется его обязательствами перед международным сообществом, вытекающими из ратифицированных договоров или членства в международных организациях. Исходя из принципа верховенства Основного закона страны, международные стандарты должны «подкреплять положения национального законодательства при регламентации и обеспечении прав и свобод участников судопроизводства» [7].

Как представляется, на данный момент наиболее приемлемым для России является использование механизма имплементации международных стандартов, поскольку в его рамках процесс согласования международной и национальной правовых систем не преследует цели наделения норм международного права силой национальных норм, а осуществляется за счет согласования норм международного и национального права. Это позволяет достичь наделения первых способностью действовать в своем собственном качестве в правовой системе соответствующего государства с санкциями и при помощи вторых [11].

В переводе с английского “имплементация” (to implement) означает «претворить в жизнь». Данный термин прочно укоренился в отечественной и зарубежной

доктрине международного права и представляет собой деятельность государства в лице его компетентных органов, направленную на осуществление обязательств, вытекающих из заключенных им международных договоров. Имплементация международных норм предполагает не только их отражение в национальном законодательстве, но и реальное воплощение в жизнь. Реализация международных обязательств за счет использования механизма имплементации обеспечивается требованиями принципа добросовестного соблюдения международных обязательств – принципа *sunt servanda* (договоры должны соблюдаться). Данный принцип предполагает соблюдение норм международного права в соответствии с государственным суверенитетом и предполагает наличие двух последовательных стадий имплементации международных договоров в национальное законодательство: стадии выражения согласия на обязательность договора и стадии его исполнения. Задачей первой стадии является выяснение вопроса, когда и в каких формах государство выражает окончательное согласие на обязательность для него международного договора, а задачей второй стадии – установить, кем и в какой степени исполнение договоров обеспечивается в национальном праве и на практике.

Как верно отмечают западные юристы, государства свободны в выборе того, каким образом международные обязательства перевести в сферу действия внутригосударственного права, поэтому установить какие-либо универсальные средства имплементации международных стандартов в сфере отношений с участием субъектов национального права крайне затруднительно [12]. «В связи с тем, что существует более двухсот национально-правовых систем и только одна система международного права, сущность их взаимодействия, по общему правилу, раскрывается в каждой из этих национальных систем по-разному» [13].

Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» регулирует преимущественно процедуру заключения, действия и прекращения международных договоров, но не уделяет должного внимания вопросу реализации международных договоров. В итоге основная масса вопросов разрешается уже в практике органов государственной власти, а население нередко вообще не знает о существующих международных договорах, затрагивающих его права и свободы в целом и в сфере уголовного судопроизводства, в частности. Существенной недоработкой также можно назвать отсутствие конкретного срока ратификации договоров, что приводит к необоснованному затягиванию этого процесса.

Международные стандарты прав человека обеспечивают не только совершенствование национального законодательства, но и служат своеобразным ориентиром для развития правовой доктрины, для корректировки правоприменительной деятельности. Последнее имеет огромное значение, так как именно правоприменительная деятельность является заключительным этапом

реализации международных стандартов. К сожалению, активность российских правоприменителей в области применения общепризнанных принципов и норм международного права ныне не высока [8;9;10]. Вместе с тем этим вопросам все большее внимание уделяют высшие органы судебной власти в стране, указывая в своих решениях на то, что международные стандарты прав человека являются составной частью российской правовой системы, подлежащей учету федеральным

законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм [14].

Непосредственное использование международных стандартов во внутригосударственном праве позволяет реализовать общемировые тенденции, направления развития в конкретных сферах правовых отношений, игнорирование которых может привести к отставанию страны в той или иной области.

Библиографический список

1. *Лыгин Н.Я., Ткачев В.Н.* Международно-правовые стандарты и конституционная законность в российской судебной практике. Научно-практическое пособие. М., 2012. С. 6.
2. Комментарий к Конституции РФ. Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М., 2009. С. 172.
3. *De Сильвия М.* Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004. С. 363-370.
4. *Манова Н.С., Францифоров Ю.В.* Уголовный процесс. Учебник. М., 2009. С. 147.
5. *Aширбекова М.Т., Кудин Ф.М.* Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации). Волгоград, 2007.
6. *Карташкин В.А., Лукашева Е.А.* Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии // Государство и право. 2010. № 7. С. 42.
7. Международное право. Общая часть. Учебник. Отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М., 2011.
8. *Игнатьева М.В.* Влияние решений Европейского Суда по правам человека на правосудие в Российской Федерации // Международное и национальное правосудие: теория, история, практика. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2010. С. 261.
9. *Меркушев А.Е.* О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 6. С. 24.
10. *Скирда М.В.* К вопросу о влиянии актов Конгрессов Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию на правовую систему Российской Федерации // Российский судья. 2007. № 7. С. 37 и др.
11. *Sales P., Ekins R.* Right-Consistent Interpretation and the Human Rights Act 1998 // The Law Quarterly Review. 2011. April V. 127. P. 222.
12. Akehurst's Modern introduction to International Law: seventh revised edition. Red. by P. Malahczuk. London, 2004. P 64.
13. *Currie John H.* Public International Law. Ontario, Irwin Law Inc., 2001. P.194.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 ГПК РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер» // СЗ РФ. 2002. № 8. Ст. 894.

References

1. *Lygin N.Y., V.N. Tkachev.* International legal standards and constitutional legality in the Russian judicial practice. Scientific and practical guide. M., 2012. P. 6.
2. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. V.D. Zorkin, L.V. Lazarev. Moscow, 2009 . P. 172.
3. *M. de Silva* Law of the European Court of Human Rights . Guidelines jurisprudence relating to the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms. Litigation from 1960 to 2002, St. Petersburg. 2004. Pp. 363-370.
4. *Manova N.S., Frantsiforov Y.* Criminal trial. Textbook. Moscow, 2009. P. 147;
5. *Ashirbekova M.T., Kudin F.M.* Principle of publicity in the Russian pre-trial proceedings in criminal matters (the content and form of implementation). Volgograd, 2007.
6. *Kartashkin V.A., E.A. Lukashev.* International legal standards of human rights: universalism , regionalism, reality // State and Law. 2010. № 7. P. 42.
7. International law. General part. Textbook. Min. Ed. R.M. Valeev, G.I. Kurdukov. M., 2011.
8. *Ignatiева М.В.* Influence decisions of the European Court of Human Rights for justice in the Russian Federation / / National and international justice : theory, history and practice. Proceedings of the international scientific-practical conference. St. Petersburg. , 2010. P. 261.
9. *Merkushev A.E.* On some issues of judicial practice in cases involving minors // Bulletin of the Supreme Court. 2000. № 6. P. 24.
10. *Skirda M.V.* On the effect of acts of the Congress of the United Nations Crime Prevention and Criminal Justice on the legal system of the Russian Federation // Russian judge. 2007. № 7. P. 37.
11. *Sales P., Ekins R.* Right-Consistent Interpretation and the Human Rights Act 1998 // The Law Quarterly Review. 2011. April V. 127. P. 222.
12. Akehurst's Modern introduction to International Law: seventh revised edition / red. by P. Malahczuk. London, 2004 . P. 64.
13. *Currie John H.* Public International Law. Ontario, Irwin Law Inc., 2001 . P.194.
14. Decision of the Constitutional Court on February 14, 2002 number 4-P " In the case on the constitutionality of Article 140 of the Code of Civil Procedure of the RSFSR , the complaint of the citizen L.B. Fisher ' // NW . 2002 . № 8. St . 894.

В.А. ТЕЛЕГИНА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра административного и муниципального права, Орловский государственный университет
E-mail: tel -va61@mail.ru

V.A. TELEGINA

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative and Municipal Law, Orel State University
E-mail: tel -va61@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ

ABOUT THE QUESTION OF ESTABLISHING AN INSTITUTION OF INVESTIGATING JUDGES

В статье рассматривается предложение о создании института следственных судей в судебной системе РФ, анализируются теоретические, организационные и правовые вопросы. Приводятся различные мнения ученых и практиков. Делается вывод об отсутствии достаточных аргументов, конкретных предложений и четкого определения объекта реформирования.

Ключевые слова: судебная реформа, следственные судьи, предварительное расследование, судебный контроль.

This article considers the suggestion of establishing an institution of investigating judges in the judicial system of the Russian Federation. It analyzes various theoretical, organizational and legal issues, and provides opinions of different scientists and experts. It is concluded that at present there are no satisfactory arguments, specific proposals and well-defined object of reforming.

Keywords: judicial reform, the investigatory judge, preliminary investigation, judicial control.

Президент РФ В.В. Путин рекомендовал Верховному Суду РФ изучить вопрос о возможности в рамках судебной реформы введения института следственных судей. Научная полемика о необходимости усиления судебного контроля на стадии предварительного следствия ведется уже несколько лет, но эта рекомендация была воспринята многими учеными и практическими работниками как сигнал к действию. Между тем, однозначного мнения по этому вопросу нет. Даже ссылки на положительный исторический опыт 1864 г. имеют очень неоднозначные трактования, где зачастую отождествляются понятия «судебный следователь» и «следственный судья». Не отрицая определенной общности целей и задач этих институтов, следует четко понимать огромную разницу в их сущности, провести серьезную научно-исследовательскую работу. Как совершенно справедливо отмечает М.И.Калеандров, все большее беспокойство вызывает отсутствие системности и сбалансированности развития в реформировании механизма российского правосудия, [6,с.51]. Вопрос о введении института следственных судей является ярким тому примером.

Очередной виток интереса к институту следственных судей связан с «Предложениями о компетенции и порядке формирования следственных судей в Российской Федерации» [12], подготовленными Постоянной комиссией по гражданскому участию в правовой реформе Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества. Авторы представили эти предложения как

необходимые шаги для дальнейшего проведения судебной реформы с целью укрепления судебного контроля в досудебной стадии уголовного судопроизводства. Однако, при более внимательном изучении данного вопроса, можно сделать вывод о том, что речь идет не столько о реформе судебной системы, сколько о принципиальном изменении процедуры предварительного расследования. С этой точки зрения многие положения документа получают совершенно другое осмысление.

Анализ существующей научной полемики о необходимости введения в уголовное судопроизводство России фигуры следственного судьи показывает, что ее предметом стали абсолютно разные понятия, факты, опыт и правовые институты. Одни говорят о реформировании предварительного следствия, другие судебного у устройства, третьи уголовного судопроизводства в целом [1,2,3,7].

Нет ясности по этому вопросу и в предложениях, которые были представлены Президенту РФ. При таких обстоятельствах доказать необходимость введения института следственных судей, разработать доктрину развития уголовного судопроизводства и внести четкие, обоснованные предложения законодателю не представляется возможным. Следовательно, нужно сначала определиться с тем, что конкретно предлагается реформировать, какие результаты должны получить и что для этого необходимо сделать.

Так, авторы предложений апеллируют к положительному отечественному опыту функционирования

института следственных судей. Однако, одной из наиболее принципиальных новелл судебной реформы 1864 г. было введение в уголовное судопроизводство России *судебного следователя*, а не *следственного судьи*. Н.Н.Ковтун совершенно справедливо говорит о том, что «следственный судья» и «судебный следователь» – разные по сути и по выполняемым функциям субъекты. Основной функцией судебного следователя было осуществление именно предварительного следствия, в рамках которого он применял и меры процессуального принуждения, а не судебный контроль, как нам пытаются представить. В итоге пока невозможно понять: нам предлагают реформировать именно органы предварительного следствия в соответствии со столь заманчивой и неоднократно озвученной, в том числе в контексте все той же реформы, идеей создания единого независимого федерального органа расследований? Или речь все же идет о модернизации оперативного судебного контроля в уголовном процессе России (ст. ст. 108, 125, 165 УПК), отчасти не оправдавшего тех целей и задач, какими они изначально виделись по Концепции судебной реформы в стране [9, с.15].

Авторы предложений считают, что введение института следственных судей является одним из инструментов приближения к мировым стандартам защиты прав человека, ссылаясь на успешный опыт зарубежных стран в этом вопросе. Действительно, такие аргументы встречаются в научных публикациях, где чаще всего приводится в пример факт существования такого института во Франции и Германии [14]. Однако в более глубоких исследованиях по этому вопросу выявляется много спорного. Так, изучая опыт работы следственного судьи в странах континентальной системы права, Н.Н.Ковтун и Т.С.Бухранова делают вывод о том, что во Франции институт следственных судей по своей функции является именно органом предварительного следствия, а не юрисдикционным судебным органом [8, с.31,32]. Более того, французские юристы считают его работу неэффективной [15, с.35].

В Италии, Бельгии, Голландии следственный судья также осуществляет следственные функции [5,с.249]. Исследуя генезис деятельности и организации следственного судьи в Германии, Л.В.Головко отмечает следующую особенность. Несмотря на то, что следственный судья действительно осуществлял контроль за выполнением процессуальных действий, он очень зависел от прокурора. Негативное отношение юристов к этому институту отразилось во время проведения в Германии реформы предварительного следствия 1974 года. Институт следственного судьи был упразднен, а контрольную функцию исключительно для решения юрисдикционных вопросов выполняет специальный судья [4, с.13].

В Испании следственные судьи расследуют наиболее сложные уголовные дела и осуществляют судебный контроль за действиями органов предварительного следствия. Выводы Н.Н.Ковтуна однозначны: следственные судьи в континентальной системе, равно как и судебный

следователь в России 1864г., – это именно следователи. Он убедительно доказывает, что идти по этому пути нецелесообразно. Надо раз и навсегда оставить затеи, связанные с соединением в едином публичном органе функций предварительного расследования и одновременно независимого и эффективного контроля за ним (со стороны того же субъекта) [9, с.18]. Таким образом, если авторы предложений хотят реформировать предварительное следствие, прокурорский надзор и судоустройство нашего государства, то не следует так вольно трактовать исторический и международный опыт. Здесь нужен серьезный, глубокий и всесторонний анализ.

Авторы указывают на неизбежное формирование сегодня обвинительного уклона при реализации функции оперативного судебного контроля и потери независимости и самостоятельности судей при дальнейшем разрешении этого дела по существу. Однако О.А.Мядзелец, которая является практикующим судьей и ученым-процессуалистом, в своей диссертации исследовав теоретические аспекты и организационно-управленческие возможности функционирования института следственных судей, убедительно доказывает, что такое мнение надумано. Анализ судебной практики и статистики показывает, что при соблюдении норм действующего УПК РФ вряд ли говорить об этом вообще уместно. Поэтому практической необходимости введения института судебных следователей в современное уголовное судопроизводства нет. Предполагаемые преимущества не имеют под собой ни теоретической разработки, ни практического обоснования [10, с.39,40]. Порядок ст.108 УПК РФ дает возможность избежать выполнения производства контрольных функций и рассмотрения дела по существу одним и тем же судьей, что позволило исключить обвинительный уклон и предвзятость. Предлагаемый порядок создает ситуацию, когда один и тот же судья занимается и судебным контролем, и формированием доказательной базы для судебного заседания. В связи с этим следует отметить еще один важный аспект. В условиях, когда от следственного судьи зависит практически ход следствия, а прокурорский и ведомственный надзор при этом фактически устраняются, попытки влияния на судью в интересах сторон будут неизбежными. Надо откровенно признать, что повлиять на одного человека всегда легче и никакие меры правовой защиты не будут здесь эффективными. С точки зрения коррупционной составляющей такое положение гораздо более уязвимо существующего.

Сегодня оперативный судебный контроль является формой отправления правосудия. Поэтому одним из основных вопросов предложений является обеспечение состязательности на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Однако утверждать, что отчасти существующую проблему состязательности сторон можно разрешить путем создания института следственных судей, будет не совсем верно. Это всего лишь одно из средств, эффективность которого только предполагается. Недостатки в вопросе состязательности можно устраниć и посредством изменения процессуальных

обязанностей следователя, прокурора, расширения полномочий адвоката. Тот объем полномочий, которым предлагают наделить следственных судей, приведет к принятию процессуальных решений, что автоматически изменяет положение судьи в состязательном процессе, он неизбежно будет занимать позицию одной из сторон. Таким образом, ратуя за состязательность предварительной стадии уголовного судопроизводства, авторы не учили возможность нарушения независимости и незаинтересованности правосудия.

Так, А.А. Тришева, в целом поддерживающая предложение создания института следственных судей, считает, что камнем преткновения, как и в прежние времена, является вопрос о допустимости предварительной оценки судом доказательств обвинения. А также связанная с этим опасность утраты в дальнейшем, при рассмотрении дела по существу, такого фундаментального признака состязательности, как независимость суда. Это одна из причин, по которым отказались от проверки судом результатов следствия в подготовительной к судебному заседанию стадии [13, с.4]. Действительно, создание института осуществления активного судебного контроля за расследованием может повлечь за собой формальность последующего судебного рассмотрения уголовного дела по существу, поскольку на этот момент уже будет дана судебная оценка квалификации. При этом нельзя не заметить, что полномочия института следственных судей дублируют полномочия прокурора либо предполагают их замену. Однако именно прокурор конституционно уполномочен доказывать в суде обоснованность доводов по уголовному делу, в противном случае уголовный процесс потеряет свою состязательность.

Вызывает недоумение и намерения авторов «усилить» позицию защиты, так как усиление возможностей одной из сторон обязательно повлечет ослабление позиций другой. Принцип состязательности при этом будет нарушаться. К тому же сторона обвинения еще представляет и интересы потерпевшего, которые не менее важны с точки зрения защиты прав и свобод человека и гражданина.

Одной из болевых точек является доступность и оперативность судебного контроля. Предполагается, что институт следственных судей будет введен на уровне областных, краевых и республиканских судов. Авторы предложений объясняют это тем, что порядок расследования с участием следственных судей ограничится только экономическими преступлениями и делами о преступлениях, подсудных областному звену. При этом совершенно непонятно, каким образом такой порядок может упростить работу следователей. Подсудность областного суда и территориальная подследственность редко совпадают. Следствие по этим категориям дел может вестись на достаточно удаленном от областного центра расстоянии. Между тем, следователь обязан будет обращаться к следственным судьям по вопросам признания доказательствам надлежащей процессуальной формы, присутствовать при рассмотрении жалобы

на его действия, закрепления доказательства стороной защиты. Затраты огромного количества времени на поездки неизбежно негативно скажется на оперативности проведения необходимых следственных действий, сроках содержания под стражей. Критикуя письменно-протокольную форму ведения предварительного расследования, авторы предлагают еще более сложную и затратную процедуру постоянных письменных обращений к следственному судье, представлению ему большого количества документов.

Предлагается создать еще одну конструкцию в судебной системе – отдельную следственную палату по судебному контролю за действиями самих следственных судей. Утверждение о возможности использования при этом положительного отечественного опыта очень сомнительно. Сегодня существует совершенно иной уголовно-процессуальный порядок, иная правовая действительность, иное государственное устройство. По Уставу 1864 года существовали судебные следователи, которые были прообразом сегодняшнего предварительного следствия, соответственно следственные камеры апелляционных судов представляли собой судебный контроль. Кроме того, О.В.Отчерцова указывает на возможность еще большего затягивания процесса и злоупотребления правом обеими сторонами, так как любое решение следственного судьи можно будет обжаловать[11, с.15].

Нужно признать, что проблема создания устойчивой российской модели предварительного расследования действительно существует. Но предложения о введении института следственных судей ее не решают. Выводы о существенных выгодах введения этого института достаточно пафосны, но мало аргументированы. При этом, говоря об усилении судебного контроля и следственных судьях, авторы замалчивают неизбежность серьезной реформы не только суда, но и прокурорского надзора и институтов предварительного расследования.

Следует признать, что мнение Л.В. Головко о необходимости строить свою, российскую модель предварительного расследования без бесконечных шараханий в угоду европейским стандартам и рекомендациям международных организаций, постепенно восстанавливая положение не «объекта», но «субъекта» уголовно-процессуального влияния, очень верное и своевременное [4, с.16].

Представляется, что пути решения вопросов, связанных с усилением функции оперативного судебного контроля, могут быть различными и они пока не определены. Утверждать, что введение института следственных судей является сегодня необходимым, несущим существенные улучшения в досудебное производство, все же преждевременно. Для того требуется время, теоретические и практические обоснования, научное прогнозирование правового регулирования деятельности всех заинтересованных ведомств с учетом сегодняшних реалий.

Библиографический список

1. *Барабаш А.С.* Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009. С. 71 - 72.
2. *Божьев В.П.* Правовое регулирование первой стадии судебного производства // Уголовный процесс. 2007. № 6. С. 70.
3. *Бойков А.Д.* Третья власть в России. Книга вторая. Продолжение реформ. М., 2002. С. 32.
4. *Головко Л.В.* Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. №2. С.13,16.
5. *Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 294.
6. *Клеандров М.И.* Нужна ли России судебная реформа? // Судья. 2015. №2. С.51.
7. *Ковтун Н.Н.* Следственный судья в уголовном судопроизводстве: за и против // Российская юстиция. 2010. №9.
8. *Ковтун Н.Н., Бухранова Т.С.* Институт судебного следователя и специализированного следственного судьи в контексте опыта стран континентальной системы права // Российский следователь. 2011. №17.С.31,32.
9. *Ковтун Н.Н.* О понятии и содержании понятия «судебный следователь» («следственный судья») // Российский судья, 2010. № 5. С.15,18.
10. *Мядзелец О.А.* Следственный судья в уголовном процессе России: за и против // Российская юстиция. 2008. №6. С.39-42.
11. *Отчертцова О.В.* Возрождение института следственных судей // Уголовный процесс. 2015. №4. С.15.
12. Предложения о компетенции и порядке формирования следственных судей в Российской Федерации, подготовленные постоянной комиссией по гражданскому участию в правовой реформе Совета при Президенте РФ // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. <http://genpoc.gov.ru>, дата обращения 07.04.2015г.
13. *Тришева А.А.* Институт следственных судей – необходимое условие состязательного судопроизводства // Законность. 2009. № 7. С.5.
14. *Туманяниц А.Р.* Следственный судья как субъект уголовно-процессуальной деятельности // Уголовное судопроизводство. 2013. №1.
15. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. М., 1995.С.35.

References

1. *Barabash A.A.* Public initiation of criminal trial in Russia. SPb., 2009. Pp. 71- 72.
2. *Bojiev V.P.* Legal regulation of the first stage of judicial proceedings //Criminal proceedings. 2007. № 6. P. 70.
3. *Boykov A.D.* The third power in Russia. Book Two: continuation of reforms. M.,2002.P.32.
4. *Golovko L.V.* Archetypes of pre-trial procedure. Possible prospects for development of preliminary investigation in Russia // Criminal proceedings. 2014.№2.Pp.13,16.
5. *Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A.* Criminal proceedings in the Western world.M.,2002.P.294.
6. *Kleandrov M.I.* Does Russia need judicial reform? // Judge. 2015. №2. P.51.
7. *Kovtun N.N.* Investigating judge in criminal justice process: pros and cons // Russian justice.2010.№9.
8. *Kovtun N.N., Buhranova T.S.* Institute of court investigator and special investigating judge in the context of experience in the countries of continental law system // Russian investigator. 2011. №7. Pp.31,32.
9. *Kovtun N.N.* About the concept of “court investigator”(“investigating judge”) //Russianjudge,2010.N5.Pp.15,18.
10. *Myadzelets O.A.* “Judicial control for termination of criminal proceedings and criminal prosecution”. 2008. Pp. 39-42.
11. *Otchertsova O.B.* Restoration of investigating judges institute // Criminal proceedings. 2015. №4. P.15.
12. Suggestions about a competence and order forming of inquisitional judges in Russian Federation, prepared by a standing committee on the civil participating in legal reform of Advice at President of Russian Federation // the Official web-site of the General prosecution of Russian Federation. <http://genpoc.gov.ru>, 10.04.2015г.
13. *Trisheva A.A.* Institute of investigating judges as a necessary condition for adversarial proceedings // Course of law. 2009. № 7. P.5.
14. *Tumanyants A.R.* Investigating judge as subject of criminal procedure // Criminal proceedings.2013.№1.

А.Ю. ХАБАРОВА

ассистент, кафедра международного и международного частного права, Орловский государственный университет

A.YU. HABAROVA

Assistant, Department of the international and international private law, Orel State University

ЗАЩИТА ПРАВ РЕБЕНКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE CHILD IN INTERNATIONAL LAW

Статья посвящена рассмотрению вопросов, касающихся защиты прав ребенка в международном праве. В ней изложены основные аспекты нормотворческой деятельности по правам ребенка, освещены основные международные документы в области защиты прав человека и ребенка, выявлена связь между этими документами, приводятся базовые права ребенка и общие принципы защиты этих прав. Раскрывается основной способ защиты прав ребенка – заключение международных договоров о сотрудничестве в области защиты прав детей с иностранными государствами, а также международный механизм обеспечения прав ребенка.

Ключевые слова: защита прав ребенка, базовые права, общие принципы, Конвенция о правах ребенка, международные договоры, международный механизм защиты, Комитет ООН по защите прав ребенка, комиссия по правам человека.

The article is devoted to consideration of the questions concerning protection of the rights of the child in international law. In it the main aspects of rule-making activities for the rights of the child are stated, the main international documents in the field of protection of human rights and the child are consecrated, communication between these documents is revealed, the basic rights of the child and the general principles of protection of these rights are given. The main way of protection of the rights of the child conclusion of international treaties on cooperation in protection of the rights of children with the foreign states, and also the international mechanism of ensuring the rights of the child is revealed.

Keywords: protection of the rights of the child, basic rights, general principles, Convention on the Rights of the Child, international contracts, international mechanism of protection, UN committee on protection of the rights of the child, Commission on Human Rights.

Проблема защиты прав ребенка в настоящее время является одной из самых актуальных и востребованных тем для исследования в науке международного права. Свидетельством этому могут служить данные ООН, ВОЗ, МОТ и ряда международных неправительственных организаций, занимающихся защитой прав ребенка. Согласно данным этих организаций, в настоящее время дети в школах как в развивающихся странах так и в промышленно-развитых странах, все еще подвергаются психическому или физическому запугиванию, вовлечены в рабские трудовые отношения, оказываются жертвами торговли людьми. Это требует принятия государствами на национальном уровне мер имплементационного характера по обеспечению и защите прав детей, закрепленных в соответствующих универсальных и региональных соглашениях.

Права ребенка получили закрепление в универсальных декларациях и конвенциях по правам человека: во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. Европейским судом по правам человека были разработаны определенные правовые стандарты, регу-

лирующие положение детей в международном праве и, в частности, касающиеся их положения в семье.

Вместе с тем, на сегодняшнем этапе развития Конвенция о правах ребенка 1989 г. (далее – Конвенция) и три факультативных протокола к ней: о торговле детьми и детской порнографии, об участии детей в вооруженных конфликтах 2000 г., касающегося процедуры сообщений 2011 г. (который еще не вступил в силу), являются основными нормативно-правовыми актами, регулирующими вопросы по правам человека¹, и образуют универсальный международный инструмент по защите прав детей, подлежащих применению ко всем детям и во всех обстоятельствах.

Конвенция свела воедино, в один документ, права ребенка, которые ранее можно было отыскать только путем изучения большого числа документов, относящихся к различным областям права.

Базовыми правами ребенка, закрепленными в Конвенции, являются следующие: право на жизнь, включая выживание и здоровое развитие (ст. 6); право на регистрацию после рождения, на имя и на гражданство, право знать своих родителей и получать от них

¹ Основные международные договоры по правам человека. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных наций по правам человека. ООН-Нью-Йорк и Женева, 2006. Стр.105-175.

заботу (ст. 7); право на сохранение индивидуальности, включая семейные связи (ст. 8); право на единство семьи и право на поддержание контактов с родителями, если это не противоречит интересам ребенка (ст. 9); право на воссоединение с семьей и выезд за пределы своей страны вместе с ней (ст. 10); право свободно выражать свои взгляды и быть заслушанным в ходе любой судебной или административной процедуры (ст. 11) и др.

Конвенция вводит принципиально важное определение понятия «ребенок», под которым понимается лицо, не достигшее 18-летия, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее. В преамбуле Конвенции говорится, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения». Соответственно, главным признаком ребенка как специального субъекта являются возрастные границы, в рамках которых он существует в данном статусе.

Междунородно-правовая защита прав детей регулируется также отраслевыми принципами прав человека и специальными принципами, регулирующими исключительно правовое положение ребенка. Принципы являются правовой основой, на которой базируются конкретные нормы по защите прав ребенка, и в частности, государствам-участникам важно обеспечить то, чтобы во внутреннем праве были отражены закрепленные в Конвенции общие принципы (ст. 2,3,6 и 12).

Принцип недопустимости дискриминации (ст.2 Конвенции) подчеркивает, что государства обязуются уважать и обеспечивать все предусмотренные Конвенцией права за каждым ребенком «без какой либо дискриминации независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного положения, состояния здоровья и рождения ребенка, его родителей или законных опекунов или каких-либо иных обстоятельств».

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка (ст.3 Конвенции) предусматривает, что во всех случаях, когда действия государственных органов или частных лиц затрагивают интересы детей, первоочередное внимание должно уделяться интересам ребенка. Впервые этот принцип упоминается в Декларации прав ребенка 1959 года, где говорится, что «ребенку... должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым...». Данный принцип был отражен и в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года². Статья 5 (б) Конвенции обязывает государства предпринимать все необходимые меры с целью «обеспечить, чтобы семейное воспитание включало в себя... признание общей ответственности

мужчин и женщин за воспитание и развитие своих детей при условии, что во всех случаях интересы детей являются преобладающими». В ст.16 (1(d,f)) предусматривается, что во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений, «интересы детей являются преобладающими». Декларация 1986 года о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях, также содержит этот принцип: «При рассмотрении всех вопросов, касающихся передачи ребенка для заботы не его собственными родителями, главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка» (ст.5)³.

Кроме того, Комитет по правам человека ссылается на этот принцип в своих Общих комментариях к статье 24 Пакта о гражданских и политических правах, касающейся права ребенка на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего. Комитетом подчеркивается, что «в случае расторжения брака должны быть предприняты меры, с учетом первоочередной важности обеспечения интересов детей, по представлению им необходимой защиты и гарантирующие, насколько это возможно, сохранение личных связей с обоими родителями»⁴.

Непосредственно в качестве принципа эта норма нашла свое закрепление в Конвенции о правах ребенка, в статье 3 (1): «Во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». Принцип отражен и в других статьях Конвенции: 9 (1,3), 18 (1), 21,37 (с), 42 (iii).

В статье 6 Конвенции говорится о том, что государства-участники признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь. Государства-участники обеспечивают в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие ребенка. Термин «выживание» довольно специфичен для международных договоров в области прав человека. Он был предложен представителями ЮНИСЕФ и ВОЗ во время разработки Конвенции, которые под ним подразумевали действия государств по сокращению младенческой смертности, иммунизации детей, доступу к безопасной питьевой воде, контролю над основными детскими заболеваниями, ликвидации неграмотности и т.д.

Таким образом, *принцип соблюдения (обеспечения) права ребенка на выживание и здоровое развитие* устанавливает, что государства не только должны гарантировать ребенку право на жизнь, но и предпринимать позитивные шаги по поддержанию и продлению жизни ребенка и его полноценному физическому и духовному развитию.

³ Международные акты о правах человека. Сборник документов. М.,2000.Стр.56.

⁴ Compilation of general comments and general recommendation adopted by human rights treaty bodies. UNdoc.HRI/GEN/1//Rev.5.P.133.

Принцип свободного выражения ребенком своих собственных взглядов (ст. 12 Конвенции) означает, что каждый ребенок имеет право свободно формулировать собственные взгляды и высказывать свое мнение по всем вопросам, затрагивающим его жизнь. Родители, органы власти, общественные организации обязаны учитывать эти взгляды с учетом уровня зрелости и возраста ребенка. В качестве принципа эта норма нашла свое выражение в Конвенции о правах ребенка. Согласно ст.12 (1) государства обязуются гарантировать «ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка». Это право тесно связано с правом ребенка свободно выражать свое мнение (ст.13).

Вышеуказанные принципы были подтверждены на Всемирной конференции по правам человека 1993 года⁵, подчеркнувшей, что «во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание следует уделять не дискриминации и наилучшему обеспечению интересов ребенка, при этом надлежащее внимание должно уделяться взглядам ребенка».

На мой взгляд, еще одним важным принципом, обеспечивающим защиту и охрану прав ребенка, является *принцип особой защиты и охраны детей*. Впервые он был отмечен в Женевской декларации прав ребенка 1924 года, в которой говорилось о необходимости специальной охраны детей. В то же время следует отметить, что и в Декларации прав ребенка 1959 года этот принцип сформулирован следующим образом: «Ребенок должен при всех обстоятельствах быть среди тех, кто первым получает защиту и поддержку» (принцип 8). Данный принцип был зафиксирован во Всеобщей декларации прав человека, согласно которой материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь (ст.25 (2)). Свое дальнейшее развитие он получил в Пактах о правах человека 1966 года. В Пакте об экономических, социальных и культурных правах указывается на особые меры охраны и помощи, которые должны приниматься в отношении всех детей и подростков (ст.10(3)). Пакт о гражданских и политических правах подчеркивает право ребенка на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны семьи, общества и государства (ст.24(1)). Декларация прав ребенка 1959 года предусматривает, что «ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита» (принцип 2). И, наконец, Конвенция о правах ребенка обязывает государства обеспечить ребенку «такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия» (ст.3 (2)).

Между тем, анализируя законодательство и практику международного права, следует отметить, что *основным способом защиты прав ребенка является заключение международных договоров о сотрудничестве в области защиты прав детей с иностранными государствами*.

⁵ Права человека: Сб. международно-правовых документов. М., 1999. Стр.45.

ствами. Важность заключения международных договоров обусловлена тем, что они являются главной формой реализации мер по обеспечению взятых сторонами обязательств. С их помощью государства могут на согласованной основе полно и точно выразить свои намерения относительно защиты взятого на себя международно-правового обязательства по защите прав ребенка.

Международным договорам принадлежит первостепенная роль в сфере защиты прав ребенка. Так, в 2008 г. Россия и Италия подписали договор о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей. В 2011 г. Правительства России и Франции подписали Договор о сотрудничестве в области усыновления детей и Соглашение о создании комиссии по защите прав детей в семейных конфликтах. 30 марта 2012 г. в Государственную Думу РФ было направлено для ратификации двустороннее соглашение о сотрудничестве в области усыновления между Россией и США. В настоящее время ведутся переговоры о заключении подобных соглашений с Испанией, Великобританией, Ирландией и Израилем.

Вместе с тем, нельзя не затронуть такую важную тему, как денонсация в одностороннем порядке Российской-американского соглашения об усыновлении детей, подписанный в июле 2011 г., и принятие Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод граждан Российской Федерации», несмотря на имеющий место эмоциональный и политический аспект, мера с правовой точки зрения своевременная. Закон запретил передачу детей – граждан России на усыновление (удочерение) гражданам США, а также деятельность на территории России органов и организаций в целях подбора и передачи детей, являющихся гражданами РФ, на усыновление гражданам США. Вышеназванный Федеральный закон, именуемый за рубежом «Закон Димы Яковлева», и денонсация Российской-американского соглашения об усыновлении детей, на мой взгляд, отчасти решают проблему усиления защиты их прав и законных интересов, предупреждают о недопустимости подобных явлений со стороны приемных семей, взявшим на воспитание российских детей, и в других государствах. Одновременно данный Закон показал всему миру, что Россия, которую длительное время по поводу и без повода критиковали за положение дел в стране с правами человека, стала страной, предъявляющей законодательно требования к защите прав россиян за рубежом, а также вводящей санкции по отношению к официальным лицам других государств, допускающим нарушение прав и свобод человека и гражданина.

Следует отметить, что непосредственным гарантом и исполнителем норм по защите прав ребенка является государство в лице своих компетентных органов. Оно оказывает самое серьезное влияние на эффективность применения согласованных норм и принципов международного права, на их реальное соблюдение и исполнение.

Международный механизм обеспечения прав ребенка представляет собой механизм контроля со стороны

международного сообщества посредством специальных органов за выполнением международных обязательств государств в области защиты прав ребенка.

Все международные органы по правам человека, в том числе, участвующие в защите прав ребенка, действуют на универсальном уровне (т.е. в рамках ООН) и на региональном уровне (т.е. в пределах конкретного региона).

Универсальные органы в зависимости от их юридической природы подразделяются, в свою очередь, на внедоговорные контрольные механизмы, созданные на основе Устава ООН, и договорные (конвенционные) контрольные органы, создание которых предусмотрено международными соглашениями по правам человека.

Внедоговорные механизмы – это органы ООН. Так, согласно ст.55 (с) Устава, Организация Объединенных Наций призвана содействовать «всемобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии».

В целях реализации этой задачи ст.57 Устава предусматривает создание различных вспомогательных специализированных учреждений ООН. Среди таких учреждений, которые занимаются и правами детей, можно назвать: а) Международную организацию труда (МОТ); б) Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ); в) Организацию ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО); г) Международный Детский Фонд ООН (ЮНИСЕФ); д) Фонд ООН по Народонаселению; е) Программу развития ООН; ж) Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ).

Из внедоговорных органов ООН прямое отношение к вопросу о контроле за соблюдением прав ребенка имеют Генеральная Ассамблея ООН, Совет Безопасности ООН, Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС), Комиссия ООН по правам человека (19 июня 2006 г. реорганизована в Совет по правам человека).

Действующая в настоящее время система договорных (конвенционных) органов, т.е. органов, учрежденных международными конвенциями, конкретными договорами по правам человека ради обеспечения выполнения именно их положений, состоит из шести комитетов.

Это Комитет по правам человека, который создан в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г. с целью имплементации его норм: Комитет по ликвидации расовой дискриминации – Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.; Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин – Конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации в отношении женщин 1979 г.; Комитет против пыток – Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.; Комитет по экономическим, социальным и культурным правам – Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.; Комитет по правам ребенка – Конвенцией о правах ребенка 1989 г.

Между тем, особый интерес представляет Комитет

ООН по правам ребенка, поскольку именно этот орган напрямую занимается защитой прав ребенка. Остальные же пять комитетов могут осуществлять защиту прав ребенка лишь косвенно – посредством рассмотрения докладов в пределах своих мандатов, которые включают всех лиц или определенную группу лиц, которые, в свою очередь, могут включать или не включать в свое число детей. В соответствии со ст.43 Конвенции Комитет состоит из десяти экспертов из числа граждан государств-участников, которые работают в индивидуальном качестве и избираются на четырехлетний срок. Все государства-участники могут выдвигать кандидатов. Комитет заседает три раза в год (в январе, мае-июне и октябре) в Женеве. Он рассматривает прогресс, достигнутый государствами-участниками в исполнении обязательств, установленных Конвенцией 1989 г. На основании статьи 44(1-3) государства-участники обязуются представлять Комитету доклады о принятых ими мерах по закреплению признанных в Конвенции прав и о процессе, достигнутом в осуществлении этих прав. После рассмотрения каждого конкретного доклада Комитет выносит заключительные замечания. Как указано в статье 45(d), Комитет может вносить предложения и рекомендации общего характера, основанные на информации, получаемой в соответствии со статьями 44 и 45 Конвенции. Такие предложения и рекомендации общего характера посылаются любому заинтересованному государству-участнику и сообщаются Генеральной Ассамблее. Они могут сопровождаться замечаниями государств-участников, если таковые имеются. В своих заключительных замечаниях Комитет всегда придерживается следующей структуры: введение; позитивные аспекты; факторы и трудности, влияющие на имплементацию Конвенции; основные положения, вызывающие озабоченность; предложения и рекомендации.

Таким образом, имплементационный механизм Комитета по правам ребенка состоит из рассмотрения докладов государств – участников Конвенции и вынесения заключительных рекомендаций по этим докладам. Данная процедура дополняется координированием международного сотрудничества через оказание технического содействия и помощи государствам.

На региональном уровне (для европейского региона) наиболее эффективным международным механизмом защиты прав человека, и детей в том числе, является Европейский суд по правам человека, решения которого обязательны к исполнению государством, в отношении которого они вынесены. Это Конвенция позволяет детям подавать жалобы в Европейский суд по правам человека самостоятельно или при помощи своих законных представителей.

Возможность обращения в Европейский суд по правам человека появилась у российских граждан с момента присоединения к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

Российская Федерацияratифицировала Конвенцию 30 марта 1998 г., и она вступила в силу для России 5 мая того же года. Это означает, что Россия признала обяза-

тельность юрисдикции Европейского суда по правам человека. Теперь каждый человек, который считает, что его права нарушены и исчерпаны все средства внутригосударственной защиты, может, в соответствии с ч.3 ст. 46 Конституции РФ, обратиться за защитой своих прав в Европейский суд по правам человека.

Европейский Суд по правам человека не является инстанцией по отношению к судебной системе государства-участника Конвенции. Поэтому он не может отменить решение, вынесенное органом государственной власти или национальным судом, не имеет права давать распоряжения о принятии мер, имеющих юридические последствия. Суд рассматривает только конкретные жалобы для того, чтобы установить, действительно ли имело место нарушение Конвенции. Тем не менее, Суд вправе присудить «справедливую компенсацию» потерпевшей стороне.

Судопроизводство в Европейском суде отличается от рассмотрения дел национальными судами и состоит из нескольких стадий: признание приемлемости жалобы; урегулирование ее на уровне государства-заявителя; непосредственное рассмотрение; исполнение решения, принятого Судом.

Для признания жалобы приемлемой необходимо выполнение ряда условий: во-первых, предметом жалобы, что вытекает из ст. 34 Конвенции, могут быть только права, гарантированные ею или ее Протоколами; во-вторых, жалоба может исходить только от самого потерпевшего. Даже в том случае, когда жалобу подает объединение лиц, каждый должен доказать свои конкретные требования; в-третьих, жалоба должна быть подана не позднее чем через шесть месяцев после окончательного рассмотрения вопроса компетентным государственным органом; в-четвертых, жаловаться можно только на те нарушения Конвенции, которые имели место после даты ратификации Конвенции; в-пятых, для того чтобы жалоба была признана приемлемой по существу, заявителем должны быть исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты.

Также на региональном уровне (только регион – территория республик бывшего Советского Союза) действует еще один механизм защиты прав человека, уполномоченный защищать и права ребенка. Дело в том, что в 1995 г. была подписана Конвенция стран СНГ о правах и свободах человека (Российской Федерацией ратифицирована), которая нацелена на соблюдение международных стандартов в области прав человека всеми государствами-участниками СНГ. В развитие положений Конвенции 24 мая 1999 г. был принят Федеральный закон РФ, направленный на защиту соотечественников за рубежом. Кроме того, 30 ноября 2000 г. Советом глав правительств СНГ было принято Решение о защите детства в государствах-участниках СНГ. Контроль за соблюдением прав человека в СНГ осуществляют Комиссия по правам человека, положение о которой утверждено Советом глав государств Содружества 24 сентября 1993 г.

Важное место в системе международного сотруд-

ничества и обеспечения защиты прав ребенка занимают международные *неправительственные организации (НПО)*. Их роль в системе международно-правовой защиты прав ребенка сводится не только к содействию более оперативному обмену информацией. НПО вносят значительный вклад в оказание юридической помощи детям и их родителям в различных ситуациях, разработке программ по реинтеграции детей, попавших в сложные жизненные ситуации, пострадавших в силу каких бы то ни было причин, и многому другому.

Среди неправительственных организаций, занимающихся защитой прав ребенка, следует отметить Детский Фонд ООН (ЮНИСЕФ). Эта неправительственная организация, содействующая федеральному правительству и местным органам исполнительной власти в разработке механизмов защиты прав детей на получение медицинской помощи, образования и социального развития⁶.

Одной из наиболее известных международных неправительственных организаций, занимающейся защитой прав детей, является Международный Комитет Красного Креста. Среди множества гуманитарных организаций МККК играет особую роль, прежде всего потому, что он получил мандат государств, ставших участниками Женевских Конвенций 1949 года – а это почти все государства мира, которые признали его гуманитарный характер и беспристрастность. Затем эти же государства, участвуя в принятии Устава Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, взяли на себя обязательство уважать в любое время обязанность МККК, действовать в соответствии с Основополагающими принципами Движения, в число которых входит гуманность, беспристрастность, нейтральность и независимость в отношениях с любыми властями. Таким образом, МККК обладает особым статусом, признанным мировым сообществом, когда оно предоставило ему в 16.10.1990 года место наблюдателя в Организации Объединенных Наций⁷.

Существует еще целый ряд международных организаций, занимающихся защитой прав ребенка как в целом, так и защитой отдельных категорий детей.

Таким образом, защита прав ребенка на международном уровне может осуществляться различными способами, посредством различных механизмов, органов и организаций. Основная проблема в этой области заключается в рекомендательном характере большинства принимаемых решений и отдаленности деятельности многих органов от реальной жизни и реальных прав конкретных лиц. Тем не менее, нарастающее внимание общественности к проблемам защиты прав человека в целом и прав детей в частности является той движущей силой, которая способна повысить эффективность существующих механизмов защиты прав ребенка.

⁶ ЮНИСЕФ. Детский фонд Организации объединенных Наций в Российской Федерации. Москва, 2003. Стр.3.

⁷ Марион Харрофф-Тавель.- Деятельность Международного Комитета Красного Креста в обстановке насилия внутри страны.// Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве. Статьи и документы.- МККК, Москва, 1999 г. С.246-247.

Библиографический список

1. *Марион Харрофф-Тавель*. Деятельность Международного Комитета Красного Креста в обстановке насилия внутри страны.//Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве. Статьи и документы. МККК, Москва, 1999 г. С.246-247.
2. Международные акты о правах человека. Сборник документов. М.,2000.С.56.
3. Международное право в документах: учеб. пособие. Сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мельков, 4-е изд.,перераб. и доп. Москва,2003.С.139-148.
4. Основные международные договоры по правам человека. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных наций по правам человека. ООН-Нью-Йорк и Женева,2006. С.105-175.
5. Права человека: Сборник международно-правовых документов. М.,1999. С.45.
6. ЮНИСЕФ. Детский фонд Организации объединенных Наций в Российской Федерации. Москва,2003. С.3.
7. Compilation of general comments and general recommendation adopted by human rights treaty bodies.UNDoc.HRI/GEN/1//Rev.5.P.133.

References

1. Marion Harroff-Tavel. Activity of the International Committee of the Red Cross in violence inside the country. Protection of persons and objects in international humanitarian law. Articles and documents. The ICRC, Moscow, 1999. Pp. 246-247.
 2. International acts of human rights. Collection of documents. M., 2000. P. 56.
 3. International law in documents: Studies. Grant//Ed.: N. T. Blatova, G. M. Melkov, 4 -th. edition. Moscow, 2003. Pp. 139-148.
 4. Main international human rights instruments. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. The UN - New York and Geneva, 2006. Pp. 105-175.
 5. Human rights: Collection of international legal documents. M., 1999. P. 45.
 6. UNICEF. The United Nations Children's Fund in the Russian Federation. Moscow, 2003. P. 3.
 7. Compilation of general comments and general recommendation adopted by human rights treaty bodies.UNDoc.HRI/GEN/1//Rev.5.P.133.
-

УДК 796**UDC 796****Е.А. АЛДОШИНА**

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра физвоспитания, Орловский государственный аграрный университет

E-mail: sport@orelsau.ru

А.В. АЛДОШИН

кандидат педагогических наук, преподаватель, кафедра физической подготовки и спорта, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова

E-mail: sport@orelsau.ru

Л.И. ИВАНИНА

старший преподаватель, кафедра физвоспитания, Орловский государственный аграрный университет

E-mail: sport@orelsau.ru

E.A. ALDOSHINA

Candidate of Pedagogics, Senior teacher, Department of the Physical education, Orel State Agrarian University

E-mail: sport@orelsau.ru

A.V. ALDOSHIN

Candidate of Pedagogics, Senior teacher, Department of physical preparation and sports, Orel Law Institute of the Ministry of Interior of Russia named after V. V. Lukyanov

E-mail: sport@orelsau.ru

L.I. IVANINA

Senior teacher, Department of the Physical education, Orel State Agrarian University

E-mail: sport@orelsau.ru

**МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА
В СПОРТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ****MECHANISMS OF DEVELOPMENT OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP IN SPORTS INFRASTRUCTURE**

В статье рассматривается государственно-частное предпринимательство как часть системы государственно-частного устройства, а именно как инструмент экономического развития, достигаемого посредством максимизации преимуществ партнеров через сотрудничество, при котором идет процесс развития государства за счет продвижения инновационных разработок в сферу применения проектов ГЧП. При этом большую роль играет социальная направленность получаемых результатов, их общественная полезность. ГЧП включает гибкие механизмы формирования новых целей, мероприятий, сетевой обмен опытом между партнерами, более быструю и адекватную реакцию участников на технологические и управленческие изменения.

Ключевые слова: модернизация, объект, модель, спортивная инфраструктура, контракт.

In the article state private business is considered as the part of system of a state system, namely as the instrument of the economic development, which is reached by means of maximizing advantages of partners through the cooperation at which the process of development of the state is due to advance of innovative developments in scope of application of the PPP projects. Thus the social orientation of received results, their public usefulness play a large role. GChP includes flexible mechanisms of formation of the new purposes, actions, a network exchange of experience between partners, faster and proper response of participants to technological and administrative changes.

Keywords: modernization, object, model, sports infrastructure, contract.

На современном этапе развития общества физическая активность и спорт все шире проникают во все сферы жизни современного человека, становятся все более значимой и неотъемлемой частью жизнедеятельности мировой цивилизации. В настоящее время миллионы людей во всех странах мира ведут здоровый образ жизни, неотъемлемой частью которого являются занятия физическими упражнениями и оздоровительной гимнастикой, участие в спортивных соревнованиях. С большим размахом развивается в последние десятилетия и спорт высших достижений, постепенно превращаясь в целую индустрию спортивных и зрелищно-массовых мероприятий. Физическая культура и спорт в современном обществе являются важнейшим фактором поддержания и укрепления здоровья людей, совершенствования их культуры, способом общения, активного

проведения досуга, альтернативой вредным привычкам и пристрастиям.

В Российской Федерации действуют более 250 тысяч объектов спорта, способных единовременно принять более 6 миллионов человек. При этом обеспеченность спортивными залами составляет около 58%, бассейнами – около 8%, плоскостными спортивными сооружениями – около 25%. Занимаются физической культурой и спортом менее 20% российского населения, тогда как в экономически развитых странах мира этот показатель достигает 40-60% [9; С. 52]. В 2011-2013 годах количество спортивных объектов в стране начинает увеличиваться, а самое главное, что началась масштабная реконструкция сооружений, построенных еще в советское время. Показатели развития спортивной инфраструктуры в Российской Федерации в разрезе феде-

Таблица 1.

Показатели развития спортивной инфраструктуры в Российской Федерации в разрезе Федеральных округов за 2013год [10]

Субъект РФ	Всего	Стадионы	Плоскостные сооружения	Залы	Бассейны	Численность занимающихся	Финансирование ФКиС на 1 руб. жителя (руб.)
Центральный федеральный округ	60628	519	33744	16156	1264	7796574	1179,16
Северо-западный федеральный округ	20865	105	8498	6634	452	2533814	1487,65
Южный федеральный округ	24930	185	14842	5944	329	3475040	1117,11
Северо-кавказский федеральный округ	11581	95	6831	3513	107	1278422	982,09
Приволжский федеральный округ	60855	413	31735	18240	981	6683034	1362,12
Уральский федеральный округ	23657	159	10901	7410	581	2610467	2977,24
Сибирский федеральный округ	39269	326	21039	12575	568	3837107	1391,29
Дальневосточный федеральный округ	12142	104	6012	3812	185	1224696	1968,68
Российская Федерация	253927	1906	133602	74284	4467	29439154	1443,42

ральных округов за 2013 год представлено в таблице 1.

Несмотря на положительную динамику развития спортивной инфраструктуры, одновременно с этим, спортивных сооружений для занятий некоторыми видами спорта явно недостаточно. Увеличение объемов строительства спортивных сооружений не успевает за ростом спроса на спортивные услуги: как результат – загруженные площадки, высокие цены и низкий уровень комфорта для посетителей. Эта тенденция, несмотря на увеличения объемов строительства спортивных объектов, не изменилась в 2013 году и, очевидно, сохранится в ближайшей перспективе, поскольку темпы строительства новых объектов и модернизации старых недостаточно для удовлетворения потребностей государства.

Если говорить про большинство российских регионов, то следует отметить недостаток плавательных бассейнов и открытых плоскостных сооружений, предназначенных для проведения занятий по лёгкой атлетике и лыжным гонкам. Плавание – основной вид спорта, предназначенный для оздоровления, а лёгкая атлетика и лыжные гонки – наиболее популярные и востребованные, наименее затратные виды спорта.

Эксплуатация спортивных объектов не приносит значительных доходов, поскольку они, как правило, входят в состав крупных многофункциональных комплексов. Для коммерческих организаций экономически выгодно строить лишь объекты, сочетающие в себе спортивную и развлекательную составляющую (спортивно-концертные комплексы, аквапарки и т.д.) [5; С. 32]. Кроме того, застройщикам приходится возводить спортивную инфраструктуру при комплексном освоении территорий, так как обычно подобное условие ставится местными властями при выделении земельных участков. В остальном, подавляющее большинство

спортивных сооружений возводится в рамках социального заказа на средства бюджетов различных уровней.

Кроме вышеизложенного, заслуживают внимания факты, когда современные спортивные сооружения не удовлетворяют требованиям спортивных регламентов, и, как следствие, спортивные команды лишаются участия в спортивных соревнованиях высокого уровня. Так, 29 января 2013 года стало известно о ЧП, которое произошло в открывшемся ледовом дворце «Лада-Арена» г. Тольятти. Как пишет «Советский спорт», в одной из стен дворца по непонятным причинам образовалась трещина по всей высоте шириной 3-4 сантиметра. Источник также резюмирует, что в случае, если комиссия решит закрыть «Ладу-Арену» на серьезный ремонт, то Тольятти вполне может остаться без континентальной хоккейной лиги (КХЛ) «по техническим причинам» [3]. Согласно ст. 1, п. 1 и 2 регламента КФЛ (сезоны 2011/2012, 2012/2013, 2013/2014), к участию в Чемпионате допускаются команды Клубов, спортивные сооружения для проведения «домашних» матчей которых удовлетворяют требованиям Регламента. Спортивные сооружения, предназначенные для проведения матчей Чемпионата, должны быть приняты в эксплуатацию государственной комиссией до даты начала Чемпионата, иметь разрешения на ввод объектов в эксплуатацию и соответствовать требованиям Правил игры в хоккей [11]. По сведениям местной прессы г. Тольятти, новый и долгожданный ледовый дворец вместимостью 6500 зрителей открылся в Тольятти летом 2012 года. Именно отсутствие в городе дворца большой вместимости стало причиной того, что «Лада» не могла продолжать выступления в КХЛ [4].

Наряду с существующими проблемами, государство все же обеспечивает поддержку физической культуры и спорта на всех уровнях государственного бюджета

та – от федерального до муниципального. Однако для своевременной модернизации спортивной инфраструктуры только лишь государственных мер недостаточно. Основной проблемой здесь является нехватка бюджетного финансирования строительства новых спортивных объектов: стадионов, спортивных площадок, физкультурно-оздоровительных комплексов, а также модернизации существующих, построенных еще в советское время. По сути, государство просто «не успевает» за растущими потребностями общества, и спорт здесь не исключение. В этой ситуации для реализации социально значимых задач государство привлекает бизнес на основе сложившейся в мире практике государственно-частного партнерства. Механизмы российского государственно-частного партнерства пока еще молоды и находятся на стадии развития. Сам термин «государственно-частное партнерство» является дословным переводом английского термина «public-private partnership» (PPP) и давно применяется в зарубежных государствах: Франции, Великобритании, США, Канаде, Австрии, Бельгии, Дании, Австралии, Израиле, Ирландии, Финляндии, Испании, Португалии, Греции, Южной Корее, Сингапуре, Чехии. Во Франции такой опыт сотрудничества государства и бизнеса впервые был реализован еще в 1552 году при постройке канала по концессионному принципу. В Великобритании стоимость объектов частной финансовой инициативы, которая является там основной формой ГЧП, в течение последних 10 лет составляет 24 млрд. фунтов стерлингов, а в течение следующих трех лет планируется реализовать проекты на общую сумму 12 млрд. фунтов стерлингов. Ежегодно заключается до 80 новых соглашений. По данным британского правительства, такие проекты обеспечивают 17% экономии для бюджета страны [14].

Что касается российского опыта, то в отечественной научной литературе базовым выступает определение В. Г. Варнавского, согласно которому государственно-частное партнерство – это институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом (организационный аспект) в целях реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей промышленности и НИОКР [1].

Большинство авторов, изучающих ГЧП (М.В. Виллисов [2], М. Дерябина [7], В. Лихачев [9]), модифицируют и/или дополняют это определение. Есть и другой подход, в рамках которого авторы склонны относить к ГЧП любые формы взаимодействия бизнеса и государства, в том числе: социальную ответственность бизнеса, благотворительность, субсидии частному бизнесу и любые формы поддержки бизнеса. Что, на наш взгляд, недопустимо. При таком подходе теряются такие важные признаки партнерства, как добровольность и равноправие.

С нашей точки зрения, наиболее широкий и глубокий смысл имеет концепция, в которой ГЧП рассматривается как часть системы государственного устройства, а именно как инструмент экономического развития, до-

стигаемого посредством максимизации преимуществ партнеров через сотрудничество, при котором идет процесс развития государства за счет продвижения инновационных разработок в сферу применения проектов ГЧП. При этом большую роль играет социальная направленность получаемых результатов, их общественная полезность. ГЧП включает гибкие механизмы формирования новых целей, мероприятий, сетевой обмен опытом между партнерами, более быструю и адекватную реакцию участников на технологические и управленческие изменения. Так, развитие института ГЧП в спорте может привлечь значительные внебюджетные средства как на строительство и реконструкцию спортивных объектов, так и на проведение спортивных мероприятий, развитие отдельных видов спорта и спортивной отрасли в целом. Основным признаком государственно-частного партнерства является участие и бизнеса, и государства в публично-частной кооперационной цепочке по созданию добавленной стоимости [6; С. 75]. В свою очередь, процесс создания этой добавленной стоимости в значительной степени ориентируется на степень перераспределения задач и рисков между государственным (публичным) и частным партнерами. При этом каждый партнер принимает на себя те задачи и ответственность, которые он может обеспечить с лучшим качеством и эффективностью, что и составляет синергетический потенциал партнерства.

Если сравнить опыт экономически развитых стран с российским в области реализации девелоперских проектов, здесь уместно выделить следующие тенденции.

1. В экономически развитых странах при изучении вопросов девелопмента на первый план выходят: развитие новых направлений девелопмента недвижимости; применение новых технологий в проектировании и строительстве; совершенствование процессов девелопмента с целью улучшения окружающей среды проживания и жизнедеятельности человека с учетом экологического, социального и иных аспектов; совершенствование схем финансирования и защиты заинтересованных участников девелопмента и т.д.

В России круг актуальных вопросов развития девелоперской деятельности несколько иной: совершенствование законодательной базы; снижение бюрократизации и зависимости девелопмента от властных структур; поиск источников привлечения необходимых финансовых ресурсов; улучшение качества и порядка работы российских подрядчиков; стабилизация и повышение привлекательности рынка недвижимости для отечественных и иностранных инвесторов.

2. Кроме того, в настоящее время в России существует целый ряд специалистов, нуждающихся в оперативном и объективном освещении событий на российском рынке спортивных сооружений:

- специалисты отделов маркетинга и менеджмент девелоперских компаний;
- специалисты компаний, осуществляющих поставку спортивного оборудования;
- специалисты компаний, осуществляющих по-

ставку продукции и / или услуг для строительства гражданских объектов.

Схема ГЧП в российской индустрии спорта имеет большой потенциал развития. Государству нужно максимально использовать все возможные сферы частного бизнеса для поддержки спорта, прежде всего те, которые на спорте делают свою прибыль. Также нужно законодательно предусмотреть специальные отчисления на спорт со стороны лотерей, букмекеров, тотализаторов, спорт-баров. Не следует забывать про интеллектуально-коммерческие игры, прежде всего спортивный покер, который в 2009 году был выведен из реестра спорта и сейчас в законодательном плане не урегулирован. Но фактически индустрия спортивного покера существует, и после ее цивилизованного урегулирования в игровом законодательстве по аналогии, например с Францией, Германией, Италией, Испанией и другими странами, она сможет наряду с другими сферами принести большие инвестиции в развитие спортивного движения в России.

Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что в отличие от большинства зарубежных государств, в России государственно-частное партнерство, в том числе в области спорта, все еще находится на стадии становления и развития соответствующих инструментов. Поэтому, в отличие от европейских стран, где хорошо развиты механизмы государственно-частного партнерства, в том числе и спортивной сфере, в России масштабные спортивные девелоперские проекты на данный момент имеет незначительное количество.

Например, правительство Нижегородской области заключило три концессионных соглашения на 10 лет, в рамках которых частный партнер должен профинансировать, построить, оснастить оборудованием и эксплуатировать три физкультурно-оздоровительных комплекса в регионе. В Калининграде построен спортивный комплекс, включающий универсальный спортзал, бассейн и ледовую арену. Реализация проекта обошлась в 363 млн. рублей, из которых 51% составляют бюджетные инвестиции, а 49% – частные. При реализации проекта также был применен механизм концессионного соглашения [14]. В стадии завершения находится строительство бассейна в поселке Саган-Нур в Бурятии. Этот проект реализуется по схеме контракта жизненного цикла (КЖЦ). Эта форма ГЧП подтвердила свою эффективность за рубежом, в частности в Великобритании, Португалии и Голландии, теперь она применяется и в России. Бассейн будет введен в эксплуатацию уже этим летом. Стоимость строительства составила 54 млн. рублей – область и частный партнер поделили финансовое участие поровну [14]. Реализуются два проекта по строительству ледовых дворцов в Чувашской Республике и Ульяновской области. Ульяновский объект будет построен на месте старого спорткомплекса «Торпедо». Общая стоимость работ составит около 1,3 млрд. рублей. Соглашение будет действовать в течение 10 лет с момента сдачи спорткомплекса в эксплуатацию. А вот Ледовый дворец в Чебоксарах обещает стать самым крупным совре-

менным спортивным сооружением в Чувашии. На его строительство запланировано потратить более 1,2 млрд. рублей, из которых 600 млн. составляют частные инвестиции [14]. Заслуживает внимания проект в Онежском муниципальном районе Архангельской области, где строится лыжно-биатлонный комплекс «Онега» стоимостью 490 млн. рублей. Власти региона и инвестор планируют, что первые посетители в комплексе будут уже в 2013 году. Есть «спортивные» проекты на основе ГЧП и в столице: в скором времени будет возобновлено строительство нового стадиона ЦСКА в Москве. Объект был запущен в 2007 году, однако вскоре строительство приостановили по причине недостаточного финансирования. В апреле 2012 года было объявлено, что завершение строительства нового спортивного объекта будет вестись с участием средств Внешэкономбанка, объем кредита составит 14 млрд. рублей. Однако данных о сроках реализации проекта и его окончательной стоимости пока нет [14].

В целом, динамика реализованных и находящихся в стадии реализации ГЧП-проектов в сфере физкультуры и спорта представлена на рисунке 1.

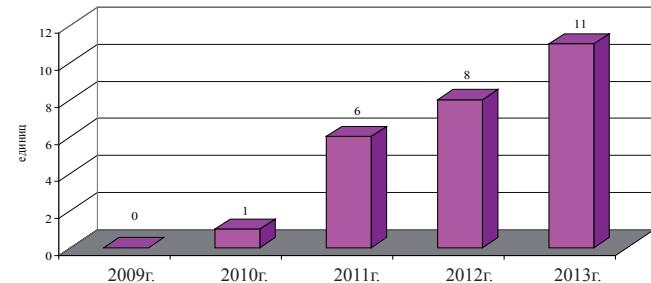

Рис. 1. Количество реализованных и находящихся в стадии реализации ГЧП-проектов в сфере физкультуры и спорта в России [14].

Представленный выше обзор реализуемых проектов в спортивной инфраструктуре свидетельствует, что в России есть значительные перспективы для применения механизмов ГЧП в спорте.

Но для ускорения данного процесса необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу. Несомненную пользу принесет расширение применения новых схем ГЧП, в частности контрактов жизненного цикла. Стоит ожидать значительного роста количества спортивных объектов, построенных с использованием механизмов ГЧП в свете предстоящих чемпионатов мира по хоккею и футболу, которые пройдут в России в 2016 и 2018 годах.

Вместе с этим стоит отметить, что в России применение ГЧП-механизмов пока сводится к строительству, модернизации и эксплуатации объектов спортивной инфраструктуры. Широкое распространение при реализации ГЧП-проектов в спорте получила схема концессионного соглашения, которая применялась почти во всех реализованных на данный момент проектах. Наиболее богатый опыт привлечения частных денег в создание спортивной инфраструктуры наработан в Нижегородской области. Три физкультурно-оздоровительных комплекса в

Павловском, Лукояновском и Краснобаковском районах построены в рамках концессионных соглашений между Нижегородской областью и компанией «Волга – Спорт». Соглашения были заключены в октябре 2010 года. Стоимость каждого ФОКа составила около 500 млн. рублей. Их строительство продолжалось около года. Соглашения были подписаны сроком на 10 лет, по истечении которых объекты будут переданы области, а до этого момента хозяйственную деятельность на них будет осуществлять частный партнер.

В целом, в России государственно-частное партнерство, в том числе и в спортивной девелоперской сфере, идет по пути изучения передового мирового опыта. Поскольку отечественные механизмы и инструменты государственно-частного партнерства развиваются относительно недавно, доля ответственности бизнеса в спорте в этой части пока несущественна.

Одна из причин медленного развития механизмов ГЧП в индустрии российского спорта – фрагментарность отечественного законодательства в этой сфере. Законодательство о государственных закупках плохо адаптировано под ГЧП. Стороны партнерства ограничены в возможности реализовывать проекты с применением различных схем ГЧП, отработанных в практике зарубежных стран. Бизнесу нужны реальные гарантии возвратности вложенных инвестиций. Для частных инвесторов также важно наличие дополнительных преференций, льгот, субсидий, иных видов господдержки, стимулирующих к применению и реализации ГЧП-проектов в спорте. Так, например, государственные власти рассчитывают на то, что предстоящий Чемпионат мира по футболу-2018 повысит инвестиционную привлекательность российских регионов. Но для этого, прежде всего, необходима адекватная и прозрачная нормативная правовая база. В России в отличие, например, от Греции не существует титульного закона о ГЧП, который бы комплексно регламентировал различные формы и модели ГЧП. Нужно активизировать работу по совершенствованию и гармонизации всего массива законодательства, регламентирующего правоотношения ГЧП, в том числе определяющего механизмы госгарантий и господдержки применительно к реализации проектов ГЧП. В Общественной палате РФ уже прошел федеральную экспертизу проект ФЗ об организации и проведении ЧМ по футболу-2018. Но, к сожалению, пока из законопроекта абсолютно непонятно, как будет происходить финансирование строительства и реконструкции стадионов и других объектов, которые имеют отношение к Чемпионату Мира-2018. В частности, не ясно, как и в какой пропорции будут распределяться средства из федерального бюджета, а также субъектов Федерации и муниципальных бюджетов. Непонятен и правовой механизм привлечения частных инвесторов к строительству и реконструкции спортсооружений и социальной инфраструктуры, неизвестно, будут ли им предоставлены государственные гарантии или льготные кредитные линии. Не урегулирована также ответственность государства и инвесторов за невыполнение

взятых обязательств.

В связи с этим, в целях развития спортивной инфраструктуры в рамках ГЧП необходимо создать единый отраслевой управляющий государственный орган в сфере девелоперского бизнеса. Главной задачей данного центра является создание необходимой инфраструктуры для технологического сотрудничества между национальными и зарубежными организациями в сфере поддержки девелоперского предпринимательства. Опираясь на такой опыт, в рамках ГЧП в сфере развития спортивной инфраструктуры в России необходимо организовать функционирование подобного государственного органа, который бы регулировал следующие вопросы:

- создание национальной сети агентств по всесторонней поддержке структур в области спортивного девелопмента;
- организацию конференций по обмену опытом наиболее успешных девелоперских фирм в области спортивных сооружений, с участием различных стран и международных организаций;
- проведение международных выставок и др.;
- проведение курсов обучения для предпринимателей с участием отечественных зарубежных преподавателей;
- консультационная и информационная поддержка девелоперского бизнеса в сфере развития спортивной инфраструктуры.

В рамках ГЧП особая и не менее важная роль государственного участия должна отводиться вопросам правового регулирования процессов, которые происходят в консультационной деятельности при реализации спортивного девелоперского проекта. Здесь следует отметить, что в настоящий момент в России не существует законодательного регулирования консалтинговой деятельности, и это создает некоторые сложности как для самого консалтингового бизнеса, так и для его потенциальных клиентов. Бизнес страдает от проникновения в его среду неквалифицированных людей, фирм-однодневок, и клиентам непросто ориентироваться в море предложений и заманчивых перспектив. В связи с этим, необходимо объединение профессиональных национальных консалтинговых институтов, в частности региональных девелоперских консультационных центров, где особое внимание со стороны государства должно быть направлено на повышение квалификации консультантов (сертификации, лицензировании, соответствующем реестре) в области спортивного девелоперского бизнеса.

Развитие спортивной инфраструктуры на основе ГЧП должна сопровождаться созданием эффективной правовой базы с подготовкой и принятием соответствующих законодательных актов, призванных восполнить существующие пробелы в правовом механизме функционирования девелоперского бизнеса. Успешное решение названных взаимосвязанных проблем законодательного регулирования девелоперской деятельности, в частности в области развития спортивной инфраструк-

туры, возможно только путем принятия специального федерального закона о девелопменте, а также закона о государственно-частном партнерстве.

Таким образом, в результате реализации представленной выше модели управления спортивными девелоперскими проектами участники в лице бизнеса и государства в рамках государственно-частного партнерства получат следующие преимущества:

Национальная экономика получает несколько полезных эффектов, таких как:

– снижение государственного финансирования разнообразных физкультурно-спортивных программ

федерального и местного уровня;

– развитие социально значимой сферы предпринимательской деятельности, за счет которой население становится более здоровым,

– создание новых рабочих мест;

– увеличение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней за счет развития спортивной отрасли.

– частные бизнес (девелоперская компания в области развития спортивной инфраструктуры): диалог с властью, повышение прибыли, новые возможности для развития бизнеса, рост имиджа компании.

Библиографический список (References)

1. *Varnavski V.G. Place and role of public-private partnership in the system of economic categories: attempt of the system analysis* [Electronic resource] Varnavski V.G. /URL: <http://www.econorus.org> (Date of the address: 24.01.2014).
 2. *Vilisov M.N. State-private partnership: political and legal aspect* [Electronic resource] Vilisov M.N. // Site of the Center of the problem analysis and state and administrative design. – URL: <http://www.rusrand.ru/vlast/publikac/partn/> (Date of the address: 24.01.2014).
 3. *Volkov S. On “Lada-Arene” there was an emergency* [Electronic resource] / Volkov.S // Soviet Sports - URL: <http://www.sovsport.ru/news/text-item/679817> (Date of the address: 25.01.2014).
 4. *In the ice arena of “Lada-Arena” the wall burst, games are transferred in «Volgar»*, [Electronic resource] // News of Tolyatti. Information portal «TLTstate.ru». URL: <http://tltgorod.ru/news/theme-30/news-37530/> (Date of the address 02.03.2014).
 5. *Galkin V.V. Economy and management of physical culture and sport: Manual for higher education institutions* [text] / Galkin, V.V. –Rostov on Don: Fenix, 2013. P – 352
 6. *Galkin V.V. Economy of sports and sports business* [text] / Galkin, V.V. M.:KNORUS, 2012. P. 288.
 7. *Derjabina M. Public-private partnership: theory and practice* [text] / M. //Derjabina. Economy questions. - 2012., number, 2 P. 70.
 8. *Lihachev V. The practical analysis of the GChP modern mechanisms in foreign countries or how to realize GChP in Russia* [Electronic resource] / Lihachev, V. – URL: <http://www.apep.ru/ru/uploadfiles/PPP.pdf> (Date of the address: 24.11.2013).
 9. *KHL regulations, season 2011/2012, 2012/2013, 2013/2014* [Electronic resource] – URL: www.khl.ru/documents/KHL_sports_regulations_2011-2014_current.pdf (Date of the address: 10.01.2014).
 10. *Sorokin S. Investments into champions* [Electronic resource] / Sorokin S. // Russian Business newspaper - Public-private partnership №853 (24) – URL: <http://s-bc.ru/news/article/34f314a3-89bd-4a51-8de5-7776f7fa8322> (Date of the address: 15.01.2014).
-
-

Е.Н. АЛЕКСЕЕВА

проректор по заочному обучению и международным связям, Орловский государственный университет
E-mail: alekseeva@univ-orel.ru

E.N. ALEKSEEVA

Vice-Rector for distance learning and international relations, Orel State University
E-mail: alekseeva@univ-orel.ru

**РАЗВИТИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**DEVELOPMENT OF DISTANCE LEARNING AND THE PROBLEMS OF DISTANCE-LEARNING TECHNOLOGIES'
IMPLEMENTATION IN HIGHER EDUCATION AT THE PRESENT STAGE OF MODERNIZATION
OF RUSSIAN EDUCATION**

В статье проведен анализ степени использования дистанционных образовательных технологий в российских вузах. Рассмотрен опыт применения методов дистанционного обучения в системе довузовской подготовки. Исследованы тенденции и перспективы развития дистанционного обучения на пути модернизации и информатизации высшей школы.

***Ключевые слова:** информатизация системы высшего образования, дистанционное обучение, дистанционные образовательные технологии, качество обучения, уровень конкурентоспособности вуза.*

This paper analyzes the degree of distance-learning technologies use in Russian universities. The experience of distance-learning methods application in the pre-university training is considered. The tendencies and perspectives of development of distance learning in the way of modernization and informatization of high school are explored.

***Keywords:** informatization of higher education, distance learning, distance education technologies, quality of education, level of competitiveness of the university.*

Глобальная задача информатизации, стоящая сейчас перед российским государством, реализуется с разным успехом в различных отраслях социально-экономической жизни. Одним из актуальных направлений этого процесса является попытка создания в стране единого информационно-образовательного пространства. Информатизация объявлена одним из основных путей модернизации современной системы высшего образования. Процесс информатизации требует решения целого комплекса задач и в области технического переоснащения, и на пути разработки и внедрения новых технологий и методов обучения, в том числе дистанционных, и в вопросах переподготовки преподавательских кадров, способных работать в современных условиях.

Электронное обучение и дистанционные образовательные технологии стали частью государственной образовательной политики. С вступлением в силу Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» впервые были созданы базовые юридические условия для реализации образовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий и электронного обучения в высшей школе, уровень внедрения и использования вузами современных дистанционных образовательных технологий различен. Наиболее значительных успехов в области применения технологий дистанционного обучения добились те вузы, которые изначально позитивно

воспринимали данные инновации и осознавали стратегическую важность их применения для получения дополнительных конкурентных преимуществ в будущем.

Исследование степени использования дистанционных технологий обучения в российских вузах через анализ их сайтов показал, что в настоящее время количество государственных вузов, реализующих полноценное дистанционное обучение студентов по направлениям подготовки бакалавриата и, особенно, программам магистратуры, незначительно. Этую нишу активно пытаются занять негосударственные вузы.

Большинство же государственных вузов используют технологии полностью дистанционного обучения:

во-первых, для реализации программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки;

во-вторых, дистанционные образовательные технологии применяются для подготовки абитуриентов к сдаче ЕГЭ.

Преобладающее количество проанализированных высших учебных заведений используют гибридную модель обучения, сочетающую преимущества традиционных форм обучения с гибкостью дистанционных образовательных технологий.

Ниболее востребованы на современном рынке образовательных услуг дистанционные курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, для многих категорий слушателей такая форма обуче-

ния является единственно приемлемой. И сейчас более 30% вузов такие программы реализуют. Приведем лишь один пример. Российский университет дружбы народов в настоящее время может предложить потенциальным слушателям более 1500 различных дистанционных программ повышения квалификации продолжительностью от 72 до 1000 часов по различным направлениям на русском и иностранных языках. На наш взгляд, активное использование вузами технологий дистанционного обучения при организации курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки весьма перспективно с точки зрения востребованности на рынке образовательных услуг и экономически оправдано.

Наряду с активным использованием технологий дистанционного обучения в системе дополнительного профессионального образования и повышения квалификации практически каждый пятый вуз применяет дистанционные образовательные технологии для подготовки абитуриентов к сдаче ЕГЭ. В системе довузовской подготовки ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» имеет такой опыт в рамках организации обучения на подготовительном отделении за счет средств федерального бюджета женщин до 23 лет, имеющих детей, и граждан с особыми правами, имеющих среднее образование. Так, в 2014/2015 учебном году за счет федерального бюджета на подготовительном отделении университета обучаются 50 слушателей – граждан с особыми правами (ветеранов боевых действий, граждан из числа сирот, лиц с ограниченными возможностями здоровья и др.) в рамках выделенных КЦП, а также 36 молодых мам в рамках второго года эксперимента, проводимого Министерством образования и науки РФ. Применение дистанционных образовательных технологий при обучении граждан с особыми правами и молодых мам оказалось действительно эффективным, так как посещение занятий для таких граждан объективно затруднено. На сегодняшний день преподаватели подготовительного отделения разработали дистанционные комплексы по 9 общеобразовательным предметам. Следует отметить, что сами слушатели подготовительного отделения оценивают только положительно предоставленную им возможность дистанционного обучения.

В настоящее время стоит задача привнести опыт дистанционных технологий в систему довузовской подготовки в целом. Индивидуальное он-лайн консультирование при подготовке к ЕГЭ высококвалифицированных преподавателей в настоящее время является самым востребованным и развивающимся сектором на рынке образовательных услуг. Наличие подобных дистанционных курсов позволяет вузам не только получать дополнительные доходы от образовательной деятельности, но и обеспечивать равные права абитуриентам, проживающим в областном центре и в удаленных районах,

что, несомненно, является значительным конкурентным преимуществом.

Преобладающее число государственных высших учебных заведений используют гибкое сочетание традиционного обучения и дистанционных образовательных технологий. Ведущим в этой области университетам использование дистанционных образовательных технологий позволяет делать прежде всего очное обучение более эффективным, современным, гибким и удобным для студентов, способствует повышению качества обучения и обеспечивает вузам высокий уровень конкурентоспособности. Здесь лидирующие позиции по итогам исследования на сегодняшний день занимают МГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, МГТУ им. Н.Э. Баумана, Томский национальный исследовательский государственный университет, Южный и Дальневосточный федеральные университеты, Новосибирский государственный технический университет и Российский университет дружбы народов.

Процесс модернизации российского высшего образования невозможен без активного использование инновационных методов организации учебного процесса, к которым в первую очередь относятся технологии дистанционного обучения. В настоящее время на рынке образовательных услуг дистанционные технологии обучения в высшей школе высоко востребованы. Университеты осознают важность дистанционного образования в качестве важного конкурентного преимущества. Практически все вузы в той или иной мере используют образовательные среды, функционирующие в сети Интернет, которые позволяют повысить качество обучения студентов, активно взаимодействовать с ними, оценивать результаты успешности обучения.

Основными же факторами, сдерживающими развитие дистанционных образовательных технологий, на наш взгляд, является отсутствие достаточного количества полноценных разработанных электронных курсов дистанционного обучения, а также низкая доля мотивированных и подготовленных к работе в дистанционном режиме квалифицированных преподавателей. Успешное преодоление этих барьеров обеспечит не только дальнейшее развитие дистанционного высшего образования, но поднимет его престижность в глазах обучающихся и работодателей.

Даже если в настоящее время разработка и внедрение технологий дистанционного обучения в вузе находится лишь на начальном этапе, интегрирование стратегии развития дистанционного обучения в общую стратегию развития университета позволит создать дополнительный источник дохода от образовательной деятельности, выйти на качественно новый уровень конкурентоспособности на рынке образовательных услуг.

Библиографический список (References)

1. State Programme of the Russian Federation “Development of Education 2013-2020” [e-source] // ConsultantPlus.
2. Katanandov S.L. Report on reforms of higher education // Modernization of the Russian education: documents and materials. M., 2002.
3. Sadovnichy V.A., Ikeda Daisaku. On the century break. The talk about the main issue. M., 2013.

В.В. ГИЖИЦКИЙ

аспирант, кафедра психологии образования и педагогики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: viktor.gizhitsky@yandex.ru

Т.О. ГОРДЕЕВА

доктор психологических наук, доцент, кафедра психологии образования и педагогики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: tamara@got.ps.msu.su

V.V. GIZHITSKY

Graduate student, Department of education psychology and pedagogy, Lomonosov Moscow State University
E-mail: viktor.gizhitsky@yandex.ru

T.O. GORDEEVA

Doctor of Psychology, Associate Professor, Department of education psychology and pedagogy, Lomonosov Moscow State University

E-mail: tamara@got.ps.msu.su

**СТРАТЕГИИ УЧЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК МЕДИАТОРЫ ВЛИЯНИЯ МОТИВОВ
НА АКАДЕМИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ**

**ACADEMIC BEHAVIOR STRATEGIES AS MEDIATORS OF MOTIVES' INFLUENCING
THE ACADEMIC ACHIEVEMENT**

Статья посвящена изучению продуктивных и непродуктивных стратегий учебного поведения. Проведено исследование (N=398, 10-11 класс) с целью изучения стратегий учебного поведения как медиаторов, опосредующих влияние внутренних и внешних учебных мотивов на академическую успеваемость. Показано, что влияние внутренних типов мотивов на академическую успеваемость опосредовано продуктивными стратегиями учебного поведения.

***Ключевые слова:** стратегии учебного поведения, настойчивость, учебный обман, мотивация, академические достижения.*

The article studies the productive and non-productive strategies of academic behavior. The study (N = 398, 10-11 grade) was conducted in order to identify the academic behavioral strategies that influence the impact of motives on academic achievement. It is shown that the influence of internal types of motives on academic achievement depends on strategies of academic behavior.

***Keywords:** strategies of academic behavior, persistence, cheating, motivation, academic achievement.*

Проблема исследования

В современной психологии образования множество исследований посвящено изучению влияния различных психологических факторов на достижение высоких академических результатов учащихся средних и высших образовательных учреждений. Традиционно главное внимание уделяется изучению учебных мотивов, которые, как показывают результаты многочисленных исследований, выступают значимыми предикторами различных академических достижений (успеваемости, ЕГЭ, побед на олимпиадах) [2]. Вместе с тем не все мотивы вносят равный позитивный вклад в достижение высоких академических результатов.

Исследования, посвященные изучению роли мотивов в учебной деятельности, показывают, что внутренние типы мотивов (мотив познания, мотив достижения и саморазвития) являются наиболее продуктивной формой учебной мотивации учащихся [1;2]. Более того, в ряде исследований было показано, что высокие показатели по внутренним типам мотивов выступают как отличительная черта академически успешных учащихся, проявляясь в особом отношении к процессу учения как

возможности развивать свои умения, увеличивать компетентность и мастерство, узнавать новое и в стремлении достигать совершенства (наилучших результатов) в выполнении учебной деятельности.

Согласно теоретическим положениям потребностной модели мотивации внутренние типы мотивов имеют деятельностную природу: возникновение и функционирование деятельности определяется самим ее процессом [2]. При этом индивид испытывает ощущения, сходные с состоянием «потока», описанным М. Чиксентмихай: личность человека полностью растворяется в деятельности, он не ощущает и не осознает себя отдельно от нее – сам процесс, сама деятельность как будто бы ведет и управляет действиями человека на фоне позитивных эмоциональных переживаний [6]. Функционирование внутренней мотивации имеет место, когда учитель поддерживает познавательную активность учащихся, а не пытается ей управлять, предоставляет обратную связь о качестве выполняемой ими работы и способствует развитию рефлексии учащихся. Важно отметить, что на повышение эффективности обучения в школах при реализации данных мер указывали представители гумани-

стического направления в психологии, а также авторы теории развивающего обучения [5].

В свою очередь, продуктивность внешних типов мотивов активно обсуждается в настоящее время. Если внутренняя мотивация проявляется в стремлении индивида выполнять деятельность, потому что она ему интересна сама по себе, а процесс ее выполнения приносит ему удовольствие, то внешняя мотивация побуждает индивида к выполнению деятельности за счет внешних, не связанных непосредственно с содержанием выполняемой деятельности целей. Однако внешняя мотивация представляет собой неоднородное образование. Авторы теории самодетерминации выделяют 4 типа внешней мотивации (экстернальная, интровертированная, идентифицированная и интегрированная), отличающиеся по степени удовлетворения/фрустрации потребности в автономии. Результаты исследований, проведенных в рамках теории самодетерминации, показывают, что более автономные формы внешней мотивации имеют более позитивное влияние на учебный процесс и способствуют академическим достижениям. Важно отметить, что интегрированный тип регуляции практически не исследовался эмпирически ввиду трудностей его операционализации [8].

В рамках потребностной модели внешнюю мотивацию принято разделять на личностную и межличностную [2]. Личностная внешняя мотивация характеризуется тем, что индивид выполняет деятельность ради достижения значимых для него целей, при этом он сам инициирует и регулирует процесс деятельности. Межличностная внешняя мотивация задается социумом, она связана с воздействием на индивида внешних стимулов, различного рода наград и наказаний, поощрений и санкций. Поддержка данных форм внешней мотивации является наиболее распространенным явлением в современном школьном образовании и осуществляется за счет интенсивного контроля учителя над учащимися, его стремления управлять их активностью посредством оценок или апелляции к личностным качествам (к совести, стыду, чувству вины, самоуважению и т.д.).

Вместе с тем очевидно, что ни внутренняя и ни внешняя мотивация не выступают непосредственными факторами высоких академических достижений, а влияют на них опосредованно через использование учащимися различных стратегий учебного поведения. Настоящая статья представляет собой попытку изучить продуктивные и непродуктивные стратегии учебного поведения.

Наиболее распространенной стратегией поведения, реализуемой индивидом с целью достижения высоких результатов в различных видах деятельности (учебной, спортивной, творческой), является настойчивость как показатель количества и постоянства прикладываемых усилий. В условиях современного школьного образования проявление настойчивости представляется необходимой и оптимальной стратегией поведения, позволяющей справляться с усвоением большого количества учебного материала, решением сложных учебных задач, обилием домашних и самостоятельных работ. В

ряде исследований, проведенных А. Даквотрс с коллегами [9], было показано, что более настойчивые учащиеся имеют более высокие показатели академических достижений (GPAs), чем менее настойчивые учащиеся. Также показано, что более настойчивые индивиды имеют более высокий уровень образования, чем их менее настойчивые сверстники. Вместе с тем настойчивость не обнаруживает связи с интеллектом, что свидетельствует о том, что она вносит отдельный от интеллекта позитивный вклад в достижение высоких академических результатов. Результаты исследований, проведенных Т.О. Гордеевой и О.А. Сычевым [3] на материале изучения студентов вузов, показывают, что настойчивость – одна (но не единственная) из наиболее продуктивных учебных стратегий, ведущих к достижению высоких академических результатов, а ее источниками (предикторами) являются как внутренние типы мотивов, так и внешние личностные мотивы.

Одним из наиболее объективных показателей настойчивости является время, которое учащиеся посвящают выполнению домашнего задания. Результаты серии исследований, проведенных в 40 странах, показывают, что связь между временем выполнения домашнего задания и академическими достижениями варьирует. В большинстве стран была обнаружена положительная связь между временем выполнения домашнего задания и академическими достижениями по математике у школьников, тогда как у студентов связи между этими двумя переменными являются неоднозначными. [7]

С нашей точки зрения, настойчивость и выполнение домашних заданий являются наиболее продуктивными стратегиями учебного поведения, позволяющими учащимся эффективно справляться с учебной нагрузкой, преодолевать неудачи и добиваться высоких результатов в учебе. К сожалению, в современном школьном образовании учащиеся часто прибегают к использованию непродуктивных стратегий учебного поведения, в основании которых лежит активность, направленная на имитацию учебной деятельности с целью достижения формально-положительного результата (оценки, похвалы, статуса). Одной из наиболее распространенных непродуктивных стратегий является учебный обман, который проявляется в списывании у одноклассников, использовании шпаргалок и плагиате. В наших предыдущих исследованиях было показано, что предикторами возникновения учебного обмана является направленность учащихся на достижение внешних наград, низкий познавательный интерес к содержанию учебных предметов и предпочтение выполнять легкие задания. [1] Кроме того, на выборке российских школьников подтвердились результаты зарубежных исследований, свидетельствующих о наличии отрицательной связи учебного обмана с академической успеваемостью.

Основная цель настоящего исследования состояла в выявлении медиативной роли продуктивных и непродуктивных стратегий учебного поведения во влиянии внутренних и внешних типов учебных мотивов на академическую успеваемость.

Выборка

В эмпирическом исследовании принимали участие учащиеся 10-11-х классов из 15 школ Москвы и Московской области. Всего в исследовании приняли участие 398 старшеклассников, из них 190 мальчиков и 203 девочки в возрасте от 15 до 19 лет ($M=16,5$; стд. откл.=0,67), свой пол не указали 5 старшеклассников. Исследование проводилось в октябре-ноябре 2013 года.

Методики

Для диагностики внутренней и внешней мотивации учебной деятельности использовалась Шкала академической мотивации, разработанная Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осиным и О.А. Сычевым. [4] Опросник включает в себя 36 утверждений, образующих 8 шкал: три внутренних мотива (мотивация познания, достижения и саморазвития), два личностных внешних мотива (самоуважения, интровертированная), два межличностных внешних мотива (экстернальная регуляция и мотив уважения родителями), а также шкала амотивации. Познавательный мотив детерминирует учебную деятельность за счет интереса к ее непосредственному содержанию, проявляется в состоянии увлеченности процессом познания. Мотив достижения проявляется в стремлении решать сложные задачи и достигать трудные цели. Мотив саморазвития заключается в стремлении развивать себя, свои умения и способности в процессе учебной деятельности. Мотив самоуважения проявляется в стремлении чувствовать себя значимым, уважаемым человеком в школе. Интровертированная регуляция детерминирует деятельность за счет чувства долга, вины и стыда. Экстернальная регуляция проявляется в стремлении учиться ради избегания проблем (критики родителей и учителей, плохих оценок), исходящих из внешнего окружения. Мотив уважения родителями проявляется в стремлении учащихся заслужить родительское уважение (признание) за счет достижения высоких результатов в учебной деятельности.

Шкала амотивации включает утверждения, отражающие безразличие ученика к учебному процессу и ощущение его бессмыслинности.

Для диагностики стратегий учебного поведения использовалась шкала учебной настойчивости, представляющая собой модифицированный вариант опросника упорства и настойчивости А. Даквортс (Grit). С целью выяснения количества времени, которое учащиеся посвящают выполнению домашнего задания, им предлагалось ответить на вопрос: «Сколько времени вы обычно делаете уроки дома?». Необходимо было выбрать ответ из 6 вариантов: 30 минут, 1 час, 1,5 час, 2 часа, 3 часа, более 3-х часов.

Для диагностики нечестного поведения была использована шкала учебного обмана, состоящая из пяти утверждений, отражающих различные проявления нечестного поведения. [1]

Академическая успеваемость была образована на основании годовых оценок учащихся.

Статистическая обработка данных проводилась при

помощи статистического пакета SPSS 22 и EQS 6.2.

Результаты и обсуждение

Корреляции стратегий учебного поведения, приведенные в таблице 1, показывают, что чем больше интереса испытывают учащиеся в учебном процессе, чем больше они воспринимают учебу как возможность получать интересные знания и стремятся увеличивать компетентность (мастерство), тем больше усилий и времени они посвящают учебной деятельности и тем меньше они прибегают к учебному обману (плагиату, использованию шпаргалок). Интересно, что с конструктивными стратегиями поведения также значимо связан мотив самоуважения. Соответственно, чем больше старшеклассники испытывают чувство гордости за свои академические достижения, тем выше их настойчивость в изучении учебного материала и тем больше времени они посвящают выполнению домашнего задания. Демонстрация высокой настойчивости и посвящение большего количества времени выполнению домашнего задания учащимися с высокими показателями по мотиву самоуважения, по-видимому, связана с тем, что они воспринимают академические достижения как доказательство их собственной значимости и ценности.

Отсутствие связей учебного обмана с интровертированной регуляцией, по-видимому, показывает, что использование учебного обмана будет зависеть от того, что именно заставляет старшеклассников испытывать чувство долга. Так, если они считают, что их долг заключается в получении высоких оценок, то, вероятно, учебный обман будет для них более приемлемым способом учебного поведения, чем для учащихся, которые считают себя обязанными овладевать знаниями и умениями.

Связи внешних межличностных типов мотивов со стратегиями учебного поведения различны. Более сильные связи имеет экстернальная регуляция, данный тип положительно связан с учебным обманом, а отрицательно – с настойчивостью и со временем выполнения домашнего задания. Соответственно, если учащиеся воспринимают учебную деятельность в большей степени как средство достижения внешних (по отношению к ней) результатов (отметки, похвалы), то они будут проявлять меньшее количество усилий в учебной деятельности и меньше времени посвящать выполнению домашнего задания. При этом они в большей степени будут ориентированы на поиск легких способов достижения желаемого, таких как использование шпаргалок или плагиат. Кроме экстернальной регуляции, с продуктивными стратегиями учебного поведения имеет значимую отрицательную связь амотивация, которая характеризуется ощущением потери смысла учебного процесса и посещении школы. Это означает, что чем выше показатели по амотивации, тем меньше учащиеся будут прикладывать усилий, меньше времени посвящать выполнению домашних заданий и чаще прибегать к учебному обману.

С целью выявления предикторов и анализа вклада внутренних типов мотивов в возникновение и функ-

Таблица 1.

Результаты корреляционного анализа стратегий учебного поведения с учебными мотивами и академической успеваемостью

	N	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Познавательный мотив	396	1											
2. Мотив достижения	396	,78**	1										
3. Мотив саморазвития	396	,73**	,67**	1									
4. Мотив самоуважения	396	,45**	,38**	,72**	1								
5. Интровертированная регуляция	396	,12*	0,05	,33**	,59**	1							
6. Экстернальная регуляция	396	-,25**	-,22**	0,002	,22**	,52**	1						
7. Мотив уважения родителей	396	-0,03	-0,01	,23**	,47**	,51**	,62**	1					
8. Амотивация	396	-,48**	-,35**	-,42**	-,33**	-,13**	,24**	0,1	1				
9. Учебная настойчивость	396	,38**	,39**	,41**	,27**	,11*	-,13*	0,1	-,22**	1			
10. Время выполнения д/з	348	,19**	,23**	,25**	,23**	0,1	-,14**	-0,01	-,20**	,17**	1		
11. Учебный обман	295	-,35**	-,39**	-,21**	-,12*	-0,1	,27**	0,05	,33**	-,30**	,20**	1	
12. Академическая успеваемость	363	,34**	,29**	,28**	,21**	,14**	-,11*	-,11*	-,16**	,29**	,15**	,30**	1
M		3.55	3.23	3.47	3.34	3.25	2.96	2.50	1.77	3.60	3.46	3.2	4.01
SD		.99	1.07	.99	1.11	.98	1.05	.98	.88	.73	1.69	.96	.54
Надежность шкал (α Кронбаха)		.90	.90	.84	.85	.70	.73	.89	.84	.80		.75	

Примечание. M – среднее; SD – стандартное отклонение. Значимость коэффициентов: * - p < .05; ** - p < .01

ционирование стратегий учебного поведения была построена путевая модель (см. рис. 1).

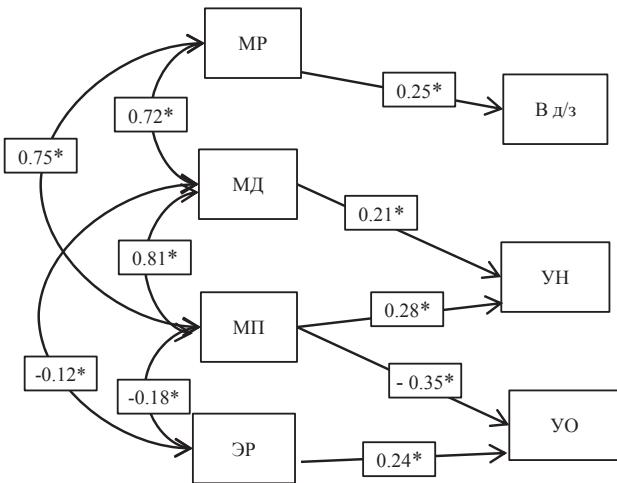

Рис.1. Путевая модель влияния типов мотивов на стратегии учебного поведения. Показатели соответствия модели: $\chi^2 = 19.29$; $p = 0.06$; $CFI = 0.98$; $RMSEA = 0.06$. Примечания: МП – мотив познания; МД – мотив достижения; МР – мотив саморазвития; ЭР – экстернальная регуляция; В д/з – время выполнения домашнего задания; УН – учебная настойчивость; УО – учебный обман.

Согласно полученной модели, предикторами настойчивости являются познавательный мотив и мотив достижения. Так, проявление стойкого интереса к изучению учебных предметов и стремление достигать высоких результатов в учебной деятельности способствуют

повышению настойчивости и приложению большого количества усилий. В свою очередь, мотив саморазвития выступает значимым предиктором времени, которое ученики посвящают выполнению домашнего задания. Это свидетельствует о том, что учащиеся, которые ориентированы в учебной деятельности на развитие и совершенствование самих себя, склонны больше времени посвящать выполнению домашнего задания. Наконец показано, что отсутствие интереса к изучению учебных предметов и высокое стремление учащихся достичь внешних по отношению к учебной деятельности наград или избежать наказаний являются необходимыми условиями возникновения учебного обмана.

С целью изучения влияния мотивов и продуктивных стратегий учебного поведения на академическую успеваемость был проведен регрессионный анализ. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 2. Важно указать, что с учетом ограничения в применении регрессионного анализа вместо трех шкал внутренних мотивов был взят агрегированный показатель – внутренние мотивы. Регрессионная модель объясняет 19,2% от всего влияния на учебную успеваемость. Показано, что предикторами академической успеваемости выступают внутренние типы мотивов, интровертированная регуляция, экстернальная регуляция (отрицательный предиктор) и настойчивость.

Таблица 2.

Результаты множественного регрессионного анализа успеваемости в зависимости от мотивов учебной деятельности и стратегий учебного поведения (N=315)

Переменные	Бета	Стд. Ош. Бета	t test	Знач.
Внутренние мотивы	.105	.042	2.487	.013
Мотив самоуважения	.052	.042	1.245	.214
Индроцированная регуляция	.112	.041	2.726	.007
Мотив уважения к родителям	-.036	.039	-.925	.356
Экстернальная регуляция	-.149	.040	-3.702	.000
Амотивация	.040	.037	1.066	.287
Настойчивость	.131	.042	3.128	.002
Время выполнения домашнего задания	.013	.017	.753	.452
Константа	3.006	.216		

Примечание: характеристики регрессионной модели: $R^2=0,192$; F=9,067; $p<0,000$.

Несмотря на то, что регрессионный анализ свидетельствует о влиянии мотивов и стратегий учебного поведения на академическую успеваемость, он не позволяет раскрыть медиативную роль стратегий учебного поведения во влиянии учебных мотивов на академическую успеваемость, в связи с чем был использован метод структурного моделирования.

Из полученной модели, представленной на рисунке 2, следует, что внутренние типы мотивов положительно влияют на академическую успеваемость посредством продуктивных стратегий учебного поведения. Показано, что переживание интереса к процессу учения, желание узнавать новое и достигать высоких результатов приводит к тому, что учащиеся проявляют больше усилий в учебе и больше времени посвящают

выполнению домашнего задания, что в свою очередь способствует повышению академической успеваемости старшеклассников.

Далее с целью изучения влияния внешних типов мотивов на академическую успеваемость, а также роли учебного обмана как медиатора, опосредующего это влияние, была построена путевая модель.

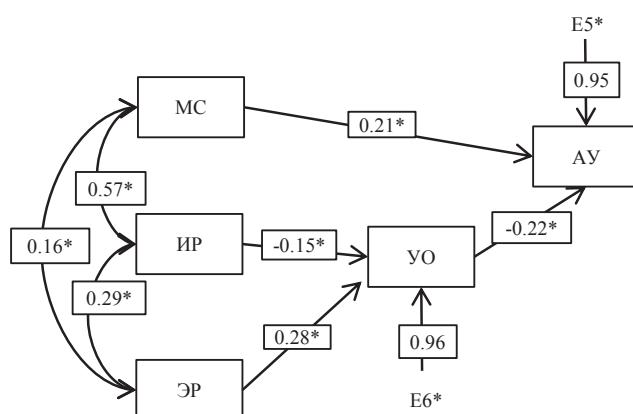

Рис. 3. Путевая модель влияния внешних типов мотивов на учебный обман и академическую успеваемость (N=264).

Показатели соответствия модели: $\chi^2 = 5.35$; $p = 0.15$; CFI = 0.99; RMSEA = 0.05; доверительный интервал RMSEA (0.000, 0.128). Примечания: MC – мотив самоуважения; ИР – индроцированная регуляция; ЭР – экстернальная регуляция; УО – учебный обман; АУ – академическая успеваемость.

Как видно на рисунке 2, непосредственно положительное влияние на академическую успеваемость оказывает мотив самоуважения. Индроцированная и экстернальная регуляция (мотивы) влияют на академическую успеваемость опосредованно, через учебный обман. Соответственно, высокие показатели по экстернальной регуляции и низкий уровень индроцированной регуляции способствуют возникновению учебного обмана, который, в свою очередь, отрицательно влияет на академическую успеваемость.

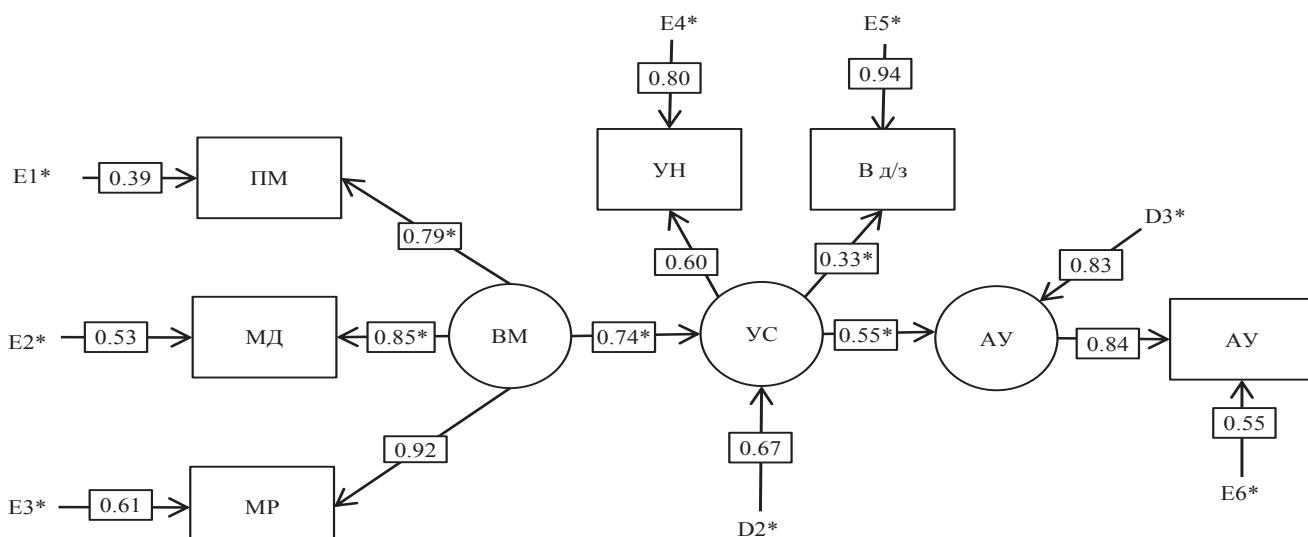

Рис. 2. Результаты структурного моделирования внутренних типов мотивов, продуктивных стратегий учебного поведения и академической успеваемости (N=314). Показатели соответствия модели: $\chi^2 = 13.35$; $p = 0.06$; CFI = 0.99; RMSEA = 0.05; доверительный интервал RMSEA (0.000, 0.097). Примечания: МП – мотив познания; МД – мотив достижения; МР – мотив саморазвития; УС – учебные стратегии; В д/з – время выполнения домашнего задания; УН – учебная настойчивость; АУ – академическая успеваемость.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования показывают, что внутренние мотивы как специфические психологические состояния влияют на академические достижения опосредованно через продуктивные стратегии учебного поведения. Это означает, что интерес к учебному предмету, стремление узнавать новое и достигать высоких результатов стимулируют учащихся проявлять настойчивость в учебном процессе, прикладывать усилия на занятиях и посвящать больше времени выполнению домашних заданий, что, в свою очередь, приводит к повышению академической успеваемости. Внешние мотивы также оказывают опосредованное влияние на академическую успеваемость через учебный обман. Показано, что чем больше выражено стремление учащихся учиться ради получения внешних (не связанных с предметом учебной деятельности) наград и чем ниже выражена их интровертированная регуляция, тем чаще они прибегают к учебному обману и тем ниже их академическая успеваемость.

Анализ корреляций и результатов регрессионного анализа свидетельствуют, что настойчивость выступает более продуктивной стратегией учебного поведения, чем выполнение домашнего задания. Учебная настойчивость имеет более высокие коэффициенты корреляции с внутренними и внешними личностными типами мотивов, чем время выполнения домашнего задания, а также является значимым предиктором академической успеваемости. По-видимому, это связано с тем, что показатель времени выполнения домашнего задания в некоторых ситуациях может указывать не на усердие или стремление овладевать учебным материалом и доводить начатую задачу до успешного решения, а на имитацию учебной деятельности. При этом выполнение домашнего задания может выступать как демонстрация старания с целью достижения внешних по отношению к содержанию учебной деятельности целей (похвалы, внимания близких). Это хорошо соотносится с данными исследования С. Детмерса с коллегами, свидетельствующими о том, что эффективность времени, потраченного на выполнение домашних заданий, зависит от его качества и типа. [7]

Результаты показывают, что внутренние типы мотивов выступают значимыми предикторами стратегий учебного поведения. В частности, стремление развивать свои способности способствует повышению

времени выполнения учащимися домашнего задания, тогда как стремление узнавать новое, стойкий интерес к учебным предметам и направленность на достижение высоких результатов ведут к повышению настойчивости учащихся в учебе. Показано, что учебный обман возникает в условиях высокой экстернальной регуляции и низкой выраженности познавательного мотива. Соответственно деятельность учащихся, избирающих стратегию учебного обмана, детерминируется желанием достигать внешних наград в условиях слабой заинтересованности учащихся в получении новых знаний и нежеланием изучать учебный предмет. Данный результат хорошо согласуется с результатами наших предыдущих исследований, показавших, что учебный обман является псевдоадаптивной стратегией поведения, направленной на достижение внешних, нерелевантных учебной деятельности целей наиболее легким способом. [1]

Важный практический вывод из полученных результатов состоит том, что эффективность учебного процесса во многом зависит от стратегий учебного поведения, которые используют учащиеся. Соответственно учителям (и родителям) стоит не только преподавать учебным материал, но и обучать учащихся наиболее эффективным способом и приемам его освоения. Например, учитель может рекомендовать учащимся сделать план (или схему) пройденного учебного материала или оказать помощь учащимся в разработке индивидуального плана по его освоению.

Важно также понимать, что наилучшим типом мотивации (мотивов), приводящим к максимально высоким результатам учебной деятельности, является интерес к процессу познания и обретению компетентности, и поэтому желательно стремиться работать над такими изменениями содержания и методов обучения, которые поддерживают у учеников этот интерес. Напротив, традиционное обращение к стратегиям контроля, сравнения, критики, угроз и психологических манипуляций ведут лишь к имитации учебной деятельности со стороны ученика, готовности в любой момент ее бросить, используя стратегии учебного обмана, списывание и пр. Наконец, наши результаты свидетельствуют о пользе поддержки стратегий настойчивого поведения, строящихся на вере в то, что успех в учебе достижим для каждого, доступен контролю и управлению со стороны самого ученика.

Библиографический список (References)

1. *Gizhitsky V.V. Cheating as maladaptive behavior strategy of high school students. Scientific notes of Orel State University. Series: "Humanities and Social Sciences" 2014. № 2 (58). Pp. 293-299.*
2. *Gordeeva T.O. Motivation of educational activity of school students and students: structure, mechanisms, development conditions. Thesis ... doc. psychology sciences. M., Moscow State University, 2013.*
3. *Gordeeva T.O., Sychev O.A. Internal sources of insistence and its role in progress in studies // Psychology of education. 2012. V 1. Pp. 33-48.*
4. *Gordeeva T.O., Osin E.N., Sychev O. A. Questionnaire of "Scale of the academic motivation"//Psychological magazine. 2014. V 35. № 5. Pp. 98-109.*
5. *Cukerman G.A. System of Elkonin-Davydov as a resource to increase the competence of Russian schoolchildren // Questions of Psychology // 2005.V 4. Pp. 84-95.*
6. *Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: Harper and Row, 1990.*

7. *Dettmers S., Trautwein U., Lüdtke O., et al.* Homework works if homework quality is high: using multilevel modeling to predict the development of achievement in mathematics // *Journal of Educational Psychology*, 2010. V. 102. Pp. 467-482.
8. *Deci E.L., Ryan R.M.* Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions// *Contemporary Educational Psychology*, 2000. V. 25. Pp. 54–67.
9. *Duckworth A.L., Peterson C., Matthews M.D., Kelly D.R.* Grit: Perseverance and passion for long-term goals // *Personality Processes and Individual Differences*. 2007. Vol. 92(6). Pp. 1087-1101.
10. *Rogers C.R., Freiberg H.J.* *Freedom to Learn* (3-*rd* edition). New York - Oxford - Singapore - Sydney: Maxwell Macmillan International, 1994.
-
-

Л.И. ГУБАРЕВА

кандидат педагогических наук, кафедра профессионального обучения и бизнеса, Орловский государственный университет

E-mail: tatina0711@yandex.ru

Т.А. СЕНЬКИНА

кандидат технических наук, кафедра туризма и гостиничного дела, Орловский государственный университет

E-mail: tatina0711@yandex.ru

И.С. КАЛУГИНА

магистр, Орловский государственный университет

E-mail: tatina0711@yandex.ru

L.I. GUBAREVA

Candidate of pedagogical sciences, Department of vocational education and business, Orel State University

E-mail: tatina0711@yandex.ru

T.A. SENKINA

Candidate of technical sciences, Department of tourism and hotel business, Orel State University

E-mail: tatina0711@yandex.ru

I.S. KALUGINA

Master, Orel State University

E-mail: tatina0711@yandex.ru

ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МАЛОГО ГОРОДА

PARADIGM OF DEVELOPMENT OF THE HIGHEST PROFESSIONAL EDUCATIONS IN THE CONDITIONS OF THE SMALL CITY

Рост востребованности высшего профессионального образования в малых городах, удовлетворение образовательных потребностей населения с ограниченными возможностями при получении высшего образования в современном обществе являются общемировой тенденцией.

Ключевые слова: развитие, система высшего образования, региональная политика, малые города.

The growth of a demand of the higher professional education in the small cities, satisfaction of educational requirements of the population with limited possibilities when receiving the higher education in modern society is a universal tendency.

Keywords: development, system of the higher education, regional policy, small cities.

Региональная система высшего профессионального образования малого города в новых экономических условиях требует учета федеральных и местных потребностей, а также интереса отдельных предприятий и организаций, самого человека. Федеральные требования вытекают из задачи формирования единого образовательного пространства, обеспечения мобильности рабочей силы на территории всей страны, неуклонного повышения ее квалификации. Региональные требования к профессиональному образованию могут быть представлены в количественном и качественном выражении [1].

Количественно они фиксируют потребность в кадрах всей экономической сферы региона. Качественная характеристика содержит квалификационные требования к профилю и уровню подготовки кадров. Определение этой потребности и реальных путей ее удовлетворения путем организации оптимальной системы профессионального высшего образования в условиях малого города позволяет обоснованно определить структуру кадров, необходимых для развития региона, содержание профессиональной подготовки, типы и виды профессиональных образовательных учреждений, сроки и форму подготовки [2, 3].

Перед регионализацией системы образования встает проблема прямых и обратных связей между системой образования и социально-экономической средой в данном регионе. Перемещение целевой функции системы образования на региональный уровень требует в значительной мере новых подходов к изучению текущих и перспективных потребностей региона в разного рода образовательных услугах, а также учёта специфики социально-трудовых отношений на уровне территориального пространства малого города [1].

Необходимость особого внимания к проблеме интеграции образования на региональном уровне продиктована объективными обстоятельствами.

Во-первых, перевод института образования как субъекта рыночных отношений в режим оказания образовательных услуг неизбежно актуализирует проблемы формирования региональных систем образования, так как потребители услуг проживают на конкретной территории, в конкретном регионе [2, 3].

Во-вторых, региональная система образования малого города как субъект рынка услуг будет неизбежно развиваться в соответствии со структурой потребностей населения региона в том или ином качестве и уровне образования, так как рыночные отношения предполагают,

что востребованными бывают те услуги, в которых нуждаются [1]. Однако образовательные потребности в каждом регионе достаточно специфичны и разнообразны, что объясняется спецификой региональной географии, экономики, культуры населения и т.д.

В-третьих, в современной России сложилась ситуация, когда большинство потребителей образовательных услуг не желают покидать место своего проживания для их получения, тем более отправляться для продолжения образования в отдаленные города [5].

В-четвертых, парадигма личностно-ориентированного образования предполагает ориентацию на удовлетворение интересов и потребностей личности [5]. Но эти интересы и потребности являются иерархическими по предпочтениям. Среди этой иерархии особо выделяются территориальные предпочтения и интересы. Ведь территориальное устройство общества представляет собой древнейшую и самую устойчивую форму его организации. Наличие же особых территориальных общественных интересов отрицать достаточно трудно. Региональное устройство России заложено в самих основах федеративного строения государства, применительно к системе образования это означает, что региональное пространство оказывает достаточно заметное воздействие на формирование структуры образовательных интересов и потребностей каждой отдельной личности [5].

В-пятых, современное российское образование столкнулось с трудностями при определении ориентиров развития. Если ранее в качестве такого ориентира выступал «социальный заказ общества на подготовку кадров», на деле явившийся концентрированным выражением технократического отношения к людям и образованию как средству решения государственных, экономических, производственных задач, то современный официальный курс на демократизацию и гуманизацию образования в качестве такого ориентира выдвигает интересы и потребности обучающихся [6, 7]. Вопрос в том, как и каким образом выявить и прогнозировать эти интересы и потребности в условиях динамично развивающегося рыночного общества.

В-шестых, в настоящее время в российском образовании набирает силу процесс регионализации, формирования региональных систем образования, интегрирования образования всех видов и всех степеней региона в единую систему образования [1]. Такая система предназначена удовлетворять весь спектр образовательных потребностей и интересов населения региона. Проявление данной тенденции отражает объективные

процессы российской социально-экономической деятельности, обеспечивает практическую реализацию принципов демократизации и гуманизации образования, модернизацию отечественного образования.

В-седьмых, региональная интеграция системы образования может стать основой для разработки оптимальной стратегии развития российского образования, обеспечивающей не только его выживание, сколько устойчивое развитие и превращение в фактор действительно свободного самоопределения каждой личности, социально-экономического процветания страны в целом [1, 6, 7].

Таким образом, региональная интеграция образования и формирование на этой основе единой федеральной системы образования, способной учитывать и реализовывать совокупность образовательных потребностей и интересов отдельных обучающихся, органически сочетать их с интересами и потребностями общества, экономики и государства, представляется в настоящее время магистральным направлением развития отечественного образования [4, 5]. Региональную интеграцию образования и сохранение единого образовательного пространства Федерации обеспечивает подход, опирающийся на концепцию регионального образовательного пространства. В его рамках интеграция образования осуществляется не по вертикали (отраслевой принцип, или отраслевая интеграция), а по горизонтали (системный принцип, или территориальная интеграция).

Формирование интегрированной системы образования региона предполагает создание интегрированного образовательного комплекса с единым региональным центром управления и научно-методического обеспечения. Внутри интегрированного комплекса должны отсутствовать формальные препятствия для получения образования (ведомственные и институциональные) [6, 7].

Такой комплекс обеспечивает профессиональную подготовку на основе выбора каждым обучающимся индивидуальной образовательной траектории [2, 3].

Этот выбор возможен при условии обеспечения преемственности, вариативности и многоступенчатости образовательных программ, их диверсификации, многоуровневости и непрерывности. Главной характерной особенностью региональных образовательных комплексов, отличающей их от всех других форм объединения профессиональных образовательных учреждений, является наличие единой системы управления, планирования и организации учебно-воспитательного процесса.

Библиографический список

1. Иванов В.Г., Кузнецов В.Ф. Региональные образовательные комплексы как одно из направлений развития территориально-образовательного пространства малого города. Методические указания. Тольятти, ТГУ. 2005. 40 с.
2. Кузнецов В.Ф. Система высшего профессионального образования в муниципальном городе России. Монография. Москва, РАО, ИОСО. 2002.
3. Губарева Л.И. Кадровая логистика // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. ООО «Научное обозрение». 2012. №7. С.133-144.
4. Серебрякова Н.А. Концептуальные основы организации и осуществления управленческого консультирования для обеспечения эффективности менеджмента организации // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. ООО «Научное обозрение». 2013. №5. С.37-49.

5. *Петрухина Е.В.* Инфраструктурная стратегия инновационного развития регионов // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. ООО «Научное обозрение». 2013. №1. С.58-65.
6. *Губарева Л.И.* Характеристика основных интерактивных методов обучения // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. ООО «Научное обозрение». 2013. №1. С.133-144.
7. *Губарева Л.И.* Образовательные учреждения как объект управления // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. ООО «Научное обозрение», 2012. №1. С.63-71.

References

1. *Ivanov V.G., Kuznetsov V.F.* Regional educational complexes as one of the directions of the development of territorial educational space of a town. Methodical instructions. Tolyatti, TSU. 2005. 40 p.
 2. *Kuznetsov V.F.* The system of higher education in the municipal city of Russia. Monograph. Moscow, Russian joint stock company, IOSO. 2002.
 3. *Gubareva L.I.* Personnel logistics//Theoretical and applied questions of economy and services sector. ООО «Научное обозрение». 2012. No. 7. Pp. 133-144.
 4. *Serebryakova N.A.* Conceptual bases of the organization and implementation of administrative consultation for ensuring efficiency of management of the organization//Theoretical and applied questions of economy and a services sector. ООО «Научное обозрение». 2013. No. 5. Pp. 37-49.
 5. *Petrukhina E.V.* Infrastructure strategy of innovative development of regions//Theoretical and applied questions of economy and services sector. SLL «Научное обозрение». 2013. No. 1. Pp. 58-65.
 6. *Gubareva L.I.* Characteristic of the main interactive methods of training//Theoretical and applied questions of economy and services sector. SLL «Научное обозрение». 2013. No. 1. Pp. 133-144.
 7. *Gubareva L.I.* Educational institutions as object of management//Theoretical and applied questions of economy and services sector. SLL «Научное обозрение», 2012. No. 1. Pp. 63-71.
-
-

Е.Ф. ДУДИНА

кандидат филологических наук, начальник управления научных исследований и инноваций, Орловский государственный университет

Е.Н. ПУЗАНКОВА

доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Орловский государственный университет

Е.А. ХОВАНСКАЯ

кандидат педагогических наук, доцент, начальник отдела организации инновационной деятельности, Орловский государственный университет

А.В. ТРИШКИН

начальник отдела интеллектуальной собственности, патентов и изобретений, Орловский государственный университет

E.F. DUDINA

Candidate of Philology, Head of department of scientific researches and innovations, Orel State University

E.N. PUZANKOVA

Doctor of Pedagogics, Professor, Vice rector for scientific work, Orel State University

E.A. KHOVANSKAYA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of department of the organization of innovative activity, Orel State University

A.V. TRISHKIN

Head of department of intellectual property, patents and inventions, Orel State University

**НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ЭЛЕКТРОННОЙ
ОТЧЕТНОСТИ О НАУЧНОЙ РАБОТЕ В ВУЗЕ» В РЯДУ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ФГБОУ ВПО «ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» ЗА 2014 ГОД***

**THE SCIENTIFIC PROJECT “DESIGN AND REALIZATION OF SYSTEM OF PREPARATION OF THE ELECTRONIC
REPORTING ON SCIENTIFIC WORK IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION” AMONG RESULTS
OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF FSBEI HPE “OREL STATE UNIVERSITY” FOR 2014**

В статье представлены основные результаты научно-исследовательской работы ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», обосновывается необходимость введения электронного планирования и отчетности по научной работе, описываются основные итоги проекта «Проектирование и реализация системы подготовки электронной отчетности о научной работе в вузе» за 2014 год.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа, планирование, научные показатели, электронное планирование и отчетность, автоматизация планирования, база данных.

The main results of research work of FSBEI HPE “Orel State University” are presented in the article, need of introduction of electronic planning and the reporting on scientific work is grounded, the main results of the “Design and Realization of System of Preparation of the Electronic Reporting on Scientific Work in Higher Education Institution” project for 2014 are described.

Keywords: research work, planning, scientific indicators, electronic planning and reporting, planning automation, database.

Все более актуальной проблемой в деятельности вуза становится необходимость получения всесторонней информации о научно-исследовательской работе университета. Данный подход отвечает общегосударственным запросам по созданию систем электронного документооборота в рамках системы электронного правительства. В методике расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования направление научно-исследовательской деятельности является одним из основных показателей.[1] В связи с этим увеличиваются требования к

профессорско-преподавательскому составу и научно-исследовательскому сектору вуза в части активизации научной деятельности.

За годы своего развития Орловский государственный университет стал одним из ведущих вузов Центрального региона России, научно-образовательным центром. Одно из приоритетных мест его деятельности занимает научно-исследовательская работа.

В Орловском государственном университете создано управление научных исследований и инноваций, куда входят: отдел организации инновационной деятельно-

* Статья подготовлена в рамках Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации федеральному государственному бюджетному образовательному учреждению высшего профессионального образования “Орловский государственный университет” на 2015 год, проект № 1379.

сти, отдел интеллектуальной собственности, патентов и изобретений. Функционирует управление по подготовке кадров высшей квалификации, Экспертный совет по вопросам избрания на должность доцента и профессора и представления к ученому званию доцента и профессора, диссертационные советы, Научно-технический совет, научно-исследовательские институты, научно-исследовательские центры, лаборатории, музеи и другие научные подразделения, причем каждое крупное научное подразделение также имеет свою иерархию.

Большое внимание уделяется в вузе росту научно-педагогических кадров. На данный момент обучение в аспирантуре ведется по 21 направлению подготовки, по 64 профилям. Действует интернатура по 12 и ординатура по 14 специальностям послевузовского образования. Докторантура – по 7 специальностям: 10.02.01 Русский язык, 10.02.19 Теория языка, 10.01.01 Русская литература, 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (русский язык), 13.00.08 Теория и методика профессионального образования, 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (математика), 07.00.02 – Отечественная история. Ежегодно аспиранты ОГУ награждаются именными стипендиями Губернатора Орловской области (28 человек). Именной стипендией Правительства Российской Федерации награжден Лекомцев Д.Г. (специальность 05.13.18 Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ).

В 2014 году функционировало 4 специализированных совета по защите докторских и кандидатских диссертаций: Д 212.183.01 (10.02.01 Русский язык; 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (русский язык); Д 212.183.02 (10.01.01 Русская литература, 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (литература Европы); Д 212.183.03. (07.00.02 Отечественная история), Д 212.183.04 (13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (математика), 13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

В вузе активно работают 48 научных школ. Разрабатывается более 300 тем научных исследований. В центре внимания подразделений вуза исследования по приоритетным направлениям развития науки и техники: в области нанотехнологий и наноматериалов, технологий распределенных вычислений и систем, технологий производства программного обеспечения, технологий мониторинга прогнозирования состояния гидросфера, рационального природопользования, технологий снижения риска и уменьшения последствий природных и техногенных катастроф, геномных и постгеномных технологий, технологий биоинженерии, биомедицинских технологий жизнеобеспечения и защиты человека, здоровьесберегающих педагогических технологий.

Постоянно осуществляется повышение квалификации кадров: всего в рамках повышения квалификации и стажировок повысили свою квалификацию в 2014 году 230 сотрудников университета, в том числе по приоритетным направлениям науки и техники. Также Орловский государственный университет традицион-

но является базой повышения квалификации и профессиональной переподготовки для представителей других вузов, учреждений, физических лиц. Так в 2014 году прошли профессиональную переподготовку 261 человек, повышение квалификации 618 человек.

В рамках Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации федеральному государственному бюджетному образовательному учреждению высшего профессионального образования “Орловский государственный университет” с 2014 года выполняются 6 фундаментальных и прикладных научных проектов:

«Разработка инновационных технологий иммунокоррекции как платформы для совершенствования реабилитации иммунной системы человека в условиях воздействия неблагоприятных экзогенных и эндогенных факторов» № 1602 (рук. М.А.Халилов),

«Эволюция экосистемы Среднерусской возвышенности в ближайшем геологическом прошлом, настоящем и прогноз их развития в условиях климатических изменений» № 1506 (рук. А. Ф. Колесникова),

«Функциональные материалы и наноматериалы на основе алюмосиликатов и висмута: структурные, физико-химические и аналитические свойства» № 1247 (рук. Э.Р. Оскотская),

«Проектирование и реализация системы подготовки электронной отчетности о научной работе в вузе» № 1379 (рук. В.И. Дорофеева),

«Совершенствование системы профилактики и лечения больных с сосудистыми заболеваниями головного мозга» № 1444 (рук. М.А. Евзельман),

«Выявление механизма адаптации и путей его регуляции на различных уровнях организации споровых и цветковых растений» № 1373 (рук. Т. И. Пузина).

Российским гуманитарным научным фондом в 2014 г. поддержаны фундаментальные исследования в области филологии: «Словарь новообразований Н.С. Лескова» (рук. Л.В. Алешина), «Функциональные, дисфункциональные и афункциональные знаковые феномены в естественноязыковой коммуникации» (рук. В.А. Лукин).

Российским фондом фундаментальных исследований в 2014 году были поддержаны проекты: «Новые двумерные и трехмерные математические модели эволюции границы раздела жидкостей различных физических свойств (вязкости, плотности) в анизотропных и неоднородных пластах грунта для фундаментальной научно-технической разработки методов мониторинга и прогнозирования миграции загрязнений и увеличения дебитов водозаборов при наличии очагов загрязнений в таких пластах» (рук. В.Ф. Пивень), «Морфодинамические закономерности перераспределения радионуклида цезия-137 чернобыльского происхождения в почвах естественных ландшафтов и агроэкосистем» (рук. Трофимец Л.Н.). Софинансирование проектов осуществлял Департамент имущественной, промышленной и информационной политики Орловской области.

Традиционно высока публикационная активность. Так в 2014 году опубликовано 63 монографии, 143 учебника и учебных пособий, 1121 научная статья. Ученые вуза являются авторами федеральных учебников для вузов (В.Р. Кочкарев, А.А. Калекин, Д.В. Степанов и др.) и общеобразовательных школ (Л.Д. Беднарская, С.Т. Минаков, В.Н. Правдюк и др.). Опубликовано 525 научных работ в изданиях, включенных в базу российского индекса научного цитирования (РИНЦ), 351 статья в рецензируемых журналах. Опубликованы статьи в журналах, индексируемых в международных информационно-аналитических системах научного цитирования: Web of Science, Scopus и других. Сотрудники университета приняли участие более чем в 330 научно-практических конференциях.

Защита интеллектуальной собственности в современном мире является одной из ключевых задач как для политики вузов в целом, так и для профессорско-преподавательского состава в частности. Результатом работы ученых Орловского государственного университета являются уникальные научные теории и разработки, требующие юридической защиты. В 2013-2014 гг. университетом поданы заявки на получение патентов на изобретения в области инженерных наук, химических наук, медицинских наук, нанотехнологий, биологических наук: №2013121665 «Экран проекционный складной» (автор Платонов В.В., дата приоритета 08.05.2013); №2013148742 «Способ сорбционно-хроматографического определения тетрациклина в молочных продуктах» (авторы: Грибанов Е.Н., Оскотская Э.Р., Калинин М.Н., дата приоритета 31.10.2013); №2013148711 «Способ операции при вросшем ногте первого пальца стопы» (авторы: Товаченков В.И., Шевердин Н.Н., Халилов М.А., дата приоритета 31.10.2013); №2014104263 «Способ создания наноструктур на поверхности монокристалла висмута» (авторы: Марков О.И., Хрипунов Ю.В., дата приоритета 06.02.2014); № 2014124344 «Способ применения низкомолекулярных антиоксидантов амбиола и селена на растениях картофеля» (авторы: Пузина Т.И., Кириллова И. Г., дата приоритета 16.06.2014).

Поданы заявки на получение патента на полезную модель: №2014121630 «Мобильное устройство – ширма» (авторы Михайлов И.В., Халилов М.А., Улаева Е.А., Пьявченко Г.А., дата приоритета 27.05.2014), №2014121631 «Набор объемных фигур для изучения стереогностического чувства» (авторы Михайлов И.В., Халилов М.А., Улаева Е.А., дата приоритета 27.05.2014).

Существуют совместные работы преподавателей и студентов. Так в области дизайна сотрудниками и студентами художественно-графического факультета поданы 3 заявки на получения патентов на промышленный образец: №2013501701 «Упаковка для пиццы» (авторы Сошнев Н.Н., Темирханова А.С., дата приоритета 08.05.2013), №2013501702 «Упаковка для соли» (авторы: Сошнев Н.Н., Якушева Е.М., дата приоритета 08.05.2013), №2013501703 «Упаковка для молотого перца» (авторы: Сошнев Н.Н., Агафонова Д.Г., дата прио-

ритета 08.05.2013). [2]

Ежегодно молодые ученые вуза становятся победителями региональных конкурсов молодых ученых.

Дипломом победителя областного конкурса «Лучшая научно-исследовательская работа молодых ученых-2014» за научно-исследовательскую работу «Нейропроективная терапия постинсультных когнитивных нарушений» награждена аспирантка Орловского государственного университета Александрова Наталья Александровна.

Победителем «Областного конкурса на лучшую работу по физико-математическим дисциплинам и методике преподавания физико-математических дисциплин» стала выпускница физико-математического факультета – Чинякова Ирина Владимировна за работу «Реализация концепции профильного обучения математике в сельской школе».

Дипломом лауреата за участие в международном конкурсе «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере-2014» награжден кандидат философских наук, доцент Оболенский Вячеслав Борисович в номинации «Философия; социология; политология; правоведение» за работу «Афоризм как язык философии».

Дипломом Международной академии педагогического образования награждена доктор филологических наук, профессор Бахвалова Татьяна Васильевна за популяризацию ведущих идей и принципов деятельности МАНПО в отечественном и зарубежном образовательном пространстве и плодотворную работу в отраслевом отделении Академии.

Одно из важнейших направлений деятельности вуза – организация научно-исследовательской и инновационной деятельности студентов.

Ежегодно все студенты вуза участвуют в различных формах научной работы: конференции, олимпиады, конкурсы на лучшую НИР студентов, конкурсы на получение грантов. Студентами вуза опубликовано около 400 научных работ, в том числе без соавторов-сотрудников вуза 349.

Можно привести следующие примеры научных достижений студентов.

В 2014 году на базе Орловского государственного университета была проведена II Всероссийская студенческая олимпиада по терапии им. Н.С. Короткова.

В 2014 году студенты университета стали участниками и победителями Открытых международных студенческих Интернет-олимпиад 2013-2014 учебного года.

Ежегодно студенты и магистранты вуза принимают активное участие в олимпиадах среди вузов Орловской области и занимают около 30 призовых мест в командном зачете и более 40 мест в личном зачете по итогам их проведения, научные работы получают дипломы лауреатов конкурса научных студенческих работ среди вузов Орловской области. Например, в межвузовских студенческих олимпиадах в 2014 году студенты ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» заняли в личном первенстве 1-е места (7 человек), 2-е места

(4 человека), 3-и места (8 человек), а также стали победителями (10 команд) и призерами (19 команд заняли 2-е места, 8 команд заняли 3-и места) в командном первенстве. В отчетном году пять студентов стали победителями конкурса научных студенческих работ (проектов), дипломами лауреатов конкурса были награждены 2 студента.

Студентка факультета педагогики и психологии Кузло Е.И. стала лауреатом международного конкурса научно-исследовательских работ студентов «Молодежь в науке: новые аргументы» (г. Липецк). Студентка 3 курса Сухинина А. заняла 2 место в региональном конкурсе студенческих проектов «Ступени» с проектом «Кукольный календарь».

Студенты социального факультета ежегодно становятся победителями в конкурсе, проводимом Всероссийской школой конфликтологов по альтернативным методам разрешения конфликтов.

Студенты юридического факультета приняли участие в организации и проведении ежегодного молодёжного форума «Орловская модель Организации объединённых наций–2014». Также студенты данного факультета приняли участие в конкурсе Орловского областного суда на лучшую исследовательскую работу, посвященную Дню юриста «Актуальные вопросы становления судебной власти и правосудия в России: история и современность». Получили гран-при и заняли 1 и 2 места.

Лауреатом XI студенческой международной заочной научно-практической конференции «Молодежный научный форум: гуманитарные науки» стала студентка факультета документоведения и педагогического образования Сысоева Людмила.

Студенты философского факультета приняли участие в работе международного съезда православной молодежи, международной научной Школе для молодых ученых «Русская философия истории», международной научной конференции «Вызовы современности: философские и психологические проблемы» и др.

Студенты факультета иностранных языков принимают активное участие в конкурсах, организованных за рубежом. Так магистр 1 курса А. Дариков стал победителем конкурса, организованного Посольством Франции и Министерством образования и науки РФ и преподает русский язык в колледжах и лицеях г. Реймса.

Студент исторического факультета М. Захаров победил в конкурсе «Национальная идея современной России в официальном дискуссе власти и политических проектах» Всероссийской студенческой олимпиады (г. Саранск).

Студенты факультета естественных наук стали участниками Большого географического фестиваля в г. Санкт-Петербурге, также приняли участие в работе международного экологического форума «Живая планета».

Ежегодно лауреатами выставок и конкурсов становятся студенты художественно-графического факультета, например, победы в конкурсах: «Золотая

осень–2014», «Русский силуэт–2014», «Международная ассамблея моды, г. Москва, 2014» и др.

Студенты медицинского института Орловского государственного университета приняли участие во II Всероссийской студенческой олимпиаде по терапии им. Н.С. Короткова, в XXIV Московской (Всероссийской) студенческой олимпиаде по хирургии имени академика М.И. Перельмана.

В 2014 году в рамках базовой части государственного задания Орловскому государственному университету начал реализацию проект «Проектирование и реализация системы подготовки электронной отчетности о научной работе в вузе». Научным коллективом была собрана большая электронная база данных научных исследований, проводимых в университете, база данных журналов, в которых печатаются сотрудники вуза, и другие необходимые для исследования базы данных. Разработана структура информационной системы для подготовки индивидуальных форм электронной отчетности с учетом особенностей вузовской организации научной деятельности. Выполнена программная реализация приложения на современном языке программирования. Проведена апробация приложения. Выполнено тестирование электронного планирования индивидуальной научной деятельности преподавателя (научного сотрудника), которая впоследствии генерируется в общий план кафедры (лаборатории), факультета (института) и университета в целом.

Структура планирования научно-исследовательской работы факультета, кафедры (лаборатории), научно-исследовательского института (НИИ), научно-исследовательского центра (НИЦ), научно-образовательного центра (НОЦ) была разработана на основе мониторинговых исследований документов, предоставляемых в Министерство образования и науки Российской Федерации (ежегодные отчеты по научной работе вуза, ежегодно заполняемый паспорт университета (организации), отчет по показателям деятельности образовательного учреждения, необходимых для определения его вида, мониторинг эффективности образовательных организаций высшего образования, открытый публичный конкурс контрольных цифр приема (КЦП) по программам высшего образования), статистических отчетов разных уровней.

При разработке структуры планирования использовался аналитический метод, метод анализа и обобщения информации, метод систематизации, метод структурного анализа.

Следует отметить, что развитие вуза обусловлено продвижением научных идей его ученых, совершенствованием всех форм и методов организации научно-исследовательской работы, инновационной деятельности университета.

Перевод ежегодного планирования научной работы в электронную систему позволяет максимально быстро проанализировать и скорректировать эффективность как отдельных показателей научной деятельности вуза, так и всей его научной работы в целом.

Библиографический список

1. Методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования. URL: Минобрнауки.рф/документы/3561/файл/ 13.08.12-АК-76-05.pdf (дата обращения 12.05.2014).
2. Тришкин А.В., Дудина Е.Ф. Научное исследование «Выявление механизма адаптационеза и путей его регуляции на различных уровнях споровых и цветковых растений» в ряду результатов интеллектуальной деятельности ученых ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Естественные, технические и медицинские науки. 2014. № 6 (62). С. 91-93.
3. Elena Nikolaevna Puzankova, Elena Fedorovna Dudina, Elena Aleksandrovna Hovanskaya, Maria Aleksandrovna Soboleva, Andrey Viktorovich Trishkin. Scientific and research activities: evaluation criteria, development prospects (based on the activities of the Federal State Government-financed Educational Institution of Higher Professional Education “Orel State University”)// Life Science Journal 2014; 11(11). Pp. 658-663.

References

1. Methods of calculating indicators for monitoring the performance of educational institutions of higher education]. URL: минобрнауки.рф/документы/3561/файл/ 13.08.12-АК-76-05.pdf (accessed 12.05.2014).
 2. Trishkin A.V., Dudina E.F. The scientific research “Identification of the mechanism of an adaptation genesis and ways of its regulation an various levels of spore and floral plants” among the results of intellectual activity of scientists of FSBEI HPE “Orel state university” Scientific notes of Orel state university. Series: “Natural, technical and medical science”. 2014. № 6 (62). Pp. 91-93.
 3. Elena Nikolaevna Puzankova, Elena Fedorovna Dudina, Elena Aleksandrovna Hovanskaya, Maria Aleksandrovna Soboleva, Andrey Viktorovich Trishkin. Scientific and research activities: evaluation criteria, development prospects (based on the activities of the Federal State Government-financed Educational Institution of Higher Professional Education “Orel State University”. Life Science Journal 2014; 11(11). Pp. 658-663.
-

Н.И. ЕВСЕЕВА

старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Орловский государственный университет
E-mail: Natalya779@outlook.com

N.I. EVSEYEVA

Senior Lecturer, Department of foreign languages, Orel State University
Natalya779@outlook.com

АКТИВИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ПРОЕКТА

ACTIVATION OF STUDENTS' INDEPENDENT ACTIVITY AT THE LESSONS
OF THE FOREIGN LANGUAGE USING THE PROJECT METHOD

В статье рассматривается метод проекта как средство формирования навыков самостоятельной деятельности студентов, которая необходима для поддержания и повышения в процессе самообразования уровня владения иностранным языком.

Ключевые слова: **проектная деятельность, самостоятельная деятельность, вовлечение, навык, иностранный язык.**

The article deals with the project work as a means of forming skills of students' independent work which is necessary for maintaining and increasing the process of self-education level of the proficiency in a foreign language.

Keywords: **project work, independent work, involvement, skill, foreign language.**

Интенсификация обучения иностранному языку в вузе на неязыковом факультете понимается не как добавление к традиционным методам обучения иностранному языку элементов и приемов, заимствованных из интенсивных методик, а как построение процесса обучения на основе активной речемыслительной деятельности обучающихся с использованием инновационных методов.

Акцент делается на усиление интеллектуальной активности студентов и на направленный характер этой активности. Средством повышения интеллектуальной активности может служить проектная деятельность. Проект можно считать одним из приемов инновационного метода обучения. В основу метода проектов положена идея, составляющая суть понятия «проект», его pragmatische направленность на результат, который можно получить при решении той или иной практической или теоретически значимой проблемы. Этот результат можно увидеть, осмыслить или применить в реальной практической деятельности [5].

Мы считаем, что при работе над проектом больше внимания следует уделять важности взаимодействия среди обучающихся иностранному языку как мотивационному фактору. В таком подходе делается акцент не только на межличностное взаимодействие, но и на вовлечение и развитие каждого индивида в отдельности. Чем больше студент вовлечен в выполнение задания, тем вероятнее то, что он доведет его до конца и получит пользу от его выполнения.

По мнению А.И. Умана, в учебном процессе весь учебный материал воплощается в форму учебных заданий. Поэтому в соотношении с содержанием образова-

ния в процессе обучения учебное задание есть форма воплощения этого содержания. Выполняя учебное задание, учащийся расформировывает содержание, заложенное в задании, и своей деятельностью переводит это содержание в новую форму – сознание, то есть усваивает материал [7].

Так как большая часть времени обучения иностранному языку проходит в аудитории, то материал, которому обучают в аудитории, может теоретически иметь большую ценность, но эта ценность не всегда сопоставима с владением иностранным языком на практике. Очень часто существует разрыв между языком, которому учат, и языком, который требуется фактически. Таким образом, коммуникативные потребности студентов ограничены обычной аудиторией и их интерес к предмету «иностранный язык» проявляется в недостаточной степени. Исследование же В.Н. Правдюк показывает, что формирование и развитие познавательной активности студентов должно проводиться во всех формах обучения в ходе всего учебного процесса, на основе дидактических принципов, с учетом индивидуальных способностей студентов и их интереса к предмету изучения [6].

По нашему мнению, работа с проектом может повысить интерес к изучению иностранного языка и обеспечить развитие всех видов речевой деятельности не изолировано друг от друга, а одновременно, так как студенту требуется прочитать необходимый материал, сделать соответствующие записи, выслушать своих одногруппников, обсудить услышанное. Несмотря на трудности, которые могут возникнуть у студентов при работе с проектом, следует подчеркнуть огромное положительное влияние подготовки проекта в обучении

иностранным языку для развития навыков самостоятельной деятельности студентов. С личным вкладом студента в проект начинается его мотивация, которая становится устойчивой и повышается по мере того, как работа прогрессирует. Прежде всего потому, что предоставляется возможность практиковаться в языке, в котором они видят необходимость. Проект дает возможность использовать язык с непосредственной целью в ситуации реального общения. Результат этой деятельности – продукт, который создан студентами самостоятельно. Таким образом, работа над проектом является источником самостоятельного приобретения знаний. Именно чувство собственной причастности дает мотив к выполнению проекта, так как студент сам решает, что и как он будет делать, все это касается не только контекстного, но и языкового содержания проекта.

Следует отметить, что хотя проект создается не для того, чтобы соответствовать определенному плану, а языковое содержание берется не из учебников, а из природы самого проекта, работа над проектом должна быть спланирована, обсуждена и оценена. Если процесс подготовки проекта можно разбить на этапы, то их можно расположить следующим образом: планирование, выполнение, презентация, контроль. Особое значение следует уделить второму этапу подготовки, так как именно на этом этапе студенты учатся самостоятельно перерабатывать информацию из различных источников, приобретают знания, полученные путем выполнения действий и постоянной практики, то есть рефлексии. Рефлексия, являясь одним из способов осуществления творческой деятельности, позволяет совершать выход за пределы существующей системы знаний и преобразовывать ее [4]. Таким образом, в ходе подготовки проекта происходит формирование навыков самостоятельной деятельности, а за счет рефлексии – профессиональной и коммуникативной компетенций. Работа над проектом, как считает М.Е. Брейгина, расширяет образовательный кругозор и формирует уровень профессионального общения. Человек, способный к такой исследовательской деятельности, взрослеет в своем общественном сознании и способен занять определенную позицию здравомыслящего человека при оценке любой социальной, политической, экономической ситуации [1].

Из опыта работы можно сделать вывод, что неизбежно во время подготовки проекта у студентов возникают определенные трудности, в решении которых преподаватель должен оказывать помощь. Таким образом, при использовании метода проекта особая роль

отводится преподавателю, в задачи которого входит: организация работы над проектом, вовлечение всех студентов в выполнение задания и постоянный мониторинг за ходом выполнения работы. В связи с этим, обращаем внимание на воспитание у студентов культуры самостоятельного труда при выполнении учебного задания. Под понятием культура самостоятельного труда мы подразумеваем: воспитание в себе знаний, умений и навыков самостоятельно решать организационные, конструктивные, образовательные и воспитательные задачи в соответствии с целью обучения; формирование волевых качеств путем подчинения им своих черт характера, в результате чего развиваются усидчивость, аккуратность, исполнительность, настойчивость и другие положительные качества, направленные на развитие интереса к предмету изучения [3].

Следовательно, в задачу преподавателя иностранного языка входит не только дать студенту определенные знания, научить практическому владению языком, но и научить самостоятельно пополнять свои знания и повышать уровень владения иностранным языком.

Наш опыт показал, что использование метода проекта на занятиях иностранному языку способствует укреплению межличностных отношений в группе как между студентами, так и между преподавателем и студентами в группе, которых трудно достичь в повседневной работе в аудитории.

На наш взгляд, проектная деятельность активизирует развитие самостоятельной учебной деятельности студентов, так как в процессе работы над проектом ответственность за его выполнение лежит на студенте как отдельно взятой личности, так и как участнике совместно действующей группы по изучению языка [2]. Все это способствует повышению качества учебно-воспитательного процесса при обучении иностранному языку и обеспечивает эффективное управление процессом усвоения знаний, развития необходимых умений и навыков самостоятельной деятельности студентов.

Таким образом, использование метода проекта является средством управления самостоятельной учебной деятельностью и, как следствие этого, эффективным средством формирования навыков самостоятельной деятельности студентов, которая необходима для поддержания и повышения в процессе самообразования уровня владения иностранным языком для непрерывного совершенствования профессиональной деятельности после окончания вуза.

Библиографический список

1. Брейгина М.Е. Проектная методика на уроках испанского языка // Иностранные языки в школе. 2004. № 2. С. 28 – 32.
2. Евсеева Н.И. Использование метода проектов на занятиях по иностранному языку для организации самостоятельной работы студентов незыковых специальностей университета. Научные труды факультета дополнительного профессионального образования и повышения квалификации. Выпуск 6. Под научной ред. П.И. Образцова. Орел: ООО «Горизонт», 2011. С. 73-75.
3. Евсеева Н.И., Правдюк В.Н. Развитие самостоятельной деятельности будущих специалистов при выполнении учебного задания по иностранному языку // Ученые записки ОГУ. Т.1. Научн. Труды НИЦПиП. Вып. 1 (4) Под ред П.И. Образцова и др. Орел: Ид-во ОГУ, ООО полиграф. Фирма «Картуш», 2006. С. 89-93.
4. Малькова Е.Ф. Формирование межкультурной компетенции в процессе работы над текстами для чтения: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 21 с.

5. Полат Е.С. Метод проектов на занятиях иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. №3. С. 3-9.
6. Правдюк В.Н. Активизация учебно-познавательной деятельности студентов со специализацией «аграрная технология». Орел, 2001. 229 с.
7. Уман А.И. Технологический подход к обучению: теоретические основы /МПГУ, ОГУ. Москва. Орел, 1997. 208 с.

References

1. Breigina M.E. Project work at the lessons of Spanish // Foreign languages at school. 2004. № 2. Pp. 28 – 32.
 2. Evseyeva N.I. The use of the project work method at the lessons of foreign language for organizing students independent work at the non-language faculties of the university. Pp. 73-75. Scientific works of the faculty of further vocational education and work force development. Issue 6 / Edited by P.I. Obraztsov. Orel: Ltd. «Horizont», 2011. 160 p.
 3. Evseyeva N.I., Pravdyuk V.N. The development of independent work of the future specialists by doing tasks in foreign language // Scientific notes of OSU. V.1. Scientific works NISPA and P. Issue. 1 (4) Edited by P.I. Obraztsov. Orel: Ltd. OSU, «Kartush», 2006. Pp. 89-93.
 4. Malkova E.F. The development of intercultural competence while reading text work: Selfref.thises ... cand. ped. scien. M., 2000. 21 p.
 5. Polat E.S. Project method at the lesson of foreign language Spanish // Foreign languages at school. 2000. № 3. Pp. 3 – 9.
 6. Pravdyuk V.N. Intensification of educational work of the students specializing in «Agrarian technology». Orel, 2001. 229 p.
 7. Uman A.I. Technological approach to education: theoretical fundamentals MPSU, OSU. Moscow. Orel, 1997. 208 p.
-
-

П.А. КОВЕШНИКОВ

старший преподаватель, кафедра дизайна,
архитектурно-строительный институт, Госуни-
верситет – УНПК
E-mail: design_97@mail.ru

P.A. KOVESHNIKOV

Senior lecturer, Department of Design, Institute of
Architecture and Construction, State University – ESPC
E-mail: design_97@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРОВ ДИЗАЙНА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДИСЦИПЛИН

THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF BACHELORS OF DESIGN IN THE STUDY OF SPECIAL ARTISTIC DISCIPLINES

В статье показано, что систематическое использование проблемных ситуаций на лекционных и практических занятиях в ходе изучения специальных художественных дисциплин способствует совершенствованию всего комплекса художественно-дизайнерских способностей, создает оптимальные условия для формирования и развития профессиональных компетенций будущих бакалавров дизайна.

Ключевые слова: профессиональные компетенции бакалавров дизайна, проблемное обучение.

In article it is shown that the systematic use of problem situations on lectures and practical training in the course of studying special disciplines contributes to the improvement of the whole complex of artistic and design abilities, creates optimal conditions for the formation and development of professional competence of future bachelors of design.

Keywords: professional competence of bachelors of design, problem training.

В практике изучения художественных дисциплин при подготовке дизайнеров проблемно-поисковые методы обучения не нашли еще широкого применения. Мало внимания уделяется вовлечению студентов в самостоятельную творческую деятельность, развитию у них теоретического осмыслиения художественного произведения. В преподавании специальных дисциплин часто наблюдается простое объяснение, опирающееся на репродуктивное мышление, не способствующее творческому росту студентов, формированию навыков познавательной самостоятельности и выработке у них потребности к самообразованию как неотъемлемому качеству личности дизайнера. Это может привести к несоответствию между уровнем сформированности профессиональных компетенций и профессиональной деятельностью бакалавра дизайна. В результате обнару-

живаются определенные проблемы в подготовке бакалавра дизайна, одна из которых состоит в низком уровне познавательной направленности и развитости художественного мышления как ведущего профессионального качества дизайнера.

В процессе опытной работы, проводимой под нашим руководством, была составлена таблица (таблица 1), позволяющая достаточно объективно определить уровень развития профессиональных компетенций студентов с акцентированием внимания на специфику дизайнера деятельности. Это шкала, вмонтированная в систему художественно-дизайнерских и умственных действий, характеризует основные качества профессионального мышления дизайнера. Таблица позволяет оценить не только отдельные параметры, но и в целом сформированность дизайнера мышления.

Таблица 1.

Параметры художественно-дизайнерских и умственных действий, выраженные в единстве знаний и умений

ДЕЙСТВИЯ	
ХУДОЖЕСТВЕННО-ДИЗАЙНЕРСКИЕ	УМСТВЕННЫЕ
Мысленно представлять художественный образ изделия и уметь изобразить его в форме набросков	Видеть проблему
Определять художественно-дизайнерские задачи	Формулировать задачу
Наметить план работы над изделием	Выдвигать гипотезу
Осмысливать средства воплощения художественного изделия в проекте и материале	Анализировать ситуацию
Добиваться реализации художественно-дизайнерского замысла	Принимать решение
Сопоставлять полученный результат с прототипами аналогичных изделий	Делать обобщенные выводы
Правильно выбирать путь для устранения затруднений	Намечать дальнейший путь действий

К работе было привлечено свыше 100 студентов кафедры «Дизайн» ФГБОУ ВПО «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс» (далее – ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК»). Оценка проводилась методом «рейтинга». В результате была получена оценочная характеристика уровня дизайнера мышления на нескольких этапах работы по изучению художественных дисциплин при выполнении различных умственных действий (анализ, сравнение, целостный охват).

Таблица 1 дала возможность оценивать компоненты дизайнера мышления по степени их выраженности. В результате подсчета каждый студент мог получить от 14 до 70 баллов. В зависимости от полученных баллов студенты были условно распределены на пять групп. В качестве основных критериев были избраны действия, характеризующие творческую продуктивность мышления: использование теоретического анализа, самостоятельный выбор эффективных методических приемов при проектировании изделия или архитектурного объекта.

I группа – очень высокий уровень (творческое мышление). У студентов, отнесенных к этой группе, хорошо развиты профессиональные компетенции, наблюдается активная поисковая деятельность, умение прогнозировать предполагаемый результат.

II группа – высокий уровень (творческо-репродуктивное мышление). У представителей этой группы сформирована система компетенций, но наблюдается некоторая пассивность в поисках решения поставленной задачи и недостатки в навыках прогнозирования.

III группа – средний уровень (репродуктивное мышление). У отнесенных к этой группе студентов удовлетворительная ориентировка в ситуациях, но имеются трудности в преодолении сложных ситуаций, для них характерна стереотипность поведения.

IV группа – уровень ниже среднего (репродуктивно-интуитивное мышление). Студенты имеют некоторую совокупность знаний и умений, но действия проходят, в основном, неосознанно.

V группа – крайне низкий уровень. Студенты почти не проявляют сформированности как художественно-дизайнерских, так и умственных действий.

Состав групп по уровням развития художественно-дизайнерского мышления представлен в таблице 2.

Анализ оценок отдельных компонентов художественно-дизайнерских представлений и умственных действий также показал различную степень их сформированности. Из умственных действий у

студентов наименее развиты анализ и синтез: им часто недоступна тонкая дифференциация различных дизайнерских характеристик, отсутствие целостного художественного восприятия. Результаты оценок свидетельствуют о том, что формирование профессиональных компетенций бакалавров дизайна и их ключевой составляющей – дизайнера мышления – одна из важнейших задач специальных художественных дисциплин. Обучение должно носить целостный, развивающийся характер, что обеспечит управление всеми компонентами дизайнера деятельности и приведет к образованию прочных профессионально важных качеств бакалавра дизайна.

Исходя из предположения, что на дизайнерских факультетах целесообразно осуществлять проблемный подход к содержанию учебного материала по дисциплинам художественного цикла, мы рекомендуем в экспериментальной методике, направленной на развитие дизайнера мышления, в процессе изучения художественных дисциплин использовать приемы, способствующие выполнению студентами самостоятельных и творческих заданий. В этом случае процесс освоения новых знаний и способов деятельности происходит в результате самостоятельного анализа факторов, их систематизации и обобщения.

Формирование творческого мышления студентов при изучении специальных художественных дисциплин начинается с лекций, стержень которой – осмысление и постижение основных закономерностей дизайнера деятельности. Именно с лекции должен начинаться познавательный поиск будущего дизайнера, введение его в процесс творческого отношения к изучаемому материалу. Чтобы эти функции занятий могли быть выполнены, необходимы определенные условия.

Для преподавателя очень важно четкое и логичное построение содержания изучаемого курса, выделение узловых проблем, выявление причинно-следственных связей между явлениями дизайнера искусства и художественными дисциплинами, проблемное изложение материала. Это дает возможность последовательно выдвигать перед слушателями познавательные вопросы, направленные на самостоятельный поиск их решения, свободное оперирование материалом. Новизна выдвигаемых проблем создает атмосферу интереса, эмоционального напряжения. Необходимо также умение устанавливать контакт с аудиторией и осуществлять обратную связь.

Для студентов важна подготовка к лекции на основе предварительного ознакомления с ее планом, перечнем

Таблица 2.

Баллы	Уровни развития дизайнера мышления	Численность студентов, %
от 57 до 70	Очень высокий – творческое мышление	14
от 43 до 56	Высокий – творчески репродуктивное мышление	22
от 36 до 42	Средний – репродуктивное мышление	43
от 22 до 35	Ниже среднего – репродуктивное интуитивное мышление.	15
от 14 до 21	Крайне низкий	6

исходных понятий, списком литературы; установка на активное восприятие за счет определенного эмоционального настроя, создание атмосферы «совместного разговора».

На кафедре «Дизайн» ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК» нами проводится работа в двух направлениях: на занятиях по теоретическому курсу художественных дисциплин и практической работе. В работе участвовало свыше 100 студентов под руководством четырех преподавателей. Было выявлено, что основная задача на пути подготовки к проблемному обучению состоит в том, чтобы вывести студентов из рамок стереотипного мышления. Управляющая роль преподавателя заключалась в постановке познавательных задач и формирования у студентов потребности к самостоятельному поиску истины. Достигалось это с помощью анализа ситуации, определения противоречий, когда возникающая проблема служила стимулом самостоятельной познавательной деятельности.

Один из наиболее простых и доступных приемов – введение преподавателем проблемных рассуждений при изложении нового материала. Так, перед лекцией нами предлагались студентам необычные ситуации в виде вопросов, ответы на которые можно получить, только внимательно прослушав лекцию и изучив предложенную литературу. Например, перед лекцией «Художественные способности и их развитие в процессе изучения «Основ композиции костюма» ставились вопросы: «Какую роль в развитии художественных способностей играют природные задатки? Какую роль играет обучение в развитии природных качеств?» Большинство студентов отвечали, что развитие способностей студента во многом зависит от личности педагога, руководства им учебно-воспитательным процессом. Подобное вступление вносило в лекцию элемент проблемности, настраивало на размышление, помогало студентам строить догадки и гипотезы. На лекциях преподаватель не давал готовых рецептов и не излагал собственные выводы, а формулировал лишь исходные положения. Анализируя и синтезируя факты, сравнивая и обобщая, как бы рассуждая вслух, преподаватель побуждал слушателей мысленно повторять эти операции, думая вместе с ними. Как показывает опыт, эффективным приемом является изучение различных, нередко противоположных точек зрения на одно и то же явление, анализ различных концепций на определенную проблему и выявление собственной точки зрения студента, подкрепленной научно обоснованными фактами.

Кроме лекционного курса нас интересовала также возможность использовать проблемно-поисковый метод в процессе практических занятий. Проблемность при работе над проектом изделия проявляется, прежде всего, в подходе к раскрытию его художественно-образного

содержания и осмыслинию наиболее рациональных методов работы. Это связано с использованием различных видов анализа, пониманием композиционных закономерностей дизайнера, нахождением выразительных средств, адекватных художественной задаче. При создании произведений дизайнера, искусства студент сталкивается с множеством трудностей и вынужден решать проблемные ситуации теоретического и практического порядка. Мы определили комплекс трудностей, осознание которых ведет к решению таких ситуаций. Первые связаны со знанием композиционных закономерностей, умением разносторонне и глубоко анализировать прототипы того объекта, над которым предстоит работать; вторые – с умением отобрать все те лучшие компоненты, которые были разработаны ранее в аналогичных изделиях, и, взяв их за основу, с учетом конкретных условий и особенностей эксплуатации объекта, разработать свой индивидуальный проект.

При постановке заданий мы исходили из того, что систематическое использование проблемных ситуаций на практических занятиях будет способствовать совершенствованию всего комплекса художественно-дизайнерских способностей, создаст оптимальные условия для проявления и развития профессионального мышления как в процессе обучения, так и в дальнейшей практической деятельности. Постановка проблемных заданий при работе над проектом должна быть поэтапной. Деление на этапы условно и требует модификации при работе с каждым, что позволяет осуществлять индивидуальный подход, видоизменять последовательность работы и степень обобщенности получаемых студентом знаний. Применение при решении проблемных ситуаций умственных действий, важных для развития профессиональных качеств, для многих обучающихся также является проблемой. На основании определения трудностей и их учета в действие вступал ориентированно-исследовательский рефлекс, когда студент путем анализа причин собственных неудач и ошибок, поиска способа их устранения приходил к разрешению возникающих затруднений. В этом процессе особенно ценно, что возникающая ориентированно-познавательная реакция стимулирует самостоятельность мыслительных действий и приводит студента к более высокому уровню проявления умственной активности.

В результате нами установлено, что использование проблемных ситуаций при работе над проектом приводит к последовательному обобщению учебного материала, в результате чего создается содержательная основа для обобщенных способов действий в дальнейшей работе, а также определяются условия для управления процессом формирования профессиональных компетенций бакалавров дизайна.

Библиографический список (References)

1. *Krishtal' N.M. The structure and content of key competences of designers* // Competence, 2010. № 7. Pp. 4–10.
2. *Kudryavtsev V.T. Problematic instruction: the origins, essence and prospects*. M., 1991.
3. *Tomilin O.B., Britov A.V., Demkina C.I. Education technologies in the system of high professional education, oriented to the formation of competences* // University management: practice and analysis, 2005. № 1. Pp. 112–123.

Е.А. КОШЕЛЕВА

соискатель, кафедра геометрии и методики преподавания математики, Орловский государственный университет

E-mail: Tarasova_orel@mail.ru

О. В. ТАРАСОВА

доктор педагогических наук, профессор, кафедра геометрии и методики преподавания математики, Орловский государственный университет

E-mail: Tarasova_orel@mail.ru

E.A. KOSHELEVA

Researcher, Department of geometry and mathematics teaching technique, Orel State University

E-mail: Tarasova_orel@mail.ru

O.V. TARASOVA

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of geometry and mathematics teaching technique, Orel state University

E-mail: Tarasova_orel@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ НА ОСНОВЕ ОВЛАДЕНИЯ ЭВРИСТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

MODERN APPROACHES TO THE MATHEMATICS TRAINING TECHNIQUE OF HIGHER SCHOOLS STUDENTS BASING ON HEURISTIC METHODS MASTERING

В статье рассматриваются основные подходы к эффективному внедрению эвристических методов в практику преподавания математики в современной высшей школе. Авторы уделяют внимание теории оптимизации учебной деятельности в вузе, методике обучения студентов вузов решению математических задач с помощью эвристических методов. Приводится характеристика уровней овладения студентами вуза эвристическими операциями в процессе решения математических задач.

Ключевые слова: эвристические методы, методика обучения математики, эвристические операции, абстрактное мышление, математическая культура.

The article deals with the basic approaches to the effective introduction of heuristic methods in practice of teaching mathematics at the modern higher school. The authors focus on optimization theory of learning activities in higher school as well as training technique of higher school students in the solution of mathematical problems using heuristic methods. The levels characteristic of mastering heuristic operations by higher school students in the process of solving mathematical problems is presented.

Keywords: heuristic methods, mathematics training technique, heuristic operations, abstract thinking, mathematical culture.

К тысячам может сердц умный ключи отыскать
Овидий

Во все времена математика являлась основой научного, технического и экономического развития стран мира и всегда была частью человеческой культуры. Степень развития и распространения математических знаний в любой стране находится в непосредственной связи с развитием материального богатства и распространением любви к истине. Математика ярко характеризует ту высоту, до которой поднялась культура народа страны. Наука и культура обуславливают взаимное развитие. На каждом малейшем изменении современной жизни отражается влияние точных знаний. Если материальное богатство народа возвышается, все ощущимее делается потребность в точных науках, для которых необходимо математическое образование. На наш взгляд, это характерно для современного периода развития нашей страны.

Анализируя наследие математиков прошлых столетий, следовало бы отметить, что ими были «взяты» серьезные вершины математической науки, проложен трудный путь поиска математической истины. Так, в конце XIX в. и в XX в. получили свое развитие все разделы математики, начиная с одного из первостепенных – теории чисел. Русский математик Е.И. Золотарев разработал основы современной алгебраической теории чисел, которую блестяще развивали ученые Г.Ф. Вороной, И.М. Виноградов, А.Н. Коркин, А.А. Марков, П.Л. Чебышев [6]. В области теории дифференциальных уравнений с частными производными известны научные работы крупных аналитиков-математиков XIX века, среди которых выдающийся русский математик М.В.Остроградский. Можно перечислить целую плеяду знаменитых отечественных ученых-математиков, уделявших особое внимание преподаванию математики в высшей школе, рассуждавших на страницах своих публикаций о применении эвристических методов в обучении математике и методическом

мастерстве преподавателей учебных заведений. К таким ученым-математикам относится известный педагог Н.В. Бугаев. Его труды («Влияние Московского университета на развитие математики в русских университетах» 1884г. и др.) представляют ценнейший материал для размышлений об оригинальных педагогических идеях ученого. Например, о возможностях логического мышления студентов и внедрении в учебный процесс специальных дидактических приемов, употребляемых для вывода математических истин. Ученый был уверен в том, что строгий логический процесс, при помощи которого создается величественное здание математики, служит самым лучшим средством для воспитания логической, рассудочной стороны мышления [5]. Н.В. Бугаев состоялся как ученый-математик, лектор-преподаватель и как педагог-воспитатель. За свою преподавательскую деятельность Н.В. Бугаев прочел лекции по всем основным разделам математики: математическому анализу, теории чисел, теории функции комплексной переменной, теории дифференциальных уравнений. Он считал математику орудием научным и педагогическим, в своих многочисленных публичных выступлениях перед студентами раскрывал развивающий и воспитывающий потенциал математических наук и их роль в формировании абстрактного мышления человека и его математической культуры.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что тем, кто учится в современных вузах, будущим преподавателям, необходимо знать историю отечественной науки. Многие ученые-педагоги современности в своих научных трудах утверждают, что математика не всех «подпускает» к себе, лишь тех, кто способен долго и кропотливо трудиться для получения математических результатов и кто имеет высокий уровень мотивации к освоению сложнейшей из наук (Ф.С. Авдеев, В.П. Кузовлев, О.А. Саввина и др.). Ученые-математики уверены, что и сегодня не до конца детально разработаны технологические аспекты целей обучения математике в вузе и недостаточно изучены проблемы практического целеполагания в сфере воспитания и развития будущих профессионалов (Ю.А. Дробышев, Ю.М. Колягин, В.Д. Селютин и др.).

Обучение, воспитание и развитие с точки зрения единого процесса обладают различным уровнем технологизации. Если обучение можно технологизировать почти в полном объеме, то развитие и воспитание – лишь частично. В процессе преподавания математики в вузе преподаватель реализует систему воспитательных целей. Известный отечественный психолог С.Л. Рубинштейн писал в своих трудах о том, что обучения без воспитания не бывает, а воспитание считал нервной системой всего образования. Анализ ряда научных трудов позволяет утверждать, что в процессе преподавания математики очень важен учет индивидуально-психологических особенностей обучающихся [2]. Мы придерживаемся мнения, что в настящее время представляется необходимым преодолеть стереотипы на систему взглядов по отношению к реа-

лизации воспитательных целей в процессе занятий по математике. От качества реализации воспитательной компоненты в ходе проведения учебных занятий зависит эффективность применяемой методики обучения математике, мотивация обучающихся, формирование профессионально значимых качеств личности и профессиональных компетенций, что приобретает особую важность в связи с реализацией компетентностного подхода в соответствии с требованиями ФГОС ВПО.

Система воспитательных целей в ходе учебных занятий в вузе призвана обеспечивать развитие у студентов вузов высоких морально-деловых и профессиональных качеств, формирование профессиональных компетенций, логическую сторону мышления личности. Именно об этом шла речь на форуме Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию» 15 октября 2014 года. На заседании форума, тема которого – «Качественное образование во имя страны», присутствовал Президент Российской Федерации В.В. Путин. Глава государства в своей речи подчеркнул, что: «... следует приложить все усилия, чтобы качественно преподавать, соответствовать сегодняшнему времени, чтобы ответить на вызовы этого времени и готовить будущих граждан и специалистов для нашей страны так, как этого требует сегодняшний день». В связи с этим преподавателям нужно осознать современные требования к преподаванию в учебных заведениях, научиться анализировать уровень сформированности профессиональных компетенций обучающихся, определить для себя приоритеты в различных видах педагогической деятельности.

Учебная деятельность является ведущей для педагога. Перечень воспитательных целей, которые преподаватель реализует в рамках преподавания той или иной дисциплины, как правило, отражены в *общем виде* в УМКД (учебно-методическом комплексе дисциплины): развитие, воспитание, привитие социальному и профессионально значимых качеств; формирование профессионально обусловленного типа мышления; развитие интереса, творчества, инициативы и др.

Каждое конкретное занятие должно иметь свои специфические воспитательные цели. Очевидно, что эти цели должны носить как формирующий, так и мотивационный характер. Формирующие цели и способы их достижения детально рассмотрены в ряде работ отечественных педагогов и ученых: Борытко Н.Е Зеленковой М.Ю., Храмей И.С., Храмцовой Л.И. и др.

Сформулированные преподавателем вуза воспитательные цели занятия задают общий ход процесса обучения, определяют содержательную и процессуальную стороны конкретного занятия, влияют на выбор методов и средств обучения, характер познавательной деятельности обучающихся и результативность учебного процесса.

Преподаватель в России всегда был воспитателем, но сегодня воспитание может и должно быть принято не только как передача опыта и оценочных суждений от старшего поколения к младшему, но и как сотрудниче-

ство преподавателей и обучающихся в сфере их совместной субъект-субъектной деятельности. Преподаватель создает так называемое воспитательное пространство.

Понятие «воспитательное пространство» введено в категориальный аппарат отечественной педагогики Л.И. Новиковой. Если среда в основе своей – данность, то воспитательное пространство – это результат и форма деятельности, осуществляющей в целях повышения эффективности воспитания, причем деятельности не только созидающей, но и интегрирующей. Преподавателю вуза такую среду надо грамотно использовать в воспитательных целях, а единое пространство надо уметь создавать.

В настоящее время известен подход к пониманию воспитательного пространства как динамической сети взаимосвязанных педагогических событий, способной выступить интегрированным условием личностного развития каждого человека (В.А. Сластенин и др.). «Механизмом» создания воспитательного пространства становится событие (совместное бытие) субъектов воспитательного процесса, содержанием которого является их совместная деятельность. Рассматривая обучение в контексте теории целостного педагогического процесса, исследователи (Ю.К. Бабанский, В.А. Сластёгин и др.) отмечают неразрывную связь образования, развития и воспитания обучающихся, одновременное протекание этих процессов при обучении и единство в целеполагании и планировании каждого занятия, вытекающее из основных функций обучения: *образовательной, развивающей и воспитательной*. Первые две функции связаны с расширением объема и усложнением структуры знаний, умений, навыков, компетенций (В.В. Краевский). Они достаточно успешно реализуются при обучении, поскольку изначально заложены в целевой компонент занятия требованиями ФГОС ВПО и других документов, определяющих содержание образования. *Воспитательная же функция*, связанная с формированием отношений, не регламентируется учебным планом и программами, а потому зачастую упускается преподавателем при планировании и оказывается неуправляемой при проведении занятий.

Практика показывает, что преподаватели, готовясь к занятиям, наибольшие затруднения испытывают при формулировании воспитательных целей и задач, планировании путей их осуществления. При анализе проведения занятий в вузе, как правило, внимание акцентируется на образовательных и развивающих задачах и способах их решения.

Обучение обязательно воспитывает, формирует у студентов определенные взгляды, убеждения, качества личности. Однако воспитательный процесс на занятии необходимо организовывать и направлять исходя из целей и задач воспитания, только в этом случае результат воспитания будет соответствовать его цели.

Любое занятие по математике, как звено системы обучения, обладает определенным воспитательным потенциалом – совокупностью имеющихся возможностей для воспитания личности.

Воспитательный потенциал занятия по математике включает следующие группы возможностей:

- воспитательные возможности организации занятия (возможности для воспитания обучающихся, имеющиеся на занятии независимо от учебного предмета и темы конкретного урока);
- воспитательные возможности, обусловленные спецификой учебного предмета;
- воспитательные возможности содержания занятия, которые зависят от конкретной темы, его образовательных и развивающих целей и задач.

Эффективная реализация системы воспитательных целей на занятиях по математике позволяет обеспечить на практике не только высокий уровень мотивации студентов вузов к изучению точных наук, но и сформировать у них общекультурные и профессиональные компетенции.

Важнейшим аспектом воспитательной функции обучения является воспитание интереса к учению, к процессу познания, формирование мотивов учебной деятельности. Степень реализации этих возможностей на занятии изначально определяет успешность учебно-познавательной деятельности студентов. В воспитании сознательной дисциплины на занятии решающую роль играет умение преподавателя показать значение учебно-познавательной деятельности, потенциал учебной дисциплины.

В отличие от целей обучения воспитательные и развивающие цели вовсе не обязательно (и даже некорректно) объявлять обучающимся. Это стратегические цели образования и общества в целом, которые призваны из занятия в занятие реализовывать в повседневной практике преподаватель. Занятия по математике обладают уникальными возможностями влиять на становление очень многих качеств личности обучающегося. Воспитывающий аспект должен предусматривать использование содержания учебного материала, технологий обучения, форм организации познавательной деятельности в их взаимодействии для осуществления формирования и развития нравственных и других качеств личности будущего специалиста, бакалавра, магистра. Он должен быть направлен на воспитание правильного отношения личности к общечеловеческим ценностям, высокого чувства гражданского долга.

Не всякое содержание учебного занятия позволяет воспитывать, а лишь то, которое через вызов эмоций и субъективных переживаний затрагивает мотивационную сферу психики обучающихся. Содержание учебной дисциплины должно быть соответствующим образом подготовлено, тогда и учебные цели будут эффективнее достигаться через достижение воспитательных целей. Воспитательная цель занятия определяется преподавателем в соответствии с разработанными рекомендациями по практической реализации воспитательной цели изучаемой дисциплины. Воспитательные цели занятий по математике заключаются в воспитании у студентов профессионально значимых качеств, интереса к дисциплине и развитии у них самостоятельного творческого мышления.

Достижению воспитательных целей в ходе проведения занятия способствуют.

1. Четкий ритм, высокая напряженность образовательного процесса. Это создает условия и активизирует выработку у обучающихся навыков организованности, собранности, целеустремленности, закаляют волю и характер.

2. Тесная связь теории с практикой. Следует выбирать дидактический материал, непосредственно связанный с будущей профессиональной деятельностью.

3. Широкое использование на занятии активных методов обучения, способствующих творческой деятельности обучающихся.

4. Проведение воспитательной работы в ходе занятий способствует повышению эффективности образовательного процесса, в том числе за счет усиления индивидуального подхода и развития творческих способностей личности.

5. Достижение воспитательных целей в сочетании с применением активных методов обучения в рамках компетентностного подхода способствует развитию у обучающихся профессионального мышления и логической памяти, а также создает условия для лучшего и более полного усвоения учебного материала, способствует формированию профессионально-значимых качеств личности.

В образовательных стандартах третьего поколения многих специальностей прописано, что выпускник должен «сознавать значимость своей будущей профессии, обладать мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности», что невозможно без реализации системы воспитательных целей и применения инновационных методов при проведении занятия.

Реализация выдвинутых установок, на наш взгляд, будет эффективной при условии внедрения в учебный процесс эвристических методов обучения математике и проведении научно-исследовательской работы со студентами вузов. Именно материал математических наук способен обнаружить все особенности строгой и последовательной мысли, переходы мысли от простых к более сложным истинам [3]. Математика позитивно влияет на развитие способностей к эвристике, эвристическому поиску решений, на воображение личности. Эвристическое мышление – новый объект исследований для многих наук: психологии, педагогики, философии и математики (М. Вертгеймер, В. Келер, К. Дункер). В методике преподавания математики в современных вузах эффективно используются блоки эвристических задач по той или иной изученной теме либо в процессе организации научно-исследовательской работы. Педагоги-математики пристально изучают эффективность действий обучающихся при реализации конкретной стадии решения эвристической задачи [4].

Проблему влияния прошлого опыта на решение эвристических задач изучал венгерский ученый-экспериментатор Г. Секей. Педагогической общественности известна его книга «Парадоксы в теории вероятностей и математической статистике»

(1990), в которой он уделяет особое внимание развитию теории мышления, в том числе и эвристического, раскрывая суть парадоксов математического ожидания, парадокс оценивания и т.д. Известен и метод подсказки К. Дункера при выполнении эвристических операций в ходе решения математических задач. Этими учеными изучался феномен функциональной фиксированности, способы его преодоления при решении математических задач с использованием эвристических методов.

Изучая теоретические основы эвристического обучения (Л.Н. Ланда, Ю.К. Кулоткин, В.И. Андреев, А.В. Хуторской и др.) авторы статьи нацелились на реализацию задач по развитию творчества в области математики. В результате одним из авторов данной статьи – Кошелевой Е.А. была разработана и подготовлена программа проведения математического турнира «Исследуй эвристический мир», к участию в котором привлекаются те обучающиеся в вузе, кто активно участвует в научно-исследовательской работе. При решении эвристических задач в ходе турнира оценивается глубина математических знаний обучающихся, доказательность их суждений, качество всестороннего анализа материалов по решению эвристической задачи, оформление результатов исследования, схем, диаграмм, скриншотов, фотографий, цитат и т.д. Задания математического (эвристического) турнира являются открытыми. Их выполнение ориентирует участника не столько на поиск известных решений, сколько на собственные версии, суждения, исследования, на создание нового результата, а не на припомнение известной информации. При этом турнирные задания опираются на общеобразовательную подготовку участников. Общими критериями для всех участников математического турнира является нестандартность (отличие от известного и общепринятого); самобытность (опора на личностный потенциал обучающегося); творческая продуктивность (объем и качество ответа участника); мировоззренческая глубина (степень проникновения в основы разрабатываемой или конструируемой области); уровень технического или графического воплощения идеи. По результатам проверки и оценки работ составляется рейтинг всех участников математического турнира. Результаты участия в турнире должны находить отражение в портфолио будущих специалистов, обучающихся в вузе, многие из которых претендуют на обучение в магистратуре. Информационные, научно-педагогические и организационные условия проведения математического турнира обеспечиваются, как правило, кафедрой математики. Предполагается, что преподаватели математики используют данный турнир для повышения креативности учебного процесса и творческой самореализации личности, но прежде всего для формирования профессиональных компетенций и как «стартовую площадку» для одаренных обучающихся в вузе. Остановимся более подробно на уровневой дифференциации овладения обучающимися эвристическими операциями в процессе решения математических задач. Во-первых, основу уровневой дифференциации могут составлять мотивационный,

когнитивный, операционный, деятельностный критерии, включающие в себя расход времени и усилий педагога и обучающихся, эффективность освоения обучающимися эвристических операций при решении математических задач и др. Если оценивание результатов образовательного процесса ориентируется на компонентный состав формируемых знаний и умений, то разложение в рамках компетентностного подхода знаний и умений на составляющие подтверждает наличие в них приемов и способов действий, отражающих реструктуризацию математического знания (например, умение решать задачи включает обязательное ее переформулирование, построение логической структуры условия или поиска плана решения и т.д.).

Оценка уровня овладения обучающимися эвристическими операциями в процессе решения математических задач невозможна без системы педагогических показателей [3, с. 22 – 33]. Их конструирование исходит из многомерности и комплексности процессов и явлений, исследуемых в русле методики профессионального образования. В качестве показателей могут быть выбраны следующие данные: количество ошибок, допускаемых обучающимися в вузе при выполнении эвристических заданий; время выполнения эвристических операций (Н.М. Розенберг). Показатели-данные получают в виде рядов чисел, отражающих количество верных и неверных (ошибочных) ответов и решений, консультаций, проведенных педагогом, времени выполнения задания и т.д. Показатели могут быть использованы как средство, инструмент для определения и фиксации обобщенных свойств педагогических объектов. Известно, что этот вид дидактических показателей называется показатели-инструменты. Они предстают в виде статистических мер. Вместе с тем, используются и специфические показатели, например, показатели валидности тестов овладения обучающимися эвристическими операциями. Применительно к исследованию уровня овладения эвристическими операциями решения математических задач показатели-данные и показатели-инструменты могут служить основой проведения анализа по сформированности профессиональных компетенций обучающихся в вузе. Педагогом могут быть использованы и показатели-явления, коррелирующие с хорошо известным из психологии фактом, который можно трактовать следующим образом: наблюдению по-настоящему доступны только экстерниоризованные действия, имеющие вербальную или двигательную основу (интеграция когнитивного и деятельностного критерия). Такие качества математических знаний, как системность или прочность, не поддаются непосредственному наблюдению [1]. Преподаватель математики в процессе исследования уровневой дифференциации овладения обучающимися эвристическими операциями при решении математических задач судит о них опосредованно, как правило, по содержанию или количеству

результативности решения эвристических задач, т.е., фактически, синтезирует некоторые показатели качества знаний обучающихся. Однако речь можно вести и о показателях-явлении при условии, если найдена процедура вычисления, например, эвристических операций. Показатель-явление отражает систему знаний, охватывающих все виды содержания обучения по конкретной учебной теме. Конструкция показателей-явлений должна базироваться на определенной теории или педагогической концепции, например, на теории поэтапного формирования умственных действий (Н.Ф. Талызина и др.) и концепции эмоционально-целостного отношения к творческой деятельности (Б.М. Теплов и др.), а также теории оптимизации учебно-воспитательной деятельности, всестороннего развития личности, где когнитивная сфера является одной из важнейших.

Вместе с тем, уровневая дифференциация овладения обучающимися эвристическими операциями в процессе решения математических задач предполагает описание каждого выделяемого исследователем уровня. Например, высокий уровень овладения эвристическими операциями при решении математических задач характеризуется: самостоятельным переносом обобщенных эвристических приемов учебной работы в процесс решения математических задач; высоким темпом усвоения математических знаний и методов эвристики; проявлением возможностей манипулирования эвристическими операциями; высоким уровнем развития абстрактного мышления во взаимодействии с конкретным мышлением; ростом познавательного интереса и мотивации к решению математических задач с помощью эвристических методов. Безусловно, анализу может подвергнуться качество эвристических операций, применяемых обучающимися для решения математических задач, однако это потребует изучения инвариантности дидактических показателей и возможности их различной интерпретации в конкретных ситуациях.

Резюмируя, отметим, что в процессе внедрения эвристических методов обучения в образовательный процесс вуза и в частности в преподавание математики педагог решает важные задачи по развитию рефлексивного опыта обучающихся, формированию гражданской позиции, способностей к решению проблем и задач с помощью эвристических методов, формированию индивидуальной и коллективной ответственности за профессиональные действия. Это требует от преподавателя глубокого осознания процесса обучения математике на основе компетентностного подхода, планирования исследовательской деятельности обучающихся в вузе, согласования видов исследовательской деятельности, учета принципа педагогической интеграции в условиях внедрения эвристических методов обучения математике, эффективной консультативной работы с будущими профессионалами.

Библиографический список

1. *Беляев Е.А., Перминов В.Я.* Философские и методологические проблемы математики. МГУ, 1981. 214 с.
2. *Биркгоф Г.* Математика и психология. М., 1977. С. 54.
3. *Калошина И.П., Миничкина Н.В.* Логические приемы мышления как условие самостоятельной разработки студентами способов доказательства теорем. В кн.: Подготовка учителя математики в университете. Саранск, 1984. С. 22–33.
4. *Калошина И.П., Харичева Г.И.* Логические приемы мышления при изучении высшей математики. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. 128 с.
5. *Колягин Ю.М., Саввина О.А.* Математики-педагоги России. Забытые имена. Книга 4. Николай Васильевич Бугаев. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. 276 с.
6. *Ожигова Е.П.* Развитие теории чисел в России. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2003. 360 с.

References

1. *Belyaev E. A., Perminov V.Ya.* Philosophical and methodological matters of mathematics, MSU, 1981. 214 p.
 2. *Birkhoff G.* Mathematics and psychology. M., 1977. P. 54
 3. *Kaloshina I.P., Minichkina N.V.* Logical ways of thinking as a condition for students' self-development of ways to prove theorems. b.: Teachers of mathematics preparation at the University. Saransk, 1984. Pp. 22–23.
 4. *Kaloshina I.P., Haricheva G.I.* Logical ways of thinking when studying higher mathematics. Voronezh: publ. Voronezh state University, 1978. 128 p.
 5. *Kolyagin Yu. M., Savvina O.A.* Mathematicians - educators of Russia. Forgotten names. Publ. 4 Nikolai Vasilyevich Bugaev. Elets: ESU named after I.A. Bunin, 2009. 276 p.
 6. *Ozhigova E.P.* Numbers theory development in Russia. Publ. 2. M.: Editorial URCC, 2003. 360 p.
-
-

В.Н. МАКАРОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра
теории и технологий дошкольного образования,
Орловский государственный университет
E-mail: vn_makarova@mail.ru

V.N. MAKAROVA

*Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department
of Theory and Technology of Preschool Education, Orel
State University*
E-mail: vn_makarova@mail.ru

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

UPBRINGING PROCESS IN A MODERN UNIVERSITY: PROBLEMS AND SOLUTIONS

В статье рассматриваются подходы к определению понятия «воспитание», выделены проблемы воспитательного процесса в современном вузе, обосновано, что построение системы воспитательной работы на основе гуманистического подхода – основной путь решения проблем организационно-педагогического характера. Обозначены структурные элементы воспитательной системы, действия вуза по ее построению, показатели эффективности воспитательного процесса.

***Ключевые слова:** воспитание, воспитательный процесс в вузе, проблемы воспитания, система воспитательной работы, показатели развитости воспитательной системы.*

The article focuses on various approaches to the definition of the term “upbringing”. The author reveals the problems of upbringing process in a university and argues that creating the system of upbringing on the base of humanistic approach is the main way of solving the organizational and pedagogic problems. The article also specifies the structural elements of upbringing system, measures taken by a university to create it, indicators of efficiency of upbringing process.

***Keywords:** upbringing, upbringing process in a university, problems of upbringing, upbringing system, indicators of development of upbringing system.*

Воспитательная работа является неотъемлемой составляющей подготовки специалиста и одним из видов деятельности всех преподавателей и должностных лиц вуза. Это явление носит многоаспектный, комплексный, интегративный характер и может рассматриваться с различных сторон. В рамках данной статьи планируется выделить основные проблемы воспитательного процесса в современном вузе и обозначить возможные пути их решения.

Процесс определяется в энциклопедическом словаре как совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенного результата. Следовательно, говоря о воспитательном процессе, в первую очередь нужно разобраться в том, к какому результату мы стремимся, то есть в целевых ориентирах, и определить, какие при этом действия должны производиться для достижения поставленной цели.

В современной педагогической науке представлены многочисленные теории и концепции воспитания, различающиеся разными представлениями ученых-исследователей о человеке и формировании его личности, о роли педагога в этом процессе. В связи с этим в подходе к определению понятия «воспитание» можно выявить два направления.

В основе первого лежит взгляд на воспитанника как на *объект педагогического процесса*, важнейшими факторами развития человека признаются внешние воздействия, формирующие личность. Такой взгляд характерен

для традиционной педагогики, основанной на *социоцентрическом подходе*, в рамках которого цель развития личности – ее социализация с позиций максимальной общественной полезности. При таком подходе цель воспитания составляет развитие личности в соответствии с внешне заданными нормативами. В рамках этого направления воспитание определяется как *управление, влияние, воздействие*, формирующие личность, фактор саморазвития личности в учебно-воспитательном процессе практически игнорируется.

Другое направление в педагогике отражает развитие *гуманистических* идей, рождение нового взгляда на воспитанника как на *субъект воспитания*. В рамках этого подхода эффективность воспитания обусловлена активностью человека, включенностью его в *самовоспитание*.

Определить воспитательный процесс в рамках гуманистической парадигмы можно следующим образом: *воспитательный процесс – это целенаправленный процесс взаимодействия педагогов и воспитанников, сущностью которого является создание условий для самореализации субъектов этого процесса*. В соответствии с таким пониманием *целью воспитательного процесса в вузе является ориентация студентов на самовоспитание, саморазвитие, самореализацию*.

Компетентностный подход, признанный сейчас научным сообществом и закрепленный в международных и российских официальных документах, в своей основе

является гуманистическим, поскольку напрямую связан с идеей всесторонней подготовки и воспитания индивида не только в качестве специалиста, професионала своего дела, но и как личности и члена коллектива и социума. Ведь в рамках гуманистической педагогической парадигмы цель как конечный продукт образования в самом общем виде составляет человек, его более совершенные личностные качества, его способность к социальному взаимодействию.

Если действовать в рамках гуманистического подхода, то организация воспитательного процесса в вузе должна быть направлена на создание и поддержание условий для саморазвития, и осуществляться этот процесс должен в тесном взаимодействии со студентом, с учетом его доброй воли, эффективность же воспитания обусловлена активностью человека, включенностью его в самовоспитание.

Современные проблемы воспитательного процесса в вузе можно, на наш взгляд, подразделить на несколько групп, беря за основу классификации основные причины, их порождающие. Это трудности социально-педагогического, научно-педагогического, организационно-педагогического и психолого-педагогического характера.

Трудности социально-педагогического характера обусловлены многочисленными проблемами как финансово-экономического, так и социально-педагогического свойства, с которыми сталкиваются субъекты воспитательного процесса в конкретных условиях жизнедеятельности. Студенческая молодежь – это особая социальная группа, обладающая отличительными характеристиками, а современные студенты очень существенно отличаются от тех, с которыми мы имели дело еще десяток лет назад. Недооценка данного фактора часто порождает проблемы воспитательного процесса.

О современном студенчестве мы часто судим по отрывочным, внешним фактам. Между тем мы имеем дело с поколением постсоветской молодежи, которое формировалось в первое десятилетие XXI в., и наши сегодняшние представления об этом поколении являются очень приблизительными. Очевидно, что на сознание и поведение современного студента влияют многие факторы, в том числе: возникновение новой системы требований общества к личности, обусловленной новыми социальными реалиями; недостаточная состоятельность идеологических ориентиров в обществе и государстве; социальное расслоение общества, порождающее чувство ущербности, неверия в социальную справедливость или, наоборот, чувство превосходства, безнаказанности; усиление информационных потоков и др. Все это вызывает у некоторой части студентов неуверенность в завтрашнем дне, в своей перспективе, духовную пустоту.

Таким образом, изменения в обществе, связанные с переходом к новым социально-экономическим отношениям, привели к возникновению сложного узла противоречий, которые необходимо учитывать в воспитательном процессе вуза. Но, к сожалению, не всегда

педагоги высшей школы готовы к разрешению этих противоречий и в научно-методическом плане, и морально.

Надо признаться, мы часто жалуемся, что студенты «не такие, как раньше», что «работать со студентами стало сложнее», сетуем, что выбор определенной частью студентов будущей специальности обусловлен не профессиональными интересами, а мотивами материального благополучия или другими мотивами, а «вот раньше...». Но при этом мы не хотим признавать, что такова реальность, что других студентов, таких, как нам хотелось бы, или таких, каких мы помним, уже нет и не будет в обозримом времени, что сегодняшних молодых людей надо принимать такими, какие они есть, и признавать, что студенты являются субъектами воспитательного процесса, а не объектами, если, конечно, мы действуем в рамках гуманистической педагогической парадигмы.

Трудности *научно-педагогического характера* обусловлены, прежде всего, недостаточной состоятельностью идеологических ориентиров, позволяющих обозначить цель и приоритетные направления воспитания. В России сейчас нет национальной идеи, она не сформулирована как краткая формула, отражающая основные чаяния народа, как систематизированное обобщение национального самосознания. А ведь этот вопрос столь же важен для страны, как вопрос о смысле жизни для каждого человека.

Отсутствие национальной идеи – одна из причин того, что новая гуманистическая парадигма воспитания в настоящее время имеет недостаточное научно-методическое обеспечение. Так, например, известно, что особое место в воспитательной системе занимает цель. Традиционной для России является воспитательная цель, ориентирующая на формирование всесторонне и гармонически развитой личности. В такой формулировке она не достижима, это пример цели-идеала, которую полностью осуществить невозможно. Поскольку цель воспитания отличается некоторой абстрактностью, чрезмерной общностью, она конкретизируется, уточняется с помощью формулировки комплекса задач воспитания.

Посмотрим, что на это счет говорится в нормативных документах. В рекомендациях по организации воспитательного процесса в вузе, созданных Департаментом государственной молодежной политики, воспитания и социальной защиты детей Минобрнауки России от 22 февраля 2006 г. №06-197 так прописаны цели и задачи воспитания студентов: «воспитание высоконравственной, духовно развитой и физически здоровой личности – гражданина и патриота России, способной к высококачественной профессиональной деятельности и ответственности за принимаемые решения; формирование у студентов социальных компетентностей, нравственных, духовных и культурных ценностей и потребностей; создание условий для интеллектуальной и творческой самореализации личности. Воспитательная деятельность в вузе должна быть направлена на формирование у студентов таких важнейших личностных

качеств, как трудолюбие, организованность, дисциплинированность, ответственность» [10].

Как видим, формулировки задач даны в трактовке по сути своей с позиций социоцентрического подхода, фактор саморазвития личности в учебно-воспитательном процессе не игнорируется, но и не рассматривается в качестве ведущего.

Решение названных задач должно быть обеспечено в процессе 4-5 лет обучения педагогическими и управлеченческими кадрами вуза. Вот как говорится о кадровом потенциале воспитательной деятельности в вузах в уже упомянутом документе: «При решении вопроса о формировании качественного состава преподавателей высших учебных заведений следует исходить из методологических и научно-практических задач современного обучения и воспитания студентов, в соответствии с которыми воспитание молодежи является важнейшей функцией образования в системе высшей школы. Преподаватель вуза должен быть не только источником профессиональной информации, но и посредником между студентом и культурой, способным оказывать позитивное влияние на становление и формирование учащихся не только как специалистов, но и как будущей российской интеллигенции...» [10].

Как стать посредником между студентом и культурой, как оказывать позитивное влияние на формирование будущей российской интеллигенции в ситуации, когда разрушены сложившиеся духовно-нравственные ориентиры и еще не приняты обществом новые, основанные на национальных и общечеловеческих ценностях, когда эти ориентиры не воплощены еще в воспитательных идеях и принципах? Вопросы пока остаются открытыми.

По мнению ученых, в модернизированном содержании вузовского образования заключается мировоззренческий потенциал, но он не выявлен до конца, не осознан.

Таким образом, мы находимся сейчас в условиях, которые можно охарактеризовать как ситуацию, когда еще непонятно куда плыть. А, как известно, в этом случае никакой ветер не будет попутным.

Трудности организационно-педагогического характера вытекают из предыдущих и связаны с проблемами реализации идей и установок реальном воспитательном процессе. На практике не удается органично объединить учебную и внеучебную деятельность, а они одинаково важны и неразрывно связаны. Чаще всего все подчинено процессу обучения и его совершенствованию, воспитательный процесс рассматривается как необязательный, как дополнительный по отношению к учебе, иногда даже «мешающий образовательному процессу». Приходится, к сожалению, слышать от некоторых преподавателей: «Моя задача – обучать дисциплине, профессии, а не воспитывать взрослых людей».

В воспитательном процессе зачастую не обеспечивается взаимодействие преподавателей разных дисциплин, кураторов, администрации вуза при решении воспитательных задач, вплоть до разных требований

к посещению занятий, культуре поведения в учебной группе, соблюдению правил этикета в процессе общения. И это проблема, мешающая созданию воспитательной среды вуза.

В последние годы, на наш взгляд, обострились и проблемы: каким образом обеспечить *активное участие студентов* в создании этой воспитательной среды, как обеспечить *реальное взаимодействие* субъектов воспитательного процесса? Эти проблемы решаются обоснованным выбором форм и технологий воспитания. Однако исследователи и практики отмечают недостаточное владение педагогами современными воспитательными технологиями, обеспечивающими развитие механизмов саморазвития, самовоспитания. При участии в различных формах воспитательной работы студенты часто по-прежнему занимают созерцательно-исполнительскую позицию, а не деятельно-созидательную. Иными словами, зачастую мы проводим мероприятия, а не включаем студентов в дела, события.

Трудности организационно-педагогического характера наиболее распространенные и самые заметные, так как они напрямую связаны с организацией воспитательного процесса, и, на наш взгляд, хотя они и сложные, но могут быть преодолены на уровне вуза при условии научного проектирования и методически грамотного построения системы воспитательной работы в образовательном учреждении.

Трудности *психолого-педагогического* характера порождают проблемы субъектов образовательного процесса: студентов, профессорско-преподавательского состава, управлеченческих кадров вуза. Они связаны с отсутствием системы мотивационно-ценостных установок, положительных стимулов к совершенствованию себя, своей личности, формированию стремления к самовоспитанию, к включению в систему воспитательной работы в вузе.

У молодежи всегда было выражено стремление соответствовать некому идеалу («делать жизнь с кого»). И если раньше это были личности, персоны, признаваемые обществом как такие идеалы, образцы для подражания, то теперь в качестве примеров для подражания часто выступают так называемые ложные кумиры, или их вообще нет. Не замечать этих проблем в воспитательной работе нельзя.

Каковы же пути решения обозначенных проблем?

Проблемы необходимо решать на разных уровнях, начиная с государства и заканчивая человеком, ставящим перед собой задачу личного самосовершенствования. На уровне вуза основной путь решения проблем – *построение системы воспитательной работы*.

Главный признак воспитательной системы – ее упорядоченность. Эффективность и результативность воспитания зависят от гармоничной связи всех структурных элементов воспитательного процесса: цели, содержания, форм, методов, средств, условий.

Особое место в воспитательной системе занимает цель. Цели воспитания подчинено все: содержание, ор-

ганизация, формы и методы. Как уже отмечалось, полностью осуществить воспитательную цель как цель-идеал в ограниченной временными рамками организационной форме невозможно. Надо понимать, что воспитательная работа не является прямым выполнением цели, но в процессе ее последовательно решаются конкретные задачи, ориентированные на достижение цели [2].

Анализ положений о воспитательной работе в разных вузах показал, что формулировки цели несколько отличаются, но в целом, они сводятся к следующему пониманию: целью воспитания студентов является всестороннее (или гармоничное) развитие личности будущего специалиста, обладающей высокими морально-нравственными и профессиональными качествами.

А вот задачи воспитания представлены в большом разнообразии формулировок, они специфичны для разных категорий образовательных учреждений. Понятно, что задачи воспитания, например, педагогов и военных специалистов будут во многом отличаться. По мнению специалистов, хорошо организованное воспитание должно подготовить человека к трем главным ролям в жизни – гражданина, работника, семьянина [7]. В вузе акцент делается на подготовке работника – специалиста в своей области.

В последние годы быстро и радикально менялись взгляды на содержание воспитательного процесса. Нет единства в понимании этого вопроса и сегодня, так как общество существенно изменилось, а система высшего образования уже на протяжении десятилетий пребывает в состоянии реформирования. Напомним, что под содержанием процесса воспитания понимают систему знаний, убеждений, навыков, качеств и черт личности, устойчивых привычек поведения, которыми должны овладеть студенты в соответствии с поставленными целями и задачами [7]. Задача каждого вуза – определить это содержание.

Реализуется содержание воспитания в различных формах с использованием разнообразных методов.

Форма воспитательной деятельности – это структурная единица организации воспитательного процесса. Формы могут быть созданы вокруг определенной деятельности, какого-либо стержня, могут быть вписаны в целостный воспитательный процесс, могут иметь событийный характер, сжатый по времени.

В последние годы наряду с традиционными формами воспитательной работы (мероприятиями, делами, играми) активно используются в качестве формы *события*, в процессе которых осуществляется взаимодействие субъектов образовательного процесса, оказывающее в свою очередь воздействие на человека, изменяющее его представления, ценности и смыслы. Событие (в философии) – со-бытие; сосуществование, бытие совместно с другими. Важный момент в понятии события – индивидуальность события – «сопричастность» индивидуума его бытию, его «событие».

Событийный подход рассматривается в современной педагогической литературе как продуктивная

технология организации и осуществления значимых событий в жизни коллектива и отдельной личности.

Как известно, методы воспитания в высшей школе – это способы совместной деятельности преподавателя и студентов по решению задач формирования личности будущего специалиста. Выбор методов воспитания – это поиск оптимального пути воспитания. Он определяется множеством факторов: задачами воспитания, его содержанием, уровнем сформированности коллектива, индивидуальными и личностными особенностями субъектов воспитательного процесса, условиями и средствами воспитания и др.

Очевидно, что в рамках гуманистического подхода эффективными методами признаются убеждения, а не внушения; косвенные методы, содержащие в себе намек, просьбу, совет или предусматривающие создание воспитательных ситуаций, а не прямые методы, которые обличаются нередко в форму приказа, указания; поощрение и соревнования, а не наказания как методы стимулирования.

Средствами воспитания могут стать все виды деятельности (учебная, трудовая, игровая), предметы материальной и духовной культуры, технические средства, художественная литература. Важными средствами воспитания выступают личный пример и авторитет преподавателя, сила университетской традиции, атмосфера культа знаний и науки, демократизм и гуманистическая направленность университетской жизни.

Средством и одновременно условием воспитания является *воспитательное пространство* образовательного учреждения. Подробнее остановимся на этом понятии. Введено оно в категориальный аппарат отечественной педагогики Л.И. Новиковой и рассматривается в соотношении с понятием воспитательной среды. Если среда в основе своей – данность, то воспитательное пространство – это результат и форма деятельности, осуществляющей в целях повышения эффективности воспитания, оно влечет за собой изменение характеристик этой среды. Воспитательное пространство возникает в процессе конструктивной деятельности. То есть среду надо уметь использовать в воспитательных целях, а единое пространство надо уметь создавать [9].

Проектирование воспитательного пространства вуза ориентировано на моделирование комфортных человеческих взаимоотношений, на развитие профессиональных и личностных качеств человека. Этой ориентации целесообразно придерживаться при разработке проектов учебного, внеучебного и внутреннего компонентов воспитательного пространства вуза [9].

Разработчики проблемы проектирования воспитательного пространства в практике высшей школы обосновывают подход к пониманию воспитательного пространства «как динамической сети взаимосвязанных педагогических событий, способной выступить интегрированным условием личностного развития каждого человека. В такой трактовке «механизмом» создания воспитательного пространства становится событие (совместное бытие) субъектов воспитательного про-

цесса, содержанием которого является их совместная деятельность» [9]. По мнению авторов, создание воспитательного пространства должно основываться на принципах педагогической эргономики, т.е. обеспечивать психологический комфорт участников воспитательного процесса.

Воспитательные системы, создаваемые в практике образования, чрезвычайно разнообразны по своей структуре, направлениям деятельности, особенностям функционирования и взаимодействия с внешней средой. Структура воспитательных систем организаций не только включает в себя большое количество участников и имеет многоуровневую организацию, но и формализована (в отличие, например, от структуры общественных объединений) в соответствии с действующими правовыми актами (устав организации, различные положения и т.д.).

В работах многих авторов по проблеме построения воспитательного процесса в вузе обосновывается необходимость выбора главного элемента воспитательной системы. Такая позиция позволяет исследователям и практикам действовать в рамках системного подхода при построении воспитательной системы современного вуза.

Воспитательная система не задается сверху, а создается усилиями всех субъектов педагогической деятельности, она представляет собой не застывшее образование, а динамичное явление. В теории воспитания выделены этапы становления и развития воспитательной системы образовательного учреждения (в основном, школы), определены возможные интеграционные и дезинтеграционные процессы на разных этапах ее развития, критерии, по которым можно оценить уровень ее сформированности и эффективности.

В.А. Караковский[5] и Л.К. Гребенкина[3] предлагают использовать две группы оценок: *критерии факта и критерии качества*. Следует заметить, что авторы рассматривают воспитательную систему школы. Однако, на наш взгляд, эти оценки могут быть применимы и к воспитательной системе вуза.

Первая группа оценок – критерии факта, позволяющие ответить на вопрос, есть ли воспитательная система. Об этом могут свидетельствовать упорядоченность жизнедеятельности вуза, наличие сложившегося единого коллектива, единство воспитательных воздействий и т.д.

Вторая группа – критерии качества, отвечающие на вопрос, каков уровень развития воспитательной системы и ее эффективность. К ним относятся: степень приближенности системы к поставленным целям, реализация педагогической концепции, общий психологический климат, стиль отношений в коллективе, самочувствие студентов и преподавателей, внутренний комфорт, уровень воспитанности выпускников.

Данные критерии весьма условны, они могут быть конкретизированы применительно к той или иной воспитательной системе, к каждому отдельному вузу.

Оценить воспитательную систему по первой группе критериев довольно просто, а по второй сложнее, так как четко зафиксировать даже через косвенные показатели психологический климат, стиль отношений в

коллективе, внутренний комфорт субъектов воспитательного процесса и прочее весьма затруднительно.

Здесь важно ориентироваться на системообразующий элемент воспитательной системы, который должен быть определен в концепции воспитательной работы в каждом конкретном вузе. Имеются интересные разработки модели идеального выпускника или образа эталонного специалиста, на приближение к которому и направляются усилия всего профессорско-преподавательского и управленческого состава профессионального учебного заведения и самих обучающихся. Известны исследования по созданию нормативно-функциональной модели (НФМ) выпускника, включающей в себя НФМ деятельности специалиста и НФМ личности специалиста, в которой выделены значимые профессионально-личностные качества специалиста [8]. Такие и аналогичные модели [6] дают ориентиры объективных требований к выпускнику, которые могут составить основу оценки эффективности воспитательного процесса в вузе.

В данной статье рассмотрены не все характеристики системы. В рамках системного подхода кроме упорядоченной совокупности компонентов в организационной структуре воспитательной системы нужно еще выделить взаимодействие объектов – субъектов (обучающийся – педагог – руководитель), иерархию уровней. Понимаем также, что выделить компоненты – не значит полностью описать систему, необходимо и определить совокупность связей между ними. В рамках педагогического взаимодействия эти связи будут обеспечивать успешность функционирования системы в случае, если «воспитуемые» и «воспитывающие» руководствуются общими целями или, по крайней мере, стремятся к достижению не противоречащих друг другу целей. В противном случае неизбежен конфликтный характер связей. Это положение определяет важность согласованности целевых установок субъектов воспитательного процесса.

Связи внутри системы в зависимости от их конкретного вида могут образовывать разновидность либо функциональных связей, либо связей развития. Именно связи развития обеспечивают совместное осуществление определенных функций, обеспечивающих «не просто самораскрытие объекта, актуализацию уже заложенных в нем потенций, а такую смену состояний, в основе которой лежит невозможность по тем или иным причинам сохранения существующих форм функционирования. Здесь объект как бы оказывается вынужденным выйти на иной уровень функционирования, прежде недоступный и невозможный для него, а условием такого выхода является изменение организации объекта» [1].

Решение стоящих перед вузом воспитательных задач на современном этапе может быть успешным только в том случае, если создать воспитательную систему, развивающуюся в процессе прогрессивных преобразований различных сфер жизни, постоянно совершенствующуюся как в структурном, так и функциональном аспектах, обладающую сущностными характеристиками *открытости, динаминости, целеустремленности*.

Библиографический список

1. *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 270с.
2. *Гафурова Н.В.* Воспитательный процесс в вузе как система // Высшее образование в России. 2009. № 6. С. 102–106.
3. *Гребенкина Л.К.* Методика воспитательной работы: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия (Academia), 2009. 160 с.
4. *Гусев В.В.* Управление качеством подготовки военного специалиста: опыт системного моделирования: Монография. Орел: ВИПС, 1997. 238с.
5. *Караковский В.А.* Воспитательная система школы: Педагогические идеи и опыт формирования. М.: НМО «Творческая педагогика», 1991. 125 с.
6. *Макарова В.Н.* Подготовка педагогов к речевому и лингвистическому развитию детей дошкольного возраста в системе непрерывного профессионального образования: теоретико-методологическое обоснование концепции: Монография. Орел: изд. ОГУ, 2010. 286 с. С.163-172.
7. *Подласый И.П.* Педагогика: в 3-х кн., кн.3: Теория и технологии воспитания: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям подгот. и специальностям в обл. «Образование и педагогика» – 2-е изд., испр. и доп. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. 463с.
8. *Ражев Ю.Д.* Педагогическое моделирование содержания подготовки военно-педагогических кадров в системе непрерывного профессионального образования: Автореф. дис....канд. пед. наук. М., 1999. 26 с.
9. *Резниченко М.Г.* Проектирование воспитательного пространства в практике высшей школы// Высшее образование в России. 2009. № 8. С. 151–154.
10. Рекомендации по организации воспитательного процесса в вузе. Приложение к письму Минобрнауки России от 22.02.2006 № 06-197.

References

1. *Blauberg I.V., Yudin E.G.* Formation and essence of the system approach. M. : Nauka, 1973. 270 p.
 2. *Gafurova N.V.* Educational process in high school as a system // Higher education in Russia. 2009. № 6. Pp. 102-106.
 3. *Grebyonkina L.K.* Methods of educational work: Textbook for students of higher educational institutions. M.: Academy (Academia), 2009. 160 p.
 4. *Gusev V.V.* The quality management of military specialists' training: the experience of the system modeling: Monograph. Orel: VIPS, 1997. 238p.
 5. *Karakovsky V.A.* School educational system: Pedagogical ideas and experience of formation. M.: SMA "Creative pedagogy", 1991. 125 p.
 6. *Makarova V.N.* Training teachers for speech and linguistic development of preschool children in the system of continuing professional education: theoretical and methodological study of the concept: Monograph. Orel: OSU, 2010. 286 p. Pp.163-172.
 7. *Podlasii I.P.* Pedagogy: in 3 books, B. 3: Theory and technology education: textbook for university students studying on the directions of preparations and specialties in the area "Education and Pedagogy" – 2nd ed. M.: Humanitarian publishing center VLADOS, 2007. 463p.
 8. *Razhev Yu.D.* Pedagogical modeling of the content of the military personnel's training in the educational system of continuous professional education: Author's abstract, Candidate dissertation in Pedagogical Sciences. M., 1999. 26p.
 9. *Rezichenko M.G.* Designing educational space in the practice of high school // Higher education in Russia. 2009. № 8. Pp. 151-154.
 10. Recommendations for the organization of educational process in high school. Application to the letter of the Russian Ministry of 22.02.2006 № 06-197.
-
-

П.И. ОБРАЗЦОВ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра непрерывного образования и новых образовательных технологий, Орловский государственный университет

E-mail: kind@orel.ru

Н.В. ФРОЛОВА

кандидат педагогических наук, кафедра иностранных и русского языков, Академия ФСО России

E-mail: nadushechka65@mail.ru

P.I. OBRAZTSOV

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of continuous education and new educational technologies, Orel State University

E-mail: kind@orel.ru

N.V. FROLOVA

Candidate of Pedagogics, Department of Foreign and Russian languages, Federal Guard Service Academy of the RF

E-mail: nadushechka65@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ ЦЕНТРИРОВАННОГО НА ОБУЧАЮЩЕМСЯ ПОДХОДА

FORMING SPECIALISTS TO BE MOTIVATION TO STUDYING A FOREIGN LANGUAGE BY USING TEACHING TECHNOLOGY BASED ON LEARNER CENTERED APPROACH

В ходе работы по формированию иноязычной компетенции будущих специалистов рассмотрены виды мотивации к изучению иностранного языка в вузе, способы и приёмы её формирования в процессе применения технологии обучения на основе центрированного на обучающемся подхода, описаны результаты реализации указанной технологии в процессе вузовской подготовки специалистов.

Ключевые слова: мотивация, центрированный на обучающемся подход, иноязычная компетенция, технология обучения, индивидуальные особенности.

During the formation of foreign language competence of the specialists to be types of motivation to studying foreign languages at higher school, techniques of forming it while using teaching technology based on learner centered approach are considered; the results of the mentioned technology application in the process of training specialists to be are also described.

Keywords: motivation, learner centered approach, foreign language competence, teaching technology, individual features.

Анализ научных публикаций, посвященных формированию мотивации к изучению иностранного языка, бесед с преподавателями различных вузов, а также результатов, полученных в ходе работы по формированию иноязычной компетенции будущих специалистов, позволил сделать вывод о том, что в самом начале обучения в вузе у обучающихся, как правило, имеется высокая мотивация. Им хочется изъясняться на иностранном языке со сверстниками; представляется заманчивой возможность смотреть по спутниковому телевидению зарубежные каналы и обсуждать воспринятую информацию на иностранном языке; читая, узнавать об особенностях выбранной профессии в разных странах и т.д. Почти у всех первокурсников есть желание владеть иностранным языком, уметь общаться непосредственно или опосредованно (через средства массовой информации или чтение литературных источников).

Однако в процессе овладения иностранным языком отношение обучающихся меняется: многие разочаровываются, поскольку этот процесс предполагает период накопления «строительного материала», стадию

неизбежно примитивного содержания, преодоления разнообразных трудностей, что отодвигает достижение намеченных целей. В результате мотивация уменьшается, пропадает встречная активность, ослабевает воля, направленная на овладение иностранным языком, снижается в целом успеваемость, которая, в свою очередь, негативно влияет на мотивацию, и т. д. Впоследствии, уже став специалистами и сталкиваясь в профессиональной деятельности с необходимостью применения иноязычных знаний, многие выпускники вузов сожалеют по поводу упущенного, возникает недовольство не только собой, но, главным образом, постановкой обучения иностранному языку в учебном заведении.

Возникает вопрос: не является ли спад мотивации со всеми вытекающими отсюда последствиями объективным процессом, которому невозможно противостоять? Данное предположение опровергается рядом примеров, подтверждающих, что многие выпускники вузов успешно овладевают иностранным языком в требуемых (согласно ФГОС ВПО) пределах. Они ощущают

свой прогресс и испытывают от этого удовлетворение, поэтому высокая мотивация сопровождает весь период их учения, значительно подкрепляя и обогащая его. В процессе обучения в высшей школе эти студенты используют приобретаемые языковые навыки и умения в профессиональных целях, в частности при написании курсовых и дипломных проектов; активно занимаются научной работой, выполняя реферативные переводы по заказу как гуманитарных, так и технических кафедр, принимая тем самым непосредственное участие в создании учебных пособий, дидактических и методических материалов, в которых используются результаты их иноязычной деятельности. Следовательно, существует возможность сохранения и развития мотивации обучающихся в вузах к изучению иностранного языка.

Рассматривая такую возможность, расценивая мотивацию как важнейший инструмент процесса формирования иноязычной компетенции, обеспечивающий его результативность, нужно иметь в виду следующее: мотивация – сторона субъективного мира обучающегося, она определяется его собственными побуждениями и пристрастиями, осознаваемыми им потребностями. Отсюда все трудности формирования мотивации со стороны. Преподаватель может лишь опосредованно повлиять на нее, создавая предпосылки и формируя основания, на базе которых у обучающихся возникает личная заинтересованность в работе.

У преподавателя это получится тем лучше, чем в большей мере ему удастся встать на место обучающегося, «перевоплотиться» в него. В этом случае он сможет не только узнавать мотивы деятельности студента, но и изнутри вызывать, развивать и корректировать их. Обязательным условием такого мысленного перевоплощения является хорошее знание своих обучающихся. Преподавателю следует также представлять себе весь арсенал мотивационных средств, все типы и подтипы мотивации и их резервы. Тогда можно будет точно сопоставить содержание учебного процесса на всем его протяжении с соответствующими типами мотивации, т. е. создать стойкую сопутствующую мотивацию, гарантирующую прогресс в овладении иностранным языком.

В рамках реализации технологий обучения иностранному языку на основе центрированного на обучающемся подхода (далее по тексту ТО ЦОП) было выявлено, что мотивация к дальнейшему изучению дисциплины «Иностранный язык» в высшем учебном заведении в основном сформировалась к концу первого года обучения. Почти все студенты убедились в том, что иностранный язык – полезный и интересный в плане будущей профессиональной деятельности предмет. Кроме того, у обучающихся появилась уверенность в том, что они способны изучить иностранный язык в объеме, необходимом будущему специалисту в его профессиональной деятельности. Без решения этих двух задач итоги первого года обучения вряд ли можно было считать успешными, даже если удалось бы достигнуть запланированного практического результата.

Формирование мотивации к изучению иностранного языка достигалось в процессе обучения тремя путями:

- за счет отбора материала, соответствующего профессиональным, социальным и личным интересам обучающихся (познавательная мотивация);
- благодаря интересной методике работы на занятии, когда обучающиеся выполняли задания не по обязанности, а по заинтересованности в общении с преподавателем или партнерами по группе (коммуникативная мотивация);
- благодаря чувству удовлетворения, которое испытывали обучающиеся от того, что они способны самостоятельно справиться с заданием преподавателя (мотивация успеха).

Все вышесказанное невозможно было без учета и развития индивидуальных особенностей студентов. В отличие от традиционного подхода к обучению будущих специалистов в вузе, при котором вся система обучения обезличена, ориентирована на так называемого «среднего» студента, центрированный на обучающемся подход рассматривает его как индивидуальность, представляющую собой совокупность индивидуальных, субъектных и личностных свойств. Каждый обучающийся как индивид обладает определенными способностями как общего, так и частного характера, и обучение с применением ЦОП было направлено на выявление их исходного уровня с целью учета и дальнейшего развития. Для этого при создании ТО ЦОП использовались специальные средства: для выявления и замера способностей – специальные тесты, для развития и компенсации способностей – специальные и неспециальные упражнения и опоры.

При реализации ТО ЦОП учитывались, по возможности, все объективно существующие виды мотивации, обеспечивающие заинтересованное учение, характеризуя которые, необходимо отметить, что психологи, изучая характер побудительных сил и способы их регуляции в обучении, установили многообразие мотивационной сферы человека, ее сложную структуру. Во-первых, на нее могут оказывать влияние социальные мотивы, определяемые потребностями общества; в совокупности они составляют *внешнюю мотивацию*, которая существует в двух разновидностях: как широкая социальная мотивация и как узколичная. Во-вторых, на мотивационно-побудительную сферу человека может воздействовать и характер деятельности как таковой. Это так называемая *внутренняя мотивация*; ее подвидом является мотивация успешности. Как внешняя, так и внутренняя мотивация могут носить *положительный* и *отрицательный* характер; в этих случаях принято говорить о положительной и отрицательной мотивации. Существует, наконец, и такая разновидность мотивации, как *дальняя* (дистантная, отсроченная) и *близкая* (актуальная).

Применительно к иностранному языку каждый вид мотивации характеризуется определенными особенностями. Например, широкая социальная мотивация

процесса учения (разновидность внешней) связана для будущих специалистов с достаточно остро переживаемым чувством профессионального долга перед страной, с представлением об учении как пути к осуществлению своего назначения в жизни. Основанием для овладения иностранным языком может стать перспектива участия в борьбе с международным терроризмом, применения в профессиональной деятельности иностранной аппаратуры с инструкциями на иностранном языке, необходимость получать профессионально значимую информацию из зарубежных источников и т.п.

Вторая разновидность внешней мотивации – узколичная мотивация – определяет отношение к овладению иностранным языком как способу самоутверждения, а иногда как путь к личному благополучию. Здесь возможен довольно широкий диапазон морального плана: от гражданских мотивов до узкоперсональных. Например, при ответе на вопросы анкеты о цели изучения иностранного языка студенты давали следующие ответы: «Хочу по окончании вуза получить вторую специальность «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»: это престижно» (но и «Это полезная деятельность, способствующая у становлению взаимопонимания»), «Хочу научиться качественно переводить специальную литературу, чтобы в случае профессиональной необходимости делать это без помощи переводчика» (или «Хочу получать надбавку к жалованью за знание иностранного языка»). Прослеживалась и отрицательная мотивация: «Мне не нравится иностранный язык, но родители считают, что он мне пригодится; они сами сожалеют, что слабо им овладели, и не хотели бы, чтобы я повторил их ошибку», «Я не люблю иностранный язык, но надо овладеть им, чтобы однокурсники убедились, что и здесь я могу быть лидером».

Внешняя мотивация, как правило, бывает дистантной, далекой мотивацией, рассчитанной на достижение конечного результата учения. Тем не менее ее стимулирующее воздействие на процесс учения может быть достаточно сильным. Она в самом начале, а иногда еще до изучения иностранного языка, нацеливает обучающихся на «сверхзадачу». Важно только строить процесс учения таким образом, чтобы курсанты в каждой его точке ощущали восхождение к поставленной цели. Полезные рекомендации на этот счет приводятся Н.Е. Кузовлевой [2]. Она полагает, что для усиления влияния широкой социальной мотивации следует создавать специальные собственно методические средства наглядной презентации, показывающие значение знания иностранных языков для самых различных специальностей: например, в ходе реализации ТО ЦОП организовывались беседы со специалистами, применяющими в своей профессиональной деятельности знание иностранного языка, просмотр информационных блоков вещательной корпорации «Би-Би-Си» (BBC) на иностранном языке и последующее их обсуждение, чтение статей из иностранных журналов по специальности. Все это представляется полезным для

будущих специалистов, так как сможет «приблизить» и сделать ощутимой дальнюю цель, создав готовность к затратам времени и сил. Здесь внешняя мотивация смыкается с внутренней и подкрепляется ею. При этом если внешняя мотивация выполняет в известном смысле «стратегическую роль», задавая извне движение на весь период учения, то внутренняя мотивация – «тактическую», так как она «подогревается» самим процессом формирования иноязычной компетенции (поэтому ее часто называют процессуальной мотивацией). Эта мотивация является близкой и актуальной, поскольку учебный процесс должен быть выстроен таким образом, чтобы обучающиеся на каждом занятии испытывали радость от удовлетворения потребностей, специфичных для дисциплины «Иностранный язык».

При реализации ТО ЦОП мотивационный аспект обучения – это необходимый компонент, он не должен иметь «начало» или «конец», он сопровождает процесс формирования иноязычной компетенции обучающегося постоянно на протяжении всего периода изучения дисциплины «иностранный язык». Формирование мотивации – это не «перекладывание» преподавателем в головы обучающихся уже готовых, извне задаваемых мотивов и целей учения. Это, прежде всего, создание условий для появления внутренних побуждений к учению, осознания их самими обучающимися, дальнейшего саморазвития мотивационной сферы. Здесь решаются две взаимосвязанные задачи. Первая – формирование у обучающегося понимания необходимости овладения иностранным языком в объеме, достаточном для выполнения профессиональных задач на высоком уровне. Вторая задача – принятие целей действий, достижение которых происходит в процессе обучения. Если процесс обучения в группе недостаточно четко организован, если цель действий неясна, неконкретна, если обучающиеся плохо представляют себе результат и путь его достижения, то трудно ожидать от них активности не только в период самостоятельной работы, но и на занятии по иностранному языку. Желаемое слияние «слова» и «дела» происходит только в том случае, если будущий специалист реально представляет себе цель действий, их результат и путь его достижения. Постоянное и творческое подкрепление этих двух взаимосвязанных задач организационными, воспитательными и учебно-боевыми мероприятиями обеспечивает необходимую, постоянную и устойчивую мотивацию будущих специалистов к повышению уровня их профессиональной компетентности.

Признавая ведущую роль мотивации в обучении иностранным языкам студентов, преподавателю необходимо представлять себе способы и приемы ее формирования в условиях вуза. Особую роль здесь играют новизна получаемой информации, ее ценность для будущей профессии специалистов. Наличие элементов поисковой деятельности, познавательных мотивов и эмоциональное состояние обучающихся обеспечивают им выход из учебной деятельности в самообразовательную и творческую (например, реферативный

перевод специальной литературы по заказам профильных кафедр, используемый в дальнейшем для научной работы студентов, подготовки докладов к вузовским и межвузовским научно-практическим конференциям, разработки учебных пособий, написания курсовых и дипломных проектов и т.п.). При этом важно помнить, что познавательный аспект реализуется преимущественно на основе рецептивных видов деятельности: чтения и аудирования. Поэтому отбору текстов для этих видов речевой деятельности, а также мотивационным упражнениям (В. А. Бухбиндер), тесно связанным с проблемой мотивации, с развитием и совершенствованием умений, необходимых для решения профессиональных задач средствами иностранного языка, придается при реализации ТО ЦОП первостепенное значение.

Воспитание положительной мотивации учения во многом зависит от содержания обучения. Импульс к активной познавательной деятельности дает только тот материал, который созвучен потребностям студентов. Поэтому, проводя занятие, следует, прежде всего, обеспечить четкое осознание обучающимися, для чего и почему им нужно изучать данный раздел программы, что именно им предстоит изучить и освоить, каковы учебная задача и конечная цель предстоящей работы.

С точки зрения влияния на формирование положительной познавательной мотивации, учебный материал должен быть информационно насыщенным; информационно бедный материал мотивационным эффектом не обладает.

Однако содержание обучения создает только предпосылки для положительной мотивации учения. Мотивация учения формируется под влиянием всей системы педагогических воздействий, но прежде всего она воспитывается в процессе непосредственно учебной деятельности. Чтобы мотивы возникли, укрепились и развились, обучающийся должен начать действовать.

Одним из способов реализации такого «мотивационного аспекта» занятия при реализации ТО ЦОП является эффективная организация проведения актуализации знаний и опыта студентов: создание вводной проблемной ситуации, проведение вводной эвристической беседы, увлекательный рассказ, оригинальное выражение суждений, точки зрения преподавателя в рамках тем, которые предстоит изучать. Важно также, чтобы на этом этапе процесса обучения студенты четко осознали перспективу своей работы, связь ее с ранее изученным, убедились в возможности качественного ее

выполнения.

Очень важно постоянно развивать «умственный аппетит» обучающихся, потребность к размышлению, сравнениям, сопоставлениям, собственным оценкам.

Одним из основных побудителей студентов к учебной деятельности является оценка, отметка. Но нередко в руках преподавателя она становится фактором, способным надолго затормозить развитие познавательных потребностей. Поэтому оценкой как средством мотивации следует пользоваться очень осторожно, педагогически осмотрительно.

Систематическое применение перечисленных приемов формирования и развития мотивации учения приводит к тому, что мотивация постепенно переходит в самомотивацию, когда для успешного учения уже не требуется значительных импульсов от преподавателя.

Говоря о путях воспитания и развития мотивации учения, в рамках ТО ЦОП целесообразно особо выделить влияние на обучающихся личности преподавателя, его педагогического мастерства, авторитета. Положительной мотивации учения быстрее добиваются те преподаватели иностранного языка, которые умеют просто и доходчиво объяснить, например, сложные грамматические явления, раскрыть студентам важность осваиваемого предмета в профессиональном, личном и социальном планах, умеют не только убедительно рассказать о пользе иностранного языка для будущей профессии и привести примеры, но и увлечь обучающихся поиском новых, оригинальных способов проведения занятий и внеаудиторных мероприятий, привлечь к этому весь коллектив обучающихся, создать в нем рабочий настрой, атмосферу сотрудничества. Немаловажное значение имеет и уровень иноязычной компетенции самого педагога: чем больше фонетическое, интонационное, грамматическое и идиоматическое оформление, темп речи преподавателя на иностранном языке приближены к речи оригинальных носителей языка, чем естественнее она звучит, тем приятнее обучающемуся слушать преподавателя, появляется желание и самому хорошо овладеть изучаемым языком.

Подводя итог всему сказанному выше и принимая во внимание убедительные результаты обучения в рамках реализации ТО ЦОП, правомерно сделать следующий вывод: формирование у будущих специалистов мотивации к изучению иностранного языка является одним из основных психолого-педагогических условий успешного формирования их иноязычной компетенции в вузе.

Библиографический список (References)

1. *Vilensky M.Y., Obraztsov P.I., Uman A.I. The technologies of professionally oriented teaching in high school.* Edited by V.A. Slastyonin. M., 2002. 245 p.
2. *Kuzovleva N. E. Broad social motivation and its role in teaching foreign language behavior // Communicative method of teaching foreign language behavior.* Voronezh, 1985.
3. *Obraztsov P.I., Kosukhin V.M. Didactics of higher military school.* Orel: Special Communications Academy of Russia, 2004. 317 p.
4. *Semenov I.N. The technique of studying personality behavior in a group on collective solution of creative objectives // Personality in a psychological experiment.* M., 1973. Pp. 30-47.
5. *The technologies of training specialists in the system of professional education.* Edited by P. I. Obraztsov. Orel: Orel State University press, 2011. 338 p.
6. *The technologies of specialists professional training.* Edited by P. I. Obraztsov. Palmarium Academic Publishing, 2013.

Ш.В. ТАГИРОВА

директор по международным связям, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа
экономики»
E-mail: stagirova@hse.ru

SH.V. TAGIROVA

Head of international affairs, National Research University
"Higher School of Economics"
E-mail: stagirova@hse.ru

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

THE LATEST TRENDS IN FRENCH HIGHER EDUCATION

В статье проводится анализ текущего процесса реформирования системы высшего образования Франции. Описываются особенности новой модели управления высшим образованием Франции. Анализируется влияние новой модели на усиление конкурентных преимуществ французской системы высшего образования в мире, в том числе на привлечение иностранных студентов во французские вузы.

Ключевые слова: высшее образование, стипендии на обучение, академическая мобильность, иностранные студенты, управление, рейтинг.

The article covers the current reforms of the French system of Higher Education. The author identifies emerging trends of the new management model of sector; analyzes the impact of the new management model on enhancing the competitive advantages of the French Higher Education system in the world; and defines a level of its international demand among prospective students.

Keywords: higher education, scholarship, academic mobility, international students, management, ranking.

В рейтинге глобальной конкуренции 2014-2015 гг. Франция вошла в категорию 37 государств с инновационно-развивающейся экономикой и заняла 28 место (из 140) по уровню развития системы высшего образования¹. Показатель образованности населения Франции в возрастной категории 30-34 года – свыше 40% от общего числа населения страны, в то время как средний показатель в Европе варьируется на уровне 33-34%².

Главным источником финансирования системы образования Франции является государство. В 2015 году в государственном бюджете на развитие образования предусмотрено 65,02 млрд. евро³, из которых 23,05 млрд. евро отводятся на высшее образование, что на 45 млн. евро выше предыдущего года⁴, но меньше бюджета 2012 года (28,7 млрд. евро)⁵.

В среднем государственные расходы на одного студента во Франции составляют 11740 евро. Сумма варьируется в зависимости от типа высшего учебного

заведения: от 10940 евро в год в государственных университетах до 15020 евро в рамках двухлетних специализированных подготовительных отделений высших школ (франц. *les classes préparatoires aux grandes écoles* – далее *CPGE*). Основная причина разницы расходов – соотношение количества преподавателей и студентов в образовательном учреждении.

Правительство Франции оказывает студентам финансовую поддержку по разным направлениям: выделение бюджетных мест, предоставление стипендий, образовательных кредитов по льготной ставке и др. В 2015 году выделено 75000 бюджетных мест для обучения во французских вузах с ежемесячным денежным пособием в размере 1000 евро⁶. Ранее в 2013 году было выделено 56000 бюджетных мест. Для малоимущих студентов предусмотрено 1000 стипендий в размере от 4000 до 5000 евро⁷. Кроме того, с 2008 года сроком от одного месяца до одного года присуждается социальная стипендия студентам, оказавшимся в сложной финансовой ситуации⁸.

Для иностранных граждан, желающих получить высшее образование во Франции, также предусматри-

¹ The Global Competitiveness Report 2014-2015. Klaus Schwab, World Economic Report.

² Stratégie nationale de l'enseignement supérieur. Rapport d'étape du Comité StraNES http://www.sup-recherche.org/images/pdf/_divers/Rapport_etape_StraNES_8_juillet_-17h04_339053.pdf

³ Projet de la loi de finance 2015.

<http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/cid82661/plf-2015-budget-en-hausse-pour-l-enseignement-superieur-et-la-recherche.html>

⁴ Там же.

⁵ Министерство национального образования, высшего образования и науки. Официальный сайт: <http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/>

⁶ PLF 2015: budget en hausse pour l'Enseignement supérieur et la Recherche. <http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/cid82661/plf-2015-budget-en-hausse-pour-l-enseignement-superieur-et-la-recherche.html>

⁷ Там же.

⁸ Les aides sociales pour les étudiants non boursiers.

<http://www.france.fr/etudier-en-france/les-aides-sociales-pour-les-etudiants-non-boursiers.html>

ваются различные виды грантов/стипендиальных программ, которые можно классифицировать следующим образом:

- стипендии на обучение (франц. *Bourse d'études*), выделяемые иностранным студентам последних курсов национальных вузов для продолжения обучения в высших учебных заведениях Франции в рамках второго цикла высшего образования, с целью получения диплома Высшей школы или диплома университета уровня «Магистр»;
- стипендии на стажировку (франц. *Bourse de stage*), которые предоставляются сроком от трех до двенадцати месяцев для прохождения практики в рамках образовательной программы студента. Кроме того, по решению Министерства образования Франции такой вид стипендии может предоставляться для краткосрочной языковой или педагогической стажировки;
- научные стипендии высокого уровня (франц. *Bourse de séjour scientifique de haut niveau*) сроком от одного до трех месяцев. Предоставляются в рамках исследовательской работы, обменных программ в области науки, культуры и технологий;
- стипендии для покрытия социальной страховки (франц. *Bourse de couverture sociale*), финансирующие большую часть расходов, связанных с обучением во Франции по программам бакалавриата и магистратуры;
- стипендии для написания диссертаций при совместном франко-российском научном руководстве (франц. *Bourse de thèse en co-tutelle*). Предоставляются аспирантам для написания диссертации с двойным научным руководством и возможностью получения двойного диплома.

Отдельного внимания заслуживает стипендиальная программа имени Гюстава Эйфеля (франц. *Bourses d'Eiffel*), которая является одной из самых востребованных и престижных среди иностранных абитуриентов. Стипендия позволяет оплатить обучение во французском вузе полностью или частично. Ходатайствовать о присуждении стипендии может только французский вуз, в котором кандидат желает обучаться. Существует два вида стипендий имени Г. Эйфеля – учебная стипендия *Bourses d'excellence Eiffel*, позволяющая оплатить один или два года обучения во Франции, в зависимости от срока, требующегося кандидату для получения диплома по таким направлениям, как экономика, менеджмент, инженерные науки, право, политические науки, управление. Вторая разновидность – аспирантская стипендия Эйфеля (франц. *Eiffel Doctorat*), в рамках которой студент-аспирант получает возможность провести один учебный год во Франции, обучаясь по модели совместной аспирантуры. Кандидаты отбираются французским учебным заведением, которое обязуется принять исследователя на один год обучения в аспирантуру. Предпочтительными являются 2-ой или 3-й год обучения, за исключением особых случаев. Максимальный срок программы 10 месяцев, без права продления. Направлениями обучения могут быть инженерные науки, математика, физика, химия, бионануки и

биотехнологии, экология, науки и технологии информации и коммуникации, экономика, управление, право, политические науки и международные отношения⁹.

Курирующим органом по присуждению учебных грантов/стипендий иностранным гражданам является Министерство иностранных дел Франции. Существуют также стипендии Министерства культуры, Министерства финансов, различных организаций и многие другие¹⁰.

Ежегодно расходы Франции на обучение иностранных студентов составляют около 3 млрд. евро. Однако ежегодные поступления в национальную казну от иностранных студентов достигают 4,65 млрд. евро¹¹, из которых:

- 3250 млн. евро приходится на ежедневные потребительские расходы иностранных студентов;
- 563 млн. евро – на оплату за обучение;
- 364 млн. евро – на доходы национальных авиакомпаний;
- 466 млн. евро – на посещения Франции родственниками иностранных студентов¹².

Кроме того, ненатуральный доход Франции от иностранных студентов также весьма существенен. По окончании вуза 65-85% выпускников отдают предпочтение французской продукции, образованию, развитию партнерства с французскими компаниями, туристическим поездкам во Францию. По данным КампюсФранс, большинство иностранных студентов, не являющихся изначально франкофонами, по окончании обучения свободно говорят по-французски и стремятся к дальнейшему развитию контактов с Францией¹³.

22 июля 2013 года во Франции был принят Закон о высшем образовании и научных исследованиях. С этого момента начались официальные реформы системы высшего образования Франции, которые привели к существенным структурным изменениям, включая механизм управления на разных уровнях системы образования. Закон предусматривает введение квот на дипломы техников высшей квалификации (франц. *Le brevet de technicien supérieur (BTS)* и университетские дипломы технологов (франц. *Le diplôme universitaire de technologie (DUT)*), подписание соглашений между подготовительными отделениями и университетами, открытие новых отделений бакалавриата, изменение управленческой структуры университетов, интегра-

9 Etudiants étrangers: les bourse et les dispositifs d'aides en France. <http://www.france.fr/etudier-en-france/etudiants-etrangers-les-bourses-et-les-dispositifs-daides-en-france.html>

10 Более подробно см. Comment financer son projet d'études en France. <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/venir-en-france-22365/etudier-en-france-12794/financer-le-projet-bourses/>

11 Au-delà de l'influence: l'apport économique des étudiants étrangers en France. http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/Apport_Economique_des_Etudiants_étrangers_-_Campus_France_Version_Finale_cle0fd785.pdf

12 Там же.

13 Au-delà de l'influence: l'apport économique des étudiants étrangers en France. http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/Apport_Economique_des_Etudiants_étrangers_-_Campus_France_Version_Finale_cle0fd785.pdf

цию стажировок в учебные программы, предписание учебным заведениям, предлагающим дипломы о высшем образовании (технические дипломы, подготовительные отделения СПГЕ), публикацию статистики об успеваемости своих студентов на выбранных ими специальностях, а также об их дальнейшем образовании и трудоустройстве после окончания вуза. Особый акцент делается на развитии цифровых технологий в образовании. В соответствии со статьей 16 Закона о высшем образовании и научных исследованиях вузы должны «выкладывать в свободный доступ электронные версии учебных программ в случае, если данные дисциплины позволяют это сделать».

Закон преобразовал внутреннюю систему управления университета, прекратив существование двух центральных университетских советов – Ученого Совета (франц. *Conseil Scientifique*) и Совета по образованию и студенческой жизни (франц. *Conseil des études et de la vie étudiante*), преобразовав их в «Комиссию по науке»¹⁴ (франц. *Commission de la recherche*) и «Комиссию по учебной работе и студенческой жизни»¹⁵ (франц. *Commission de formation et de la vie universitaire*) соответственно. Обе Комиссии образуют Академический совет университета (франц. *Le Conseil Académique*) и имеют консультативные функции. В случае если решения, принимаемые Комиссией по науке и Комиссией по учебной работе и студенческой жизни, затрагивают финансовые аспекты, то в обязательном порядке необходимо получить одобрение Административного совета университета (франц. *Conseil d'administration*) (таблица 1).

Административный совет университета (далее – АСУ) состоит из 24-36 членов, восемь из которых являются внешними экспертами (кандидатуры могут быть номинированы партнерами университета или же рекомендованы Административным советом), но принимают участие в избрании президента университета.

Основными функциями АСУ являются:

– подписание четырехлетнего контракта (франц. *le contrat d'établissement de l'université*) с Министерством национального образования, высшего образования и науки Франции. Процедура подготовки контракта за-

нимает около года. Инициатива принадлежит президенту вуза, но фаза обсуждения контракта различными Комиссиями вуза является необходимым условием легитимности документа. До проведения переговоров по контракту вуз должен выполнить ряд требований. Ему необходимо подвести итог результатов предыдущего четырехлетнего контракта и составить план развития вуза, который определяет, в общих словах, свои цели развития (стратегические оси) с учетом регионального и национального направления развития, что предусматривает определенную связь с национальным планом государственно-регионального развития. По мнению многих президентов вузов, составление плана развития вуза является самым важным во всей процедуре заключения контракта, так как на данном этапе мобилизует все вузовское сообщество, придавая вузовской жизни чувство динамики и единения. После этого государство и вуз приступают к проведению процедуры переговоров по контракту, учитывая одновременно план развития, составленный вузом, и приоритеты проводимого политического курса. Переговоры состоят из трех фаз: общего обмена, специальных обменов и заключительной фазы (иногда с перерывами между второй и третьей фазами). В итоге контракт будет содержать конвергентные цели и важные приложения. В частности, список дипломов, который вуз правомочен выдавать; список учебных программ и научно-исследовательских коллективов, признанных государством и официальными органами, ответственными за научно-исследовательский сектор, а также финансовое приложение, содержащее в себе список дотаций, которое государство обязуется предоставить вузу в рамках реализации четырехлетнего контракта. Подобная контрактная политика стала одновременно существенным элементом стимулирующей стратегии государства по отношению к вузам и стратегией развития каждого вуза отдельно, основываясь сначала на внутреннем планировании, затем на составлении положений контракта, подписываемого государством и органами власти, отвечающими за развитие высшего образования Франции¹⁶. В случае наличия непреодолимых разногласий и невозможности подписа-

Таблица 1.

Реформирование Административного совета университета (АСУ)

Классификационные группы членов АСУ	В соответствии с Законом Савари (%)	В соответствии с законом LRU (чел.)	В соответствии с Законом от 23 июля 2013 г. (чел.)
Преподаватели-исследователи	40-45% от общего числа	8-14	8-16
Внешние эксперты	20-30 % от общего числа	7-8	8
Студенты основных и дополнительных образовательных программ	20-25 % от общего числа	3-5	4-6
Иные сотрудники (административный, технический персонал и т.п.)	10-15%	2-3	4-6
Всего:	30-60	20-30	24-36

14 Code de l'éducation. Article L 712-5.

15 Code de l'éducation. Article L 712-6.

16 Тагирова Ш.В. Политика стратегического управления системой высшего образования: сравнительный анализ западного и российского опыта (на примере Франции, Великобритании и Российской Федерации): дис...канд. пол. наук. М. 2009. 211 с.

ния контракта ежегодно вузу предоставляются только финансовые отчисления, обеспечивающие его функционирование как органа государственной службы в области высшего образования и исследований¹⁷;

- принятие бюджета;
- одобрение соглашения/конвенции/договора, подписанного президентом университета;
- принятие окончательных решений по ряду финансовых вопросов (пожертвования в адрес университета, продажа собственности университета и др.);
- разработка и принятие внутреннего регламента/устава университета;
- утверждение ежегодного отчета о деятельности университета и др.¹⁸

Таким образом, АСУ определяет политику развития университета.

Еще одним важным нововведением является разрешение французским вузам вести преподавание не только на французском языке, но и на иностранном, в случае, если курс читается приглашенным зарубежным профессором. Данная мера направлена на увеличение предложения образовательных программ на английском языке. С момента принятия Закона о высшем образовании и научных исследованиях от 2013 года во французских вузах было запущено более 1000 англоязычным программ.

Наряду с принятием нового Закона, были разработаны две национальные стратегии развития высшего образования Франции: Стратегическая программа научных исследований (франц. *un agenda stratégique de la recherche*) и Национальная стратегия развития высшего образования (франц. *une stratégie nationale de l'enseignement supérieur*), обязательность которых закреплена новым Законом.

Разработка и реализация Стратегической программы научных исследований Франции (далее – СПНИ) находится в ведении Стратегического совета по научным исследованиям, в состав которого входят ведущие эксперты и исследователи, выдающиеся политические и экономические деятели. Основными направлениями СПНИ являются:

- поиск решения социальных проблем Франции;
- реформирование механизма координации научных исследований;
- продвижение технологических исследований;
- развитие информационного образования и информационной структуры;
- усиление развития инноваций и трансфера технологий;
- развитие научной культуры;
- разработка средств программирования приоритетных научных и инновационных областей;
- создание сайтов с когерентной системой памяти;
- усиление конкурентных преимуществ французских исследований на европейском и международном

17 Циркуляр № 98-118 от 22 мая 1998 г. (Circulaire № 98-118 du 22 mai 1998).

18 Code de l'éducation. Article L 712-3.

рынке.¹⁹

Таким образом, новая национальная стратегия развития научных исследований, закрепленная в Законе о высшем образовании и научных исследованиях, позволит, с одной стороны, создать инновационную модель развития научных исследований Франции (в Германии «Стратегия по высоким технологиям 2020»), а с другой – решить основные экономические и социальные проблемы.

В свою очередь, Национальная стратегия развития высшего образования Франции (далее – НСРВО) регулирует развитие французской системы высшего образования. Так же как и Стратегическая программа научных исследований Франции, НСРВО введена новым Законом о высшем образовании и науке и реализуется специальным Комитетом НСРВО. Основными задачами Комитета НСРВО являются: осуществление среднесрочного и долгосрочного планирования развития высшего образования Франции с определением его главных национальных приоритетов на ближайшие 10 лет; разработка государственных программ по достижению заявленных целей, мониторинг реализации НСРВО²⁰.

В результате проводимых реформ было создано Национальное исследовательское агентство (франц. *Agence nationale de la recherche*), деятельность которого направлена на повышение количества исследовательских проектов; учреждены конкурентоспособные полюса образования и научных исследований (франц. *Pôles de recherche et d'enseignement supérieur* – далее *PRES*), позволяющие вузам объединять свои ресурсы и более эффективно вести совместную деятельность; увеличен бюджет Министерства высшего образования и науки Франции; усиlena автономия университетов согласно закону о свободе и ответственности, который позволяет университетам создавать свои собственные фонды для привлечения внебюджетных средств²¹.

Активно стимулируется деятельность по продвижению французского высшего образования за рубежом агентством КампюсФранс (франц. *CampusFrance*) – главной организации по развитию академической мобильности Франции, имеющей широкую сеть представительств по всему миру²². Вузы могут привлекать иностранных граждан на обучение самостоятельно. Многие французские университеты внедряют у себя систему «единого окна поддержки иностранных студентов» (далее – «Единое окно»), а именно оказание всяческого содействия в адаптации и интеграции иностранных граждан, прибывших на обучение, в университетскую жизнь и жизнь французского общества.

19 Conseil stratégique de la recherche. <http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/cid75958/conseil-strategique-de-la-recherche.html>

20 La Stratégie Nationale De L'enseignement Supérieur (Stranes). Официальный сайт Министерства национального образования, высшего образования и науки <http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/>

21 L'accueil en France des étudiants étrangers, 2010. http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/Mobilite_etudiante_fr_06092010.pdf

22 КампюсФранс. Официальный сайт: <http://www.campusfrance.org>

Предоставление необходимой информации по студенческой жизни в вузе, оказание помощи в приобретении медицинской страховки, продлении учебной визы, поиске жилья, во встрече в аэропорту и многое другое. Данный перечень – это всего лишь незначительная часть услуг, предоставляемых «Единым окном» университета. Каждый вуз самостоятельно устанавливает функционал для своего «Единого окна»²³.

Государственная стратегия по привлечению иностранных студентов, на наш взгляд, является эффективной. По данным ЮНЕСКО, Франция занимает третье место в мире по количеству принимаемых иностранных студентов (7% от общего количества). На протяжении последних пяти лет количество иностранных студентов во Франции растет ежегодно (рис. 1).

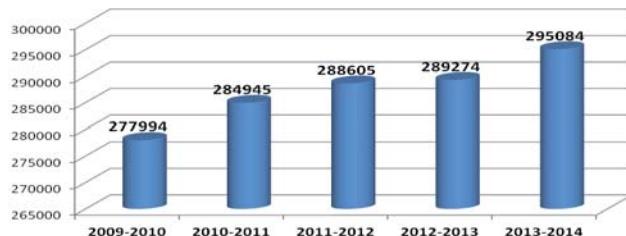

Рис. 1. Количество иностранных студентов во Франции в период с 2009-2010 по 2013-2014 гг.

В 2013-2014 гг. во Франции обучалось 295 084 иностранных граждан по программам третичного образования²⁴, что на 2% больше предыдущего года. Из них 217 926 человек (73,8 %) являются учащимися университетов²⁵. Необходимо отметить, что общее количество студентов в национальных вузах за последние 50 лет возросло более чем в 8 раз. Если в 1960 году число студентов в национальных вузах составляло 31000 человек, то в сентябре 2013 года насчитывало 2422900²⁶. Из них доля иностранных студентов составляет 12,1%, а аспирантов – 41,4%²⁷. 2014 год также ознаменовался ростом общего количества студентов (по сравнению с 2013 годом) на 1,5 % (2466500 чел.)²⁸.

Традиционными странами, из которых во Францию прибывает наибольшее количество иностранных студентов, являются Марокко, Китай, Алжир, Тунис и Сенегал (таблица 2). Количество студентов из этих стран составляет более 50% иностранных студентов Франции в целом.

На протяжении многих лет наиболее крупным контингентом иностранных студентов являются представи-

тели Королевства Марокко. Однако существует высокая вероятность того, что в ближайшие годы студенты из Китая смогут потеснить студентов из Марокко, так как Франция занимает шестое место в мире по приему китайских граждан на обучение и интерес к французскому высшему образованию среди китайских студентов растет. В целом, географический разброс иностранных студентов Франции выглядит следующим образом: 43% – представители Африки, 26% – Европы, 19% – Азии, 8% – Америки и 4% – Ближнего Востока²⁹.

Таблица 2.
 Страны, из которых во Францию прибыло наибольшее количество иностранных студентов, 2012-2014 гг.

Страна	Количество студентов в 2012-2013 гг.	Количество студентов в 2013-2014 гг.	Изменения 2012 и 2013 гг., %
Марокко	32484	33899	5,6
Китай	29696	30176	0,6
Алжир	23735	21935	-3,4
Тунис	12976	11869	-0,3
Сенегал	9555	8919	-0,8
Германия	8800	8978	2,3
Италия	7954	9322	10,4
Камерун	7483	7279	-1,6
Вьетнам	6115	6235	-1,0
Испания	5740	6363	7,7
Россия	4936	5101	2,3
Ливан	4935	4607	1,0
Румыния	4819	4572	0,9
Бразилия	4672	5148	4,2
США	4449	4909	4,4
Кот-д-Ивуар	4331	5051	12,4
Габон	4292	4 201	2,6
Португалия	3825	4134	5,7

Источник: КампусФранс

Высшее образование Франции всегда отличало высокое качество. Проводимые в настоящее время реформы направлены не только на сохранение имеющегося потенциала сектора, но прежде всего на его дальнейшее развитие в соответствии с вызовами 21 века в условиях жесткой конкурентной борьбы на международном образовательном рынке. Несмотря на то, что мнение французских экспертов относительно эффективности реформ системы высшего образования, проводимых Правительством Франции, разделилось, бесспорным остается тот факт, что более эффективная национальная система высшего образования будет оказывать непосредственное влияние на экономическое развитие страны посредством внедрения инновационных технологий. Вот почему расходы на национальное образование являются главным приоритетом страны и самой крупной статьей расходов государственного бюджета Франции. Сегодня, как никогда ранее, Министерство

23 Accueil des étudiants étrangers en France.

<http://www.france.fr/etudier-en-france/accueil-des-etudiants-etrangers-en-france.html>

24 L'essentiel des chiffres clés № 9, Septembre 2014. CampusFrance.

http://ressources.campusfrance.org/publi_institu/etude_prospect/chiffres_cles/fr/chiffres_cles_n9_essentiel.pdf

25 Там же.

26 La Stratégie Nationale De L'enseignement Supérieur (Stranes). Rapport d'étape du Comité StraNES http://www.sup-recherche.org/images/pdf_divers/Rapport_etape_StraNES_8_juillet_-_17h04_339053.pdf

27 Там же.

28 Официальный сайт Министерства национального образования, высшего образования и науки. <http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/>

29 Au-delà de l'influence: l'apport économique des étudiants étrangers en France. http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/Apport_Economique_des_Etudiants_etrangers_-_Campus_France_Version_Finale_cle0fd785.pdf

национального образования, высшего образования и науки Франции говорит о долгосрочных эффектах вложенных инвестиций в образование, которые позитивно отразятся на развитии экономики, общества, окружающей среды, культуры Франции.

Проводимые реформы направлены на повышение уровня привлекательности французского образования для иностранных студентов не только в части отдельных всемирно признанных французских университетов, но в целом системы высшего образования, ее эффективности, прозрачности и доступности. Закон об образовании, принятый 22 июля 2013 года, является важным шагом на этом пути: направлен на решение основных проблем студентов, дает новый стимул в поиске решения социальных проблем Франции, оптимизируя внутреннюю систему управления вузов, повышает

прозрачность внешних и внутренних административных процедур. Кроме того, новый Закон инициировал разработку Национальной стратегии развития высшего образования каждые пять лет с определением национальных приоритетов на ближайшие 10 лет, а также механизмы их достижения. Никогда ранее такого документа Правительством Франции не принималось. Национальная стратегия развития высшего образования совместно с Национальной стратегией научного развития направлены на улучшение доступа к высшему образованию граждан, на усиление интеграции между вузами и предприятиями для повышения профессиональной подготовки студентов с целью предоставления им конкурентоспособных знаний и компетенций, отвечающих современным требованиям рынка труда.

Библиографический список

1. Циркуляр № 98-118 от 22 мая 1998 г.
2. Тагирова Ш.В. Политика стратегического управления системой высшего образования: сравнительный анализ западного и российского опыта: на примере Франции, Великобритании и Российской Федерации : дисс... кандид.полит. наук: 23.00.02 / Тагирова Шивлета Викторовна. Москва, 2009. 211 с.
3. Министерство национального образования, высшего образования и науки. Официальный сайт: <http://www.enseignement-sup-recherche.gouv.fr/>
4. КампусФранс. Официальный сайт: <http://www.campusfrance.org>

References

1. The circular № 98-118 of May 22, 1998.
 2. Tagirova Sh. V. Policy of strategic system management of the higher education: comparative analysis of the western and Russian experience: on the example of France, Great Britain and the Russian Federation: thesis... candidate of political sciences: 23.00.02 / Tagirova Shivleta Viktorovna. Moscow, 2009. 211 p.
 3. Ministry of national education, higher education and science. Official site: <http://www.enseignement-sup-recherche.gouv.fr>
 4. <http://www.campusfrance.org>
-
-

О.М. ТАМБОВСКИЙ

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра
документоведения и педагогического образования,
Орловский государственный университет
E-mail:tom-got@mail.ru

O.M. TAMBOVSKIY

*Candidate of Pedagogics, Department of Documentation
and Pedagogical Education, Orel State University*
E-mail:tom-got@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РФ

SOME AREAS OF RUSSIAN NATIONAL SCHOOL IN THE MODERN EDUCATIONAL AND LEGAL SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье анализируются идеи русской национальной школы и основные направления ее развития. Рассматриваются основные компоненты содержания образования, а также система воспитания в русской национальной школе. Особое внимание уделяется состоянию современной школы в контексте становления российского национального самосознания, намечаются пути развития русской школы начала XXI века.

***Ключевые слова:** русская национальная школа, ментальность, социокультурная идентификация, интернациональное воспитание, образовательно-правовое пространство.*

The article analyzes the ideas of Russian national school and the main directions of its development. The main components of the curriculum, as well as the system of education in the Russian national school are considered. Particular attention is paid to the modern school in the context of the formation of Russian national identity. The ways of the development of Russian schools beginning of the XXI century are foreshadowed.

***Keywords:** Russian national school, mentality, socio-cultural identity, international education, educational and legal space.*

Основу содержания деятельности существующих в наши дни национальных школ составляет фундаментальная идея, предполагающая формирование личности ребенка родной культурой и в родной культуре. Содержание работы современной русской школы определяют в настоящее время два основных научных направления. Первое составляют труды “основоположника” этнопедагогики Г.Н. Волкова и его учеников. Второе направление образовано благодаря учениям И.Ф. Гончарова и Е.П. Белозерцева. Представители первого направления сделали акцент на усвоении учащимися народной культуры и ее составной части – народной педагогики. В учебные планы классов таких школ введены дисциплины: родная литература, правоведение, народная педагогика, родной язык, история и краеведение, этнография родного народа, народные игры, национальное музыкальное искусство с элементами народной хореографии, прикладное искусство (вышивка, резьба по дереву). Этнопедагогическим содержанием насыщено большинство общеобразовательных и специальных дисциплин. Подобный подход к составлению учебных предметов, по данным исследований, обеспечивает глубокие знания этнической культуры.

Стержневой идеей второго направления (И.Ф. Гончаров, Е.П. Белозерцев) является познание России и русского человека через православие, национальную культуру и историю.

Отличия приведенных направлений обусловлены разными задачами, стоящими перед исследователями, и несходством методологических оснований. Практика деятельности национальных школ убеждает в необходимости синтеза этнопедагогического и культурологического подходов. Национальное самосознание наиболее активно развивается в процессе приобщения к народному искусству, философии, религии, педагогике, медицине, традициям, знакомству с бытом, нравами, обычаями народа. Гармоничное мировоззрение личности, предполагающее слияние общечеловеческих, национальных и этнических ценностей обеспечивается единством освоения национальной и мировой культуры на основе овладения ценностями народной культуры. Несмотря на разницу в подходах, нами были замечены основные признаки, характеризующие данный тип школы: масштабно и глубоко усиливается русская направленность учебного плана, всего содержания воспитания и образования. Познание России, ее истории, языков, народностей, мотивированное, разностороннее и основательное формирование русского подрастающего поколения определяются постижением на всех уроках таких идей, как дух русского народа, особенности русской нации, ее место в мировой истории, ее будущее слово.

Фундаментом русской душевности, нравственности и духовности является мир ценностей, богатая “духовная пища”, просвещенность как ведущая грань очелоп-

вечивания и послешкольного профессионализма. В русской школе реализуется принцип пансофии, позволяющий панорамно, эпически, всесторонне открывать мир, осваивать его.

Обучение и воспитание в начальных классах призвано сформировать интерес к народной культуре, дать представление о важнейших жанрах народного искусства, познакомить с произведениями детского фольклора, обратить внимание на их нравственный, воспитательный смысл, обучить первоначальным исполнительским навыкам, дать элементарные сведения об основных направлениях прикладного искусства. Насыщенная программа начального обучения не позволяет вводить значительное число новых дисциплин. Основные сведения в области народной культуры вводятся на уроках по базовым предметам и в процессе внеклассной работы, что было свойственно русской начальной школе конца XIX-начала XX вв. В рамках вариативной части учебного плана рекомендуется введение учебного предмета “русский фольклор”.

В средних классах основное внимание направлено на формирование представления о своей национальной принадлежности. Для этого углубляется знакомство с произведениями народной культуры, осваиваются народные игры и виды спорта, даются сведения о народных традициях, обычаях, обрядах, изучаются важнейшие исторические события, определяющие судьбу народа, происходит знакомство с жизнью и подвигами национальных героев.

Это предполагается делать в рамках учебной и внеучебной деятельности. В учебной работе идет использование различных интегрированных курсов: “Почитание родителей” (с курсом граждановедения), “Природные святыни России” (с курсом географии). Возможно применение других предметов в рамках вариативной части учебного плана.

Национальный компонент содержания образования в старших классах ориентирован на формирование национальной гордости и достоинства русского народа в среде национального социума РФ. Для этого глубоко изучается история родного края и всего народа, его философия, культура, народный этикет. Рассматривается значение, место национальной и народной культуры в мировой культуре, анализируются связи и отношения с другими нациями, народами, государствами. В учебной и внеклассной работе формируются навыки в различных сферах традиционной деятельности русских людей: промыслах, народных видах спорта, забавах, развлечениях, обусловленных региональными особенностями, интересами и наклонностями учащихся [1, С.10]. Эффективность освоения народной культуры предполагает использование во внеучебной деятельности старшеклассников традиционных форм проведения досуга, русской молодежной игры, посиделки, гадания, исполнение народных танцев, песен и других жанров фольклора.

Первым опытом возрождения русской школы явилась школа, созданная И.Ф. Гончаровым в С.-Петербурге. В школе имеются обязательные предметы

по выбору, факультативы, которых ранее не было в истории русского просвещения. По мнению Гончарова, приобщать к ним учащихся могут лишь учителя ярко выраженной национальной направленности, одержимые познавательным поиском и склонные к педагогическим новациям.

Учебный план устанавливает состав школьных предметов и является основой для разработки программ.

Все предметы рассчитаны на профессионально экипированного и одаренного педагогическим призванием учителя и на любознательных, пытливых, умных учеников. Учителю предоставлена максимальная возможность экспериментировать, искать, творить.

Формирование русского мироощущения и русского самосознания начинается с творческого освоения родного языка. В русской школе дети изучают родной язык в российском аспекте: русскость родного языка; искусство русского слова, его изобразительная сила; отражение национальной культуры; связь с европейскими языками.

Важно открыть подрастающему поколению связь родного языка с историей и специфическим мышлением русского народа, с образно-природной стихией его бытия, национальным характером, а также показать уникальность, слабости и болезни языка.

Следующий момент деятельности школы, как было нами выяснено в исследовании, – курс «История России». Это, прежде всего, курс исторических символов России и русского человека. Ценно историософское освещение курса, дающее понятие о национальном пути, духовном своеобразии России и русского человека, о типах национальных деятелей. В курсе истории нужно «читать» людей, ярко рисовать персоны. Принцип персонификации истории должен найти прописку в школе. Здесь же учитываются элементы теории этногенеза, истории русского этноса: как мы начинались, как шли, куда пришли. Речь идет об истории русской души, о том, как она шлифовалась, какой была и какой стала сегодня. При этом важно вдохнуть веру в школьников, то есть показать, что из фазы надлома мы должны войти в духовный мир, в котором жили наши предки в лучшие периоды России.

Русская духовность являла собой массу примеров и межнациональной духовности: проявление высочайшей человечности к людям других стран во время войн, взаимопомощь и братство независимо от состава крови, патриотизм и гуманный коллективизм.

Русская духовность не может быть восстановлена и развита без опоры на религию. В школе Гончарова через курс «Православие в России: история и современность», как было нами замечено, констатируется, что религия наряду с другими факторами очеловечивания направлена на развитие индивидуума его духовного ядра. Непревзойденная сила религии – в утверждении приоритета духовного начала. Но сама по себе религия в современном мире не в состоянии гарантировать нравственную культуру поведения, обеспечить духовное совершенствование человека. Поэтому в курсе отмеча-

ется, что религиозное знание не должно быть отвлеченным от практической жизни учащихся, оторванным от их практических дел.

За религией следует цикл «Русская культура». Здесь представлены преимущественно новые предметы: «Классические произведения и классики русской литературы», «Русский фольклор», «Русская этнография», «Святыни России», «Русское прикладное искусство».

Задачами приобщения учащихся к русской культуре являются: развитие интереса к постижению культуры и оказание помощи в обретении самостоятельного познания.

В русской школе на уроках литературы ученик должен стать, в первую очередь, суверенной личностью, идущей к писателю собственным путем, развивающей свою духовно-литературную самобытность.

Здесь важен учебный предмет «Вклад России в мировую культуру». Для восстановления чувства национального достоинства у ныне растерявшегося подрастающего поколения есть потребность в том, чтобы показать, что Россия дала миру.

Определенный интерес представляет предмет «История русской души».

Выйти школьникам из сегодняшнего оцепенения, растерянности, безверия могут помочь исторически выработанные лучшие черты национального характера. Прозорливый честный анализ качеств русской личности покажет, что мы генетически несем в себе спектр прекрасных самобытных качеств.

Лучшие национальные качества русского народа (доброта, духовность, широта натуры, терпение, сверхнапряжение в труде, религиозность, соборность) – это питательная почва для нравственного чувства подрастающего поколения и сегодняшнего взрослого общества, путь обретения специфических свойств национальной русской духовности.

Уникальным для русской школы является предмет «Светочи России» (или «Русский национальный пантеон»): знание в персонах высших проявлений духа народа лежит в потребности каждого нового молодого поколения. Сложен отбор персонажей русской истории, достойных тщательного изучения в школе. Общий критерий, по которому идет отбор, – соответствие деятельности личности прогрессивным тенденциям развития, пользе и благу России, стремление изменить жизнь к лучшему и достижение этой цели нравственными средствами. Это люди наиболее добродетельные, принесшие наибольшую пользу.

Как отмечает И.Ф. Гончаров, в русской школе учителю и ученику предстоит совместно пройти путь освоения русской культуры и истории, направленный на возрождение отечественного образования в частности и страны в целом.

Положения Ушинского о том, что школа должна готовить ребенка к жизни, творческой и полнокровной, а образование и воспитание в ней призваны вводить человека в жизнь родной страны, и нашли отражение в этой системе [2, С. 9].

В концепции русской школы педагоги исходили из того, что не следует восстанавливать и идеализировать прошлое, а, как понимал Ушинский, нужно развивать у школьников лучшие душевые качества, присущие русскому народу. Обращение к духовности, возрождение и воссоздание ее, возможности нравственного роста учащихся – таковы основные задачи русской школы.

Управление школой осуществляется на основе педагогических отечественных традиций и современной теории воспитания и образования, принципов гласности, демократии и самоуправления.

Школа закладывает основы для развития научного, нравственного и духовного потенциала школьника. Она формирует необходимые качества его поведения, создает базу для самостоятельного творческого подхода при овладении элементами приобщения к культуре, духовным ценностям.

Образование в русской школе опирается на глубинные духовные основы русского самосознания – идеи:

- единения и согласия, слаженности, гармонии народного бытия, основанного на духовных началах;
- великой Русской земли;
- исторического долга и преемственности поколений: служение отеческой вере, государству, народу;
- семьи как частицы рода, в которой сливаются мысли и чувства о народе, долге, верности, духовной крепости и чистоте человеческих помыслов;
- духовного служения, природного стремления к истине;
- православия, соборности, сострадания, жертвенности, служения высшим ценностям;
- святости и почитания подвижников русской земли и жизнетворчества ее народов;
- всечеловечности, всемирной отзывчивости.

Главная из задач при создании русской школы определена на все годы ее существования – воспитание у учеников качеств, присущих великому русскому народу. Знание России, ее истории и культуры, особенностей русского народа, его этноса и фольклора – основа школьного образования. Этим задачам отвечают три предмета: русский язык, российская история и отечественная литература. В школе предусмотрен расширенный объем языкового образования и воспитания, отношение к родному языку как феномену человеческой культуры.

Языковая личность, чувство слова формируются в школе при изучении произведений отечественной литературы (классики, устного народного творчества). В программу изучения вносятся элементы историзма.

Отечественная история как предмет изучения в русской школе играет главную роль среди гуманитарных дисциплин. Она проникнута любовью и бережным отношением к прошлому своего Отечества, гордостью за свой народ.

Как свидетельствует действительность, забвение национальной культуры, лучших черт своего народа активизирует стремление к массовой культуре, приводит к утрате национального самосознания, появлению негативных качеств.

Учитывая, что многими современными родителями в силу социально-исторических обстоятельств утрачены важные в жизни знания и умения в области народной культуры, развитие национальных черт целесообразно начинать с этнокультурной направленностью воспитания и образования.

Этот процесс в условиях существующего российского образовательного культурологического пространства развивается в конце 90-х годов в нескольких направлениях. Это и создание системы национальных школ в городах (русские, украинские, греческие, еврейские – г. Москва), и корректировки учебных планов и программ с учетом этнокультурной специфики, и введение в систему внеклассной и внешкольной работы системы кружков и факультативов народной направленности.

Ростки национальной культуры проявляются по-

разному. Одно из направлений – возрождение народных культурных традиций с ориентацией на художественное просвещение и эстетическое воспитание. Задача комплексного применения произведений народного искусства для воспитания учащихся сельских школ не ограничивается овладением определенным комплексом знаний. Речь идет о формировании духовного мира, эмоциональной сферы, интересов, а также об овладении системой практических действий с произведениями народного искусства.

Возрождение русской культуры не ограничивается стенами школы. В программу родительских собраний включены проблемы традиций русской семьи по воспитанию детей, приобщению их к труду, формированию нравственных привычек.

Библиографический список

1. Гончаров И.Ф. Новый экспериментальный учебный план русской школы. С.Петербург, 1992. 21 с.
2. Лихачев Б.Т. Философия воспитания. Специальный курс. М.: Прометей, 2005. 281 с.

References

1. Goncharov I.F. New experimental curriculum of the Russian school. St. Petersburg, 1992. 21 p.
2. Likhachev B.T. The philosophy of education. Special course. M.: Prometei, 2005. 281 p.

О.Ф. ТУРЯНСКАЯ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра общей педагогики, Орловский государственный университет

O.F. TURYANSKAYA

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of General pedagogy, Orel State University

МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ

THE MODEL OF THE PUPIL'S PERSONALITY AS A THEORETICAL BASIS OF THE APPLICATION OF SYSTEMATIC-ACTIVITY APPROACH TO TEACHING

В статье на основе анализа философской и психолого-педагогической литературы раскрывается сущность и структура научной категории «личность». Автором охарактеризованы виды интеллекта, эмоционально-ценостных отношений, образов «Я-концепции» личности как элементы единой системы. В связи с этим определено, что процесс актуализации и развития интеллектуальных, эмоциональных и волевых способностей личности возможен только в процессе организации учителем определенных, соответствующих видов учебной деятельности. В статье обосновывается, что именно через организацию адекватных способностям учащихся видов учебной деятельности реализуется системно-деятельностный подход к обучению.

Ключевые слова: личность, структура личности, виды интеллекта личности, виды эмоционально-ценостных отношений, виды учебной деятельности.

On the basis of analysis of the philosophical, psychological and pedagogical literature the meaning and the structure of the scientific category of “personality” is revealed. The author described the types of intelligence, emotional and value attitudes, images of “self-concept” personality, as elements of a unified system. In this regard, it is determined that the process of updating and development of intellectual, emotional and volitional abilities of the individual is only possible in the organization of teacher-defined, relevant learning activities. It is grounded that it is through the provision of forms of learning activities adequate to students' abilities the system-activity approach to teaching is implemented.

Keywords: personality, personality structure, types of intelligence of a person, types of emotional and value relationships, forms of learning activities.

Федеральный государственный образовательный стандарт ориентирует учителя на то, чтобы средствами учебно-воспитательного процесса обеспечить «становление личностных характеристик выпускника», т. е. на обеспечение целостного процесса становления и развития личности в обучении. Решение этой задачи неотъемлемо связано с самоопределением каждого учителя относительно следующих теоретически важных вопросов: Какое понимание категории «личность» может стать теоретической основой построения процесса обучения? Какие структурные компоненты личности могут быть актуализированы и развиты средствами целенаправленно организованной учебной деятельности школьников? В тексте федерального государственного стандарта указывается, что системно-деятельностный подход к обучению направлен на «организацию активной учебно-познавательной деятельности учащихся». В связи с этим считаем необходимым определиться с ответом на вопрос – какие же виды учебной деятельности школьников являются условием и механизмом их личностного развития в обучении и можно ли ограничиться организацией только «учебно-познавательной деятельности», указанной в государственном документе?

Признавая тот факт, что в философской и психологической литературе существует более 70 определений личности и более 25 определений её структуры, мы попытались направить собственные усилия на то, чтобы путём сравнительного анализа выявить среди них те, которые станут теоретической основой реализации системно-деятельностного подхода к обучению.

В психологическом словаре даётся следующее определение категории «личность» – «это феномен общественного развития, конкретный человек, который имеет сознание и самосознание. Личность – саморегулирующаяся динамическая функциональная система непрерывно взаимодействующая между собой свойств, отношений и действий, которые складываются в процесс онтогенеза человека» [12]. Очевидно, что такое определение личности нуждается в том, что бы раскрыть будущему учителю содержание указанных существенных «свойств», «отношений» и «действий», характер их взаимосвязи.

Наше понимание структурного строения личности, её существенных признаков базируется на системном подходе к её определению как естественному единству эмоциональной, умственной (интеллектуальной) и во-

левой (поведенческой) сфер человек [3; 4; 5; 11].

Интеллектуальная сфера личности традиционно определяется как стабильный признак личности, которая развивается во взаимодействии собственной наследственности и окружающей среды [3; 5; 9; 11]. Альтернативная точка зрения определяет интеллект как *способности*, которые развиваются. Эта позиция не исключает взаимодействие генетических факторов и факторов окружающей среды, но связывает наличие интеллекта с будущими достижениями личности (Р. Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др) [10].

Так, по Р. Стернбергу, интеллект характеризуется наличием у человека *метакомпонента* мышления, который состоит из следующих интеллектуальных действий: распознавание проблемы, определение проблемы, формулирование стратегии мышления, поиск информации, представление её, распределение ресурсов, контроль решения проблемы и её оценка. Следовательно, интеллект, о котором идёт речь, – это *форма опыта*, который приобретается, а интеллектуальная сфера личности, по мнению американских психологов (Р. Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др), представлена теми или иными *способностями человека к успешной деятельности* [10]. При этом, способность к успешной самореализации в том или ином виде деятельности характеризует человека как имеющего тот или иной вид интеллекта [10]. Человек достигает успеха, познавая, как следует пользоваться личными моделями силы и слабости, которые связаны с конкретными видами интеллекта.

Опираясь на позицию Р. Стернберга и др. американских психологов, выделим следующие виды интеллекта, которые актуализируются и развиваются в процессе соответствующих видов деятельности:

Аналитический интеллект – интеллектуальные способности, которые обуславливают критическое мышление: анализ, оценку, решение познавательной задачи; обеспечивают успех в восприятии и осознании новой информации, в ее усвоении, обобщении, систематизации и дальнейшем использовании, т.е. в познавательной деятельности.

Практический интеллект – это интеллектуальные способности, которые проявляются как инструментальные идеи, которые необходимы, когда интеллект действует в контексте реального мира. Это те способности, которые люди проявляют во время решения практических задач, достижения конкретных практических целей, т. е. в ходе практической деятельности.

Креативный интеллект – это творчески-поисковые способности, которые обеспечивают человеку успешный выход за границы существующего опыта с целью отыскать новые интересные идеи, создать нечто принципиально новое, что и составляет продукт этого (творчески-поискового) вида интеллектуальной деятельности [10].

Эмоциональный интеллект – способность человека осознавать смысл эмоций и использовать эти знания, чтобы определять причины возникновения проблем и

решать эти проблемы (Mayer, Salovey, 1997).

Социальный интеллект – способность человека понимать других или поступать мудро по отношению к другим людям (Thorndike, 1920). Решать задачи, связанные с общением, налаживанием отношений с другими людьми и этим путем – через общение и контакты с другими людьми решать возникающие проблемы [10].

Для педагогической практики значимым является вывод Р. Стернберга о том, что учащиеся, которым в обучении были созданы условия, соответствующие их способностям, превосходили по результатам обучения тех учащихся, которым эти условия обучения не подходили. То есть, если способ обучения учащихся соответствует стилю их мышления, виду их интеллекта, то они достигают лучших результатов во время учебы в школе. Так, эксперимент показал, что если учащиеся с творческими и практическими способностями не имеют возможности учиться в условиях, адекватных моделям их мышления, то испытывают значительные трудности в обучении. Р. Стернберг утверждает, что условием эффективного обучения в школе является соответствие процесса обучения модели мышления личности учащегося [10].

В связи с вышесказанным можно сделать следующие выводы.

Во-первых, условием успеха в обучении является *опора на те способности*, модели которых в виде определенных видов интеллекта проявлены личностью. Учащиеся должны осознать наличие конкретных интеллектуальных способностей, осознать, какой вид интеллекта составляет их интеллектуальную силу и научиться компенсировать за ее счет свои слабые стороны. Таким образом, требуется такое построение учебного процесса, которое обеспечит актуализацию и *системное* развитие различных видов интеллекта личности: академического, практического, креативного, социального и эмоционального. Системный подход к построению обучения обусловлен тем, что в реальной жизни различные виды интеллекта функционируют как единая система, во взаимосвязи.

Во-вторых, узнать о своих способностях (о ведущем виде своего интеллекта) учащийся может только в процессе включения в различные виды учебной деятельности, каждый из которых является механизмом развития определенного вида интеллекта. Условием успешного обучения является включение учащегося в тот вид деятельности, который соответствует стилю его мышления, т.е. ведущему виду его интеллекта.

В-третьих, системное включение в различные виды учебной деятельности не только обеспечивает свободное овладение учащимися умственными навыками, но и развитие связанных с ними механизмов рефлексии, самосознания, самооценки и самоопределения, предоставляет возможность искать ответы на вопросы: «Кто Я?», «Какой Я?». Другими словами, получать представление о собственных способностях и соответствующих им образах «Я», и на этой основе переживать (или нет) самоуважение [2; 10].

Эмоциональная сфера личности представлена эмоциональными переживаниями, чувствами, стремлениями, интересами, которые актуализируются в обучении через механизм личностного эмоционально-ценостного отношения к действительности, к себе, к другим, к миру вообще. По мнению Б. Братуся, В. Мясищева, С. Рубинштейна, личность проявляется в системе собственных эмоционально-ценостных отношений, именно они складываются в её «ядро». Содержанием эмоционально-ценостного отношения является *переживание и осознание* общего блага как личностной ценности [5; 9; 11].

Система эмоционально-ценостных отношений личности, которая актуализируется и развивается в обучении, включает в себя: *познавательное отношение* (стремление к истине), *практическое* (стремление к действию), *творческо-поисковое* (стремление к творчеству, к поиску решения проблем, к преодолению затруднений), *нравственное* (переживание моральных ценностей), *эстетическое* (переживание эстетических ценностей), *межличностное* (ценостное отношение к людям, к процессу взаимодействия с ними). Системный подход к актуализации и развитию всех перечисленных эмоционально-ценостных отношений к действительности обеспечивает гармоничное развитие личности в целом [4; 6; 8; 11].

Психологическая наука основным механизмом развития эмоциональной сферы личности определяет процесс *переживания* эмоционально-ценостных отношений и их осознание [4; 6; 8; 11]. Осознанное переживание объективного блага как личностной ценности ориентирует человека в мире духовных и жизненных ценностей, позволяет ему делать сознательный нравственный выбор [9; 11]. В поисках способов актуализации и развития духовных потребностей учащихся на уроках мы опираемся на взгляды С. Рубинштейна, который определил интерес как стойкое позитивное эмоциональное отношение личности к объекту [11].

Теоретическое значение для нашего исследования имеет мысль Е. П. Ильина, который выделял два вида интересов: ситуативные интересы-отношения, которые возникают в определённых ситуациях как отношение субъектов к объектам, и интересы-качества как характерные черты личности. Постепенно систематическое переживание ситуативного интереса превращается в личностную потребность человека. То есть, определённые ситуативные эмоциональные переживания сами превращаются в потребность, приобретают самоценность для человека, он начинает их предчувствовать, стремиться к их переживанию [6]. Формируется потребность в определенных эмоционально-ценостных отношениях к действительности, стремление человека испытывать эти отношения.

Опираясь на данные психологической науки, приходим к выводу, что именно регулярное ситуативное удовлетворение потребности создаёт механизм превращения *ситуативного интереса* (ситуативное эмоционально-ценостное отношение) к объекту (ин-

формация или деятельность) в *интерес-качество* (личностное эмоционально-ценостное отношение-качество). При этом позитивно эмоционально окрашенными становятся не только результаты деятельности, но и сам её процесс. В противоположном случае, из-за отсутствия позитивных переживаний в процессе деятельности интерес затухает [6]. Когда средствами адекватной деятельности определенный вид интеллекта эффективно развивается и успешно проявляется [10], это вызывает к процессу деятельности позитивное, эмоционально-ценостное отношение.

Волевую сферу личности характеризует то, как человек ведет себя в процессе деятельности (готовность к труду, к усилиям, сформированность и осознанность мотивов, понимание целей, использование средств и способов действия), [1; 6; 7; 11.].

По утверждению психологов, основанием выбора человеком действий или поступков являются мотивы. О значении мотивов для процесса становления личности писал еще А. Леонтьев, подчеркивая, что главной проблемой развития личности является вопрос о том, как мотивы превращаются в такую устойчивую черту личности, которая её характеризует [7]. С. Рубинштейн тоже утверждал, что мотивы, которые укрепились, становятся качествами личности [1]. Вместе с тем, Е. Ильин в своей книге «Мотивация и мотивы» [6] отмечает, что для развития личности особое значение имеют не только ее мотивы, но и способы их формирования. Он пишет: «Чаще качествами личности становятся способы формирования мотивов, которые закрепляются в ее поведении или деятельности» [6].

Среди таких способов он определяет «внешние – экстернальные», обусловленные внешним воздействием, условиями, обстоятельствами, и «внутренние – интернальные», обусловленные личными потребностями, установками, интересами, желаниями. В связи с этим психолог отмечает, что извне организованная мотивация, которую создают средствами внешних обстоятельств, условий, ситуаций, приобретает значение лишь тогда, когда становится значимой для человека, для удовлетворения его потребностей, желаний. В связи с этим, внешние факторы должны в процессе мотивации трансформироваться во внутренние [6]. Поэтому проблема механизмов преобразования ситуативных, внешних мотивов во *внутренние качества личности* является для организации учебно-воспитательного процесса ведущей. Следовательно, чтобы учащиеся осознали и пережили ценностное отношение к учебной деятельности, нужны соответствующие условия ее организации, которые бы позволяли переводить внешние мотивы учения во внутренние.

По утверждению К. Абульхановой-Славской, к этим условиям относится *оптимальная организация учебной деятельности* учащихся. Под «оптимальной организацией» автор понимает «степень соответствия задач деятельности с возможностями субъекта (тяжесть, пропорциональность, своевременность ...))» [1]. Именно эта *мера соответствия* выступает критерием качества

осуществления деятельности. По утверждению психолога, если результаты учебной деятельности являются недостаточно высокими, это свидетельствует о том, что задачи деятельности недостаточно согласованы с возможностями и способностями учащихся [там же]. Показателем хорошей организации деятельности является ее *продуктивность*. Продуктивность деятельности важна потому, что, по мнению автора, именно продуктивность труда способствует развитию и совершенствованию личности [1]. При *оптимальной организации* деятельности, когда возможности учащихся соответствуют цели деятельности, а условия организации способствуют получению положительных результатов без лишних усилий, происходит повышение психической личностной активности учащихся [1].

Абульханова-Славская отмечает, если организация деятельности слабая, то повышается ее психологическая «цена», то есть деятельность, которая не соответствует индивидуальным способностям личности, ее мотивам, ценностям, превышает уровень его возможностей, приводит к отказу от деятельности, срывам личности, ее психологическому травмированию. Именно такую «цену» платит растущая личность за непосильную деятельность [1]. Таким образом, если мы обеспечиваем продуктивность, эффективность деятельности, то обеспечиваем *положительное отношение* к ней со стороны учащихся.

Итак, опираясь на психологическую науку, можно сделать вывод, что именно продуктивность в учебной или профессиональной деятельности обеспечивает, с одной стороны, положительное отношение к деятельности как таковой, *переживание ее ценности, ее личностного смысла*, а с другой – чувство самоуважения. А это ощущение, в свою очередь, позволяет быстрее восстанавливать силы, получать энергию для дальнейших усилий и имеет принципиальное значение для дальнейшего развития личности, поддержания ее положительной «Я-концепции».

При этом психологи утверждают, что все вышеуказанные сферы человеческой природы – *эмоциональная, интеллектуальная, волевая* – только тогда проявляются как структурные элементы личности, когда носят «прояктивный» характер (С. Кови). А именно в том случае, когда их объединяет, пронизывает и связывает *самосознание*, направленное на свободное, ответственное, сознательное определение человеком своего собственного «образа Я», «образа-себя-в бытии» [2].

В психологической науке существует много теорий, связанных с определением категории «Я-концепция» как формы проявления *самосознания*, как определенного результата процессов самопознания.

Так, в словаре практического психолога «Я-концепция» определяется как относительно устойчивая, более или менее осознанная система представлений индивида о самом себе. На основе этих представлений индивид строит взаимодействие с другими людьми и переживает отношение к самому себе. В этих представлениях определяется содержание идентичности

личности, которое включает следующие компоненты: 1) *когнитивный*, состоящий из образов собственных качеств, способностей, внешности, возможностей, значимости; 2) *эмоциональный*, состоящий из чувств или самоуважения, или самоуничтожения; 3) *волевой*, состоящий из стремления (мотивов) повысить самооценку, получить уважение [12]. Как видим, «Я-концепция» является определенным психологическим новообразованием, которое интегрирует жизненный опыт ребенка. «Я-концепция» объединяет все остальные сферы личности (интеллектуальную, эмоциональную, волевую) и отражает еще один механизм развития личности – его *самосознание*. Многочисленные исследования недостаточной школьной успеваемости дают возможность предположить наличие тесной связи между отрицательной «Я-концепцией» и недостаточной реализацией собственных потенциальных возможностей учащихся [2]. Например, западные психологи сделали вывод о том, что образ «Я – неудачник» тормозит процесс развития учащегося в обучении [2].

Интересен подход к процессам самоосознания как к особому виду «рефлексивной деятельности учащихся в процессе учения», который включает в себя несколько «этапов». Эти этапы представляют собой структуру рефлексивной деятельности и складываются из процессов самоанализа, самооценки, самопроектирования, самореализации [13].

Для реализации в педагогической практике системно-деятельностного подхода учителю необходимо осознавать вывод психологической науки о том, что вышеперечисленные интеллектуальные способности личности проявляются в деятельности, обеспечивают ее успешность. При этом каждый вид интеллекта в качестве механизма своего развития имеет соответствующий ему (адекватный) способ деятельности.

В связи с вышесказанным считаем необходимым определить те виды деятельности учащихся, которые, с одной стороны, имеют место в учебном процессе, а с другой стороны, являются механизмами развития различных видов интеллекта личности. К видам учебной деятельности, которые имеют место в учебном процессе, мы относим: 1) репродуктивно-познавательную; 2) репродуктивно-практическую; 3) творчески-поисковую (к创ативную); 4) эмоционально-ценостную (оценочную), 5) коммуникативную (интерактивную).

Именно системное включение учащихся в различные виды учебной деятельности будет характеризовать процесс обучения, направленный на развитие личности и реализацию системно-деятельностного подхода.

Учитывая вышесказанное, предлагаем модель психологических качеств личности учащегося, осознание которой позволит учителю целенаправленно реализовывать системно-деятельностный подход к построению обучения и тем самым обеспечит включение школьников во все необходимые механизмы развития личности (деятельность, общение, переживание эмоционально-ценостных отношений, самосознание). Представим эту модель в форме таблицы (см. Таблица 1.)

Таблица 1.

Ориентировочная модель личности школьника и способы ее развития в обучении

Система психологических качеств личности					Соответствующий механизм развития
Интеллектуальные способности	Эмоциональные способности	Волевые способности	Самосознание «Я-концепция»	Виды учебной деятельности	
Академический интеллект	Познавательное эмоционально-ценностное отношение	Готовность к выполнению познавательных задач (мотив)	Образ «Я – знаток», «Я – знаю»	репродуктивно-познавательная	
Практический интеллект	Практическое эмоционально-ценностное отношение	Готовность к выполнению практических задач (мотив)	Образ «Я – умелый» «Я – умею»	репродуктивно-практическая	
Креативный интеллект	Творчески-поисковое эмоционально-ценностное отношение	Готовность к выполнению творческо-поисковых задач (мотив)	Образ «Я – способен решить проблему», «Я – смогу создать»	творчески-поисковая	
Эмоциональный интеллект	Моральное, эстетическое эмоционально-ценностное отношение	Готовность к выполнению ценностно-смысовых (оценочных) задач (мотив...)	Образ «Я – человек», «Я – личность, способная иметь собственную позицию»	ценностно-смысловая (оценочная)	
Социальный интеллект	Межличностное эмоционально-ценностное отношение	Готовность к выполнению интерактивных задач (мотив)	Образ «Я – партнёр» «Я – значимый»	коммуникативная (интерактивная)	

Предлагаемое в данной таблице графическое описание структуры личности позволит учителю связать в единую систему такие психолого-педагогические категории, как «личность», а также «деятельность», «общение», «сознание», «самосознание», определить их как процессы и механизмы становления личности в обучении. Предлагаемое описание позволяет наглядно продемонстрировать следующие выводы психологической науки о структуре личности. **Интеллектуальная** сфера личности (интеллектуальные способности) включает в себя следующие виды интеллекта: академический, практический, креативный, эмоциональный, социальный. **Эмоциональная** сфера личности (эмоциональные способности) представлена системой эмоционально-ценностных отношений к действительности и включает в себя: познавательное; практическое; творчески-поисковое; нравственное, эстетическое, межличностное отношения к действительности. **Волевая** сфера личности (волевые способности) представлена системой внутренних мотивов, актуализация и развитие которых происходит путем включения учащихся в различные виды учебной деятельности: репродуктивно-познавательную, репродуктивно-практическую, творчески-поисковую, ценностно-смысловую (оценочную), коммуникативную (интерактивную), и обеспечения ее продуктивности. Сфера **самосознания** личности представлена системой взглядов человека на самого себя, системой образов «Я», возникающих в процессе реализации разных видов учебной деятельности: «Я

– успешный /не успешный», «Я – знающий /не знающий», «Я – умелый /не умелый», «Я – способный решать проблемы /не способный» и т.п.

Все структурные элементы личности, отраженные в таблице, связаны между собой. Место каждого из элементов в таблице иллюстрирует его отношение с другими элементами системы. Так, каждому конкретному виду интеллекта *соответствуют* – адекватное эмоционально-ценностное отношение к действительности, мотив деятельности и позитивный или негативный образ «Я», который формируется в процессе деятельности как ее психологический результат.

Таким образом, реализация системно-деятельностного подхода к обучению предполагает:

1. понимание личности как природного, естественного единства, состоящего из системы определенных психологических сфер индивида (интеллектуальная, эмоциональная, волевая, самосознания), каждая из которых представляет собой совокупность, состоящую из перечня ведущих признаков;

2. осознание учителем наличия существенной, объективной взаимосвязи между конкретными психологическими способностями личности и механизмами их развития в обучении, представленными соответствующими видами учебной деятельности учащихся (репродуктивно-познавательная, репродуктивно-практическая, творчески-поисковая, ценностно-смысловая, коммуникативная).

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980. 335 с.
2. Адлер А. Индивидуальная психология, её гипотезы и результат. Психология личности: в 2 т.: хрестоматия. Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара, 2006. Т. 1. С. 163–178.
3. Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1984. 104 с.
4. Бахтин М. М. К философии поступка. // Философия и социология науки и техники. М., 1986. С. 80–160.
5. Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
6. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2004. 512 с.: ил.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
8. Лerner I. Ya. Взаимосвязь обучения и воспитания в целостном учебно-воспитательном процессе. // Новые исследования в педагогических науках: сб. ст. Отв. ред. М. Н. Скаткин. М., 1986. № 2 (48). С. 14–18.
9. Мясищев В. Н. Структура личности и отношения человека к действительности. Психология личности : тексты . Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. М., 1982. С. 35–38.
10. Практический интеллект / Р. Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. Под общ. ред. Р. Стернберга ; пер. с англ. К. Щукина, Ю. Буткевич. СПб. : Питер, 2002. 265 с. (Мастера психологии). 272 с.
11. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. [и др.]: Питер, 2003. 508 с. (Мастера психологии).
12. Словарь практического психолога. Сост. С. Ю. Головин. Минск: Харвест, М., 2003. С. 256.
13. Уман А. И. Структура рефлексивной деятельности учащихся в процессе учения. //Инновации в образовании. 2009. № 1. С. 78.

References

1. *Abulkhanova-Slavskaya K.A.* Personality's Activities and Psychology. M.: Nauka, 1980. 335 p.
 2. *Adler A.* ndividual Psychology, its hypothesis and results // Personality Psychology: [in 2 volumes: reader. Ed. D.Ya. Raigorodskii]. Samara, 2006. Vol. 1. Pp. 163-178.
 3. *Asmolov A.G.* Personality as a subject of psychological research. M.: MSU, 1984. 104 p.
 4. *Bakhtin M.M.* Philosophy of the act // Philosophy and sociology of science and technology. M., 1986. Pp. 80-160.
 5. *Bratus' B.C.* Abnormalities of a personality. M.: Mysl',1988. 301, [2] p.
 6. *Il'yin E.P.* Motivation and motives. SPb.: Piter, 2004. 512 p.: ill.
 7. *Leont'iev A.N.* Activity. Consciousness. Personality. M .: Politizdat, 1975. 304 p.
 8. *Lerner I.Ya.* Interdependence of teaching and education in the whole educational process. // New researches in pedagogical sciences: [Collection of Articles / Ed. M.N. Skatkin.]. M., 1986. № 2 (48). Pp. 14-18.
 9. *Myasischev V.N.* Structure of a personality and person's attitude to reality. // Personality Psychology: texts / ed. Yu.B. Gippenreiter, A.A. Puzyrei. M., 1982. Pp. 35-38.
 10. Practical intelligence / R.J. Sternberg, G.B. Forsythe, J. Hedlund et al. Ed. R. Sternberg; translated from English by K. Shchukin, Yu. Butkevitch. SPb.: Peter, 2002. 265 p. (Masters of Psychology). 272 p.
 11. *Rubinstein S.L.* Being and consciousness. Man and the world. SPb. [et al.]: Piter, 2003. 508 p. (Masters of Psychology).
 12. Dictionary of Practical Psychology / Comp. by S.Yu. Golovin. Minsk: Harvest, M., 2003. P. 256.
 13. *Uman A.I.* Structure of pupils' reflective activity in the process of learning. // Innovation in Education. 2009. № 1. P. 78.
-
-

А.Ю. ФРОЛОВ

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики физической культуры и спортивных дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

E-mail: frolovaalexander@bk.ru

И.М. ТУРЕВСКИЙ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории и методики физической культуры и спортивных дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

E-mail: turima@gmail.com

Г.А. ПЕТРУШИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики физической культуры и спортивных дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

E-mail: petrushina-galina@mail.ru

A.YU. FROLOV

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of theory and methods of physical culture and sports disciplines, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

E-mail: frolovaalexander@bk.ru

I.M. TUREVSKY

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of theory and methods of physical culture and sports disciplines, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

E-mail: turima@gmail.com

G.A. PETRUSHINA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of theory and methods of physical culture and sports disciplines, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

E-mail: petrushina-galina@mail.ru

**ОБУЧЕНИЕ ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
В ПРОЦЕССЕ РОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИКИ**

**TEACHING OF DIAGNOSTIC WORK IN PHYSICAL EDUCATION IN THE VOCATIONAL
TRAINING OF PEDAGOGY BACHELORS**

Статья рассказывает об исследовании сущности диагностической деятельности, её содержании, методах и условиях реализации на современном этапе, являющейся одним из важнейших направлений совершенствования процесса профессиональной подготовки бакалавров педагогики по профилю «Физическая культура».

***Ключевые слова:** педагогика, физическая культура, профессиональная подготовка, диагностическая деятельность.*

In the article the problem of research of diagnostic work, its content, methods and conditions of realization at the modern stage is analyzed. The author claims that diagnostic work development plays an important role in the vocational training of pedagogy bachelors, which profiled in physical education.

***Keywords:** pedagogy, physical education, professional training, diagnostic work.*

Анализ существующих форм, методов, содержания и качества подготовки бакалавров педагогики по профилю «Физическая культура» позволяет сделать вывод о несоответствии существующих в педагогических вузах способов обучения целям, задачам и особенностям предстоящей будущим педагогам профессиональной деятельности в этом направлении.

Подготовка бакалавра по профилю «Физическая культура» многогранна и включает в себя большое количество различных компонентов, обусловленных учебными планами. При всей фундаментальности и разностороннем характере подготовки без внимания остается обучение студентов диагностической деятельности.

В последние годы в педагогической науке растет количество исследований, касающихся различных сторон педагогической диагностики. Однако исследование практики обучения диагностической деятельности в процессе профессиональной подготовки в совре-

менном педагогическом вузе позволяет выделить ряд недостатков в её реализации: осуществление диагностической деятельности чаще представляет собой процесс субъект-объектного воздействия преподавателя на студентов; студенты редко выступают в качестве субъектов диагностической деятельности, что не позволяет им овладевать конкретными диагностическими методами и приемами; результатом диагностической деятельности в основном является количественная оценка, характеризующая степень усвоения содержания дисциплины и не учитывающая качественного аспекта уровня подготовки студентов; реализуемые на практике технологии обучения диагностической деятельности слабо способствуют повышению мотивации учебной деятельности студентов.

Причина перечисленных проблем, как показывает анализ научных исследований и практики, в том, что, несмотря на пристальное внимание ученых к пробле-

мам диагностической деятельности учителя, до сих пор не определены перспективные направления ее развития.

Следует отметить, что исследования, посвященные проблемам диагностической деятельности, не в полной мере освещают её влияние на повышение качества профессиональной подготовки студентов факультетов физической культуры, слабо разработаны критерии отбора содержания и технологии диагностической деятельности студентов в практике профессиональной подготовки в учебном процессе педагогического вуза. Проведенный анализ позволил выделить ряд противоречий:

– между потребностью общества в высококвалифицированных педагогах, владеющих диагностической деятельностью, и сложившейся системой профессиональной подготовки студентов, в частности на факультетах физической культуры педагогических вузов;

– между необходимостью достижения уровня диагностической профессиональной подготовки студентов, соответствующего современным требованиям, и отсутствием научно-методической базы, недостаточной изученностью факторов его повышения в реальном образовательном процессе факультета физической культуры.

Указанные противоречия определили проблему исследования, которая заключается в необходимости теоретического обоснования и реализации модели обучения диагностической деятельности студентов факультета физической культуры.

Объект исследования – диагностическая деятельность будущего педагога по физической культуре.

Предмет исследования – процесс формирования диагностической деятельности студентов в ходе изучения дисциплин базового блока (физической культуры).

Цель исследования – теоретически обосновать и экспериментально проверить модель обучения диагностической деятельности в процессе профессиональной подготовки студентов факультета физической культуры вуза (в процессе изучения спортивно-педагогических дисциплин).

Гипотеза исследования основана на предположении, что обучение будущих учителей физической культуры диагностической деятельности в системе профессиональной подготовки станет эффективным, если:

– реализуются взаимосвязи ряда дисциплин, в первую очередь, психологического и спортивно-педагогического цикла;

– диагностическая деятельность входит в состав общей структуры педагогической деятельности и выполняет информационную, оценочную, прогностическую, контрольно-корректировочную и стимулирующую функции;

– создана и реализована дидактическая модель обучения диагностической деятельности, функционирующая на основе следующих принципов: соответствия конечным целям и задачам профессиональной подготовки; оптимального сочетания теории и практики; практической направленности будущих учителей физической культуры на подготовку к диагностике основных

знаний, умений, навыков, физических и личностных качеств школьников;

– обучение диагностической деятельности строится на основе индивидуально-личностного подхода к студентам;

– в основе диагностической деятельности будущего учителя физической культуры лежит гуманистическая направленность его личности.

В соответствии с проблемой, объектом, предметом, целью и гипотезой исследования были поставлены следующие задачи:

1. изучить и проанализировать развитие и современное научно-теоретическое состояние проблемы диагностической деятельности в психолого-педагогической, методической и литературе по физической культуре, исследованиях по профессиональной подготовке студентов факультета физической культуры;

2. на основе теоретического анализа уточнить сущность понятия диагностической деятельности применительно к деятельности учителя физической культуры и студентов факультета физической культуры;

3. спроектировать и реализовать модель обучения диагностической деятельности студентов факультета физической культуры;

4. экспериментально проверить условия эффективного обучения студентов диагностической деятельности в ходе изучения спортивно-педагогических дисциплин будущими учителями физической культуры;

5. разработать учебно-методический комплекс и программы тестирования при обучении диагностической деятельности студентов факультета физической культуры в процессе прохождения дисциплины «Физическая культура» (раздел «Баскетбол») и проверить их в экспериментальных условиях. Для решения поставленных задач проверки выдвинутой гипотезы был использован комплекс теоретических и эмпирических методов исследования: теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования; педагогический эксперимент с применением эмпирических методов исследования (наблюдение, анкетирование, тестирование, беседы со студентами и преподавателями вуза, анализ продуктов деятельности студентов), педагогического и методического конструирования, моделирования учебно-воспитательного процесса; ретроспективный анализ собственной педагогической деятельности; теоретическое обобщение результатов исследования; методы математической обработки данных.

Опытно-экспериментальной базой исследования стал факультет физической культуры (ФФК) Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Основными задачами констатирующего этапа эксперимента были, во-первых, определение начального состояния качества профессиональной подготовки студентов-бакалавров, складывающегося из уровня обученности студентов, уровня сформированности мотивации учебной деятельности студентов; и, во-вторых, отбор экспериментальных и контрольных групп со

сходными характеристиками в области указанных параметров.

На констатирующем этапе эксперимента, нами было проведено тестирование, целью которого было выявление уровней обученности студентов факультета физической культуры диагностической деятельности.

Результаты констатирующего эксперимента и сравнение количественных показателей позволило увидеть, что общий уровень качества диагностической деятельности невысокий, а именно: 16% студентов имеют недостаточный (I) уровень обученности, 62% студентов – минимальный (II) уровень, 14% студентов – достаточный (III) уровень обученности и всего 8% студентов – оптимальный (IV) уровень. Данный результат, по нашему мнению, обусловлен неэффективностью традиционных методик и технологий обучения, а также характером традиционных методов диагностики качества подготовки студентов.

В качестве критериев для выделения уровней сформированности мотивации диагностической деятельности мы выделили: отношение к изучаемой диагностической деятельности, наличие познавательного интереса, степень познавательной активности.

В соответствии с вышеназванными критериями мы выделили четыре уровня сформированности мотивации диагностической деятельности студентов ФФК [2].

Результаты констатирующего этапа эксперимента и сравнение полученных количественных показателей позволило увидеть, что уровень сформированности знаний в области диагностической деятельности невысокий, а именно: 11,67% студентов имели недостаточный (I) уровень, 68,34% студентов – минимальный (II) уровень, 15,01% студентов – достаточный (III) уровень сформированности и всего 5,01% студентов – оптимальный (IV) уровень.

Также невысоким был уровень сформированности умений и навыков в области диагностической деятельности: 11,67% студентов имели недостаточный (I) уровень, 66,67% студентов минимальный (II) уровень, 15,01% студентов достаточный (III) уровень сформированности и всего 6,68% студентов – оптимальный (IV) уровень.

Примерно одинаковым и недостаточным оказался уровень сформированности мотивации диагностической деятельности студентов в обеих группах до начала эксперимента. Так, отсутствие желания изучать диагностическую деятельность или очень слабый интерес к ее изучению (недостаточный уровень) проявили 15,01% студентов, у 61,67% респондентов (минимальный уровень) преобладали узкие познавательные мотивы, 18,34% изучаемых (достаточный уровень) осознавали необходимость изучения диагностической деятельности и только 5,01% студентов (оптимальный уровень) проявляли постоянное стремление к углублению знаний.

Общий уровень сформированности диагностической деятельности оказался низким и составлял: на недостаточном уровне 13,23% и 12,23% студентов контрольных и экспериментальных групп соответственно,

на минимальном уровне по 65,56% студентов в каждой группе, на достаточном 15,56% студентов контрольных и 16,67% – экспериментальных групп, на оптимальном по 5,57% студентов в двух группах.

Данное положение, по нашему мнению, обусловлено слабой эффективностью традиционных методик и технологий обучения студентов диагностической деятельности.

На формирующем этапе в экспериментальных группах обучение диагностической деятельности проводилось на основе разработанной модели; в контрольных группах – с использованием традиционных средств и методов.

Исходя из учебной программы по дисциплине «Спортивные игры и методика преподавания», а также из указанных ранее цели и принципов обучения, определялось содержание обучения диагностической деятельности, представленное в учебно-методическом комплексе, состоящем из совокупности дидактических модулей как логически завершенных частей в соответствии с профессиональными, педагогическими и дидактическими задачами дисциплины [3].

Повышение уровня обученности студентов диагностической деятельности осуществлялось через четкую разработку структуры и содержания модели обучения диагностической деятельности в процессе профессиональной подготовки. В соответствии с требованиями к обязательному минимуму содержания обучения спортивным играм на ФФК и на основании рабочей программы раздела «Баскетбол» курс обучения диагностической деятельности был разделён на дидактические модули, представляющие собой логически законченные самостоятельные части, объединяющие ряд тем и соответствующие изучаемому материалу дисциплины. Цель разработки модулей заключалась в том, чтобы каждый из них соответствовал одному из компонентов диагностической деятельности. Содержание дисциплины разделялось на логически завершенные части в соответствии с профессиональными, педагогическими и дидактическими задачами, определялись целесообразные средства и методы обучения диагностической деятельности в согласовании их во времени и объединении в единый комплекс.

Основным ядром дидактического модуля, раскрывающим содержание обучения диагностической деятельности студентов в отдельной теме курса, являлось дидактическое обеспечение, представленное в практических упражнениях, предназначенных для преодоления возникающих трудностей, а также методическими рекомендациями к проведению практических занятий. Завершающим элементом модуля выступали задания для самостоятельной практической работы студентов: инструкторская практика и рекомендации студентам по использованию приобретенных знаний, умений и навыков для изучения последующих модулей.

Обучение в каждом модуле было составлено таким образом, что помимо изучения методики преподавания студенты получали и приобретали специальные диагно-

стические знания и умения по каждому из направлений деятельности путем объяснений, рассказов, диалогов, упражнений.

Целью программы первого дидактического модуля «Диагностическая деятельность в организации спортивного отбора и спортивной ориентации» явилось изучение материала по темам: «Учет возрастно-половых, психофизиологических особенностей детей школьного возраста», «Развитие двигательных навыков». На ход возрастной перестройки структуры психомоторных способностей оказывает влияние повышенная двигательная активность, в частности, занятия различными видами спорта [1].

Построение обучения в данном дидактическом модуле было направлено на подтверждение одного из пунктов гипотезы нашего исследования, согласно которому обучение студентов диагностической деятельности может быть эффективным при наличии в основе диагностической деятельности учителя физической культуры гуманистической направленности его личности, проявляющейся в желании педагога как можно лучше узнать ученика, в стремлении создать условия становления и самореализации личности ребенка, в установке на оказание ему необходимой педагогической помощи и поддержки. Этому способствовало обучение студентов процедурам спортивного отбора и ориентации. Именно эти процедуры, заключающиеся в оказании педагогической помощи ученику в выборе того вида спорта, в котором он добьется максимальных результатов, который наиболее эффективно поможет его личностному и физическому развитию, являлись проекцией гуманистических мотивов учителя физической культуры. Ведущее педагогическое условие первого модуля – чёткая разработка структуры и содержания обучения диагностической деятельности – позволяло студентам получить специальные диагностические знания (морфофункциональные и нейропсихологические), умения (выявление динамики психомоторного развития) и навыки (оценка уровня физического состояния), необходимые для осуществления диагностической деятельности на уровне компонентной диагностики отдельных показателей и свойств школьников.

Целью программы второго дидактического модуля «Диагностическая деятельность в методике обучения и совершенствования технико-тактических элементов в баскетболе» явилось изучение материала по темам: «Учет возрастно-половых, психомоторных и анатомо-физиологических особенностей школьников», «Формирование двигательных навыков» и «Основные ошибки в технике выполнения двигательных действий».

В ходе организации обучения в данном дидактическом модуле нами проверялось положение гипотезы о том, что обучение диагностической деятельности будущих учителей станет эффективным, если этот вид педагогической деятельности выполняет информационную, оценочную, прогностическую, контрольно-корректировочную и стимулирующую функции.

Информационная функция диагностической дея-

тельности нашла отражение в обучении студентов методам и приемам диагностики, позволяющим получать информацию о протекании процесса обучения и совершенствования технико-тактических действий, о допускаемых ими ошибках. Обучение студентов умениям оценивать правильность выполнения разучиваемых двигательных действий являлось проекцией оценочной функции. Прогностическая функция диагностической деятельности определяла построение на основе полученной информации текущих, краткосрочных прогнозов освоения студентами технико-тактических элементов в баскетболе. Осуществлять контроль процесса получения новых знаний, умений и навыков, а также, в случае необходимости, коррекция применяемых педагогических воздействий позволяли такие дидактические средства, как наглядные пособия, образцовый показ, технические средства.

Применение средств, методов и приемов диагностической деятельности повышало эффективность процесса обучения новым технико-тактическим действиям и их совершенствования, что в свою очередь вело к стимулированию учебной деятельности студентов и их будущей профессиональной диагностической деятельности.

Второй дидактический модуль являлся площадкой для реализации таких педагогических условий, как создание диагностически-направленной среды в процессе профессиональной подготовки, использование современных информационных технологий и наличие положительной мотивации студентов.

Целью программы третьего дидактического модуля «Диагностическая деятельность в методике развития психофизических качеств школьников» явилось изучение материала по темам: «Учет возрастных, психофизических и физиологических особенностей учащихся», «Специализированное развитие двигательных качеств».

В ходе организации обучения в дидактическом модуле «Диагностическая деятельность в методике развития психофизических качеств школьников» нами проверялось положение гипотезы о том, что применение индивидуально-личностного подхода к студентам повышает эффективность обучения диагностической деятельности. Реализации данного подхода способствовало деление студентов на небольшие группы при изучении различных направлений, методов и приемов диагностической деятельности, педагогические практикумы в общеобразовательных и спортивных школах.

В представленном дидактическом модуле более других использовались педагогические условия: создание диагностически-направленной обучающей среды и наличие положительной мотивации к диагностической деятельности.

Целью программы четвертого дидактического модуля «Диагностика развития личностных качеств школьников» явилось изучение материала по теме «Развитие личностных качеств школьников в процессе физического воспитания».

В ходе организации обучения в этом модуле нами

проверялось положение гипотезы о том, что эффективное обучение диагностической деятельности будет возможным при реализации взаимосвязи ряда дисциплин, в первую очередь, психолого-педагогического и спортивно-педагогического циклов. Применение этих знаний в области развития качеств личности школьника в практической реализации процесса физического воспитания обуславливало реализацию межпредметных связей и таких видов обучения, как объяснительно-иллюстративный и самостоятельное добывание знаний.

Результаты формирующего этапа эксперимента и сравнение количественных показателей позволили увидеть, что:

– на недостаточном уровне сформированности знаний в области диагностической деятельности находилось 10% студентов контрольных и 3,34% студентов экспериментальных групп. Количество студентов контрольных групп (60%) с минимальным уровнем сформированности знаний было выше по сравнению с экспериментальными группами (43,34%). Большее количество студентов экспериментальных групп находилось на достаточном (40%) и оптимальном (13,34%) уровнях сформированности знаний в области диагностической деятельности, по сравнению с контрольными (26,67% и 3,34%, соответственно).

– На недостаточном уровне сформированности умений и навыков в области диагностической деятельности находилось 10% студентов контрольных и 6,68% студентов экспериментальных групп. Количество студентов контрольных групп (63,34%) с минимальным уровнем сформированности умений и навыков было значительно выше экспериментальных групп (33,34%). Большее количество студентов экспериментальных групп находилось на достаточном (46,67%) и оптимальном (13,34%) уровнях сформированности умений и навыков в области диагностической деятельности, по сравнению с 23,34% и 3,34% контрольных групп соответственно.

– На недостаточном уровне сформированности мотивации к диагностической деятельности находилось 10% студентов контрольных и 3,34% студентов экспериментальных групп. Количество студентов контрольных групп с минимальным уровнем сформированности мотивации было значительно выше экспериментальных групп (50% и 33,34% соответственно). Большее количество студентов экспериментальных групп находилось на достаточном (46,67%) и оптимальном (16,67%) уровнях сформированности мотивации к диагностической деятельности, по сравнению с 30% и 10% контрольных групп.

Общий уровень сформированности диагностической деятельности после формирующего этапа эксперимента показал, что на недостаточном уровне осталось 11,12% студентов контрольных и 6,68% экспериментальных групп, на минимальном уровне 61,12% студентов контрольных и 45,56% экспериментальных, до 22,23% студентов в контрольных и до 37,78% студентов в экспериментальных группах повысился достаточный

уровень, на оптимальном уровне находилось 5,57% и 10,01% студентов контрольных и экспериментальных групп соответственно. Анализ тестирования различных направлений диагностической деятельности студентов подтвердил эффективность обучения по экспериментальной модели.

Таким образом, результаты опытно-экспериментальной работы позволяют сделать вывод, что реализация модели обучения диагностической деятельности привела к повышению уровня сформированности у студентов знаний и умений из области диагностической деятельности, расширению мотивационной сферы учебной деятельности.

Проведенное исследование и анализ полученных результатов подтвердили выдвинутую нами гипотезу, экспериментальные и практические результаты использования спроектированной модели обучения диагностической деятельности студентов послужили основанием для утверждения, что поставленные задачи выполнены, а цель достигнута.

Основные выводы.

1. Диагностическая деятельность учителя физической культуры – это составляющая его профессиональной деятельности, позволяющая выявить и спрогнозировать качественно-количественные характеристики и их изменения в учебном процессе по физической культуре, в результатах учебной деятельности школьников, в их физическом состоянии, в специфических особенностях. Определение состояния психомоторных и морфофункциональных свойств учеников и путей их дальнейшего совершенствования, обнаружение изменений в исследуемых признаках и факторах, их вызывающих, выявление реального состояния уровня подготовки школьников, определение программы дальнейших действий по физическому совершенствованию являются основными задачами диагностической деятельности будущего учителя физической культуры.

2. В основе диагностической деятельности учителя физической культуры лежит гуманистическая направленность его личности, проявляющаяся в стремлении как можно лучше узнать ученика, собрать большее количество информации о нем, его личности, развитии морфофункциональных и психомоторных качеств, проанализировать полученные данные, при необходимости педагогически воздействовать и прогнозировать дальнейшее развитие школьников и учебно-воспитательного процесса, чему способствуют информационная, оценочная, прогностическая, контрольно-корректировочная и стимулирующая функции диагностической деятельности.

3. Диагностическая деятельность будущего учителя физической культуры осуществляется на различных уровнях: компонентной диагностики отдельных показателей и свойств школьников с целью их коррекции, являющейся оперативной процедурой и не дающей прогноза развития исследуемого свойства; функциональной диагностики свойств как компонентов личности в их взаимосвязях и взаимозависимостях, позволяющей

получить обоснованный краткосрочный прогноз и выбрать оптимальные педагогические средства; структурной диагностики различных аспектов личности школьника как целостной системы с выявлением тенденций ее развития, дающей основание для среднесрочных прогнозов и разработки на их основе комплексных программ педагогической деятельности по физическому воспитанию учащихся; прогнозирования перспектив физического развития школьников, требующего интеграции диагностических данных с теоретическими моделями и эмпирическими методов исследования с теоретическими.

4. Модель диагностической деятельности студентов факультета физической культуры представляет собой целостную структуру и включает в себя: принципы гуманизации, дифференциации, стандартизации, модульности, индивидуализации, системности, технологичности, компетентности и др.; мотивационный, когнитивный и деятельностный критерии сформированности; недостаточный, минимальный, достаточный и оптимальный уровни развития; профессиональное, специальное, психофизическое направления; рецептивный, репродуктивный, акцептивный, аппликационный, продуктивный, творческий этапы формирования; содержание обучения студентов (средства, методы, учебно-методический комплекс и межпредметные связи); педагогические условия (создание диагностически-направленной обучающей среды в процессе профессиональной подготовки студентов через четкую разработку структуры и содержания обучения; наличие положительной мотивации к осуществлению диагностической деятельности в процессе профессиональной подготовки; использование в процессе обучения современных информационных технологий).

5. В процессе обучения студентов диагностической деятельности реализовывались взаимосвязи ряда дисциплин. Синтез полученных диагностических знаний, умений и навыков студентов в ходе обучения диагно-

стической деятельности осуществлялся как через содержание учебных курсов спортивно-педагогических, психолого-педагогических и медико-биологических дисциплин, так и через целенаправленное использование методов и средств диагностической деятельности.

Формирующий этап эксперимента заключался в реализации авторской модели с делением содержания обучения на дидактические модули. Каждый модуль соответствовал одному из компонентов диагностической деятельности, разделял содержания дисциплины на логически завершенные части в соответствии с профессиональными, педагогическими и дидактическими задачами, определял целесообразные средства и методы обучения, согласовывал их во времени и объединял в единый комплекс.

Результаты внедрения экспериментальной модели обучения подтвердили ее эффективность. Произошло снижение числа студентов экспериментальных групп на 5,55% с недостаточным (в контрольной группе на 2,11%) и на 20% с минимальным (в контрольной группе на 4,44%) уровнем сформированности диагностической деятельности и повышение достаточного на 21,11% (в контрольной группе на 4,67%) и оптимального на 4,44% (в контрольной группе – 0%) уровня.

Полученные результаты опытно-экспериментальной работы позволяют утверждать, что цель исследования, заключающаяся в теоретическом обосновании и экспериментальной проверке модели обучения диагностической деятельности в процессе профессиональной подготовки студентов ФФК, достигнута. Отслеженная положительная динамика уровня сформированности диагностической деятельности студентов приводит к выводу, что выдвинутая гипотеза подтвердилась.

Проведенное исследование не претендует на исчерпывающее раскрытие проблемы. Дальнейшая разработка названной и близкой к ней проблематики будет способствовать обогащению теории и методики высшей профессиональной школы.

Библиографический список

1. Туревский И.М., Петрушина Г.А., Серёгина О.Б., Тарасенко Л.В., Фролов А.Ю. Структура психомоторики подростков с позиций корреляционного и факторного анализов // Теория и практика физической культуры. 2013. № 8. С. 7-12.
2. Фролов А.Ю. Диагностическая деятельность студентов факультета физической культуры как фактор профессиональной подготовки специалистов // Культура физическая и здоровье. 2009. № 4. С. 53-56.
3. Фролов А.Ю. Обучение будущих учителей физической культуры диагностической деятельности в системе профессиональной подготовки. Автореф. дис... канд. пед. наук. Тула, 2009. 23 с.

References

1. Turevsky I.M., Petrushina G.A., Seregina O.B., Tarasenko L.V., Frolov A.Yu. Correlation and factor analysis by psychomotor structure // Theory and Practice of Physical Culture. 2013. № 8. Pp.7-12.
2. Frolov A.Yu. Diagnostic work of students of the department of physical education as a factor of effective professional training // Physical culture and health. 2009. № 4. Pp.53-56.
3. Frolov A.Yu. Diagnostic activity training of teachers of physical education in vocational training system. Author's abstract in candidate thesis in Pedagogy. Tula, 2009. 23 p.

А.Е. ЩЕГЛОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра
управления и сервиса, Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова
E-mail: asch92@mail.ru

A.E. SCHEGLOVA

*Candidate of Pedagogics, Associate professor, Department
of management and service, Ulyanovsk State Pedagogical
University named after I.N.Ulyanov
E-mail: asch92@mail.ru*

ОТНОШЕНИЕ К ПООЩРЕНИЯМ И НАКАЗАНИЯМ ПЕДАГОГОВ И МЫСЛИТЕЛЕЙ СТРАН ЗАПАДА И ВОСТОКА XVIII-XIX ВВ.

ATTITUDE TO ENCOURAGEMENT AND PUNISHMENT OF TEACHERS AND THINKERS OF THE WESTERN AND EASTERN COUNTRIES IN THE XVIII-XIX CENTURIES

Актуальность рассматриваемых в статье вопросов заключается в том, что как в отечественной, так и в зарубежной педагогике исторический подход к изучению данной проблемы дает возможность критически оценить прошлый педагогический опыт и обратиться к поиску гуманистических подходов в современном воспитании и образовании детей. Практическая значимость представленных материалов состоит в возможности объективной оценки использования результатов изучения эволюции поощрения и наказания в истории зарубежной педагогики, в теории и практике современного воспитания.

Ключевые слова: дисциплина, наказание, поощрение, награда, предупредительные меры.

Relevance of the cases considered in the article is that in modern conditions of education and education, both in domestic, and in foreign pedagogics the historical approach to studying of this problem gives the chance critically to estimate last pedagogical experience and to address to search of humanistic approaches in modern education and education of children. The practical importance consists in possibility of objective critical evaluation, use of results of studying of evolution of encouragement and punishment in the history to foreign pedagogics, in the theory and practice of modern education.

Keywords: discipline, encouragement, punishment, reward, preventive measures.

Эпоха Просвещения в Западной Европе длилась с последней трети XVII до конца XVIII в. Представители этого неоднородного идейного течения сходились на критике сословного воспитания и образования, выдвигали новые идеи, пронизанные стремлением приблизить школу и педагогику к менявшимся социальным условиям, учитывать природу человека. Педагогическая мысль Просвещения приняла эстафету эпохи Возрождения и поднялась на новую ступень.

В XVII-XVIII вв. в западноевропейских странах шел процесс становления национальных государств, утверждались рыночные отношения и новые способы ведения хозяйства. Получаемое людьми образование должно было обеспечить им овладение необходимыми для практической жизни реальными знаниями. В этих условиях вопросы народного образования стали занимать все более заметное место в жизни общества и государства [3].

Таким образом, в разных западноевропейских странах на протяжении XVIII в. посещение начальной школы постепенно становилось гражданской обязанностью. Начальные школы создавались не только для мальчиков, но и для девочек.

Движение Просвещения развивалось в соответствии с национальными условиями.

В конце XVIII–первой половине XIX в. (Франция, Англия, Германия) принцип сословности образования, в соответствии с которым наилучшие школы предназначались для дворянства и духовенства, стал все более ощутимым фактором снижения интеллектуального потенциала нации, с середины XVII до конца XVIII–первой половины XIX в. расширились масштабы образования первого и второго сословий, а также верхов третьего сословия.

Конец XVIII–первая половина XIX вв. были весьма значимыми в истории развития школьного дела во всех странах Западной Европы и для становления педагогической науки. Этому способствовали серьезные изменения в жизни общества, связанные с переходом от феодальных отношений к капиталистическим, что, в свою очередь, было обусловлено бурным развитием промышленности, потребовавшей от всех участников производства нового уровня и содержания образованности.

В тот же исторический период в Германии интенсивно развиваются капиталистические отношения, которые оказали положительное влияние на развитие начальных народных школ, средних начальных учебных заведений.

Прусское государство создало в 1763 году школьный регламент, где от учителя требовалось строго учить

тывать посещаемость детьми школы. В отношении поддержания дисциплины учащихся указывалось, что порядок должен устанавливаться без применения силы, но и без излишней мягкости. Учитель должен был следить за поведением своих учеников не только в школе, но и вне ее, сопровождая их по воскресеньям в церковь, наблюдая за ними, когда они расходятся после занятий по домам, и т.п.

Эпоха Просвещения предложила программу прогрессивных реформ воспитания и образования, провозгласив всеобщее право на обучение, заявив о необходимости формирования человека, который будет полезен обществу и способен отдать полученные знания на его благо.

Руссо, Дидро, Гельвеций и другие философы и общественные деятели, отвергая наказание, выступали за превращение воспитания в активный, исполненный оптимизма процесс, когда ребенок живет в радости, самостоятельно осязая, слушая, наблюдая мир, духовно обогащаясь, удовлетворяя жажду познания.

Идеи Руссо, высказанные относительно свободного воспитания, поведения ребенка и дисциплины, дают богатую пищу для размышлений современным родителям и воспитателям, возможность объективно оценить позитивное и использовать в домашнем воспитании.

Дидро и Гельвеций категорически отказываются от применения телесных наказаний, выступают за твердую дисциплину и считают, что настоящая дисциплина может быть воспитана лишь в общественных заведениях.

Деятели Французской революции восприняли педагогические идеи Просвещения, провозгласившие создание всесословной общенациональной школьной системы. Луи Мишель Лепелетье утверждал, что дисциплину необходимо воспитывать с раннего детства, и это является основой гражданского и национального воспитания.

К концу XVIII столетия в Германии появилась целая плеяда так называемых «новых воспитателей», которые пытались на практике осуществить «революцию в педагогике». Из их числа наиболее выдающееся место в истории немецкого Просвещения занимают представители педагогического течения, называемого «филантропизм». Иоганн Бернхард Базедов был одним из первых зачинателей этого течения. В труде «Элементарное руководство» Базедов прежде всего обращает внимание на дисциплинирование детей с младшего возраста, приучение их к послушанию, следование воле воспитателей. Безусловное повиновение ребенка воле взрослого Базедов рассматривает в качестве необходимой предпосылки успешной воспитательно-образовательной работы. Задача воспитателя – разъяснить ребенку, что неприятности являются следствием неправильного поступка, невыполнения совета.

Резко выступая против распространенных в семье и в школе физических наказаний, филантрописты все же полностью не отказывались от них, допуская их применение в исключительных случаях по отношению к детям трех-четырех лет. В педагогике филантропистов

была разработана целая система поощрений и предупредительных дисциплинирующих мер, советов для детей и родителей.

Иоганн Генрих Песталоцци решительно высказывался против физического наказания, но вместе с тем считал, что в некоторых случаях оно допустимо со стороны отца и матери или преисполненного родительской любовью воспитателя. В то же самое время Песталоцци сомневается, всегда ли наказания могут дать педагогический эффект и высоко ценил личный пример воспитателя. Другой крупный представитель немецкой педагогики Иоганн Фридрих Гербарт стремился заменить воспитание управлением детьми, а это управление, по его мнению, представляет собой систему поощрений и наказаний.

Современником Гербарта был английский педагог Самуил Уильдерспин. Он считал, что ребенок уже рождается с дурными наклонностями и поэтому применение наказаний целесообразно. Система поощрений и наказаний Уильдерспина носит противоречивый характер, так как педагог стремится все же избегать телесных наказаний, считая, что нельзя внушать детям рабского страха [4].

Велика заслуга теоретика дошкольного воспитания Фридриха Фребеля. Основную цель воспитания в детских садах он видел в содействии развитию природных особенностей ребенка. Большую роль в воспитании детей отводил природе и видел в ней источник для внутреннего, нравственного возвышения и укрепления. Он отвергал насилиственную педагогику и утверждал, что воспитание, преподавание и назидание должны быть по необходимости пассивными, следящими (только предсторегающими, охраняющими), но отнюдь не предписывающими, решающими, насилиственными.

В тот же исторический период близкие к педагогическим идеям зарубежных педагогов высказывали государственные деятели, педагоги, народные поэты Восточной Европы, Ближнего Востока и Казахстана.

В Молдавии вопросам воспитания и обучения подрастающего поколения придавалось большое значение.

Вопросы воспитания нашли свое отражение в юридических памятниках, прежде всего в «Уложении» Василия Лупу, напечатанном в 1646 г. в Яссах. В «Уложении» регламентируется право родителей наказывать детей «посохом или Дутом», но «с чувством меры и согласно вине». В случае несоблюдения меры родители сами подвергаются наказанию. Наказание не самоцель, а мера воспитания. Учитель может наказывать детей также с чувством меры, а когда мера нарушается, ученик вправе защищаться, применяя силу.

На Украине в XVI – XVII веках также развивалась педагогическая мысль. Об отношении педагогов к наказаниям мы можем судить из документов.

Так, в письме александрийского патриарха Кирилла Львовскому братству (2 апр. 1614) читаем: «...Если хотите, чтобы детей ваших учить, то отдайте их в школы, и чтобы не только запрещать, но и разрешать, чтобы их учитель бил и наказывал и так их учил как это необходимо».

димо, а не как вы сами хотите...» [2].

Жесткое отношение к детям закреплялось и в Уставе Львовской братской школы 1586 года «Дидаскал, взяв врученного ему ребенка, должен его учить овладевать полезными науками, за непослушание наказывать не по-тирански, а по-учительски, не выше, не по силе, не буйствуя, а спокойно и смироно, не только по-народному, но и выше народного... «Любяй сына прилежнее наказует, а нелюбяй щадит жезла».

Мыслитель, энциклопедист второй половины XVI века Памва Берында в энциклопедическом собрании сведений о внешнем мире, природе и человеке «Лексикон» так определил понятие наказания: «Наказание – наука, харание, науение напоминание, поощрение цвичение».

Таким образом, «наказание» синонимируется со словом «воспитание».

В XIX веке взгляд на поощрение и наказание изменился. Украинский педагог, писатель, просветитель и общественный деятель Александр Васильевич Духнович (1803–1865) в своем трактате «Народная педагогия...» в главе IX «О мзде и наказании» провозглашает «общее правило о мзде и наказании»: «Если хочем в детях наших ревность ко учению и благим нравам возбудить, то да творим любезно и словом благости, советованием любовным, а не биткою и бесчестить ибо бесчестие, порицание и непрестанное напоминание дети расслабит или ожесточити могут... Похвала же и любовь поощряет не добро, а любовное напоминание и ласковое обличение от зла отвергает человека... Про тупость ума и про иные легкомыслия погрешности наказывать детей бесчеловечно есть... Славовольность детям природная есть, про то природное чувство задусити нельзя, однако ж на свавольных позорствовати нужно и их красно напоминати, если же несносные уже будут в сваволе, тогда и наказати их должно исключением от общей прогулки или усугублением задачи». То есть мы видим полный отказ от необходимости применения телесных наказаний. А.В. Духнович не только настаивает на добром отношении к детям, но и доказывает, что дети часто не виноваты в своих поступках, виною же всему – их «детская природа».

Глубоко изучал проблему применения наказаний и другой украинский педагог Яков Феофанович Чепига (Зеленкевич) (1875–1938). В своей статье «Нравственное внушение в деле воспитания» он подробно раскрывает суть этой проблемы, которая, по его мнению, заключается в неправильном применении этого метода воспитания. Чепига считает, что мы, взрослые, часто наказываем детей за зло, корни которого лежат в нас самих, в нашем поведении. «Наказывают, например, за то, что ребенок говорит непристойные вещи. Ребенок же повторяет то, что слышит от других, не представляя себе даже содержания слов». Согласимся, такое действительно случается довольно часто. Ребенок в такой ситуации не понимает, за что его наказывают, это вызывает чувство обиды и бессилия перед произволом взрослого. Ребенок озлобляется, в его душе зарождаются страшное чувство ненависти и желание мести. Ни к чему хорошему это,

конечно, привести не может. Еще одна ошибка взрослых, по мнению Якова Чепига, заключается в том, что они обычно не утружддают себя объяснением наказания, и ребенок редко принимает его как нормальное следствие своего поступка. Родители заблуждаются, считая, что ребенок всегда знает, за что его наказали. Разве 1-2-хлетний малыш, разрисовавший обои, поймет, за что его шлепнули и отобрали карандаш, если ему этого не объяснить? А пятилетний ребенок, игравший со спичками и поставленный за это в угол, но так и не услышавший объяснения? «Ты виноват. Так делать нельзя! Иди в угол». Достаточно ли этого? И не каждый ребенок сможет задать вопрос: «А почему?» Да и не каждый родитель станет отвечать на него [2].

Третья проблема применения наказаний, освещенная автором в статье, это проблема безнаказанности поступка, совершенного ребенком дома, и строгое наказание за него, когда он совершен публично. Это, по мнению Якова Чепиги, вызывает в ребенке неправильное представление, что наказывается не поступок, а то, что он совершен на людях. Ребенок делает из этого вывод: тайный недостаток не является недостатком, плохой поступок не вина, если его можно скрыть от людей.

Результатом всех перечисленных ошибок, как считал украинский педагог, может стать «лишение родителей ребенка».

К сожалению, еще и в XIX веке не везде отказались от телесных наказаний и «палочной» дисциплины.

Так представитель педагогики джадидизма в Казанском крае Ишмухамед Динмухамедов, известный в истории как Ишми-ишен-ярый идеолог педагогики кадимизма (кадимизм – реакционное направление, объединявшее все консервативные силы татарского общества, начиная с муфтия и кончая рядовыми муллами, и противостоявшее введению новых научных предметов и прогрессивных методов воспитания и обучения), был также и ярым сторонником телесных наказаний детей, считая, что воспитанники полностью должны повиноваться своим учителям и родителям.

Наряду с «палочной» политикой в воспитании, проводимой Динмухамедовым, существовала и другая точка зрения на эту проблему. Ее сторонники считали, что у детей необходимо формировать сознательную дисциплину.

Так выдающийся татарский просветитель Галимджан Ибрагимов (1837–1936), который впервые в татарской народной педагогике разработал многие аспекты гуманистического воспитания, требовал гуманного, уважительного отношения к ребенку, к его личности, категорически выступал против телесных наказаний, требовал отказаться от хлыста. «Сила воспитания, – писал он, – заключается не в орудиях наказания, висящих на стенах медресе, а в возбуждении у ребенка сознательности, которая сможет обуздывать его дурные наклонности и поступки. Внешнее соблюдение порядка и жизнь в выполнении предусмотренных правил под надзором не дают ничего серьезного в воспитании. У детей должны быть воспитаны собственная воля и вну-

тренняя убежденность. Тогда физические наказания будут излишни, они будут считаться преступлением в деле воспитания».

Азербайджанский писатель-демократ, просветитель, философ Мирза Фатали Ахундов (1812–1878), посвятивший часть своей жизни изучению педагогического наследия различных стран и уделивший немалое внимание проблеме применения наказаний, в одной из своих работ приводит письмо индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джалаал-уд-Довле. В этом письме принц выражает свое возмущение по поводу «палочной» дисциплины в школах Персии.

«... в Персии до сих пор не понимают, что при воспитании детей наказывать их палками и пощечинами – значит портить их нравственность, делать их низкими и подлыми, заглушать в них врожденные добрые качества и порождать в них трусость и лживость. В Персии нет ни одной школы, где бы глупый содержатель ее не имел у себя проклятой машины фелакке для наказания детей палками по пятам! Странно еще и то, что невежественный родитель дитяти при отдаче его в школу обращается к содержателю со следующими словами в присутствии самого же дитяти: «Господин учитель! Я поручаю тебе своего сына для воспитания, мясо его принадлежит тебе, а кости – мне, воспитывай его как следует». Учитель же обыкновенно отвечает: «Будь покоен – палки и федакке всегда будут перед его глазами...»

«После подобного воспитания, какого же можно ожидать от детей благородства, чувства чести и умственного развития в зрелых летах! Ещё страшнее то, что министр просвещения совершенно равнодушен к этому обычаю и нисколько не думает запретить его содержателям школ...» [1].

О том, какова была атмосфера в мусульманских школах того времени, писал Фирудунбек Кочарлинский (1863–1920) – ученый, исследователь, литературовед, критик-публицист, талантливый педагог из Азербайджана в статье «О положении женщин в воспитании детей у мусульман»: «В некоторых мектебах в старину практиковался, хотя и оригинальный, но крайне грубый способ поощрения детей в правописании. Ученик, написавший работу безошибочно, получает от муллы право в его присутствии бить розгами по рукам тех, кто выполнил эту работу менее удовлетворительно; при этом количество палочных ударов зависело от количества допущенных учеником ошибок. Иной раз случалась, что ученика, плохо написавшего работу, били до крови. От такого педагогического приема дети становились грубыми и жестокими, испытывая друг к другу ненависть и злобу».

В средневековой Армении важнейшими формами и способами нравственного воспитания были: личный пример учителя, назидательные беседы и речи, коллективные и индивидуальные наставления, поощрение выделившегося своими знаниями и примерным поведением ученика и наказание отстающего, телесные наказания провинившихся учеников и т.д.

Призыв знаменитого казахского поэта, мыслителя и

педагога Абая Кунанбаева (1845 - 1904) к воспитанию человека свободного, высказывания против физических наказаний, пропаганда применения в обучении детей гуманных педагогических принципов были совершенно новыми для казахского народа, привыкшего к косым, варварским методам обучения в конфессиональных мусульманских школах (мактабах и медресе). Он выступал против схоластики в обучении, против зубрежки, муштыры и палочной дисциплины, требовал сознательного усвоения знаний, сознательной дисциплины.

Как видим, не было совершенно одинакового отношения к использованию поощрений и наказаний в теории и практике воспитания детей у разных народов и в разных странах. Главное заключается в том, что проблема дисциплины, поощрения и наказания всегда была актуальна и имеет свою длительную историческую эволюцию. В каждый исторический период характер применения поощрений и наказаний определялся как объективными, так и субъективными условиями: историческими, общественными, экономическими и политическими особенностями развития, а также мировоззренческими взглядами и подходами отдельных конкретных людей. Одни из них полностью отказывались от наказаний как метода воспитания и отдавали предпочтение поощрениям. Другие категорически отрицали возможность воспитания без телесных наказаний. Третьи отличались непостоянством и противоречивостью своих взглядов на проблему применения поощрений и наказаний. Но передовые педагоги и мыслители горячо отстаивали необходимость гуманного отношения к ребенку и отказ от физических наказаний.

Постепенный прогресс менял отношение к детям, оно становилось осмысленнее и гуманнее. Все большее число педагогов отказывались от опасного и унижающего личность ребенка метода телесных наказаний.

Вышеизложенное дает нам возможность сделать следующие выводы:

1. В рассматриваемый период в практике воспитания и обучения используется большой арсенал поощрительных (духовных и материальных) мер.

2. Анализ идей представителей XVIII, XIX вв. зарубежной педагогики свидетельствует, что они всячески доказывали вред телесных наказаний для физического и нравственного развития ребенка, но вместе с тем допускали их применение в отдельных случаях, то есть старое, традиционное с трудом отступало и вступало в противоречие с новым, гуманистическим.

3. Изучение современной теории и практики воспитания детей показывает недостаточную изученность и представлена проблема дисциплины, поощрения и наказания в современных педагогических исследованиях, хотя эта проблема вечная и не решена до настоящего времени. Каждый исторический период в педагогическом наследии оставил свой положительный опыт, который имеет непреходящее значение. Из опыта воспитания детей в период с XVII–XIX вв. для современной педагогики интерес представляет система поощрений, наград (похвала, состязание, похвала других, поощрение шуткой, хороший пример, поддержка ласко-

вым словом, ласковое убеждение посредством доводов) и предупредительных мер по ограничению их применения в воспитании (тщательно избегать поощрения детей посредством награждения их вещами, которые им нравятся, использовать каждый благоприятный случай для побуждения ребенка к желательным действиям, укреп-

ляющим положительную привычку.

4. Из краткого анализа рассмотренных педагогических идей видно, насколько ценными были подходы в прошлом и значительны для современной теории и практики воспитания.

Библиографический список

1. Антология педагогической мысли Азербайджанской ССР. М., 1989.
2. Антология педагогической мысли Украинской ССР. М., 1989.
3. Богомолова М.И. Характеристика национального образования в странах Западной Европы и США в XVIII веке. / Национальные образовательные системы в зарубежных странах и России. Книга 1. Казань, 1999. С. 36-52.
4. Щеглова А.Е. Вопросы дисциплины, поощрения и наказания в системе нравственного воспитания в XIX в. /Психологопедагогический и технологический аспекты патриотического воспитания детей дошкольного возраста. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. 30-31 октября 2008 года. Часть I. Тольятти, 2008. С. 67-73.

References

1. Anthology of pedagogical thought Azerbaijani Soviet Socialist Republic. M., 1989.
 2. Anthology of pedagogical thought Ukrainian Soviet Socialist Republic. M., 1989.
 3. Bogomolova M. I. The characteristic of national education in countries of Western Europe and the USA in the XVIII century. / National educational systems in foreign countries and Russia. Book 1. Kazan, 1999. Pp. 36-52.
 4. Shcheglova A.E. Questions of discipline, encouragement and punishment in system of moral education in the XIX century. / Psychology and pedagogical and technological aspects of patriotic education of children of preschool age. Collection of works of the All-Russian scientific and practical conference. October 30-31, 2008. Part I. Tolyatti, 2008. Pp. 67-73.
-
-

М.В. АНТОНОВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет
E-mail: gavrila05@yandex.ru

М.А. КОМОВА

кандидат искусствоведения, доцент, кафедра истории России, докторант, филологический факультет, Орловский государственный университет
E-mail: mariamna.orel@mail.ru

M.V. ANTONOVA

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian literature XI-XIX centuries, Orel State University
E-mail: gavrila05@yandex.ru

M.A. KOMOVA

Candidate in Arts, Associate professor, Department of History of Russia, Doctoral Faculty of Philology, Orel State University
E-mail: mariamna.orel@mail.ru

О ПРОТОГРАФЕ СКУЛЬПТУРЫ СВ. НИКОЛЫ РАТНОГО, УПОМЯНУТОЙ В «СКАЗАНИИ О НИКОЛЕ МЦЕНСКОМ»

ABOUT THE PHOTOGRAPHY OF THE SCULPTURE OF ST. NIKOLA FEAT MENTIONED IN THE «LEGEND ABOUT NIKOLA MTSSENSK»

В статье исследуется почитаемая скульптура св. Николы Мценского. Авторы выявляют иконографический протограф, сравнивают разные иконы, впервые предлагают новую датировку иконы св. Николы Мценского. По мнению авторов, утраченная мценская скульптура Николы Чудотворца датировалась XVII в., а не 1415 годом, указанным в «Сказании».

Ключевые слова: чудотворный образ, икона, протограф, иконография, стилистическое сравнение, иконографическое сравнение.

The article deals with the venerated statue of St. Nicholas of Mtsensk. The authors reveal iconographic photography, compare different icons, for the first time offer a new Dating of the icon of St. Nicholas the Mtsensk. According to the authores, the lost of Mtsensk sculpture of Nicholas was dated from the XVII century, and not 1415, indicated in the Legend.

Keywords: miraculous image, icon, photography, iconography, stylistic comparison, iconographic comparison.

Наибольшее количество упоминаний в документальных источниках о скульптурах Николы Ратного в храмах изучаемого региона приходится на вторую половину XVII в. (Никольский собор во Мценске, ц. Николы Ратного в Ливнах, Преображенский собор в Болхове). Единственный пример статуи из Верхнеокского региона, датированной XVI в., – Никола из калужского Перемышля (Калужский музей), отдаленно напоминающей образ Николы Можайского (ГТГ).

Скульптура св. Николы из Можайска (ГТГ), первая из упомянутых скульптур, изображающая Николая Чудотворца с мечом и храмом в руках, признана работой сербского мастера конца XIV в., ориентированная на китайскую статую из сокровищницы чудотворца в Бари. В ее стилистике отразилось влияние совмещенных романской и готической традиций. Ее появление на Руси А.В. Рындина связывает с привозом копии скульптуры и вложенную в нее частицу мощей св. Николы из Бари в Можайск при московском митрополите Киприане (1390-1406).

Предположительно с 1409 года скульптура Николы была размещена в глубокой нише «на вратах» Можайска (на стене деревянной воротной башни) по аналогии со скульптурой святого в барийской базилике.

Исследователь Н. Петров отметил, что именно скульптура отражена на монете можайского князя Андрея Дмитриевича (1389-1432 гг.), на которой изображен человек с мечом, стоящий под аркой киота, очевидно, св. Никола Можайский. Арка навеса от атмосферных осадков говорит о том, что это была фасадная скульптура. Интересная деталь, связывающая мценские и можайские события: во мценской легенде Андрей Дмитриевич Можайский упомянут как соправитель Василия Дмитриевича и второй «великий князь». Есть достоверные сведения, что традиция размещения святого в нише на городской стене утвердилась в Москве и близлежащих городах в конце XV в. в период активного культурного общения с Центральной Европой (например, каменные скульптуры Георгия Победоносца и Дмитрия Солунского над Флоровскими воротами Московского Кремля 1464-1466 гг., мастер Ермолин В.Д.). Первое известное московское упоминание о местночтимой скульптуре Николы Ратного из Можайска относится к 1495 г. – это наказ Ивана III Васильевича князьям Ряполовскому и Русалке, сопровождавшим княжну Елену к жениху в Литву. Второе упоминание можайской статуи содержится в духовной грамоте князя Ивана Волоцкого 1504 г. До конца XV в. почитание скульптуры носило местный ха-

рактер и ограничивалось Можайском.

Образ находился высоко над вратами, и чудотворения от него не могли ярко проявиться из-за дальности от людей. Образ был перемещен в деревянный храм над Никольскими вратами. Не позднее XVI в. (с вероятными включениями деталей XV в.) был выполнен серебряный оклад можайской скульптуры. Эти «одежды» с геометрическим орнаментом воспроизводились иконо-писцами и резчиками в течение XVI в. В Писцовых книгах Московского государства описаны «камни и цаты» из «кузни» (оклада) св. Николы в Можайске[4], характерные для уборов икон первой половины-середины XVI в. Этот цельный убор присутствовал на скульптуре до перенесения ее из маленького деревянного храма над городскими воротами в Никольский собор в период строительства в Можайске каменного кремля. «Одежды» были сняты до перенесения скульптуры в XVI в. из Никольского собора в новый каменный храм Крестовоздвижения с Никольским приделом на одноименных воротах. Это подтверждает местный характер почитания статуи Николы Можайского и отсутствие акцента на ратной символике образа Николая в русских городах-крепостях до середины XVI в. В первой четверти XVII в. храм на городских воротах стал называться Никольским в связи с началом общерусского почитания статуи Николы Можайского. Только в 1593 г. об особом почитании статуи св. Николы из Можайска упомянул иностранец Николай Варкоч, посол императора Рудольфа. Поэтому ряд исследователей отмечают отсутствие общерусского иконографического извода «Можайский» (имеется в виду термин) до первой четверти XVII в., когда он становится общерусским.

Для статуи Николы в храме над вратами города Можайска был изготовлен специальный киот, символизирующий храм-реликварий для мощей святого в Бари, а позднее – храмы, где сохранялась почитаемая скульптура святого. Он копировался в ряде памятников (скульптуры, иконы, шитые пелены) середины-второй половины XVI в.[10]. Отметим, что почитание полихромных скульптур Николы Ратного (Можайского и Зарайского типов), размещенных в специальных киотах в храмах над вратами городов или в надвратных нишах, затем в центральных храмах, характерно для времени создания городов-крепостей на границах единого Московского государства не ранее середины-второй половины XVI в. (мнение польского медиевиста Анджея Поппэ). Именно здесь была применима главная функция ратного образа святого как грозного защитника. После Смутного времени в первой половине XVII в., когда крепостные сооружения Верхнего Поочья были заново восстановлены, почитание святых – покровителей ратного дела было восстановлено.

Многие известные статуи Николы XVI в., включая оригинал XIV в. из ГТГ, имеют вставные голову, меч и град Бари (в виде крепости), что связано с традицией западноевропейских скульптур-реликвариев, в голову которых с тыльной стороны вставлялась частица мощей святого. Отметим, что описания сохранивших-

ся к концу XIX в. деталей мценской скульптуры (меч и ковчег в алтаре Никольского собора), а также вставная глава от статуи в современном Петропавловском соборе г. Мценска говорят о ее подобной конструкции и не могут датироваться ранее XVII вв. Самым последним аргументом в пользу происхождения легенды не ранее второй половины XVII в. является обнаруженный недавно в РГАДА архитектором В.Н. Неделиным документ[6]. Он включает описание скульптуры Николы Ратного работы черкасских (украинских) мастеров, подаренной во второй половине XVII в. мценским военным воеводой Б.Д. Протасьевым в новый каменный Никольский собор, возведенный на его средства в 1672-1681 г. Вероятно, с этого времени и началось почитание данной скульптуры, а в XVIII в. и формирование текста с описанием чудес от скульптуры, погибшего в Пятницкой церкви при городском пожаре 1757 г. Не исключено, что в общегородском пожаре пострадала и скульптура, от которой уцелели лишь вставные части, т.к. в описаниях XIX в. (в частности в издании Сказания 1881 г.) говорится, что они хранились отдельно в алтаре и были «заменены на серебряные и позлащенные». Во второй половине XVIII в. образ мог быть воссоздан, и с ним продолжались крестные ходы в Белев, Болхов и другие города. В 1777 г. был наложен временный запрет на ношение мценской резной иконы по городам для молебна из-за того, что «таковых резных образов, кроме Распятия Господня, нигде иметь не велено»[2]. После окончательного запрета ходов с мценской реликвией в 1819 г. начинает складываться новый тип местного почитания. В XIX в. происходит несколько чудотворений от иконы, в частности, избавление от пожара в 1855 г. Тогда резной образ был украшен «по усердию бывшего в то время градского головы Космы Ефимовича Толкачева и граждан города Мценска, серебряной и позлащенной ризой, с венцом, усыпанным дорогими камнями»[8]. Сохранилось воспоминание подростка, современника событий, о разрушении скульптуры Николы Мценского в конце 1920-х гг., которая при одном ударе палкой рассыпалась на мелкие куски так, что даже «тапочки» святителя, казавшиеся золотыми, разбились. Целой осталась только глава святителя[3]. В 1915 г. отмечалось, что скульптура еще была деревянной: «Чудотворный образ св. Николая помещается на правой стороне главного иконостаса под балдахином. Образ изсечен из дерева. Святитель изображается во весь рост. Из сребропозлащенной ризы глядит темный лик святителя. Черные кисти обеих рук обнажены. В правой руке святитель держит обнаженный меч, а в левой – Ковчег в виде храма. Венец над головой святителя украшен драгоценными камнями. ... На левой стороне главного иконостаса под сенью помещается изсеченный из камня животворящий крест, украшенный серебряной ризой. По преданию, чудотворный образ явился в 1415 году на берегу Зуши на камне, из которого потом был изсечен только что описанный крест... По преданию именно на этом месте, где находится часовня (МАК: Николаевская часовня на месте, где был тайник с колод-

цем XVII в., впервые обнаруженный в 1824 г. под горой Самород), и явился в 1415 году чудотворный образ св. Николая на том камне, из которого потом был изсечен животворящий крест»[9]. Если учитывать изготовление подобных скульптур из дерева (чаще липы), то невозможно представить, что деревянный предмет мог распасться на мелкие фрагменты. Возможно, что дерево покрывал гипсовый левкас с нанесенным рельефным орнаментом, что было характерно для скульптур украинского происхождения XVII в. Восстановление в гипсе было сделано во второй половине XX в., только тип изображения «Можайский» (с мечом и градом в руках) был заменен на близкий «Зарайскому» (с благословляющей десницей и Евангелием).

Принимая дату 1415 г., А.В. Рындина некритично относится к тексту мценской легенды. Она отмечает несомненную связь скульптур Поочья с барийскими реликвиями (стауями-реликвариями и плавающим по водам камнем), но считая возможным «особый характер самих его иконных образов, возникших на почве Средней Руси и Москвы в последней трети XIV-первой трети XV в., т.е. при митрополитах Киприане и Фотии. Они оказались структурированными не в формах живописной иконы, а в формах деревянной скульптуры («Никола Можайский», ГТГ, «Никола Мценский»). В этом отношении особенно показателен один из вариантов легенды о явлении мценской резной иконы Николы первой четверти XV в.: будто она приплыла на камне с начертанием креста. Из него, как гласит предание, и был вытесан каменный крест, поставленный во мценском соборе (с приделом Параскевы Пятницы) по левую сторону от царских врат, тогда как по правую сторону была установлена деревянная киотная скульптура Николы (к сожалению, не сохранившаяся). В русской традиции изображение колонны Бичевания в иконописи и лицевом шитье появляется лишь в XVII в. Поэтому во мценской легенде сохраняется барийский мотив плавания камня по водам, но из камня иссека-

ют не колонну, а именно честной Крест Господень»[7]. Считая мотив камня-креста в русской традиции более ранним, чем мотив камня-колонны, А.В. Рындина датирует раннесредневековым периодом (XIII в.) известное «Сказание о Николе Столбовском» (из Столбовской пустыни между Дмитровском и Севском), записанное на медной доске в XVIII в., принимая без рассуждений дату – 1334 г. Наличие в изучаемом регионе скульптур Николы Ратного (в том числе сохранившегося фрагмента мценской скульптуры – главы Николы Мценского) не ранее второй половины XVII в., отсутствие аналогов региональных скульптур Николы Ратного в начале XV в. (за исключением можайского оригинала), упоминание о них в архивных текстах, активное изменение текста легенды в течение XIX в. ставит под сомнение раннюю датировку мценской легенды. Отметим, что напоминающая мценскую легенду о скульптуре Николая Чудотворца, приплывшей на камне по реке Десне, получила распространение в Брянской Белобережской пустыни, основанной в 1706 г.

Исторические реалии велиокняжеского и митрополичьего похода в Литву, а также солнечное затмение летом 1415 г.[5], произошедшее в «пяток», согласно летописным источникам, на которые опирается в своих публикациях белевский историк Р.А. Беспалов [1], не ставится под сомнение. По аналогии с текстами XIX в. Беспалов выдвигает версию о неместном происхождении мценского образа Николы. Его версия о привозе литовскими наместниками (т.к. на Руси в этот период сакральная скульптура не имела распространения) не имеет под собой никаких оснований, т.к. нет аналогов скульптур Николы Ратного в литовском искусстве XV в., а также нет исторических сведений о почитании барийских реликвий в Литве этого периода. В этом контексте «Сказание о Николе Мценском», как и почитаемая скульптура Николы Мценского, представляли собой памятники традиции Нового времени. Датировка мценской скульптуры 1415 годом некорректна.

Библиографический список (References)

1. Bespalov R.A. The study of “the legend of the baptism of Manan in 1415” in the context of the ecclesiastical and political history of the Upper Poochie // The Questions of history, culture and nature of the Upper Poochie: proceedings of the XIII all-Russian scientific conference. Kaluga, 7-9 April 2009, Kaluga, 2009. Pp. 27-34.
2. The statement of Affairs of the Consistorial archives of the miraculous image of St. Nicholas, located in Mtsensk Nicholas Cathedral // The Orel diocesan Gazette. 1869, No. 14. Pp. 1274-1276.
3. The Personal archive that is E.N. Ashihmina. The Letter to the niece of the destruction of the revered sculpture of St. Nicholas in Mtsensk Nicholas Cathedral [manuscript]. Orel, 1980.
4. The Written books of the Moscow state XVI century Sep. I. Petersburg., 1882. P. 616.
5. The Russian State library. OR. F. 304. I. Ed. XP. 765. L. 319 about. The write about the solar Eclipse in proceedings of the XVI century from the library of the Trinity-Sergius Lavra.
6. The Russian State Archive of ancient acts. F. 210. Books Belgorod table. B. 158. L. 263.
7. Ryndina A.V. Century Bari motifs in the interpretation of the image of St. Nicholas in Russia // The Art studies. Vol. 2. Moscow, 2002. P. 199.
8. The legend of the apparition of the miraculous icon of St. Nicholas in connection with the progress of Christianity in the city of Mtsensk. Publisher And. Sharapov. Moscow: the Synodal printing house, 1895 / In Book.: People of the world. Reflections on Russian history / Application. Orel, 2006. Pp. 227-228.
9. Firsov A. I. Mtsensk. Orel, 1915 / The People light (The Reflections on Russian history). App. Mtsensk, 2006. Pp. 234-235.
10. Shalina I. A. Icon “Nicholas of Mozhaisk” the middle of the XVI century from the NAC. Museum in Stockholm: artistic features and symbolic motifs iconography // Art of the Christian world. Sat. articles. Vol. 9. Moscow, 2005. Pp. 167-170.

И.В. ЗЛОТНИКОВА

кандидат искусствоведения, старший преподаватель, кафедра истории России, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

E-mail: zlotnikova@yandex.ru

М.А. КОМОВА

кандидат искусствоведения, доцент, кафедра истории России, докторант, филологический факультет, Орловский государственный университет

E-mail: mariamna.orel@mail.ru

I.V. ZLOTKOVA

Candidate in Arts, Senior Lecturer, Department of History of Russia, Bryansk State University named after academician I.G.Petrovsky
E-mail: zlotnikova@yandex.ru

M.A. KOMOVA

Candidate in Arts, Associate Professor, Department of History of Russia, Doctoral student of Philology Faculty, Orel State University

E-mail: mariamna.orel@mail.ru

СИНОДИК КАРАЧЕВСКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИКОНОГРАФИИ МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ ТИХОНА И АРСЕНИЯ, КАРАЧЕВСКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ

THE SYNODIC KARACHEVSKY RESURRECTION MONASTERY AS A SOURCE FOR THE ICONOGRAPHY OF LOCALLY VENERATED SAINTS TIKHON AND ARSENY, KARACHEVSKY MIRACLE

В статье впервые исследуется редкий иконографический сюжет. Авторы проводят иконографические сравнения с другими произведениями и выявляют иконографический протограф. По мнению авторов, утраченные надгробные иконы местночтимых святых Арсения и Тихона из Воскресенской Тихоновой пустыни были выполнены до общероссийского почитания святых.

Ключевые слова: чудотворный образ, икона, протограф, иконография, стилистическое сравнение, иконографическое сравнение.

The article for the first time explores a rare iconographic story. The authors conduct iconographic comparisons with other works and identify the iconographic photography. According to the authors, the lost tomb icons of locally venerated Saint Arsenius and Tikhon of Resurrection Tikhonova desert, were made to the Russian veneration of the saints.

Keywords: the miraculous image, the icon, photograph, iconography, stylistic comparison, iconographic comparison.

Важным рубежом в формировании иконописной традиции края по верхнему течению реки Десны стало XVII столетие. Для этого времени характерно интенсивное развитие русских провинций. Оно коснулось не только известных средневековых иконописных центров Северо-восточной Руси и Поволжья, но и окраинных земель к югу, вошедших в состав Московского государства сравнительно недавно. Русская культура этого времени пронизана яркостью, многообразием форм, изобилием сюжетов. Строители, живописцы, мастера прикладного искусства выполняют множество заказов, их деятельность преобразует облик древних городов и монастырей. Эта тенденция обозначилась с особой силой после окончания Смутного времени.

История Брянщины наложила свой особый отпечаток на культуру этих мест, иной, чем в землях близлежащего Поочья. В Подесенье в середине XVII в. в декоре одних и тех же храмов мирно сосуществовали две традиции, которые отражали две ветви православной культуры. Первая, украинская, «киевская», отраженная в иконах «на серебре» и «на полотне», сохраняющаяся в монастырях, подчиненных Киево-Печерской Лавре (Трубчевский Чолинский монастырь и Брянский

Свенский монастырь). Вторая – московская (в описях ее обозначают как «русскую») была особенно популярна в дворцовых землях (Брянский, Карабевский, Севский уезды), куда не только привозились иконы, но и приезжали известные иконописцы.

Письменные источники свидетельствуют о появлении в Карабеве во второй половине XVII в. двух редких иконографических композиций, связанных с прославлением местных подвижников благочестия. Известно, что основание упомянутого «при г. Карабеве, за р. Снежетью, ... Воскресенского монастыря, называемого иначе Тихоновой пустыни ... приписывается преподобному священноначальнику Тихону, который ... значится между святыми г. Карабева и почитается за нового чудотворца»[8]. В синодике Воскресенского монастыря 1700 г. вслед за царскими именами вписан и «род строителя монаха Тихона, начальника обители сея». В «приписке киноварью» к надписи в упомянутом синодике отмечено, что «в 1609 г. Август в день преставися монах Тихон, начальник строитель обители сея». Подготовка к канонизации началась, когда еще были живы те, кто помнил о подвижничестве Тихона и о его родословной, т.е. в середине XVII столетия. Это был период наибольшей актив-

ности в развитии региона (окончательный уход поляков, переход ряда земель в Дворцовое ведомство, большие пожертвования из царской казны на восстановление региона, составление синодиков с поминовением царской семьи, строительство храмов, монастырей).

На обороте же первого листа синодика «наклеена картинка, изображающая монастырскую церковь, по сторонам которой имеются изображения (во весь рост) преподобного Арсения и Тихона Караваевского, а в верху их лик Господа Иисуса Христа, простирающего к ним Свои божественные длань»[8]. Графическая миниатюра на листе синодика была выполнена, вероятно, перед прославлением святого (в конце XVII в., до 1700 г.). Образцами для выполнения композиции послужили характерные для Москвы парные изображения двух святых во весь рост перед Спасителем (или Богоматерью), как в случае с местночтимой на Брянщине иконой святителей Афанасия и Кирилла Александрийских (легендарно относимой к событиям 1288 г., когда была привезена Богоматерь Свенская Печерская, но появившейся, вероятно, вместе с дарами Иоанна IV Грозного после прославления иконы Богородицы в Москве). Подобные композиции с двумя святыми часто встречаются среди произведений столичных мастеров-миниатюристов, чьи работы, согласно ссылке на дневник Павла Алеппского, находились в иконостасе Воскресенского храма. Примером может послужить икона «Мученики Уар и Артемий Веркольские» (33x28 см), находящаяся в собрании ГТГ. Икона выполнена около 1670 г. Никитой Павловцом и изображает святых на фоне панорамы города с храмами и монастырями. Вместе с тем, в основе такой композиции могли лежать и известные киевские гравюры, изображающие Успенский собор Киево-Печерской Лавры с предстоящими Антонием и Феодосием (например, гравюра мастера Илии, 1660 г.)[3].

Следующий образ, изображающий Тихона Караваевского, был выполнен на крышке деревянного надгробия. Известно, что был «преподобный Тихон Караваевский погребен в основанной им обители и надгробницей его в склепе устроен был придел во имя святого Тихона, Амафусийского (Амафунтского) чудотворца; в гробнице, под деревянной доскою, сокрыт образ преподобного Тихона Караваевского, писанный на дереве в рост... память чтится 16 июня...»[8], наряду с одноименными святыми Амафунтским (425), Калужским (1492), Костромским (1503). Среди российских святых, чтимых повсеместно, св. Тихон Караваевский до 2004 г. не был упомянут.

Еще одна почитаемая древняя икона св. Тихона Амафунтского находилась в Воскресенской церкви 1805 г. построения в с. Долбено (Долбута) на границе Курской и Орловской губерний [6]. Г.М. Пясецкий, к сожалению, не дал ссылки на источник своей информации о втором изображении и о времени его написания. Но можно предположить, что оно выполнено до упразднения монастыря в 1764 году, явившемся рубежом активного почитания Тихона и Арсения Караваевских и их полузабвения.

Образцом для местных ростовых икон рубежа XVII–XVIII вв., изображающих св. Тихона Караваевского, могли также послужить надгробные иконные изображения святых. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что встречающиеся на Орловщине в XIX в. образы Тихона Амафунтского, святого покровителя святого Тихона Караваевского, могут быть местного происхождения, например, икона «Пророк Илия и св. Тихон Амафунтский» (середина-вторая половина XIX в., Воскресенская пустынь, Караваев, поступила из частного собрания, г. Орел). Примеров подобных произведений достаточно в соборах Московского Кремля[9], а также в ряде русских храмов и монастырей. Это шитые нагробные пелены, рельефные и живописные крышки рак святых[7]. Изображение на крышке раки являлось свидетельством обретения мощей святого (или почитания мощей под спудом), которое наряду с шитым покровом (в местных источниках нет ссылок на подобные произведения) делалось на примере первых ктиторских изображений этого подвижника либо устных свидетельств современников о нем, либо его чудесных явлений[5].

Мощи св. Тихона пребывали под спудом (они не были обретены). Разработанные иконографические композиции (донаторное предстояние и изображение на гробе) говорят о том, что процесс канонизации не был завершен, общероссийского почитания еще не было введено. Поэтому не случайно наряду с изображениями св. Тихона Караваевского распространяется редкий образ св. Тихона Амафунтского, покровителя основателя обители, находившийся в Караваеве, являлся, вероятно, местной традицией. В XIX в. наблюдается активизация почитания последнего в связи с распространением в изучаемых землях икон преподобного Тихона Калужского и прославленного в 1865 г. Тихона Задонского, у которых именным покровителем был тот же святой из Амафунта.

Появление в Караваеве подобных изображений святого перед его канонизацией говорит о том, что это были исторически первые образы св. Тихона, предшествовавшие его изображениям в иконописном подлиннике. Согласно Н.К. Голейзовскому, подобные изображения могли быть выполнены местными иконописцами, знавшими подвижника при жизни и помнившими его, либо собравших скрупулезно сведения о нем у «самовидцев»[2]. Изображения караваевских подвижников Тихона и Арсения, предстоящих Христу, напоминают ктиторские портреты, которые считаются истоком развития иконографии святого. Они иллюстрировали краткие документальные записи о святых, делавшиеся по свежей памяти, согласно мнению Г.И. Вздорнова, изучившего подобные изображения на примере росписей новгородской Успенской церкви на Волотовом поле[1].

Ранние изображения св. Тихона Караваевского (и ктиторский портрет и портрет на крышке раки) и редкие изображения покровителя обители – св. Тихона Амафунтского не породили житийной иконы этого святого, вероятно, из-за упразднения монастыря в XVIII

в. Согласно исследованиям В.М. Сорокатого, житийная икона была «результатом развития комплекса надгробных икон, первоначально состоявшего из личных молельных икон погребенного и ранних персональных его изображений, на этапе широкого распространения его культа и окончательного распространения его жития. Он вбирает в себя символику раки святого, являет образ его моления за притекающих к раке молящихся и изливаемой на них благодати»[10]. Но в изучаемом регионе, в случае с развитием иконографии св. Тихона Караваевского (тем более, иконографии св. Арсения, чьи мощи, вероятно, не были обретены, и его канонизация только подготавливалась после 1700 г.), этот процесс оказался незавершенным.

Известно, что в Воскресенском храме, в котором и находилась гробница, а позже в каменном притворе над местом погребения преподобного Тихона Караваевского на протяжении XIX и первой четверти XX в. совершались богослужения. В приделе Тихона Амафунтского

до Октябрьских событий 1917 г., хранилась икона святого в полный рост [4]. Это, по всей вероятности, и был виденный Г.М. Пясецким в конце XIX в. образ, выполненный на гробовой доске. В советский период иконное наследие Тихоновой пустыни было полностью утрачено. Надежду на возрождение дал нам XXI век. 5 декабря 2003 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия установлено празднование Собору Брянских Святых, в который вошел и преподобный Тихон Караваевский, а в 2004 г. состоялось обретение мощей святого преподобного Тихона. К сожалению, о другом чудотворце – Арсении не вспомнили, несмотря на его местное почитание в конце XVII в. (упоминание в синодике монастыря означает, что монаху Арсению, по крайней мере, продолжали служить панихиды в XVIII-XIX вв.). Тем не менее, авторы статьи надеются, что их небольшой научный труд послужит делу почитания и прославления подвижников Тихона и Арсения, караваевских чудотворцев.

Библиографический список (References)

1. *Vzdornov G.I. The portraits of the archbishops of Novgorod in the art of the XV century // Ancient art: Monumental painting of the XI-XVII centuries. Moscow, 1980.* P. 134.
 2. *Goleizovsky N.K. The hesychasm and Russian paintings of the XIV-XV centuries // The Byzantine annals. Moscow, 1969. № 29. P. 207.*
 3. *The Kiev-Pechersk State historical-cultural reserve. Kiev, 1971.* P. 30.
 4. *Kismova S.P., Zubova E.M. On the traces of sacred monasteries. Bryansk, 1999.* P. 28.
 5. *Macarius (Veretennikov), Archimandrite. The first image in the iconography of Russian saints // The Theology of the image. The icon and icon painters: An anthology. Moscow, 2002.* Pp. 147-151.
 6. *Nedelin C. M., Romashov C. M. Architectural antiquities of Orel. Orel, 1998.* P. 184.
 7. *Preobrazenski A.S. The Church warden portraits of medieval Russia and their impact on Russian iconography (XI-XV centuries): abstract of thesis of candidate of art criticism. Moscow, 2004.* Pp. 11-24.
 8. *Piasetski G.M. The history of the Oreldiocese. Orel, 1899.* Pp. 68-69, 568.
 9. *Samoilov T.E. The Princely portraits in the painting of the Archangel Cathedral of the Moscow Kremlin: the Iconographic program of the XVI century. Moscow, 2004.* Pp. 234-240.
 10. *Sorokaty V.M. The tombstone icon of Procopius of Ustyug 1602 // Russian historical figures in the icon: Abstracts. Moscow, 1995.* P. 36.
-
-

А.И. КОВЕШНИКОВ

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой садово-паркового и ландшафтного строительства, Орловский государственный аграрный университет

E-mail: al.koveshnikov@mail.ru

Н.А. КОВЕШНИКОВА

кандидат культурологии, доцент, кафедра дизайна, Госуниверситет – УНПК

E-mail: rodoris@yandex.ru

A.I. KOVESHNIKOV

Doctor of Pedagogics, Professor, Head of Department of gardening and landscaping, Orel State Agrarian University

E-mail: al.koveshnikov@mail.ru

N.A. KOVESHNIKOVA

Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of Design, State University – ESPC

E-mail: rodoris@yandex.ru

КРИЗИС ФУНКЦИОНАЛИЗМА И СМЕНА ПАРАДИГМЫ В ДИЗАЙНЕ НА РУБЕЖЕ 1960-Х – 1970-Х ГГ.

THE CRISIS OF THE FUNCTIONALISM AND CHANGE OF THE PARADIGM IN DESIGN AT THE BOUNDARY OF THE 1960TH – THE 1970TH

В статье раскрываются причины, приведшие к смене парадигмы в проектной культуре на рубеже 1960-х – 1970-х гг. В эти годы концепция функционализма в дизайне вошла в противоречие с экономическими и социокультурными реалиями «общества потребления». Кроме того, рационалистический подход к проектированию, по мнению многих специалистов, не соответствовал творческой природе дизайна. На фоне кризиса функционализма формируется новая парадигма проектной культуры, получившая название «постмодернизм».

Ключевые слова: история дизайна, проектная культура, классический функционализм, постмодернизм в дизайне.

In the article the reasons which led to the change of a paradigm in design culture in the end of 1960th –the beginning of 1970th are being revealed. Those years the concept of the functionalism in design was in a conflict with economic and sociocultural realities of “consumer society”. Besides, according to many experts the rationalistic approach to design didn't correspond to the creative nature of design. Against the crisis of the functionalism the new paradigm of design culture called “postmodernism” is formed.

Keywords: design history, design culture, classical functionalism, postmodernism in design.

Проектная культура классического функционализма доминировала в дизайне с середины 1950-х гг. Идеология классического функционализма базировалась на концепции «Die gute Form» (хорошая форма), в которую ее автор Макс Билл вложил свои представления о современном дизайне и которая содержала ряд важных положений. Первое из них касалось внешнего вида промышленной продукции. Хорошая форма, согласно определению Билла, должна отражать как функцию, так и технологию изготовления изделия и, в то же время, делать его привлекательным: «Хорошо то, что одновременно красиво и практично». Красота в утилитарных предметах является результатом отражения функции. Она определяется разумным использованием минимума материалов, а также максимальным выявлением конструкции с помощью простой нейтральной формы, исключающей любое украшательство. Второе положение концепции «Die gute Form» вытекало из первого. Если для объекта проектирования найдена «хорошая форма», то отпадает необходимость в разнообразных формальных и стилистических вариациях

одного и того же изделия, выполняющего одну и ту же функцию. Таким образом, Билл выступал против основополагающего принципа стайлинга, использующего модернизацию формы в коммерческих целях.

Наиболее значимое положение концепции «Die gute Form» сводилось к тому, что понятие «хорошая форма» являлась не только эстетической, но и этической категорией дизайнерской деятельности. Миссия дизайнеров, по мнению Билла, состояла в том, чтобы создавать «прекрасные вещи, которые соответствуют нашему времени, которые являются выражением высокого уровня жизни». В этом случае произведения дизайна из объекта купли-продажи смогут стать подлинным культурным достоянием современного общества: «Сегодня к культурным ценностям больше не относят лишь исторические произведения изобразительных искусств. Все вещи, при помощи которых оформляется наша окружающая среда: аппараты, машины, домашняя обстановка, сооружения со всеми их многочисленными составляющими, мебель и все прочие предметы потребления, в которых мы нуждаемся для жизни и работы – это наше

культурное достояние, – писал он в 1957 г. в статье «Хорошая форма» [7, с. 138].

Формирование проектной методологии классического функционализма тесно связано с Высшей школой дизайна в Ульме. Отвергнув, в конечном итоге, идеалистические представления Билла о том, что важнейшая миссия дизайна – «выстроить жизнь как произведение искусства», в Ульме довели до логического завершения его идеи о методах проектирования в дизайне с позиций функционализма. Согласно «ульмской модели», форма строится на основе конструктивных и технологических закономерностей, рациональной компоновки и эргономических требований. Эстетический аспект формы, а также такие понятия, как «композиция», «стиль», «образ», отходили на второй план, если вообще не игнорировались.

Принципы функционализма в дизайне промышленной продукции в послевоенной Европе были восприняты с энтузиазмом как производителями, так и потребителями. Функциональная мебель хорошо подходила для небольших квартир, была удобна для массового производства и доступна по цене. По словам Эдгара Кауфмана, куратора выставок «Хороший дизайн», проходивших в Нью-Йоркском Музее современного искусства с 1950 по 1955 гг., этот стиль демонстрировал «полное слияние формы и функции», образцы «практической, несложной, разумной красоты». Применение принципов функционализма в дизайне наиболее наглядно демонстрирует продукция фирмы «Браун». «Браун-стиль», по мнению В.Л. Глазычева, возник под влиянием идейных концепций Ульмской школы дизайна, а его популярность совпала «с пресыщением от обтекаемого стиля», характерного для 1950-х гг. В целом, «Браун-стиль» оказался первым (и наиболее цельным) выражением определенной, легко фиксируемой стилистики начала 60-х годов: «Сухость и лаконизм моделей «Браун», – пишет В. Л. Глазычев, – стали в глазах <...> потребителя самостоятельной ценностью» [4, с. 68].

В середине 1960-х гг. проектная культура классического функционализма подверглась критической переоценке как с позиций идеологии, так и методологии и практики дизайна. Кризис был обусловлен целым рядом факторов, и одними из первых следует упомянуть причины социально-экономического характера. С конца 1950-х гг. в странах Западной Европы начался период устойчивого экономического роста, что привело к повышению уровня благосостояния европейцев и, как следствие – к всплеску потребления. Одной из особенностей общества потребления является стремление к презентации человеком своего имиджа и к выработке им своеобразного жизненного стиля путем приобретения различных товаров. При этом люди используют так называемые «позиционные товары» для демонстрации своей принадлежности к определенной социальной группе, а также для подчеркивания индивидуальных различий между собой и другими людьми [1, с. 235]. Ж. Бодрийяр, изучая с позиций семиотики вещи в современном обществе потребления как «знаки», писал:

«Обращение, покупка, продажа, присвоение различных благ и вещей (знаков) составляет сегодня наш язык, кодекс, согласно которому целое общество общается и разговаривает» [2, с. 109].

В 1967 г. А. Моль констатировал, что функционализм находится в состоянии кризиса. «Функционализм в Западной культуре вступил в критический период из-за роста «общества изобилия». <...> Функционализм неизбежно противоречит доктрине «общества изобилия», которое вынуждено неустанно производить и продавать. В конечном итоге, функционализм, как правило, стремится сократить количество объектов и реализовать оптимальное соотношение между продукцией и потребностями в ней, в то время как промышленная продукция в обществе изобилия следует в противоположном направлении. Она создает систему неокитча путем накопления объектов в окружающей человека среде. На данный момент кризис функционализма становится очевидным. Он разрывается между неокитчем супермаркета, с одной стороны, и аскетичным выполнением функций, с другой» [8, с. 22].

Важным симптомом формирования «общества потребления» стала наметившаяся на рубеже 1950 – 1960-х гг. тенденция к дифференциации рынка товаров и децентрализации производства, которое теперь предпочитало, в ряде случаев, ориентироваться на малые серии продукции и узкий сегмент рынка. В связи с этим дизайн, наряду с новыми рекламными и маркетинговыми методами, все больше использовался как средство, позволяющее максимально удовлетворить запросы различных групп потребителей. Так, например, в середине 1960-х гг. в Лондоне появились магазины одежды типа «Biba» и «Mary Quant», сделавшие ставку на молодое поколение британцев. Такую же политику целенаправленно проводил и магазин «Habitat», предлагающий покупателям различные товары для дома. В магазине имелся огромный выбор привлекательной, но недорогой мебели и прочих предметов интерьера, рассчитанных на потребителей в возрасте от 20 до 30 лет, которые были полны идей по поводу того, как им обуздовать свою первую квартиру, но при этом стеснены в средствах. Молодые британские дизайнеры с энтузиазмом работали в русле набирающего популярность поп-искусства. Многие из них отказались от идеи создавать долговечную мебель, и в том, что предметы мебели имели теперь ограниченный срок службы, производители увидели несомненные выгоды – такую мебель было проще производить и больше продавать. «Одноразовая» мебель стала очень популярной, так же, как и мебель броских, ярких цветов. Ориентированный на молодежь, поп-дизайн предлагал дешевые, ярко окрашенные и зачастую бесполезные товары. Они демонстрировали полную противоположность «хорошего дизайна» как «рациональности, воплощенной в зримую форму», который многие годы пропагандировал Британский Совет по дизайну.

Само по себе изменение конъюнктуры рынка, конечно, не могло бы полностью дискредитировать кон-

цепцию «хорошего дизайна», однако в середине 1960-х гг. кризис функционализма как ведущей модели проектной культуры оказался также предметом широкого обсуждения внутри самого профессионального сообщества. Пересмотр программы функционализма имел по преимуществу критическую направленность. Одним из главных пунктов стало неприятие функционально-рационалистического подхода к проектированию. В теоретических работах и критических статьях конца 1960-х гг. признавался кризис, а затем и конец эпохи функционализма, более того, ее техническим достижениям приписывался едва ли не антигуманный характер. Для дизайнеров-профессионалов общей стала точка зрения, согласно которой законы функционализма действительно во многом отражают законы производства, взятого как автономный целесообразный процесс, однако для воплощения этих законов достаточно инженерной квалификации, а роль художника становится все более неопределенной. Иными словами, проектирование, построенное на «научных методах», отводивших художнику роль исполнителя, владеющего известным набором профессиональных навыков, в конце концов, неадекватно законам самой профессии дизайнера, творческой по определению. Таким образом, к концу 1960-х гг. проектная культура функционализма стала мишенью для критики сразу с двух противоположных позиций. С одной стороны, рационалистический, в духе ортодоксального функционализма, дизайн не вписывался в реалии рыночной системы производства и потребления. С другой стороны, все очевиднее становилась внутренняя недостаточность его принципов для обоснования необходимости существования дизайна как самостоятельной творческой профессии.

В 1970-х гг. в дизайне все большее значение стали приобретать такие творческие концепции, которые утверждали безусловную ценность чувственно воспринимаемого облика вещей и важность культурной символики их формы. Форма проектируемых предметов при этом могла быть очень слабо связана с их внутренней конструкцией и утилитарным назначением. На фоне общего кризиса идеологических установок функционализма формируется новая парадигма художественно-проектного творчества, получившая название «постмодернизм».

Впервые активно введенное применительно к одному из стилистических направлений в архитектуре, это понятие по своему смыслу вскоре вышло далеко за рамки архитектурной практики, превратившись в междисциплинарную категорию. Укажем лишь, что применяя этот термин в качестве названия для одного из этапов развития проектной культуры дизайна, мы опираемся на отмеченный А. Рябушиным и В. Хайтом «стадиальный» характер доктрины постмодернизма: «При всей алогичности буквального значения этого термина – «послесовременный» – само название «постмодернизм» четко выражало сердцевину концепции течения: не просто отказ от идей и приемов «современной» (модернистской) архитектуры, но претензию на его замену» [5, с. 41].

Отметим, что постмодернизм в дизайне начался несколько позже, чем в архитектуре. Хотя «сигналы» постмодернизма можно отметить уже в поп- и радикальном дизайне 1960-х гг., пик его популярности приходится на вторую половину 1970-х – начало 1980-х гг. Деятельность группы «Мемфис» (1981 – 1988 гг.) знаменует собой окончательное признание постмодернизма как международного стиля, а уже в начале следующего десятилетия постмодернизм в дизайне постепенно сходит со сцены.

Однако если стилистика постмодернизма более или менее четко фиксируется в творчестве дизайнеров (например, группы «Алхимия» и «Мемфис»), то в плане идеологии и методологии этот этап проектной культуры чрезвычайно неоднороден, он представляет собой множество тенденциозно разнообразных и часто противоречащих друг другу проектных концепций, которые, к тому же, плотно следуют друг за другом и часто имеют очень короткий срок жизни. В. Вельш пишет: «Постмодерн бежит всех форм монизма, унификации и многих скрытых видов деспотизма, а вместо этого переходит к провозглашению множественности и диверсивности, многообразия и конкуренции парадигм и существованию гетерогенных элементов». Иными словами, постмодернизм означает отказ от идеи единства и утверждение множественности – радикальный плюрализм во всех областях деятельности человека. «Постмодерн радикально плюралистичен и не из-за поверхности подхода или безразличия, но благодаря сознанию бесспорной ценности различных концепций и проектов» [3, с. 129].

Творческо-поисковые концепции дизайнеров 1970-х–1980-х гг. наглядно демонстрируют, как постепенно трансформировался объект дизайнерского проектирования. В первое послевоенное десятилетие дизайн ограничивался преимущественно «предметным проектированием» изделий массового спроса, преследующим чисто внешние задачи формообразования. Позже, в период господства функционализма, считалось, что дизайнер должен заниматься не столько художественными задачами формообразования, сколько улучшением функциональных свойств самой вещи, опираясь на возможности промышленных технологий. В проектной культуре постмодернизма дизайн все более дистанцируется от непосредственных запросов промышленного производства. Накопленный к этому времени формотворческий потенциал дизайна, багаж социально и экологически ориентированных проектных идей, безусловно, в значительной степени определил постмодернистскую проектную идеологию, которая более не исчерпывалась эстетическими проблемами чисто художественных явлений: она стремилась осмыслить конечные цели, задачи и методы дизайна в широком контексте социокультурных проблем современного общества. По словам М.А. Тимофеевой, в проектной культуре постмодернизма происходит гуманистическая «эмансипация» дизайна от его обязательного подчинения «машинной скорости» научно-технического прогресса [6, с. 18].

Значение постмодернизма как очередного этапа развития проектной культуры состоит не в отмене принципов функционализма: в практике дизайна они не исчезли, а, напротив, успешно применяются в области проектирования компьютерной техники, средств транс-

порта, мобильной связи и т.д. Важнее, что в области идеологии постмодернизм расширил представления о целях дизайнера проектирования, о том, что его нельзя абстрагировать от культурного контекста, от реальных материальных и духовных потребностей людей.

Библиографический список (References)

1. *Abercrombie N., Hill S., Turner B. S. Dictionary of Sociology.* Kazan, 1997
 2. *Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures.* M., 2006.
 3. *Welsch W. Postmodern. Genealogy and the value of one of the disputed concept // Way,* 1992. № 1. Pp. 109-110.
 4. *Glazychev L. About design. Sketches on the theory and practice of design in the West.* M., 1970.
 5. *Ryabushin A., Khayt V. Postmodernism in reality and representations // Art,* 1994. № 4. Pp. 39-43.
 6. *Timofeeva M. A. On the problem of innovation in foreign design // Creative directions in modern foreign design.* M., 1990. Pp. 7-21.
 7. *Bill M. Die gute Form // (Das) Werk,* 1957. № 44. Pp. 138-140.
 8. *Design Since 1945 by Philadelphia Museum of Art.* Philadelphia, 1983.
-
-

М.А. КОМОВА

кандидат искусствоведения, доцент, кафедра истории России, докторант, филологический факультет, Орловский государственный университет,
E-mail: mariamna.orel@mail.ru

M.A. KOMOVA

Candidate in Arts, Associate professor, Department of History of Russia, Doctoral student, Faculty of Philology, Orel State University
E-mail: mariamna.orel@mail.ru

**УТРАЧЕННАЯ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА СВ. НИКОЛЫ НОВОСИЛЬСКОГО ДОБРОГО:
ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ, ИКОНОГРАФИЯ И СТИЛИСТИКА**

**THE LOST MIRACULOUS ICON OF ST. NICHOLAS NOVOSILSKI «GOOD»: WRITTEN SOURCES,
ICONOGRAPHY AND STYLE**

В статье исследуется чудотворная икона св. Николы Новосильского. Автор сравнивает разные иконы и впервые предлагает их датировку. Автор дает характеристику письменным источникам, иконографии и стилистики.

Ключевые слова: чудотворный образ, икона, протограф, иконография, стилистическое сравнение, иконографическое сравнение.

The article investigates The Lost miraculous icon of St. Nicholas Novosilski «Good». The author compares the icons, and suggests its date for the first time. The author characterizes the whritten sources, iconography and style.

Keywords: miraculous image, icon, photography, iconography, stylistic comparison, iconographic comparison.

В современном искусствоведении в связи с особым интересом к христианским ценностям актуальными стали исследования иконографии и стилистики произведений русской поздней иконописной традиции. Если наследие старинных иконописных центров рассмотрено достаточно полно, то искусство таких регионов, как Верхнеокский, еще требует более детального изучения.

В Верхнеокском регионе одной из самых известных чудотворных икон являлся образ святого Николы из Новосильского Свято-Духова монастыря. Легендарно эта икона считалась тем самым образом, который помог еще в древности некоему половцу вернуть обетный долг киевлянину. Но документально подтверждено, что новосильская икона стала почитаться как чудотворная не позднее 1776 г. – начала крестных ходов с ней. Новосильское сказание о местной иконе св. Николы и киевская легенда о церкви Николы Доброго получили самостоятельное развитие, будучи опосредованно связанными не столько преемством традиции, сколько текстом Пролога (в данном случае проложного жития св. Николая Чудотворца), который был повсеместно известен к XVII в. Упоминаемая в текстах XVIII в. надпись о чуде, произошедшем с половцем, была якобы заново восстановлена на иконе в 1781 г. после полной утраты при одевании в металлическую ризу, согласно рапорту монастырского настоятеля Ирина (Турбина) в Воронежское епархиальное управление [5].

Датировка «Сказания о Николе Новосильском Добром» XI-XII вв. также некорректна из-за соединения в тексте разновременных источников и учитывая утверждение местного почитания во второй

половине XVIII в. Периодом формирования новосильского Сказания является XVIII в. Учитывая первые документальные упоминания о новосильской иконе, а также распространение и популяризацию текстов Пролога, временем создания Сказания о Николе Новосильском можно считать XVIII в. Этот период начался с воссоединения Украины с Россией, вхождения ее при Петре I в состав огромной Киевской губернии (простиравшейся до верховьев Оки), активного почитания киевских святынь в центре России. Совпадает ли время составления литературного текста и время написания иконы Николы Новосильского?

Для этого исследователь-искусствовед должен выяснить, связаны ли стилистически изначально (т.е. является ли одна списком другой) известная по фотографиям начала XX в., но утраченная икона святого Николы Новосильского и ее киевский аналог, сохранившийся в Иоакимо-Аннинском храме Киево-Печерской Лавры, или их близость просматривается лишь в историко-культурной традиции XIX в.? Это можно было понять, проведя искусствоведческое исследование. Первооткрывателями новосильской иконы были московские, киевские и тульские специалисты второй половины XIX-начала XX вв. В 1855 г. образ реставрировал известный во второй половине XIX в. московский мастер-старообрядец Н.И. Подключников. Он датировал икону XII веком. Не стараясь опровергнуть мнение иконописца, А. Георгиевский в 1892 г. попытался впервые сравнить две иконы Николы Доброго (из Киева и Новосиля). Исследователь не видел икону после реставрации 1903 г., а лишь под записью 1855 г., сравнив ново-

сильский образ с фотографией киевского, Георгиевский, ссылаясь на мнение монастырского настоятеля Тихона, отметившего «некоторое сходство, ...весьма незначительное» [5], предположил, что икона из Новосиля является более древней в отличие от киевской. Научное изучение иконы Николы Новосильского последовало в начале XX в., когда были сделаны реставрационные расчистки красочного слоя иконы от поздних поновлений.

Краевед Н.И. Троицкий как член Тульской ученой архивной комиссии [4] специализировался на описании художественных древностей. Он первым опубликовал подробное описание и фотографию иконы св. Николы Доброго из Новосильского Свято-Духова монастыря (относившегося в XIX в. к Тульской епархии) [6;7]. Попробуем сделать новое стилистическое и иконографическое сравнение данных произведений, которое может подтвердить или опровергнуть положения о происхождении Сказания о Николе Новосильском. На фотографии новосильской иконы после снятия серебряного с позолотой оклада (оклад 1843 г., Москва, мастер Клоковский; «серебро-позлащенная риза чеканной работы, стоимостью в 1694 р. 77 коп, ассигнациями. В венце имелось пять камешков, осыпанных жемчугом. Весу в ризе было 12 фунтов 23 золотника, т.е. 5 кг; помещалась в соборном храме за левым клиросом в особом изящном киоте» [1].) и проведенных двух реставраций (1855 и 1903 гг.) представлен святитель в крестчатой фелони со светлым омофором с крупными крестами. Размер узкой длинной доски новосильской иконы: 1 арш. 6 верш. на 1 арш. (98,3x71,4 см). Киевская икона из церкви Николы Доброго значительно больше: 2 арш. на 1 арш. 12 верш (142,8x124,8 см). Значительное превосходство в размерах киевской иконы предполагает, что новосильский образ был списком с нее, а не наоборот, как считал А. Георгиевский. Сходство композиции и пропорций фигуры св. Николая подтверждают эту гипотезу. О тексте Пролога напоминает надпись на нижнем поле иконы, выполненная в соответствии с традицией XVIII-XIX вв.: «ВБРАЗЬ ТОТЬ КОТОРОМУ ПОЛОВЧАНИНЬ ДАНЬ БЫТЬ НАПОРУКУ ВКИЕВЪ» (на приведенной выше фотографии). На левом поле внизу в вертикально расположенному овальном картуше нанесена надпись, свидетельствующая о проведенной реставрации: «Сия икона очищена от многократных слоев, в разное время наложенных... Очищением сим открыт оригинал в мае месяце 1855 года художником Николаем Подключниковым при игумене Иринархе» [2;6;7].

Икона Николы Новосильского имеет ряд иконографических и стилистических характеристик, не позволяющих отнести ее к памятникам древней традиции. Несмотря на указанные в отчете Н.И. Троицкого хорошие материальные признаки древней доски с медными гвоздями по краю полей, прикреплявшими древнюю басму, больше нет деталей, которые можно отнести к средневековому периоду. На фотографии 1915 г. в среднике иконы представлено традиционное изображение святителя Николы, держащего перед собой левой рукой закрытый кодекс Евангелия. Правую руку

Никола поднял в благословляющем жесте. По обе стороны от Николы в двух прямоугольных картушах размещено наименование святого на русском языке с принятыми сокращениями «ВБРАЗ[ВЯ]ТО[ГО]», «НИКОЛАЯЕПИС[КО]ПА», что характерно для традиции XVIII-XIX вв. (вместо характерной для средневековой традиции надписи «ОА[ГИОС] или С[ВЯ]ТЫЙ НИКОЛА»). В то же время, новосильская икона сильно отличается по композиции от иконы, изображенной в 17 иллюстрациях к Лицевому житию Николы Чудотворца XVI в., посвященных «Чуду о половчине» [3]. Там святой изображен на иконной доске квадратного формата, оглавно, и виден лишь фрагмент омофора с крестами и фелонь. Изображение Никейского чуда (с Христом и Богоматерью, подносящими святому знаки епископского отличия), характерное для крупноформатных древних памятников, отсутствует. Широкие поля и ковчег, отделенный от средника лузгой, характерные для древней иконописи, отсутствуют. Вместо них видны узкие темные поля без традиционной опушки по краю доски, отделенные тонкой светлой линией от средника, характерные для иконописи поздней традиции, восходящей к европейской светской живописи на религиозный сюжет.

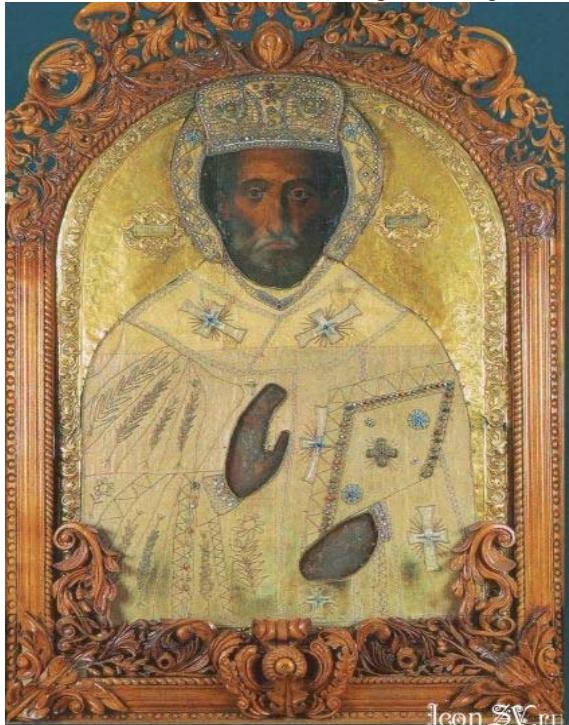
В целом композиция иконы имеет сходство с памятниками украинской иконописи Нового времени. Узкий лик Николы с темными радужками глаз и продолговатым носом, тональная светотеневая моделировка форм, выявляющих объем, напоминающая характерную для Нового времени живоподобную манеру личного письма. Удлиненные пропорции фигуры святого, изображенной почти на две трети, характерны для украинских икон второй половины XVII-первой половины XVIII вв., наследовавших вытянутые пропорции периода европейского маньериизма и барокко. Выразительность художественного образа Николы усиlena позолоченным фоном с крупным чеканным растительным орнаментом с крупным рисунком, имитирующим драгоценный оклад. В фоновой резьбе по левкасу присутствуют мотивы барокко, известные по украинским памятникам. Участки живописи отчетливо выделяются на фоне сияющей позолоты. Наибольшие совпадения иконографии, стиля, типа лика, жеста, вплоть до наличия картушей, формы удлиненной доски с арочным завершением и штампованным позолоченного орнаментального фона у новосильского памятника со списком иконы св. Николы первой трети XVIII в., происходящей из киевской церкви Николы Доброго на Подоле (теперь в Аннозачатьевской церкви Киево-Печерской Лавры). Возможно, и киевская икона Николы Доброго, и новосильская икона происходят от одного оригинального памятника киевской иконописной традиции. О связи с древней иконографией говорит взгляд Николы, отведенный в сторону, и крестчатая фелонь и белый омофор с тремя крупными крестами напоминают русские памятники XVI-XVII вв., где крестчатый орнамент крупнее в пропорциях. Но в целом образные и иконографические характеристики иконы Николы Новосильского (на фотографии к статье Н.И. Троицкого) следуют ки-

евской иконописной манере Нового времени. Надпись на нижнем поле, выполненная уставом, соответствует стилю XVIII-XIX в. и не имеет аналогов ни в культуре XII в., ни XVI-XVII вв. Если и существовало первоначальное изображение св. Николы на древней доске из Новосильского Свято-Духова монастыря или в 1663 г. икона была подарена царем Алексеем Михайловичем, эти изображения были иного иконографического типа и стиля. Учитывая, что доска имела признаки древнего памятника, первоначальный слой мог быть утрачен, чтобы быть восстановленным в XVIII вв. иконописцем, носителем киевской традиции. Нельзя отрицать и вероятность царского вклада 1663 г. в виде иконы пись-

ма украинского мастера, работавшего в Москве (после Переяславской Рады 1654 г. в Москве работало немало украинских и белорусских мастеров, чьи произведения не раз попадали в Верхнеокский край в виде царских даров. Заметное сходство с образом из киевской церкви Николы Доброго и аналогии, проведенные с украинской живописью, предполагают более позднее происхождение новосильского памятника. Атрибутировать икону Николы Новосильского как принадлежащую письму легендарного иконописца Алипия Печерского и датировать 1111 годом или даже XII в. не представляется возможным.

Иллюстрации

1. Икона св. Николая Новосильского (утрачена). Находилась в Новосильском Свято-Духовом монастыре. Фото из журнала «Светильник», 1915 г.
2. Икона св. Николая Доброго. Список первой четверти XVIII в. с иконы рубежа XVI-XVII вв. Оклад и митра XX в. Находилась в ц. Николы Доброго на Подоле, ныне в ц. Иоакима и Анны, Киево-Печерская Лавра.

Icon SV.ru

Библиографический список (References)

1. The Archive by V.M. Nedelin. Nedelin V. M. The Novosilsky Holy spirit monastery: a Historical note. Orel, 1995 [typescript]. L. 1-15.
2. Vzdornov G.I. The history of the discovery and study of Russian medieval painting. The XIX century. Moscow, 1986. Pp. 37-43, 284.
3. Voznesensky A., Gusev F. The Life and miracles of St. Nicholas the Wonderworker. Petersburg, 1899. P. 683.
4. The State Archive of the Orel region. F. 7. D. 3. The position of provincial scientists archival and archaeological Commission [project]. 1896.
5. Georgievski A. The Kyiv-Podil Nicholas “Good” Church. Kiev, 1892. Pp. 21-22.
6. Troitski N.I. About the icon of St. Nicholas Novosilski // The Proceedings of XIV Archeology Congress in Chernigov. 1908. V. II. Moscow, 1911. Pp. 60-61.
7. Troitski N.I. The Novosilksa icon of St. Nicholas “Good” // Lamp. 1915. № 9-12. P. 75.

Л.В. МАЛАЦАЙ

доктор искусствоведения, доцент, кафедра хорового дирижирования, Орловский государственный институт искусств и культуры

Д.Д. АЛЕШИНА

магистр, кафедра фортепиано, Орловский государственный институт искусств и культуры

L.V. MALATSAY

Doctor of Arts, Associate Professor, Department of choral conducting, Orel State Institute of Arts and Culture

D.D. ALESHINA

Master, Department of piano, Orel State Institute of Arts and Culture

СТИХОТВОРЕНИЯ Ф.И. ТЮТЧЕВА И А.А. ФЕТА В МУЗЫКАЛЬНОМ ПРОЧТЕНИИ Н.К. МЕТНЕРА

POEMS BY F.I. TYUTCHEV AND A.A. FET IN MUSICAL PERUSAL OF N.K. MEDTNER

В статье впервые стихотворения Ф.И. Тютчева и А.А. Фета рассматриваются в ракурсе использования их в жанре романса, а именно в 15-ти романсах русского композитора Н.К. Метнера. Определены средства музыкальной выразительности, используемые композитором для передачи того или иного психологического состояния, оттенков чувств и эмоций, философских размышлений. Обращено внимание на музыкальные иллюстрации образов, о которых упоминается в текстах стихотворений.

Ключевые слова: Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, Н.К. Метнер, жанр русского романса, средства музыкальной выразительности, выразительность и изобразительность музыкального языка, связь слова и музыки.

In the article poems by F.I. Tyutchev and A.A. Fet are considered for the first time in a perspective of use in a romance genre, namely in 15 romances of the Russian composer N.K. Medtner. The means of musical expressiveness used by the composer to display psychological state, shades of feelings and emotions, philosophical reflections are defined. Special attention is paid to musical illustrations of images which are mentioned in poems.

Keywords: F.I. Tyutchev, A.A. Fet, N.K. Medtner, Russian romance as a genre, means of musical expression, expressive and pictorial musical languages, the relations of words and music.

В последнее время, а именно в нынешний год литературы, много делается для популяризации поэзии и прозы отечественных авторов. Плодовитый союз двух искусств – литературы и музыки – не однажды обсуждался, а возникавшие в результате этого союза синтетические жанры являются постоянным предметом исследований музыковедов и литераторов. Более всего отечественными и зарубежными композиторами востребована поэзия и проза А.С. Пушкина, породившая бесчисленное множество романсов, хоров, опер и других музыкальных сочинений. Стихотворения М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина, А.К. Толстого, А.Н. Майкова, А.Н. Апухтина также обрели небывалую известность благодаря романсам и хорам, созданным отечественными композиторами. В этих произведениях оттенки лирических и драматических чувств и настроений, пейзажи русской природы тонко, с большим эстетическим вкусом дополнены при помощи средств музыкальной выразительности.

Поэзия уроженцев Орловской губернии – Ф.И. Тютчева и А.А. Фета – знаменита в блистательном музыкальном обрамлении в жанре романсов. Романс «Я встретил вас» – первый, который приходит на ум при упоминании имени Ф.И.Тютчева. Не менее популярны в исполнительской и педагогической практике романсы на его стихи С.В. Рахманинова «Весенние воды» и «Все отнял у меня». А.А. Фет знаком даже са-

мым юным музыкантам по хрестоматийному романсу А.Е. Варламова «На заре ты ее не буди», почитатели творчества П.И. Чайковского непременно назовут в числе любимых романсы «Мой гений, мой ангел, мой друг» и «Я тебе ничего не скажу».

Творчество москвича по рождению композитора Н.К. Метнера (1879–1951), предки которого имели скандинавские корни, покинувшего Россию в 1921 году, менее известно, может быть, потому, что долгие годы он скитался по странам и континентам, не находя признания у иностранцев, а Россия предпочитала в послереволюционные годы предавать забвению творения вынужденно эмигрировавших соотечественников. Однако романсы Николая Карловича на стихи Ф.И. Тютчева и А.А. Фета заслуживают особого внимания, так как в них музыкальное прочтение обрели стихи, не вызвавшие особого интереса у других композиторов, а именно философская лирика.

Уже давно крылатой фразой стали слова Г. Гейне: «Музыка начинается там, где кончается слово». Действительно, музыка способна дорисовать своими красками, выразить своими средствами и представить слушателю тот тайный смысл, который проницательный композитор сумел уловить в стихах поэта. Метнер, как известно, был одним из величайших пианистов своего времени, завоевавшим награды и премии на престижных конкурсах. Его превосходное владение

инструментом наложило определенный отпечаток и на композиторский стиль. Клавиши фортепиано в сочинениях Н.К. Метнера то порхают подобно крыльям бабочки, то углубляются в размышление, то поют и пляшут, то сочувствуют лирическому герою. В качестве музыкального материала для анализа нами избраны романсы оп. 24 (1911 г.) и оп. 28 (1913 г.) – периода, когда уже сформировался композиторский язык и стиль, но в это время композитор жил и творил еще на родине, в России.

Опус 24-й включает в себя 8 романсов. Романс «День и ночь» на стихи Ф.И. Тютчева написан в сложной двухчастной форме, начинается в тональности *Es dur* и заканчивается в одноименном миноре, таким образом, ладовое наклонение отражает краски дня и ночи. В развитии создаваемых образов композитор зачастую использует похожие мелодические интонации, но перекрашивает в контрастных ладах, используя приемы изобразительности. Особая ритмическая организация аккомпанемента, основанная на сочетании триольности в аккомпанементе и дуольности вокальной строчки в начале, при создании образа дня, придает композиции черты высокого стиля – оды, гимна. Переход ко второй части, к образу ночи, обозначен пассажами шестнадцатых длительностей, которые, с одной стороны, изображают «ткань благодатного покрова», а с другой – выражают чувство смятения, тревоги, страха. Слушатель может физически почувствовать трепет этой мглы, бездны. В гармоническом оформлении можно наблюдать разнообразные отклонения.

В этом романсе композитор дает свое философское прочтение антитезы дня и ночи, конкретизируя и иллюстрируя подтекст стихотворения.

Второй романс опуса «Что ты клонишь над водами» также написан на стихи Ф.И. Тютчева и представляет собой легкую пейзажную зарисовку. Музыка романса стилизована под народную песню с характерным несложным повторяющимся аккомпанементом, сопровождающим мелодический голос, с натуральным ходом VII – I – VII, с чертами мажоро-минорной параллельной переменности. Однако в романсах при упоминании в литературной основе о «беглой струне» в музыкальном оформлении можно наблюдать изобразительные элементы – триольное движение мелкими длительностями. Смех в заключительной фразе передан при помощи аккордов в сочетании с хроматическим движением на *staccato*. Первый раздел романса дает обобщенный образ, а во втором имеет местно изобразительность, что можно отметить как композиторский стилевой прием.

Романс «Дума за думой, волна за волной» (№ 3, оп. 24) по стилистке вокальных интонаций вызывает ассоциации с монологами и ариозо страдающих женщин из русских опер (Любавы из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Садко», Марфы из его же «Царской невесты»), ожидающих своих любимых, в данном случае в мужской интерпретации. Эти оперные номера имеют линию развития с эмоциональной вершиной, с распевом и с обобщениями. В романсах преувеличена выразительность. С одной стороны, дан единый образ, который представлен типом

мелодики, выдержаным аккомпанементом, с другой – есть некоторые детали почти в каждой фразе, в которых можно услышать оттенки психологизма, когда музыка идет даже не за смыслом фразы или текста, а за словом. Сравнивая этот романс с первым, где день и ночь, белое и черное есть контрастное сопоставление, здесь думу и волну композитор пытается представить как нечто похожее, используя одинаковые музыкальные краски.

Романс «Сумерки» вновь отсылает нас к первому романсу, в котором были обозначены два контрастных времени суток – день и ночь. Через веселую беззаботность «Что ты клонишь», через размышления о думах и волнах композитор вновь приводит слушателя к ночи, а вернее к ее ожиданию.

Н.К. Метнер писал романс в эпоху «серебряного века», в эпоху декаданса, от которой пахнет увядшими розами, эстетикой никнувшей, изысканно утомленной культуры. В самом начале наблюдаем переменный размер, основанный на сочетании 4/8, 5/8 и 6/8, отсутствие единого ритмического движения вносит элемент нестабильности, противоречивости, но при этом возникают ассоциации с ритмом баркаролы – песни гондольеров с мерным покачиванием лодки в такт волны. Сквозь дымку сумрака едва намечается призрак разочарования, сумерки передают ощущение размытого изображения блика. Все гармонии тонации, субдоминанты даны в романсах в виде септаккордов с задержаниями, доминант с добавочным звуками (нонаккордов), что свидетельствует о любовании композитором гармоническими сочетаниями.

В форме романса присутствуют элементы трехчастности с репризным повтором, но все размыто, нет моментов остановок, границ частей. Основная задача композитора – выражение состояния, настроения, лишь иногда имеют место вплетаемые в музыкальную ткань приемы изобразительности при передаче полета мотылька, трели соловья, разливов арфы.

Восторженным монологом-исповедью можно назвать романс «Я потрясен, когда кругом» на стихи А.А. Фета. Форма романса – сквозная, но и композитором, и поэтом она поделена на два раздела. Первый – это описание божественной природы, ее силы и мощи. В романсах он заканчивается торможением на словах «Мой светлый ангел», с остановкой при уровне динамической организации *pianissimo*. Эта волна, описывающая царство природы, спадает и затухает. Второй раздел вначале разворачивается как некое откровение, которое происходит на душу светлой арфой, как бы вдохновением музы: «Твой ангел светлый шепчет мне Неизреченные глаголы». Далее следует усиливающаяся, нарастающая волна, которая утверждает художника в силе творца, в стремлении его к вершинам мастерства создателя. До конца второй части с инструментальной кодой, передающей образ парения крыльев, драматургия выстраивается по принципу нарастания. Но в вокальной партии нет ощущения трибуны, миссионерского вещания, все достаточно лирично, идет от поэта, творца, художника, который тонко чувствует.

Сразу обращает на себя внимание то, что в композиции все дается со знаком восходящего стремления вверх: мелодия вся восходящая, медленно поднимающаяся или стремительно вздывающаяся. Весь аккомпанемент направлен вверх, но при этом он не тяжелый, а воздушный, парящий – имеют место приемы арпеджио, триолей – это волны, которые передают взлет, парение творца. Насыщенный гармонический план развития скреплен аркой, выстроеною от *a moll* в начале к одноименному *A dur* в конце.

В следующем романсе опуса «Только встречу улыбку твою» (№ 6) композитор подражает простонародной незатейливой песне в размере 2/4 с поступенными песенными интонациями. Следует отметить, что образы роз и соловья, упоминаемые в тексте стихотворения А.А. Фета, весьма характерны для русского городского романса. В музыкальной ткани сначала передается жанр этой песни через типичную модуляцию из *Es dur* в *B dur*. Первая часть представляет собой модулирующий период повторного строения из двух предложений. Во втором разделе со слов «Про певца по зарям говорят» начинается более интенсивное развитие – тут же приходит некая изысканность, показывающая, что соловей-певец не просто выходец из народа. Композитором выписана изысканная музыкальная иллюстрация: курлыканье соловья. Третий раздел («Но безмолвствует, пышно чиста») возвращает формулу аккомпанемента из начала, однако возникающая репризность весьма условна. Крайние части направлены на передачу общего состояния, а в средней – ярко прописана кульминационная зона, здесь усиливают впечатление изобразительные моменты.

По контрасту следующий роман «Шепот, робкое дыханье» далек от изобразительности. Здесь композитор дал возможность максимально отзнучать словам. В музыкальном прочтении все предельно аккуратно, совпадение вертикали мелодии и горизонтали в аккомпанементе. Очень тонкие гармонии, опять же без хроматической альтерации, но выбор тональности – *Ges dur* с модуляцией в *Des dur* и реприза в *ces moll* – весьма изысканный, так сказать «для знатоков», для рафинированных людей, которые знают поэзию и, в то же время, могут услышать и оценить по достоинству находки композитора. Романс по стилю напоминает танец-шествие – мазурку, полонез. Пометка в партии аккомпанемента *una corda* (левая педаль) встречается впервые. Композитор пытается добиться матового звучания, здесь фортепиано должно звучать, как клавикорд. Композитор избегает простоты, вокальные интонации прописаны с использованием скачков, мелодия витиеватая и обращает на себя внимание определенной своей продуманностью, изысканностью. Большое количество литературного текста строго соответствует музыкальному материалу по принципу: слог – нота, без внутристоговых распевов. Миниатюра с элементами статики влечет использование импрессионистических средств и красок.

Светлый, диезный, ликующий, полный жизни *Fis dur* венчает опус в романсе «Я пришел к тебе с при-

ветом» на стихи А.А. Фета. Форма трехчастная ре-призная с некоторым торможением в средней части, при интимно-личном, приглушенном повествовании о переполняющей душу страсти, и сокращенной репризой. Мелодия преимущественно выписана восьмыми длительностями, аккомпанемент излагается шестнадцатыми длительностями – партия правой руки как бы стремится догнать левую. Трепет листьев, веток, птиц изображается восходящими пассажами в аккомпанементе и более мелкими шестнадцатыми длительностями в вокальной партии. Величие проснувшегося леса передано пунктирным ритмом. Зреющая в душе лирического героя песня-посвящение любимой изображается при помощи колокольного перезвона и взлетающих ввысь бравурных пассажей по звукам аккордов.

Таким образом, весь опус – это восхождение от образа ночи, которым открывается первый роман, к жизнеутверждающему свету начинающегося дня. В большинстве романов композитор пытается воссоздать цельный образ, выразить настроение, состояние, передать философские раздумья. Изобразительность имеет место по большей части для прорисовки деталей литературного текста.

В цикл романов, объединенных в опус 28, вошли 7 произведений. Если в предыдущем опусе первую половину составили романсы на стихи Ф.И. Тютчева, то здесь цикл открывают фетовские стихотворения.

В литературной основе романса «Нежданный дождь» (оп.28, № 1) передано единение чувств человека с природными явлениями. Начинается романс тревожным инструментальным вступлением в тональности *b moll*. Состояние показано при помощи триольной ритмической организации музыкальной ткани с пропущенной первой восьмой в триоли, в воображении слушателя возникают аналогии с вздохами по умирающей от пальяющего солнца природе. Дальнейшее развитие идет по принципу нарастания драматизма, на смену диатонике приходит хроматизированный тип мелодики, состояние тревоги усиливается. Раздел заканчивается нисходящей тритоновой интонацией на словах «радуга стояла».

В срединном развивающем разделе, соответствующем третьему четверостишию, описание природы сменяется выражением дум и настроений поэта: «Смирись, мятущийся поэт...» Пафосный настрой раздела передан при помощи яркого уровня динамической организации – *forte, fortissimo*, более плотной фактуры аккомпанемента, восклицательных интонаций. Так композитор выражает пророчество, на которое обречен поэт. Далее следует не буквальная, а динамическая реприза с пульсирующими плотными аккордами, гармонической педалью, с восклицаниями, что передает пафос утверждения: «И живоносные шлет тучи». Симптоматичное, бурное заключение фортепианной партии имеет пространственную природу, интонации взяты из вокальной партии романса. Это успокаивающая волна после пафосного монолога-откровения поэта, возвращение в стихию природного созерцания потребовали компенсацию в длительном заключении, как противовес.

В романе «Нежданнй дождь» доминирует выразительность, в музыкальном прочтении протянута арка между природой и человеком. Есть некое настроение, выражающее образ природы «Все сожжено, все умирает», которое в дальнейшем становится настроением поэта «Смирись, мятущийся поэт, – с небес нисходит жизни влага».

Романс «Не могу я слышать этой птички» написан в жанре серенады – это явный монолог мужчины, обращенный к женщине. Образ птички ассоциируется с девушкой. Средний раздел «Ты не вспыхнешь, ты не побледнеешь» дан с драматизацией, с большей акцентуацией. После него возникает своеобразная реприза. Три раздела романса звукоизобразительны. Композитор идет по слову за каждой фразой текста, музыкально иллюстрируя то, о чем говорится в данный момент. Вначале прозрачная фактура аккомпанемента на *staccato* сопровождает пение птички в высокой tessitura. Уже в следующей фразе, на слове «Не могу» возникает остановка. Далее вздохи прорисованы при помощи пропуска первой доли в партии фортепиано, и так в каждой фразе сообразно тексту меняется комплекс средств музыкальной выразительности. Реприза не буквальная, а скрытая, здесь как намек на образ птички возникает «птичья трель».

В целом романс представляет собой закругленную незатейливую, легкую миниатюру со вступлением и заключением, с «птичьим» аккомпанементом. Отмечаем перевес в сторону изобразительности, где образ птички – девушки легкомысленный, но дарящий приятные чувства – дан изобразительными приемами: трелями и подскоками в фактуре аккомпанемента, а также незатейливой мелодией. Форма сквозная, открытая. Композитор идет за текстом в каждой фразе, меняя и тип вокализации, и фактуру аккомпанемента, и даже репризу здесь завуалирована.

Далее в опусе на смену порхающей птичке приходит порхающая «Бабочка». В романсе также превалирует изобразительность, при прослушивании возникает ассоциация с бабочкой как настроением, отношением к жизни, любованием чудом природы, которым и выступает легкая бабочка. Диатоничность вокальной партии подчеркивает простоту, характерно отметить встречающуюся здесь зачинную романсовую интонацию восходящей малой сексты. Фактура аккомпанемента напоминает однотипный, кружящийся этюд, передающий хрупкость, трепетность изящно парящего существа. Тональность *Ges dur* (бемольная, по черным клавишам) создает своего рода определенную легкость и полетность звучания. Музыкальное оформление родственно стилистике импрессионизма, где образ подается полунаимеком, близок, едва уловимым оттенком.

Последующие романсы опуса написаны на стихи Тютчева. «Весенное успокоение» – романс, литературная основа которого представляет собой вольный перевод стихотворения немецкого поэта Л. Уланда. В тексте имеет место некий оксюморон, несовместимое: весенне успокоение всегда ассоциируется с оживлением,

возрождением природы, а здесь слова «О, не кладите меня в землю сырую» выражают типично романтическое столкновение образов возрождающейся природы и умирающей человеческой души.

Сам текст перевода напоминает народную поэзию. Композиторское прочтение ориентировано на модель народного причета, подражания народно-песенному жанру. В музыкальном оформлении находим массу подтверждений: в аккомпанементе возникает идущий из народной традиции наигрыш свирели или жалейки, для вокальной партии использован диатоничный одноголосный запев в народном стиле, продолжение его на подхвате аккомпанемента есть полифонический прием, часто встречающийся в народных обработках. И только во втором разделе композиторская изобразительность облаков, ветерка при помощи более подвижного аккомпанемента, типа мелодики дает ощущение выхода из этой стилизации.

Таким образом, в романсе композитор использует жанровые формулы русской протяжной песни, обобщение через жанр, сквозь призму характерных особенностей жанра создает причет, плач. Миниатюра построена по излюбленному принципу обрамления и оставляет ощущение приятной, красивой и грамотной стилизации.

Следующий романс цикла «Сижу задумчив и один» выделяется среди прочих своей масштабностью. Размышления поэта передают 5 поэтических строф. В романсе велика роль сопровождения: баланс между вокальной строкой и инструментальной нарушен в сторону фортепианного сопровождения, даже не как музыкального комментария, а как самостоятельного полноправного голоса. Пять строф компонуются в композиции романса в трехчастную репризную форму. Первые две строфы экспозиционного характера в тональности *as moll*. Третья и четвертая строфа идут в контрастном типе изложения аккомпанемента, как развивающий раздел, отличающийся развитым тональным движением со свободным уходом в тональности диезной сферы. Пятая строфа – реприза, которая начинается не с вокальной строки, а с темы вступления, звучащей октавой выше. Инструментальное заключение довольно длительное, как мощное послесловие, пафос восклицания, отзвуки былого в динамике *pianissimo*.

В романсе преобладает выразительность с характерным для философских стихов обобщением. Для монолога поэта с самим собой композитор использует декламационный тип мелодики, в котором, несмотря на мелодичность и постепенность, имеют место скачки и хроматизмы. Углубление психологизма и драматизма происходит средствами аккомпанемента, так в среднем разделе драматизм передан при помощи фактурно уплотненных аккордов. Детализации, иллюстрации нет места в этом романсе, все средства музыкальной выразительности подчинены развитию поэтической мысли через некий тип мелодики и фактуры аккомпанемента, для создания обобщенного образа философа-мыслителя.

Последний романс «Пошли, господь, свою отраду...» по названию должен звучать как молитва, но

смысл этого романса заключается в опосредованном признании в любви, в грехе, в страсти. Мерный шаг хорала настраивает, с одной стороны, на молитвенный тон, но с другой – в гармоническом оформлении превалирует неустойчивый малый уменьшенный септаккорд, который, как страсть, держит в своих оковах не смирившегося со своей долей лирического героя. Хоральная фактура также способствует передаче мерного шествия лирического героя по мостовой.

Развивающий раздел обозначен сменой фактуры и типа мелодики, которая обретает черты декламации на словах «Не для него гостеприимной...» Композитор начинает выделять слова, отдельные части строк с акцентуацией и идет за текстом по фразам. Первая фраза – восходящая фактура, основанная на контрасте между высокими и низкими звуками. Дальше взрыв на словах «Как облак дымный, фонтан на облаке повис» – яркая изобразительность, комментированная иллюстрация. «Лазурный грот, как из тумана» левая педаль, ползущие по хроматизмам вверх аккорды. Во фразе «И пыль росистая фонтана главы его не освежит» композитор предлагает варианты – либо вернуться в хоральный повтор, либо как фонтаны бурно секстолями «бить» дальше. В конце репризная строфа «Пошли, Господь, свою отраду» звучит на *forte*. Следует отметить, что репризный повтор имеет место в стихотворении самого Ф.И. Тютчева, что у поэтов встречается редко. Смирение, которое есть в стихе, у композитора передано через щемящие инто-

нации боли малого уменьшенного септаккорда, через грохот колокола или погребального барабана, который сопровождает это шествие. Плотная аккордовая фактура создает большой пространственный объем, как купол храма, который поднимается к небу.

Рассматривая романское творчество Н.К. Метнера на стихи Ф.И. Тютчева и А.А. Фета, приходим к выводу о том, что композитор видит семантическое и стилистическое сходство их произведений. Оба поэта пишут в лучших традициях отечественной поэтической школы, то подражая народной стилистике, то предаваясь философским размышлению, то живописуя звучный их настроениям пейзаж, явление природы или жизнь живого существа. Композитор не проводит резкой грани между Тютчевым и Фетом, наоборот, наблюдая особую музыкальность и поэтическую прелест их стихов, он в своем музыкальном почтении логично сочетает выразительность и изобразительность, передавая заложенный в литературной основе смысл.

Вообще номера обоих опусов Н.К. Метнера нельзя назвать просто городскими романсами. Сочинения композитора в этом жанре передают картины жизни. Он использует романские формы в аккомпанементе и интонациях, но в то же время, углубляя философский подтекст, применяет элементы драматизации, далекие от наивности незатейливых любовных романсов того времени.

Е.В. МИРОНОВА

аспирант, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет
E-mail: allella77@mail.ru

E.V. MIRONOVA

Graduate student, Department of arts and crafts and technical graphics, Orel State University
E-mail: allella77@mail.ru

ГРАФИКА: ОТ НАСКАЛЬНОЙ ДО ТЕХНИЧЕСКОЙ. ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ МЫСЛЕФОРМЫ

GRAPHICS: FROM PETROGLYPHIC TO THE TECHNICAL. EVOLUTIONARY WAY OF DEVELOPMENT OF A THOUGHT FORM

В статье рассматриваются вопросы закономерности развития прикладной графики от древних доисторических времен до наших дней. Просматривается значение рисунков, эскизов и чертежей в жизни человека, роль, которую они играли в становлении человечества. Анализируется развитие графики с доисторических времен до настоящего времени.

Ключевые слова: **наскальная графика, графическое восприятие, петроглифы, графические работы, графика.**

In the article questions of regularity of development of applied graphics from ancient prehistoric times up to now are considered. Value of drawings, sketches and drawings in human lives, the role they played in formation of mankind is regarded. Development of graphics since prehistoric times has been analyzed so far.

Keywords: **petroglyphic graphics, graphic perception, petroglyphs, graphic works, graphics.**

Первобытное искусство возникло в период перво-бытообщинного строя и датировано примерно 60 тыс. лет назад. Исторически принято считать, что это искусство охватывает все континенты, кроме Антарктиды, и сопутствует человечеству на протяжении всех этапов жизни и становления общества. Эта наскальная графика отразила представления людей об окружающем их мире, послужила передачей навыков и знаний, то есть играла немаловажную роль в их общественной и трудовой деятельности.

Самые первые упоминания о наскальной графике датируются серединой 19 века, а родиной их можно назвать Северную Европу, Северную Африку и Сахару. Первые сообщения об этом доисторическом искусстве были сделаны путешественниками и военными и вызвали бурный интерес современников. Например, в 1850 году в Фещане Г.Бартом были обнаружены скалы, покрытые многочисленными изображениями крупных животных, давно уже не обитавших в данной местности. Характерными особенностями изображения были размеры, достигавшие пяти метров и реалистичность животных. Также были найдены изображения меньших размеров, выполненных достаточно условно. Возраст этих памятников искусства сложно датировать, так как он исчисляется тысячелетиями. Петроглифы считаются вершиной древнего искусства. Нанесены они с большим мастерством и передают традиционный стиль доисторических изображений.

Наскальная графика была постоянным спутником человека с доисторических времен. На таких рисунках древние изображали все важные жизненные события,

быт, охоту, зверей, древние обряды.

Изначально наскальным рисункам приписывались магические особенности, так как обычно изображения наносили в темных уголках пещер, что добавляло таинственности.

Часто связывают возникновение искусства с игровой деятельностью. Это оправдано, так как более поздние изображения перестали быть реалистическими, их можно назвать уже условными. То есть появился элемент не исторически-информационный, а скорее игровой.

Какие же цели преследовал первобытный человек, когда изображал настенные фигурки? Таких целей может быть несколько, начиная от передачи опыта, важных бытовых знаний и кончая удовлетворением своих внутренних потребностей, материализуя собственные ценности и переживания. Таким образом, можно сделать вывод о важности наскального искусства и об огромном влиянии этого творчества на жизнь доэволюционного человека.

Прошли тысячелетия, которые принесли с собой много различных достижений в науке и технике, изменился и подход к рисункам, эскизам и чертежам.

Хотя в истории графики довольно часто встречались люди, опережавшие свою эпоху, мы не можем не вспомнить о Леонардо да Винчи. Великий итальянский художник и ученый. Его работы, и как мастера, и как ученого сложно переоценить. Его дневники – около 6000 листов с заметками и рисунками, исписанные мелким зеркальным подчерком, сами по себе уже являются произведением искусства. Его модели до сих пор работа-

ют, хлопая крыльями и стуча шестерёнками. Опередив современников на сотни лет, все его чертежи и модели работоспособны. Среди наиболее известных изобретений есть цепные передачи, те, что сейчас используем в велосипедах, ременные передачи, используемые в авто, разнообразные станки, боевые машины, музыкальные инструменты, землечерпалки, парашют, летательные машины, автомобили, прожекторы и многое другое. Графические работы этого гениального ученого охватывают многие области человеческой деятельности. Как же графическое восприятие продвинулось со времен великого мастера? Все его изобретения за последние 500 лет были претворены в жизнь, и до сих пор ученые кропотливо изучают рукописи гения.

Россия – самобытная страна и развитие графического искусства было тоже особенным. В 16 веке наши зодчие уже обладали навыками выполнения сложных чертежей. Примерами могут служить: проект Федора Коня – каменная стена с башнями длиной семь километров или перспективное изображение города Пскова (1518г.). На миниатюрах 14-15 веков уже можно увидеть технические рисунки и подобие аксонометрических изображений фигур.

Времена Петра I можно считать началом активного изучения и преподавания графического искусства, так как царь издал приказ о преподавании черчения и издании первых учебников. Сам Петр выполнял чертежи, один из которых сохранился до сих пор. Русские чертежники того времени пользовались методом, который сейчас называется «метод прямоугольных проекций». Со временем чертежи стали усложняться вследствие развития промышленности и строительства. Постепенно на чертежах стали появляться размеры, надписи, масштаб.

В 1798 году французский инженер-математик Гаспар Монж обобщил все знания в области графического изображения пространственных фигур на плоскости и представил решение графическим способом. Благодаря этому ученому появилась специальная наука «Начертательная геометрия».

Как мы видим, развитие науки и графика неразрывно связаны, и любым изобретениям предшествуют чертежи и эскизы этих изобретений.

Но наука не стоит на месте, а движется вперед, изобретая и претворяя в жизнь все более нереальные когда-то замыслы. Мы уже не можем представить свою жизнь без научных разработок последнего столетия, никого уже не удивишь самыми современными роботами. Но никакое развитие современных технологий не обходится без технических схем, чертежей, эскизов, которые являются необходимой частью любой разработки.

Вот такое движение получила графика за сотни и миллионы лет. Роль ее в жизни человека никаким образом не уменьшилась, она так же охватывает все области рабочей деятельности обычного современного человека. Изменилась сложность выполнения графических работ, они стали более широкодоступны и распространены, нежели раньше. Мы больше не считаем чертежи чем-то магическим, это наша рабочая повседневность, которая нам облегчает труд и объясняет работу любого механизма.

Роль графики в жизни человека сложно оценить. Ведь с самого маленького возраста дети любят рисовать, они передают в графической форме те объекты, которые видят, окружающий мир, свое настроение, других людей. Рисунки и графика помогают развиваться личности, помогают развитию образного и абстрактно-пространственного мышления.

Рисунок лежит в основе всех видов изобразительного искусства и является основой графического языка. Для понимания и верного изображения окружающих нас пространственных предметов необходимо знание законов образования мыслеформы, перспективы и, конечно, проецирования.

Любое развитие нашего мышления, нашего восприятия и нашей жизнедеятельности непременно отразится и на наших обычных повседневных рабочих чертежах, так же как и в древности.

Библиографический список (References)

1. Alekseev V.P., Pershits A.I. History of primitive society. M: The higher school, 1990. 351p.
2. Architecture, graphic and arts and crafts since the most ancient times to Renaissance. Encyclopedia “Avanta +” (t.7). M, 2000. 688 p.
3. Bernal J. Science in the history of society. M.: Foreign literature, 1956. 280 p.
4. Guseva M. A., Smirnova L.P. Great converters of natural sciences: Leonardo da Vinci: 27 XVIII international readings.20-21 November, 2002, Minsk. I. F. Gabrus. Mн.: BGUIR, 2002. 330 p.
5. Malakhov V. A. Art and human mirootnosheniye. Kiev: Naukova dumka, 1988.211 p.
6. Svarovskaya V.P. Some methodological problems of interaction of science and art. Methodological problems of development of science. Novosibirsk, 1984. Pp. 129-146.
7. Taylor E.B. Primitive culture. M, 1993. 37 p.

Ю.И. ПИЛЮГАЙЦЕВА

аспирант, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет
E-mail: Pilyla32@mail.ru

J.I. PILYIGAITSEVA

Graduate student, Department of arts and crafts and
technical graphics, Orel State University
E-mail: Pilyla32@mail.ru

ТЕОРИЯ ЦВЕТА ВАСИЛИЯ КАНДИНСКОГО

WASSILY KANDINSKY'S COLOR THEORY

Василий Кандинский, один из основоположников абстрактного искусства, большое внимание уделял проблеме цвета. На основе научного подхода Кандинский разработал собственную теорию цвета, основные положения которой изложены в его работах «О духовном в искусстве» и «Точка и линия на плоскости».

Ключевые слова: цвет, точка, линия, плоскость, абстрактное искусство, контраст.

Wassily Kandinsky, one of the founders of abstract art, pays a great attention to the problem of the color. On basis of the scientific method Kandinsky worked out the author's theory of color, the principal points of which were expounded in his works «On the Spiritual in Art» and «Point and Line to Plane».

Keywords: color, point, line, plane, abstract art, contrast.

Многие художники занимались изучением проблемы цвета. Один из выдающихся художников двадцатого века, теоретик абстрактного искусства, Василий Кандинский разработал собственную теорию цвета, придавая ей не меньшее значение, чем исследованию первоэлементов композиции.

Еще в детские годы впечатления художника связанны с ощущением цвета и окрашены в «светло-сочно-зеленое, белое, красное кармина, черное и желтое охры» [2.19]. В годы студенчества Кандинский стремился перенести на холст «хор красок» [2.24], пытаясь выразить всю силу их звучания. На решение стать художником и оставить юриспруденцию повлияли несколько событий: импрессионистская выставка в Москве, в частности картина Клода Моне «Стог сена», и постановка Вагнера «Лоэнгрин». Отправившись в 1896 году в Мюнхен, Кандинский занимается в частной школе художника Антона Ашбе, участвует в выставках. Постепенно в его работах композиции из цветовых пятен и линий вытесняют реальные образы действительности. В этот период начинается активный поиск нового художественного языка, новых выразительных средств, которые служили бы основой любого произведения. Особое внимание Кандинский уделяет проблеме цвета, особенностям его психологического воздействия на душевное состояние человека и рассматривает цвет как один из основных элементов художественного языка.

Цвет для художника «является средством, которым можно непосредственно влиять на душу. Цвет – это клавиш; глаз – молоточек; душа – многострунный рояль» [1.19].

Основные положения теории цвета Кандинского изложены в его трудах «О духовном в искусстве» (1912),

«Точка и линия на плоскости» (1925) и учебном курсе в Баухаузе, где он вел семинар и курс по цветоведению, курс теории взаимодействия цвета и формы.

Рукопись «О духовном в искусстве» была завершена в 1910 году и опубликована на немецком языке в 1912 году, став теоретической основой абстрактного искусства. В ней Кандинский рассматривает цвет в нескольких аспектах. Для выражения абстрактной композиции имеется два средства: краска и форма, при этом только форма может существовать самостоятельно, а цвет не может распространяться бесконечно. Таким образом, форма определенным образом воздействует на краску. Кандинский пишет, что одна форма способна усилить какой-либо цвет, другая – приглушает его: желтый треугольник и желтый круг уже являются совершенно различными объектами. Желтый цвет усиливает свое звучание в остроконечной форме, синий активно воздействует при круглой форме.

Кандинский различает четыре звучания отдельно взятого цвета: теплый или холодный, каждый из которых может быть темным или светлым. И, согласно теории Кандинского, каждый цвет обладает внутренним движением, которое либо стремится к зрителю, либо удаляется от него. Круг, окрашенный в желтый, при наблюдении излучает движение, направленное к зрителю, – эксцентрическое движение, синий круг обладает концентрическим движением, постепенно удаляясь от зрителя. Красному цвету свойственно движение в себе, внутренне беспокойное и подвижное. В зеленом отсутствует любое движение вовсе. Оранжевый цвет, являясь производным от красного и желтого, начинает двигаться в эксцентрическом направлении. Фиолетовый цвет возникает в результате вытеснения синим цветом

красного, что приводит к появлению концентрического движения, свойственного синему цвету. На основе этих наблюдений художник рассматривает четыре пары контрастов: контраст желтого и синего как противоположность тепла и холода, контраст белого и черного как противопоставление светлого и темного, контраст красного и зеленого как контраст дополнительных цветов и контраст оранжевого и фиолетового как производный от первого контраста.

В своей теории Кандинский описал духовное действие каждой из красок. Он последовательно рассматривает свойства девяти цветов: желтого, синего, красного, зеленого, черного, белого, серого, оранжевого, фиолетового.

Желтый цвет при сравнении с душевным состоянием человека можно охарактеризовать как припадок бешенства, безумие, помешательство. Синий обладает даром углубленности и при длительном воздействии действует успокаивающе, постепенно пробуждая тоску. Синий – это «типично небесный цвет» и, погружаясь в темноту, «приобретает призвук нечеловеческой печали» [1. 22]. При смешении этих двух противоположных красок возникает зеленый цвет, основное свойство которого пассивность. Кандинский сравнивает чистый зеленый цвет с неподвижно лежащей коровой, которая ни на что не способна. Отсутствие движения в зеленом цвете делает его наиболее спокойным цветом, благоприятно воздействующим на человека. Звучание зеленого цвета изменяется от количества желтой или синей краски в нем: при примеси желтого цвета зеленый станет юношески-радостным, при добавлении синего зеленый цвет изменяется, становясь более серьезным.

Белый цвет действует на душевное состояние человека как «великое безмолвие» [1. 23], но которое таит в себе множество возможностей. Черный цвет, напротив, мертв и олицетворяет собой безмолвие, лишенное надежд и будущности. При смешении этих двух красок возникает серый цвет, который не обладает никаким движением и звучанием, олицетворяя собой «безнадежную неподвижность» [1. 23].

Красный цвет является очень подвижной и беспокойной краской, но может производить различное впечатление в зависимости от теплоты или холодности цвета. Красный полон внутренних возможностей, выражая радость и триумф, пылающую страсть, свежесть, юность.

Сам Кандинский отмечает, что перечисленные обозначения красок являются весьма относительными. Ведь цвета могут вызывать более сложные душевные вибрации, которые не поддаются словесным обозначениям.

Книга «Точка и линия на плоскости» содержит мысли, которые являются продолжением работы «О духовном в искусстве». Кандинский рассматривает основные художественные элементы, первоэлементы: точку, линию и плоскость, которые лежат в основе каждого произведения. В основе учения об основных элементах лежит синтетический метод.

Линия как след перемещающейся точки имеет не-

сколько типичных форм: горизонталь, вертикаль, диагональ и свободные прямые, которые отличаются температурой. Горизонталь – это холодная форма, вертикаль – форма теплой возможности движения, диагональ представляет собой соединение тепла и холода.

Кандинский сопоставляет графические формы и их цветовые качества. Так, горизонтали, принадлежащей плоскости, соответствует черный цвет, вертикали как стремящейся ввысь – белый, диагонали могут быть выражены через красный цвет (или серый, или зеленый), свободные прямые – через синий и желтый.

Кандинский проводит параллель между ломанными линиями и живописными элементами. Прямой угол художник сопоставляет с красным цветом, острый угол указывает на желтый цвет, тупой угол, стремясь замкнуться в круг, стремится к синему цвету. Подобные идеи имели место и в работе «О духовном в искусстве». На основе этих наблюдений выстраиваются соответствующие отношения между линией, плоскостью и цветом, которые выражаются следующим образом: острый угол образует равнобедренный треугольник, который окрашен в желтый цвет, прямой угол стремится к квадрату, окрашенному в красный цвет, тупой угол является предчувствием круга, который окрашен в синий цвет. В целом, Кандинский строит свои теории на трех основных цветах – желтом, красном и синем.

Таким образом, Кандинский указывает на органическую связь между элементами живописи – линией, точкой и плоскостью и их цветовым выражением.

По возвращении в Россию с началом Мировой войны в 1914 году Кандинский активно занимается общественной деятельностью. Художник сотрудничает с ИЗО Наркомпроса (Отдел изобразительных искусств Народного комиссариата просвещения), участвуя в организации провинциальных музеев.

Большое влияние оказали идеи Кандинского на становление художественного образования в России, в частности, методов преподавания во ВХУТЕМАСе (Высшие художественно-технические мастерские). ВХУТЕМАС являлся учебным заведением нового типа, в состав которого входили архитектурный, художественный (живописный, скульптурный) и производственный (металлообрабатывающий и деревообделочный) факультеты. Основная часть профессуры ВХУТЕМАСа прошла через ИНХУК (Московский институт художественной культуры), председателем которого некоторое время был Кандинский.

ИНХУК как творческое объединение представителей советского искусства (скульпторов, живописцев, архитекторов) был образован в 1920 году и просуществовал до 1924 года. Программа, разработанная Кандинским для ИНХУКа, была направлена на изучение первоэлементов искусства. Она была ориентирована на «выявление и передачу средствами искусства эмоционального состояния человека, на выяснение роли подсознания в творческом процессе» [3. 26]. Кандинский пытался выявить закономерности воздействия на человека произведений искусства, стремясь при этом создать синте-

тическое искусство, которое бы связывало живопись с танцем и музыкой. Но некоторые члены рабочей группы ИНХУКа выступили с критикой теории Кандинского, высказываясь за взаимодействие живописи в первую очередь с архитектурой и скульптурой, среди которых были А. Родченко, В. Степанова, Л. Попова. Именно они и стали основой профессуры ВХУТЕМАСа, внедряя объективный метод преподавания и формируя пропедевтические дисциплины Основного отделения. В результате Кандинский, не получив поддержки, покидает ИНХУК в 1921 году. Таким образом, с именем Кандинского не связано непосредственно становление во ВХУТЕМАСе объективного метода преподавания. Но, тем не менее, идея научного подхода к средствам художественной выразительности связана с теорией Кандинского, который занимался изучением первоэлементов художественного языка и постепенно в своем творчестве отошел от изображения предметного мира. Первоэлементы – линия, точка, плоскость, цвет, фактура, движение как объекты изучения стали основой для построения объективного метода преподавания дисциплин «Цвет», «Объем», «Пространство», «Графика».

Кандинский принимает решение покинуть Россию и в 1922 году возвращается в Германию, где принимает предложение Вальтера Гропиуса преподавать в Баухаузе, ведущей школе строительства и художественного конструирования. Кандинский ведет курс «Учение о форме» на подготовительном отделении и руководит мастерской монументальной живописи. Основная педагогическая установка Кандинского заключалась в том, чтобы помочь студенту найти себя, научить каждого выразить изобразительными средствами то, что он чувствует. Кандинский считал, что для занятий необходимо наличие объективных знаний о принципах искусства. Запас знаний накапливался в результате упражнений

над натурой, работы по впечатлению, а также эскизных поисков композиции.

В своей работе художник особенно тщательно занимается проблемой цвета. Он рассматривал цвет с нескольких сторон: как самостоятельное явление, его происхождение, взаимосвязь холодных и теплых цветов, природу цветовых контрастов, направленность цвета, ассоциативное восприятие цвета и во взаимосвязи с формой.

Основу его занятий составляли материалы книг «О духовном в искусстве» и «Точка и линия на плоскости».

В своей учебной программе Кандинский реализует новый подход к учению о цвете, основанный на анализе отдельных элементов – точки, линии, плоскости и исследовании их взаимоотношений. Занятия по изучению цвета художник начал с учения о первоэлементах. Затем ряд занятий был посвящен непосредственно учению о цвете, на которых изучались физическое и психологическое действие цвета, символика цветов, ассоциативное восприятие цвета. После освоения объективных знаний Кандинский рассматривал взаимосвязь цвета и формы и построение композиции на основе выявленных закономерностей. Художник основные задания по цветоведению направлял на изучении контрастов.

Кандинским была разработана педагогическая система, основой для которой послужили учение о взаимодействии цвета и формы, учение о первоэлементах. Его занятия сыграли важную роль при разработке главных принципов курса по формообразованию в Баухаузе.

Таким образом, учения Кандинского о цвете и первоэлементах стали не только обоснованием его абстрактного искусства, но и сложились в особую педагогическую систему, которая может быть использована в современном формообразовании.

Библиографический список (References)

1. *Kandinsky V.V. On the Spiritual in Art.* M.: Archimed, 1992. 47p.
 2. *Kandinsky V.V. Point and Line to Plane.* Spb.: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2013. 240p.
 3. *Han-Magomedov S.O. Vkhutemas-Vkhutein (Complex architecture design school, 1920-1930).* M.: Znanie, 1990. 64 p.
-

Д.Ю. ФУРМАНСКАЯ

аспирант, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет
E-mail: furmanskaja.dar@yandex.ru.

D.YU. FURMANSKAJA

Graduate student, Department of arts and crafts and technical graphics, Orel State University
E-mail: furmanskaja.dar@yandex.ru.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ НАРОДНОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ОРЛОВЩИНЫ В ДЕТСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ШКОЛАХ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

THE REVIVAL OF THE TRADITIONS OF FOLK ARTS AND CRAFTS OF OREL REGION IN CHILDREN'S ART SCHOOLS OF OREL REGION

В статье рассматриваются основные народные промыслы Орловской губернии, возрождением которых занимаются детские художественные школы Орла и области. Особое внимание уделяется школе кружевниц, действующей при художественной школе города Мценска, и мастерской художественной обработки дерева в детской художественной школе народных искусств и ремесел.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, кружевоплетение, Мценск, народные ремесла, Орел, резьба по дереву, художественная школа.

The article discusses the main crafts of Orel province, the revival of which involved children's art school, in Orel and Orel region. Particular attention is paid to the school of lace, in art school the city of Mtsensk, and workshop wood art in children's art school of folk arts and crafts.

Keywords: arts and crafts, lace, Mtsensk, arts and crafts, Orel, wood carving, an art school.

Региональные виды декоративно-прикладного искусства – бесконечно разнообразная область художественных предметов, создаваемых на протяжении многовековой истории развития определенной местности. Это и уникальное так называемое крестьянское искусство, уходящее своими корнями еще в древнюю языческую символику; и его современные «последователи» — традиционные художественные промыслы, связанные общим понятием — народное искусство. Оно связывает в единое целое национальный костюм губернии и местную архитектуру, а также все предметы городского и крестьянского быта.

В Орловской области, как и во многих других регионах России с древней историей, некогда были очень развиты различные виды народных ремесел. В наши дни проводится обширная работа по их изучению и возрождению. Благодаря этому нам известно, что в Орловской губернии на протяжении столетий получили развитие: гончарный промысел, изготовление глиняной игрушки, уникальная по своей технике вышивка орловский «спис», ковроткачество, бисероплетение и т.д. Край был богат умельцами-резчиками по дереву, которые создавали мебель, пряничные доски, домовую резьбу, делали церковные иконостасы.

Возрождением всех этих народных ремесел и приобщением к ним детей в Орле и области в настоящее время активно занимаются учреждения дополнительного образования. Небольшие кружки посвящают

свою деятельность изучению истории и технологии отдельных видов местных промыслов. Более крупные учебные заведения стараются рассматривать народное искусство как единый комплекс, стремясь дать детям наиболее полное представление о его разновидностях. В художественных школах Орловской области активно действуют мастерские по всем видам народного декоративно-прикладного искусства, бытовавшим некогда на территории губернии, – резьбе по дереву, художественной керамике, лозоплетению, декоративной росписи, вышивке, ткачеству, кружевоплетению, бисероплетению, лоскутному шитью, работе с различными природными материалами и др.

Самым крупным и успешным учебным учреждением, занимающимся приобщением детей к культуре Орловского края, является детская художественная школа народных искусств и ремесел. Это многопрофильное учебное заведение, направленное на сохранение и развитие региональных художественных и ремесленных традиций. В школе функционируют три отделения: подготовительное, станковое и отделение народных ремесел. Декоративно-прикладное искусство преподается на всех трех отделениях. При этом, больше всего внимания декоративно-прикладному искусству и его местным особенностям уделяется на отделении народных ремесел. Поступая на это отделение, дети избирают себе специализацию и совершенствуют мастерство в выбранной области все 4 года обучения. Кроме того, уча-

щики из всех отделений посещают дополнительно еще по несколько мастерских, декоративно-прикладного искусства. Целью всех мастерских является формирование глубоких практических умений и навыков в избранном виде декоративно-прикладного искусства. Овладение ремеслом начинается с простых технических упражнений. Постепенное усложнение практических заданий в сочетании с развитием творческих навыков учащихся позволяет им уже на втором-третьем году обучения перейти от освоения технических приемов к созданию самостоятельных художественных композиций.

Из видов декоративно-прикладного искусства, бытовавших на территории Орловского края, в школе изучают: кружевоплетение, лозоплетение, керамику, ткачество, вышивку и резьбу по дереву. Сложность техники и учебного задания варьируется в зависимости от возраста и способностей учащихся. Конечно, не все время обучения в мастерских посвящено усвоению одних лишь местных особенностей. Ученики приобретают необходимые общие знания и навыки, изучают всю историю выбранного вида декоративно-прикладного искусства, и вместе с тем, достаточно времени уделяется и орловской его специфике.

К примеру, в мастерской керамики кроме общих навыков работы с глиной, освоения гончарного круга и различных способов декорирования готового изделия учащихся знакомят с чернышевской игрушкой. Этот игрушечный промысел, бытовавший недалеко от города Новосиля Орловской области, сегодня поддерживается несколькими мастерами в самой деревне и отдельными учебными учреждениями, не последнее место среди которых занимает Орловская художественная школа.

Особых слов заслуживает мастерская вышивки, где занимаются изучением и возрождением различных ее видов, бытовавших в крае. Их изучение проходит на основе коллекции Орловского краеведческого музея, копирования и переработки старинных образцов. Важное место в работе учебной мастерской занимает изучение орловского «списа». Этот специфический вид вышивки был создан некогда орловскими мастерами на основе двух технических приемов: «набора» и «росписи». Основные цвета «списа» – красный различных оттенков и насыщенности, достигаемых за счет плотности узорных заполнений внутри контура. Иногда к красному добавляются синий, черный, желтый, зеленый. Благодаря ученикам из мастерской художественной школы, орловский «спис» продолжает развиваться. Кроме изучения старых традиций этой вышивки, ученицами создаются новые композиции, образы и мотивы.

Успешно развивает орловские традиции и мастерская кружевоплетения. Ее ученицы подробно изучают стилевые и технологические особенности коклюшечного кружева Орловского края, его основных центров – Орла, Мценска, Болхова.

Возрождением традиций мценского кружева активно занимаются в художественной школе города Мценска. Мценск как центр кружевоплетения был известен уже в XVIII веке. В 1899 году княгиней Тенишевой

была открыта первая «школа кружевниц» для девочек 8-12 лет. В это время мценское кружево приобрело уже мировую известность. После революции о кружевах забыли на долгие годы. И только в 1984 году преподаватель Мценской художественной школы Нина Гавриловна Савенкова занялась возрождением этого уникального промысла. Разрозненные занятия с детьми разного возраста переросли в 1991 году в создание «школы кружевниц». Сегодня она филиал Мценской детской художественной школы. Здесь обучаются около 40 девочек 8-15 лет. Народный мастер Савенкова и педагог Анна Алексеевна Шалыгина продолжают и развивают традиции этого уникального мастерства. Чтобы выбрать орнамент, учащимися проводится исследовательская работа, начиная от бабушкиных сундуков и заканчивая сложной научной литературой. Результат их работы – успешное участие подопечных школы в различных российских и международных выставках. В 2001 году открылось ателье «Мценские узоры», где ученицы школы выполняют заказы со всей России. Для создания одного законченного изделия от учениц школы требуется необычайное терпение и усидчивость, ведь на выполнение квадратного дециметра кружева уходит несколько дней.

Также особого внимания с точки зрения возрождения народных промыслов области заслуживает мастерская деревообработки Орловской школы искусств и народных ремесел, где учащиеся последовательно с 1 по 4 класс осваивают все виды резьбы по дереву. Начинается обучение со знакомства с основными инструментами и национальными традициями работы с этим материалом. Учащиеся мастерской проходят путь от контурной и геометрической резьбы, до больших сложных изделий и мебели с применением различных видов резьбы и точеных элементов на основе народных традиций. Все эти виды резьбы бытовали на территории Орловской губернии испокон веков. Мотивы с контурной и геометрической резьбой встречаются в убранстве отдельных деревянных зданий XIX-XX веков, Орла и области, декоре предметов крестьянского быта. Нередко деревянные здания Орла и губернии украшались и резными рельефными деталями, точенными элементами. Но в основном декор деревянного зодчества Орла представлен прорезной, ажурной резьбой, которую в детских художественных школах изучают одной из первых, в том числе и на примере местных образцов.

Внимание, которое в художественных школах Орловской области уделяют декоративно-прикладному искусству, отражает современные тенденции в российском дополнительном образовании. Через углубленное понимание народной культуры и искусства легче усвоить и постигнуть ее местные орловские разновидности и промыслы. Поэтому в художественных школах Орловской области стараются дать детям возможность освоить как можно большее количество различных видов и техник русского народного искусства. На примере их успешной работы можно увидеть, что широкое применение народного искусства и его региональных

разновидностей в работе с детьми, кроме общего эстетического развития подрастающего поколения, способствует воспитанию у них уважения к месту своего рождения, своим предкам, их творческому наследию, формированию интереса к самостоятельному изучению родной культуры. А также поддержанию и развитию традиционных видов искусства, бытавших в области.

Поощрение школьников, занимающихся народными художественными промыслами Орловщины, может способствовать их дальнейшему возрождению силами подрастающего поколения и стимулировать их внедрение

в современную художественную культуру Орловской области. Многие воспитанники художественных школ Орловской области впоследствии выбирают себе профессию, связанную со своими детскими увлечениями. И уже став взрослыми людьми, продолжают развивать навыки, приобретенные в кружках, профессионально заниматься изучением истории Орловского края, любимыми рукоделиями, возвращать из небытия забытые профессии и промыслы и т.д. И это наилучший результат деятельности этих учреждений, их основная цель и смысл.

Библиографический список (References)

1. Our Orel. Orel: ORASS, 2003. 376 p.
 2. Efremicheva N.V., Novikov S.N., Surnova S.N., Furmanskaja D.Y. Methodical fund in the training of students of art-graphic faculty (arts and crafts). Textbook. Orel: Orel State University, 2012. 96 p.
 3. Furmanskaja D.Yu. Familiarizing children to handicrafts of Orel region in a children's art school of folk arts and crafts. // "Proceedings of the Faculty of additional professional education and training", № 3. Orel: Orel State University, 2010. Pp. 39-41.
 4. Sazonova A. Creates yourself // "Orlovskaja pravda", 1 March 2005. P. 5.
-
-

УДК 581.1

UDC 581.1

Д.В. КУКУШКИН

кандидат медицинских наук, доцент, кафедра педиатрии, Орловский государственный университет
E-mail: asj_a@mail.ru

Т.А. КУЗНЕЦОВА

доктор медицинских наук, профессор, кафедра внутренних болезней, Орловский государственный университет
E-mail: vradi@inbox.ru

Т.М. НЕЧАЕВА

кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии и акмеологии, Орловский государственный университет
E-mail: nechaevatm@yandex.ru

D.V. KUKUSHKIN

Candidate of medical sciences, Associate Professor,
Department of Pediatrics, Orel State University
E-mail: kaf_botany@univ-orel.ru

T.A. KUZNETSOVA

Doctor of medical sciences, Professor, Department of Internal Medicine, Orel State University
E-mail: vradi@inbox.ru

T.M. NECHAYEVA

Candidate of psychological sciences, Associate Professor,
Department of social psychology and acmeology, Orel State University
E-mail: nechaevatm@yandex.ru

НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА: ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПЕДИАТРОВ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЗАПРОСОМ И ОЖИДАНИЯМИ РОДИТЕЛЕЙ

PSYCHOLOGICAL DEVELOPMENT OF YOUNG CHILDREN: DIAGNOSTIC INSTALLATION OF PEDIATRICIANS IN RELATION TO THE NEEDS AND EXPECTATIONS OF PARENTS

С помощью оригинальной анкеты опрошены 107 педиатров и 109 родителей Орловской и Курской областей. Анкетирование выявило избирательность профессиональных установок педиатров в отношении сфер нервно-психического развития, ориентированных на оценку моторной и сенсорной сфер. Это не оправдывает ожиданий матерей, которые, как показало анкетирование, заинтересованы в гармоничном развитии всех сфер ребенка.

Ключевые слова: социологический опрос врачей и родителей, нервно-психическое развитие детей раннего возраста, профессиональные установки педиатров, взгляды родителей относительно нервно-психического развития ребенка.

With the help of the original questionnaire 107 pediatricians and 109 parents of Orel and Kursk were questioned. The questioning revealed selectivity professional installations pediatricians in relation to areas of neuro-mental development-oriented assessment of motor and sensory areas. This does not meet the expectations of mothers who, as shown by surveys, are interested in the harmonious development of all areas of the child.

Keywords: a sociological survey of doctors and parents psychological development of young children, professional installation pediatricians, parents views regarding neuropsychological development of the child.

Современная диагностика отклонений нервно-психического развития (НПР) детей раннего возраста является актуальной проблемой в свете возрастающей доли заболеваний, связанных с нарушениями данной сферы здоровья ребенка[1,2,4]. В подавляющем большинстве случаев явные нарушения НПР, не укладывающиеся в рамки психоневрологического диагноза, выявляются только в дошкольном возрасте, когда ребенок перед оформлением в школу проходит консультирование у психолога[3,5].

В то же время для родителей информация о различных аспектах развития ребенка является актуальной и служит предметом постоянного интереса. В силу весьма ограниченного времени педиатр не имеет возможности детально информировать родителей об индивидуальных особенностях ребенка (на прием в поликлинике отводится 15 минут). Альтернативными источниками

информации для родителей являются знакомые, родственники, различные интернет-форумы и группы в социальных сетях, масс-медиа. Случайный, часто противоречивый и сомнительный характер таких сведений может дезинформировать родителей, провоцировать необоснованную тревогу. Представляется важным сопоставить запрос и ожидания родителей с установками педиатров в отношении различных критериев НПР, их диагностической значимости в практике педиатрического патронажа.

Цель исследования: сопоставить диагностические установки педиатров с оценками родителей в отношении критериев НПР детей раннего возраста

Объем и методы исследования

Для решения поставленной цели выполнены два этапа работы:

I этап – анализ установок врачей в отношении

диагностики отклонений в различных сферах НПР детей раннего возраста выполнен с помощью оригинальной анкеты, позволяющей оценить профессиональные установки педиатров о значимости для диагностической практики показателей различных сфер нервно-психического развития ребенка (моторики, сенсорики, поведения, познания, эмоций). Эти показатели респондентам предлагалось оценить в баллах. Дифференцированные оценки развития каждой из сфер НПР означали, что отклонение от возрастной нормы, задержка развития либо нарушения в данной сфере интерпретируются педиатром следующим образом:

1 балл – показатели развития данной сферы не имеют особого значения при оценке НПР ребенка;

2 балла – показатели развития этой сферы имеют невысокую значимость, могут свидетельствовать как об отклонении НПР, так и индивидуальном варианте нормы развития ребенка;

3 балла – отклонения от возрастной нормы развития данной сферы НПР требует дополнительного внимания и расширенного обследования ребенка с привлечением врачей-специалистов (оториноларинголога, окулиста, невролога и др.), психолога, логопеда и других;

4 балла – отклонение от возрастной нормы показателей данной сферы свидетельствует о задержке НПР, требует обязательных коррекционных медико-психологического-педагогических мероприятий;

5 баллов – нарушение данной сферы НПР свидетельствует о грубой задержке и неблагоприятном прогнозе и требует обязательных лечебных и реабилитационных мероприятий.

С помощью анкеты опрошены 107 педиатров Орловской и Курской областей, в том числе практикующих в городе 71(66,4%), сельских – 36 (33,6%). Среди респондентов работают в стационаре 62 (58%), в качестве участковых педиатров – 45 (42%). По стажу работы респонденты распределились следующим образом (рис.1):

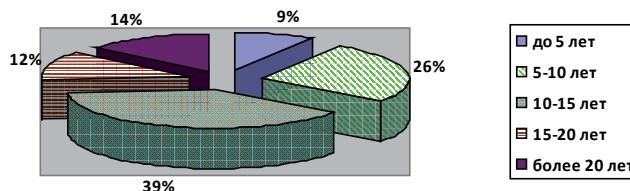

Рис. 1. Распределение городских и сельских педиатров по стажу работы.

Большинство педиатров имели стаж работы от 10 до 15 лет (39%); Каждый четвертый респондент – со стажем работы 5-10 лет и от 15 до 20 лет и более; наименьшее число врачей – со стажем работы до 5 лет.

II этап заключался в оценке взглядов родителей на значимость различных сфер НПР ребенка. Для решения данной задачи использовалась адаптированная для родителей оригинальная анкета, в которой также в баллах (от 1 до 5) предлагалось оценить значимость для матерей развития моторной, сенсорной, познавательной, эмоциональной и поведенческой сфер развития ребенка раннего возраста. Опрошены 109 матерей из г. Орла и Орловской области, 78 из которых жители города и 31

– села. Распределение респондентов по возрасту и образовательному цензу представлено на рис. 2 и 3.

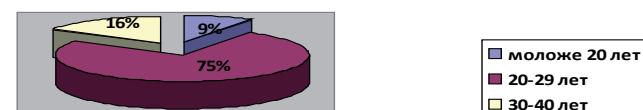

Рис. 2. Распределение матерей-респондентов по возрасту.

Рис. 3. Распределение матерей-респондентов по образовательному цензу.

Матери в возрасте 20-29 лет составили три четверти опрошенных; 70% респондентов имели высшее образование.

Результаты исследования и их обсуждение

Учитывая возможное влияние особенностей проживания и медицинского обслуживания в городской и сельской местности, диагностические установки педиатров и взгляды родителей относительно НПР оценивались отдельно для сельских и городских жителей.

Анкетный опрос педиатров, практикующих в городе, выявил следующее: практически все городские педиатры Орловской и Курской областей (94%) указали на важность показателей, отражающих моторное развитие ребенка, средний балл составил 4,8. На важность показателей сенсорной сферы указали 65% городских врачей (средний балл – 4,2). Показатели, отражающие развитие эмоциональной и познавательной сферы, значимыми признали менее половины респондентов – соответственно 46% и 45% (средний балл -3,6 и 3,7). В то же время значимость отклонений поведения отметил лишь каждый третий опрошенный – 31% (средний балл 2,7). Большинство сельских педиатров (75%) также уделяют внимание оценке моторной сфере; значимость сенсорной сферы выделяют 45% сельских врачей; когнитивное развитие высоко значимым считают 19% врачей; за сферу эмоций максимальные оценки (4-5 баллов) поставили лишь 10% опрошенных; важность отклонений сферы поведения отметили не более четверти сельских респондентов (рис.4).

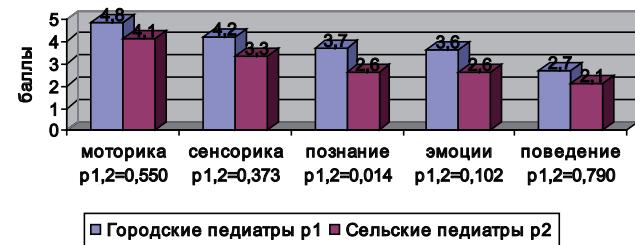

Рис. 4. Уровни диагностической значимости отдельных сфер НПР в оценках городских и сельских педиатров.

За исключением сферы познания ответы городских и сельских педиатров в отношении показателей мотор-

ной, сенсорной, эмоциональной и поведенческой сфер не различались ($p>0,05$). Педиатры, практикующие в городе, выше оценили сферу познания, по сравнению с сельскими врачами ($p=0,014$).

Изучение диагностических установок педиатров, имеющих различный опыт работы, показало, что у молодых специалистов со стажем до 5 лет, как и у наиболее опытных – со стажем более 20 лет, оценки по всем сферам НПР оказались наиболее высокими (рис. 5).

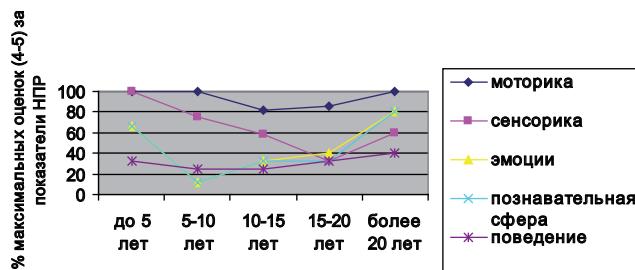

Рис. 5. Значимость показателей НПР в оценках педиатров с разным стажем работы.

Исходя из полученных данных, можно предположить, что молодые специалисты в большей мере руководствуются знаниями, полученными в период обучения в вузе, и стереотипы профессионального мышления только начинают формироваться. Наиболее опытные педиатры, очевидно, склонны придавать высокую значимость всем показателям НПР именно в силу опыта, показавшего недопустимость игнорирования отдельных показателей НПР.

Значимость показателей НПР для родителей представлена на рис. 6.

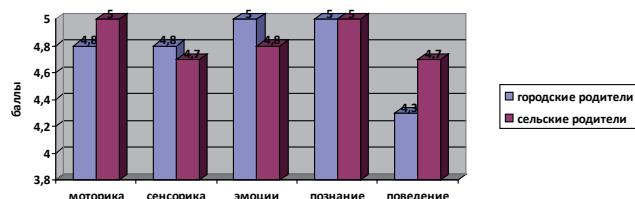

Рис.6. Значимость показателей НПР в оценках родителей-респондентов.

- Библиографический список**
1. Баранов А.А. Социальные и организационные проблемы педиатрии. М., 2003. 512 с.
 2. Барашнев Ю.И. Перинатальная неврология новорожденных. М., 1994. №4. С. 26-31.
 3. Мухамедрахимов Р.Ж. Взаимодействие и привязанность матерей и младенцев групп риска // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 18-33.
 4. Шабалов Н.П., Скоромец А.А., Шумилина А.П., Середа Ю.В., Платонова Г.Н., Федоров О.А. Ноотропные и нейропротекторные препараты в детской неврологической практике // Вестник военно-медицинской академии. СПб., 2001. №1. С. 5.
 5. Шалимов В. Ф. Клиника интеллектуальных нарушений. М., 2003. 159 с.

References

1. Baranov A.A. Social and organizational problems of pediatrics M., 2003. 512 p.
2. Barashnev Yu.I. Perinatal neurology of newborns M., 1994. №4. Pp. 26-31.
3. Mukhamedrakhimov R.J. Interaction and affection of mothers and infants at-risk groups // Questions of psychology. 1998. № 2. Pp. 18-33.
4. Shabalov N.P., Skoromets A.A., Shumilina A.P., Sereda Y.V., Platonov G.N., Fedorov O. A. Nootropic and neuroprotective drugs in pediatric neurological practice // Bulletin of the Military Medical Academy. SPb., 2001. №1. P. 5.
5. Shalimov V.F. Clinic intellectual disturbances. M., 2003. 159 p.

Для матерей-респондентов значимыми оказались все сферы НПР. Причем матери, проживающие в селе, склонны уделять большее внимание нарушениям в сфере поведения ребенка, по сравнению с жительницами города, о чем свидетельствуют достоверные различия в оценках этой сферы ($p=0,001$).

На рисунке 7 представлена сравнительная структура показателей НПР в оценках врачей и родителей.

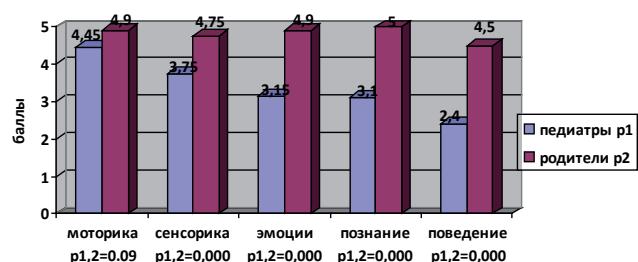

Рис. 7. Сравнительная структура показателей НПР в оценках, поставленных врачами и родителями.

В отличие от педиатров, родители уделяют внимание всем сферам НПР, и только моторная сфера оказалась максимально значима в оценках респондентов ($p1,2=0,09$).

Заключение. Анкетирование педиатров и родителей показало, что профессиональные установки педиатров в отношении сфер НПР являются избирательными и в основном ориентированы на развитие моторной и сенсорной сфер, что не соответствует запросам матерей, заинтересованных в отслеживании всех сфер нервно-психического статуса ребенка. Следовательно, ожидание родителей от педиатра полной и конструктивной информации в отношении развития эмоциональной, познавательной и сферы поведения, не будут оправданы. В этой связи существует вероятность несвоевременной диагностики таких нарушений, как ранний детский аутизм и другие. Включение курса «Педиатрия развития» в программу последипломного образования педиатров будет способствовать формированию устойчивых профессиональных знаний и адекватных диагностических установок в отношении различных сфер НПР.

У.Ю. ПАШКОВА

аспирант, кафедра общей и возрастной психологии,
Орловский государственный университет
E-mail: romul-edu@yandex.ru

Е.А. САВИНА

доктор психологических наук, профессор, кафедра
последипломного психологического образования,
Университет Джеймса Мэдисона, США
E-mail: savinaea@jmu.edu

U.Y. PASHKOVA

Graduate student, Department of General and
Developmental Psychology, Orel State University
E-mail: romul-edu@yandex.ru

E.A. SAVINA

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department
of Graduate Psychology, James Madison University, USA
E-mail: savinaea@jmu.edu

ТИПОЛОГИЯ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ РЕБЕНКА, ВЫЯВЛЯЕМЫХ С ПОМОЩЬЮ СКАЗОЧНОГО ПРОЕКТИВНОГО ТЕСТА

THE TYPOLOGY OF CHILD DEFENSE MECHANISMS IDENTIFIED WITH THE PROJECTIVE FAIRY TALE TEST

Сказочный проективный тест (СПТ) – проективная методика, предназначенная для изучения личности детей 7-12 лет. Помимо диагностики личностных переменных, он позволяет изучить механизмы психологической защиты детей. В данном исследовании представлена типология психологических защит, исследуемых с помощью СПТ, а также их описание на примере наиболее информативных детских рассказов.

Ключевые слова: Сказочный проективный тест, механизмы психологической защиты.

The projective Fairy Tale Test (FTT) is aimed at the study of the personality of children from 7 to 12 years of age. Besides the assessment of personality variables, it allows studying children's defense mechanisms. The present research examines the typology of defense mechanisms identifiable with the FTT, as well as provides their descriptions in the most informative children's stories.

Keywords: The Fairy Tale Test, defense mechanisms.

Изучение адаптационных возможностей детской психики включает выявление процессов, которые вовлечены в формирование и актуализацию защитных стратегий, а также определение их значения для развития личности ребенка. Защитные стратегии, используемые ребенком для обеспечения своего эмоционального благополучия, вносят значительный вклад в динамическую организацию личности ребенка, а их описание дает возможность целостного восприятия его уникального внутреннего мира.

Психологическая защита – это специально организованная система стабилизации личности, направленная на ограждение сознания от неприятных, травмирующих переживаний, сопряженных с внутренними и внешними конфликтами, тревогой и дискомфортом [6]. В самом общем виде защитные механизмы определяются как совокупность действий, направленных на уменьшение или устранение любого изменения, угрожающего целостности и устойчивости индивида [8]. Концептуализация психологических защит эволюционировала от понимания их как интрапсихического процесса (З. Фрейд) к рассмотрению как интерпсихического процесса, непосредственно связанного с когнитивными и межличностными паттернами, которые формируются в контексте близких отношений, прежде всего с матерью (М. Кляйн, М. Малер, Д. Винникот).

Проявления и формы психологической защиты чрезвычайно многообразны, поэтому их классификация представляет собой определенные сложности. Так, количество защитных механизмов, упоминаемых в классификациях разных авторов, может насчитывать свыше 40 видов [6]. К. Колакоглу предложила классифицировать защитные механизмы следующим образом:

1. Незрелые попытки защиты от конфликтов или неприемлемых чувств. Эта категория включает защиты, характерные для ранних стадий развития ребенка (например, регрессию), и плохо контролируемое импульсивное поведение (отыгрывание вовне).

2. Отказ принять конфликт или угрозу с помощью игнорирования неприятного содержания сознания, его искажения или отказа. Эта категория включает такие защитные механизмы, как отрицание (включая отказ и минимизацию), расщепление и подавление.

3. Обращение негативной ситуации в нейтральную или позитивную. Это достигается с помощью механизмов уничтожения, обращения, компенсации и формирования реакции.

4. Перемещение или проекция импульсов или конфликтов. В этом случае агрессивные импульсы или неприемлемые чувства перемещаются на другой объект или человека. Эта группа соответственно включает проекцию, перемещение и агрессию, обращенную на

себя (аутоагgression).

5. Когнитивное оправдание необходимости контроля импульсов, конфликтов или угроз. Эта группа включает интеллектуализацию и рационализацию.

6. Отождествление с другим или присвоение черт, мыслей и чувств значимого другого. К этой категории относятся идентификация, интроекция и идентификация с агрессором.

Так как организация психологической защиты личности является в основном неосознаваемым процессом, наиболее информативным и эффективным диагностическим инструментом их исследования выступают проективные методы. Сказочный проективный тест (СПТ) – проективная методика для клинической диагностики детей 7-12 лет [4]. Он разработан на основе идеи о связи сказок и бессознательных процессов [4]. Отождествляя себя со сказочным героем, ребенок в своих ответах проецирует значимые эмоции, конфликты, особенности детско-родительских отношений. Описание ребенком характера этих героев, их поведения в различных ситуациях, преодоления трудностей или отношения к другому и к самому себе позволяет выявить особенности психологической защиты, используемой ребенком. Стимульный материал СПТ представляет собой набор из 21 карточки с изображением таких сказочных героев, как Красная Шапочка, Волк, Гном, Колдунья и Великан в трех вариантах изображения, а также сцен из сказок о Красной Шапочке и о Белоснежке и семи гномах. Для каждого из них созданы три версии изображения, которые представляют героя на разных этапах истории либо наиболее характерные его черты или типы. Три варианта изображений, где первые два отражают самые характерные черты героя, а третий вариант, напротив, отличается от привычного изображения, позволяют вовлечь ребенка в выбор, использовать картинку, наиболее отвечающую его переживаниям, что облегчает процесс идентификации, вызывает наиболее значимые и оригинальные ответы [4]. Наличие нескольких «ракурсов» рассмотрения героя или истории приводит в действие механизмы психологической защиты. Динамика рассказа раскрывает защитные искажения сюжета, изменение намерений и желаний героя в разных изображениях, их противопоставление или борьбу, отказ от предыдущих утверждений или их переинтерпретацию в последующих ответах и другие проявления защит, которые встречаются в рассказах по картинкам.

Знак вопроса («?») в записи детских ответов обозначает дополнительный вопрос экспериментатора, который был задан для того, чтобы прояснить высказывание испытуемого, побудить его к более развернутому ответу и, таким образом, раскрыть чувства и мотивы героя, с которым отождествляет себя ребенок.

Незрелые попытки защиты от конфликтов или неприемлемых чувств

Регрессия. Регрессия как вид психологической защиты заключается в возврате индивида к более ранним способам мышления или чувствования в ответ на внеш-

нюю опасность, которая может вызвать чрезмерную тревогу или фрустрацию [4]. У детей регрессия часто появляется при рождении брата или сестры. В этом случае с помощью регрессивного поведения ребенок хочет чувствовать себя более уверенным в удовлетворении базовых потребностей в любви и эмоциональной близости [4]. Регрессия также сдерживает чувство неуверенности в себе и страх неудачи, связанные с проявлением инициативы, с напряжением, которого требуют высшие, взрослые формы поведения [6]. В целом, механизм используется при расстройстве, опасности, разочаровании или формировании Супер-эго [9].

Примером регрессивных тенденций в ответах испытуемых могут служить такие высказывания о героях СПТ: «Великан хочет быть маленьким ребенком, потому что он может делать то, что хочет» или «Он немного глупый, он думает о своих детских годах, он думает, что он маленький ребенок» [4]. В этих фразах прямо говорится о желании быть моложе своего возраста, так как это делает возможным снятие самоконтроля, импульсивную разрядку и удовлетворение своих желаний («он может делать то, что хочет»).

Отыгрывание вовне. Этот механизм психологической защиты заключается в импульсивном отреагировании для снятия напряжения от фрустрации [9]. Этот механизм защиты избирается в том случае, когда бессознательные пугающие импульсы толкают к действию компульсивным, автоматическим образом [5]. В результате инициируется процесс, благодаря которому любое отношение или чувство разряжается в действии с бессознательной целью справиться со страхами, связанными с этим отношением или чувством.

В СПТ отыгрывание вовне проявляется как импульс, который ребенок выражает прямо, переводя в действенную силу без возможности его контролировать. Как в приведенном далее описании ребенком того, что может сделать злой великан, это может быть дурашливое импульсивное поведение, единственным назначением которого является эмоциональная разрядка и снятие напряжения: «Он ведет себя как клоун (?) он забавный, у него волосы на руке, он будет срезать деревья, заниматься чепухой (?) он может забраться на дерево и сделать клоуна (?) он счастлив и весел (?) некоторым людям может не понравиться то, что он делает, а некоторым наоборот». Защитный характер всех этих действий выявляется только рассказ ребенка по следующей картинке: «Он вырвет с корнем деревья (?) он может разрушить целый город (?) он не может понять, что там люди (?) он счастлив (?) он не может понять, что в этом городе люди, и еще он хочет есть» [9]. Как становится понятно из второго рассказа, импульсивное отыгрывание, продемонстрированное в первом ответе, представляет собой психологическую защиту ребенка против действия внутренних разрушительных сил и фрустрации. Отсутствие или неэффективность других механизмов подавления и контроля этих пугающих импульсов приводит к непроизвольной и неподконтрольной активности, защищающей от собственной агрессивности.

Игнорирование или искажение неприятного содержания сознания

Отрицание – это игнорирование, неспособность воспринимать реальность определенных событий, элементов жизненного опыта или чувств, которые могут вызывать тревогу в случае их осознания [4; 9]. С помощью отрицания отвергаются пугающие или неприятные стороны действительности (в том числе страх агрессии и тревоги), а также собственные агрессивные действия, чувства или мотивы. Действие этого механизма могут провоцировать чувства или мотивации, которые угрожают Эго ребенка. Отрицание является наиболее ранним защитным механизмом [4; 7]. Оно чаще действует в отношении внешних, перцептивных стимулов, которые воспринимаются как опасные или болезненные [4; 6].

В СПТ отрицание используется как защита ребенка от агрессии, страха агрессии, тревоги и проявляется как очевидное искажение или изменение воспринимаемого ребенком фрагмента опыта («это **не** страшный Волк» на изображение оскаленного хищника; «Великан **не** хочет никого ударить» на картинке, где великан держит поднятую дубинку и т.п.). Для этого механизма характерно активное использование частицы «**не**». В тесте отрицание может принимать следующие формы.

Отрицание в форме изменения сюжета сказки. Ребенок изменяет реальный сюжет сказки на вариант развития событий (например, все спаслись, никто не потерялся, не случилось ничего опасного). Так, например, Красная Шапочка «счастлива, она сходила к бабушке, **она не пошла по неправильной тропинке, она благополучно вернулась домой**» [9]. Очевидно, ребенка пугает развитие событий в сказке, и с целью защиты против тревоги он отказывается принимать такой сюжет.

Отрицание в форме искаженного восприятия деталей изображения или сюжета. Такая форма отрицания может появиться в форме неправильного восприятия пугающих черт героя или сюжета (например, на изображение оскалившегося волка ребенок говорит, что «Волк улыбается»).

Отрицание в форме указания на вымышленный характер событий в сказке. В данном случае ребенок может отказаться от реалистичности поведения героев. Примером может быть такой ответ ребенка на вопрос: «Что может сделать злая колдунья?»: «Она может убить женщину **понарошку** (?) мы будем играть в театр сегодня (?) она **притворится**, что **убила**» [9]. Таким образом ребенок, встречаясь с агрессивными импульсами, отрицает их реальность, отказывается признавать их происходящими на самом деле и тем самым защищает себя от страха агрессии или чувства вины за собственные агрессивные желания.

Отказ как форма отрицания. При использовании защитного механизма отказа происходит отклонение, опровержение болезненных или тревожащих мыслей, чувств или последствий событий [9]. Отказ является крайним вариантом отрицания, его наиболее высокой формой [4]. Используя этот механизм, ребенок может отказаться от выражения своих мыслей и чувств.

Например, на вопрос «*Какого из трех великанов ты боишься больше всего и почему?*» ребенок отвечает: «Я *не боюсь никого*. Они всего лишь картинки» [9].

Минимизация как форма отрицания.

Минимизация, так же как и отказ, является типом отрицания. При минимизации ребенок преуменьшает агрессивные или пугающие действия. Ребенок в большей или меньшей степени искажает предполагаемые намерения или мотивы поступков героя, уменьшая их негативные последствия (это не так страшно, как кажется, на самом деле это другое, совсем не страшное). Например: «Великан хочет разрушить город *для смеха*. Он любит делать *веселые вещи*».

Расщепление – это защитный механизм, с помощью которого индивид преодолевает свои конфликты путем разделения («расщепления») положительных и отрицательных аспектов самого себя или образов других людей в своем сознании. Тем самым изолируется «хороший» (принимающий, добрый и т.д.) аспект себя или другого человека или «плохой» (отвергающий, злой, преследующий и т.д.) аспект [3]. Расщепление может быть эффективной защитой от тревоги и для утверждения позитивной самооценки [4].

В отличие от уничтожения, при использовании которого ребенок символически отменяет какие-то неприемлемые акты, расщепление как бы изолирует друг от друга два полюса шкалы оценок личности: «сильный – слабый», «умный – глупый» и т.п. Оно делает возможным параллельное существование этих двух Я, тем самым снимая конфликт между ними, который неизбежен при невозможности интегрировать их в одно целое. Тот же процесс происходит при защите от тревоги, вызванной конфликтными чувствами в отношении какого-либо значимого для ребенка другого (чаще матери). Расщепление самого себя или других может наблюдаться в следующих формах ответов испытуемых на СПТ.

Взаимодействие между фигурами, отражающими борьбу или вражду между позитивными и негативными аспектами самого себя. Например, колдунья на первой картинке «*Воюет с Ведьмой № 2*. Она злая. Молодая и выглядит, как королева, *она хочет убить вторую Ведьму* и затем, по очереди, убить всех». Колдунья на второй картинке «*Хорошая, она незлая, нерассерженная, и, скорее всего, она хочет спасти кого-нибудь, она будет заботиться о людях, и если кто-то из них будет убит, она возьмет вину на себя*» [9].

Два противоположных описания одной и той же фигуры. Этот вариант расщепления иллюстрирует такой пример: «*Великан из сказки – №1*, потому что он выглядит плохо с живота до ног и хорошо с живота до головы» [10].

Ребенок отрицает негативные аспекты своего внутреннего Я и проецирует их на внешние характеристики. Примером может быть такой рассказ по картинке с волком: «*Он выглядит свирепо, но, возможно, внутри он хороший*. Он хочет быть лучше других волков и хочет превзойти других» [9]. Возможно также, что в приведенном примере в конфликт вступают «социальное»

и «идеальное» Я ребенка (агрессия по отношению к другим – «свирепый вид», и потребность в позитивном представлении о себе – «возможно, внутри он хороший», «хочет быть лучше других»).

Подавление определяется как «умышленное» забывание, блокирование или отказ признавать запрещенные, нереализуемые или пугающие желания, мысли или переживания [9]. Оно выражается в забывании содержания травмирующей информации, которая уже была пережита; исключении из сознания, ограничении мыслей, действий, смысла и связанных с ним эмоций или опыта с целью избегания тревоги. Подавление – средство, с помощью которого дети действуют с нормальными (по возрасту), но нереализуемыми или пугающими желаниями [4]. В СПТ мы можем предположить подавление, когда ребенок отвечает «Я не знаю» или «Я не помню».

Обращение негативной ситуации в нейтральную или позитивную

Уничтожение – это символическая отмена негативного переживания, его нейтрализация, аннулирование [5;7;9]. При использовании уничтожения индивид нейтрализует или отменяет, вербально или физически, неприемлемые мысли, ощущения или действия [9]. В тексте ребенка этот защитный механизм проявляется в словах или действиях, которые заменяют одни мысли, чувства или действия героя на противоположные.

В СПТ уничтожение используется как защита от нарциссических желаний, низкой самооценки, нарушений требований Супер-эго, страха агрессии и агрессии [9]. Так как СПТ имеет три варианта картинок с одним и тем же героем (например, волком), это облегчает использование механизма уничтожения. Например, в рассказе по первой картинке ребенок отмечает, что герой печальный, а по второй – что ему не о чем печалиться; в рассказе на первую картинку ребенок говорит, что герой никого не любит, а в последующем, что он любит всех, и т.п. При выявлении уничтожения крайне важно помнить, что этот защитный механизм появляется *после* указания ребенком на какую-то пугающую или конфликтную ситуацию, поскольку уничтожение используется только в ответ на возникновение конкретного негативного переживания и направлено именно на него. Например, уничтожение агрессивных мыслей можно продемонстрировать следующим примером. Великан на первой картинке «хочет бить людей, он их не любит, он разрушает дома, совершают плохие поступки, он ворует еду». Однако, на второй картинке «Он счастливый, он хороший, улыбается, он не злой, он не разрушает дома, он думает, что у него нет права разрушать дома, деревья, замки. Он любит людей» [9].

Формирование реакции представляет собой защитный механизм, при котором происходит замещение неприемлемых чувств и импульсов на социально одобряемые [4]. Механизм формирования реакции тесно связан с социализацией и моральным развитием ребенка [4] и возникает для подавления отвращения, стыда, давления морали, которые вызывают запрещенные мысли

и желания. Дети, которые показывают высокие баллы по переменным «Желание помочь» и «Тревожность», часто используют формирование реакции. В следующей примере в первой части ребенок демонстрирует явно агрессивные желания, но во второй части появляется другая («правильная») реакция, которая защищает ребенка от вины за собственную агрессию и позволяет поддерживать позитивный образ Я: «Злой великан может разрушить целую планету, но если он хороший, он может помочь людям построить их дома» [9].

Обращение – это разновидность перемещения, которая представляет собой перевод негативных характеристик пугающего другого (или конфликта) в позитивные черты [4; 9]. В СПТ в случае обращения конфликт не просто подавляется или отрицается, но замещается на противоположный, то есть на вариант позитивных отношений, которых не может быть в контексте известной истории. Например, высказывание «Красная Шапочка думает, что волк хороший и может ей помочь» [4] иллюстрирует действие механизма обращения в борьбе со страхом и тревогой (в защитных фантазиях героини волк, как источник опасности, вызывающий страх, обращается в «хорошего» и даже способного оказать помощь). Возможно, подобный взгляд «сквозь розовые очки» помогает ребенку справляться с тревогой в пугающих ситуациях с неопределенным исходом.

Компенсация – это защитный механизм, посредством которого человек реально или только в своем воображении пытается исправить или избавиться от имеющихся у него реальных или мнимых (физических и психологических) недостатков (и связанных с ними неприятных переживаний) за счет осознания и развития восполняющих их достоинств [1; 7]. Как показывает анализ детских ответов, компенсация может использоваться как средство борьбы со страхом отвержения или низкой оценки со стороны окружающих. Например, в одном из рассказов герой истории испытывает нужду, неудачу, переживания по поводу собственной непривлекательности, которые в следующем ответе теряют свое значение за счет появления какого-либо другого ресурса или качества, способного компенсировать недостаток или неудачу в важных для ребенка отношениях («Он бедный и грустит, что никому не нужен, но он добрый, поэтому с ним все захотят дружить»). Таким образом, при компенсации (в отличие от уничтожения или расщепления) ребенок не отменяет и не изолирует негативные элементы опыта, а уравновешивает их за счет ресурсов и переживания успеха в других областях (к примеру, внешняя непривлекательность героя может компенсироваться его физической силой, бедность – красотой, а чувство одиночества – богатством).

Перемещение или проекция импульсов или конфликтов

Проекция – это бессознательное отвержение собственных неприемлемых мыслей, свойств, желаний или действий и приписывание их другим людям, животным или объектам [4; 9]. Процесс приписывания ответствен-

ности за них другому лицу становится защитным, когда переносятся чувства, импульсы и мысли, которые вызывают чувство вины или стыда [4]. При выявлении проекции прежде всего важно выяснить, с каким героям отождествляет себя ребенок. Можно выделить следующие ситуации использования проекции.

Приписывание неприемлемых личностных характеристик или чувств другим: Например, отвечая на вопрос «Какой волк пугает тебя больше всего? Почему?» ребенок выбирает картинку №3 и так поясняет свой выбор: «Если ребенок увидит его по телевизору, она испугается и уйдет» [9]. Таким образом чувство страха переносится с себя на какого-то вымышленного ребенка, что приводит к снижению вызванного этим чувством напряжения.

Приписывание другим ответственности за запрещенные мысли или импульсы: На вопрос «Кто из великанов самый злой? Почему?» ребенок объясняет: «Это самый злой Великан. Он не хочет быть злым, но злая ведьма заколдовала его, когда он был ребенком» [9].

Перемещение – это защитный механизм, посредством которого импульс, чаще агрессивный, переносится с пугающего объекта на другой, менее пугающий (предмет, животное, другого человека) [4]. В СПТ перемещение может проявляться в следующих ответах: Например, ребенок, описывая, что думает или чувствует великана, говорит: «Он хочет драться, все разрушить (?) целую деревню (?) его раздражает его брат», потому что он хотел что-то скушать, а его брат забрал это» [9]. Здесь мы видим, как ребенок пытается выместить злость, вызванную обидой на брата, на другом объекте. По-видимому, рассказ актуализирует реальную ситуацию из жизни испытуемого.

Аутоаггрессия – это перемещение агрессивного желания и негативных аффектов по отношению к другому на самого себя, которое совершается для того, чтобы избежать психологического дискомфорта, чувства вины или стыда за свои агрессивные желания [4; 9]. Таким образом, это отказ от выражения деструктивных проявлений вовне и обращение их на самого себя. В рассказах испытуемых по СПТ герой погибает или испытывает физические муки за то, что причинил (или хотел причинить) вред кому-то другому. Примером прямой аутоаггрессии может служить следующая история: «Великан был злым и хотел бить и убивать всех, но в один прекрасный день он осознал свою ошибку и убил самого себя!» [9]. Это вариант тенденции к самоуничтожению («убил самого себя») как наказания за разрушительные желания и собственную агрессивность («он был злым», «хотел бить и убивать всех»), которые недопустимы («он осознал свою ошибку»). В другом рассказе проявляется косвенная агрессия к самому себе. На первую картинку с волком ребенок говорит: «Он съел Красную Шапочку. Так как ему понравилось, то он подумывает съесть еще и бабушку». На вторую картинку тот же испытуемый отвечает: «Сейчас его тошнит, потому что он съел сразу обеих (?) у него болит живот» [9]. В этом примере аутоаггрессия – это уже не прямое самоуничтожение, а наказание в виде физических мучений, которому герой подвергается за то, что поддался запретным желаниям и, что еще более важно, получил от этого удовольствие («ему понравилось»).

Когнитивное оправдание необходимости контроля импульсов, конфликтов или угроз

Рационализация представляет собой нахождение приемлемых причин для оправдания неприемлемых мыслей или действий [9]. Этот защитный механизм представляет собой контроль над эмоциями или импульсами посредством рациональных рассуждений и является интеллектуально зрелым механизмом. Рационализации могут подвергаться собственные инстинктивные проявления ребенка, такие как агрессивные, оральные или сексуальные импульсы. Так, ребенок говорит: Великан «уже поел и выглядит озадаченным (?) ему интересно, а имел ли он право съесть то животное (?) Возможно, он был добрым и наивным волком, не понимал, что он делает (?) он просто был голоден» [9]. Как мы видим, чувство вины за совершенный поступок («озадаченность» героя) здесь уменьшается за счет рационализации его истинных причин и, тем самым, снятия ответственности за них («был наивным» и «не понимал, что он делает»).

Отождествление с другим или присвоение черт, мыслей и чувств значимого другого

Идентификация представляет собой разновидность проекции, связанную с неосознаваемым отождествлением себя с другим человеком, переносом на себя желаемых, но недоступных чувств и качеств другого [6]. В результате идентификации осуществляется как воспроизведение поведения, мыслей и чувств другого лица через собственное переживание. Примерами идентификации в ответах на СПТ могут служить такие высказывания детей: «Колдунья хочет взять ее сердце, чтобы стать хорошей»; «Ведьма хочет превратиться в Белоснежку, чтобы выйти замуж за Принца». Подобные метаморфозы отражают желания героя получить то, что у него отсутствует, но очень значимо («стать хорошей»; «выйти замуж за принца») с помощью отождествления себя с тем лицом, которому это доступно.

Идентификация с агрессором – защитный механизм, при котором индивид перенимает поведение агрессора и/или его характерные черты, чтобы справиться со страхом агрессии и тревогой [9]. Физическая имитация антагониста, при которой тревога превращается в чувство безопасности, может быть проиллюстрирована следующим рассказом: «Это злая Ведьма, которая хочет быть самой красивой в мире, самой могущественной, чтобы мучить людей (?) ее саму мучили, все ведьмы плохо с ней обращались, потому что она была слабой» [9]. Героиня этого рассказа из объекта нападения сама становится агрессором (такой же «могущественной», как и ее мучители) для того, чтобы справиться со страхом агрессии.

Интроекция представляет собой символическое

присвоение ценностей, стандартов или черт характера другого человека [7]. Интроекция, как и проекция, относится к самым ранним защитным механизмам и используется для интернализации образа значимого другого [9]. К этому механизму ребенок прибегает, чтобы уменьшить боязнь разлуки, или в целях предупреждения конфликтов или угроз со стороны значимого лица. В СПТ интроекция может выражаться в форме присвоения какой-то части другого, вызывающего сильные эмоции (например, одежды, личных вещей, его самого). Интроекция же используется как способ совладания с чувством одиночества, печали, потери объекта любви, переживаний, связанных со значимым лицом. В этом случае ребенок говорит: «Волк хочет съесть Красную Шапочку, чтобы она всегда была с ним». Действие механизма интроекции в ответ на чувство одиночества и отсутствие объекта привязанности иллюстрирует

ет такой рассказ по картинке с гномом: «Он знает, что Белоснежка обязательно придет (?) он ее съест (?) ему так одиноко, что он хочет съесть Белоснежку» [9].

Таким образом, как показывает проведенный анализ ответов испытуемых в СПТ, исследование механизмов психологической защиты с помощью Сказочного проективного теста позволяет обнаружить до восемнадцати видов защит, рассмотреть их действие по отношению к различным элементам внутреннего опыта ребенка, определить их содержание и функции в каждом индивидуальном случае. Однако помимо тех возможностей, которые дает такое исследование в клинической диагностике личности ребенка, полученный материал позволяет описывать особенности психологической защиты различных групп, раскрывая таким образом важные возрастные и гендерные закономерности психологической защиты у детей.

Библиографический список (References)

1. Davletchina S.B. Dictionary of Conflictology. Ulan-Ude: Publishing VSGTU, 2005. 100 p.
 2. Deminf L.D., Ralnikova I.A. Mental health and defense mechanisms of the individual: Altai State University, 2000. 123 p.
 3. Zhmurov V.A. Great Encyclopedia of Psychiatry. M.: Dzhangar, 2010. 864 p.
 4. Coulacoglou C. The Fairy Tail Test: for the study of the personality of children: A guide. Trans. from English. M.: “Cogito Center”, 2003. 215 p.
 5. McWilliams N. Psychoanalytic diagnosis: Understanding Personal Structure in the Clinical Process. M.: Class, 1998. 480 p.
 6. Nicholskaya I.M., Granovskaya R.M. Psychological defense from children. SPb: Rech, 2000. 507 p.
 7. Romanov E.S., Grebennikov L.P. Psychological defense mechanisms: genesis, functioning, diagnostics. Mytishchi, “Talent”, 1996. 144 p.
 8. Sokolova E.T. The phenomenon of psychological defense. // Questions of Psychology. 2007. №4. Pp. 66-79.
 9. Coulacoglou C. (Ed.) Exploring the child’s personality: Developmental, clinical, and cross-cultural applications of the Fairy-Tale Test Springfield, IL: Charles C. Thomas Publisher. Pp.199-218.
-
-
-

Е.А. САВИНА

доктор психологических наук, профессор, кафедра последипломного психологического образования, Университет Джеймса Мэдисона, США

E-mail: savinaea@jmu.edu

Г.Д. КИРИЛЛОВА

кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей и возрастной психологии, Орловский государственный университет

E-mail: kirgd@yandex.ru

E.A. SAVINA

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Graduate Psychology, James Madison University, USA
E-mail: savinaea@jmu.edu

G.D. KIRILLOVA

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General and Developmental Psychology, Orel State University

E-mail: kirgd@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В ТРУДАХ Л.С. ВЫГОТСКОГО

THE PROBLEM OF SELF-REGULATION IN L. S. VYGOTSKIY'S WRITINGS

Согласно Л. С. Выготскому, культурное развитие ребенка состоит в овладении собственным поведением, механизмом которого выступает использование культурно-обусловленных знаков. Выступая поначалу внешними для ребенка, знаки интериоризуются и становятся средством произвольной регуляции. Произвольная регуляция возникает в общении и совместной деятельности со взрослым. В статье обсуждаются идеи Л.С. Выготского о роли игры в становлении произвольной регуляции.

Ключевые слова: произвольная регуляция, знак, опосредование.

According to L. S. Vygotsky, the essence of child cultural development consists of mastering of his/her own behavior with the assistance of culturally determined signs. Being external at first, the signs are internalized by the child and become a tool of voluntary self-regulation. Voluntary self-regulation emerges in child's communication and collaborative activity with adults. The paper discusses Vygotskian ideas about the role of play in self-regulation.

Keywords: voluntary regulation, sign, mediation.

Не будет преувеличением сказать, что проблема произвольной регуляции является одной из центральных проблем в научном творчестве Л.С. Выготского. Интересно, что сам Л.С. Выготский никогда не ставил целью разработать теорию произвольной регуляции, а сфокусировался на разработке более широкой проблемы культурного-исторического развития психики ребенка. По мнению Л.С. Выготского, суть культурного развития ребенка заключается в *овладении собственным поведением*, и эта идея, на наш взгляд, имеет самое непосредственное отношение к проблеме произвольной регуляции. В данной статье мы поставили задачу внимательного прочтения работ Л.С. Выготского с целью реконструирования теории произвольной регуляции, которая имплицитно присутствует в его творчестве. Мы воздержимся от комментариев или анализа, а будем как можно более точно следовать тексту Л.С. Выготского.

Культурное развитие ребенка как процесс овладения собственным поведением

Л.С. Выготский называл понятия «высшая психическая функция», «культурное развитие поведения» и «овладение собственными процессами поведения» основными в своем исследовании [4] «...Предмет нашего исследования охватывают две группы явлений, которые на первый взгляд кажутся совершенно разно-

родными, а на деле представляют две основные ветви, два русла развития высших форм поведения, неразрывно связанных, но не сливающихся никогда воедино, это, во-первых, процессы овладения высшими средствами культурного развития и мышления – языком, письмом, счетом, рисованием; во-вторых, процессы развития специальных высших психических функций», включая произвольное внимание, логическую память, образование понятий и т.д. [4; с. 24] «...Развитие высших психических функций составляет одну из важнейших сторон культурного развития поведения...Культура создает особые формы поведения, она видоизменяет деятельность психических функций, она надстраивает новые этажи в развивающейся системе поведения человека» [4; с. 29]. «Врастание нормального ребенка в цивилизацию представляет обычно единый сплав с процессами его органического созревания. Оба плана развития – естественный и культурный – совпадают и сливаются один с другим и образуют новую систему» [4; с. 31]. «...История культурного развития состоит в столкновении развития культурных форм поведения, с которыми встречается ребенок, с примитивными формами, которые характеризуют его собственное поведение» [4; с. 136]. «Не природа, но общество должно в первую очередь рассматриваться как детерминирующий фактор поведения человека. В этом заключена вся идея куль-

турного развития ребенка» [4; с. 85].

Создание и употребление знаков является одним из центральных моментов культурного развития человека. «...Всякий искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением чужим или собственным, – есть знак» [4; с. 78]. Для того чтобы раскрыть сущность знака и показать корни сознательной саморегуляции, Л.С. Выготский анализируетrudиментарные формы использования человеком стимулов-средств или знаков для организации своего поведения, включая завязывание узелка на память, бросание жребия и счет на пальцах. Во всех этих случаях человек вводит новый искусственный стимул-средство или знак, и его поведение начинает определяться не наличным стимулом, а новой, измененной им самим психологической ситуацией [4]. Например, завязывая узелок на память, человек «конструирует извне процесс воспоминания, заставляет внешний предмет напоминать ему, то есть он напоминает самому себе через внешний предмет и как бы выносит таким образом процесс запоминания наружу, превращая его во внешнюю деятельность» [4; с. 85]. Другой пример – при борьбе мотивов человек бросает жребий, что означает активное воздействие на ситуацию самим человеком [4].

Л.С. Выготский придавал знаку орудийную функцию. «Так же как орудие, знак относится к опосредствующей деятельности. Однако, в отличие от орудия, которое направлено на внешний объект и является средством внешней деятельности, знак направлен на поведение человека (свое или чужое) и выступает средством внутренней деятельности. Использование знака для управления собственным поведением и есть суть процесса произвольной регуляции. Таким образом, в основе произвольной регуляции лежит процесс опосредствования поведения знаком» [4; с. 90].

Л.С. Выготский проследил, как меняется поведение ребенка при использовании искусственно созданных знаков. Эксперимент с детьми двух лет заключался в следующем. Ребенку показывали часы и карандаш (они выступали как стимулы-объекты) и просили при демонстрации часов поднимать левую руку, а при демонстрации карандаша – поднимать правую руку. Дети с задачей не справились. Затем условия задачи были изменены путем включения новых стимулов-знаков: белый лист бумаги был положен справа от ребенка, а термометр – слева. Эти стимулы-знаки выполняли функцию напоминания о том, как нужно действовать, то есть белый лист бумаги напоминал, что нужно поднимать правую руку, а термометр – левую руку. При такой модификации дети безошибочно выполняли это задание. Таким образом, связь между стимулами-объектами и стимулами-средствами становилась доступна ребенку и он легко использовал ее. Связь между предметами устанавливалась не прямо, непосредственно, а опосредованно, в чем заключается главная отличительная особенность всякой высшей формы поведения [4].

Таким образом, формирование высших, произвольных форм поведения происходит с помощью вовлечения

в ситуацию искусственных стимулов, выполняющих роль знаков. Благодаря этому «...вся операция в целом приобретает новый характер и значение. Новая операция представляет собой овладение собственным процессом поведения» [4; с. 118].

Социальное происхождение произвольной регуляции

Для того чтобы понять происхождение культурных форм поведения, Л.С. Выготский обратился к закону детского развития, сформулированному П. Жане. Этот закон утверждает, что «в процессе развития ребенок начинает применять по отношению к себе те же самые формы поведения, которые первоначально другие применяли по отношению к нему. Ребенок сам усваивает социальные формы поведения и переносит их на себя» [4; с. 141]. Этот закон Л.С. Выготский приложил к проблеме знака как средства произвольной регуляции: «Знак всегда первоначально является средством социальной связи, средством воздействия на других и только потом оказывается средством воздействия на себя» [4; с. 142]. «Через других мы становимся самим собой, это правило относится не только к личности в целом, но и к истории каждой отдельной функции» [4; с. 144].

Л.С. Выготский приводит пример, как указательный жест ребенка приобретает социальное значение и становится средством воздействия на другого человека. По мнению Л.С. Выготского, указательный жест является самой древней основой всех высших форм поведения. «Вначале указательный жест представляет собой просто неудавшееся хватательное движение ребенка, направленное на предмет и обозначающее предстоящее действие... Когда мать приходит на помочь ребенку и осмысливает его движение как указание, ситуация существенно меняется, указательный жест становится жестом для других, возникает реакция ребенка не со стороны предмета, а со стороны другого человека» [4; с. 144]. То есть, из движения, направленного на предмет, указательный жест становится движением, направленным на другого человека, то есть средством социальной связи. Позже сам ребенок начинает относиться к этому движению как к указанию.

Таким образом, всякая высшая психическая функция первично возникает как социальная. По сути, внешнее, с точки зрения, Л.С. Выготского, означает социальное. Он пишет: «Слово «социальное» имеет большое значение. В широком смысле оно обозначает, что все культурное является социальным. Культура и есть продукт социальной жизни и общественной деятельности человека, и поэтому сама постановка проблемы культурного развития поведения уже вводит нас непосредственно в социальный план развития. Далее, знак, находящийся вне организма, как и орудие, отделен от личности и служит, по существу, общественным органом или общественным средством» [4; с. 146]. «Все высшие психические функции суть интериоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности. Их состав, генетическая структура, способ действия – одним словом, вся их приро-

да социальная» [4; с. 146]. Таким образом, изначально, высшая психическая функция является внешней, она является социальным отношением двух людей. «... Ребенок вступает в отношения с ситуацией не непосредственно, но через другое лицо» [6; с. 29]. Самый важный и основной из генетических законов гласит: «...всякая символическая деятельность ребенка была некогда социальной формой сотрудничества и сохраняет на всем пути развития до самых высших его точек социальный способ функционирования» [6; с. 56]. Таким образом, процесс культурного развития поведения можно рассматривать как процесс превращения средств социального поведения в средства произвольной регуляции [6].

Речь как средство произвольной регуляции

Рассмотрим вопрос о роли речи как средства произвольной регуляции. Л. С. Выготский утверждал, что «в младенческом возрасте заложены генетические корни двух основных культурных форм поведения – употребления орудий и человеческой речи» [4; с. 13]. В этом возрасте внимание ребенка организовано взрослым (матерью), который с помощью указательного жеста привлекает внимание ребенка к предмету. Постепенно между словом взрослого и предметом устанавливается связь, что закладывает основу для обозначающей, регуляторной и коммуникативной функций речи. С помощью речи ребенок «научается управлять собственным вниманием, переводить свое внимание в произвольный план» [5; с. 139].

Практическая деятельность ребенка является важнейшим контекстом для развития регулятивной функции речи и соединения слова и действия. Вначале речь ребенка просто следует за деятельностью. С усложнением практической деятельности и развитием активной речи возникает связь действия и речи. Соединение речи и действия Л.С. Выготский считал «величайшим генетическим моментом» в развитии произвольности [6; с. 21]. «Динамика этого сложного процесса играет решающую роль в появлении у ребенка высших форм контроля над своим поведением» [6; с. 31]. Ребенок начинает решать практическую задачу не только с помощью глаз и рук, но и с помощью речи. Практические операции ребенка, владеющего речью, именно благодаря речи становятся менее импульсивными и непосредственными. Когда ребенок начинает планировать свою деятельность в речевом плане, простое манипулирование заменяется сложным психическим процессом с внутренним планом и намерениями, отсроченными во времени.

Решающий для развития произвольной регуляции момент наступает, когда с помощью речи в сферу объектов, доступных для преобразования ребенком, включается его собственное поведение. «С помощью речи ребенок впервые оказывается способным обратиться на самого себя, как бы со стороны рассматривая себя как некоторый объект. Речь помогает ему овладеть этим объектом посредством предварительной организации и планирования собственных действий и поведения» [6; с.

24]. «Благодаря планирующей функции речи, направленной на собственную деятельность, ребенок создает рядом со стимулами, доходящими до него из среды, другую серию вспомогательных стимулов, стоящих между ним и средой и направляющих его поведение. Именно благодаря созданному с помощью речи второму ряду стимулов поведение ребенка поднимается на более высокий уровень, обретая относительную свободу от непосредственно привлекающей ситуации, и импульсивные попытки преобразуются в планируемое и организованное поведение» [6; с. 24].

Исследования практического интеллекта, проведенные Л.С. Выготским и его сотрудниками, раскрыли динамику развития сложного процесса органического соединения речи и действия в поведении ребенка второго года жизни. Было обнаружено, что процессе решения задачи ребенок часто обращался за помощью к взрослому, когда испытывал затруднения. Психологически это означает, что ребенок пытался сотрудничать с взрослым путем разделения своей деятельности с другим лицом и организовал поведение взрослого как предпосылку успешного решения задачи. Контроль над поведением другого человека становится необходимой частью практической деятельности ребенка [6].

Первый момент в развитии регулирующей функции речи связан с формированием речи для себя, то есть эгоцентрической речи, которая регулирует действия ребенка и позволяет ему осуществить поставленную задачу посредством предварительного контроля над собой и своей деятельностью [6]. Эгоцентрическая речь связана с социальной речью (то есть речью, обращенной к другому человеку) многими переходными стадиями. Например, если во время эксперимента социальная речь ребенка задерживалась (экспериментатор выходил из комнаты или игнорировал вопросы ребенка), то эгоцентрическая речь усиливалась. Большие изменения в развитии произвольности наступают, когда ребенок при решении задачи начинает обращаться к самому себе. В этом случае речь, из интерпсихической превращается в интрапсихическую функцию, то есть ребенок начинает применять к самому себе тот способ поведения, который раньше он применял к другому человеку [6].

Основной функциональный сдвиг в вербальной регуляции поведения состоит в том, что речь ребенка, ранее сопровождающая его деятельность и отражающая ее основные особенности, перемещается все более к началу действия и, в конце концов, начинает опережать действие. Причем это означает не только временной сдвиг в речи, но и изменение ее функционального центра: вначале речь подчиняется действию в структурном отношении, а затем начинает выполнять планирующую функцию, то есть начинает определять направление действия в будущем. По мере интернализации речи, она все более начинает готовить предварительное решение проблемы в вербальном плане [6].

Произвольность как отличительная особенность высших психических функций

Л.С. Выготский выделял две линии развития психических функций: линию натурального и линию культурного развития. Высшие психические функции являются социальными по своему происхождению, системными по структуре и произвольными и осознанными по способу осуществления [4]. Отличительной особенностью высших психических функций является использование средств или знаков. Включение в структуру психических функций знака как центральной части всего процесса делает психические функции опосредованными и произвольными [4]. Возникновение и развитие высших психических функций происходит в общении ребенка со взрослыми. Закон возникновения и развития высших психических функций заключается в следующем: «всякая высшая форма поведения появляется в своем развитии дважды – сперва как коллективная форма поведения, как функция интерпсихическая, затем как функция интрапсихическая» [2; с. 115].

Генетический анализ с помощью экспериментально вызванных и искусственно организованных процессов позволил Л.С. Выготскому проникнуть в то, как совершается естественный процесс развития высших психических функций, и раскрыть структуру знаковой операции. Процесс развития знаковых операций сложный и длительный. Операция становится внутренней деятельностью не сразу, а существует некоторое время как внешняя деятельность. Процесс интериоризации Л.С. Выготский обозначал словом «вращивание». При «вращивании», то есть переходе операции внутрь, происходит сложная перестройка всей ее структуры и возникновение новых функциональных систем, которые принимают на себя в управлении поведением роль, осуществляющуюся до того отдельными функциями [6].

Рассмотрим, как ребенок овладевает своим вниманием. Л.С Выготский утверждал, что «история внимания ребенка есть история развития организованности его поведения. Эта история начинается с момента рождения» [4; с. 206]. Хотя развитие внимания является функцией общеорганического развития, очень рано у ребенка возникают процессы культурного развития внимания. Под культурным развитием внимания Л.С. Выготский понимал «эволюцию и изменение самих приемов направления и работы внимания, овладение ими и подчинение их власти человека» [4; с. 207]. «...Развитие внимания ребенка с самых первых дней его жизни попадает в сложную среду, состоящую из двойного рода стимулов. С одной стороны, вещи, предметы и явления привлекают внимание ребенка в силу присущих им свойств, с другой – соответствующие стимулы-катализаторы, а именно слова, направляют внимание ребенка. Внимание с самого начала становится направляемым вниманием. Первоначально им руководят взрослые, однако, вместе с этим ребенок постепенно начинает... управлять вниманием сначала в отношении других, а затем и в отношении себя» [4; с. 225].

«Первичным условием, формирующим внимание,

является указание как культурная, исторически выработанная операция, приводящая к возникновению произвольного внимания. Указание стоит вначале направления внимания. Человек создал себе как бы особый орган произвольного внимания в указательном пальце, получившем в большинстве языков свое название от этой функции. Поэтому историю произвольного внимания следует начинать с истории указательного жеста» [4; с. 232].

Методика двойной стимуляции, разработанная сотрудником Л.С. Выготского А.Н. Леонтьевым, позволила генетически проследить историю механизмов произвольного внимания в онтогенезе. Эксперимент проводился по типу игры «Да и нет не говорить, белого и черного не покупать». Ребенок должен был быстро отвечать на вопросы, соблюдая инструкцию: не называть два запрещенных цвета и не называть два раза один и тот же цвет. Поставленная перед ребенком задача требовала управления своим вниманием, что оказалось непосильным для детей дошкольного возраста. Далее в помощь ребенку давали внешние вспомогательные средства, а именно карточки разного цвета. Таким образом, ребенку предлагались два ряда стимулов: вопросы взрослого, на которые он должен был отвечать, и карточки, которые помогали ему направлять внимание на запрещенные цвета. Было обнаружено, что дети, которые удачно справлялись с этим заданием, начинали частично использовать вспомогательные средства. Они брали карточки, обозначающие запрещенные цвета и откладывали их в сторону, оставляя перед собой карточки с разрешенными цветами. В этом случае внешний прием (откладывание карточки) соответствовал внутренней операции, что знаменовало возникновение опосредованного внимания. Другими словами, ребенок начинал сам управлять своим вниманием. Тем не менее, многие дети испытывали трудности с выполнением второго правила – не называть цвета вторично. Они не откладывали карточки а наоборот выбирали их и фиксировали глазами. Таким образом, более сложное задание с двумя инструкциями (не называть запрещенный цвет и не называть цвет дважды) оказалось еще не доступно для произвольной регуляции [4]. Это говорит о том, что механизм управления собственным вниманием (то есть, механизм опосредования) начинает только складываться в дошкольном детстве.

Л.С. Выготским и его коллегами было также показано, что ребенок уже в дошкольном возрасте способен овладеть операцией использования вспомогательных средств не только для управления собственным вниманием, но и для процесса запоминания. Ребенку давались слова, которые он должен был запомнить. Ему также предлагались карточки, которые служили вспомогательным средством для запоминания. Следовательно, процесс запоминания перестраивался таким образом, что запоминание заданного слова совершалось через карточку, которая выполняла роль знака [4]. Образование новой связи слова и картинки на карточке представляло собой активное создание ребенком новой структуры, в

которой оба стимула (слово и карточка) являлись ее частями. Использование знаков-стимулов облегчало процесс запоминания.

Проблема воли

Л.С. Выготский заложил основы понимания воли как процесса произвольной регуляции, связанного с свободным выбором и преодолением препятствий. Он писал, что «человек сам создает пути для своего реагирования, он перестраивает естественную структуру, он подчиняет своей власти при помощи знаков процессы собственного поведения» [4;с. 118]. «Ребенок должен научиться послушанию путем самоовладения. Не на послушании и намерении строится самоовладение, но, наоборот, на самоовладении и намерении возникает повиновение и намеренность» [4;с. 120].

«Овладение поведением представляет собой опосредованный процесс, который всегда осуществляется через известные вспомогательные стимулы» [4;с. 120]. Самым характерным для овладения собственного поведения является выбор, в котором и проявляется сущность волевого акта. Для произвольного внимания и памяти характерен выбор, задаваемый *извне*. Это выбор внешних стимулов для организации собственного внимания или процесса запоминания [4]. Однако существует иной вид выбора, а именно, «свободный выбор между двумя возможностями, определяемый не извне, а самим ребенком» [4;с. 274]. Этот свободный выбор и является показателем волевого действия.

Л.С. Выготский разработал экспериментальную ситуацию, в которой ребенок должен был сделать выбор между двумя равно привлекательными действиями. Таким образом, была сформирована «модель того непростого поведения, которое именуется обычно борьбой мотивов при сложном выборе» [4; с. 274]. Если ребенок испытывал трудности с выбором, его наводили на возможность использования жребия, с которым знакомили еще до проведения исследования (например, ребенок мог играть с метательной костью или он наблюдал использование жребия другим ребенком в ситуации выбора) [4]. «Выбор со жребием (вспомогательным средством) – это свободный, совершенно произвольный поступок, побуждаемый вспомогательным мотивом, простейшей формой которого является жребий. Назначение жребия состоит в том, чтобы воздействовать на собственное решение, на собственный выбор с помощью нейтральных стимулов, которые приобретают силу мотивов... При волевом выборе борются целые системы установок, человек как бы сам себе дает инструкцию: «Если кость выпадет черной стороной, я буду реагировать одним образом, если белой стороной – я поступлю иначе» [4; с. 282]. Такой свободный выбор между двумя возможностями определяется не извне, а самим ребенком. В этом процессе знак начинает служить вспомогательным или дополнительным мотивом, облегчающим выбор между двумя равными возможностями.

При волевом выборе, то есть при борьбе мотивов, идет борьба за принятие решения и происходит замыка-

ние связи между стимулом и реакцией, то есть человек принимает решение поступить определенным образом в зависимости от выпадения жребия [4]. «Волевое действие направлено как бы по линии наибольшего сопротивления. Мы выбираем наиболее трудное для нас решение, и только такой выбор называется волевым [4;с. 288]. По мнению Л.С. Выготского, жребий как волевой знак и мнемотехнические знаки, применяемые для управления собственным вниманием или памятью, выполняют разные функции. «Разница между выбором установленным и выбором свободным заключается в том, что в одном случае испытуемый выполняет инструкцию, а в другом – сам создает инструкцию» [4; с. 288]. Другими словами, в одном случае действует уже установленный исполнительный механизм, в другом – этот механизм создается самим человеком. Свобода воли – «есть, конечно, не свобода от необходимости, а свобода, понятая как познанная необходимость» [4;с. 287]. Развитию воли ребенка Л.С. Выготский придавал большое значение. Он писал, что перед психологами встает «важная задача отыскать в развитии ребенка линии, по которым происходит выявление свободы воли... задача представить постепенное нарастание этой свободы, вскрыть ее механизм и показать ее как продукт развития» [4;с. 290].

Л.С. Выготский несколько раз говорит об элементах воли ребенка в процессе развития высших психических функций. К ним относятся: переживания ребенком усилий при усложнении решаемых им задач, действия ребенка по линии наибольшего сопротивления и выбор средств-знаков. Как и развитие других высших психических функций, «развитие детской воли, начиная с примитивных произвольных движений, совершающихся вначале по словесной инструкции взрослого и кончая сложными волевыми действиями, протекает в непосредственной зависимости от коллективной деятельности ребенка» [3;с. 465].

Роль игры в развитии произвольной регуляции

Особую роль в развитии произвольной регуляции Л.С. Выготский отводил игре. Он указывал на два важных аспекта игры, которые делают игру важным видом деятельности для развития произвольной регуляции [1].

Во-первых, и ролевая игра, и игры с правилами включают правила, которые, в отличие от моральных правил, устанавливаются самими детьми. Произвольность рождается из противоположностей в игре: с одной стороны, ребенок делает то, что ему хочется, а с другой – он должен подчиняться игровым правилам, он должен отказаться от своих импульсивных желаний в пользу взятой на себя роли и соотнести свои желания с правилом и ролью. По Л.С. Выготскому, игра учит ребенка желать. Парадокс игры «заключается в том, что ребенок действует в игре по линии наименьшего сопротивления, то есть он делает то, что ему больше всего хочется, так как игра связана с удовольствием. В то же время научается действовать по линии наибольшего сопротивления: подчиняясь правилам, дети отказываются от того, что

им хочется, так как подчинение правилам и отказ от действия по непосредственному импульсу в игре – есть путь к максимальному удовольствию. Суть внутренних планов заключается в том, что ребенок должен действовать не по непосредственному импульсу, вопреки непосредственному импульсу, то есть по линии наибольшего сопротивления» [1; с. 71]. «Самоуправление возникает в игре, поскольку в ней правило становится аффектом. Выполнение правила становится удовольствием, правило побеждает как сильнейший импульс. Правило есть внутреннее самоограничение, самоопределение» [1; с. 72].

Во-вторых, игра является символическим видом деятельности, так как в игре ребенок действует с воображаемой ситуацией. Игра с воображаемой ситуацией освобождает ребенка от ситуационной связанности. «Действие в ситуации, которая не видится, а только мыслится, действие в воображаемом поле, в мнимой ситуации приводит к тому, что ребенок научается определяться в своем поведении не только непосредственным восприятием вещи или непосредственно действующей на него ситуацией, а смыслом этой ситуации» [1; с. 69]. В игре «впервые наблюдается расхождение смыслового поля и оптического поля, в игровом действии мысль отделяется от вещи, и начинается действие от мысли, а не от вещи» [1; с. 69]. При этом парадокс игры заключается в том, хотя ребенок оперирует оторванным значением, он действует этим значением в реальной ситуации.

Игра создает зону ближайшего развития для формирования произвольной регуляции, так как в игре ребенок способен на более высокий уровень регуляции своего поведения, чем в реальной жизни. «Действие в воображаемом поле, в мнимой ситуации, создание произвольного намерения, образование жизненного плана, волевых мотивов – все это возникает в игре и ставит ее на высший уровень развития, возносит ее на гребень волны, делает ее девятым валом развития дошкольного возраста» [1; с. 75].

Проблема развития произвольной регуляции является интегральной частью культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Основным механизмом произвольной регуляции является использование средств-знаков, основным из которых является речь. Произвольная регуляция имеет социальное происхождение, что подтверждается следующими положениями: (1) знаки-средства являются частью культурного окружения ребенка, то есть они созданы людьми; (2) произвольная регуляция развивается в процессе общения ребенка со взрослым. Динамика развития произвольной регуляции включает следующие этапы: вначале знаки-средства применяются по отношению к ребенку взрослым (взрослый регулирует поведение ребенка), затем ребенок начинает применять эти знаки по отношению другим (т.е. начинает регулировать поведение других), а затем ребенок начинает применять знаки-средства по отношению к себе как средство саморегуляции.

Библиографический список (References)

1. *Vygotsky L.S. Play and its role in child's mental development* // Problems of Psychology, 1966, № 6. Pp. 62-76.
 2. *Vygotsky L.S. Problems of theory and history of psychology* // Collected Works. V. 1. M.: Pedagogica, 1982. Pp. 43-174.
 3. *Vygotsky L.S. Lectures in psychology* // Collected Works. V. 2. M.: Pedagogica, 1982. Pp. 363-465.
 4. *Vygotsky L.S. History of development of higher mental functions* // Collected Works. V. 3. M.: Pedagogica, 1983. Pp. 6-328.
 5. *Vygotsky L.S. Pedology of adolescent* // Collected Works. V. 4. M.: Pedagogica, 1984. Pp. 6-242.
 6. *Vygotsky L.S. Tool and sign in child development* // Collected Works. V. 6. M.: Pedagogica, 1984. Pp. 6-86.
-
-

M.B. СЕРГЕЕВА

аспирант, кафедра психологии здоровья и коррекционной психологии, Курский государственный медицинский университет
E-mail: marischcka.sergeeva2011@yandex.ru

M.V. SERGEEVA

Graduate student, Department of Health psychology and correctional psychology, Kursk State Medical University
E-mail: marischcka.sergeeva2011@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК НА СИСТЕМУ ОТНОШЕНИЙ ПРИ СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

THE INFLUENCE OF SOCIAL ATTITUDES' FEATURES TOWARDS THE SYSTEM OF RELATIONSHIP WITH THE STATE OF ALCOHOLIC DEPENDENCE

В статье отражены результаты исследования влияния особенностей социальных установок на систему отношений при состоянии алкогольной зависимости. Рассмотрен механизм формирования субъект-объектной направленности отношений при состоянии алкогольной зависимости, характеризующийся снижением значимости собственной личности и переходом ее к полюсу объекта, отсутствием иерархичности мотивационной системы, результатом чего является разнонаправленность и амбивалентность системы отношений.

Ключевые слова: социальная установка, система отношений, субъект - объектные отношения, состояние зависимости, самоотношение.

The article represents the research results of the influence of features of social attitudes towards the system of relationship with the state of alcohol dependence. The article examines the mechanism of the formation of the subject-object orientated relationship with the state of alcohol dependence characterized by a decrease of the importance of self and its transition to the side of the object, and lack of hierarchy of the motivational system, resulting in multiplicity and the ambivalence of relationship.

Keywords: social attitudes, relationship system, subject-object orientation relationship, state of dependence, self-attitude.

На сегодняшний день состояние зависимости является наиболее острой социально значимой проблемой. Природа этого явления многообразна, в каждом конкретном случае может быть следствием влияния различных групп факторов: социальных (влияние семьи, различных социальных групп, политики государства в отношении потребления тех или иных психоактивных веществ), биологических (генетических, конституциональных и психиатрических особенностей организма, особенностей эмоциональной сферы, эндокринной, нервной систем), психологических (неадекватной самооценки и незрелых механизмов защиты, склонности к непризнанию авторитетов, гедонистических устремлений) [2]. В настоящее время существует большое количество концепций состояния зависимости, что, очевидно, является отражением сложности и неполной разработанности проблемы. В рамках современной психологической науки зависимость рассматривается как состояние периодической или хронической интоксикации, вызываемое повторным употреблением естественного или синтетического вещества. Теоретические представления об изучаемом феномене реализуются в основном в рамках трех направлений: клинико-психологическом, общепсихологическом и социально-психологическом.

В клинико-психологическом подходе зависимое

поведение представлено в работах Б.В. Зейгарник, 1983, 1995; А.Р. Лурия, 2002; Б.С. Братусь, 1984, 1988; В.Д. Менделевич, 2001, 2005. Ц.П. Короленко и М. Сигала характеризуют его как стремление к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния [6]. При рассмотрении клинико-психологического подхода в исследовании механизмов трансформации зависимого поведения выявлено, что доминирующим становится аддиктивный мотив и происходит его фиксация. Фиксация мотива происходит благодаря высокой ригидности, присущей зависимым людям, но этот фактор также сочетается с другими и усиливает фиксацию [8]. В данном подходе зависимость рассматривается через категорию болезни, т.е. состояние максимальной степени выраженности, с преимущественным физиологическим акцентом, как биогенетическое состояние [3]. Рассмотрение зависимости в ряду психологических явлений диктует необходимость определить ее как психическое состояние [9].

Зависимость в общепсихологическом подходе представлена как разновидность девиантного поведения, характеризующаяся непреодолимой подчиненностью собственных интересов интересам другой личности или группы, чрезмерной и длительной фиксацией внимания на определенных видах деятельности или предметах,

становящихся сверхценными, снижением или нарушением способности контролировать свою вовлеченность в какую-либо деятельность, а также невозможностью быть самостоятельным и свободным в выборе поведения. Наличие аддиктивного поведения указывает на нарушенную адаптацию к изменившимся условиям микро- и макросреды[8].

Социально-психологический подход рассматривает зависимость с точки зрения субъект-объектных отношений. Увеличивается доля людей, исключенных из социального взаимодействия, вовлеченных в деформированный, девиантный социум (В.Н. Иванов, 1995, И.Н. Гурвич, Н.А. Горячева, О.С. Левина, П.Н. Шихирев, 1988), следствием чего является изменение социальной структуры общества в ее нормах, ценностях, базовых идеалах, критериях оценки поведения [5]. Происходит трансформация социальной установки. Установка является одним из механизмов регуляции поведения человека. Под воздействием образов складываются определенные установки, которые непосредственно влияют на взаимоотношения между людьми. При состоянии зависимости измененная структура социальной установки выступает базой для формирования специфических межличностных отношений [9]. Межличностные отношения рассматриваются как объективно переживаемые, в разной степени осознаваемые взаимосвязи между людьми, в основе которых лежат разнообразные эмоциональные состояния взаимодействующих людей и их психологические особенности [10]. С одной стороны, межличностные отношения определяют психологические особенности, степень интенсивности и «знаковую» направленность целого комплекса аттитюдов, диспозиций, ценностных ориентаций, социальных стереотипов, которые реализуются в условиях прямого контактного и опосредованного взаимодействия людей, а с другой – выступают в качестве стимульной определяюще-отправной платформы, которая и формирует именно этот характер и выраженность социально-психологических феноменов, эффектов межличностного восприятия и личностных диспозиций в конкретной группе и при этом в конкретных условиях совместной деятельности и общения [4]. Особенности межличностных отношений выступают внешними факторами, которые продуцируют возникновение состояния созависимости, психологический смысл которого заключается в деформации системы отношений людей, близких носителю зависимости, ведущим вектором направленности которых становится само состояние зависимости (объект), принимающее в их системе отношений характер субъекта [6, 10]. Система отношений включает в себя также самоотношение личности, рассматриваемое как систему установок, оказывающую влияние на межличностное взаимодействие и поведение человека. Установка представляет собой особое состояние единства внутреннего (потребности субъекта) и внешнего (ситуации удовлетворения потребности) факторов, выступающее предрасположенностью конкретного поведения[10]. Она выступает

модусом связи системы отношений и самоотношения личности. Личность – системообразование, не только имеющее определенный статус в системе социальных отношений и установочное отношение к социальному окружению, но и особым образом относящееся к самому себе и характеризующееся особым образованием – подструктурой самоотношения, включающей в себя эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты (Р. Берне, И.С. Кон, М.Е. Кошева, Н.Н. Обозов, Н.И. Сарджвеладзе). Под самоотношением понимают также самооценку (А.В. Захарова, М.И. Лисина, В.Н. Маркин, М. Розенберга), самоуважение (Х. Каплан, И.С. Кон, Х. Маркус), самопринятие (Д. Марвел, К. Роджерс, Л. Уэллс), эмоционально-ценостное отношение личности (С.Р. Пантилеев, О.А. Тихомарницкая, И.И. Чеснокова) [5]. Одним из важных компонентов структуры личности является субъектная или объектная направленность, представленная установками, потребностями, интересами, создающими мотивационную обусловленность деятельности человека, его поведения в соответствии с конкретными жизненными целями и выступающими наиболее общей базой для взаимодействия человека с внешней средой [1]. Личность, оказывающую влияние на других людей, что выражается в качественном изменении их смысловых образований и поведенческой активности, рассматривают как категорию значимого другого [4]. Существуют критерии значимости: референтность (авторитет) и эмоциональная привлекательность (аттракция), институализированная роль. В субъект-объектной направленности отношений место «значимого другого» занимает «значимое другое» – объект, что является организационным завершением процесса формирования состояния зависимости [9]. Можно сказать о том, что в межличностном взаимодействии при состоянии алкогольной зависимости предметом зависимости становится алкоголь. Влияние особенностей социальных установок на систему отношений при состоянии алкогольной зависимости мы представили в виде концептуальной модели, изображенной на рисунке 1.

Таким образом, состояние алкогольной зависимости выражено в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния, что вызвано употреблением психоактивного вещества, и сопровождается развитием интенсивных эмоций. Значительный ущерб при состоянии алкогольной зависимости наносится системе отношений. Аддиктивная реализация заменяет дружбу, любовь, другие виды активности. Она поглощает время, силы, энергию и эмоции до такой степени, что аддикт оказывается неспособным поддерживать равновесие в жизни, включаясь в другие формы активности, получать удовольствие от общения с людьми, увлекаться, расслабляться, развивать другие стороны личности, проявлять симпатии, сочувствие, эмоциональную поддержку даже наиболее близким людям [7], в то время как отношение к объекту зависимости становится сверхценным, растет уверенность в способности контролировать ситуацию, формируют-

ся определенные социальные установки, в результате чего происходит трансформация системы отношений от субъект-субъектного к субъект-объектному полюсу.

Объектом исследования является система отношений при состоянии зависимости. Предмет исследования – влияние особенностей социальных установок на систему отношений при состоянии алкогольной зависимости. В эмпирическом исследовании был использован следующий методический инструментарий. Тест «Диагностика межличностных отношений» (Тимоти Лири), направленный на выявление типа межличностных отношений и социальных аттитюдов личности, тест-опросник самоотношения личности (С.Р. Пантелеев, В.В. Столин), позволяющий изучить уровни самоотношения личности. Для выявления степени выраженности социально-психологических установок использовался опросник «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потемкиной, а также применялись архивный метод и метод клинической беседы. Для обработки полученных данных были применены такие количественные методы, как анализ средних значений параметров и степени их вариативности в различных выборках, статистическое сравнение показателей по U-критерию Манна-Уитни. Организационной базой исследования стала ОБУЗ «Областная наркологическая больница» г. Курска. Объем выборки составил 34 человека: (n=17) испытуемых с состоянием зависимости (патологическим влечением) и (n=17) испытуемых, не имеющих алкогольной зависимости (здоровых), исследуемых на профосмотрах в данном учреждении. Испытуемые были включены в эмпирическое исследование по следующим критериям: 1) средний возраст испытуемых 25-45 лет, 2) стаж заболевания 5-10 лет, 3) семейное положение испытуемых – не состоящие в браке, разведены.

При исследовании социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере было выявлено, что группе испытуемых с патологическим влечением свойственны «ориентация на альтруизм» (часто в ущерб себе) $7,21 \pm 1,24$ и «ориентация

на труд» $7,5 \pm 1,79$. Наблюдается формирование конформных установок – неуверенности в себе, податливости мнению окружающих, что формирует альтруистический (выражено как экстремальное поведение до патологии) и дружелюбный типы отношений, ориентированные на принятие и социальное одобрение, стремящиеся удовлетворить требования всех. Также данной группе свойственно преобладание авторитарных установок, которым соответствуют агрессивный и подозрительный типы межличностных отношений, характеризующиеся склонностью во всем обвинять окружающих, раздражительностью, трудностью установления интерперсональных контактов из-за неуверенности в себе. Интерпретируя полученные результаты, систему установок при состоянии зависимости можно представить: амбивалентностью, регуляторной разбалансированностью, снижением субъектного содержания. Исследование самоотношения личности показало, что у лиц, страдающих алкогольной зависимостью, наблюдаются неудовлетворенность собой и своими возможностями, сомнение в способности вызывать уважение ($55 \pm 26,07$), низкая самооценка, самообвинение, раздражение, презрение ($47,17 \pm 12,52$), готовность поставить себе в вину свои промахи и неудачи, собственные недостатки ($81,41 \pm 20,85$). Тогда как группе испытуемых, не имеющих алкогольной зависимости, свойственно формирование адаптивных установок и форм поведения в межличностных отношениях, а также преобладание представлений о себе как о самостоятельном, волевом, энергичном, надежном человеке, которому есть за что себя уважать. Данные результаты свидетельствуют о том, что при состоянии алкогольной зависимости система отношений характеризуется амбивалентностью.

Проведенное исследование подтверждает механизм формирования субъект-объектной направленности отношений при состоянии зависимости, характеризующийся снижением значимости собственной личности и переходом ее к полюсу объекта, отсутствием иерархичности мотивационной системы, результатом чего является разнонаправленность и амбивалентность системы отношений.

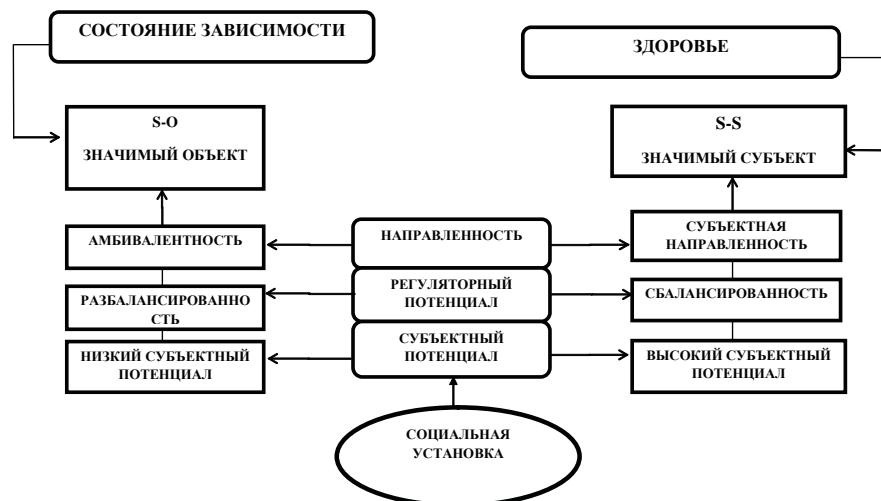

Рис. 1. Влияние особенностей социальных установок на систему отношений при состоянии алкогольной зависимости.

Библиографический список (References)

1. *Bleyher V.M., Kruk I.V.* Glossary of psychiatric terms. Voronezh, 1995. P.640.
 2. *Gogoleva A.V.* Addictive behavior and its prevention. M.: MPSI, Voronezh, 2002. P.240.
 3. *Zapesotsky I.V.* Metapsychological approach in the study of state dependence//Scientific notes of Russian state university. 2012. №2. Pp. 245-249.
 4. *Kondratiev M. Y., Iyin V. A.* Reference-book of social practical psychologist. M., 2007. P.464.
 5. *Kolisko A. M.* The psychology of self. Grodno, 2004. P.102.
 6. *Korolenko C.P.* Addictive behavior. General characteristic and patterns of development// Review of psychiatry and medical psychology. 1991. №1. Pp. 8-15.
 7. *Leonova L.G.* The prevention of addictive behavior in adolescents// Educational-methodical manual / L.G. Leonova, N. L. Bochkareva, Novosibirsk: NMI.1998. P. 68.
 8. *Mendelevich V.D.* Clinical and medical psychology. M., 2008. P. 432.
 9. *Nikishina V.B., Zapesotsky I.V.* State of dependence: metapsychological analysis// monograph. Kursk. 2012. P.249.
 10. *Obozov N.N.* Interpersonal relationship. Л.: LSU., 1979. P. 150.
-
-

А.С. ФЕТИСОВА

ассистент, кафедра педиатрии, Курский государственный медицинский университет
E-mail: kypck046@bk.ru

A.S. FETISOVA

Assistant lecturer, Department of pediatrics, Kursk State Medical University
E-mail: kypck046@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И САМООЦЕНКИ У ДЕТЕЙ С ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДИСПЕПСИЕЙ

CHARACTERISTICS OF FAMILY RELATIONS AND SELF-RATING OF CHILDREN WITH FUNCTIONAL DYSPEPSIA

В статье представлены результаты изучения особенностей семейных отношений и самооценки у детей с функциональной диспепсией. На развитие личности детей влияет множество факторов, в том числе характер семейных отношений и состояние соматического здоровья ребенка. Болезнь оказывает неоднозначное влияние на психо-эмоциональное состояние ребенка. У детей 8-12 лет с функциональной диспепсией наблюдается более высокий уровень тревожности и достоверно чаще встречается адекватная самооценка в сравнении со здоровыми детьми. Полученные результаты обосновывают необходимость проведения психокорректирующей работы с детьми, страдающими функциональной диспепсией, направленной на гармонизацию социально-психологического профиля с учетом выявленных его особенностей.

Ключевые слова: функциональная диспепсия, характер семейных отношений, семейная система, сплоченность, адаптация, самооценка.

The article investigates the family relations and self-esteem of the children suffering from functional dyspepsia. The development of children's personality is influenced by a lot of factors, including the nature of the family relationships and the somatic health status of a child. The disease has an ambiguous effect on the mental state of a child. Children with functional dyspepsia at the age of 8-12 have higher level of anxiety and adequate self-esteem compared with healthy children. The studies suggest the need for psychological correcting work with the children suffering from functional dyspepsia. The measures of psychological correction are aimed at harmonizing of a child's social and psychological profile in accordance with the revealed features.

Keywords: functional dyspepsia, character of the family relations, family system, unity, adaptation, self-assessment.

В последнее десятилетие возрос интерес к проблеме влияния психологических факторов на возникновение заболеваний желудочно-кишечного тракта у детей [3; 4; 8].

В нашем исследовании к семье и к развитию межличностных отношений ребенка мы подошли с позиции теории отношений В.Н. Мясищева. Он отмечал, что основной характеристикой личности является система ее отношений. Ядром этой системы является отношение человека к самому себе как к человеку. Межличностные отношения детерминируются отношениями друг к другу за счет отношения к самому себе как к человеку [6]. Эти положения подчеркивают важность опосредующего звена (отношение к самому себе как к человеку) в межличностных отношениях. Важной интегративной характеристикой отношения к самому себе является самооценка. Особенно важно при исследовании межличностных отношений детей учитывать такую детерминанту, как самооценка еще и в силу того, что она находится на этапе развития.

С. Куперсмит и М. Розенберг указывают, что определяющим условием развития у ребенка позитивной са-

мооценки являются отношения, складывающиеся в его взаимодействии с окружающей микросредой, те особенности жизни в семье, которые ассоциируются для него с ощущением собственной ценности и успешности. Опираясь на результаты исследования С. Куперсмита, Р. Сирс выдвинул и в последующем экспериментально подтвердил гипотезу, согласно которой установки родителей, благодаря которым ребенок чувствует, что его любят, принимают в семье, порождают у него аналогичную самоустановку, приводящую к ощущению ценности и успешности. Адекватная самооценка развивается в семьях, отличающихся сплоченностью и солидарностью [2].

По мнению таких авторов, как Э.Г. Эйдемиллер, Д.Х. Олсон, семейные отношения, характеризующиеся сплоченностью, эмоциональной близостью, доверием, способствуют нормальному развитию личности ребенка; и в противоположность – семейные отношения, характеризующиеся возникновением каких-либо противоречий, конфликтных ситуаций, могут привести к аномальному развитию личности ребенка [5; 10].

С точки зрения развития личности ребенка и осо-

бенно такой интегративной характеристики его Я, как самооценка, важно, какой характер имеет пространство оценок, в которое включен ребенок в семье. Насколько эти оценки гармоничны или противоречивы, насколько адекватны или искажены – все эти параметры, взаимодействуя друг с другом, создают особый характер семейных отношений. Если система оценочных отношений иерархична, непротиворечива, то есть все члены семьи оценивают себя и друг друга адекватно, то такая система семейных оценочных отношений создает условия для развития у ребенка большей уверенности в себе, адекватной самооценки, оптимального уровня тревожности и активности. И, наоборот, если система оценок членов семьи противоречива, отсутствует структура и иерархия в оценках, то складывающаяся система семейных оценочных отношений создает условия для развития тревожных реакций у ребенка, неадекватной самооценки, неадекватного уровня активности (депрессии или агрессии). Это в свою очередь не может не скаться на соматическом состоянии ребенка, в частности состоянии желудочно-кишечного тракта. Согласно современному психонейроиммунологическому подходу связь психики и тела объясняется через механизм нейроиммунной регуляции [7]. На нейрофизиологическом уровне состояние тревоги связано с определенным соотношением нейромедиаторов (catecholamines, серотонина, гистамина, брадикинина и др.), которое является общим для мозга и желудка. В результате чего осуществляется прямое воздействие на чувствительные рецепторы органов и тканей, регулируется деятельность гипофиза и структур ретикулярной формации, формируется долговременное стрессовое состояние [1]. Стressовое состояние является энергетически затратным на всех уровнях организации человека, поэтому если человек долгое время подвержен стрессу, то проходят нарушения в его иммунной системе.

Целью настоящего исследования являлось изучение взаимосвязи характера семейных отношений, особенностей самооценки, уровня тревожности с возникновением функциональной диспепсии у детей 8-12 лет.

Материалы и методы. Исследование проводилось на базе педиатрического отделения ОБУЗ «Городская больница №3» г. Курска и средней общеобразовательной школы с углубленным изучением отдельных предметов №7 им. А.С. Пушкина г. Курска.

В исследовании приняли участие дети в возрасте от 8 до 12 лет: экспериментальная группа (50 человек); контрольная группа (50 человек).

В экспериментальную группу вошли дети, страдающие функциональной диспепсией (ФД), находящиеся на стационарном лечении в педиатрическом отделении ОБУЗ «ГБ №3».

В контрольную группу вошли здоровые дети 8-12 лет, обучающиеся в средней общеобразовательной школе с углубленным изучением отдельных предметов №7 им. А.С. Пушкина г. Курска.

В качестве методик исследования выступили: опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности»

FACES-3 (авторы: Д.Х. Олсон, Дж. Портнер, И. Лави, адаптирован М. Перре); методика «Лесенка» (автор С.Г. Якобсон, модифицирована А.С. Чернышевым, Т.И. Сурьяниновой) для исследования самооценки; шкалы явной тревожности для детей (CMAS); теста школьной тревожности Филлипса.

Методы статистической обработки результатов: критерий U – Манна-Уитни, используемый для оценки выраженности сплоченности и адаптации семейных отношений в группах детей с ФД и здоровых детей; критерий Фишера и Пирсона для сопоставления по частоте встречаемости типов самооценки и типов семейной системы.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ результатов ответов по опроснику «Шкала семейной адаптации и сплоченности» FACES-3. Для сопоставления типов семейной системы по частоте встречаемости в этих группах больных и здоровых мы обратились к критерию ϕ^* – угловое преобразование Фишера.

Таблица 1.

Данные расчета критерия ϕ^* – угловое преобразование Фишера.

	Несбалансированный тип семейной системы	Сбалансированный тип семейной системы
P – level	P = .0563	P = .3246
Экспериментальная группа (дети с ФД)	75%	25%
Контрольная группа (здоровые)	60%	40%

Обнаружены различия в группах больные и здоровые по показателю несбалансированный тип семейной системы на уровне статистической тенденции.

Из таблицы №1 видно, что и в экспериментальной, и в контрольной группах чаще встречается несбалансированный тип семейной системы, чем сбалансированный тип семейной системы. В экспериментальной группе частота встречаемости несбалансированного типа семейной системы выше, чем в контрольной группе. Семьи с несбалансированным типом семейной системы имеют ригидную структуру, не позволяющую быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и возникающим стрессам в жизни семьи. С этой точки зрения семьи с несбалансированным типом семейной системы являются группой риска по возникновению заболеваний, в частности заболеваний ЖКТ.

Сплоченность и адаптация – характеристики сбалансированности семейной системы. Выявлено преобладание больных детей в семьях с низким уровнем семейной сплоченности. Напротив, в семьях характеризующихся сплоченностью, больше здоровых детей. В семьях с низкой сплоченностью возникает угроза распада, нарушения гомеостатического баланса. Психотравмирующие переживания ребенка по поводу возникшей угрозы являются фактором, способствующим трансформации нарушения в нервно-психическое или соматическое.

Обнаружены различия в экспериментальной и кон-

Таблица 2.

Данные расчета описательной статистики и критерия U Манна-Уитни

	p-level	Экспериментальная группа (дети с ФД)		Контрольная группа (здоровые дети)	
		Ме	Размах	Ме	Размах
Семейная сплоченность	0.77	36	27	37	19
Семейная адаптация	0.04	31	20	29.5	13
Удовлетворенность семейной жизнью	0.37	-5	-21	-9.5	-32

трольной группах по показателю семейная адаптация на достоверном уровне статистической значимости по критерию U Манна-Уитни.

Наблюдается значительное преобладание в экспериментальной группе детей из семей с нормальным и высоким уровнем адаптации по сравнению с контрольной группой. Данное положение говорит о том, что болезнь способствует повышению уровня семейной адаптации и перестройке семейных отношений.

У детей экспериментальной группы более выражена адекватная самооценка, чем у детей из контрольной группы (критерий Пирсона ($p \leq 0.01$)).

Таблица 3.

Процентное соотношение адекватной и неадекватной самооценок у детей 8-12 лет в контрольной и экспериментальной группах

	Адекватная самооценка	Неадекватная самооценка
Контрольная группа	17%	83%
Экспериментальная группа	57%	43%

Эти результаты подкрепились данными, связанными с различными особенностями самооценки детей с ФД в зависимости от стажа заболевания. По результатам нашего исследования, дети, у которых стаж заболевания более одного года, имели чаще адекватную самооценку по сравнению с детьми, стаж заболевания которых до одного года.

В нашем исследовании в экспериментальной группе не обнаружено детей с низким уровнем тревожности по методике теста тревожности (Р. Темпл, М. Дорки, В. Амен).

В экспериментальной группе школьная тревож-

ность носит более высокие показатели, чем в контрольной группе.

На основании полученных результатов нами были сформулированы следующие **выводы**.

Семьи с несбалансированным типом семейной системы являются группой риска по возникновению функциональной диспепсии.

В семьях с несбалансированным типом семейной системы, являющимся проблематичным, дети чаще страдают функциональной диспепсией, чем в семьях со сбалансированным типом.

Адекватная самооценка достоверно чаще встречается в группе больных детей в сравнении с группой здоровых детей. Особенно это касается детей со стажем заболевания более одного года.

Для детей 8-12 лет с функциональной диспепсией важным фактором, влияющим на развитие личности ребенка, является болезнь.

Болезнь связана с более высоким уровнем тревожности детей и способствует повышению уровня семейной адаптации, перестройке семейных отношений, развитию адекватной самооценки.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости проведения психокоррекционной работы профилактического характера у здоровых детей из семей с несбалансированным типом семейной системы, так как они находятся в группе риска по возникновению заболеваний желудочно-кишечного тракта; а также психокоррекционной работы с детьми, страдающими функциональной диспепсией, особенно со стажем заболевания до 1 года, так как у этих детей чаще встречается неадекватная самооценка и высокие показатели тревожности.

Библиографический список (References)

1. Rams A.A., Volodin N.N, Samsygina G. A. «ed.» et al. Rational pharmacotherapy of children's diseases: Guidelines for the practicing doctors. M.: Letter, 2007. In 2 books. Book 2.
2. Burns R. Development of the Ego-concept and education. M.: Progress, 1986. 422 p.
3. Gurova M. M. Depressive disorders in children with chronic gastroduodenitis // Bulletin of the Russian army medical college. 2011. № 1 (33). Application. P. 213.
4. Lenkevich I.E., Kopytov A.V., Kazachkova L.P., Dudareva G. V. About influence of some psychological factors on formation of the stomach ulcer in children and teenagers//Military medicine: the scientific and practical licensed journal (The Belarusian state medical university), 2009. № 1. Pp. 48-52.
5. Liders A.G. Full and corrected option of a technique of D.H. Olson of FACES III // Psychological diagnostics: Scientific and methodical and practical journal: Subject release: Diagnostics of the family relations and parent and children's relations / Editions M. K. Akimova, V. G. Kolesnikov. 2005. № 4. Pp. 104-115.
6. Myasishchev V. N. Psychology of the relations: under A.A. Bodalev's edition / Introductory article by A.A. Bodalev. M.: MODEK publishing house, 2003. 400 p. (Psychologists of Russia Series).
7. The psychologist in health care: questions of diagnostics, correction and supervision. Under the general edition of professor N. I. Melchenko, professor G. V. Akopov. Samara, publishing house of SAMSPU, 1999.

19.00.00 – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
19.00.00 – PSYCHOLOGICAL SCIENCES

8. *Fetisova A.S.* The influence of the character of the family relations and individual and personal features of a child on the development of the gastrointestinal diseases in 8-12 year-old children //Scientific notes, 2011. № 4 (20).

9. *Chernyshev A.S., Suryaninova T.I.* Genesis of the group subject activity. Psychological journal – Vol. 11 - No. 2 1990. – Pp. 7-15.

10. *Eydemiller E. G., Dobryakov I. V., Nikolskaya I. M.* Family diagnosis and family psychotherapy. Manual for doctors and psychologists. 2nd-edition, corrected and enriched SPb.: Rech', 2006. 352 p. Pp.29-31.

Е.Н. ЧЕРКАСОВА

аспирант, кафедра внутренних болезней, Орловский государственный университет

Email: 4erkasovva-jine@mail.ru

Т.А. КУЗНЕЦОВА

доктор медицинских наук, профессор, кафедра внутренних болезней, Орловский государственный университет

E-mail: vradi@inbox.ru

E.N. CHERCASOVA

Graduate student, Department of internal diseases, Orel State University

Email: 4erkasovva-jine@mail.ru

T.A. KUZNETSOVA

Doctor of Medicine, Professor, Department of internal diseases, Orel State University

E-mail: vradi@inbox.ru

АНКЕТИРОВАНИЕ ПЕДИАТРОВ: АНАЛИЗ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ, ЛЕЧЕБНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ОТНОСИТЕЛЬНО ОСТРОГО ТОНЗИЛЛИТА У ДЕТЕЙ

QUESTIONING OF THE PEDIATRICIANS: ANALYSIS OF THE DIAGNOSTIC, THERAPEUTIC AND PSYCHOLOGICAL ATTITUDES CONCERNING THE ACUTE TONSILLITIS BY THE CHILDREN

В статье представлены результаты анкетирования 97 педиатров городов Орла, Архангельска, Владивостока, Петропавловска-Камчатского относительно тактики назначения антибиотиков при остром тонзиллите у детей в зависимости от региона практики, стажа и места работы. У 85-100% опрошенных выявлены ошибочные диагностические и перестраховочные установки, определяющие нерациональное использование антибиотиков. В качестве инструмента экспресс-диагностики предложено внедрение в педиатрическую практику Streptatest, что позволит ограничить использование антибиотиков случаями острого тонзиллита, вызванного β -гемолитическим стрептококком группы А.

Ключевые слова: анкетирование педиатров, психологические установки, острый тонзиллит, дети, антибиотики.

The results of questioning (concerning antibiotics prescription tactic by the children suffering from acute tonsillitis) of 97 pediatricians working in the cities of Orel, Arkhangelsk, Vladivostok and Petropavlovsk-Kamchatsky depending on the region of their practice, length of pediatric experience and work place are shown in the article. In 85-100 % of the respondents some false diagnostic and "buck passer" attitudes, which determine unreasonable antibiotics use, are revealed. Streptatest is suggested to be implemented into pediatric practice as an instrument for the express diagnostics, that will allow rationally to use antibiotics only in cases of acute tonsillitis caused by the serogroup A β -hemolytic streptococcus.

Keywords: questioning of the pediatricians, mental sets, acute tonsillitis, children, antibiotics.

Острый тонзиллит (ОТ) является одним из наиболее распространенных инфекционных заболеваний, наблюдается у детей во всех возрастных группах, начиная со 2-го полугодия жизни [1]. По данным американских авторов, треть случаев обращения к педиатру по поводу острых респираторных заболеваний обусловлены ОТ, который занимает лидирующее место в мире по необоснованному назначению противомикробных средств [2]. Проведенный в 2014 году опрос педиатров Московской, Новосибирской и Томской областей по вопросам АБ-терапии ОТ выявил недостаточный уровень знаний относительно этиологии и антибактериального лечения ОТ [9]. Согласно алгоритма лечения острого тонзиллита у детей, предложенного Союзом педиатров России в 2012 году, использование АБ оправдано только при ОТ, вызванном β -гемолитическим стрептококком группы А (БГСА), в связи с возможным развитием серьезных осложнений как инфекционных (паратонзиллярный абсцесс, абсцесс окологлоточного пространства и проч.),

так и иммуноопосредованных (острая ревматическая лихорадка, острый гломерулонефрит и проч.) [3,4,5,6,7].

Целью исследования явилось изучение профессиональных и психологических установок педиатров городов Орла, Архангельска, Владивостока, Петропавловска-Камчатского относительно тактики АБ лечения острого тонзиллита у детей (на основании анкетирования).

Материалы и методы

Для выяснения установок врачей относительно тактики лечения ОТ у детей по оригинальной анкете проводился опрос 97 педиатров из четырех городов Центрального, Северо-Западного и Дальневосточного регионов России. Анкеты содержали вопросы о регионе, месте, стаже работы врачей, их профессиональных и психологических установках относительно тактики назначения АБ при ОТ у детей.

Анкеты отвечали стандартным требованиям к дан-

Таблица 1.

Характеристика респондентов по стажу работы и региону практики

Регион	Орел, n=53 p1		Архангельск, n=16 p2		Владивосток, n=16 p3		Петропавловск-Камчатский, n=12 p4	
	абс	%	абс	%	абс	%	абс.	%
Стаж работы								
До 5 лет	8	15,2	2	12,5	4	25,0	-	-
6-10 лет	6	11,3	6	37,5	8	50,0	3	25,0
11-19 лет	33	62,3	4	25,0	2	12,5	7	58,3
>20 лет	6	11,3	4	25	2	12,5	2	16,7

ному методу исследования: конфиденциальности, наличию вопросов об общеизвестных и общепринятых позициях по диагностике и лечению ОТ у детей. Время, отводимое для заполнения анкет, составляло 10-15 мин.

Статистическая обработка результатов исследования проводилась с использованием компьютерных программ Delphi, Statistica v. 6.0 и Microsoft Excel (США). Достоверность различий сравниваемых величин определяли методом вычисления и сравнения статистических выборок по Хи-квадрат. Статистически значимые различия считались при $P<0,05$.

Характеристика респондентов по стажу и региону практики представлена в таблице 1.

По стажу работы каждая группа педиатров представлена практически одинаково ($P_{1,2,3,4}>0,05$). Каждый пятый респондент (20,6%) работает в стационаре; 79,4% опрошенных – участковые педиатры.

Обсуждение результатов

На первом этапе оценивались психологические установки педиатров, влияющие на тактику лечения ОТ у детей.

Мотивы назначения АБ при ОТ у детей в зависимости от стажа работы респондентов представлены в таблице 2.

Независимо от стажа работы от 85 до 100% респондентов назначают АБ, ошибочно считая бактериальную флору обязательным этиологическим агентом ОТ, и с превентивной целью (перестраховка). К традициям лечебного учреждения при назначении АБ чаще апеллируют врачи со стажем до 5 лет (в силу своей относительной несамостоятельности) и врачи со стажем работы >15 лет (в связи со сложившимися профессиональными стереотипами). Опасение замечаний является поводом к назначению АБ в основном у врачей до 10 лет стажа; с увеличением стажа значительно снижается доля врачей, назначающих антибиотики по этой причине, в связи с большей уверенностью в своих действиях.

Мотивы назначения АБ при ОТ у детей в зависимости от места практики педиатров представлены в таблице 3.

Мотивы назначения АБ, как профессиональные, так и психологические, не зависят от места работы педиатра ($P>0,05$). При этом перестраховочные установки в такой же степени определяют неадекватную тактику АБ терапии, как и неверная оценка превалирующей роли

бактериальной флоры в этиологии ОТ.

Мотивы использования АБ при ОТ у детей в зависимости от региона работы представлены в таблице 4.

Для педиатров всех представленных регионов преобладающими являются ошибочные взгляды на бактериальную флору как обязательный этиологический агент ОТ, а также перестраховочные установки.

Независимо от региона, каждый 2-3 респондент при назначении АБ следует традициям лечебного учреждения, и каждый третий опрошенный использует АБ «на всякий случай», опасаясь замечаний.

На следующем этапе оценивались значимые для респондентов симптомы ОТ как предикторы бактериальной инфекции и повод назначения АБ, то есть оценивались диагностические установки педиатров. При оценке ответов мы ориентировались на алгоритм диагностики и лечения ОТ, предложенный Союзом педиатров России в 2012 г [10].

В таблице 5 представлены симптомы ОТ, являющиеся поводом для назначения АБ (в зависимости от стажа работы педиатра).

Независимо от стажа работы врачи считают следующие симптомы поводом назначения АБ:

- гиперемию зева, налеты на миндалинах и лихорадку более 390С (практически все педиатры);
- сопутствующий ОТ субфебрилитет даже в первые сутки (более половины респондентов);
- сочетание ОТ с конъюнктивитом (каждый второй-третий респондент);
- сочетание ОТ с афтозным стоматитом (от 71% до 100% респондентов).

Однако изменения со стороны зева и лихорадки могут быть проявлением как бактериальной, так и вирусной инфекции, а сопутствующие ОТ конъюнктивит, афтозный стоматит свидетельствуют в пользу вирусной этиологии заболевания.

Тактика применения АБ при ОТ у детей в зависимости от места работы респондентов представлена в таблице 6.

Диагностические установки респондентов не зависят от места работы. Исключение составляет сочетание ОТ с субфебрилитетом: врачи стационара назначают АБ уже в первые сутки достоверно чаще, чем участковые педиатры.

Ответы респондентов в зависимости от региона работы представлены в таблице 7.

Таблица 2.

Мотивы назначения антибиотиков при остром тонзиллите в зависимости от стажа работы педиатров

Стаж работы педиатра	До 5 лет, n=14 p ₁		5-10 лет, n=23 p ₂		11-15 лет, n=29 p ₃		16-20 лет, n=17 p ₄		> 20 лет, n=14 p ₅	
	абс	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Оценка бактериальной флоры как обязательного этиологического агента ОТ	12	85,7	20	86,9	25	86,2	16	94,1	14	100
Для профилактики осложнений (перестраховка)	14	100	22	95,6	26	89,6	15	88,2	14	100
По традициям лечебного учреждения	13	92,8*	8	34,8*	12	41,4*	14	82,4	13	92,8*
Опасение замечаний	13	92,8**	14	60,8**	4	13,8**	2	11,8**	1	7,1**

* Статистически значимые различия (*P1,2=0,001, P1,3=0,001, P2,4=0,001, P2,5=0,001

** P1,3=0,001, P1,4=0,001, P1,5=0,001; P2,3=0,001, P2,4=0,001, P2,5=0,001

Таблица 3.

Мотивы назначения антибиотиков при остром тонзиллите в зависимости от места работы педиатров

Место работы педиатра	Поликлиника, n=77 p1		Стационар, n=20 p2	
	абс	%	абс.	%
Оценка бактериальной флоры как обязательного этиологического агента ОТ	56	72,7	17	85,0
Для профилактики осложнений (перестраховка)	61	79,2	16	80,0
По традициям лечебного учреждения	36	46,8	11	55,0
Опасение замечаний	24	31,2	9	45,0

Таблица 4.

Мотивы назначения антибиотиков при остром тонзиллите в зависимости от региона работы педиатров

Регион	Орел, n=53 p1		Архангельск, n=16 p2		Владивосток, n=16 p3		Петропавловск-Камчатский, n=12 p4	
	абс	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Оценка бактериальной флоры как обязательного этиологического агента ОТ	43	81,1	10	62,5	11	68,8	9	75,0
Для профилактики осложнений (перестраховка)	46	86,8	11	68,8	12	75,0	8	66,7
По традициям лечебного учреждения	20	37,7	8	50,0	11	68,8	8	66,7
Опасение замечаний	16	30,2	7	43,8	5	31,3	5	41,7

Таблица 5.

Симптомы острого тонзиллита, являющиеся поводом назначения антибиотиков (в зависимости от стажа работы педиатра)

Симптомы ОТ	Стаж работы педиатра	До 5 лет, n=14 p1		5-10 лет, n=23 p2		11-15 лет, n=29 p3		16-20 лет, n=17 p4		Свыше 20 лет, n=14 p5	
		абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Гиперемия зева, налеты на миндалинах		14	100,0	22	95,6	28	96,5	17	100,0	13	92,8
В сочетании с другими симптомами:											
T0C 37-380	1-2 сут.	10	71,4	11	47,8	18	62,1	7	41,2	9	64,3
	> 3 суток	11	78,6	19	82,6	22	75,9	14	82,3	11	78,6
38-390	1-2 сут.	13	92,9	20	86,9	23	79,3	15	88,2	11	78,6
	> 3 суток	14	100,0	21	91,3	24	82,8	16	94,1	13	92,9
>390	1-2 сут.	14	100,0	22	95,6	27	93,1	17	100,0	14	100,0
	> 3 суток	14	100,0	22	95,6	27	93,1	17	100,0	14	100,0
Гиперемия конъюнктивы, наличие отделяемого		4	28,6	12	52,2	9	31,0	6	35,3	5	35,7
Афтозный стоматит		13	92,9	23	100,0	27	93,1	16	94,1	10	71,4

Таблица 6.

Симптомы острого тонзиллита, являющиеся поводом назначения антибиотиков (в зависимости от места работы педиатров)

Симптомы ОТ	Место работы	Поликлиника, n=77 p1		Стационар, n=20 p2	
		абс	%	абс	%
Гиперемия зева, налеты на миндалинах		75	97,4	19	95,0
В сочетании с другими симптомами:					
T0C 37-380	1-2 сут.	38	49,4*	17	85,0*
	> 3 суток	62	80,5	15	75,0
38-390	1-2 сут.	63	81,8	19	95,0
	> 3 суток	69	89,6	20	100,0
>390	1-2 сут.	74	96,1	20	100,0
	> 3 суток	74	96,1	20	100,0
Гиперемия конъюнктивы, наличие отделяемого		25	32,5	11	55,0
Афтозный стоматит		71	92,2	18	90,0

* Статистически значимые различия (*P1,2=0,003)

При оценке диагностических установок респондентов на тактику назначения АБ в зависимости от региона практики различия в ответах касались таких сопутствующих ОТ симптомов, как:

– субфебрилитет в первые сутки (орловчане достоверно чаще камчадалов назначают АБ);

– конъюнктивит (для врачей из Архангельска и Дальневосточного региона — значимый повод к использованию АБ по сравнению с орловчанами).

В оценке других симптомов ответы респондентов статистически не различались.

Таблица 7.

Симптомы острого тонзиллита, являющиеся поводом к назначению антибиотиков
 при остром тонзиллите (в зависимости от региона практики врача)

Регион практики педиатра		Орел, n=53 p1		Архангельск, n=16 p2		Владивосток, n=16 p3		Петропавловск-Камчатский, n=12 p4		
Симптомы ОТ		абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	
Гиперемия зева, налеты на миндалинах		52	98,1	16	100,0	15	93,7	11	91,7	
В сочетании с другими симптомами:										
T0C	37-380	1-2 сут.	35	66,0*	10	62,5	7	43,7	3	25,0*
		> 3 суток	40	75,5	13	81,3	12	75,0	12	100,0
	38-390	1-2 сут.	42	79,2	15	93,8	13	81,3	12	100,0
		> 3 суток	47	88,0	15	93,8	14	87,5	12	100,0
	>390	1-2 сут.	52	98,1	16	100,0	14	87,5	12	100,0
		> 3 суток	52	98,1	16	100,0	16	100,0	12	100,0
Гиперемия конъюнктивы, наличие отделяемого		4	7,5**	16	100,0**	9	56,3**	7	58,3**	
Афтозный стоматит		50	94,3	13	81,3	14	87,5	12	100,0	

Статистически значимые различия *P1,4= 0.001;
 ** P1,2= 0.001, P1,3= 0.001, P1,4= 0.001, P2,3= 0.001, P2,4= 0.001

Заключение

Результаты анкетирования врачей четырех городов Центрального, Северо-Западного, Дальневосточного федеральных округов РФ свидетельствуют о недостаточном знании педиатрами алгоритма диагностики и лечения ОТ, предложенного Союзом педиатров России в 2012 году, что совпадает с результатами межрегионального исследования И.А. Дронова с соавт., 2014 г [9]. Независимо от региона, места и стажа работы респондента практически все педиатры считают бактериальную флору обязательным этиологическим агентом ОТ. При этом ошибочной тактики назначения АБ при таких проявлениях ОТ, как гиперемия, налеты на миндалинах

в сочетании с афтозным стоматитом и фебрильной температурой уже в первые сутки придерживается 90-100% опрошенных. По нашему мнению, внедрению алгоритма препятствуют как существующие традиции лечебного учреждения, перестраховочные установки, так и отсутствие у врача инструмента диагностики, позволяющего в амбулаторных условиях у постели больного выявить БГСА-инфекцию (*point of care testing* — анализ по месту лечения). Таким инструментом должен стать высокоспецифичный и высокочувствительный Streptatest, позволяющий выделять ОТ БГСА-этиологии и ограничить использование АБ этой группой пациентов.

Библиографический список (References)

1. Tatochenko V. K., Katosova L.K. Antibiotics in case of bacterial ORZ at children. *Antibiotics and chemotherapy*. 1999. 9. Pp. 13-18.
2. Vranjes Z., Katic V., Vinter-Repalust N., Jurkovic L., Tiljak H., Cerovecki-Nekic V., Simunovic R., Petric D., Katic M. Acute infections of the upper respiratory tract - factors that contribute to diagnosis and antibiotic prescription decisions. *Acta Med. Croatica*. 2007. № 61 (1). C. 83-90.
3. Tatochenko V. K., Bakradze M. D., Darmanyan A.S. Sharp tonsillitis at children's age: diagnostics and treatment, Moscow. Farmateka. No. 14. 2009. Pp. 29-35.
4. Garashchenko T.I. Macroleads in therapy of sharp tonsillitis and its complications at children. *Russian medical log*. 2001. V. 9. No. 19. 812-816.
5. Samsygin G.A. Ostry tonsillofaringit at children. *Pediatrics*. 2008. Vol. 87, No. 3. Pp. 91-95.
6. Moretti G., Pasquini M., Mandarelli G., Tarsitani L., Biondi M. What every psychiatrist should know about PANDAS: a review. *Clin Pract Epidemiol Mental Health* 4 (1): 13. doi:10.1186/1745-0179-4-13. PMC 2413218. PMID 18495013, 2008.
7. De Oliveira S.K., Pelajo C.F. Pediatric Autoimmune Neuropsychiatric Disorders Associated with Streptococcal Infection (PANDAS): a Controversial Diagnosis. *Curr Infect Dis Rep* 12 (2): 103-9. doi:10.1007/s11908-010-0082-7. PMID 21308506, March, 2010.
8. Ochoa Sangrador C., Vilela Fernandez M., Cueto Baelo M., Eiros Bouza J. M., Inglada Galiana L. Appropriateness of treatment of acute pharyngotonsillitis according to the scientific evidence/Ann. Pediatr. (Barc.). 2003. №59 (1). C. 31-40.
9. Dronov I.A., Geppa N. A., Malakhov A.B., Kondyrina E.G., Tatarenko Yu.A., Tyuteva E.Yu., Mikhalev E.V. Knowledge of pediatricians concerning antibacterial therapy: first results of interregional research. *Pediatric gastroenterology*. 2014. No. 11. Pp. 14-18
10. "Clinical recommendations about diagnostics and treatment of acute respiratory diseases; to treatment of pneumonia at children". Under the editorship of A.A. Baranov, Moscow, 2012.

О.Ф. ЧЕРНИЧЕНКО

кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой технологий психолого-педагогического и специального образования, Орловский государственный университет

E-mail: cherof1355@mail.ru

O.F. CHERNICHENKO

Candidate of psychological sciences, Associate Professor, Head of department of technology of psycho-pedagogical and special education, Orel State University
E-mail: cherof1355@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА К ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

MODERN PROBLEMS OF COMPETENCE-BASED APPROACH TO THE TRAINING OF SPECIALISTS IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

В статье рассматриваются основные направления работы лаборатории технологий подготовки специалиста в системе образования, дан анализ проблем компетентностного подхода к подготовке специалистов в системе высшего профессионального образования, показаны результаты научной деятельности лаборатории по разработке и апробированию моделей образовательного процесса в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: лаборатория технологий подготовки специалиста в системе образования, компетенция, компетентность, компетентностный подход, модели образовательного процесса, профессиональная деятельность, научно-исследовательская деятельность.

The article considers the main directions of the activities of the laboratory of technology of specialist training in the education system; the author analyzes the problems of competence approach to training in the higher education system, shows the results of the scientific activity of the laboratory for developing and testing models of the educational process in higher education.

Keywords: the laboratory of technology of specialist training in the education system, competence, competence approach, the model of the educational process, professional activity, research and development activities.

В настоящее время образование должно перейти от “знаниевого” обучения к обучению деятельности, то есть образование будет давать выпускнику не только сумму знаний, но и нечто более важное – компетенции, которые обеспечат его готовность к работе в изменяющихся экономических условиях.

Система российского образования подвергается глубокому реформированию, целью которого является подготовка специалистов, компетентных в определенной области профессиональной деятельности. При этом предполагается, что выпускник, получивший образование определенной ступени (выпускник школы, ссуза, вуза: специалист, бакалавр или магистр), должен быть практически полностью готов к реализации этой профессиональной деятельности на более или менее высоком уровне.

«Компетентный» в своем деле человек (от лат. *Competent* – соответствующий, способный) – 1. человек, имеющий право по своим знаниям и полномочиям делать и решать что-либо, судить о чем-либо; 2. человек знающий, авторитетный в какой-нибудь области; 3. обладающий компетенцией.

Понятие «компетентность» включает в себя сложное, емкое содержание, интегрирующее профессиональные, социально-педагогические, социально-психологические,

правовые и пр. характеристики. Компетентность – это способ существования знаний, умений, образованности, способствующей личностной самореализации, нахождению обучающимся своего места в мире, вследствие чего образование представляет как высокомотивированное и в подлинном смысле личностно-ориентированное, обеспечивающее востребованность личностного потенциала, признание личности окружающими и осознание ею самой собственной значимости.

Под компетентностью мы понимаем способность применения своих личных возможностей в процессе профессиональной деятельности, готовность к исполнению своей профессиональной роли. При этом следует особо подчеркнуть, что речь идет о деятельности в реальных постоянно изменяющихся условиях жизни. В связи с этим следует выделить несколько аспектов подготовки компетентных специалистов. На наш взгляд, чрезвычайно значимы качество образования, его доступность и эффективность, так как в условиях информатизации и глобализации общества большую роль играет профессиональный уровень будущих специалистов.

Проблемами подготовки специалистов в системе образования на факультете педагогики и психологии занимается одноименная лаборатория – лаборатория технологий подготовки специалиста в системе образо-

вания, созданная в 1999 году (научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой технологий психолого-педагогического и специального образования) как научная база кафедры психолого-педагогической технологии. Научно-педагогическую деятельность осуществляют педагоги высшего уровня квалификации, обладающие опытом педагогической и научной работы, большинство из которых прошли долговременные стажировки.

На протяжении ряда лет научно-исследовательская работа лаборатории велась по проблеме «Компетентностный подход к моделированию образовательного процесса в высшем учебном заведении».

Основной задачей являлась разработка и апробирование моделей образовательного процесса в высшем учебном заведении.

Содержание моделей составили: компетентность как результат обученности, в котором выделяются такие оценочные параметры, как усвоение (знаний, навыков, умений) и применение (имеющее отношение к выполнению деятельности); компетенции, включающие знание и понимание (теоретическое знание академической области, способность знать и понимать), знание как действовать (практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям), знание как быть (ценности как неотъемлемая часть способа восприятия и жизни с другими в социальном контексте); модернизация содержания образования, которая объединяет интеллектуальную и навыковую составляющие результата образования, а также интегрирует умения и знания, относящиеся к широким сферам деятельности культуры.

В ходе исследования было определено, что построение образовательного процесса на основе компетентностного подхода включает:

- постановку образовательных целей в контексте развития у студента способности самостоятельно решать проблемы в сфере профессиональной деятельности;
- отбор содержания профессиональной подготовки в образовательном процессе, который опирается на целостное представление о совокупности учебно-профессиональных задач;
- организацию образовательного процесса, которая направлена на создание условий для формирования у студентов опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем профессиональной деятельности;
- оценку достигнутых результатов, которая предполагает альтернативу проверке нормированных содержательных единиц – оценку компетентности студента.

Данная модель организации образовательного процесса позволяет иллюстрировать динамику показателей системы обучения студентов, интерпретировать статистические данные, прогнозировать результаты принимаемых решений.

На наш взгляд, одним из важнейших условий моделирования образовательного процесса, его опти-

мизации является создание отношений управляемого воздействия между обучаемой и обучающей сторонами.

Коллективом лаборатории собраны скрининговые данные по методикам диагностики профессиональной компетентности студентов, уточнены ключевые компетенции студентов вуза, разработана и частично апробирована модель формирования коммуникативной компетентности у студентов ссуза.

Лаборатория занимается поиском и внедрением новейших информационных технологий, связанных с концепцией компетентностного подхода к построению образовательного процесса. Лаборатория является экспериментальной площадкой по внедрению прогрессивных инновационных интерактивных методов обучения, воспитания, образования.

За время существования лаборатории накоплен уникальный опыт применения новых методик образования.

В ходе исследования были уточнены группы педагогических условий формирования этноэстетической культуры студентов в образовательном процессе университета, кроме того, изучены средства оценки компетенций студентов. В своих исследованиях члены лаборатории рассматривали также психолого-педагогические условия формирования компетенций бакалавров, обучающихся по направлению «Специальное (дефектологическое) образование», которые представлены в выступлениях преподавателей и студентов на научно-методическом семинаре «Современные образовательные технологии», в рамках межрегионального круглого стола «Будущее в наших руках».

Представляет интерес анализ разнообразных форм работы со студентами, позволяющие им не репродуктивно усваивать теоретический материал, а искать, переосмысливать и представлять свою индивидуальную трактовку вопросов (традиционные и нетрадиционные формы и методы работы, активные методы: деловая игра, дискуссия, семинар-брифинг).

Возможности реализации интегративных моделей образования студентов-инвалидов в коррекционно-педагогической деятельности изучаются в условиях как специальных (коррекционных), так и общеобразовательных учреждений. При этом студенческая группа выступает коллективным субъектом и влияет на каждую личность инвалида, способствуя повышению его социальной активности.

Проводилась работа по изучению ключевых компетенций студентов вуза. При этом разрабатывались и апробировались модели формирования основ коммуникативной компетентности студентов ссуза и вуза. Эти модели апробировались в рамках квалификационной работы, где представлен проект по формированию культуры межличностных взаимоотношений в студенческой группе. В процессе реализации данного проекта решались задачи по формированию у студентов коммуникативных, перцептивных и интерактивных умений. Ведущими формами работы были социально-психологический тренинг, кураторский час, совместная деятельность.

Лаборатория ведет поиск и разработку эффективных моделей подготовки педагогических кадров, разработку программ образования детей и подростков.

Подготовка компетентных специалистов в системе высшего профессионального образования тесно связана с процессом формирования у них умений и навыков работы с детьми дошкольного и школьного возраста с нормальным и отклоняющимся развитием.

Проведенный анализ коррекционно-развивающей работы студентов с детьми свидетельствует о формировании у них умений решать сложные коммуникативные задачи, выявлять особенности социализации и адаптации детей с проблемами в развитии, что стало основой для становления у будущих специалистов профессиональной компетентности.

Таким образом, разработанные модели показывают, что при построении образовательного процесса на основе компетентностного подхода возможно развивать у студентов способности самостоятельно решать проблемы в сфере профессиональной деятельности, формировать у них опыт самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем профессиональной деятельности. Кроме того, отбор содержания профессиональной подготовки в образовательном процессе должен опираться на целостное представление о совокупности учебно-профессиональных задач; при этом оценка достигнутых результатов предполагает альтернативу проверке нормированных содержательных единиц – оценку компетентности студента.

П.А. КОВАЛЕВ

доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

Свобода ограничения: Антология современных текстов, основанных на жестких формальных ограничениях. Сост. Т. Бонч-Осмоловская, В. Кислов; вступ. ст. Т. Бонч-Осмоловской. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 216 с.

Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло –
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!

П.Ж. Беранже «Безумцы»

Аристотелевское определение катарсиса как формы эстетического взаимодействия искусства и человеческой души обозначает собой магистральный вектор художественной эволюции Нового времени. Представление о целостности и композиционной законченности произведения, коими и обуславливается очищение и облагораживание «жизни сердца», достигается с помощью гипотезы об обязательном градационном движении от завязки к развязке через обязательную кульминацию. Без такого упорядочивания и подчас ретуширования подлинной картины мира, по мнению теоретиков искусства и большинства мастеров слова, невозможно понять – «куда ведет нас рок событий».

Но предуказанныя гармония образов обычно сложно коррелирует с человеческой историей, иначе мир уже был бы окончательно исправлен искусством. Так мыслили футуристы, провозгласившие приоритет новых «динамических ощущений», существующих разрушить привычную связь слова и смысла и создать новые художественные формы, соответствующие меняющемуся миру. Бытие в их интерпретации стремительно теряло свою онтологичность, речь освобождалась от нормативности, четкие классические образы теряли точные контуры. Всем управляла стихия языка, ретранслируемая поэтом в виде утилитарно понимаемых механизмов – вне традиций, вне канонов и авторитетов. «Производя взрывы в верхних, ближайших по времени слоях культуры, авангард, обнажает глубинные пласти, возвращая искусство к истокам, к первоначалам, к простейшим, предельно обобщенным схемам, к первоосновам бытия. Искусству предоставляется иллюзорная возможность «начать все с начала»».¹

Футуристы слушали, но не слышали шумы языковых флюктуаций, так как набиравший силу научный прогресс внушал им обманчивую надежду на овладение законами материи и сознания, на подверстывание их под нужды революционного переустройства мира. Но одновременно с ними слушать вселенную выходили

1 Иванюшина И.Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика: дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 2003. С. 55.

имажинисты, утверждавшие для преодоления линейного характера языка принцип «звук минус образ». В этой системе координат, по точному определению В.Г. Кулакова, «выражается общая метафизическая интуиция о том, что не мы владеем языком, а язык владеет нами».²

Именно такую художественную установку на постижение «внутренней формы» языка, на своеобразный диалог с его структурными и узуальными механизмами, когда всеобщее выражается в частном и индивидуальном, когда композицию определяет хаосм речи, читатель может найти в уникальной антологии «Свобода ограничения», изданной в прошлом году «Новым литературным обозрением» и свидетельствующей о том, что экспериментальная русская поэзия вышла за пределы случайных находок и обрела свой голос если не в эпических, то в представительных лирических формах. Предшествовала книге долгая дискуссия и утомительная полемика с консерваторами и чиновниками от литературы³ – культура восприятия текстов, основанных на жестких формальных ограничениях, у нас приживается с трудом...

Само понимание ограничений в искусстве для русского сознания привычно, но уровень их локализации, предложенный составителями антологии – Т. Бонч-Осмоловской и В. Кисловым, – вызывающе прямолинеен. Абецедарии, анаграммы, анахронии, липограммы, липогрифы, омограммы, палиндромы, тавтограммы и пр. – все эти дивнозвучащие для русского уха названия жанров-приемов олицетворяют собой формы эстетического выдвижения на уровне художественной установки, осложняющие наше восприятие поэзии вер-

2 Кулаков В.Г. Поэзия бронзового века: принципы художественной типологии // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Исследования и материалы. Иваново: Ивановский государственный университет. 1998. С. 188.

3 См.: Шайтанов И. Цикл статей о состоянии современной поэзии // Арион. 1998. № 1–4; Штыпель А. Размышления практикующего стихотворца // Арион. 1997. № 4; Вопросы литературы. 1994. № 41; 2001. № 3; 2002. Вып. 1–2.; Новое литературное обозрение. № 50–52, 62; Знамя. 2001. № 1; 2002. № 10 и т. д.

тикальным контекстом, символическим фонетизмом, возникающим из первости хии обыденной речи и внимательного, заинтересованного прочтения классики.

Декабрь. Достать денатурата,
Доехать до друзей двоих,
До дна дерябнуть дрянноватой
Да дёрнуть дальше день доить.

.....

Достичь дремот, деревенея,
Движений духа дорогих
Да достовернее (дурнее?)
Дерзать дописывать других.

И. Чудасов

Легко узнаваемый пастернаковский стиль слагания «стихов навзрыд», заложенный еще неслучайными тавтограмматическими сопряжениями «чернил» и «черной весны» через «клик колес», оставляет в палиндроме нашего современника привкус денатурата и дымка сграющих душ деревьев. Сталкивая разные стилевые и образные пласти, как бы уравнивая в правах и людей, и эпохи, поэты выводят на первый план извечные темы смысла жизни, соотношения быта и творчества, скрытые до того в алфавитном символариуме, прочитываемом каждым из них по-своему.

Я Ящерка Ютящейся Эпохи,
Щемящий Шелест Чувственных Цикад,
Хлопушка Фокусов Убогих,
Тревожный Свист, Рывок Поверх Оград.
Наитие, Минута Ликованья,
Келейника Исповедальня.
Земная Жизнь Еще Дарит, Горя,
Высокое Блаженство Алтаря.

Д. Авалиани

Альфа и омега смыслов, за которыми угадывается божественный глагол, дарованный поэтам свыше, никаким образом не отменяют права на собственное вы-

сказывание. Скорее наоборот: отсекая, подобно резцу Микеланджело, словесные пласти, автор абецедария возвращает нас к праславянской формуле познания: «Аз Буки Веди Глаголь Добро».⁴

Еще тоньше словесная вязь палиндромов, высевающая синтетический модуль выражения грамматических значений русской речи:

Окно тонко
ледок одел.
Покой, окоп.
Ген снег
летел.

М. Медведев

При небольшом усилии читатель может представить себе, как реверсивное перераспределение слово-разделов начинает работать в обычной строке:

На мне дом, узы – нам не до музы.
Д. Авалиани

И уже полностью овладев законами поэтической игры, погрузиться в волны комбинаторики, выбрасывающей на читательский берег очищенные до блеска (от примесей звуков или определенных слов) оПАловые гРОЗдья тЕКстов.

ВЕЗДЕ «Е»
...В бездне дней, недель,
В череде смертей,
Тех, чей смех – светел...
Где теперь все?
Тех, с кем вместе пел...
Тех теперь нет.
Где блестел снег –
Пепел...

Б. Гринберг

4 Прочитываемый как единый текст этот первоначальный абецедарий свидетельствует о существовании давней и высокой традиции поэзии формальных ограничений в русской культуре.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, Орловский государственный университет;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Орловский государственный университет;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела, Орловский государственный университет;

ХОВАНСКАЯ Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, старший научный сотрудник, Орловский государственный университет;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Орловский государственный университет;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор Гранадского университета (Испания);

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления, Орловский государственный университет;

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Загребский университет (Хорватия);

ГАЙДАР В.А. – кандидат сельскохозяйственных наук, зав. отделом селекции и репродукции карпатских пчел, Институт им. П.И. Прокоповича (Украина);

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории, Орловский государственный университет;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, Белгородский государственный университет;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра сравнительно-правовых исследований и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ;

ЛАМАН Н.А. – академик НАН Беларуси, доктор биологических наук, профессор, зав. лабораторией роста и развития растений, Институт экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича (Белоруссия);

ЛЬВОВА С.И. – доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией обучения русскому (родному) языку, Институт содержания и методов обучения Российской академии образования;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор университета Казимира Великого,

Институт неофиологии и прикладной лингвистики (Польша);

НИКИФОРОВ В.А. – доктор юридических наук, зав. кафедрой международного и международного частного права, Орловский государственный университет;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, зав. кафедрой химии, Орловский государственный университет;

ПАСТЕРНАК Е.Л. – доктор филологических наук, доцент кафедры французского языкознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии, Орловский государственный университет;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики и математического моделирования, Орловский государственный университет;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии, Институт арменоведческих исследований, Ереванский государственный университет (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор, Реймский университет, провинция Шампань-Арденн, член научно-исследовательской группы «Наука, текст, информатика, история» (Франция);

САВИНА Е.А. – доктор философии, университет Джеймса Мэдисона (США);

САМБЕТБАЕВ А.А. – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, директор, Институт ветеринарии и животноводства (Казахстан);

СИСКОС Е. – доктор экономических наук, профессор, проректор по международным связям и магистерским программам, Технологический Институт (Греция);

СОФИАДИС Н. – профессор физиологии, Фракийский университет им. Демокрита (Греция);

СУЯРКУЛОВ Ш.Р. – кандидат сельскохозяйственных наук, председатель, Ферганский областной союз пчеловодов (Узбекистан);

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор, Реймский университет, провинция Шампань-Арденн (Франция);

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики, Орловский государственный университет;

ЧЕКОВА-ДЕМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Софийский университет «Свято Клиmenta Охридского» (Болгария);

ЧЕЛЬШЕВА И.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков, зав. сектором романских языков, Институт языкоznания РАН;

ШИ ХУНШЕН – профессор Аньхойского университета, директор Центра по изучению России, главный редактор научного журнала «Изучение России» (Китай);

ЯМАГУЧИ Р. – доктор филологических наук, Институт иностранных языков г. Кобэ (Япония).

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, Орловский государственный университет;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Орловский государственный университет;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела, Орловский государственный университет;

ХОВАНСКАЯ Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, старший научный сотрудник, Орловский государственный университет;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Орловский государственный университет;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор, Гранадский университет (Испания);

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Загребский университет (Хорватия);

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания, Орловский государственный университет;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии, Орловский государственный университет;

КОВАЛЕВ П.А. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор, Орловский государственный университет;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор, Университет Казимира Великого, Институт Неофиологии и прикладной лингвистики (Польша);

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России, Орловский государственный университет;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии, Институт арменоведческих исследований Ереванского государственного университета (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор, Реймский университет, провинция Шампань-Арденн, член научно-исследовательской группы «Наука, текст, информатика, история» (Франция);

РЕТИНСКАЯ Т.И. – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Орловский государственный университет;

САВИНА Е.А. – доктор философии, Университет Джеймса Мэдисона (США);

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, руководитель НИИ провинциальной культуры, Орловский государственный университет;

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор, Реймский университет, провинция Шампань-Арденн (Франция);

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета, Орловский государственный университет;

ЧЕКОВА-ДЕМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Софийский университет «Свято Клиmenta Охридского» (Болгария);

ШИ ХУНШЕН – профессор Аньхойского университета, директор, Центр по изучению России, главный редактор научного журнала «Изучение России» (Китай);

ЯМАГУЧИ Р. – доктор филологических наук, Институт иностранных языков г. Кобэ (Япония).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц набирается в текстовом редакторе MS-Word 97–2003 *.doc (версия MS-Word 2007*.docx, *.docm не принимается!!!) либо RTF и называется по фамилии автора, предоставляется в редакцию в электронном виде, идентичном печатной версии, одним файлом и на бумаге формата А4. Размер шрифта 14 pt, через один интервал **без переносов**. **Пробелы и табуляция в начале абзаца недопустимы!** Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм.

К статье обязательно прилагаются: универсальная десятичная классификация (УДК), инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6 слов), библиографический список (References), не более 10 источников. В статье-обзоре – не более 30 источников.

Вся информация предоставляется **на русском и английском языках**. Сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон **(без сокращений)** помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). **Важно! Авторское право оформляется перечислением фамилий всех авторов через запятую.**

Формулы и специальные символы (например, греческие буквы) в статье набираются текстом (пункт меню «Вставка – Символ – Symbol»), кеглем 10 pt. Для сложных формул используется редактор формул Math-type 5.0 и ниже. Длина формулы вместе с номером не должна превышать 8 см. **Таблицы** в тексте набираются стандартными средствами MS-Word (пункт меню «Таблица – Добавить таблицу»). Таблица должна иметь заголовок и ссылку в тексте статьи. Ширина таблицы – 82 или 170 мм, шрифт в таблице – 9 pt.

Иллюстрации. Каждый рисунок должен быть представлен отдельным файлом (форматы: *.tif, *.jpg, *.pdf, *.eps, *.ai). **В MS-Word не вставлять!** **Рисунки и графики** должны иметь чёткое изображение и быть выдержаны в чёрно-белой гамме. Графики, содержащие серые заливки, должны быть заменены на штриховку или на черную/белую заливку. Графики, схемы и диаграммы следует выполнять в формате MS-Excel (*.doc) и MS-Word (*.xls). Также для изготовления графиков, схем и диаграмм подходит векторный графический редактор: Adobe Illustrator (*.ai). Надписи на рисунках выполняются шрифтом Times New Roman 8 pt. Толщина линий на рисунках должна быть не менее 0,5 pt. Ширина графика, схем или диаграмм – 82 или 170 мм.

Рисунки-фотографии, полученные с цифровой камеры, и другие растровые изображения, на которых отсутствует какой-либо текст, представляются в виде файлов формата *.tif или *.jpg без сжатия (разрешение не менее 300 dpi). Подписи к рисункам размещаются в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь названия.

Иллюстрации, выполненные в графическом редакторе Paint, не принимаются, т. к. данный редактор не обеспечивает необходимого качества после сохранения файла.

Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки (графики, диаграммы)!

При несоблюдении указанных требований к иллюстрациям редакция оставляет за собой право рисунок удалить или отклонить статью.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках. Библиографические списки должны быть переведены на английский язык.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после её названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка даётся на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In»:) и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и её выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после её названия) приводятся название журнала, через точку – год издания, затем после точки – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после заглавной буквы «С» с точкой помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц и ставится точка.

В конце статьи обязательно должна быть надпись «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несёт автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статья, содержащая некачественный перевод, и/или перевод, сделанный через электронный переводчик, будет отклонена.

Редакция не осуществляет перевод.

Статьи лиц, не имеющих учёной степени, заверяются их научными руководителями и печатью организации.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, отклоняются без рассмотрения.

Ученые записки Орловского государственного университета.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2015. – №2(65). – 379 с.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.

Ответственный составитель: Кирсанов М.А.

Компьютерная верстка: Корявкина О.С.

Дизайн обложки: Никифоров А.В.

Корректура: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 16.04.2015 г. Формат 60x80 1/8

Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times

Объём 47,37 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 19

Отпечатано с готового оригинал-макета

на полиграфической базе редакционно-издательского отдела

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»

302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95

Тел./факс (4862) 74-09-30